ЕВРОПА-2011: ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ

Материалы международной научной конференции студентов

13–15 мая 2011 г.
Вильнюс

ВИЛЬНЮС
2012

ЕЎРОПА-2011: ГЛАБАЛЬНАЕ І ЛАКАЛЬНАЕ

Матэрыялы міжнароднай
навуковай канферэнцыі студэнтаў

13–15 мая 2011 г.
Вільнюс

ВІЛЬНЮС
2012

EUROPE-2011: THE GLOBAL AND THE LOCAL

Proceedings of the International
Student Scientific Conference

May 13–15, 2011
Vilnius

VILNIUS
2012

УДК 32+34+7+008](4)+940
ББК 66+67+85+71+63.3(4)
Е24

Рекомендовано к изданию
Научным советом Европейского гуманитарного университета
(протокол № 53-23 от 20 марта 2012 г.)

EUROPEAN HUMANITIES UNIVERSITY
EHUTF TRUST FUND

Издание осуществлено при поддержке Трастового фонда
Европейского гуманитарного университета

Е24 Европа-2011: глобальное и локальное: сб. науч. тр. / редкол.: Г.Я. Миненков (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс: ЕГУ, 2012. – 484 с.

ISBN 978-9955-773-57-3.

В сборник включены материалы международной научной конференции студентов «Европа-2011: глобальное и локальное», состоявшейся в Европейском гуманитарном университете в мае 2011 г.

Для преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных специальностей.

The book contains the proceedings of the international student scientific conference «Europe 2011: the global and the local» that took place at the European Humanities University in May, 2011.

The collection is intended for teachers, PhD students and students of Humanities.

УДК 32+34+7+008](4)+940
ББК 66+67+85+71+63.3(4)

ISBN 978-9955-773-57-3

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Creative Practices in Urban Space

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляемый читателям сборник научных исследований содержит лучшие материалы очередной, уже пятой студенческой научной конференции, организованной Европейским гуманитарным университетом в Вильнюсе. Важно также отметить, что материалы конференции выходят в юбилейный для университета год – в 2012 г. нашему университету исполняется 20 лет. Конечно, по историческим масштабам срок небольшой. Многие европейские университеты имеют уже многовековую историю. Очевидно, у нас еще все впереди. Тем не менее за эти 20 лет ЕГУ удалось стать одним из наиболее перспективных университетов в постсоветском регионе, сформировать площадку для реализации современных образовательных проектов, выводящих белорусское высшее образование в те измерения, которые отвечают международным стандартам. Стоит подчеркнуть, что эта деятельность происходит в ситуации драматических социально-политических процессов в Беларуси, в результате которых деятельность университета была остановлена в родной стране, и мы были вынуждены возобновить ее за рубежом – в дружественной Литве, в Вильнюсе. Можно много говорить о тех трудностях, с которыми мы сталкивались и продолжаем сталкиваться, организуя деятельность университета. Однако хотелось бы акцентировать внимание на позитивных результатах наших усилий. И один из них – развитие университета как пространства, в котором новые поколения имеют возможность входить в поле новейшего социального и гуманитарного знания, все более радикально меняющего свои задачи, облик, язык, концептуальные подходы. Понять же современный мир, мир социальной неопределенности, мы можем, только разрабатывая отвечающее ему знание. Задача воистину грандиозная. С уверенностью могу сказать, что представляемая в сборнике конференция – один из шагов, пусть и небольшой, в ее решении.

Тематически конференция сосредоточена на проблематике соотношения глобального и локального в современном мире. Вряд ли стоит подробно говорить об актуальности такого подхода. Современные социальные процессы все более четко показывают, что основной задачей является поиск локальных ответов на глобальные вызовы. Действительно, мир продолжает глобализироваться, несмотря на всю проблем-

ность данного процесса. Культуры, опыт, традиции встречаются и переплетаются практически в любой точке земного шара. Но это не значит, что мы становимся похожими друг на друга, так сказать, клонами одной модели. Напротив, локальные особенности актуализируются во всем их многообразии и множестве типологических проявлений. Локальность вынуждена отвечать по-своему на новейшие запросы и потребности, но отвечать так, чтобы это было понятно другим локальностям. И только на этом пути оказывается возможной перспектива выживаемости и дальнейшего продвижения в приемлемое будущее каждого из нас.

Я не буду детально анализировать, как решаются данные задачи авторами представленных в сборнике материалов. Читатель увидит это сам. Практически по каждому направлению социального и гуманитарного знания, обсуждавшемуся на конференции, представлены оригинальные разработки и идеи. В качестве примера можно взять материалы впервые организованной на конференции секции «Креативные практики в городском пространстве». Авторы докладов, казалось бы, рассматривают совершенно локальные вопросы: будь то создание специальных пространств для реализации актуальных художественных практик в конкретных городах, переформатирование городских районов, развитие культурного предпринимательства и т.д. Но в итоге мы обнаруживаем, что авторы говорят именно о глобальных вопросах и о практическом их решении на локальном уровне, отвечающем потребностям жителей, и особенно молодого поколения. То же можно сказать о материалах, посвященных развитию медийного пространства. Опять же анализируются очень конкретные проблемы. Но язык их анализа ведет нас в глобальные контексты, содействует пониманию того, что происходит в складывающемся на наших глазах сетевом обществе. С другой стороны, мы читаем, казалось бы, довольно отвлеченные от конкретных вопросов материалы секции «Свобода, контроль и солидарность в эпоху глобализации». Но если мы попробуем сопоставить эти философские рассуждения с упомянутой выше конкретикой, мы тут же обнаружим, насколько они отвечают друг другу. Читая материалы других разделов, будь то право, история повседневности, искусство, мы все время будем замечать эту тенденцию: встреча новейших языков социального и гуманитарного знания и очень конкретных проблем нынешней сложнейшей социальной жизни в самых различных ее измерениях. Полагаю, что это ключевая особенность представленных в сборнике материалов.

Редакционная коллегия стремилась сохранить оригинальность мышления и языка каждого автора, хотя иногда это и шло в ущерб качеству материалов. Но нам хотелось показать именно процесс развития мышления нового поколения исследователей. Они только начинают, они только формируют новые традиции. И в этом они требуют поддержки. Проведение студенческих конференций и издание их материалов – одна из форм такой поддержки. Не все авторы данного сборника станут профессиональными учеными. Но все они будут решать конкретные практические задачи – локальные задачи в глобальном мире. Пожелаем им успехов в этом. Участвуя в мероприятиях, подобных нашей конференции, они как раз и учатся жить и действовать в мире социальной неопределенности и полной социальной непредсказуемости. Это предельно сложно, но и предельно интересно…

Григорий Миненков,
профессор

PREFACE

The book contains the best papers of the regular, fifth, student scientific conference organized by European Humanities University in Vinius. It is important to point out that the book is issued in the jubilee year of the university. It will be 20 years old in 2012. Of course, by historical standards this is a very short period. Many European universities have a centuries-old history.Obviously, everything still lies ahead. Nevertheless, over these 20 years EHU has managed to become one of the most promising universities in the post-Soviet region that has formed a platform for the realization of modern educational projects, which will take Belarusian higher education to new dimensions meeting international standards. It is necessary to emphasize that our activities are taking place in the situation of dramatic socio-political processes in Belarus which resulted in the termination of our work in our homeland. We had to resume it abroad – in friendly Lithuania, in Vilnius. One can say a lot about the difficulties we have had and continue to have trying to organize the work of the university. However, I would like to focus on the positive results of our efforts. One of them is the development of the university as a space in which new generations have an opportunity to enter the field of the newest social and humanitarian knowledge that is more and more radically changing its tasks, character, language and conceptual approaches. We can

understand the contemporary world, a world of social indeterminacy, only by elaborating knowledge that is adequate to it. The task is really enormous. I am quite sure that the conference that is reflected in the proceedings is a step in solving it, however small it may be.

Thematically, the conference focused on the problematics of the correlation of the global and the local in the contemporary world. It is hardly necessary to speak in detail of the topicality of this approach. Modern social processes show ever more clearly that the major task is a search of local answers to global challenges. In spite of the inherent problems of this process the world is, indeed, going global. Cultures, experience and traditions meet and intersect practically in every point of the globe. However, this does not mean that we are becoming similar to one another, clones of one model, so to say. On the contrary, local peculiarities are being actualized in their diversity and multitude of typological manifestations. Locality has to find its own responses to the newest challenges and needs but in such a way as to be understood by other localities. Only this way shows a possible perspective of survival and further advancement to an acceptable future for each of us.

I am not going to analyze in detail how the authors of the papers in this collection solve these tasks. The reader will see for him/herself. Original ideas have been presented in practically every direction of social and humanitarian knowledge discussed at the conference. As an example one may take the proceedings of the workshop "Creative practices in urban space" that was organized at the conference for the first time. The authors of the papers seem to discuss local questions like creating special spaces to realize topical artistic practices in certain cities, reformatting city districts, development of cultural entrepreneurship, etc. But, in the long run, we discover that the authors peak of global problems and their practical solution at the local level that meets the requirements of the citizens, especially of the young generation. The same can be said about the materials that deal with the development of media space. Again quite concrete problems are analyzed. But the language of their analysis introduces us to global contexts and contributes to our understanding of what ia happening in the net community that is being made before our eyes. On the other hand, we read the materials of the workshop "Freedom, control and solidarity in the epoch of globalization", which seem to be quite diverted from concrete questions. But if we try to compare these philosophical deliberations with the concrete issues mentioned above we immediately see how strongly they are connected with each another. When we read materials of other sections, be it law, history of daily routine, art, we will always see this tendency – intersection of the newest languages of social and humanitarian

knowledge and very concrete problems of today's most complex social life in its various dimensions. I think this is the major peculiarity of the materials in this collection.

The editorial board has intended to retain the originality of each author's thinking and language, though sometimes it affected the quality of the materials. But we wanted to show exactly the process of the development of thinking of the new generations of researchers. They are just starting; they are only beginning to form new traditions. And they need support in doing it. One of the forms of such support is holding student conferences and publishing their proceedings. Not all the authors of this collection will become professional scientists. But all of them will solve concrete practical tasks – local tasks in the globalized world. Let us wish them success. Taking part in such events they learn to live and work in a world of social indeterminacy and complete social unpredictability. It is outright difficult but also outright interesting…

Prof. *Ryhor Miniankou*

НА ШЛЯХУ ДА НЕЗАЛЕЖНАЙ БЕЛАРУСІ: ПРАБЛЕМЫ СТАНАЎЛЕННЯ БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫІ І ДЗЯРЖАЎНАСЦІ

Антон Шайфуллаеў
(Варшаўскі ўніверсытэт)

СПРОБА СТВАРЭНЬНЯ НАЦЫЯНАЛЬНАГА МІТУ ВКЛ У БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЧНАЙ ДУМЦЫ Ў ПЕРШАЙ ЧВЭРЦІ XX ст.

Creation of the mythological conception of national history is one of the major components of the formation of the historical outlook for the people. Belarusians were among the nations of Eastern Europe that also began to construct its national myth in the early twentieth century,. Unfortunately, the process of creating its own myth in Belarus in its time was not completed, which was determined by a lot of different factors. The article presents the key period in the history of Belarus, which had to lay down the foundation of national self-determination of Belarusians, the period of GDL. Different approaches to the problems and the causes of failure are pointed out. Particular attention is given to the work of Vaclav Lastovsky «A Brief History of Belarus», which was the first attempt of presenting the Belarusian perspective of the actual history of Belarus.

Стварэньне ўласнай міталягічнай канцэпцыі нацыянальнай гісторыі зьяўляецца адным з найважнейшых складнікаў фарміраваньня гістарычнага сьветапогляду народа, у дачыненьні да пэўнай тэрыторыі. Працэс міталягізацыі ў гістарыяграфіі мае быць зборам, кампіляцыяй альбо зручным трактаваньнем гістарычных падзей адносна акрэсьленай тэрыторыі пражываньня народа. Гістарыяграфія ў дадзеным выпадку будзе свайго роду інструмэнтам, які аказвае безпасярэдні ўплыў на гістарычную сьвядомасьць і нацыянальную памяць народа. Гэты працэс быў яскрава бачны ў краінах Сярэдняе Эўропы ў момант іх фарміраваньня і станаўленьня ў сяр. XIX – пач. XX стст.

Гісторыя Беларусі ў першай чвэрці XX ст. зрабіла істотны крок наперад, калі ўлічваць той факт, што да таго часу яе ўвогуле не існавала, і бе-

ларускага гістарычнага кола адпаведна таксама, з прычыны адсутнасьці палітычных ды інтэлектуальных эліт і варункаў для іх разьвіцьця. Але ўжо ў першым дзесяцігодзьдзі мінулага стагодзьдзя зьявіліся асабістыя спробы запоўніць пустку ў гістарычнай сьвядомасьці беларусаў.

Першая спроба, якая была зробленая ў 1910 г. В. Ластоўскім, даволі яскрава паказала будучы кірунак міту беларускай гісторыі ў бок Полацкага перыяда і ВКЛ. Утварэньне ў 20-х гг. уласнага беларускага навуковага кола працягвае перыяд дасьледваньня беларускіх тэрыторыяў з паступовым трактаваньнем гісторыі з нацыянальнага, беларускага пункту гледжаньня, які адбываўся да ўсталяваньня сталінскай таталітарнай сыстэмы.

Уласна кажучы, сам працэс міталягізацыі перыяду Вялікага Княства Літоўскага ў 20-х гадах можна падзяліць на 2 плыні: 1) гістарыяграфія, створаная на тэрыторыі бальшавіцкай Беларусі, 2) эмігранцкая, альбо "незалежная" гістарыяграфія. Першая плынь укшталтавалася пасьля стварэньня на тэрыторыі Савецкай Беларусі навуковых асяродкаў, як, напрыклад, Інбелкульт, Беларускі дзяржаўны ўнівэрсытэт і г.д. Другая плынь зьяўлялася кантынуатрам папярэдніх працаў беларускіх гісторыкаў і навукоўцаў, якія, як было адзначана, дзейнічалі ў перыяд станаўленьня беларускага нацыянальнага руху. Канфрантацыя дзьвух плыняў, на першы погляд была навідавоку, але пры ўважлівым дасьледваньні можна зрабіць вынікі, што і першая, і другая школы прытрымліваліся аднаго вектару ў пабудове міталягічнай карціны беларусаў, дзе асноўны акцэнт быў засяроджаны на гістарычнай спадчыне Вялікага Княства Літоўскага.

Дасьледаваньне гістарыяграфіі, на пачатковым этапе яе разьвіцьця, адкрывае нам у пэўнай ступені магчымасьці да абзэрваваньня мітатворчага працэсу гісторыі Беларусі, які заклаў галоўны падмурак для беларускіх гісторыкаў пачатку 90-х у XX ст., якія, у сваю чаргу, таксама спрабавалі прывязаць гісторыю краіны да акрэсу ВКЛ, тым самым выбудоўваючы новы, больш-менш крытычны канструкт г.зв. "беларускай вялікадзяржаўнай канцэпцыі". Але, на жаль, функцыянаваньне дадзенай тэорыі ў Рэспубліцы Беларусь у хуткім часе сталася немажлівым з прычыны поўнай зьмены прыярытэтаў у дасьледаваньні праблемаў фарміраваньня беларускай этнічнай супольнасьці, а таксама мадыфікацыі савецкага гістарыяграфічнага падыходу.

Перадусім, варта адразу зьвярнуцца да самога тэрміна "міту ў гісторыі". Дэфініцыя гэтага тэрміна ўяўляецца вельмі складанай канструкцыяй тэарэтычных падыходаў да дадзенай праблематыкі.

Па-першае, трэба адзначыць існаваньне двух галоўных відаў працэсу фарміраваньня гістарычнага міту: 1) працэс міталягізацыі генэруецца з дапамогаю народнага эпасу; 2) працэс ствараецца і навязваецца праз палітычныя і інтэлектуальныя эліты. У такім выпадку варта зазначыць, што два гэтыя гатункі будуць цесна судзейнічаць між сабой, але ў той жа час трэба амовіць, што першы працэс, які генэруецца народным эпасам, будзе наўпрост залежыць і трактавацца элітамі ў выгадным пэўнаму народу сьвятле.

На вялікім рахунку, гэтыя два складнікі нараджэньня міту абавязковыя для выбудаваньня гістарычнай канцэпцыі, стварэньня свайго пантэона гэрояў, сакралізацыі тэрыторыі пражываньня. Дадзены працэс можна заўважыць на прыкладзе Славаччыны, дзе ўжо пачынаючы ад апошняй чвэрці XIX ст. ствараецца міт вакол асобы Юрая Яносіка, пазьней званага "славацкім Робінам Гудам". Вельмі доўгі час існаваньне міта пра Яносіка адбывалася з дапамогай вуснай творчасьці і эпасу славянскага насельніцтва Верхняй Вугоршчыны (Славаччыны). І толькі са зьяўленьнем славацкай эліты, якая пачала вылучаць Верхнюю Вугоршчыну як тэрыторыю, заселеную славянамі (адсюль зразумелая этымалёгія саманазвы славакаў), пачынаецца працэс пераўтварэньня Янока ў нацыянальнага гэроя славакаў, хаця пры гэтым трэба адзначыць не асабліва значную ролю Ю. Яносіка ў барацьбе за славацкія нацыянальныя ідэалы.

Такім чынам, паспрабуем задаць пэўнага роду альгарытм, паводле якога будзе ацэньвацца беларуская гістарыяграфія першай чвэрці XX ст.: міталягізацыя гісторыі ёсьць адпаведнае трактаваньне гістарычнай рэчаіснасьці, пры якім адбываецца сынтэза народнага эпасу і дзейнасьці палітычных і інтэлектуальных элітаў у сфэры будаўніцтва нацыянальнай канцэпцыі.

Спроба беларускага міту. Ластоўскі і яго "Гісторыя"

Першым вядомым апрацаваньнем па гісторыі Беларусі, як вядома, зьяўляецца праца Вацлава Ластоўскага "Кароткая гісторыя Беларусі", якая была выдадзена ў 1910 г. у Вільне "па-беларуску і для беларусаў". Ластоўскі ня быў прафэсыйным гісторыкам, і ягоная кніжка мела перадусім кампелятыўны характар. Кніга была складзена з апрацаваньняў расейскіх, полькіх і ўкраінскіх гісторыкаў. Пэўных спэцыялізаваных крыніц аўтар "Гісторыі" не выкарыстоўваў, але вартасьць для беларускай гістарыяграфіі дадзенай працы ёсьць вельмі вялікая з таго повапу, што

праца Ластоўскага ёсьць першым больш-меньш сыстэматычным зборам веды, якая тычылася беларускіх тэрыторыяў. Абсалютна новым у "Кароткае гісторыі Беларусі" было тое, што аўтар здолеў паказаць беларусаў як аб'ект у гісторыі са сваёй уласнаю гісторыяй, традыцыямі дзяржаўнасьці і асобнымі культурнымі карэньнямі ў славянскім сьвеце.

Пабудова самой працы, якая складалася з пяці частак, была падзелена паводле перыядызацыі, якая была распаўсюджана сярод расейскіх гісторыкаў у другой палове XIX ст. і на пачатку XX ст. [2, 120]. Найбольшую ўвагу аўтар адвёў перыядам Полацкага княства і ВКЛ да моманту падпісаньня Люблінскай вуніі. Уласна кажучы, з працы Ластоўскага і пачынаецца будаваньне беларускага міту вакол Вялікага Княства Літоўскага.

Чаму Ластоўскі выбраў для адбудовы нацыянальнай гісторыі менавіта дадзены перыяд, перыяд Вялікага Княства? Адказам на гэта пытаньне можа быць час, у якім пісалася "Гісторыя". Расейская імпэрыя, з пануючай "вялікарускай" канцэпцыяй, ніколі б ня здолела пацярпець найменьшага радыкалізму ў дачыненьні да мадэлі гісторыі, які яна выпрацоўвала стагодзьдзямі. Відавочна, штучна створаны міт расейскай існасьці пра Трэці Рым і трыадзінства РУССКОГО НАРОДА наўрад ці дазволілі б перапісаць і выдаць гістарычны твор, які цалкам пераасэнсоўвае мінулае, як, напрыклад, гісторыю Кіеўскай Русі. Ужо потым, пасьля падзеньня манархіі і з далейшым разьвіцьцём беларускай гістарыяграфіі зьяўляюцца цэлыя тэорыі пра "беларускую" Русь, як накшталт гістарычныя творы Янкі Станкевіча. Але на час напісаньня працы трэба было абраць як мага талерантны часавы прамежак, які пасаваў бы тагачаснай цэнзуры. У пацьверджаньне праблемы варта адзначыць створаны Ластоўскім у "Кароткай гісторыі" вобраз Польшчы ў стасунку да Беларусі. У разьдзеле, прысьвечаным Рэчы Паспалітай, і ў асобных главах, дзе апісаная рэлігійная вунія, прасочваецца яўны негатыўны стасунак аўтара да заходніх суседзяў, і вельмі часта Ластоўскі ўскосна абвінавачвае палякаў у падставовых няўдачах беларусаў. Вось, напрыклад, адрывак, прысьвечаны падпісаньню Люблінскай вуніі: "*Дзесяць разоў пачыналіся перэгаворы аб гасударственай Уніі Літвы і Польшчы: 1401, 1413, 1438, 1451, 1499, 1501, 1563, 1566, 1567, але Літоўска – Беларускае гасударство бараніло сваёй незалежнасьці і толькі за адзінаццатым разом – у 1569 – гасударство страціло можнасьць змагацца далей і прымушэно было здацца*" [2, 46].

Таму выбар Ластоўскага пры стварэньні нацыянальнага мадэляваньня гісторыі цалкам зразумелы, міт вакол Вялікага Княства праз беларускую прызму задавальняў амаль усіх, а што галоўнае – цэнзуру.

Праблема ўласна будаваньня канцэпцыі заключалася для Вацлава Ластоўскага ў выбудове агульнай праўдападобнай трактоўкі фактальягічнага матэрыялу па гісторыі ВКЛ. У гэтых варунках Ластоўскі падвязвае асноўную думку тэорыі да трансфармацыі этноніма славянскага насельніцтва на беларускіх землях. Ластоўскі ўводзіць у другой частцы паняцьце "рускі", маючы пад увагай будучых беларусаў. Гэта зроблена, каб паказаць асобны элемент балта-славянскай сынтэзы пры кшталтаваньні агульнай дзяржавы. З далейшым цягам "Гісторыі", ужо ў трэцяй частцы, Ластоўскі прыстасоўвае да славянскага насельніцтва беларускіх зямель этнонім "літоўскі", замяняючы ў сваю чаргу ранейшы этнонім "рускі". Тэрмін "Беларусь", "беларускі", у сёньняшнім разуменьні, аўтар асьцярожна пачынае ўзгадваць ад другой паловы XVII ст. Такім чынам, Ластоўскі, абапіраючыся перадусім на ўкраінскіх ды расейскіх гісторыкаў (Грушэўскага, Бацюшкава, Аркаса), зьвязаў раней ужываныя ў стасунку да жыхароў ВКЛ этнонімы з беларусамі, паказваючы гэтым пэўную пераемнасьць апошніх да Вялікага Княства Літоўскага.

Ацэньваючы агульна працу Вацлава Ластоўскага, варта адзначыць, што, нягледзячы на свае хібы і відавочны непрафесіяналізм аўтара, "Гісторыя" Ластоўскага зрабіла істотны штуршок, які распачаў гісторыю "новага" славянскага народу. Беларусы былі паказаны як асобная нацыя са сваёй гісторыяй, мітамі, сымбалямі і гэроямі. "Гісторыя" Ластоўскага зьявілася першым рэальным крокам на шляху да будаваньня ўласнага нацыянальнага міту.

Беларускі міт ВКЛ у канцы 10–20-х гг. XX ст.

Распад Расейскай імпэрыі спавадаваў абуджэньне нацыянальных рухаў, што адкрыла дарогу да дзейнасьці інтэлектуальных асяродкаў падпарадкаваных Расеяй народаў.

Уласна тады пачынаецца дзейнасьць шэрагу выбітных у прышласьці беларускіх навукоўцаў і грамадзскіх дзеячоў: Ян Станкевіч, Адам Станкевіч, Усевалад Ігнатоўскі, Мітрафан Доўнар-Запольскі, Вінцэнт Гадлеўскі, Аркадзь Смоліч, Язэп Лёсік, Браніслаў Тарашкевіч, працягвае дзейнасьць Вацлаў Ластоўскі і г.д.

Асноўная тэма, вакол якой беларускімі інтэлектуальнымі элітамі стваралася гістарычная канцэпцыя, базавалася на закладзеным Ластоўскім падмурку, г.зн. гісторыя Полацкага княства і, пераважна, часы ВКЛ. Важнае месца менавіта дадзеныя акрэсы часу займаюць у гістарыч-

ных творах беларускага грамадскага дзеяча, мовазнаўцы і гісторыка Янкі Станкевіча.

Станкевіч, які быў прыхільнікам радыкалізму ў падыходзе да гістарычнай рэчаіснасьці і, на вялікім рахунку, адкрыта міталягізаваў гістарычныя дзеі беларускіх зямель, стварыў, альбо лепей сказаць, удасканаліў крывіцкі падыход Ластоўскага. Станкевіч вызначыў у ролі ядра прышлых беларусаў, крывіцкія плямёны, але ня толькі полацкія, а гэтаксама і ўсходніх крывічоў, якія ў далейшым, на меркаваньне дасьледчыка, адыгралі ключавую ролю ў станаўленьні і росквіту ВКЛ. Княства Літоўскае спадаром Станкевічам было рэпрэзэнтавана як выключна беларуская дзяржава, адмаўляючы пры гэтым прэтэнзыі літоўцаў і палякаў на спадчыну ВКЛ. Вельмі прынцыповую і радыкальную пазіцыю Янка Станкевіч меў у дачыненьні да дэфініцыі гістарычнай саманазвы беларусаў. Калі, напрыклад, у працах М. Доўнар-Запольскага, У. Ігнатоўскага, В. Ластоўскага ў стасунку да назвы беларусаў дамінуе старажытны этнонім “русін”, “рускі”, то Станкевіч адстойваў меркаваньне, што беларусы павінны вярнуць сабе гістарычны саманазоў “літ(ць)він”, прысабечаную летувісамі [10, 102–103, 292). Натуральна, Станкевіч спрабаваў пайсьці больш рэзкім шляхам у тварэньні беларускай гістарычнай памяці і міталёгіі, але трэба адзначыць, што большасьць дадзеных выказваньняў мела анахранічны і архаічны характар, і з гэтай прычыны мовазнаўчыя дасьледаваньні сп. Станкевіча набываюць больш важкае значэньне, чым ягоныя гістарычныя творы.

Сярод тагачасных беларускіх гісторыкаў, відавочна, трэба вылучыць М. Доўнар-Запольскага і Усевалада Ігнатоўскага, працы якіх мелі вялікую навуковую каштоўнасьць. Галоўнай функцыяй дасьледаваньняў гэтых гісторыкаў ёсьць стварэньне ў беларускай гістарыяграфіі пэўнага пласту г.зв. ДЗЕЯЎ. Яскравым прыкладам такіх “дзеяў” была праца Усевалада Ігнатоўскага “Кароткі нарыс гісторыі Беларусі”, дзе паказана непасрэдна гісторыя, яе рух і разьвіцьцё, пры гэтым маючы апісальны характар. Доўнар-Запольскі ў сваіх працах засяроджваў, перадусім, увагу на гаспадарчым аспэкце ВКЛ, што, у сваю чаргу, пачынала дасьледаваньне дадзенага пытаньня з беларускага пункту гледжаньня.

Абвяшчэньне БССР у 1919 годзе і паступовае ўсталяваньне трывалых межаў ды пэўных дзяржаўных атрыбутаў спавадавала фарміраваньне навуковых інстытуцый і ў сваю чаргу новай гістарычнай карціны краіны. Галоўнымі асяродкамі сталіся Інбелкульт (ад 1929 Акадэмія навук БССР) і БДУ (1921) пад кіраўніцтвам выбітнага гісторыка У. Пічэты. Такім чынам, ужо ад першай паловы 20-х гадоў XX ст. пачынаецца пасту-

повы падзел беларускай гістрычнай думкі на два кірункі: першы – "незалежны", які пасьля ўсталяваньня бальшавіцкай ўлады на тэрыторыі Беларусі дзейнічаў пераважна на эміграцыі (Вільня, Прага, ІІ Рэч Паспалітая і г.д.), і другі – дзяржаўны, які афіцыйна рэпрэзэнтаваў беларускую гістарычную навуку ў сьвеце.

У чым жа галоўныя адрозьненьні паміж гэтымі двума кірункамі? У сваёй істоце спасыланьне і падвязваньне беларускай гісторыі да часоў ВКЛ засталося, але ў той жа час запаволіўся працэс стварэньня савецкай школай беларускага міту вакол ВКЛ. Можна сказаць, што ў 20-х гадах адбываўся досыць хуткі працэс дэрадыкалізацыі ідэі прыстасаваньня гісторыі Княства да пазыцый выключна беларускіх. Гэты працэс быў заканамерным дзеяньнем па ўзмацненьні цэнтралізацыі маскоўскага цэнтру.

Этап станаўленьня беларускай гістарычнай думкі, які пачаўся на пачатку XX ст. і які ў сваю чаргу павінен быў стварыць ныянальны міт беларусаў, скончыўся з усталяваньнем сталінскай ўлады. Ужо ў 30-я гады XX ст. была замардавана амаль уся беларуская інтэлектуальная эліта. Адбываўся гвалтоўны працэс дэнацыяналізацыі гуманітарных навук. Натуральна, што дзейнасьць эміграцыі працягвала працу ў справе стварэньня і разьвіцьця "беларускага нацыянальнага міту", але ва ўмовах замкнентасьці гэтых асяродкаў у іншых цывілізацыйных варунках, а таксама запавольваньня дзейнасьці некалькіх эміграцыйных цэнтраў беларусаў у сьвеце цягам наступных дзесяцігодзьдзяў вельмі затармазіўся гэты працэс, які пачаў адраджацца толькі ў канцы XX ст.

Вынікі

Падводзячы вынікі, варта адзначыць, што беларуская гістарычная навука ў першай чвэрці XX ст. знаходзілася ў няспыннай барацьбе з "гісторыямі" сваіх суседзяў, якую беларусы цалкам прайгралі літоўцам і часткова ўкраінцам у важных аспектах агульнай гісторыі народаў ВКЛ. Параза адбылася, перадусім, з прычыны слабасьці палітычных эліт і позьняга паўставаньня ўласнага нацыянальнага руху. Пры гэтым нават не бярэм пад увагу моц усходняй суседкі і ўплывы Польшчы, якія мелі непасрэдны кантроль на беларускіх землях. Вынікам не апанаваньня сытуацыі ўласнымі сіламі сталася поўная маргіналізацыя беларускай ідэі ў масах. Менавіта гэты чыньнік і няздольнасьць беларускіх эліт да зьмены становішча закрылі магчымасьць для апошніх на закідваньне ідэі ў народ ды завяршэньня фазы нацыянальнай агітацыі [11, 9]. У сваю чаргу,

утварэньне БССР, умоўна кажучы, запатэнтавала беларусаў, іх гісторыю, культуру на міжнароднай арэне.

Напрыканцы неабходна адзначыць той факт, што менавіта тое, што здолелі закласьці беларускія гісторыкі ў першай чвэрці XX ст., сталася непасрэдным фундамэнтам для беларускай нацыянальнай ідэі, якая мела спробу адрадзіцца на пачатку 90-х гг. XX ст. і зараз культывуецца пэўнымі інтэлектуальнымі элітамі за мяжой і ў Беларусі.

Літаратура

1. Станкевіч, А. 2008. *Выбранае.* Мінск: Кнігазбор.
2. Ластоўскі, В. 1992. *Кароткая гісторыя Беларусі.* Мінск: Універсітэцкае.
3. Довнар-Запольский, М. 2003. *История Белоруссии*. Минск: Беларусь.
4. Доўнар-Запольскі, М. 2009. *Дзяржаўная гаспадарка Вялікага Княства Літоўскага пры Ягелонах.* Мінск: Беларуская навука.
5. Марзалюк, І.А. 2009. *Міфы "Адраджэнскай" гістарыяграфіі Беларусі*. Магілёў: УА "МДУ імя А.А. Куляшова".
6. Пичета, В.И. 1961. *Белоруссия и Литва XV–XVI вв.* Москва: Из-во АН СССР.
7. Пичета, В.И. 1946. "Образование белорусского народа", *Вопросы истории.* 5–6.
8. Ігнатоўскі, У. 1921. *Кароткі нарыс гісторыі Беларусі*. Мінск: Дзяржвыд. Беларусі.
9. Станкевіч, Я. 1956. "Савецкае хвальшаваньне гісторыі Беларусі". *Доследы і матэрыялы: Сер. 2 / Ін-т для вывучэння СССР; № 51*. Мюнхен.
10. Станкевіч, Я. 2006. *За родную мову й праўдзівы назоў.* Вільня: Інстытут беларусыстыкі.
11. Mirosław Hroch. 2003. *Małe narody Europy*. Wrocław: Zakłd Narodowy im. Ossolińskich.

Анастасія Качан
(БДТУ, Мінск)

СКІРАВАНАСЦЬ НА ДЫЯЛАГІЧНАСЦЬ ЯК АДМЕТНАЯ РЫСА “НАШАЙ НІВЫ” (1906–1915 гг.)

The article is devoted to the problem of dialog and its levels in the first Belarusian legal newspaper “Nasha Niva”. Subjects and their development not only organized its unique structure but also formed the beginning of the Belarusian press. Dialog took one of the most important places in its formation. The nation cannot develop keeping silence. That is why the role of the “Nasha Niva” has been so highly appreciated. This article is one of the parts of the research project “The medium model of the “Nasha Niva”.

Лічыцца, што любы чалавек мае дыялагічную прыроду і не можа паўнавартасна развівацца без дыялогу з іншай асобай. Нават маналог ёсць толькі часова прыпыненым дыялогам, то бок чыстага маналогу не існуе. Паводле С. Вайман, “ёсць адно – адзінае – сінтаксічнае поле: я – дзейнік, ты – выказнік, і мы ўвесь час падпадаем пад інверсію. Гэта – сінтаксічнае поле – камунікатыўны “сказ”, ткуць яго – у адно імгненне – абодва” [6]. І калі чалавек вымушаны доўгі час маўчаць, ён страчвае сваю існасць. Праекцыя гэтай думкі на супольнасць асобаў становіцца асноваставальнай у працэсе фармулявання і дасягнення мэты даследавання – акрэслівання дыялагічнасці “Нашай Нівы” ў лёсе нацыі.

Фармуючы аблічча беларускай перыёдыкі, “Наша Ніва” як першая легальная газета (“першая беларуская газета з рысункамі”) адначасова спрыяла акрэсліванню нацыянальнай ідэі. В. Акудовіч прыйшоў да высновы, што беларусы – “папяровая нацыя”: “…Беларусы як нацыя спачатку былі заяўлены ў друкаваным мастацкім слове, газеце “Наша Ніва”,

выдавецкіх праектах і да таго падобным, і ўжо толькі пазней, абапіраючыся на гэтыя "папяровыя падваліны", аформіліся ў якасці палітычнага суб'екта" [1].

Матэрыялы "Нашай Нівы" выбудоўвалі тыя прыступкі, па якіх народ падымаецца ад супольнасці да нацыі яшчэ і сёння. Разуменне ідэнтычнасці, арганічна спалучанае з павагай да іншых нацыянальных інстытутаў, выхоўвалася газетай досыць паслядоўна цягам усяго перыяду існавання (1906–1915 гг.). Паводле А. Унучака, нашаніўцы "не проста напісалі пра ўнікальнасць беларускай культуры, што было зроблена да іх гоманаўцамі [супрацоўнікамі часопіса "Гоман"] ды іншымі, а распрацавалі стратэгію развіцця гэтай культуры з мэтай зрабіць яе "высокай", г. зн. выйсці па-за этнаграфічныя рамкі" [11].

Адным з галоўных прынцыпаў падачы зместу для нашаніўцаў было вядзенне дыялогу. Уступны артыкул першага нумара акрэсліў: газета створана не як выданне ўласна рэдакцыйнае, а як выданне народнае, зарыентаванае на размову і сумесную з чытацкай аўдыторыяй працу. Да таго ж дыялог даваў імпульс да вызвалення творчай энергіі, што спрыяла з'яўленню новых ідэй і іх творчай рэалізацыі на старонках выдання.

Разнастайнасць тэматыкі, але служэнне адной ідэі. Паяднаныя гэтым асобы стваралі выданне такім ад самага пачатку, імкнучыся аддаць максімум сваіх здольнасцяў на карысць абранай справы. Паводле слоў А. Луцкевіча, аднаго з заснавальнікаў "Нашай Нівы", "у сям'і нашаніўцаў дужа добра ўжываліся побач прадстаўнікі народніцкага натуралізму і рамантызму, рацыяналізму і містыцызму, пралетарскай барацьбы і эстэтызму, канчаючы разнароднымі плынямі неарамантызму" [2]. Відавочна, што ў аснове такога творчага ўзаемапранікнення плыняў думак ляжыць дыялог першага ўзроўню – размова паміж самімі выдаўцамі.

На другім узроўні назіраем дыялог "аўтар – чытач". Адсутнасць маналагічнасці заўважна з першага нумара. Публіцыстыка, афармленая пытальнымі і пабуджальнымі сказамі, звяртаецца да чытача, запрашаючы яго паразважаць. Увесці спажыўца інфармацыі ў кантэкст артыкула дапамагаюць асабістыя займеннікі ў форме другой асобы множнага ліку і склонавыя формы (*"кожны з нас"*, *"мы з вамі"*, *"у нас з табой, чытач"*); прыналежныя займеннікі другой асобы (*"нашага"*, *"нашы"*).

Да "Нашай Нівы" публіцыстыка была досыць абмежавана ў плане формы выражэння думкі. "Першая беларуская газета з рысункамі" ўбірала ў сябе ўжо вядомыя прыёмы і вымалёўвала новыя рысы ў падачы фактычнага матэрыялу. Пытальна-адказны ход стаў выдатнай знаходкай для рэдакцыі, якая імкнулася асцярожна, з аглядам на цэнзуру,

але і досыць праўдзіва, з адзнакай ацэначнасці распавядаць пра падзеі. Сатырызацыя, часта неадлучная для нашаніўцаў ад вышэйазначанага прыёму, аказвала ўплыў не толькі на развіццё публіцыстычнай думкі, але і на стан чытача: сатыра як моцны сродак уздзеяння давала больш прыдатную глебу для разважанняў, чым звычайны выклад тэмы. Псіхалагічны аспект таксама нельга пакінуць па-за ўвагай: скептычная ўсмешка рабіла з чытача і аўтараў аднадумцаў, што спрыяла ўсведамленню тэзы "я не адзін, нас шмат", досыць важнай і актуальнай на той час.

Сама назва выдання – "Наша Ніва" – робіць чытача непасрэдным удзельнікам падзей, імкнучыся дасягнуць дзвюх мэтаў: пазбавіць абыякавасці да грамадскага жыцця краю і дапамагчы адчуць сябе часткай супольнасці. Назвы публіцыстычных матэрыялаў (*"Цукер" (З гутарак з дзядзькам Сымонам) (№ 4–7, 1908), "Гутаркі аб сельскай гаспадарцы" (№ 20–23 ,1908) і да т.п.*) таксама спрыяюць скіраванасці на дыялагічнасць.

Непасрэдная размова (наступны ўзровень дыялагізацыі) вялася ў рубрыцы "Пачтовая скрынка". Узгадаем вядомыя словы Б. Шоу: "Калі ў вас ёсць яблык, і ў мяне ёсць яблык, і калі мы абменьваемся гэтымі яблыкамі, то ў вас і ў мяне застаецца па адным яблыку. А калі ў вас ёсць ідэя, і ў мяне ёсць ідэя, і мы абменьваемся гэтымі ідэямі, то ў кожнага з нас будзе па дзве ідэі" [5]. Аўтары выдання адказвалі на пытанні, просьбы апублікаваць той ці іншы матэрыял, раскрыць пэўную тэму: *"Радзім пачытаць вершы беларускіх паэтаў і троха ад іх павучыцца"; "Старайцеся, каб не было ў вас слоў чужых – расейскіх" (№5, 1908); "Аб рэлігіі мы не друкуем!"; "Вершы вашы ўсё яшчэ без рытму"; "Здаецца, што па законах, якія цяпер ёсць, з гэтай справай – амэн! Дума толькі выдае законы, а не разбірае справы такія, як вашы" (№ 22, 1908).*

Іншай формай камунікацыі ёсць зварот да чытача з гледзішча настаўніка. Выданне мела наступную асаблівасць: найбольш незразумелыя словы тлумачыліся пры дапамозе зносак ці непасрэдна пад творам. Да прыкладу, верш Якуба Коласа "Плытнікі" (№ 19, 1907) мае даволі шмат лексічных адзінак абмежаванага ўжытку: *"Усё гэта словы, каторых ужываюць плытнікі на Нёмане"*. Падрабязныя тлумачэнні падаюцца пасля твора і дапамагаюць яго разуменню, адначасова даючы пэўныя лінгвістычныя звесткі.

Дыялог набывае ў "Нашай Ніве" яшчэ адно вымярэнне: "За першыя тры гады свайго існавання штотыднёвік апублікаваў звыш 900 карэспандэнцый і допісаў амаль з 500 беларускіх вёсак". Размова разгортваецца непасрэдна на старонках выдання паміж матэрыяламі і іх аўтарамі,

прыхаванымі за творамі, але не безаблічнымі. Амаль кожны з творцаў мастацкага ці публіцыстычнага стылю меў адзін альбо некалькі псеўданімаў, якія маглі стварацца ў адносінах толькі да пэўнага матэрыялу (*матэрыял з вескі Мікалаеўшчына – Мікалаевец*). Спалучаючыся са зместам, а не існуючы асобна ад яго, псеўданімы выводзілі матэрыялы на іншую прастору: тэкст піша аўтара, тэкст гаворыць аўтарам / з аўтарам – яшчэ адзін дыялог.

Аўтары большасці матэрыялаў жадалі данесці да чытача да канца не аформленую, але паступова ўсё больш існую "нацыянальную ідэю". Пачатак фармулявання асновастваральнай тэзы для паўставання дзяржавы быў пакладзены выпускамі першай нелегальнай газеты "Мужыцкая праўда". Спроба выбудаваць незалежную краіну на аснове моўна-этнічнай канцэпцыі для большасці сёння не мае ніякай рэальнай вагі. Нягледзячы на гэта, паступова раскрытая на старонках "Нашай Нівы" ідэя Беларусі як краіны свядомых асоб з пачуццём уласнай годнасці, з адчуваннем самасці менавіта на Радзіме не страціла сваёй гістарычнай ролі.

Ф. Дастаеўскі казаў, што ў дыялогу "чалавек не толькі праяўляе сябе знешне, а ўпершыню становіцца тым, што ён ёсць… Быць – значыць камунікаваць дыялагічна. Калі дыялог заканчваецца, усё заканчваецца. Таму дыялог, па сутнасці, не можа і не павінен заканчвацца" [3]. Такім чынам, скіраванасць на дыялагічнасць, абраная "Нашай Нівай", ёсць гістарычна апраўданы прыём, які мусіць мець працяг у сучаснай публіцыстыцы.

Літаратура

1. Акудовіч, В. 2010. *Архіпелаг Беларусь: кніга дыялогаў.* Мінск: Галіяфы.
2. Александровіч, С.Х. 1971. *Пуцявіны роднага слова.* Мінск: Выдавецтва БДУ.
3. Бахтин, М. 1994. *Проблемы творчества Достоевского.* Киев: Next.
4. Берков, В. 2001. *Диалог: логические и этические измерения.* Минск: РИВШ БГУ.
5. Буш, Г.Я. 1985. *Диалогика и творчество.* Рига: Авотс.
6. Вайман, С.Т. 2003. *Драматический диалог.* М.: Едиториал УРСС.
7. Лукін, В.С. 2000. *"Наша Ніва" – цэнтр нацыянальна-культурнага адраджэння (1906–1915 гг.).* Мінск: БДПУ.
8. Навойчык, П.І. 1996. *"Наша Ніва" і літаратурна-грамадскі працэс на Беларусі пачатку XX стагоддзя.* Мінск.
9. "Наша Ніва (1906–1908)". 1992. Мінск: Тэхналогія.
10. Рагойша, М.В. 2007. "Жанрава-тэматычная структура газеты «Наша Ніва» і яе сацыякультурная роля". Гродна: Веснік ГрДУ 3: 28–32.
11. Унучак, А.У. 2008. *"Наша Ніва" і беларускі нацыянальны рух (1906–1915 гг.).* Мінск: Беларуская навука.

Аляксандр Быстрык
(ЕГУ, Вільнюс)

ВІЛЕНСКІ ПЕРЫЯД ЖЫЦЦЯ ІГНАТА КАНЧЭЎСКАГА (1919–1923 гг.)

The author attempts to describe the most productive period of the life of the Belarusian thinker Ihnat Kančeŭski. The article analyzes published works and articles of Kančeŭski and gives an account of his activities in the realm of culture and cooperative societies. The author comes to the conclusion that in spite of the fact that most of the philosopher's values and ideals had been formed before his return to Vilnia, it was only there that he could fully reveal his talent displaying it in his prominent essay "Along the Eternal Way: The Study of the Belarusian World Outlook".

Жыццё і творчасць філосафа Ігната Канчэўскага толькі пачынаюць адкрывацца беларускімі гісторыкамі. Апроч свайго галоўнага твора – эсэ «Адвечным шляхам» – Канчэўскі пакінуў за сабой паэтычную і публіцыстычную спадчыну, якая яшчэ застаецца па-за ўвагай большасці гісторыкаў. Часткова і з-за гэтага некаторыя даследчыкі, напрыклад Сяргей Дубавец, кажуць «калі не пра містыфікацыю, то, прынамсі, пра таямніцу напісання»[12] «Адвечнага шляху», апелюючы да таго факта, што Канчэўскі не пакінуў больш ніякіх сур'ёзных твораў. Вывучэнне яго творчай спадчыны віленскага перыяду можа даць дакладны адказ на падобныя пытанні, бо менавіта гэты перыяд быў найбольш плённым у жыцці мысляра.

Нягледзячы на тое, што дакладная дата вяртання Канчэўскага ў Вільню невядомая, мы маем адныя з першых дакументальных згадак яго прысутнасці ў горадзе. Паводле Бюлетэня Цэнтральнай Рады Віленшчыны і Гродзеншчыны № 1 ад 18 верасня 1919 г., Канчэўскі быў абраны ў Раду як прадстаўнік ад Саюзу Каапэратываў. Рада

аб'ядноўвала такіх прадстаўнікоў беларускага руху, як Дуж-Душэўскі, Гарэцкі, Ластоўскі, Тарашкевіч, Кахановіч і інш. На жаль, мы не знаходзім прозвішча Канчэўскага ў спісе сяброў Рады ад 11 кастрычніка 1919 г. [8, 1–7].

Верагодна, ужо ў 1920 годзе ён пачынае працу ў Віленскім саюзе кааператываў. Пра далейшы яго лёс мы даведваемся непасрэдна са слоў Ігната. У газеце «Наша думка» ад 14 траўня 1921 года апублікаваны ягоны ліст у рэдакцыю ад 4 траўня. Канчэўскі пісаў: «Захварэўшы ўлетку 1920 г. на тубэркулёз плюцаў (лёгкіх), я апынуўся ў дрэнным, бадай што не безнадзейным становішчы на зіму 1920–1921 г., дзякуючы несур'ёзнаму лячэньню прыватных лекараў і немагчымасьці атрымаць праўдзівую мэдыцынскую помач [...]» [19]. Такім чынам, мы бачым, што захварэў ён на сухоты ўлетку 1920 г., г. зн. калі быў ужо ў Вільні. У зіму 1920–1921 гг. Канчэўскі ледзь не памёр. Ён быў выратаваны, дзякуючы дапамозе грамадскасці, што сабрала грошы на яго лячэнне ў прыватным габрэйскім шпіталі Мішмэрэс-Хойлім [19].

Амаль адразу пасля выздараўлення ў газеце «Наша думка» пачынае друкавацца яго эсэ «Адвечным шляхам» пад псеўданімам *Ігнат Абдзіраловіч*. Эсэ выходзіць у чэрвені і ліпені 1921 г. Можна меркаваць, што Канчэўскі пісаў гэтае эсэ ці то ў час хваробы, ці то ў час выздараўлення. У любым выпадку, ягоны стан, відаць, паўплываў на стварэнне гэтай выдатнай працы.

Наступная згадка пра Канчэўскага з'яўляецца ў лістападзе 1921 г. У тыя дні, а менавіта 28–30 лістапада 1921 г., адбыўся з'езд паўнамоцнікаў Віленскага саюза кааператываў. У пратаколе з'езду запісана, што на пасаду сакратара абіраецца «Steckiewicz i J. Konczewski» [4, 26].

Праз некалькі дзён (1 снежня) у газеце «Беларускія ведамасьці» публікуецца першы паўнавартасны артыкул Канчэўскага. Ён выйшаў пад псеўданімам *Ігнат Абдзіраловіч* і называўся «П.П.С. і «unarodowenie» народнага гандлю».

Затым згадкі пра Канчэўскага знікаюць амаль што на цэлы год і з'яўляюцца толькі ў канцы 1922 г. Магчыма, прычынай сталі новы прыступ сухотаў ці моцная занятасць Канчэўскага ў Віленскім саюзе кааператываў. Тым не менш найбольш актыўны перыяд ягонай публіцыстыкі прыпадае якраз на канец 1922 г. Гэтаксама яго імя з'яўляецца ў папярэдніх спісах на выбары ў польскі сейм 1922 года, ад вёскі Дукшты Свянцянскага павету [9, 16, 19].

У кастрычніку-лістападзе 1922 г. у газеце «Беларускі Звон» з'яўляюцца ягоныя артыкулы «Ратуйце каапэрацыю», «Пашырэнне коопэратыўнага

закона на Віленшчыну», а таксама рэцэнзія на зборнік «Маладая Беларусь».

Найбольш плённа Канчэўскі працуе з газетай «Наша будучына». Гэта не дзіўна, бо газета выдавалася Беларускай Рэвалюцыйнай Арганізацыяй [11, 436], узначальваў якую брат Ігната Арсень [27, 25]. Да таго ж рэдактарам газеты з'яўляўся Леапольд Родзевіч – сябар Ігната. За снежань-студзень 1922–1923 гг. у «Нашай будучыні» было надрукавана пяць ягоных артыкулаў і тры вершы, якія публікаваліся пад псеўданімам Ганна Галубянка. Апошні яго верш, апублікаваны прыжыццёва, быў надрукаваны ў сакавіку 1923 г. у газеце «Новае жыццё». Трэба адзначыць, што І. Канчэўскі не друкаваўся ў газеце «Наш сцяг», што памылкова сцвярджаюць некаторыя даследчыкі.

Вось што мы знаходзім у ліставанні Л. Родзевіча і У. Жылкі, блізкіх сяброў Канчэўскага. Піша Леапольд Родзевіч у сваім лісце да Уладзіміра Жылкі ад 14 красавіка 1923 г.: «[...] А вясна выбірае ахвяры: Канчэўскі сягоння-заўтра згасне, я чуць ківаюся – блага. Колькі ж урэшце нашаму адраджэнню трэба ахвяр?!» [27, 326]. Ужо ў наступным лісце Родзевіч паведаміў: «Уздыхні, браце, глыбока, тужліва – Канчэўскі памёр. Вялікая страта. Не апішаш, не аплачаш. А тым часам навокал патульная вясна...» [27, 328].

Пахаванне Канчэўскага апісаў у сваім некралогу А. Луцкевіч: «Выявілася гэта і ў сумным абрадзе пахавання Канчэўскага. Праваджаць цела Яго да магілы сабралася беларуская моладзь, беларускія культурныя і грамадскія працаўнікі, таварышы коопэратары. Шчыры сум ахапіў усіх, хто знаў нябожчыка і разам з ім працаваў» [24].

Найбольш аддана і плённа Канчэўскі працаваў у Віленскім саюзе кааператараў. Увогуле беларускі кааператыўны пасляваенны рух нарадзіўся ў пачатку дваццатых гадоў у Сярэдняй Літве. Пад кіраўніцтвам кіраўніка дэпартамента апрвізацыі Часовай урадавай камісіі Сярэдняй Літвы і беларускага дзеяча Вацлава Іваноўскага ўтварылася некалькі кааператываў. Уладай быў таксама арганізаваны Віленскі саюз кааператываў, у якім апынулася шмат беларусаў [1].

З-за гэтага ў беларускай гістарыяграфіі паўстала блытаніна з назвамі. Шэраг даследчыкаў і выданняў сцвярджае, што Канчэўскі працаваў у Беларускім саюзе кааператываў. Насамрэч, у 1919–1923 гг. існаваў толькі Віленскі саюз кааператываў. Такая блытаніна з назвай выглядае даволі іранічна на фоне таго, што ВСК як толькі мажліва адбіваўся ад ярлыка «беларускага саюзу». Самі чальцы Саюза заўжды настойвалі на тым, што ён – арганізацыя краёвая і злучае як беларускія, так і габрэйскія, і

польскія, і літоўскія кааператывы. Такая пазіцыя зацверджана ў «Прынцыпах кааператыўнага руху ў краю»: «Каапэрацыя павінна быць нацыянальна нейтральнай, – ні каапэратывы, ні іх Саюзы ня могуць быць нацыянальнымі арганізацыямі» [6, 6].

Нягледзячы на тое, што Саюз быў краёвай па сваёй ідэалогіі арганізацыяй, сапраўды, большасць яго сяброў былі беларусы. Саюз займаў важную пазіцыю ў беларускім жыцці. Пра гэта сведчыць хаця б пералік асоб, якія так ці інакш былі ўцягнутыя ў працу Саюза: Э. Будзька, А. Нэканда-Трэпка, К. Дуж-Душэўскі, А. Смоліч, С. Чыжэўскі, праф. Краскоўскі, кс. А. Станкевіч і іншыя.

Абшар ВСК быў падзелены на 6 інструктарскіх раёнаў. У сярэднім на аднаго інструктара выпадала 19 таварыстваў. Інструктары, адным з якіх быў таксама Канчэўскі, займаліся наступнымі справамі: аглядалі таварыствы, рабілі грунтоўныя рэвізіі, абследаванні, агульныя сходы і пасяджэнні [6, 6]. Паводле дакументаў выдатнага кааператара С. Чыжэўскага, які з'яўляўся сябрам Рады Саюзу, Ігнат Канчэўскі працаваў у Дукштанскім павеце [3, 58].

Справаздача Канчэўскага, запісаная Чыжэўскім, уключала сярод іншага апісанне даваеннага стану павета, эканамічныя сувязі з іншымі гарадамі, пералік існуючых арганізацый і іх стан, апісанне асноўных тавараў, што вырабляюцца ў павеце, перспектывы развіцця кааператыўнай справы. Да таго ж у справаздачы зроблена нататка аб пераводзе Канчэўскага ў малодшыя інструктары [3, 58].

Паводле Антона Луцкевіча, Ігнат Канчэўскі быў уцягнуты ў дзейнасць Віленскай беларускай гімназіі [24]. Па яго сведчаннях, Канчэўскі вёў геаграфічны гурток, а таксама заснаваў вучнёўскі кааператыў. Хоць пакуль не знойдзена прамых слядоў яго дзейнасці ў ВБГ, вядома, што вучнёўскі кааператыў у ВБГ дакладна быў. У вучнёўскім рукапісным часопісе *Рунь* (№ 3 за верасень 1923 г.) была змешчана абвестка: «Вучнёўская коопэрацыя прадае па танным цэнам сшыткі, заметкі, блёкноты, пёры, паперу, алоўкі і ўсе іншыя пісьменныя прылады і розныя кнігі» [7, 40].

Існуюць цікавыя звесткі пра тое, што Ігнат Канчэўскі арганізаваў у Вільні гурток ёгі [10, 24]. Нягледзячы на тое, што дакладных дадзеных пра гэты факт не знойдзена, відавочна, што Канчэўскі цікавіўся усходняй філасофіяй і ўспрыняў яе. Пра гэта сведчыць верш «Па матывах Р. Тагора» ("Наша будучыня", № 1, 1923), а таксама верш «Сакавік».

Паводле Алеся Бяляцкага, гэтыя вершы сведчаць пра ўплывы ўсходняй філасофіі на Канчэўскага, што выявіліся ў веры ў бессмяротнасць і ў пераход жыцця ў іншую істоту пасля смерці [10, 24]. Пацвярджэнне

гэтаму факту знаходзім у сшытку вершаў Канчэўскага, перапісаных адным з яго знаёмых: «Тэосафы лічаць І.К. [Ігната Канчэўскага. – *А.Б.*] як чалавека прайшоўшага вышэйшае духовае развіццё – “яснавідзячым”» [5, 19].

Відавочна, што Канчэўскі быў даволі моцна заангажаваны ў беларускае жыццё Вільні.

Натуральна, найбольшую ўвагу даследчыкаў творчасці Ігната Канчэўскага прыцягвае яго эсэ «Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветагляду», апублікаванае ў 1921 годзе. Дакладна вядомыя з тузін артыкулаў на старонках віленскай прэсы, падпісаных крыптонімамі *І.К.*, *І.А.* і псеўданімам *Ігнат Абдзіраловіч*.

Каб адказаць на пытанні скептыкаў, якія ставяць пад сумнеў аўтарства «Адвечнага шляху», патрэбна прааналізаваць гэтыя артыкулы, бо шмат якія ідэі, выказаныя там, пераклікаюцца з ідэямі, аргументаванымі ў «Дасьледзінах». У прыватнасці, яго артыкулы працягваюць думку пра неабходнасць кааперацыі дзеля паўнавартаснага жыцця беларускага грамадства, выказаную ў чацвёртым раздзеле «Шляху». Так, у артыкуле «Ратуйце кааперацыю» Канчэўскі заяўляе аб жыццёвай неабходнасці яе дзеля існавання беларускага грамадства: «Развіццё або заняпад каапэрацыі ёсьць пытаньнем адраджэньня ці знішчэньня духоўнай і матэрыяльнай культуры нашага народу» [22]. Гэтыя ідэі сапраўды паўтараюць ідэі «Дасьледзінаў», у прыватнасці, іх чацвёртага раздзелу, якія можна апісаць адной цытатай: «Але пеўна, што праўдзівы жыцьцёвы кірунак той, якім ідзе каапэрацыя» [2, 34].

Іншая паралель паміж эсэ і артыкуламі – гэта ўяўленне пра кааперацыю, як пра нешта большае за звычайны эканамічны інстытут. Так, у артыкуле «Крэдытовая каапэрацыя», дзе аўтар апісвае магчымасць яе прымянення ва ўмовах Віленшчыны, ён піша: «Тут патрэбна вышэйшая форма грамадзянскай каапэрацыі, якой мы яшчэ не стварылі» [18]. Пра «формы грамадзянскай кааперацыі» аўтар піша і ў «Адвечным шляху»: «Калі глянуць на сучасную, тым болей краёвую, каапэрацыю, якая ўся ўпэцкалася ў селядцовым сосе […] Але направер выходзіць, што каапэрацыя – адзінае грамадзянскае зьявішча, якое няпрымусова аб’еднавае сяброў і не дэкляруе прымусу для іншых» [2, 33]. Канчэўскі разумее кааперацыю не проста як эканамічны інстытут, але як нешта большае, прынамсі, як новы ўзровень арганізацыі грамадства. У кааперацыі ён прачытвае яе першапачатковы сэнс – супрацоўніцтва, прычым не толькі ў прадпрымальніцтве, але і ў ва ўсіх сферах жыцця.

Увогуле, змест ягоных артыкулаў напоўнены гуманістычнымі ідэямі. Адна з іх з'яўляецца ў ягоным лісце падзякі, апублікаваным у «Нашай думцы» 14 чэрвеня 1921 г. Канчэўскі дзякаваў тым людзям, якія, нават не ведаючы яго, дапамаглі яго лячэнню. Узрушаны такой грамадскай салідарнасцю, ён пісаў: «Чалавечнасьць адносін паміж асобнымі адзінкамі – неабходная падстова згоды агулу. Толькі тады, калі наша грамадзянства, пасечанае на варажыя лягэры, уцяміць гэтую простую праўду і пачне паважаць чалавечую сутнасьць, тады магчыма сапраўднае, а ня толькі ў праэктах і на словах, паразуменьне паміж штучна падзеленымі грамадзянскімі групамі» [19].

У шэрагу артыкулаў прысутнічае думка пра адказнасць беларусаў за свой уласны лёс: «Мы мусім прызвычаіцца і ведаць, што нам ніхто не працягне рукі паратунку, што мы самі мусім знайсьці сілы і спосабы бараніць нашу грамадскую справу» [20], «а калі так, то народ сам павінен збудаваць здаровыя гаспадарчыя падставы для свайго друкаванага слова» [16].

У артыкуле «П.П.С. і "unarodowenie" (1921 г.) народнага гандлю» аўтар крытыкаваў польскі нацыяналізм і капіталістычныя ўхілы Польскай сацыялістычнай партыі і адначасова акрэсліў сваю палітычную пазіцыю – сацыялізм. Па сутнасці, гэта адзіны артыкул, дзе філосаф выяўляе свае палітычныя перакананні. Цяжка сказаць, ці сапраўды ён адданы сацыялістычнай ідэі, ці проста абураны здрадай польскіх левых. Калі ўлічыць, што ППС па сутнасці адвярнулася ад работніцкай кааперацыі, гэтага натуральнага саюзніка рабочага руху, паводле Канчэўскага, замяніўшы яе на капіталістычны гандаль, то рэакцыя Канчэўскага здаецца адпаведнай.

Апроч артыкулаў на кааператыўныя тэмы, філосаф напісаў і дзве рэцэнзіі на беларускія літаратурныя выданні. Першая з іх – рэцэнзія на зборнік вершаў «Беларусь» (1922 г.), напісаных сябрам Канчэўскага Леапольдам Родзевічам [14]. Другая – на часопіс «Маладая Беларусь», выдадзены ў Маскве Беларускім Цэнтральным Бюро.

Другой па значнасці працай Канчэўскага мусіла стаць гісторыя кааператыўнага руху на Віленшчыне. У зборніку «Заходняя Беларусь» (1924 г.) была пасмяротна апублікаваная праца пад назвай «З мінуўшчыны копэрацыі на Віленшчыне». Рэдактар зборніка пазначае ў зносцы: «Гэты нарыс – першая частка шырэйшае працы, задуманае перадчасна памершым аўтарам, выдатным коопэратыўным дзеячом» [15, 141]. Апублікаваны нарыс апісвае гісторыю кааперацыі на Віленшчыне да Першай сусветнай вайны.

Асобна трэба сказаць пра паэтычную спадчыну І. Канчэўскага. Ягоныя вершы друкаваліся пад псеўданімам *Ганна Галубянка*. У канцы 1922 – пачатку 1923 гг. у «Нашай будучыне» былі апублікаваныя тры вершы: «Gloria – слава ў вышыні», «Па матывах Р. Тагора», «Вераснёвае пано». Газета «Новае жыццё» апублікавала верш «У святочны дзень» у 1923 годзе. Нарэшце, у зборніку «Заходняя Беларусь» быў пасмяротна надрукаваны верш у прозе «Мы разам...».

Але найбольш цікавым для гісторыка літаратуры з'яўляецца знойдзены Алесем Бяляцкім сшытак перапісаных вершаў, які знаходзіцца ў бібліятэцы АН Літвы. Апроч вершаў, у тым ліку неапублікаваных, у сшытку ёсць ліст у выдавецтва ад перапісчыка. Сшытак быў перапісаны адным са знаёмых Канчэўскага, верагодна, Антонам Луцкевічам. Гэта вынікае з павярховага аналізу почырку, а таксама з надпісу на ўнутраным баку вокладкі – «Jerzy Łuckiewicz». Верагодна, гэта мог быць сшытак сына Антона Луцкевіча – Юрыя.

У сшытку змешчаны шэраг вершаў, як надрукаваных, так і не выдадзеных. Вось якое апісанне паэзіі Канчэўскага мы знаходзім у лісце: «Пасылаю ў выдавецтва дзіўную, асабліва натхнёную поэзію Ігната Канчэўскага. Тут Кожны радок дыхае абноўленай тэасофіяй. Што ні слова – развага з душой, духам, будучыняй. А ўся гэтая вязанка настроевых рыфмаваных думак – гімн для надыходзячай, новай посьле матэрыялістычнай эпохі чалавецтва»[5, 19].

Даследчыкі павінны памятаць, што ўсе надрукаваныя артыкулы і вершы з'явіліся ўжо пасля «Адвечнага шляху» і, адпаведна, могуць ілюстраваць змены ў свядомасці Канчэўскага.

Погляды і перакананні Канчэўскага збольшага сфармаваліся яшчэ да вяртання ў Вільню. Але толькі яго родная Вільня змагла стварыць прыдатныя ўмовы для творчасці. Абкружаны сваімі сябрамі, аднадумцамі і суайчыннікамі, што спрабавалі ствараць Беларусь, смяротна хворы Канчэўскі змог рэалізаваць свой творчы імпэт.

Увогуле, лёс Ігната Канчэўскага як бы пацвердзіў ідэі «Адвечнага шляху»: «Яны ня ўцямлялі, што разам з беларушчынай мы трацім і лепшую частку чалавечнасьці». Перафразуючы, можна сказаць, што праз беларушчыну ён спазнаў тую самую лепшую частку чалавечнасці. Толькі па вяртанні ў Вільню, толькі пасля далучэння да беларускага руху Канчэўскі пачаў тварыць. А менавіта творчасць, па ягоных жа перакананнях, ёсць сэнсам існавання чалавека. Прыкра, што жыццёвы шлях Ігната быў настолькі кароткі. Але праз сваю творчасць Канчэўскі змог вярнуцца на свой Адвечны Шлях і, больш за тое, змог паказаць яго беларусам. Безу-

моўна, Ігнат Канчэўскі яшчэ зойме належнае месца ў нацыянальнай памяці нацыі як адзін са стваральнікаў ідэі новай Беларусі, як адзін з яе прарокаў.

Літаратура

1. Gomółka, K. 1997. Białoruskie instytucje życia gospodarczego w II Rzeczypospolitej // *Białoruskie Zeszyty Historyczne,* Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, №8, дата доступа: 01.04.2011, рэжым доступа: *http://kamunikat.fontel.net/ www/czasopisy/bzh/08/08art_gomolka.htm*
2. Абдзіраловіч, І. 2007. *Адвечным шляхам.* Львоў: Парахвія сьв. Кірылы Тураўскага.
3. Аддзел рукапісаў Бібліятэкі імя Урублеўскіх Акадэміі навук Літвы (АРБАНЛ). Фонд 21, ад.з. 77.
4. Тамсама. Ад.з. 78.
5. Тамсама. Ад.з. 212.
6. Тамсама. Ад.з. 2072.
7. Тамсама. Ад.з. 2204.
8. Беларускі Дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛІМ) Ф. 3, воп. 1, ад.з. 154.
9. Тамсама. Ад.з. 209.
10. Бяляцкі, А. 1990. "Усё жыццё жыць хацеў я з людзьмі...". Мн.: *Спадчына* 2: 21–24.
11. Грибене, А. 2008. *Белорусская печать межвоенного времени в коллекции отдела старой периодики библиотеки АН Литвы (Издания Вильнюса и Каунаса). Homo Historicus 2008*, Вільня: ЕГУ.
12. Дубавец, С. 1993. "Прадмова". *Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларусага сьветагляду.* Мн.: Навука і тэхніка, б.с.
13. Калеснік, У. 1975. "Фантазмы Ігната Канчэўскага". *Зорны спеў.* Мн.: Маст. літ.
14. Канчэўскі, І. 1923. "Бібліяграфія Л. Родзевіч – Беларусь", *Наша будучына* 1: 3.
15. Канчэўскі, І. 1924. "З мінуўшчыны коопэрацыі на Віленшчыне". Заходняя Беларусь. *Зборнік грамадзкае мысьлі, навукі, літаратуры і мастацтва Зах. Беларусі.* Вільня: Друкарня Віленскага Вытворчага Коопэратыву, 156.
16. Канчэўскі, І. 1923. "Закладайма народныя таварыствы", *Наша будучына* 2: 3.
17. Канчэўскі, І. 1922. "Кооперацыя ў 1922", *Наша будучына* 3: 1–2.
18. Канчэўскі, І. 1922. " Крэдытовая коопэрацыя", *Наша будучына* 1: 2.
19. Канчэўскі, І. 1921. "*** Ліст у рэдакцыю", *Наша думка* 19: 5.
20. Канчэўскі, І. 1922, "На коопэратыўныя тэмы. Улада і коопэрацыя", *Наша будучына* 2: 2.
21. Канчэўскі, І. 1921 "П.П.С. і «unarodowenie» народнага гандлю", *Беларускія ведамасьці* 14: 2.
22. Канчэўскі, І. 1922. "Ратуйце кааперацыю!", *Беларускі Звон,* Вільня: № 23.
23. Конан, У. 1993. "Дзіўным хараством гарэла яго душа...", *Голас Радзімы* 6: 1, 7.
24. Луцкевіч, А. 1923. "Памяці Ігната Канчэўскага", *Новае Жыццё* 8: 1.

25. Варанько, К.Дз. (Рэд.) 1996. "Памятныя даты беларускага календара: (сакавік – май 1996 г.)". *Новыя кнігі: Па старонках беларус. друку: Штомес. бібліягр. бюл.* Мн.: НББ, № 2.
26. Родзевіч, Л. 2008. *"Творы: драматургія, проза, паэзія, публіцыстыка, лісты"*. Мн.: Мастацкая літаратура.
27. Пашкоў, Г.П., Петрыкаў, П.Ц., Фатыхава, Г.А. і інш. (Рэд.). 1997. *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі.* Т. 4. *Кадэты-Ляшчэня.* Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі.

Андрэй Мастыка
(Варшаўскі ўніверсітэт)

АЙЦЕЦ АНДРЭЙ ЦІКОТА. РОЛЯ СВЯТАРА Ў ЧАСЫ КАРЭННЫХ ЗМЕНАЎ

The paper is devoted to Andrei Tsikota, an outstanding religious and public figure of the Belarusian national revival and the interbellum period. Attention is mainly focused on disputable issues of his work in Mariana abbey in Druya where he was an abbot. The paper also touches on the role of the clergy in the political life and national movements in Central and Eastern Europe. Andrei Tsikota's march and religious activity allow us to see a complex dilemma that the father was confronted with during social and political changes that were taking place at that time and to observe the position Tsikota took himself. The dilemma for the father consists in the necessity to combine preservation of spiritual impartiality with fulfillment of his civic duties and struggle for national and political interests that were imposed on the church as a social and political institution in the contemporary era whereas the fulfillment of such duties often ran counter to the Christian principles and morality.

Беларускі хрысціянскі рух паўстае ў пачатку XX ст. на хвалі ўздыму нацыянальнага адраджэння, якое ахапіла народы Расійскай імперыі пасля рэвалюцыі 1905–1907 гг. Паўстанне нацыянальных рухаў суправаджалася мадэрнізацыяй усіх сфер жыцця грамадства. Гэты працэс непасрэдным чынам закранае дзеячаў рэлігійных канфесій і самі цэркви. Адпаведна, калі мы кажам пра беларускі хрысціянскі рух, то гэта таксама з'ява цалкам мадэрная.

Працэс нацыянальнага адраджэння ў краінах Цэнтральна-Усходняй Еўропы (ЦУЕ), у тым ліку і ў Беларусі, адбываўся пазней, чым у Заходняй Еўропе, і меў свае асаблівасці. У аснову нацыянальнага вызначэння ўкла-

даўся этнакультурны чыннік, што падзяляла шматэтнічны рэгіён ЦУЕ на шэраг нацыяў-народаў. Акрамя гэтага ў нацыянальнае станаўленне было заангажаванае духавенства. Асаблівую ролю ў нацыянальным самасцвярджэнні народа адыграла каталіцкая царква ў Польшчы і Літве, значным фактарам нацыянальнай свядомасці ўкраінцаў Галіччыны была тамтэйшая ўніяцкая царква.

Змена стаўлення царквы да нацыянальных праектаў ад негатыўнага (паводле Дж. Броілі, у перыяд утварэння нацыяў у Зах. Еўропе) да спагадлівага вызначаецца тым, што, пачынаючы з XVIII ст., Каталіцкая царква сама трапіла пад моцны працэс мадэрнізацыі. Калі ў даіндустрыяльны час канфесійная прыналежнасць, фактычна, вызначала нацыянальнасць у дамадэрным разуменні гэтага тэрміну, а само хрысціянства было пануючай ідэалогіяй у краіне, то, пачынаючы з эпохі Гуманізму і Асветніцтва, пад націскам грамадскіх узрушэнняў часоў буржуазных рэвалюцыяў Каталіцкая царква вымушана была саступаць сваю дамінуючую пазіцыю ў жыцці грамадства.

Вынікам працэсу секулярызацыі стала адлучэнне царквы ад дзяржавы, паступовае вызваленне грамадскіх спраў і інтэлектуальнай дзейнасці ад царкоўных уплываў. У такіх варунках царкве засталася толькі роля настаўніка маралі. З гэтай пары статус царквы мяняецца, кажучы ўтрыравана, калі раней царква кантралявала грамадства, то зараз яна яго абслугоўвае.

Нацыянальныя працэсы ў ЦУЕ давалі новыя магчымасці развіцця для Каталіцкай царквы. Зрабіўшыся нацыянальнай царквой, яна аўтаматычна ператваралася ў адзін са слупоў культурна-духоўнага падмурку ўтворанай нацыі.

На гэты час царква ўжо прыладзілася да новых рэаліяў мадэрнага жыцця. Акрамя душпастырскай місіі царква ўключылася ў палітычную барацьбу ў якасці пэўнага сацыяльнага актора, які павінен набываць уласную вагу і ўтрымліваць сваю сілу за кошт той масы грамадства, якая падзяляла яго ідэі.

У такіх умовах трэба было прыслухоўвацца да патрэбаў "выбаршчыкаў", найбольш уплывовымі сярод якіх у мадэрны час з'яўляюцца банкіры, гандляры і прадпрымальнікі, людзі, якім для паспяховага бізнесу ад царквы неабходна была рацыянальная і лагічная рэлігія, а не абяцанні жыцця на тым свеце. Царква вымушана была падпарадкавацца закону рынка...

Гэтыя трансфармацыі аказалі значнае ўздзеянне на дзеячаў беларускага хрысціянскага руху. Усходняя Еўропа была тым кутком, дзе на ка-

нец XIX ст. царква яшчэ мела моцныя пазіцыі, а народ прытрымліваўся традыцыйных кансерватыўных поглядаў.

Менавіта пачатак XX ст., перыяд найбольш істотных зменаў, стаўся пераломным паміж традыцыйным разуменнем ролі царквы і новым мадэрновым разуменнем, менавіта гэты пераход выразна адбіваўся на лёсе дзеячаў хрысціянскага руху, якія, захопленыя ідэямі нацыянальнага адраджэння, траплялі ў вір міжнацыянальнай барацьбы і палітычных інтрыг.

У гэтай працы нам хацелася б разгледзець постаць выбітнога рэлігійнага і грамадскага дзеяча перыяду нацыянальнага адраджэння і міжваеннага часу ксяндза Андрэя Цікоты. Гэтая асоба, як і большасць прадстаўнікоў беларускага хрысціянскага руху, слаба асветлена ў беларускай гістарыяграфіі. Асобнае даследаванне жыцця і дзейнасці беларускага рэлігійнага дзеяча не існуе. Асноўныя звесткі пра а. Цікоту можна вышукаць ва ўспамінах і мемуарах прадстаўнікоў нацыянальнага руху, сучаснікаў Цікоты, якія выдаваліся ў эміграцыі ці друкаваліся на старонках эміграцыйнай беларускай прэсы. Гэтыя матэрыялы былі збольшага падсумаваны ў выданні *Беларускія рэлігійныя дзеячы XX ст.: Жыццярысы, мартыралогія, успаміны* (Мюнхен, 1999). У гістарыяграфіі дзейнасць айца Цікоты ў асноўным разглядаецца ў дачыненні да дзейнасці беларускага кляштару марыянаў у Друі, які ўзначальваў а. Цікота. У гэтай перспектыве Андрэй Цікота прадстаўлены ў працах А. Надсана [4] і Ю. Туронка [3], якія займаліся даследаваннем гісторыі Друйскага кляштару. У працах Ю. Туронка ён таксама фігуруе як адзін з лідэраў і пачынальнікаў беларускага хрысціянскага руху [5].

Мюнхенскае выданне “Беларускія рэлігійныя дзеячы XX ст.” называе айца Андрэя Цікоту каталіцкім святаром усходняга абраду, манахмарыянінам, архімандрытам, апостальскім адміністратарам Усходняй місіі ў Маньчжурыі і Кітаі, генералам ордэна айцоў марыянаў, рэлігійным і культурна-грамадскім дзеячам, адзіным з творцаў беларускага хрысціянскага руху XX ст., душпастырам і педагогам [1].

Нягледзячы на ўсе відавочныя заслугі і глыбокую пашану да кс. Цікоты як служыцеля Каталіцкай царквы, супярэчлівае стаўленне ў гісторыкаў выклікаюць пэўныя моманты яго дзейнасці. А менавіта, неадназначна ацэньваецца дзейнасць а. Цікоты на нацыянальнай ніве ў міжваенны перыяд, калі ён з’яўляўся супэрыёрам Друйскага кляштара, і яго праца на пасадзе генерала закона марыянаў у Рыме. Узнікае пытанне пра тое, ці з’яўляўся кляштар у Друі беларускім рэлігійным цэнтрам увогуле. Напрыклад, А. Надсан у сваёй кнізе даводзіць, што кляштар

не здолеў стаць месцам канцэнтрацыі беларускага духоўнага жыцця, бо айцы марыяне так і не пашырылі справу аднаўлення ўніяцтва сярод праваслаўных беларусаў – місію, дзеля каторай кляштар, фактычна, ствараўся.

У сваёй кнізе А. Надсан таксама паказвае негатыўныя вынікі працы марыянскага манастыра, яго бяздзейнасць у кірунку зберажэння беларускасці ў рэгіёне. Вядома, што жыхары Друі перад прыходам айцоў марыянаў вызначаліся даволі моцнай беларускай нацыянальнай свядомасцю. Сярод іх паспяхова развівалася беларускае рэлігійнае і грамадскае жыццё. Але яно паволі заняпала са з'яўленнем марыянаў. Высновы А. Надсана былі падтрыманы трапнымі фактамі. Сярод якіх ліст друйскіх парафіянаў, жадаючых, відаць, абараніць айцоў марыянаў ад абвінавачванняў у беларускім нацыяналізме. У гэтым лісце парафіяне параўноўвалі беларускае нацыянальнае жыццё да прыходу марыянаў і пасля іх з'яўлення. З іх словаў выцякала, што асноўным дасягненнем працы марыянаў у культурна-адукацыйным полі было ўзмацненне польскага духу, які цалкам засцілаў беларускія культурныя павевы, узнікшыя за перыяд нацыянальнага адраджэння. І галоўным кіраўніком такой прапольскай працы быў названы кс. супэрыёр А. Цікота [4, 146].

Вартай увагі таксама падаецца крытыка дзейнасці кляштару з боку сучаснікаў Цікоты з ліку грамадскіх і духоўных дзеячаў. Прывядзем найбольш яскравыя выказванні. Кс. Віктар Шутовіч пісаў у 1938 г.: "У гэты момант я сумняюся, ці беларускія законнікі калі што добрага зробяць для свайго народу. <…> Многа (Цікота) рабіў для беларусаў, пакуль не стаўся законнікам. Закон яго пераламаў на нейкага касмапаліта. У Друі ён больш працаваў для палякаў, як для беларусаў" [4, 145]. Язэп Найдзюк у *Хрысціянскай Думцы* ў 1936 г. пісаў, што айцы марыяне "многа працуюць для Каталіцкага касцёла, толькі, на жаль, не ў родным краю, толькі не сярод беларусаў" [7]. У той жа *Хрысціянскай Думцы* адзначалася, што "айцы марыяне ў Друі, нягледзячы на сваю беларускасць, бадай выключна працуюць па-польску і гэтым самым для польскасці" [8].

Сам жа айцец Андрэй Цікота ў лістах да дзяржаўных уладаў і духоўнага кіраўніцтва падкрэсліваў апалітычны статус кляштара, прадпісаны законам, што не дазваляе правядзенне якой-небудзь нацыянальнай дзейнасці. Найбольш яскравым і прыкметным з'яўляецца ліст-справаздача а. Цікоты папскаму нунцыю, у якім адлюстроўваецца нацыянальны бок дзейнасці кляштара [3, 398]. Тут згадваецца і ўтрыманне пры кляштары гімназіі, якая працавала выключна па-польску, і бібліятэка, дзе было толькі 4 беларускія кнігі, і арганізацыя польскіх патрыятычных урачыста-

сцяў, і тое, што з моманту з'яўлення марыянаў у Друі не ўзнікла ніводнага беларускага гуртка, не кажучы пра іншыя арганізацыі.

Прыведзеныя вышэй сведчанні сапраўды пацвярджаюць тое, што дзейнасць Друйскага кляштара марыянаў была не нацыянальна зарыентаваная, а хутчэй наадварот. Тут мы бачым, што не апошняе месца ў гэтай справе займае асоба а. Цікоты, які кіраваў Друйскім кляштаром і быў духоўным лідэрам айцоў марыянаў.

Паспрабуем больш падрабязна разабрацца ў гэтай справе і прасачыць тыя падзеі ў жыцці і дзейнасці святара, якія, магчыма, паўплывалі на перакананні гэтага беларускага рэлігійнага дзеяча.

Андрэй Цікота зацікавіўся ідэямі нацыянальнага Адраджэння ў часы, калі з'яўляўся навучэнцам Віленскай духоўнай каталіцкай семінарыі. Падчас вучобы ў Мітрапалітальнай духоўнай каталіцкай акадэміі ён актыўна ўдзельнічаў у працы беларускага гуртка студэнтаў-акадэмікаў. З'яўляўся адным з арганізатараў і ўдзельнікам I з'езду беларускіх каталіцкіх святароў у Мінску, уваходзіў у саюз ксяндзоў-беларусаў, то бок стаяў ля вытокаў ідэі "беларускай каталіцкай царквы". З гэтай пары пачынаецца яго актыўны ўдзел ў грамадска-палітычнай дзейнасці. У 1918 г. абіраецца сябрам Рады БНР, у верасні 1919 г. уваходзіць у склад Часовага Беларускага нацыянальнага камітэта ў Мінску [1].

З адкрыццём беларускай каталіцкай семінарыі ў Мінску ў 1918 г. запрошаны на пасаду прафесара. У гады польска-савецкай вайны 1920 г. пэўны час знаходзіўся пад арыштам, верагодна, за тую ж беларускую справу. У верасні 1920 г. ён па прапанове біскупа Матулевіча ўступае ў ордэн марыянаў у Марыямпалі [3, 394–395]. Біскуп, які спагадліва ставіўся да беларускага руху, меў на мэце стварэнне марыянскага кляштара для беларусаў. Узначаліць гэты кляштар, які трэба было стварыць і разбудаваць, біскуп Матулевіч прапанаваў маладому і энергічнаму беларускаму святару а. Цікоце.

Відавочна, што яшчэ да марыянскага пасвячэння а. Цікота з'яўляўся актыўным дзеячам беларускага хрысціянскага руху, нават яго лідэрам, таксама актыўным удзельнікам грамадска-палітычнага жыцця краіны. А ўся яго рэлігійная праца была накіравана на тое, каб замацаваць беларускі нацыянальны чыннік у дзейнасці каталіцкай царквы на Беларусі.

Надалей з 1924 г. а. Цікота жыве ў Друйскім кляштары айцоў марыянаў, які і ўзначальвае. Першыя гады ў Друі была разгорнутая шырокая культурная і асветная праца, а сам а. Цікота выступаў за шырокае ўвядзенне беларускай мовы ў душпастырскую дзейнасць каталіцкіх свята-

роў. Аднак такая сітуацыя, спрыяльная для развіцця беларускасці, працягнулася зусім нядоўга. Ужо ў 1925 г. у выніку ціску з боку польскага ўраду, біскуп Матулевіч вымушаны быў пакінуць Вільню. Назначаны на яго месца новы біскуп Р. Ялбжыкоўскі не падзяляў погляды свайго папярэдніка і вызначыўся татальным супрацьстаяннем беларускім пававам у касцёлах Віленшчыны [3, 397]. З гэтага часу пазіцыі друйскіх марыянаў паступова гібеюць.

Зразумела, што асноўнай прычынай такога заняпаду была агрэсіўная антыбеларуская палітыка польскай палітычнай і духоўнай улады. Аднак, па меркаванню некаторых сучаснікаў Цікоты і цяперашніх даследчыкаў, да такога цяжкага становішча кляштара прычыніўся ягоны супэрыёр. А. Надсан пісаў: "Відаць, Цікота думаў, што калі ён згодзіцца на пэўныя саступкі, дык польскія ўлады пакінуць Друю ў спакоі. Ён забыўся, што кожная саступка нахабніку робіць яго яшчэ больш нахабным" [4, 149]. І сапраўды а. Цікота паслухмяна падпарадкоўваецца ўсім загадам свайго духоўнага кіраўніцтва і прымушае астатніх айцоў кляштара строга прытрымлівацца прадпісанняў кіраўніцтва і закону ордэна. Усё гэта дазволіла А. Надсану паставіць яму ў віну "экзальтаванае, але вельмі вузкае разуменне законнага паклікання" [4, 140], што адпаведна і абмяжоўвала памкненні і дзейнасць гэтага "ўзорнага законніка".

Так няўжо ж, сапраўды, "закон яго пераламаў на нейкага касмапаліта"? Думаю, што не! Не той быў чалавек. Такія высновы можам зрабіць, пазнаёміўшыся з успамінамі паплечніка Цікоты, друйскага марыяніна айца Германовіча, які павінен быў найлепш ведаць свайго супэрыёра і па справах у Друі, і па місіі ў Харбіне, і па выпрабаванням савецкіх засценкаў. Язэп Германовіч дае наступную характарыстыку постаці Андрэя Цікоты: "Вонкавыя характэрныя прыметы а. Андрэя рабілі моцнае ўражанне: ягоная магутная фігура, статычная пастава, а ў усходнім абрадзе яшчэ да таго патрыярхальная барада і ягоны тубальны басавы голас, цьвёрда акцэнтаваныя сказы – усё гэта гаварыла аб моцнай волі і аб вялікім чалавеку. Агульна трэба сказаць, што ягонаю самаю выдатнаю цнотаю была глыбокая, пакорная і вытрывалая – аж да мучаніцкае смерці – вера і малітва. Такая вера і малітва «прабівае неба», фармуе моцныя характары і людзей святых" [6]. Вельмі красамоўная характарыстыка, з якой робіцца зразумелым, што гэта моцны духам чалавек, які проста так не мяняе свае погляды і перакананні.

Яшчэ адзін момант, які выразна характарызуе асобу: "Калі бывала ён разважыў які плян і парадзіўся з другімі, а пасьля той плян праводзіў у жыцьцё, дык тады стаяў за яго так цьвёрда, аргумэнтаваў так

аўтарытэтна, што немагчыма было не згадзіцца з ім. Можна сказаць, што таксама а. Андрэй «аргумэнтаваў» у малітве перад самым Госпадам Богам, што Бог ня мог з ім не згадзіцца! Разумею гэта так, як прадстаўляецца ў Эвангельлі. Сам Ісус Хрыстос жадаў такое веры і такое малітвы, кажучы: Каб вы мелі веру, як гарчычнае зярнё і сказалі-б гэтай гары: зрушся і кінься ў мора, і каб вы не сумняваліся, дык яно сталася-б вам. І а. Андрэй не сумняваўся” [6].

Наўрад ці такі чалавек мог адыйсці ад таго кірунку-плану, які вызначыў у маладосці і за які шмат цярпеў. Тут таксама можна паспрачацца і з А. Надсанам, які сцвярджае, што а. Цікота занадта літаральна прытрымліваўся закону і занадта вузка яго разумеў. Чалавек, які “аргументаваў” у малітве з Богам, вінен быў мець заўсёды сваю кропку гледжання. Яшчэ адна цытата: “Малітва а. Цікоты была натуральным актам, без ніякае штучнасці, як праца, або адпачынак, як размова, або нават спрэчка; адным словам, ён так маліўся, як жыў – з поўным перакананнем” [6].

Аналізуючы той партрэт, які намаляваў нам Германовіч, мы прыходзім да хоць досыць суб’ектыўных, але маючых рацыю разважанняў. Атрымоўваецца, што Андрэй Цікота быў упэўнены і перакананы ў вернасці сваёй працы. Інакш, калі б тыя абставіны, якія напаткалі Цікоту ў Друі ці ў Рыме, ці той самы выезд у далёкі Харбін супярэчылі яго перакананням, то, на нашу думку, такі б духоўна моцны чалавек, як а. Цікота, не пагадзіўся б з непрымальнымі акалічнасцямі, не пайшоў бы на прывязі насуперак сваёй волі. Хутчэй за ўсё, менавіта ў гэтых выпрабаваннях ён як раз бачыў сваё сапраўднае служэнне.

Аднак у нас сёння ўзнікаюць пытанні: чаму ўсё ж такі а. Цікота так упарта трымаўся свайго законнага служэння, чаму не здолеў спалучаць свой святарскі абавязак з грамадзянскім доўгам? Каб адказаць на гэтыя пытанні, мы павінны вярнуцца да тэмы, узнятай ва ўступнай частцы гэтай працы. Бо нават сама такая пастаноўка пытання можа гучаць толькі ў дыскурсе мадэрных зменаў канца XIX – пач. XX стст. у Беларусі, калі да душпастырскай місіі святара далучаюцца ягоныя грамадзянскія, нацыянальныя, партыйныя ды іншыя абавязкі.

Такім чынам, мы вяртаемся да праблемы мадэрнізацыі грамадства. Мадэрнізацыя прыносіць новае, праводзячы кардынальныя змены ў палітычным ладзе, грамадскім стане і ў царкве. Вось тут мы і бачым святарства ў час пераменаў. А як глыбока павінны сягаць тыя змены? Ці дакрануцца да сутнасці веры, ці вінны яны парушыць святарскія цноты, па-новаму інтэрпрэтаваць хрысціянскія ідэалы?

Жыццё Андрэя Цікоты добры прыклад "лёсу святара ў часы карэнных зменаў". Пачынаў ён сваю святарскую дзейнасць натхнёны ідэямі нацыянальнага адраджэння. Што, па сутнасці, было цалкам натуральным. Царква абсалютна падтрымлівала права нацыяў на самасцвярджэнне, якія можна было абгрунтаваць асновамі хрысціянскай маралі. На той момант увесь каталіцкі рух у "Паўночна-Заходнім" краі быў захоплены ідэяй нацыянальнага абуджэння, ці то літоўскага, ці то беларускага, ды нават польскага народа. Верагодна, тады а. Цікота быў цалкам упэўнены, што нацыя павінна мець духоўную падтрымку ва ўласнай нацыянальнай царкве. Захапляецца ідэяй уніяцтва, якая магла з'яднаць народ на адзінай духоўнай глебе. Гэтая ідэя прыводзіць яго ў марыянскі закон, які павінны быў служыць адраджэнню Уніі.

Аднак наступствы татальных зменаў былі не настолькі натхняльныя. Святое змаганне з варожым хрысціянскай марылі царскім абсалютызмам і імперскім прыгнётам народаў змянілася на палітычнае супрацьстаянне наноў утвораных нацыяў, узнікненнем новых рэжымаў, якія не менш за царскі імкнуліся папхнуць правы меншасцяў. Больш таго, уцягнутае ў палітычныя і нацыянальныя закалоты духавенства, не зважаючы на хрысціянскія прынцыпы, стаяла на передавой палітычных баталій.

Пасля Рыжскага міру тое самае адбывалася ў адноўленай Польскай дзяржаве. Дэкларуемыя канстытуцыяй правы меншасцяў парушаліся польскімі ўладамі, дэкларуемае Ватыканам права народа на спраўленне культу ў роднай мове папхалася польскімі духоўнымі іерархамі. У поўнай меры адчуў палітычны, па сутнасці, уціск з боку польскага духавенства на сабе і а. Андрэй Цікота. Нават знаходзячыся за мурамі кляштара, яму было не пазбегнуць палітычных інтрыгаў з боку польскіх царкоўных іерархаў і Ватыкану. Польскае духавенства нават не грэбавала супраць марыянаў, а непасрэдна супраць а. Цікоты, рабіць правакацыі, выкарыстоўваючы дзеля гэтых мэтаў фанатыкаў, кшталту кс. Бародзіча. Супэрыёру Друйскага кляштару, а пазней генералу ордэну марыянаў Андрэю Цікоце прыйшлося перажыць і інтрыгі Ватыкану, які ў сваім "паходзе на Маскву" крывадушна выкарыстоўваў беларускіх марыянаў, якія шчыра і з вялікім натхненнем рыхтавалі сябе да працы ў Беларусі. У далёкі маньчжурскі Харбін адпраўляліся выдатныя беларускія святары Абрантовіч, Германовіч ды інш., услед за каторымі выправіўся і сам Цікота [4, 34–52].

У такіх умовах, адчуваючы здраду, неразуменне, крывадушнасць з боку кіраўніцтва царквы і, што найбольш прыкра, з боку калегаў свя-

тароў адзінай каталіцкай царквы, што заставалася шчыраму адданаму служыцелю? Пайсці насуперак, у супраціў? Змагацца? Гэта найбольш просты варыянт і ўсім зразумелы. Праўда, ці адпавядае ён хрысціянскім прынцыпам і ісцінай ролі святара? Іншы шлях больш цяжкі – прыняць і шчыра працягваць сваю місію. Не дзейнічаць па прынцыпу зуб за зуб, спасылаючыся на існуючыя рэаліі, маўляў, "які час – такія норавы".

Вось такі выбар становіцца перад святаром у "часы карэнных зменаў". Верагодна, а. Цікота выбірае шлях чыстага і сумленнага выканання святарскага доўгу і добрапрыстойнага служэння. Гэтаму спрыяе яго статус законніка і супэрыёра кляштара. Кляштар, па сваёй сутнасці, гэта духоўная ўстанова, максімальна аддаленая ад свецкага жыцця, месца зберажэння хрысціянскіх цнотаў і духоўнага самаўдасканалення святароў. Як мы бачым, у гэтым перакананы і ягоны настаяцель. Нездарма а. Цікота забараняе айцам марыянам ўцягвацца не то што ў палітычныя закалоты, а нават у грамадскую дзейнасць. Відаць, на думку а. Цікоты, у часы выпрабаванняў беларускі святар, а тым больш законнік, павінен спавядаць найбольшую добрапрыстойнасць, каб быць узорам астатняму святарству і пастве.

Айцец Цікота не імкнуўся надаць сваёй дзейнасці якое-небудзь нацыянальнае адценне, а наадварот, стараўся пазбегнуць усялякіх мірскіх турботаў. Бо мэтай існавання кляштару ён ставіў выхаванне святароў не ў нацыянальным духу, а ў шчырасці веры і хрысціянскай добрапрыстойнасці. Бо святар найперш душпастыр, а не палітычны дэмагог ці грамадскі дзеяч – абслуговец чыіхсьці інтарэсаў. Пры гэтым нельга сказаць, што кляштар згубіў сваё значэнне як беларускі. Так, ён не меў выразнай нацыянальнай прыкметы ў сваёй культурна-асветніцкай дзейнасці, але ён на працягу існавання быў выхаваўцелем менавіта беларускіх святароў, прычым на высокім духоўным і маральным узроўні. А менавіта шчыра сумленны і добрапрыстойны святар без усялякіх перашкод зразумее натуральныя нацыянальныя патрэбы сваёй паствы і важнасць сваёй ролі ў задавальненні гэтых памкненняў.

Таму натуральна, што сярод паплечнікаў а. Цікоты, для якіх ягоная святасць з'яўлялася ўзорам, былі таленавітыя самаадданыя айцы, такія, як Германовіч, Абрантовіч, Дашута, якія пасля друйскай місіі верай і праўдай служылі справе адраджэння Беларускай царквы ў замежжы. Таксама трэба ўзгадаць выхаванца друйскай гімназіі, для якога, хутчэй за ўсё, а. Цікота быў настаўнікам (найперш духоўным), Юрыя Кашыру. Гэты беларускі айцец марыянін да канца выканаў свой святарскі абавязак, калі добраахвотна пайшоў на смерць разам са сваімі парафія-

намі: – ён і польскі марыянін Ляшчэвіч былі жыўцом спалены немцамі разам з сялянамі в. Росіца ў лютым 1943 г. [4, 135].

Апасродкаваным унёскам айца Андрэя Цікоты ў справу беларускага хрысціянскага руху сталі ягоныя выхаванцы і вучні: Фелікс Журня, Антон і Тамаш Падзявы, Часлаў Сіповіч. Усе яны, актыўныя ўдзельнікі беларускага хрысціянскага руху XX ст., падтрымлівалі ідэю адраджэння беларускай уніяцкай царквы, большасць з іх працавала пасля вайны ў эміграцыі, дзе ім удалося захаваць традыцыю беларускага святарства.

Таму можна казаць, што насамрэч кляштар у Друі з’яўляўся адзіным цэнтрам сапраўднага духоўнага засяроджання Беларусі, які, праўда, так і не стаўся, як сцвярджае А. Надсан, “беларускім цэнтрам рэлігійнага жыцця”.

Пасля гэтых высноў неяк зусім бязглузда гучаць прэтэнзіі нашых сучаснікаў да Цікоты. “Чаму не кіраваўся беларускай нацыянальнай ідэяй у сваёй дзейнасці?” альбо “Ці заставаўся ён да канца жыцця патрыётам?” – сапраўды недарэчныя пытанні да святара-законніка, які лічыў найлепшым для сябе і для краіны выконваць шчыра і сумленна свой духоўны абавязак. На жаль, такая місія святара можа ўжо і не ўкладаецца ў нашу мадэрновую свядомасць. Хоць для цяперашняй Беларусі так неабходны менавіта святары-святары, а не “святары-царквевоздвіженнікі”, “святары-касцёларэстаўруктары” ці “святары-прадпрымальнікі”.

Найлепшая ацэнка асобы а. Андрэя Цікоты прагучыць, напэўна, з вуснаў іншаземца і іншаверца. Яна будзе аб’ектыўнай адзнакай жыцця і працы глыбока набожнага святара і сапраўднага хрысціяніна. Так распавёў на расейскай мове аб апошніх днях жыцця нашага слаўнага духоўнага дзеяча вязня-эстонец, які разам з а. Цікотай пакутаваў у савецкіх засценках: “Действительно, вы, беларусы, можете гордиться такими сыновьями вашего народа, как священник Андрей Тикота. Я с ним дружил до последних дней его мученической жизни. Его любовь к Богу и к ближнему, в том числе и к нашим врагам, была неизмеримой ни в глубину, ни в ширину. Сам страдал неизлечимой болезнью (в условиях лагеря); Его все тело было покрыто одной сплошной раной, но на лице не видно было ужасных страданий. Свои мученические страдания переносил героически с полной духовной силой. Верил в свою близкую кончину и ждал ее, как воскрешения. С ближними, без разницы на вероисповедание, обращался, как с родными братьями. Делился последней крошкой лагерного хлеба, излучал со своей души солнце, которым согревал мрачные от безнадежности души, утешал и внушал веру в справедливость Божую, в лучшее будущее. Насколько только мог, Он спасал собратию лагерную от

духовной и телесной гибели. Я евангелистского вероисповедания, наша церковь не имеет святых, но если такие могут быть и есть, то со всей уверенностью я склоняю голову перед покойным, заключенным Тайшетских лагерей, Отцом Андреем Тикотой и называю его святым”[2].

Літаратура

1. “Беларускія рэлігійныя дзеячы XX ст.: Жыццярысы, мартыралогія, успаміны”. Мюнхен, 1999. // *http://kamunikat.fontel.net/www/knizki/historia/harbinski/brd/brd_07.htm#c* (сакавік 2011).
2. ”Ведамка да біяграфіі а. Андрэя Цікоты М.І.Ц. апостальскага адміністратара ў Харбіне, замучанага ў Тайшэцкіх лягэрох, г.зв. «Камышлягу» за Байкалам”. Беларускія рэлігійныя дзеячы XX ст.: Жыццярысы, мартыралогія, успаміны. Мюнхен, 1999. [Электронны рэсурс]. Рэжым доступа *http://kamunikat.fontel.net/www/knizki/historia/harbinski/brd/uspaminy_14.htm#3* (сакавік 2009)
3. Туронак, Ю. 2006. *Мадэрная гісторыя Беларусі. Да гісторыі Друйскага марыянскага манастыра.* Вільня: Інстытут беларусістыкі.
4. Надсан, А. 2006. *Pro patria aliena. Кляштар беларускіх айцоў марыянаў у Друі (1924–1938).* Менск.
5. Туронак, Ю. 2006. *Мадэрная гісторыя Беларусі. Падрэзаныя крылы.* Вільня: Інстытут беларусістыкі.
6. “Беларускія рэлігійныя дзеячы XX ст.: Успаміны аб а. Андрэю Цікоце”. Жыццярысы, мартыралогія, успаміны. Мюнхен, 1999. [Электронны рэсурс]. Рэжым доступа *http://kamunikat.fontel.net/www/knizki/historia/harbinski/brd/uspaminy_14.htm#3* (сакавік 2009)
7. *Chryścijanskaja Dumka*, № 10, Vilnia, kastryčnik 1936, s.7.
8. *Procій ajcой maryjanaй* // Chryścijanskaja Dumka, № 14(140), Vilnia, 15.7.1936. S. 4.

Евгений Задруцкий
(БГУ, Минск)

О НАСТРОЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В 1944 году

The article discusses the differences in the mood and opinions of the Polish and Belarusian population and the influence of both sides of the conflict: Soviet authorities and Armija Krajowa on the attitude of local population to the actions of the authorities of the time: the question of the state border, mobilization, migration of the population forced by them and propaganda of both the Polish and the Soviet side.

В Западной Беларуси после освобождения от немецко-фашистских захватчиков образовалась сложная ситуация. Военная разруха и жесткая политика советской власти переплетались с культурными особенностями региона и наличием многочисленного и боеспособного польского подполья (Армии Крайовой), выступавшего за возвращение Западной Беларуси в состав Польши в границах 1939 года.

Все эти факторы оказали значительное влияние на настроение жителей Западной Беларуси, которые одновременно подвергались пропагандистскому воздействию польских подпольщиков, ориентированных на Лондонское правительство, польских просоветских организаций, советской власти и, местами, немецкой агитации.

В целом настроение жителей Западной Беларуси можно охарактеризовать следующими чертами: неясность и запутанность ситуации; ожидания, связанные с Польшей и будущей границей; боязнь мобилизации в Красную Армию или Армию Берлинга; отношение к политике пересе-

ления поляков из БССР в Польшу и белорусов из Польши в БССР; отношение к различным сторонам конфликта в целом.

Неясность и запутанность ситуации выражалась в многовластии или авторитете сразу нескольких сил, которые утвердились в Западной Беларуси. В первую очередь это касалось Лондонского эмигрантского правительства, большевистской власти в Москве и Варшавского коммунистического правительства [1, 107]. Как свидетельствуют документы, многие поляки открыто и сознательно поддерживали Лондонское правительство, говоря: «Созданное национальное правительство – это советское правительство, одетое в польскую форму. Настоящее правительство – это то, что в Лондоне» [2]. С Лондоном местные поляки связывали определенные ожидания возвращения Западной Беларуси в состав возрожденной Польши.

Данные ожидания были связаны с вопросом о будущей государственной границе. Западная Беларусь того периода – обширный регион повсеместного чередования белорусского и польского населения, поэтому определить границу, справедливую с этнической точки зрения, было довольно проблематично. При этом пресловутая «линия Керзона» в некоторых кругах номенклатуры БССР не считалась объективной и справедливой, что ярко охарактеризовала ситуация с Белостоком. После освобождения страны летом 1944 года Белосток был передан под управление органов БССР. При этом «линия Керзона» называлась необъективной, так как «лорд Керзон был врагом Советского государства» [3, 5].

Данный вопрос урегулировали Ялтинская конференция и договор о советско-германской границе от 16 августа 1945 г. [10]. По этим соглашениям Подляшье отошло в состав Польши, что вызвало сопротивление среди белорусского населения этих земель и возражения части советской номенклатуры [3, 7]. Кроме того польское подполье распространяло среди населения слухи, что якобы бывшие восточные области Польши (Барановичская, Пинская, Вилейская, Брестская и Белостокская) будут ей возвращены [4]. При этом отмечалось, что «на неграмотный и темный народ такая агитация действует гораздо больше, чем мы предполагали» [4]. Данная пропаганда вместе с деятельностью подпольщиков дезориентировала жителей западных областей республики и сильно влияла на срыв мероприятий советской власти.

Одним из таких мероприятий было проведение мобилизации. Мужчинам призывного возраста предоставлялся выбор: идти служить в Советскую Армию или Войско Польское. Но и то и другое означало идти на войну [6, 21]. Жители Западной Беларуси массово уклонялись от явки

на призывные пункты и уходили в леса. Так, за время проведения операции по очистке западных областей Беларуси от «бандитского и антисоветского националистического подполья» (терминология НКВД) было задержано с июля 1944 по 1 сентября 1945 г. 97094 человека, из них дезертиров и уклонистов от службы в Красной Армии – 82752 человека. С покаянием пришло 48188 дезертиров и уклонявшихся от мобилизации [7, 217].

Массовую неявку на призывные пункты органы КП(б) Беларуси объясняли «трехлетней агитацией фашистских мерзавцев и пропагандой агентов СД и предателей, которые еще не выявлены и, притаившись, ведут бешеную агитацию против всех проводимых партией и Советской Властью на селе мероприятий» [5]. Польское подполье также внесло свою лепту в срыв мобилизации в армию. Особенную активность аковцы проявили в первые месяцы после освобождения. Так, они заявляли: «Вас обманывают польской армией, а отмобилизовав, погонят всех в Сибирь». Были случаи, когда призывные повестки поляки топтали ногами, требуя польских офицеров. Подпольщики призывали идти «в настоящую армию, а не в армию Ванды Василевской» [2].

Еще одним важным мероприятием Советской власти того периода было переселение поляков из БССР в ПНР, а белорусов из ПНР в БССР, проводимое на основе соглашения между государствами от 9 сентября 1944 и дополнительного протокола от 25 ноября 1945 года. Причин, по которым поляки изъявили желание переселиться в Польшу, было несколько: неприятие крестьянами политики советской власти в области сельского хозяйства, направленной на создание колхозно-совхозного хозяйства, высокие налоги, негибкая политика в отношении польской культуры, закрытие польских школ и костелов и позиция аковского подполья, исходившая из интересов Лондонских кругов. Особое неприятие советской политики выказала интеллигенция. Так, почти половина учителей Гродненской области изъявила желание выехать в Польшу. Огромное влияние на процесс переселения оказало подполье. О том, насколько оно было значительным, свидетельствует донесение райпредставительства СНК БССР из Гродно (декабрь 1944 г.), где сообщалось, что «…все польское население находится под огромным влиянием польских белобандитов, которые говорили полякам, что никуда ехать не нужно, что тут будет Польша». Однако после того как стало ясно, что «Польши тут не будет», отношение аковцев кардинально изменилось: подпольщики стали призывать, иногда под угрозой оружия, выезжать в Польшу, что резко увеличило количество переселенцев [9, 342–346].

В целом очень трудно судить о том, на чьей из конфликтных сторон находились симпатии населения – на стороне СССР или АК. Можно, однако, с уверенностью сказать, что для данного периода характерно более сильное влияние Армии Крайовой на местное население, особенно в сельской местности. Деятели польских националистических организаций налаживали связи и управление жителями в рамках «подпольного государства» на протяжении всей войны, ведя активную агитацию и пропаганду. О поддержке населением подполья свидетельствует тот факт, что оно продолжало действовать довольно долго, несмотря на эффективные действия советской власти по его уничтожению. Польские подпольщики порой действовали в открытую. Из сельсоветов выгоняли представителей партийного и советского актива, несли патрульную службу днем и ночью [4].

Отношение к советским органам власти было иным, а факты проявления антисоветской деятельности – более частыми. В качестве причин этого органы новой власти видели плохо налаженную агитационную деятельность среди населения, а также оперативно-розыскную работу. Не распространялись газеты, не была налажена работа изб-читален. Так, в справке о политическом состоянии в Свирском районе Вилейской области сообщается: «Органы НКВД недостаточно развернули работу по вылавливанию бандитских групп и их руководителей и в некоторой степени имеют место проявления беспечности... Работники НКВД очень медленно и нерешительно ведут борьбу с бандитами. Отдельные работники НКВД в результате ротозейства и благодушия упускают пойманных бандитов» [9].

В целом можно сказать, что политическое настроение жителей Западной Беларуси не было устойчивым и в период после освобождения страны характеризовалось туманным представлением о ситуации. Активное влияние на него оказывала агитация польского подполья и во все возрастающей степени – работников партийно-советского актива.

Литература

1. Вялікі, А.Ф. 2005. *На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944–1946).* Мн.: БДПУ.
2. Фонд 4п. Оп. 9. Д. 117. Справка о некоторых фактах антисоветских выступлений и бандитизма со стороны отдельных групп населения в западных областях БССР.
3. *Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...* 2009. Т. 2. Мн.: Беларуская навука.

4. Фонд 4п. Оп. 9. Д. 117. Спецсообщение о положении в Ивьевском и Юратишковском районах, Барановичской области.
5. Фонд 4п. Оп. 9. Д. 117. Спецсообщение о ходе уборки урожая и мобилизации в Красную Армию в Жабичском районе Пинской области.
6. Гриб, М.И. 2006. *Белорусский мост: история, факты, события.*
7. Сямашка, Я. 1994. *Армія Краёва на Беларусі.* Мн.: Беларускае выдавецкае Таварыства “Хата”.
8. Вялікі, А.Ф. 2004. Перасяленне польскага насельніцтва з Гродзенскай вобласці ў Польшчу 1944–1946 г. Прычыны. Ход. Вынікі // 60-летие образования Гродненской области: Материалы Междунар. науч. конф., 3–4 марта 2004 г., Гродно / Отв. ред. В.А. Белозорович. Гродно: ГрГУ.
9. Фонд 4п. Оп. 9. Д. 117. Справка о политическом состоянии в Свирском районе Вилейской области сообщается.
10. *http://pravo.levonevsky.org/bazaby/mdogov/megd4949.htm* <Договор от 16 августа 1945 г. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой о советско-польской государственной границе>

ГІСТОРЫЯ ПАЎСЯДЗЁННАСЦІ БЕЛАРУСІ

Крысціна Мэта
(ЕГУ, Вільнюс)

ЭТНАГРАФІЧНАЕ ВЫВУЧЭННЕ БЕЛАРУСІ КАФЕДРАЙ ЭТНАЛОГІІ І ЭТНАГРАФІІ ЎНІВЕРСІТЭТА ІМЯ СТЭФАНА БАТОРЫЯ

The object of study is the history of Belarusian ethnology in the 20th century. The subject of the study is the department of ethnography and ethnology of Stefan Batory University. The first chapter deals with the contribution of K. Moshynsky and C. Erenkeyceva to the development of the department. The second chapter is about the study of Belarus by St. Batory University students in the 1920-30s.

Уводзіны

Кафедра этналогіі была адкрыта ва ўніверсітэце Стэфана Баторыя ў 1924 годзе. Яе кіраўнікамі з'яўляліся Цэзарыя Эрэнкрэйцава (1924–1934 гг.) і Казімір Машынскі (1935–1940 гг.), унёсак якіх у развіццё кафедры цяжка перабольшыць. Дзякуючы намаганням выкладчыкаў, кафедра пераўтварылася ў паўнавартасны цэнтр этналагічных даследаванняў у 20–30 гады XX ст.: быў створаны этналагічны музей, арганізоўваліся этналагічныя экспедыцыі на беларускія землі, створаны гурток этнолагаў. На жаль, на сённяшні дзень архіўныя матэрыялы, якія датычацца працы кафедры, знаходзяцца ў зусім неапрацаваным выглядзе, нягледзячы на тое што некаторыя з іх маюць непасрэднае дачыненне да Беларусі і з'яўляюцца вартаснымі для далейшага этналагічнага вывучэння. Менавіта таму мэтай дадзенай працы з'яўляецца акрэсленне і асэнсаванне намаганняў студэнтаў і выкладчыкаў па этнаграфічнаму вывучэнню Беларусі. У прапануемым артыкуле пастараемся непасрэдна

вызначыць, хто і калі наведваў Беларусь з экспедыцыямі, а таксама даць характарыстыку накірункам этналагічнага вывучэння Беларусі супрацоўнікамі кафедры.

Этнаграфічнае вывучэнне Беларусі прафесарамі кафедры этналогіі Ц. Эрэнкрэйцавай і К. Машынскім у 20–30 гг. XX ст.

З'яўленне кафедры этналогіі ва ўніверсітэце Ст. Баторыя ў Вільні стала важнай з'явай як для польскай этналогіі, так і для вывучэння рэгіёна, у які ўваходзілі беларускія землі. Як паказаў час, матэрыялы, сабраныя менавіта з гэтых тэрыторый, былі пакладзены ў аснову этналагічных прац знакамітых польскіх даследчыкаў і прафесароў кафедры – Ц. Эрэнкрэйцавай, К. Машынскага, а пазней і іх вучняў. Увага да беларускага этнаграфічнага матэрыялу, уменне яго збіраць і апрацоўваць дазволілі ім стаць знакамітымі даследчыкамі як на тэрыторыі Польшчы, так і па-за яе межамі.

Ц. Эрэнкрэйцава і К. Машынскі – гэта постаці, лёс якіх на працягу ўсяго жыцця быў вельмі сугучным, аднак шляхі іх сышліся толькі падчас працы ва ўніверсітэце Стэфана Баторыя. Цікава, што абодва прафесары займаліся зборам і вывучэннем этнаграфічнага матэрыялу, які тычыўся непасрэдна Беларусі. Сведчаннем гэтаму могуць служыць экспедыцыі К. Машынскага на Беларускае Палессе, якіх у прамежку ад 1914 да 1937 года было здзейснена пяць, тры з іх далі шмат этнаграфічнага матэрыялу (1924, 1926, 1932 гг) [1, 301–309]. Матэрыялы, сабраныя падчас гэтых экспедыцыяў, былі пакладзены ў працу жыцця прафесара – двухтомнік "Народная культура славян" [9].

Што датычыцца Цэзарыі, то яна праводзіла даследаванні матэрыяльнай і духоўнай культуры ў ваяводствах: Віленскім, Навагрудскім, Беластоцкім, на паўднёва-заходнім Палессі, на яго граніцы з Падляшшам і г.д. Матэрыялы, якія былі сабраны падчас экспедыцыяў, былі пакладзены ў аснову дзвюх грунтоўных прац Ц. Эрэнкрэйцавай – "Ланцуг традыцый" [4] і "Дзве навукі, дзве культуры" [3].

Такім чынам, мы можам адзначыць, што абодва прафесары на пачатку XX ст. паралельна займаліся актыўным вывучэннем матэрыяльнай культуры беларусаў. Экспедыцыі, якія былі імі арганізаваны, здзяйсняліся прыкладна ў адзін і той жа час і ахоплівалі адны і тыя ж тэрыторыі. Матэрыялы, якія былі надрукаваны на падставе экспедыцый, узаемадапаўняюць адзін аднаго. У сукупнасці іх працы

нагадваюць мазаіку: калі правільна знайсці лагічную сувязь, можна ўбачыць больш-менш цэласны малюнак жыцця Беларусаў пачатку XX ст. Той факт, што менавіта К. Машынскі змяняе Ц. Эрэнкрэйцаву на пасадзе загадчыка кафедры, кажа толькі пра тое, што яна лічыла яго сапраўды добрым этнолагам і верыла, што ён не толькі не загубіць тое, што стваралася ёю на працягу многіх гадоў, а больш таго, пачне новы віток у жыцці кафедры.

Так яно і адбылося. Першапачаткова кафедра існавала пад назвай "Этналагічная Майстэрня". У яе склад уваходзілі непасрэдна сама этналагічная майстэрня і этнаграфічны музей. Асноўнай задачай дзейнасці кафедры, як пісала яе стваральніца Ц. Эрэнкрэйцава, "было запаўненне лакун у вобласці этнаграфіі польскай, літоўскай і беларускай" (або яшчэ адзін тэрмін, які яна ўжывала, – "на землях былога ВКЛ"). Рэгіёны, якія былі абхопленыя даследчымі інтарэсамі кафедры і музея, уключалі ў сябе Віленшчыну, Наваградчыну, часткова тэрыторыю Беларускага Палесся і ваяводстваў Гарадзенскага і Беластоцкага [6, 75].

Дзякуючы намаганням Ц. Эрэнкрэйцавай, з першых дзён свайго існавання кафедра мела вельмі добрую арганізацыю і ўтрымлівала ўсё неабходнае для падрыхтоўкі этнолагаў, здольных да самастойных даследаванняў. Пры кафедры была ўтворана бібліятэка, якая, дзякуючы супрацоўніцтву і сяброўскім адносінам з польскімі і літоўскімі этнаграфічнымі таварыствамі, перыядычна ўзбагачалася новымі выданнямі і матэрыяламі. Колькасць асобнікаў у бібліятэцы на пачатку працы налічвала 1600 тамоў [5, 76]. Таксама Цэзарыя вырашыла стварыць пры кафедры этнаграфічны музей, які павінен быў стаць цудоўным дыдактычным і візуальным дадаткам да працэса выкладання. Гэтая ідэя была горача падтрымана студэнтамі, якія, у сваю чаргу, адыгралі немалаважную ролю ў працэссе яго станаўлення. Музей мусіў даць студэнтам магчымасць непасрэднага кантакту з прадметамі матэрыяльнай культуры, што з'яўляецца дастаткова важным момантам у працэсе навучання [5, 82].

Дакументы літоўскага архіва, а менавіта справаздача Цэзарыі ад 29 снежня 1926 года, даюць нам магчымасць сцвярджаць, што ўжо на першым часе існавання кафедры, 1924–1925 гг., Ц. Эрэнкрэйцавай і яе студэнтамі было здзейснена некалькі экспедыцыяў на "польскія, рускія і літоўскія землі". У сваёй справаздачы Цэзарыя адзначае, што "даследаванні ў ваяводстве Віленскім праводзіліся ў ліпені, жніўні і верасні, а ў ваяводстве Наваградскім – у красавіку і лістападзе. Падчас экспедыцыяў былі наведаны наступныя мясцовасці: Кошына, Кіена, Запруддзе, Барэй-

каўшчына, Міхалоўка, Мешнікі, Загоры і многія іншыя вёскі ў ваяводстве Віленскім. У Навагрудскім былі даследаваны вёскі: Навасёлкі (пад Навагрудкам), Садоўнікі, Лясная" [6, 45].

Даследаванні ахапілі таксама і Лідскі павет, дзе была наведана вёска Агароднікі. Факт існавання гэтай справаздачы дае нам магчымасць сцвярджаць, што акрамя добра вядомай, дзякуючы артыкулам у выданні "Этнаграфіка" [7] і "Балтыкаславіца"[5], экспедыцыі ў вёску Мешканцы Віленска-Троцкага павета ў 1932 годзе, ужо з першых гадоў існавання кафедры праводзіліся экспедыцыі на беларускія землі. На жаль, звесткі пра іх утрымлівае толькі дадзены дакумент.

Калі паспрабаваць даць агульную ацэнку намаганням прафесароў, то фраза "яны з'яўляліся бацькамі кафедры" поўнасцю б адлюстравала ўсё тое, што было імі зроблена на працягу 15 год яе існавання. На Ц. Эрэнкрэйцаву, як на першую загадчыцу кафедры, была ўскладзена вельмі вялікая адказнасць. Калі прафесарку толькі запрасілі на выкладанне, "кафедра этналогіі і этнаграфіі" ўяўляла нішто іншае, як ідэю, якая, дзякуючы яе намаганням, пераўтварылася ў сапраўдны навуковы цэнтр. Трэба сказаць, што гэты шлях ад ідэі да яе ўвасаблення быў дастаткова складаным і ўтрымліваў шмат перашкод, сярод якіх былі як фінансавыя цяжкасці, так і недахоп матэрыялу, як візуальнага, так і бібліяграфічнага, для выкладання. Аднак гэтыя праблемы Ц. Эрэнкрэйцава пераадолела ўжо на першым часе станаўлення кафедры. Навуковыя традыцыі, якія былі закладзены Цэзарыяй, з самага пачатку накіроўвалі студэнтаў да асабістых этнаграфічных даследаванняў, у тым ліку і на вывучэнне беларускіх зямель.

Цэзарыя імкнулася навучыць студэнтаў усяму таму, што ведала сама, заклала той інфармацыйны базіс, які быў неабходны яе вучням для далейшага прафесійнага росту, а К. Машынскі працягнуў пачатую Цэзарыяй працу і даў студэнтам магчымасць выкарыстаць іх веды на практыцы. Такім чынам, жыццё кафедры можна ўмоўна падзяліць на два перыяды: тэарэтычная частка і практычная. Першай займалася Цэзарыя, другой – К. Машынскі. Этап кіравання кафедры Машынскім быў проста неабходны студэнтам на шляху іх уласнага станаўлення як этнолагаў. Веды, якія яны атрымалі ад прафесара ў сукупнасці з тым, што раней было перададзена ім Ц. Эрэнкрэйцавай, склалі проста неверагодны інфармацыйны падмурак, які вельмі дапамог студэнтам як падчас напісання магістэрскіх прац, так і падчас іх уласнай прафесійнай кар'еры.

Этнаграфічнае вывучэнне Беларусі студэнтамі кафедры этналогіі ўніверсітэта Ст. Баторыя ў 20–30 г. XX ст.

У 1924 годзе кафедра этналогіі адчыніла свае дзверы для першых студэнтаў. Працэс навучання быў арганізаваны такім чынам, каб забяспечыць студэнтам усебаковае развіццё ў галіне этналогіі. Падчас навучання ва ўніверсітэце перад студэнтамі кафедры адкрываліся шырокія магчымасці: гэта і самастойныя даследаванні, экспедыцыі, праца ў музеі пры кафедры і многае іншае. Такім чынам, ужо з першага года навучання студэнты мелі магчымасць адчуць сябе сапраўднымі этнолагамі. Непасрэдны ўдзел у даследаваннях сваіх выкладчыкаў таксама вельмі натхняў студэнтаў на самастойныя працы і асабістае самаразвіццё як этнолагаў.

Традыцыя ствараць студэнцкія гурткі па інтарэсах з'явілася ва ўніверсітэце Стэфана Баторыя яшчэ на першым часе яго існавання. Сведчаннем гэтаму можа служыць вялікая колькасць студэнцкіх аб'яднанняў, звесткі пра якія захоўваюцца ў Літоўскім нацыянальным архіве. Студэнты кафедры этналогіі і этнаграфіі таксама не парушылі ўніверсітэцкую традыцыю, і ўжо праз год пасля заснавання кафедры, у сакавіку 1925 года, студэнтамі быў утвораны гурток этнолагаў. Ён меў свой статут, касу і кіраўніцтва. У статуце гуртка, які захаваўся ў Літоўскім цэнтральным архіве, прапісаны наступныя яго мэты: навуковая праца, правядзенне этналагічных і этнаграфічных даследаванняў на землях паўночна-ўсходняй Польшчы, захаванне культуры [10, 46].

Першапачаткова гурток займаўся толькі арганізацыйнай працай. З цягам часу яго дзейнасць усё больш і больш пашыралася. Студэнты спрабавалі займацца актыўнай навуковай дзейнасцю. У 1926–1927 гг. працы да гуртка этнолагаў запрашаліся прафесары сумежных дысцыплін, якія чыталі даклады, а затым дыскутавалі са студэнтамі. Студэнты, у сваю чаргу, таксама не заставаліся пасіўнымі і чыталі свае ўласныя рэфераты падчас сустрэч удзельнікаў гуртка. Рэфераты, якія рыхтаваліся студэнтамі, былі самай разнастайнай тэматыкі, аднак вялікая колькасць з іх была прысвечана вывучэнню менавіта матэрыяльнай культуры беларусаў [7, 269].

У 1927 годзе былі агучаны рэфераты, якія мелі непасрэднае дачыненне да Беларусі: Л. Туркоўскі, О. Свенічова "Дні, прысвечаныя памерлым, у павеце маладзечанскім", М. Пецюкевіч "Абрады божага нараджэння ў Браслаўскім павеце", "Варажбы і забавы ў перыяд божага нараджэння ў павеце Браслаўскім", Карыбутак "Упрыгожанні ў будаўніцтве" [7, 38].

Акрамя навуковай дзейнасці, гуртком таксама арганізоўваліся экспедыцыі. Дакладна вядома экспедыцыя, якая была арганізавана ў 1931 годзе. Звесткі пра яе мы знаходзім у часопісе “Этнаграфіка” [7], які выдаваў гурток, і зборніку справаздач пра падзеі, якія адбываліся ўнутры кола: лекцыі, агучаныя рэфераты, праведзеныя экспедыцыі і г.д.

Дзякуючы падтрымцы Цэзарыі Эрэнкрэйцавай, гурток этнолагаў атрымаў фінансаванне і магчымасць адправіцца ў польскую вёску Мешканцы Віленска-Троцкага павета. Вёска налічвала 126 жыхароў, людзі ў асноўным размаўлялі па-польску, аднак сустракаліся таксама літоўска- і беларускамоўныя жыхары. На вёсцы адбіліся як беларускія, так і польскія ўплывы.

Падчас экспедыцыі было сабрана каля 100 фотаздымкаў, запісана каля 90 мелодыяў, а таксама прывезена 70 экспанатаў матэрыяльнай культуры са ўсёй вёскі. Матэрыялы пазней былі надрукаваны [7, 6].

Акрамя самастойных выездаў студэнтаў і экспедыцыі ў веску Мешканцы, студэнты яшчэ падчас працы Машынскага ў Ягелонскім універсітэце дапамагалі прафесару ў зборы этнаграфічнага матэрыялу. Пачынаючы з канца 20-х гадоў ХХ ст., Казімір Машынскі пачаў прыцягваць студэнтаў з Вільні да сбору беларускіх этнаграфічных матэрыялаў па духоўнай культуры. Гэтыя матэрыялы былі неабходны Машынскаму для заканчэння другога тома “Народнай культуры славян”. Сам ён лічыў, што Беларусь і асабліва Палессе для маладога этнолага з’яўляюцца скарбніцай ведаў, лепшую за якую цяжка сабе ўявіць. Студэнты з вялікай адказнасцю падыходзілі да збору матэрыялаў. Марыя Пруферава займалася зборам этнаграфічнага матэрыялу вакол Вільні, Туркоўскі даследаваў Гродзенскі, Лунінецкі, Пінскі, Кобрынскі, Касоўскі, Ваўкавыскі, Баранавіцкі, Слонімскі, Валожынскі і Лідскі паветы. Пецюкевіч даследаваў свой родны Браслаўскі павет, а таксама паветы Дзісненскі, Пастаўскі, Вілейскі, Ашмянскі [2, 107–116].

Магістэрскія працы студэнтаў прадстаўлялі сабой вельмі вартасны этнаграфічны матэрыял. Падчас навучання студэнты накіроўвалі ўсе свае сілы на тую тэму, якая іх больш за ўсё цікавіла, што ў далейшым вылівалася ў сур’ёзныя этналагічныя даследаванні, якія станавіліся сапраўды значным унёскам у развіццё этналагічнай навукі. Так, Марыя Пруферава займалася вывучэннем рачнога і азёрнага рыбалоўства ў ваяводствах Віленскім, Наваградскім, у ваколіцах Друскенінкаў, у Швецыі, Нарвегіі. Яе магістэрская праца называлася “Рыбалоўства ў павеце Троцкім” (асобнік гэтай кнігі можна знайсці ў Літоўскім нацыянальным архіве) [8]. В. Дыноўскі праводзіў этнаграфічныя даследаванні на землях былога Вялікага

княства Літоўскага. Ён вывучаў разьбу, мэблярства і абсталяванне, якое для гэтага неабходна. Напісаў магістэрскую працу “Каляровыя куфры ў ваяводстве Віленскім, Наваградскім і на Палессі”. Л. Туркоўскі даследаваў ганчарства на землях былога Вялікага Княства Літоўскага. Яго цікавіла традыцыйнае ганчарства, ткацтва, бандарства, рольніцтва, а таксама некаторыя абрадавыя звычаі (культ Св. Ежага). Напісаў працу “Ганчарства на землях былога Вялікага Княства Літоўскага” і магістэрскую працу “Ткацтва ў ваяводстве Віленскім, Наваградскім, Палессі”. Адзіны выхадзец з Беларусі М. Пецюкевіч большасць сваіх даследаванняў праводзіў на радзіме, на Браслаўшчыне. Ва ўніверсітэце цікавіўся духоўнай культурай. Тэма яго магістэрскай працы – “Прымітыўныя рысы матэрыяльнай стараверскай культуры ў павеце Браслаўскім” [7, 38].

Пакаленне этнолагаў, якое было выхавана падчас існавання кафедры, зрабіла значны ўнёсак як у этналагічную навуку ў цэлым, так і ў вывучэнне асобных напрамкаў. Сярод найбольш адметных – студэнты Марыя Знаміроўска-Пруферава, Мар’ян Пецюкевіч, Люцыян Туркоўскі, Вітольд Дыноўскі і многія іншыя, хто пасля заканчэння ўніверсітэта стаў здольным працягнуць працу сваіх выкладчыкаў і пераўтварыўся ў самастойнага этнолага.

Асаблівае значэнне сабраныя матэрыялы мелі для вывучэння гісторыі штодзённасці. Калі зазірнуць у апытальнікі да экспедыцыяў, якія захаваліся на сённяшні дзень, становіцца відавочным, наколькі ўсебакова вывучалася жыццё жыхароў даследуемых вёсак. Напрыклад, апытальнік Ц. Эрэнкрэйцавай закранае наступнае кола пытанняў: мастацтва і промыслы, Каляды, рытуалы Вялікадня, посуд, ткацтва і інш. Пытанні з апытальніка М. Пруферавай датычацца непасрэдна рыбалоўства: традыцыі і абрады рыбакоў, водны транспарт. Л. Туркоўскі і даследуе ганчарства, ткацтва. Астатнімі студэнтамі закранаюцца таксама такія пытанні, як святкаванне Дзядоў, медыцына, музыка, літаратура, радзільная абраднасць і інш. [5, 6].

Такім чынам, можна ўбачыць, што матэрыялы, якія былі сабраны па вышэйзгаданых пытаннях, могуць стаць вартасным матэрыялам для аднаўлення карціны штодзённага жыцця жыхароў даследуемых рэгіёнаў.

Заключэнне

Можна сцвярджаць, што кафедра этналогіі ўніверсітэта ім. Ст. Баторыя, якая на пачатку 20-х гадоў XX ст. была проста этналагічнай майстэрняй, напрыканцы гэтага дзесяцігоддзя пераўтварылася ў паўнавар-

тасны навуковы цэнтр, дзе існавала і актыўна дзейнічала таварыства студэнтаў-этнолагаў. Тут існавалі грунтоўная спецыялізаваная бібліятэка і этнаграфічны музей, які першапачаткова выкарыстоўваўся як дыдактычны дапаможнік, а пазнейператварыўся ў рэгіянальны музей.

Станаўленне і актыўнае развіццё кафедры этналогіі ўніверсітэта Ст. Баторыя ў Вільні было звязана з намаганнямі двух прафесароў, знакамітых польскіх этнолагаў К. Машынскага і Ц. Эрэнкрэйцавай. Дзякуючы іх намаганням, пры кафедры было падрыхтавана кола студентаў этнолагаў, якія пачыналі свае навуковыя даследаванні, выкарыстоўваючы этнаграфічны матэрыял, сабраны на Беларусі. Сярод іх можна адзначыць Л. Туркоўскага, З. Карыбуціяка, М. Сванівічову, М. Знамеровску-Пруфераву, М. Пецюкевіча.

Багаты этнаграфічны матэрыял быў скарыстаны выкладчыкамі і студэнтамі кафедры для напісання шматлікіх навуковых артыкулаў, якія выходзілі ў перыядычным друку. Асаблівае месца ў ім займае зборнік прац студэнтаў, членаў гуртка этнолагаў, "Этнаграфіка", у якім былі змешчаны першыя іх навуковыя артыкулы. Акрамя гэтага сабраны матэрыял быў уключаны ў падручнік "Народная культура славян", другая частка якога была прысвечана духоўнай культуры. Значная колькасць сабранага матэрыяла была скарыстана для экспазіцыі этнаграфічнага музея, які быў створаны пры кафедры.

Літаратура

1. Махнач, А.І. 2009. *"Працы гістарычнага факультэта БДУ". Навуковы зборнік.* Вып. № 4. Мн.:, БДУ, 301–309.
2. Махнач, А.І. 2009. "Российские и славянские исследования". *Беларусь у навуковай і педагагічнай дзейнасці Казіміра Машынскага*. Мінск: БДУ, 107–116.
3. Baudouin de Courtenay Ehrenkreutzowa, Cezarija. Dwie kultury i dwie nauki [Дзве навукі і дзве культуры]. 1936. Warsawa: Wydzial Wychowania polytyczn-Obywatelskiego przy Zarzadzie Glownym Z.P.O.K.
4. Baduin de Courtenay-Ehrenkreutz-Jedrzewiczowa, C. Lancuch tradycji. Teksty wybrane. Wybor: Lech Mroz i Anna Zadrozynska. Warsawa: 2005, 346 s10) Ehrenkreutzowa, C. Do Departamentu Nauki I Skol Wyzszych Ministerstwa Wyznan Religjnych I Oswiecenia Publicznego.Wilno: 29.XII.1926 r.// Lietuvos centrinis valstybes archyvas. – Kolo Etnologow, F. 175, Ap. 15, b. 29. S. 45.
5. Baduin de Courtenay-Ehrenkreutz-Jedrzewiczowa, C. Zaklad etnologji uniwersitetu Stefana Batorego w Wilnie i jego zadania.W: Balticoslavica/ Pod redakcja Wlodzimiera Antoniewicza, Cezaria Baduin de Courtenay-Ehrenkreutz-Jedrzewiczowa, Jalo

Kalima, Oskar Loorits. Vilno: Instytut naukowo-badawczy europy wschodniej z zasilku fuduszu kultury narodowey, 1933, 243 s.
6. Ehrenkreutzowa, C. Do Departamentu Nauki I Skol Wyzszych Ministerstwa Wyznan Religijnych I Oswiecenia Publicznego. Wilno. 29.XII.1926r.//Lietuvos centrinis valstybes archyvas – Kolo Etnologow, F. 175, Ap. 15, b. 29. S. 45.
7. Kolo etnologow studentow U.S.B. *Etnographica.* Wlno: 1937 r., 38 s.
8. Lietuvos centrinis valstybes archyvas//Marija Znamierowska Prufferowa. F. 175, Ap. 5 b. 1353.
9. Moszyński, K. 1967. *Kultura ludowa slowian.* T. 1. Warszawa: Kultura materialna. 745, S. 309.
10. Statut Kola// Lietuvos centrinis valstybes archyvas. Kolo Etnologow, F. 175, Ap. 15, b. 29. S. 46.

Таццяна Майко
(ЕГУ, Вільнюс)

ТРАДЫЦЫЙНЫЯ КАСМАГАНІЧНЫЯ ЎЯЎЛЕННІ Ў БЕЛАРУСКІМ ФАЛЬКЛОРЫ (на падставе аналіза легенд і паданняў)

Traditional Belarusian cosmological views are characterized by a combination of common Indo-European and original cosmological views, which were formed as a result of imposing Biblical – Christian cosmogonic system on the pagan substrate. According to the majority of Belarusian legends, the world comes to its being by the creative activity of God with the active participation of the devil representing a specific modification of the biblical cosmogony. A distinctive feature in the representation of God in the Belarusian legends in comparison with the biblical character is its increased anthropomorphism. The devil has no monster nature and is represented in a comic vein. A classic model of relations in the form of open confrontation, as well as a specific model of collaboration between the Cosmos and Chaos is found in the Belarusian legendary material. The devil is actively involved in the process of Creation through imitation of acts of God. The Cosmos is formed from Chaos by sowing the land and the establishment of the first boundary between the homogeneous space of primeval waters (air) and land. The ordering of the Earth continues by creating a varied landscape, flora and fauna by «sowing» the land. The anthropogenesis is close to the biblical version, but more materialized.

Пытанне аб тым, як з’явіўся свет, ёсць найважнейшай праблемай міфалагічнай сістэмы. Касмаганічныя і этыялагічныя міфы займаюць цэнтральнае месца ў корпусе міфаў, бо сакральны пачатак свету з’яўляецца кропкай адліку, адносна якой паступова выбудоўваюцца ўсе касмічныя элементы [16, 179; 31, 10].

Структура касмагенезісу з'яўляецца архетыпічнай і паўтараецца ў розных культурах. У большасці міфалагічных сістэмаў першасным станам з'яўляецца Хаос, з якога шляхам аддзялення, дыферэнцыяцыі і развіцця вылучаецца Космас [9, 8–18; 28, 6–9; 30, 219; 34, 175].

Парушэнне першаснай аднароднасці дакасмаганічнай прасторы і ўсталяванне касмічнай прасторы можна ўмоўна абазначыць як першую фазу касмагенезісу, а далейшае яе ўпарадкаванне і разгортванне сістэмы касмічных аб'ектаў як другую [12, 64; 16, 189; 28, 6–9].

У межах дадзенага даследавання намі былі разгледжаны дзве асноўныя дзеючыя асобы (dramatis personae), а таксама першая і другая фазы касмагенезісу, прадстаўленага ў беларускіх легендах і паданнях.

У абсалютнай большасці касмаганічных легенд беларускага фальклору ўзнікненне свету тлумачыцца стваральнай дзейнасцю Бога (Госпада, Спаса), якая адбываецца, аднак, пры актыўным удзеле другой дзеючай асобы – чорта, што з'яўляецца спецыфічнай мадыфікацыяй біблейскай касмагоніі.

У вобразе Бога, які пазіцыянуецца як найвышэйшае боства, няствораная першаасоба, суверэнны Творца [7, 28, 32, 33, 35–38, 41–43, 251; 13, 89; 14, 52; 15, 29], спалучыліся як язычніцкія, так і біблейска-хрысціянскія ўяўленні аб сакральным суб'екце, якія нярэдка цяжка дакладна адмежаваць адно ад другога, бо яны пададзены ў цесным сінтэзе. Бог насяляе верхнюю сферу трохчастковага свету (неба), што ў цэлым характэрна для традыцыйных уяўленняў пра месца знаходжання вышэйшых боствАў [19, 21].

Бог прадстае добрым, літасцівым і клапатлівым, аднак у той жа час справядлівым і патрабавальным усталявальнікам спрадвечнага парадку [7, 36, 43; 15, 33, 43].

Адметнымі рысамі ў рэпрэзентацыі Бога ў беларускіх легендах і паданнях у параўнанні з біблейскім вобразам з'яўляецца яго павышаная антрапаморфнасць (звычайна ўяўляецца беларусам у вобразе старога [7, 54; 15, 236]) і "заземленасць", сціранне культуралагічнай восі паміж сакральным і прафанным, нябесным і зямным [36]. Бог паводзіць сябе як звычайны чалавек і рэпрэзентуе сябе праз непасрэдны кантакт са сваім тварэннем, у тым ліку з чалавекам [7, 34; 13, 135; 15, 89, 135].

Другой дзеючай асобай беларускага касмагенезісу, у асобе якога персаніфікуецца Хаос як пагрозлівая сіла для Космасу, з'яўляецца чорт (шатан, нячысцік, д'ябал/дз'явал, аггал). Гэты персанаж мае язычніцкія вытокі [1, 127–132; 6, 161–164; 8, 553–555; 19, 438–450; 22, 21–34] і захаваў шэраг уласцівасцей язычніцкага дэманалагічнага персанажа, у той жа

час пад уплывам біблейска-хрысціянскіх уяўленняў аб сатане (д'ябле) ён значна трансфармаваўся і набыў новыя характарыстыкі.

У разгледжаных намі легендах і паданнях прадстаўлена некалькі мадэляў генезіса чорта. Паводле найбольш набліжанай да біблейскай мадэлі, чорт альбо ствараецца як анёл [7, 35], альбо назначаецца Богам галоўным над анёламі, але з-за бунта супраць Бога скідваецца з неба і ператвараецца ў чорта [7, 37]. Згодна з іншымі версіямі, узнікненне чорта альбо закладзена патэнцыйна, аднак адбываецца пры ўдзеле Бога [7, 35–36], альбо ўяўляецца як спрадвечнае і незалежнае ад Бога, што практычна ўраўноўвае чорта з Богам, робіць яго самадастатковым сакральным суб'ектам.

Стасункі паміж dramatis personae касмагенезісу вызначаюць устойлівасць створанага Космасу. У беларускіх легендах і паданнях сустракаецца класічная мадэль узаемаадносінаў Космасу з Хаосам у форме адкрытага супрацьстаяння, барацьбы (Chaoskampf) [37], прадстаўленая бунтам анёлаў супраць Бога, што з'яўляецца спецыфічнай мадыфікацыяй біблейскага сюжэту [7, 36–37]. Космас (Бог) працягвае атакаваць Хаос (чорта), перасьедуючы яго ўдарамі маланкі [7, 41]. Дадзены сюжэт узыходзіць да асноўнага індаеўрапейскага міфа аб перасьедванні богамгрымотнікам свайго хтанічнага суперніка [17, 25–28; 18, 39–46; 29, 45–58].

Асаблівасцю адносін паміж дзеючымі асобамі беларускай касмагоніі з'яўляецца яшчэ адна вельмі распаўсюджаная мадэль – супрацоўніцтва. Чорт прымае актыўны ўдзел ва ўсім працэсе стварэння свету праз імітацыю дзеянняў Бога [7, 33, 35–36, 42; 14, 52].

Падчас працэса касмагенезісу Бог нярэдка радзіццаз чортам і прыслухоўваецца да яго парад, што цалкам адыходзіць ад хрысціянскай канцэпцыі вобраза сатаны.

Чорт, як і Бог, прысутнічае ў канкрэтнай рэальнасці і рэпрэзентуе сябе праз непасрэдныя ўзаемадачыненні з людзьмі. Ён не мае манстрыяльнага характару і часцей прадстаўлены ў камічным ключы, што ў цэлым характэрна для традыцыйнай рэпрэзентацыі персанажаў ніжэйшай дэманалогіі [20, 3–29; 26, 164–166; 27, 245–249]. Яго выгляд таксама традыцыйны: звычайна зааморфны, аднак сустракаюцца і прыклады антрапаморфнага выгляду чорта. У беларускіх легендах і паданнях не прадстаўлена ўстойлівая іерархічнасць, што характэрна і для язычніцкай дэманалогіі.

Паводле абсалютнай большасці легенд і паданняў, сумеснымі намаганнямі абедзвюх дзеючых асоб касмагенезісу з пракаветнага Хаосу вылучаецца генетычна другасны Космас [11, 83–85; 16, 189; 28, 6–9; 30, 219],

якi ўтвараецца не шляхам "стварэння з нiчога", а шляхам сеяння зямлi i ўсталявання першай мяжы памiж аднароднай прасторай вод (паветра) i ўзнiкшай сушай. Такая схема першай фазы касмагенезiсу ўласцiва большасцi мiфалогiй, у тым лiку i бiблейскай (Роду 1:1–2). Спецыфiчнымi рысамi беларускага варыянту з'яўляюцца матэрыялiзаванае "насенне" зямлi i працэс яго сеяння [1, 131; 7, 33, 35–37].

У адной з легенд [7, 32] захаваўся прыклад узнiкнення Космасу не ў вынiку мэтанакiраванага творчага iмпульсу, але выпадковай гульнi сакральнага суб'екта (Перуна). Пры гэтым першая фаза касмагенезiсу разгортваецца паводле агульнай схемы: у першасных гамагенных водах пракаветнага хаосу ўзнiкае пункт-цэнтр (камень), пры медыятыўным пасрэднiцтве якога затым вылучаецца Зямля як першы элемент упарадкаванага Космасу.

Працэс далейшага ўладкавання Космасу шляхам паступовай дыферэнцыяцыi пачаткова аднароднага, але неўпарадкаванага Хаосу можна ўмоўна вылучыць як другую фазу касмагенезiсу. Як i ў большасцi мiфалогiй, другiм элементам Космасу, якi вылучаецца пасля зямлi i стварае з ёй бiнарную апазiцыю, з'яўляецца неба [7, 41; 15, 59].

Затым на нябеснай прасторы ствараецца наступная апазiцыя – сонца – месяц.

Сонца ў традыцыйных уяўленнях беларусаў прадстае ўсемагутнай iстотай, якая дасылае на зямлю цяпло i святло, дапамагае добрым людзям, выступае як вораг нячыстае сiлы [7, 33; 14, 56]. Месяц, у стварэннi якога ўдзельнiчае чорт, адзначаецца хтанiчнымi рысамi i атаясамлiваецца з цемрай, ноччу, лiхiмi [7, 30]. Абодва нябесныя целы персанiфiкуюцца i займаюць значнае месца ў традыцыйных рэлiгiйна-магiчных уяўленнях беларусаў [12, 478; 24, 143–147; 25, 245–248].

Паралельна адбываецца i ўпарадкаванне зямной прасторы праз стварэнне разнастайнага ландшафту, раслiннага i жывёльнага свету.

Сустракаюцца як наблiжаная да бiблейскай версiя стварэння ландшафту, раслiннасцi i жывёлаў праз прамаўленне [7, 36], так i больш матэрыялiзаваная, наблiжаная да рэалiй сялянскай штодзённасцi версiя стварэння шляхам "сеяння" зямлi [7, 33].

Працэс стварэння жыцця на зямлi, паводле беларускiх этыялагiчных легенд i паданняў, адбываецца паслядоўна i займае абмежаваны прамежак часу [14, 251], што адпавядае Святарскай канцэпцыi касмагенезiсу [32, 73–101; 33, 33–37; 35, 18–31], прадстаўленай у Бiблii. У той жа час працэс упарадкавання Космасу не з'яўляецца канечным у часавых каардынатах (пастаянна адбываецца трансфармацыя ландшафту, знiкненне

і ўзнікненне некаторых відаў раслін і жывёл, часам людзей), што забяспечвае ўключэнне сакральнага ў прафаннае і актуалізацыю акта першастварэння. Такая варыятыўнасць і спалучэнне ўяўных супярэчнасцяў з'яўляюцца характэрнымі для традыцыйнага светапогляду ў цэлым [3, 574; 21, 140].

Як і для ўсяго працэсу касмагоніі, паводле традыцыйных уяўленняў беларусаў, для працэсу стварэння ландшафту, расліннага і жывёльнага свету характэрна супрацьпастаўленне канструктыўнай дзейнасці Бога (касмічнага героя) і дэструктыўнай дзейнасці чорта (хтанічнага героя).

Антрапагенезіс, прадстаўлены ў беларускіх легендах і паданнях канца XIX – пачатку XX стагоддзяў, у значнай ступені набліжаны да біблейскай версіі, якая, аднак, зведала некаторую мадыфікацыю. Працэс стварэння чалавека, паводле традыцыйных уяўленняў беларусаў, значна больш матэрыялізаваны. У беларускіх легендах і паданнях акт стварэння чалавека Богам ажыццяўляецца шляхам лепкі яго з гліны [7, 51], мукі альбо цеста [7, 56]. Для стварэння першай жанчыны выкарыстоўваецца менавіта дзявятае рабро мужчыны [7, 43], што з'яўляецца ўдакладняючай дэталлю, якая адсутнічае ў біблейскім тэксце (Роду 2:21–22). Сустракаецца, аднак, згадка пра хвост мужчыны як "матэрыял" для ўзнікнення жанчыны [15, 62], што сведчыць пра ўяўленне пра зааморфнасць першых людзей. Біблейскі матыў стварэння чалавека "паводле вобразу Божага" (Роду 1:27) асэнсоўваецца толькі ў катэгорыі знешняга падабенства [7, 54].

"Грэхападзенне" ўяўляецца цэнтральным момантам у гісторыі чалавецтва, які падзяляе яе ход на "залаты" час да "грэхападзення" людзей і час пасля яго. Як і ў біблейскай гісторыі, да моманту "грэхападзення" людзі жылі ў раі – ідэальным месцы абсалютнага дабрабыту, якое матэрыялізуецца ў вобразе сада [7, 62]. У выніку ўмяшальніцтва чорта, які ўдыхае ў яго злога духа, чалавек "асквярняецца", што разумеецца, у першую чаргу, як "асквярненне" фізічнае, а не духоўнае [7, 31–32, 41].

Існуе ў беларускіх легендах і паданнях і больш набліжаная да біблейскай версія грэхападзення (Роду 3:1–7), згодна з якой першпачаткова "спакушаецца" Ева [7, 37]. Аднак да біблейскай гісторыі дадаюцца некаторыя ўдакладняючыя дэталі: канкрэтызацыя плода, які пакаштавала Ева (вінаград альбо яблыкі), а таксама прагматычнае тлумачэнне табуіраванасці дадзенага плода ("за тое, што ён самы харошы").

Апісанне наступстваў грэхападзення першых людзей нярэдка мае не этычнае, а гнасеалагічна-практычнае значэнне, як, напрыклад, тлумачэнне ўзнікнення кадыка ў чалавека.

Як і ў біблейскай гісторыі, у беларускіх легендах і паданнях прысутнічае матыў змены знешняга выгляду людзьмі пры грэхападзенні, аднак, паводле беларускіх традыцыйных уяўленняў, чалавек страчвае цвёрдую шкуру, якая забяспечвала цяпло і з'яўлялася своеасаблівым медыятарам паміж прыродным і культурным светам.

Ідэя паступовага пагаршэння ўмоў жыцця людзей, звязаная з узрастаннем іх грахоўнасці, знайшла адлюстраванне ў матыве памяншэння памераў і моцы людзей. Дастаткова шырокі пласт беларускіх легенд і паданняў прысвечаны волатам і асілкам – міфалагічным істотам антрапаморфнага аблічча, якія першымі насялялі тэрыторыю Беларусі да людзей, але потым узбунтаваліся супраць Бога і былі вынішчаны ім. Хоць у Бібліі ў шостым раздзеле кнігі Роду таксама распавядаецца пра волатаў, але беларускія легенды аб асілках [7, 44, 46], этымалагічна звязаных з богам-грамаўнікам Перуном [4, 36–37], і волатах [7, 31, 36–37], звязаных з хтанічным богам Велесам [5, 87–88; 10, 574; 23, 22], маюць яшчэ больш глыбокія язычніцкія карані.

Такім чынам, традыцыйныя касмаганічныя ўяўленні, прадстаўленыя ў беларускіх легендах і паданнях канца XIX – пачатку XX стагоддзяў, характарызуюцца спалучэннем як агульнаіндаеўрапейскіх, так і арыгінальных касмаганічных уяўленняў, якія сфармаваліся шляхам міксацыйных працэсаў у выніку накладання біблейска-хрысціянскай касмаганічнай сістэмы на язычніцкі субстрат.

Літаратура

1. Багдановіч, А.Я. 1995. *Перажыткі старажытнага светасузірання ў беларусаў.* Этнаграфічны нарыс. Рэпрынтнае выданне 1895. Мн.: Беларусь.
2. *"Біблія"*. 2002. Пераклад: В. Сёмуха. Пад рэд. Ю. Рапецкага. Duncunville.
3. Вуглік, І. 2011. "Час у міфе". *Міфалогія беларусаў: энцыклапедычны слоўнік.* Склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка і інш. Мінск: Беларусь, 574.
4. Зайкоўскі, Э. 2004. "Асілак". *Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік.* Склад. І. Клімковіч і др. Мінск: Беларусь, 36–37.
5. Зайкоўскі, Э. 2004. "Волат". *Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік.* Склад. І. Клімковіч і др. Мінск: Беларусь, 87–88.
6. Коваль, У.І. 1995. *Народныя ўляўленні, павер'і і прыкметы: Даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі.* Гомель.
7. Грынблат, М.Я., Гурскі, А.У. 1983. *Легенды і паданні*. Мн.: Навука і тэхніка.
8. Лобач, У. 2006. "Чорт". *Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік.* Складальнік І. Клімковіч. 2-е выд., дапоўненае. Мінск: Беларусь, 553–555.
9. Ненадавец, А.М. 1996. *Каму пакланяліся продкі*. Мн.: Навука і тэхніка.

10. Салавей, Л. 2011. “Этнаганічныя легенды”. *Міфалогія беларусаў: энцыклапедычны слоўнік.* Склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка і інш. Мінск: Беларусь, 574.
11. Санько, С. 1998. *Штудыі з кагнітыўнай і кантрастыўнай культуралогіі.* Мн.: Бел. гуманітар.-адукац. культур. цэнтр.
12. Санько, С. і Сахута, Я. 2006. “Сонца”. У: *Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік.* Склад. І. Клімковіч. 2-ое выд., дап. Мн.: Беларусь, 478.
13. Сержпутоўскі, А.К. 1999. *Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў.* Мн.: Універсітэцкае.
14. Сержпутоўскі, А.К. 2000. *Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета.* Мн.: Універсітэцкае.
15. Сержпутоўскі, А.К. 1998. *Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў.* Мінск: Універсітэцкае.
16. Евзлин, М. 1993. *Космогония и ритуал*. М.: Радикс.
17. Иванов, В.В. и Топоров, В.Н. 1974. *Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов.* М.: Наука.
18. Иванов, В.В. и Топоров В.Н. 1965. *Славянские языковые моделирующие семиотические системы.* М.: Наука.
19. Левкиевская, Е. 2004. *Мифы русского народа.* М.: АСТ.
20. Максимов, С.В. 1996. *Нечистая, неведомая и крестная сила.* Т. 1. М.: Терра.
21. “*Народная Библия: восточнославянские этиологические легенды*”. 2004. Москва: Индрик.
22. Никифоровский, Н.Я. 1995. *Нечистики: Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе.* Витебск: издатель Н.А. Паньков.
23. Писаренко, Ю.Г. 1997. *Велес-Волос в язычницькому світогляді давньої Русі.* Київ.
24. *Славянские древности.* 2004. Этнолингвистический словарь. Т.3 (К-П). М.: Международные отношения, 143–147.
25. *Славянская мифология.* 2002. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Международные отношения, 245–248.
26. Толстой, Н.И. 1995. “Бес”. *Славянские древности.* Этнолингвистический словарь. Т. 1. М.: Институт славяноведения РАН, 164–166.
27. Толстой, Н.И. 1995. “Откуда дьяволы разные?” *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и лингвистике.* М.: Индрик, 245–249.
28. Топоров, В.Н. 2003. Космогонические мифы. *Мифы народов мира: Энциклопедия.* В 2 т. Под ред. С. А. Токарева. Т. 2: К-Я. М.: Большая Российская энциклопедия, 6–9.
29. Топоров, В.Н. 1998. *Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции.* М.: РГГУ.
30. Элиаде, М. 2000. *Избранные сочинения. Миф о вечном возвращении.* М.: Науч.-изд. центр “Ладомир”.
31. Allan, T., Phillips, Ch. 2000. *The Great Themes: World Myth*. London: Duncan Baird Publishers.

32. Batto, B.F. 1992. *Slaying the Dragon: Mythmaking in the Biblical Tradition.* Westminster: John Knox Press.
33. Beltz, W. 1983. *God and The Gods. Myths of the Bible.* Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books.
34. Dubianetskaya, I. 2008. Routes of Perception. The Nature of Myth and The Function of Mythology in The Ancient World. Homo historicus, 2008. Вільня: ЕГУ.
35. Löning, K., Zenger, E. 2000. To begin with God created…: Biblical theologies of creation. Order of St. Benedict, Inc., Collegeville, Minnesota.
36. Вуглік, І. "Багі і сакральныя істоты". Доступ праз Інтэрнэт: *http://baj.by/belkalehium/belkulttrad/03dadatak.htm*
37. Leadbetter, R. "Chaos", March 1997 – January 2000, in Encyclopedia Mythica (Micha Lindemans, ed.), from Encyclopedia Mythica online, 1995–2004. Available from Internet: Доступ праз Інтэрнэт: *http://www.pantheon.org/articles/c/chaos.html.*

Станислав Юрецкий
(БГУ, Минск)

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ ЧЕЛОВЕКА ЭПОХИ НЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (по материалам поселений Могилевского Посожья)

House is the most important component of everyday life. Two objects that can be classified as Neolithic houses were detected in the settlements of Mahileuskae Pasozhzha. We consider the first one, which was discovered in the settlement Dubny, to be a summer house. It was constructed above-ground as a quadrangle. A clear example of a winter house that was partially situated under the ground is the object found at the settlement Rudnya 1. Reconstruction of the objects similar to those discovered at the settlement Kliny 1 carried out by E. H. Kalechits as "dugouts" is regarded as incorrect. At this stage of research it is only possible to speak about seasonality of the houses, while the question about seasonality of the settlements themselves remains undetermined. This problem can be solved only after a large-scale research of Neolithic settlements is carried out.

Важнейшим элементом повседневного быта человека является жилище. Могилевское Посожье является достаточно хорошо изученным в археологическом отношении регионом. Тем не менее жилищам и иным объектам, выявленным на неолитических памятниках этого региона, не было посвящено ни одного специального исследования. В ряде работ Е.Г. Калечиц рассматриваются жилища каменного и бронзового веков на территории Восточной Беларуси [5, 93–101; 7, 61–72; 8, 154–157; 9, 178–180]. Однако это относится главным образом к территории Гомельского Посожья.

К началу неолитической эпохи уже сложились основные элементы рельефа местности и гидросети. Животный и растительный мир приобрел свои современные очертания. Сформировалась долина реки Сож с ее притоками. В условиях присваивающего хозяйства, повсеместно распространенного у местного населения в каменном веке, наиболее благоприятными при выборе мест поселений были берега рек и иных водоемов. Для рыбной ловли наиболее удобными являлись озера-старицы. Концентрация неолитических памятников Могилевского Посожья наблюдается на тех участках реки, где есть широкие долины и песчаные возвышенности (дюны, останцы размытых террас) [7, 38]. Это все довольно высокие места, которые и оберегали древних людей от затопления поселений во время разливов реки. На таких песчаных возвышенностях размещаются памятники Гронов 2, 3 [7, 49–51]; Клины 5 [7, 58]; Старый Дедин 2, 3, 4 [10, 120–121] и др. Селились люди и в пойме реки (памятник Клины 4 [7, 57]), а также на первой надпойменной террасе (Поклады [10, 7]; Первокричевский [10, 17]; Устье [10, 27]; Рудня 1 [10, 58]; Баков 2 [10, 73] и др.).

Согласно данным стратиграфии, на памятниках Могилевского Посожья культурный слой залегает под дерном 0,0–0,10 м. Находки начинают встречаться сразу под ним и идут на глубину 0,4–0,5 м от уровня современной поверхности. Следует обратить внимание также на то, что в основном памятники на рассматриваемой территории разнокультурные, что вызвано неоднократным заселением одних и тех же благоприятных мест в разные хронологические периоды.

На памятниках Могилевского Посожья зафиксировано 2 объекта, которые можно интерпретировать как неолитические жилища. Первый объект был обнаружен во время раскопок поселения у деревни Дубны Славгородского района, проводимых Среднеднепровской археологической экспедицией под руководством И.И. Артеменко в 1968 году [1, 6]. На территории возвышенности, вытянутой вдоль озера-старицы Святое, было заложено 2 раскопа: западный – площадью 32 м² и восточный – площадью 40 м².

Стратиграфия западного раскопа выглядит следующим образом. Под дерновым слоем (18–20 см) шел серый песок толщиною до 10 см. Ниже находился слой наносного светлого песка (10–25 см), под которым в свою очередь залегал слой темно-серого песка с находками (22–25 см). Ниже шел уже материк. В западном раскопе на глубине 85 см от дневной поверхности были обнаружены 4 ямки от столбов диаметром 24–36 см и глубиною 14–18 см. Ямки образуют четырехугольник неправильной

формы. Длинные его стороны составляют 2 и 2,25 м, а короткие – 1,75 и 1,85 м. В заполнении данного объекта были найдены кремневые изделия, а также развал неолитического сосуда [1, 7].

Стратиграфия восточного раскопа: сразу же под дерном (до 15 см) залегал культурный слой темно-серого цвета (25–30 см), еще ниже залегал материковый песок. В этом раскопе на глубине 0,35 м от дневной поверхности была выявлена яма от кострища диаметром около 1,5 м и глубиною 0,6 м. Заполнение ямы состояло из небольших угольков, маленьких обожженных камешков, кремневых артефактов. В радиусе ямы, как описывает И.И. Артеменко, были обнаружены два развала неолитических сосудов, а также отщепы и осколки кремня. Также в восточном раскопе прослеживались ямка диаметром 40 см и глубиною 15 см, заполненная желваками и осколками кремня, и две ямки от столбов диаметром 0,3 и глубиною 0,1 м [1, 7].

Особенности керамики позволяют отнести поселение Дубны к неолитической эпохе. Объект, выявленный в западном раскопе, является остатками неолитического наземного жилища столбовой конструкции. Отсутствие на его площади следов кострища можно объяснить сезонностью данного объекта. На данном этапе исследований мы можем говорить только о сезонности жилища, при этом вопрос о сезонности самого поселения остается открытым. Отсутствие кострища следует пояснить, на наш взгляд, довольно теплым климатом в описываемый период. Согласно данным палеогеографии, неолитическая эпоха соответствует атлантическому (АТ-3) и суббореальному (SB-1) периодам геологической схемы Блитта-Сернандера [2, 245]. Климат большей части неолита (АТ-3) был более благоприятен, чем современный, и лишь в период позднего неолита (SB-1) отмечается некоторое похолодание. Средние температуры июля и января в атлантический период были на 1–2°С выше современных. Для первой половины суббореального периода характерно снижение температур: на 1°С для июля и на 1–2°С для января. Таким образом, летом огонь мог использоваться для приготовления еды, обжига керамики, в охранных целях для отпугивания диких зверей. Эти функции вполне могли выполнять кострища на территории самого поселения (остатки одного из них и найдены в восточном раскопе), учитывая отсутствие необходимости в обогреве жилища летом.

Объект, выявленный в восточном раскопе, следует считать рабочим местом мастера по обработке кремня. На это показывают находки отходов кремневого производства – осколки кремня, а также нуклеус.

Возможно, тут же могли приготавливать пищу, в пользу чего свидетельствуют находки неолитических сосудов.

Остатки еще одного жилища были найдены во время проведения раскопок на памятнике Рудня 1 в 2008 году (Климовичский район). В 2007–2008 гг. экспедицией под руководством А.В. Колосова здесь была вскрыта площадь в 350 м² [31, 58–59]. Стратиграфия памятника следующая:

дерн: 0,05–0,10 м;

подзолистый горизонт (супесь темно-серого цвета с мелкозернистым песком светло-желтого цвета): 0,10–0,15 м;

рыжий разнозернистый песок прокопан до глубины 0,6 м.

Отмечается, что культурный слой стоянки не имеет цвета и разрушен [31, 59]. Находки встречались сразу под дерном и концентрировались на глубине 0,10–0,30 м. В общем, артефакты обнаруженные на данном памятнике, свидетельствуют о его заселении в различные эпохи: в финальном палеолите, мезолите, неолите, в эпоху бронзы и в Средневековье. Проследить разновременные находки в стратиграфии довольно сложно. Так, древнерусская керамика, которая найдена в первых слоях на глубине 0,10–0,20 м, встречается вместе с неолитической.

На глубине 0,69 м от современной поверхности были обнаружены остатки жилища полуземляночной формы (Рис. 1) [10, 60]. Объект имел неправильную, вытянутую форму. Его размеры: с запада на восток – 2,5 м., с севера на юг – 3,5 м. Глубина объекта не была одинакова: в южной части она равнялась 0,18–0,20 м, а в западной и северной – 0,49–0,51 м.

В западной части объекта встречались мелкие угольки. Почти все находки встречались в центре объекта (конкреции и осколки кремня, отщепы, пластины, нуклеусы, скребки, отщепы и пластины с ретушью, сверло, ромбовидный наконечник стрелы). Обнаружены также фрагменты неолитических сосудов и около 100 кальцинированных костей [10, 61].

Исходя из наличия в границах объекта фрагментов неолитических сосудов, а также ромбовидного наконечника стрелы, жилище следует датировать неолитическим временем.

Данный объект можно интерпретировать как зимнее жилище. Основанием для этого является то, что данная конструкция углублена в землю. Углубление в землю жилища является одним из способов не только его утепления, но и более надежного закрепления на поверхности, что особенно необходимо в зимний период при наличии метелей. В качестве косвенного аргумента такой интерпретации можно привести этнографические данные, согласно которым у народов сибирской и се-

вероамериканской тайги существовало два типа жилых построек. При этом зимним вариантом жилища у таких народов как раз и являлась полуземлянка [3, 122].

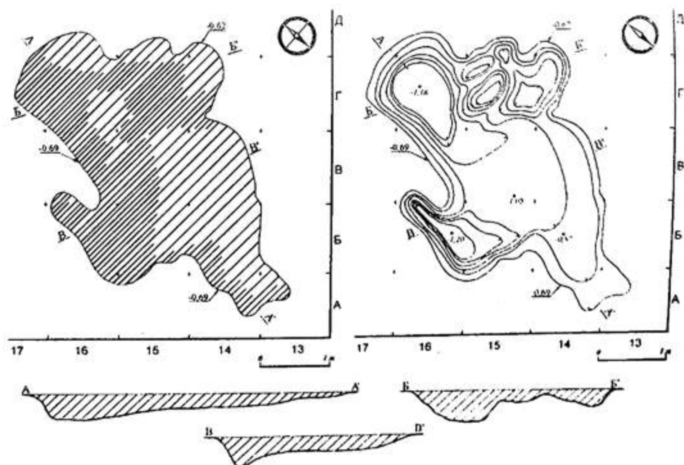


Рис. 1. План и профили неолитического жилища с памятника Рудня 1 (раскопки А.В. Колосова) [10, 237]

Дискуссионный характер, на наш взгляд, имеет объект, выявленный Е.Г. Калечиц на памятнике Клины 4. Вопросы вызывает также предложенная исследовательницей интерпретация подобных объектов.

В 1980 году Сожским отрядом по исследованию каменного века под руководством Е.Г. Калечиц были заложены 2 траншеи площадью 2×10 м [6, 10]. В траншее 2 было обнаружено большое углубление, ширина которого составляла 0,7 м., а глубина – 1 м. В центре данного углубления были найдены следы от огнища на площади 0,4 м, а также кремневые орудия, фрагменты керамики (неолит–бронзовый век). Этот объект был интерпретирован Е.Г. Калечиц как «узкая расщелина» [6, 11].

Многокультурность памятника не позволяет конкретизировать датировку рассматриваемого объекта, а также определить его предназначение. Нельзя согласиться с мыслью Е.Г. Калечиц о том, что этот объект является индивидуальным местом мастера [7, 56]. Еще больше вопросов вызывает реконструкция Е.Г. Калечиц подобных объектов. Исследовательница интерпретирует их как «специально обустроенные ямы», «ямы-убежища». На взгляд этой исследовательницы, человек выкапывал себе такую ямку, в которой мог находиться только в сидячем положе-

нии. При этом Е.Г. Калельчиц подчеркивает нахождение у ног человека небольшого «очажка» [5, 100; 8, 155]. Однако тяжело представить, чтобы древний человек выкапывал себе такое крайне неудобное место для работы, к тому же с кострищем в ногах. Последнее вообще вызывает удивление, если учитывать малые размеры данных объектов, так как при этом человек был бы под угрозой сгореть заживо в такой «яме-убежище».

По нашему мнению, объект, выявленный в траншее 2, имеет природное происхождение, а смешанный характер находок может свидетельствовать об их позднейшем переносе в такое углубление под воздействием постдепозиционных факторов.

Таким образом, на территории Могилевского Посожья выявлены следы двух неолитических жилищ. Первое жилище, обнаруженное на поселении Дубны, интерпретируется нами как летнее. Оно имело четырехугольную форму. Ярким примером зимнего жилища, углубленного в землю, является объект, выявленный на памятнике Рудня 1. Реконструкция же Е.Г. Калечиц объектов, подобных на выявленный, на памятнике Клины 4 как «ям-убежищ», признается нами как неправильная.

Сведения с территории Могилевского Посожья дополняют общую картину о неолитических жилищах на Беларуси. Схожие остатки построек были обнаружены на территории Гомельщины (овальные углубленные в землю жилища на памятниках Лоша 1, Лоша 2 [9, 178–180]) и Восточного Полесья (полуземляночная жилая постройка на памятнике Юревичи 3 и наземная прямоугольной формы на памятнике Юревичи 4 [4, 86–87]).

На данном этапе исследований тяжело реконструировать облик самих неолитических поселений Могилевского Посожья. Находки следов жилых построек пока что единичны. Решение вопросов, связанных с обликом неолитических жилищ, а также иных аспектов повседневной жизни древнего населения, связывается с исследованием преимущественно однокультурных памятников на больших площадях, причем при использовании и естественно-научных методов.

Литература

1. Артеменко, И.И. Отчет о работе Среднеднепровской археологической экспедиции в 1968 году // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». Арх. № 314, 314а.
2. Еловичева, Я.К. 2001. *Эволюция природной среды антропогена Беларуси (по палинологическим данным)*. Минск: Белсэнс.
3. Зализняк, Л.Л. 1991. *Население Полесья в мезолите*. Киев: Наук. Думка.

4. Исаенко, В.Ф. 1976. *Неолит Припятского Полесья.* Минск: Наука и техника.
5. Калечиц, Е.Г. 1990. "Об изучении жилищ каменного века в Посожье. Полевая археология мезолита–неолита". Ленинград, 93–101.
6. Калечиц, Е.Г. Отчет о полевых исследованиях 1980 г. Сожского отряда по изучению каменного века // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». Арх. № 684.
7. Калечиц, Е.Г. 1987. *Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии.* Минск: Наука и техника.
8. Калечиц, Е.Г. 2003. *Человек и среда обитания*. Восточная Беларусь. Минск: Экоперспектива.
9. Калечыц, А.Г. 1997. "Верхнедняпроўская культура. Археалогія Беларусі". Т. 1. *Каменны і бронзавы вякі*. Мінск, 170–190.
10. Колосов, А.В. 2009. *Археологические древности Могилевского Посожья (по материалам экспедиций 2002–2008 гг.)*: *монография.* Могилев: УО "МГУ им. А.А. Кулешова".

Віталь Быль
(БДУ, Мінск)

ТРАНСФАРМАЦЫЯ КАНЦЭПЦЫІ ВЯДЗЬМАРСКАГА ШАБАШУ Ў СВЯДОМАСЦІ НАСЕЛЬНІЦТВА ВКЛ

In the 16th–18th centuries the Great Duchy of Lithuania was involved in the pan-European process of witch-hunting. This phenomenon acquired some specific features on our lands. The reasons for that lie in the peculiarities of society as well as in the specificity of western anti-sorcerer theories adoption mechanisms. The image of witch Sabbath is a telling illustration of such a transformation. It is an important component of classical theories, but in GDL it is poorly presented, deprived of its inherent functions and assimilated into the culture as a folklore plot.

Высокае і Позняе Сярэднявечча – час змагання Пап Рымскіх з ерасямі і рэфармацыйнымі рухамі. Акрамя сілавога падаўлення, каталіцкая царква вяла актыўную прапаганду, якая прыпісвала ератыкам самыя жахлівыя злачынствы, у тым ліку зносіны з д’яблам, оргіі, чарадзействы. Гэта прывяло да таго, што ератыка ўспрымалі як чараўніка, а чараўніка як ерэтыка. Адпаведным чынам гэта было аформлена ў канцэпцыю двайнога злачынства ведзьмы: перад Богам і перад людзьмі. Адпаведна пераследам і выкараненнем гэтай з’явы павінны займацца і царкоўныя, і свецкія ўлады. 5 снежня 1484 г. папа Інакенцій VIII апублікаваў адзін з галоўных дакументаў у гісторыі вядзьмарства – булу “Summis desiderantes affectibus” (“З найбольшай стараннасцю”). У ёй звяртаецца ўвага на ўсплеск чараўніцтва, пералічваюцца злачынствы ведзьмаў, надаюцца паўнамоцтвы інквізітарам [13, 57].

Пратэстанты адкінулі пэўныя канцэпцыі каталіцкай царквы, але ведаўскія тэорыі захавалі і нават развівалі; найбольшага размаху паляванне на вядзьмарак дасягнула як раз на пратэстанцкіх землях – у Гер-

маніі, Брытаніі, Скандынавіі. Ведаўскія ўяўленні праніклі нават на праваслаўныя землі, хоць там былі не так пашыраныя.

Канцэпцыя шабашу была распрацавана пераважна следчымі і суддзямі, звязанымі з інквізіцыяй, на працягу XIV і XV стст., але найбольшае распаўсюджанне яна атрымала ў ранні Новы час. Гэта паняцце злучыла ў адну сістэму старажытныя легенды пра чарадзейства і новыя ерасі.

Шмат у чым, дзякуючы інквізіцыі, каля 1440 г. сфармавалася ўяўленне пра ведзьмаў як пра арганізаваную групу ці секту, якая здрадзіла Богу, на іх лёгка былі перанесены абрады і цырымоніі, што ўяўлялі пародыю на хрысціянскую літургію. Імкнучыся ўзбудзіць варожасць да гэтай новай секты, тэолагі перанеслі на іх тыя брыдоты, якія раней прыпісваліся іншым ерасям. Вакол багаслоўскай канцэпцыі шабашу засяродзіліся традыцыі паганства і класічнай старажытнасці і традыцыйныя народныя ўяўленні і вераванні.

Як правіла, класічны шабаш складаўся з наступных частак [17, 507–509]:

1. Збор для правядзення шабашу.
2. Пакланенне Д’яблу.
3. Пачастунак.
4. Фэсты, асабліва з танцамі.
5. “Звальны грэх”, які завяршаў кожны шабаш.

Варта разгледзець, якімі шляхамі траплялі ў свядомасць насельніцтва ВКЛ заходнія ведаўскія ідэі, у тым ліку вобраз шабашу. Спецыфіка механізмаў запазычання ў дадзеным выпадку значна ўплывае на ўспрыняцце гэтых ідэй і іх далейшую трансфармацыю.

Каталіцкая царква, якая, як згадвалася вышэй, ініцыявала і ўзначаліла ў свой час паляванне, у Вялікім княстве ў гэтым пытанні мела ў цэлым ускосны ўплыў. Мы не бачым непасрэднай антыведаўской прапаганды, духоўныя асобы не задзейнічаны ў ведаўскіх працэсах і г.д. Тым не менш гэта “ўскоснасць” была “падрыхтоўкай глебы” для разгортвання палявання на вядзьмарак.

Пачатковую і сярэднюю адукацыю забяспечвалі рэлігійныя ўстановы, найперш каталіцкія, а таксама пратэстанцкія, праваслаўныя, уніяцкія. Калі прааналізаваць праграмы навучання і вучэбную літаратуру ўсіх устаноў пачатковай і сярэдняй адукацыі, то казаць пра непасрэдную трансляцыю ведаўскіх тэорый не выпадае. Тым не менш асаблівасці адукацыі спрыялі фарміраванню асаблівасцяў светапогляду, якія далі магчымасць распаўсюду ведаўскіх уяўленняў. Асабліва гэта тычыцца езуіцкіх навучальных устаноў, якія выхоўвалі моладзь у духу адданасці каталіцкай веры,

нецярпімасці, фанатызму. Для гэтага выкарыстоўваліся як адукацыйныя, так і выхаваўчыя мерапрыемствы, духоўныя практыкі (медытацыі, рэкалекцыі), суровая рэлігійная дысцыпліна [3, 259].

Акрамя клерыкальнага характару навучання, каталіцкія навучальныя ўстановы знаёмілі вучняў з ідэямі Фамы Аквінскага – аднаго з пачынальнікаў канцэпцыі палявання на вядзьмарак. У чацвёртым і пятым класах калегіумаў вывучаліся курсы тэалогіі і філасофіі, выключна тамісцкія [3, 243]. Такім чынам, адукацыя стварала яшчэ адзін фактар для ўспрыняцця заходніх ведаўскіх уяўленняў.

Падобная сітуацыя назіралася і ў вышэйшай адукацыі. У адзінай вышэйшай навучальнай установе ВКЛ – Віленскай езуіцкай акадэміі – на абодвух факультэтах – філасофскім і тэалагічным – панавала схаластыка тамістаў. Падобнае мела месца і ў іншых універсітэтах Рэчы Паспалітай: Кракаўскай, Хелмінскай, Замойскай акадэміях [3, 273–275]. Але тут дзейнічалі яшчэ дадатковыя фактары. Так, у акадэміях часта працавалі выкладчыкі з Еўропы, найперш з нямецкіх земляў, дзе ўніверсітэты даўно ўжо былі цэнтрамі як перадавой думкі, так і (што бывала часцей) "вучоных" ведаўскіх уяўленняў. Таксама ва ўніверсітэтах навучаліся замежныя студэнты са Швецыі, Фінляндыі, Даніі, Англіі, Германіі [14, 411]. Усё разам гэта стварала спецыфічны асяродак "вучонай" універсітэцкай культуры еўрапейскага кшталту. У такім асяроддзі ўзнікала цікавасць да навук, якія царквой не ухваляліся – да алхіміі, астралогіі, ці, як іх тады называлі, "арабскіх навук" [3, 54–55]. Усё гэта ўплывала на фарміраванне светапогляду літвінаў, як выкладчыкаў, так і студэнтаў.

Калі казаць пра ўплыў царквы на шырокія масы носьбітаў народнай, непісьменнай культуры – сялян, мяшчан, дробную шляхту, якія складалі асноўную частку насельніцтва краіны, найперш трэба адзначыць вырашальную ролю святарства. Менавіта прыходскія святары і манахі, самыя ніжэйшыя ступені царкоўнай герархіі, мелі самы шчыльны кантакт з народам. Яны не толькі абслугоўвалі надзённыя рэлігійныя патрэбы насельніцтва. Якраз ніжэйшае духавенства і фарміравала паняцце простага чалавека аб рэлігіі. Тым не менш сетка прыходаў фарміравалася вельмі нераўнамерна, колькасць святароў доўгі час была недастатковай, таму ўздзеянне царквы і хрысціянскага вучэння часта было вельмі нетрывалым, асабліва ў цяжкадаступных малазаселеных мясцінах – у лясістых, балотных рэгіёнах.

На тэрыторыі ВКЛ каталіцтва так і не здолела пераўзыйсці ўніяцтва па ахопу насельніцтва. Нават у сярэдзіне XVIII ст. колькасць каталіцкіх прыходаў складала 270 (121 на ўсходзе і 149 на захадзе Беларусі), у той

час, як уніяцкіх толькі на тэрыторыі Беларусі было не менш за 536 [10, 156–157]. Да гэтага трэба дадаць яшчэ і рэшту праваслаўных прыходаў. Касцёлы пераважна размяшчаліся ў гарадах і пры заможных шляхецкіх рэзідэнцыях, а ўніяцкія і праваслаўныя цэрквы – у сельскай мясцовасці. Такім чынам, уплыў каталіцкай царквы быў нашмат большы на мяшчан і шляхту, чым на сялян. Гэтым можна патлумачыць тое, што першыя працэсы адбываюцца ў гарадах. Адукацыя праваслаўнага духавенства была на вельмі нізкім узроўні. Мала хто з святароў мог навучацца ў Кіеве, Астрозе ці Вільні, астатнія навучаліся грамаце, богаслужэнню і асновам веравучэння ў дзеючых святароў [3, 352–353]. Па свайму светапогляду большая частка праваслаўнага духавенства была блізкая да сваёй паствы. Так, праваслаўныя святары самі часам практыкавалі чарадзейства, аб чым сведчыць 37-ы параграф статута Львоўскага Успенскага брацтва, у якім загадвалася, каб братчыкі выкрывалі святароў, якія займаліся чарадзействам, варажбою, утрымоўваючы пры царкве варажэяў, чараўніцаў або наведваючы іх [12, 95].

Каталіцкія святары атрымлівалі лепшую падрыхтоўку. Існавалі духоўныя семінарыі ў Варшаве, Кракаве, Познані, Плоцку, Львове, Кіеве і іншых гарадах [3, 306–309]. Вышэйшы агульны адукацыйны ўзровень, а значыць і заангажаванасць у каталіцкую царкоўную ідэалогію дазвалялі трансляваць яе пастве. На жаль, захавалася вельмі мала звестак аб тым, што казалі літоўскія ксяндзы падчас казанняў. Тым не менш з польскіх выданняў падобнага кшталту бачым, што дэманалагічныя і ведаўскія пытанні хвалявалі іх. У кнізе "Казанні Яна з Пшэворска", выдадзенай у 1593 г., аўтар тлумачыць пастве важныя надзённыя пытанні: "Бабы – чараўніцы, але на паляванне не ўплываюць; толькі чараўнікі псуюць ручніцы…". Далей – павучальныя гісторыі пра чарцей, што хаваліся ў ручніцы, у аленевай скуры… [1, 74–75].

Уніяцкае духавенства па адукацыйнаму ўзроўню займала прамежкавы стан. Яго асобныя прадстаўнікі навучаліся як у адмысловых установах, арганізаваных на манер езуіцкіх, так часам і ў езуіцкіх калегіумах [3, 353–354]. Можна заўважыць, што пашырэнне ўніяцтва ў другой палове XVII ст. супадае з другой хваляй ведаўскіх працэсаў, для якой характэрна развіццё пераследу чараўнікоў, выкарыстанне заходняга вопыту, пашырэнне ўжывання інквізіцыйных метадаў [12, 95].

Як мы бачым, роля царквы ў пашырэнні ведаўскіх уяўленняў у ВКЛ была значная, але ўсё ж досыць ускосная. Царква найперш стварала спрыяльны ідэалагічны і светапоглядны кантэкст (нецярпімасць, экзальтаванасць, містыцызм і інш.), а ўжо апасродкавана выступала

правадніком саміх антыведаўскіх канцэпцый. Адносна ВКЛ гэта тлумачыцца адсутнасцю поўнай перавагі каталіцтва, шматканфесійнасцю насельніцтва, а з другога боку, меншым значэннем царквы ў дзяржаўнай сістэме.

Яшчэ адным такім фактарам было распаўсюджанне спецыяльнай літаратуры, уласнай і запазычанай. У Рэчы Паспалітай і ВКЛ былі вядомы некаторыя еўрапейскія працы па ведаўскому пытанню. У 1614 годзе ў Кракаве на польскай мове выходзіць "Молат на чараўніц" – скарочаны варыянт працы "Malleus maleficarum" – пад рэдакцыяй Станіслава Занбковіча, сакратара князя Астрожскага. Акрамя гэтай знакамітай працы, выданне змяшчала творы вядомых дэманолагаў Жана Нідэра і Ульрыка Малітора [5]. Дадзеных пра непасрэдны ўплыў гэтага твора на ведаўскія працэсы няма, але, у любым выпадку, гэта паказчык зацікаўленнасці і запатрабаванасці такой літаратуры.

Даследчыкі XIX ст. Мацеёўскі і Бэрвінскі асноўным шляхам распаўсюджання разнастайных уяўленняў, забабонаў, паданняў называлі гандлёвыя стасункі і падарожжы [1, 55–56]. Абагульняючы іх канцэпцыю, адзначым, што вызначальнае значэнне мелі стасункі з носьбітамі ўяўленняў. Гэта магло адбывацца праз

1) падарожжы жыхароў ВКЛ па Еўропе;

2) падарожжы еўрапейцаў па ВКЛ;

3) пасяленне выхадцаў з еўрапейскіх краін на землях ВКЛ.

Гэтыя аспекты тычацца як "вучонай", так і народнай культуры. Вялікае княства Літоўскае было адкрытай дзяржавай, усе свабодныя жыхары якой маглі без перашкод перамяшчацца за яе межы і назад, што заканадаўча забяспечвалася Статутам ВКЛ 1588 года (раздзел 3, артыкул 16) [16, 574–575]. Падарожжы мы разумеем у самым шырокім значэнні. Яны былі дзелавыя (гандлёвыя паездкі, дыпламатычныя місіі, вандроўкі майстроў), ваенныя (удзел у ваенных дзеяннях), адукацыйныя (навучанне ва ўніверсітэтах), рэлігійныя (паломніцтвы). Найбольш мабільнымі былі прадстаўнікі шляхецкага стану, духоўныя асобы і мяшчане.

Брытанскі гісторык і антраполаг П. Бэрк выдзяляе сацыяльныя групы, якія вялі пераважна вандроўны лад жыцця і набывалі інтэрнацыянальны характар: жаўнеры, маракі, жабракі і злодзеі [8, 68].

З канца XVI ст. асноўнай ваеннай сілай ВКЛ стала наёмнае войска. Жаўнераў наймалі як у самім княстве, так і за яго межамі, найперш у дзяржавах ягелонскай кааліцыі – у Польшчы, Чэхіі, Венгрыі, хоць бывалі наёмнікі і з больш далёкіх краёў – Швейцарыі, Шатландыі [7, 108]. Адпаведна, жаўнеры з ВКЛ наймаліся ў арміі еўрапейскіх краін (як тыя

ж лісоўчыкі). Вандруючы па ўсёй Еўропе, жаўнеры ўпітвалі мясцовыя ўяўленні, фальклорныя сюжэты, што спрыяла іх пераносу і распаўсюджанню.

Распаўсюджанай вандроўнай сацыяльнай групай былі жабракі. Маштабы іх вандровак не былі такімі вялікімі, як у жаўнераў, але кантакт з насельніцтвам быў нашмат больш шчыльны. За прадстаўлены начлег і стол жабракі плацілі гісторыямі, спрыяючы, такім чынам, пераносу павер'яў, паданняў, уяўленняў.

Акрамя таго, існавалі іншыя народныя падарожнікі: вандроўныя музыкі, акторы, скамарохі і інш. Шведскі гісторык XVI ст. Олаўс Магнус піша пра павадыроў мядзведзяў з Літвы, што вандруюць па ўсіх заходніх краінах [11, 138]. Відавочна, што падобныя вандроўнікі наведвалі і землі ВКЛ.

Названыя вышэй групы вандроўнікаў мелі вялікае значэнне для народнай культуры, прадстаўнікі якой, найперш, сяляне, а таксама і значная частка мяшчан - былі слаба мабільныя, прывязаныя да месцаў жыхарства і традыцыйнага ладу жыцця, чые крыніцы інфармацыі былі абмежаваныя.

Найбольш значнае ўзаемадзеянне з носьбітамі заходніх ведаўскіх уяўленняў адбывалася пры іх пераездзе ў ВКЛ на сталае (ці досыць працяглае) пражыванне. Гэта забяспечвала доўгатрывалы кантакт з светапоглядным, ідэйным, побытавым узаемаўплывам.

З канца XIV стагоддзя ўлады ВКЛ заахвочваюць перасяленне ў краіну замежных каланістаў – рамеснікаў, гандляроў. Найперш, гэта былі выхадцы з германскіх земляў, шведы, шатландцы, галандцы і інш. Вялікія князі абяцалі ім свабоду веравызнання і льготы [15, 65]. З сабой замежнікі прывозілі не толькі свае тэхналогіі і звычаі, але і ўяўленні. Нездарма першы працэс у ВКЛ адбыўся ў Коўне, дзе існавала значная нямецкая меншасць, у 1552 годзе, паводле Магдэбургскага права. Гэты працэс з'яўляецца досыць паказальным. Знахарка Кацярына лячыла зёлкамі мяшчан-немцаў, якія абвінавацілі яе ў вядзьмарстве. Хоць нічога, апроч траў ды карэнняў, у яе не знайшлі, пад следствам Кацярына прызналася ў сувязі з д'яблам [4, 70]. У гэтай справе відавочна спроба падцягнуць мясцовае традыцыйнае знахарства пад тыповую заходнюю мадэль вядзьмарства, як яе ўяўляюць суддзі, якія ці немцы па паходжанню, ці знаходзяцца пад значным уплывам іх дэманалагічных ідэй.

Увогуле ж можна казаць пра досыць невялікую эфектыўнасць акрэсленых каналаў распаўсюджання дадзеных ідэй, у выніку чаго ве-

даўскія ўяўленні пашыраліся сярод насельніцтва ВКЛ павольна, скажона і мелі меншае значэнне.

Вельмі паказальным з'яўляецца лёс такога важнага элемента заходніх ведаўскіх уяўленняў, як вобраз шабаша. Спрэчна, на колькі быў развіты на землях ВКЛ гэты элемент. Калі казаць пра сучасныя беларускія землі, то пра яго мала згадак у пісьмовых крыніцах, слаба адзначаны ён і ў фальклоры. Ёсць сюжэты пра купальскія палёты ведзьмаў на літоўскую Шатрыю ці на Лысую гару пад Кіеў. Да таго ж і на Беларусі налічваецца больш за сотню ўзгоркаў з падобнаю назваю, праўда, паданні пра іх далёка не заўсёды звязаны з шабашам [9, 294–295].

У ВКЛ ідэя шабашу пранікае ўжо сфарміраванай. Для яе распаўсюджання выкарыстоўваюцца вышэй акрэсленыя механізмы.

У судовых дакументах падобныя сходкі вядзьмарак адзначаюцца з 1630-х гг., прычым толькі ў асобных дакументах, найперш з чыста каталіцкіх балцкіх земляў. Тут маюцца прызнанні чараўніц аб палётах на Шатрыю на Купалле, часам багатыя дэталямі, ды аб іншых сходах пад кіраўніцтвам д'ябла, куды ляталі ў выглядзе сарок [2, 77–79, 182, 208]. Тым не менш і гэтых сведчанняў адносна няшмат. Гэта звязана з тым, што на землях з дамінаваннем каталіцызма заходнія ідэі пры ўдзеле царквы эфектыўней дасягалі насельніцтва, чым на поліканфесійных беларускіх тэрыторыях. Тым не менш у ВКЛ гэта ідэя ўспрымаецца ў значна трансфармаваным выглядзе.

Асаблівасці ўспрыняцця шабашу звязаны са свецкім характарам працэсаў: усе справы вялі свецкія суддзі, царква не мела да іх ніякага дачынення. З гэтым звязана тое, што ў ВКЛ вядзьмарак, як правіла, не разглядалі як антыхрысціянскую секту. Такім чынам, вобраз шабашу траціў сваю галоўную функцыю ў абвінавачанні.

Ні ў крыніцах, ні ў фальклоры не выяўлена парадыйных рытуалаў кшталту "чорнай месы", хоць пэўнае супрацьпастаўленне хрысціянству адзначана [6, 145].

Апісанні баля вядзьмарак на шабашах у дакументах бедныя на дэталі. У народнай культуры ён больш дэталізаваны. Шабаш у фальклоры, з аднага боку, набліжаны да казачных "блукаючых сюжэтаў" пра балі эльфаў, духаў і г.д., з іншага боку, у ім можна прасачыць рысы паганскіх абрадаў і народных святаў.

Яшчэ адной яркай рысай з'яўляецца адсутнасць апісанняў на шабашах сэксуальных оргій, вычвараэнняў. Іх наяўнасць у заходніх пратаколах можа тлумачыцца ў тым ліку і хваравітай сублімацыяй манахаў-інквізітараў, што немагчыма для свецкіх юрыстаў ВКЛ.

Элементы вобразу шабашу з цягам часу занялі месца ў народных уяўленнях і фальклоры, што захавалася нават пасля сканчэння эпохі палявання на вядзьмарак. Народная памяць выбарачна захавала элементы сярэднявечных уяўленняў – пра здольнасць вядзьмарак лётаць, ператварацца ў жывёл, а таксама пра балі ("вяселлі") вядзьмарак на чале з д'яблам [6, 144–145]. Гэтыя элементы наклаліся на вобразы, што ўжо існавалі ў народнай культуры, "мадэрнізаваўшы" іх. Такім чынам можна патлумачыць іх трываласць і жывучасць.

Вобраз шабашу сфарміраваўся ў каталіцкай Заходняй Еўропе. Пры распаўсюджанні антыведаўскіх ідэй у ВКЛ разам з імі ён пранік у народныя ўяўленні, але зведаў пэўныя трансфармацыі і не меў той значнай ролі, што на Захадзе. Тым не менш з пісьменнай культуры ён пранік у народную і замацаваўся ў фальклоры. Спецыфіка ўяўленняў пра шабаш з'яўляецца добрым паказчыкам, які ілюструе асаблівасці "палявання на вядзьмарак" у ВКЛ у параўнанні з Заходняй Еўропай: свецкі характар працэсаў, рацыяналістычнасць пісьменнай культуры і сінтэз з паганскімі вераваннямі ў народнай. Акрамя таго, гэта яскравы прыклад засваення і асіміляцыі агульнаеўрапейскіх культурных феноменаў, якія неаднолькава праходзілі ў розных народаў ВКЛ.

Літаратура

1. Berwiński, R. 1862. *Studia o gusłach, czarach, zabobonach i przesądach ludowych.* T. 1. Poznań.
2. Jucewicz, L.A. 1842. *Wspomnienia Żmudzi*. Wilno.
3. Łukaszewicz, J. 1849. *Historya szkół w Koronie i Wielkiem Księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794.* T. 1. Poznań.
4. Jablonskis K., Jasas R. 1987. *Raganų teismai Lietuvoje.* Vilnius.
5. Tuwim, J. Czary i czarty polskie. // Zwoje 1/38, 2004. ZWOJE-SCROLLS.COM. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.zwoje-scrolls.com/zwoje38/text02.htm. - Date of access: 15.03.2011.
6. Богданович, А. 1895. *Пережитки древнего миросозерцания у белоруссов*. Гродна.
7. Бохан, Ю. 2007. "Войска". *Вялікае Княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т.* Т. 1. Мн.: БелЭн, 107–110.
8. Бэрк, П. 1999. *Народная культура Эўропы ранняга Новага часу*. Мн.: Тэхналогія.
9. Валодзіна, Т., Дучыц, Л. 2006. "Лысая гара". *Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн.* Мн., 294–295.
10. "*Гісторыя Беларусі*: у 6 т. Т. 3 Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.)". 2004. Ю. Бохан, В. Голубеў, У. Емельянчык і інш. Мн.: Экаперспектыва.
11. Катлярчук, А. 2002. *Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў*. Мн.: Энцыклапедыкс.

12. Лобач, У. 1998. “Чараўніцтва ў Беларусі на тле сярэднявечных судовых працэсаў”. *Крыўя. Crivica. Baltica. Indogermanica* 1: 95.
13. Лозинский, С. 1992. “Роковая книга Средневековья”. *Молот ведьм.* М., 3–70.
14. Пазднякоў, В. 2007. “Віленская акадэмія”. *Вялікае Княства Літоўскае*: *Энцыклапедыя. У 2 т.* Т. 1. Мн.: БелЭн, 411–412.
15. Свяжынскі, У. 2007. “Народы і мовы”. *Вялікае Княства Літоўскае*: *Энцыклапедыя*. *У 2 т.* Т. 1. Мн.: БелЭн, 58–66.
16. “Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г.” 2010. *Вялікае Княства Літоўскае*: *Энцыклапедыя. Т. 3. Дадатак.* Мн.: БелЭн, 550–689.
17. Шабаш // Роббинс Р.Х. 1995. *Энциклопедия колдовства и демонологии*. М., 507–509.

Піліп Некрашэвіч
(БДУ, Мінск)

АСАБЛІВАСЦІ ЎЗАЕМААДНОСІНАЎ ПАМІЖ РАСІЙСКАЙ АРМІЯЙ І НАСЕЛЬНІЦТВАМ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ (1815–1830 гг.)

The paper deals with relationships between civil citizens and military men on the territory of Belarusian provinces in the period between the end of the Napoleon epoch and the Polish-Russian war of 1831. One of the duties of the citizens of the Russian Empire was to let soldiers and officers live in their houses. At that time there was a shortage of army barracks, so the government used buildings of civilians. Moreover, the inhabitants had to feed the Russian army for reimbursement. Unfortunately, they were recompensed partially. There were conflicts between civilians and military men, and the latter did everything possible to escape liability. All of that ruined the economy of the country and promoted poverty.

Пасля ўваходжання тэрыторыі Беларусі ў склад Расійскай імперыі становішча яе жыхароў пагоршылася. Насельніцтва было вымушана выконваць павіннасці, якія былі практычна невядомыя ў часы Рэчы Паспалітай. Самай цяжкай павіннасцю звычайна называюць рэкруцкую. Яна ламала чалавечыя лёсы і забірала лепшыя працоўныя рукі. Аднак не менш разбуральнай для эканомікі беларускіх губерняў была кватэрная павіннасць.

Кватэрная павіннасць звычайна ўключала ў сябе забеспячэнне памяшканнем, фуражом для коней, ложкам, палівам, асвятленнем [25, 85–86]. Казармаў у першай палове XIX ст. было яшчэ вельмі мала. Таму большая частка імператарскай арміі ў мірны час была расквatаравана ў дамах, якія належалі цывільнаму насельніцтву. Улетку армейскія пад-

раздзяленні звычайна пакідалі свае кватэры і размяшчаліся ў спецыяльных часовых лагерах для правядзення вучэнняў ва ўмовах, набліжаных да баявых.

Аднак на тэрыторыі заходніх губерняў кватэрная павіннасць мела свае асаблівасці. Даволі нізкая ўраджайнасць не давала магчымасці стварыць на базе мясцовых рэсурсаў дастатковыя запасы правіянту. У выніку мясцовае насельніцтва было вымушана, акрамя ўсяго вышэй пералічанага, яшчэ і забяспечваць армію харчаваннем [26, 153].

За пастаўкі правіянту арміі цывільнаму насельніцтву давалася кампенсацыя. Існавала некалькі формаў аплаты за паслугі жыхароў. Найбольш распаўсюджанай была аплата праз квітанцыі. Цывільныя жыхары давалі салдатам усё неабходнае. Затым праз кожны тыдзень яны атрымлівалі ад афіцэраў квітанцыі, якія пацвярджалі ўсё тое, што атрымалі салдаты. Нарэшце, жыхары атрымлівалі гэтыя ж прадукты ці ад вайскоўцаў, ці ад грамадзянскай адміністрацыі. Манетай звычайна плацілі афіцэры, таму што ад дзяржавы яны атрымлівалі толькі заробак, а шэрагоўцаў царскі ўрад забяспечваў яшчэ і харчаваннем [25, 86].

Іншым сродкам камапенсацыі былі адпрацоўкі. Звычайна яны былі звязаны з жаданнем вайскоўцаў набыць правіянт і немагчымасцю расплаціцца за яго грашыма. У такім выпадку камандуючы буйным вайсковым злучэннем ці ўплывовы мясцовы чыноўнік знаходзілі шляхцічаў, якія былі гатовы забяспечыць салдат дахам і ежай у абмен на іх працоўныя рукі. У такіх выпадках вайскоўцы ператвараліся ў будаўнікоў, касцоў і г.д. [1, 62].

Мясцовае насельніцтва выступала і ў якасці аптовага прадаўца правіянту для арміі. Звычайна кожны год праводзіліся таргі на пастаўку правіянту для буйных армейскіх злучэнняў. Асабліва гэта было характэрна для не самых урадлівых беларускіх губерняў. За пастаўкі адказвалі грамадзянскія губернатары, ад якіх залежалі вайскоўцы.

Скаргі мірных жыхароў на вайскоўцаў звычайна былі звязаны з наступнымі злоўжываннямі.

Па-першае, салдаты і афіцэры адмаўляліся плаціць за жыллё і ежу наогул ці спрабавалі падрабіць квітанцыі. Вайскоўцы маглі патрабаваць для сябе ад цывільнага насельніцтва бясплатнае харчаванне, у выпадку ж адмовы салдаты пагражалі ўжыць фізічныя сродкі. Калі ж запалохаць мірных жыхароў не было магчымасці, афіцэры, адказныя за збор квітанцый, рабілі іх падробку. У выніку жыхары населенага пункту, дзе была размешчана вайсковая часць, атрымлівалі значна меншую кампенсацыю за харчаванне войскаў, а грошы ішлі ў кішэню афіцэрам [2, 80].

Па-другое, жыхары рабіліся ахвярамі гвалту з боку салдат і афіцэраў, у большасці выпадкаў нецвярозых. Напрыклад, шляхцянку Бардзіноўскую нецвярозыя штабс-капітан Галкін разам з пяццю іншымі вайскоўцамі дзеля жарту сілком выцягнулі з яе дому і завялі ў паліцыю, дзе жанчына была выратавана [16, а. 1].

Па-трэцяе, салдаты займалі тыя дамы сялян і гараджан, якія яны не павінны былі займаць. Тут варта адзначыць, што ў многіх выпадках вінаватыя былі не вайскоўцы. Арганізацыяй размяшчэння войскаў у горадзе і выконвання кватэрнай павіннасці з боку цывільнага насельніцтва займаліся спецыяльныя кватэрныя камісіі, якія існавалі ў кожным горадзе. У склад такой камісіі ўваходзілі паліцмайстар, гараднічы і па аднаму дэпутату ад дваран, купецтва і мяшчанства [3, 81]. Менавіта камісія вызначала, якія дакладна гарадскія будынкі будуць аддадзены для пастою. Зразумела, што ніхто не жадаў прымаць на пастой салдат, а таму камісіі нярэдка станавіліся месцам для атрымання хабараў.

У 1825 г. пачалося расследаванне справы аб дзейнасці Віцебскай кватэрнай камісіі. Высветлілася, што чальцы камісіі не мелі нават спісу дамоў, дзе былі раскватараваны вайскоўцы. Частка віцяблян не толькі прымала да сябе салдат, але і выплочвала грашовы падатак, а іншых кватэрная павіннасць не тычылася наогул [9, а, 6 зв., 8]. Здараліся і выпадкі, калі вайскоўцы самавольна займалі кватэры цывільнага насельніцтва [13, а. 1 зв.].

Канцэнтрацыя значнай колькасці войскаў у беларускіх гарадах і мястэчках, і без гэтага перанаселеных, вяла да пагаршэння санітарных умоў жыцця. У даследуемы адрэзак часу сярод салдат вайсковых частак, раскватараваных на тэрыторыі Беларусі, былі зафіксаваны наступныя хваробы: “крывавы панос” (1826), цынга (1827), перамежная трасца (1828–1830), прастудная гарачка (чэрвень 1830) [26, а. 180, 189, 198, 207].

Кватараванне ў горадзе мела свае мінусы не толькі для насельніцтва, але і для вайскоўцаў. У вялікіх населеных пунктах салдаты бавілі час у карчмах, таму нярэдка ў гарадах і мястэчках таго часу можна было сустрэць атрады вайскоўцаў, якія шукалі на вуліцах сваіх п’яных саслужбоўцаў [2, 95]. Значна прасцей было кантраляваць салдат у казарме, чым у горадзе. З горада лягчэй было збегчы і мясцовыя жыхары нярэдка прымалі да сябе ўцекачоў.

Так, у 1818 г. дынабургская мяшчанка Я. Айзікава давала прытулак некалькім уцекачам з расійскай арміі [14, а. 3]. Зразумела, што мяшчане прымалі да сябе дэзерціраў невыпадкова. У 1819 г. дэзерцір С. Крук збег з 14-й пяхотнай дывізіі да яўрэяў-карчмароў Суражскага павета Віцебс-

кай губерні. Яўрэі давалі салдату прытулак і ежу, а ён краў для іх розныя рэчы ў мясцовых жыхароў [17, а. 1 зв.]. Звычайнымі былі выпадкі, калі салдаты вялі гандаль з мясцовым насельніцтвам. Напрыклад, некаторыя хітрыя шэрагоўцы збывалі яўрэям армейскую амуніцыю [21, а. 1].

Беларускія гарады і мястэчкі былі слаба прыстасаваны для расквартаравання артылерыйскіх і кавалерыйскіх фарміраванняў. Справа ў тым, што такія вайсковыя адзінкі патрабавалі значнай колькасці вялікіх гаспадарчых будынкаў для коней, артылерыі і пораху. Таму 4-я парная артылерыйская рота 5-й артылерыйскай брыгады, расквартараваная ў м. Гарадок Віцебскай губерні, наогул не мела пры сабе гармат і снарадаў, якія захоўваліся ў Віленскім арсенале (!!!) [8, а. 6 зв.].

Нярэдкімі былі выпадкі, калі жыхары спрабавалі пазбавіцца ад сваіх гасцей. Адзінымі сродкамі ў дадзеным выпадку былі скаргі. У пытаннях, звязаных з кватараваннем войска і забеспячэннем яго ўсім неабходным, галоўная роля адводзілася генерал-губернатарам. Менавіта яны адказвалі за набыцце правіянту і фуражу [25, 107], вызначалі населеныя пункты, дзе будуць размешчаны войскі, а кватэрная камісія (складзеная з прадстаўнікоў цывільнага насельніцтва) дакладна вызначала дамы, дзе будуць жыць салдаты. Кожны месяц камандзіры вайсковых адзінак павінны былі даваць губернатару справаздачы аб мірным кватараванні войскаў [23]. Так, на імя губернатара ці генерал-губернатара пісалі скаргі жыхары Жлобіна, Дынабурга, Гарадка [8; 11; 20].

Яскравым паказчыкам негатыўных наступстваў кватэрнай павіннасці з'яўляюцца скаргі на імя генерал-губернатара з боку камандзіраў армейскіх частак. Вайскоўцы скардзіліся на тое, што жыхары гарадоў і мястэчак проста не ў стане забяспечваць іх кватэрамі і харчаваннем, а таму прасілі цывільныя ўлады перавесці іх у іншыя населеныя пункты [7; 19].

Паказальна тое, што ўсе вышэйпералічаныя скаргі тычацца 1825–1827 гг., калі мясцовыя ўлады ажыццяўлялі, згодна з загадам ад 11 красавіка 1823 г., прымусовае перасяленне яўрэяў з сельскай мясцовасці ў гарады [24, 72]. Выкананне загаду прывяло да амаль экстрэмальных умоваў жыцця, калі ў дадатак да вайскоўцаў яўрэі павінны былі прыняць яшчэ і шмат сваіх аднаверцаў.

Калі ж не дапамагалі і скаргі да губернатара, цывільнае насельніцтва на гвалт магло адказаць гвалтам. Так, сям'ю рэжыцкага мешчаніна, ахрышчанага яўрэя Я. Фанарова, абвінавачвалі ў збіцці п'янага шэрагоўвага Іванова [15, а. 3]. Натоўпу полацкіх яўрэяў чамусьці не спадабаліся паводзіны штабс-капітана Шадурскага. Яны збілі армейскага афіцэра і

панеслі яго да паліцмайстра, які і вызваліў вайскоўца ад яўрэяў [12; л. 2-2 адв.].

Звычайна салдаты проста кватаравалі ў горадзе, г. зн. каравульныя ахоўвалі толькі будынкі, занятыя салдатамі, аднак былі выпадкі, калі салдаты пераймалі на сябе функцыі паліцыі. Салдаты і афіцэры кватаравалі ў дамах шляхты, мяшчан і яўрэяў. Вайскоўцы рэгулярна наведвалі рынкі, магазіны і корчмы – цэнтры гарадскога жыцця. Можна без перабольшвання казаць, што ўважлівы і адукаваны армейскі афіцэр меў магчымаць зразумець рэаліі гарадскога жыцця. Таму расійскія ўлады выкарыстоўвалі войскі, раскватараваныя ў заходніх губернях, як каштоўную крыніцу інфармацыі аб мясцовым насельніцтве. Так, камандзіры палкоў Асобнага Літоўскага корпуса павінны былі кожны месяц дакладваць аб спакоі сярод цывільнага насельніцтва [2, 65–66]. Мястэчка Свіслач Гродзенскай губерні было вольнае ад вайсковага пастою. Такі прывілей мястэчка атрымала з-за знаходжання ў ім гімназіі [24, 259]. Аднак, калі была выкрыта змова сярод вучняў гімназіі, у Свіслачы дляназірання за выхаванцамі была раскватаравана рота 47-га егерскага палка [4, 108].

Кватэрная павіннасць таксама была шчыльна звязана з барацьбой войскаў з сялянскімі выступленнямі. Расійская армія ў сваёй абсалютнай большасці складалася з былых сялян. Таму ўрад, баронячы асновы феадальнай сістэмы, выкарыстоўваў сваю моц вельмі абмежавана. Вядомы даследчык М.М. Улашчык, аналізуючы сялянскія выступленні на тэрыторыі Літвы і Беларусі ў першай палове XIX ст., прыйшоў да высновы, што ўрад, пасылаючы войскі, даваў у большасці выпадкаў загад не ўжываць зброю. Загад гэты выконваўся настолькі адказна, што нават, калі сяляне скрозь штыкі салдат кідаліся вызваляць сваіх арыштаваных паплечнікаў, салдаты не стралялі. З іншага боку, і сяляне, якія ўжывалі фізічную сілу ў дачыненні да памешчыцкай адміністрацыі, ніколі не накідваліся на салдат [27, 433–434]. Аднак сіла карнікаў была не ў зброі, а ў іх колькасці. Рэпрэсія для сялян была ў тым, што яны павінны былі ўтрымліваць войскі.

Напрыклад, у канцы 1823 г. у Дынабургскае стараства, сяляне якога адмовіліся выконваць павіннасці, быў уведзены Вялікалуцкі пяхотны полк. Аднак кватараванне дадзенай вайсковай адзінкі ў старастве доўгі час не прыносіла жаданых вынікаў: сяляне выконвалі павіннасці толькі ў суправаджэнні вайсковай каманды [18, а. 1–3]. Утрыманне буйнога злучэння прыносіла сялянам значныя страты, таму рана ці позна супраціў спыняўся: вясковыя жыхары зноў выконвалі павіннасці, а салдаты

пакідалі бунтуючую вёску і вярталіся на ранейшыя кватэры. Усе спробы сялян шукаць праўды ў вайскоцаў заканчваліся беспаспяхова. Камандзір Вялікалуцкага пяхотнага палка не меў права ні ўмешвацца ў гаспадарчае жыццё Дынабургскага староства, ні прымаць ад сялян скаргі [6, а. 4].

Нешта падобнае ў адказ на барацьбу з непадпарадкаваннем сялян назіралася і ў беларускіх гарадах і мястэчках. Адной з мераў па спагнанню нядоімак былі так званыя "ваенныя экзекуцыі". Напрыклад, у 1819 г. у м. Камянец мясцовы яўрэйскі кагал прыняў на кватэры вайсковую каманду ў колькасці 30 салдат, утрыманне якой каштавала да 2000 руб. асігнацыямі [24, 241–242]. Зразумела, падобныя мерапрыемствы ўладаў яшчэ больш рабавалі местачкоўцаў. Вайсковыя каманды таксама выкарыстоўваліся ў выпадках, калі жыхары мястэчак змагаліся за вяртанне ім прывілеяў часоў Рэчы Паспалітай. З дапамогай вайскоўцаў Беластоцкага пяхотнага палка царскія ўлады спрабавалі "супакоіць" жыхароў м. Мальча [24, 84].

Салдаты прыносілі ў беларускія гарады і вёскі не толькі дрэннае. Здараліся рэдкія выпадкі, калі насельніцтва было ўдзячна салдатам. Звычайна гэта было звязана з сітуацыямі, калі салдаты змагаліся з выпадкамі гвалту, альбо гэта была дапамога ад палкавых урачоў падчас эпідэмій. Так, у 1827 г. унтэр-афіцэр А. Сямёнаў выратаваў жыхарку Віцебска М. Іванову ад пабояў В. Шышлакова [22, а. 3].

Зразумела, што цывільнае насельніцтва, звычайны лад жыцця якога парушаўся вайскоўцамі, не імкнулася рабіць усё магчымае і немагчымае для арміі. Даволі рэдка ў архівах сустракаюцца справы аб падзяках за дапамогу ў расквартараванні войскаў. У большасці яны тычацца заможных людзей (падзяка ўладальніку м. Асвея графу І. Шадурскаму [10, а. 1 зв.]) і чыноўнікаў (падзяка слуцкаму павятоваму маршалу А. Непакайчыцкаму [5, а. 153]).

Сёння ў любой цывілізаванай краіне армія ізалявана ад цывільнага насельніцтва, а ваенная тэхніка на вуліцах горада азначае, што ў краіне альбо ваенны парад, альбо надзвычайнае становішча. У XIX ст. армія была часткай паўсядзённага жыцця насельніцтва заходніх губерній. Салдаты і афіцэры, акрамя перыяду лагерных летніх вучэнняў, жылі пад адным дахам з жыхарамі вёсак, мястэчак і гарадоў. Армія атрымлівала ад цывільнага насельніцтва практычна ўсё неабходнае: ежу, фураж, дровы. Адсутнасць дакладнай мяжы паміж светам цывільных людзей і светам вайскоўцаў непазбежна прыводзіла да непаразуменняў і канфліктаў. Кватэрная павіннасць вяла да збяднення цывільнага насельніцтва, а таму з'яўленне ў населеным пункце буйной вайсковай адзінкі заўсёды

ўспрымалася негатыўна. Галоўнай прычынай канфліктаў быў хранічны дэфіцыт бюджэту Расійскай імперыі, а адсюль і жаданне царскіх улад перакласці расходы на ўтрыманне арміі на плечы насельніцтва. Дадзеная праблема магла быць вырашана толькі за кошт павелічэння ваеннага бюджэту і перамяшчэння арміі на сваё месца – у казармы.

Літаратура

1. Карпов, А.К. 1910. *“Записки полковника Карпова, 1807–1837”*. Витебск: Тип. насл. М.Б. Неймана, [2], 12, 136.
2. Любавский. 1907. Памятка 54-го пехотного Минского полка: в 2 т. / Кишинев: тип. П.Ф. Галантера. Т. 2: Приложение к краткому историческому очерку боевой деятельности 54-го пехотного минского Его королевского Высочества князя болгарского Фердинанда полка за 100 лет существования.
3. Лютый, А.М. 1987. *Социально–экономическое развитие городов Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX века*. Минск: Наука и техника.
4. Мацэвіч, В.Н. 2001. “Патаемныя таварыствы ў Свіслацкай гімназіі (першая чвэрць XIX ст.)”. Старонкі гісторыі Свіслацкага краю: матэрыялы навук.-практ. краязн. канф., 23 мая 1998 г., Свіслач, Беларусь / Гродна: Гродзен. абл. аддз-не Бел. фонду культуры; рэдкал.: І.П. Крэнь (навук. рэд.) і інш. Гродна, 105–110.
5. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 320. Воп. 1. Спр. 33.
6. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 739.
7. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 791.
8. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 792.
9. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 877.
10. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 2577.
11. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 2624.
12. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 260.
13. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 264.
14. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 278.
15. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 299.
16. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 314.
17. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 332.
18. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 435.
19. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 440.
20. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 501.
21. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 587.
22. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 1024.
23. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 1133.
24. Соркіна, І. 2010. *Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст*. Вільня: Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт.

25. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. V. Главное интендантское управление. Исторический очерк. Ч. 1. *Введение и царствование императора Александра I* / сост. Ф.П Шелехов. СПб.: Тип. поставщиков Двора е.и.в. М.А. Вольф, 1903.
26. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. VIII. Главное военно-медицинское управление. Ч. 2. Отд. 1-4. Исторический очерк развития и деятельности военно-медицинского ведомства в царствование императора Николая I / сост. и ред. Н.И. Кульбин СПб.: Тип. поставщиков Двора е.и.в. М.А. Вольф, 1908.
27. Улащик, Н.Н. 1965. *Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии.* М.: Наука.

Наталля Язвінская
(ЕГУ, Вільнюс)

ЧЫТАЧ ГАЗЕТЫ "НАША НІВА" (1906–1915 гг.)

The article is based on the 78 letters that were published in the "Nasha Niva" newspaper in 1906–1915. It analyses the total amount and geography of the letters, its main topics and personal attitude to the newspaper. The author comes to conclusion that it is quite difficult to determine one Belarusian image. Thanks to the readers' letters we can see that a reader of "Nasha Niva" is a person who truly loves his country and actively supports the Belarusian national movement and for whom the most essential values in life are moral integrity, mother tongue, Belarusian culture, and historical memory.

Першая беларуская газета "Наша Ніва" мае велізарнае значэнне ў працэсе нацыянальна-культурнага адраджэння пачатку XX стагоддзя. Яна змагла аб'яднаць вакол сябе ўсе беларускія сілы. Самім фактам свайго з'яўлення яна выклікала да жыцця новыя таленты. Для беларусаў газета стала асноўным культурным асяродкам, нацыянальнай школай асветніцтва, сімвалам адраджэння. На старонках газеты былі сфармуляваны галоўныя ідэі, задачы і перспектывы нацыянальнага адраджэння, закладзены асноўныя кірункі развіцця беларускай мастацкай літаратуры і беларускага мастацтва.

Дзейнасць "Нашай Нівы" і яе роля ў развіцці беларускага нацыянальнага адраджэння былі ўсебакова вывучаны і даследаваны многімі навукоўцамі і гісторыкамі. Сярод гістарыёграфаў "нашаніўства" вызначаецца Аляксандр Шлюбскі, які апублікаваў успаміны А. Луцкевіча, В. Ластоўскага і Р. Зямкевіча пра "Нашу долю" і "Нашу Ніву". Сярод пасляваенных даследчыкаў можна выдзяліць Сцяпана Александровіча, які ў сваіх манаграфіях "Гісторыя і сучаснасць" і "Пуцявіны роднага слова"

робіць аналіз працэсу стварэння і ідэйнага зместу “Нашай Нівы”. Сучасны ж гісторык і даследчык Андрэй Унучак у сваёй дысертацыі спрабуе даць ацэнку “Нашай Ніве” і яе ролі ў развіцці беларускага нацыянальнага руху на пачатку ХХ стагоддзя.

Аднак трэба адзначыць, што публіцыстыка “Нашай нівы” ніколі не была прадметам асобнага гістарычнага даследавання. І таму практычна ніхто з сучасных даследчыкаў дасканала не вывучаў склад і асаблівасці чытацельскай аўдыторыі газеты “Наша Ніва”, яе геаграфію, колькасць і тэматыку лістоў.

Аднаўленне вобраза беларуса, які жыў на пачатку ХХ стагоддзя, у час, калі зараджаліся асновы беларускай нацыянальнай ідэі і нацыянальнага адраджэння, на сённяшні дзень дае нам шмат для асэнсавання і разумення, якім быў той беларус, пра што ён думаў, у што верыў, на што спадзяваўся і як бачыў сваю будучыню і будучыню сваёй краіны.

“Наша Ніва” – газета, якая на працягу дзесяці гадоў свайго існавання непахісна прытрымлівалася мэты, пастаўленай рэдакцыяй яшчэ на пачатку выхаду першага нумару, абяцаючы служыць “усяму беларускаму скрыўджанаму народу”, займела ў сваіх радах шмат прыхільнікаў сярод беларусаў. Газета падтрымлівала ўсе формы самадзейнасці, дапамагала развівацца прафесійна ў галіне літаратуры і мастацтва. Толькі за першыя тры гады ў “Нашай Ніве” было надрукавана 906 карэспандэнцый з 489 вёсак і мястэчак, 246 вершаў 61 паэта і 91 апавяданне 36 празаікаў [11, 315]. З кожным годам усё больш і больш беларусаў, якім дарага было беларускае друкаванае слова, станавіліся пастаяннымі чытачамі газеты “Наша Ніва”. Яны не толькі чыталі газету самі, але і распаўсюджвалі яе сярод “цёмнага” беларускага насельніцтва.

Нягледзячы на шырокае распаўсюджванне газеты, колькасць лістоў, што друкаваліся на яе старонках, была невялікай. Звязана гэта было ў першую чаргу з тым, што рэдакцыя газеты не мела магчымасці друкаваць у кожным нумары лісты чытачоў: на гэта не хапала месца. Найменш лістоў было ў 1906 годзе, магчыма, гэта звязана з тым, што газета толькі пачала выходзіць і не мела шырокага кола чытачоў. У 1912 годзе была надрукавана самая вялікая колькасць лістоў ад чытачоў. Гэта тлумачыцца тым, што ў гэтым годзе газета вымушана была перайсці на адзіны шрыфт – лацінку або кірыліцу. Рэдакцыі было важна асабістае меркаванне чытачоў, таму на працягу доўгага часу на яе старонках друкаваліся лісты па дадзенаму пытанню.

Зыходзячы з геаграфіі лістоў, надрукаваных у газеце, трэба адзначыць, што ў газету дасылаліся лісты пераважна з Віленскай губерні.

Прыкладна на аднолькавым узроўні па колькасці лістоў ішлі Мінская і Гродзенская губерні, радзей сустракаліся лісты з Магілёўскай і Віцебскай.

Аднак пісалі ў газету не толькі з Беларусі, даходзілі лісты і з замежных краін. Так, "Наша Ніва" друкавала лісты з Украіны, Бельгіі, Расіі (Пецярбург, Чарнігаўская губерня, Іркуцкая губерня, Ліфляндская губерня). Пісалі пераважна беларусы, якія воляй лёсу былі закінуты далёка ад сваёй бацькаўшчыны. Напрыклад, студэнты: "Пецярбургскія курсісткі і студэнты-беларусы", "Вучні Глухоўскага Вучыцельскага інстытута", "Студэнты Юр'еўскага Універсітэта". Падчас Першай сусветнай вайны 1914–1915 гг. у "Нашай Ніве" друкаваліся лісты з фронту, на якіх не быў указаны дакладны адрас, а проста "Ваюючая армія", "Палявы Запасны Госпіталь…", "Палявая ваенная хлебапякарня" і іншыя.

Тэматыка лістоў чытальніцкай аудыторыі шмат у чым залежыць ад тэматыкі самой газеты, таму відавочна, што лісты чытачоў адлюстроўвалі праблематыку і пытанні, якія падымала на сваіх старонках газета "Наша Ніва". Так, першае месца ў тэматыцы газеты займала праблема беларускай мовы і беларускай адукацыі. Дадзеныя пытанні знайшлі водгук у беларусаў, якім неабыякавы быў лёс беларускай мовы і лёс беларускага народу ў цэлым. Так, напрыклад, настаўнік з Гродзеншчыны дзеліцца сваімі разважаннямі пра лёс беларускай мовы: "Даўно ўжо мучыць мяне думка аб нашай роднай мове. Народ мае сваю мову, гаворыць на ёй, не цураецца яе, а сын гэтага народу, як выйдзе ў людзі, ужо гаворыць іначай з гэтым самым народам. Чаму гэтак у нас зрабілася, што ўжо так многа інтэлігенцыі выйшла з народу, і ўся яна выраклася сваёй роднай мовы?" [3, № 1].

Такім чынам, уздымаючы пытанне лёсу беларускай мовы, "Наша Ніва" прымушала беларусаў задумвацца над гэтай праблемай, абмяркоўваць яе і шукаць нейкае выйсце, дзеля таго каб беларуская мова жыла і развівалася, каб беларусы не цураліся яе, каб дзеці маглі навучацца на роднай мове.

Можна таксама асобна вызначыць тэматыку лістоў чытачоў, якая ўзнікла ў 1912 годзе і была звязана з пераходам газеты на адзіны шрыфт. Рэдакцыі было важна меркаванне чытачоў, таму на старонках газеты разгарнулася сапраўдная дыскусія, якім шрыфтам павінна друкавацца "Наша Ніва". Рэдакцыя дала магчымасць выказацца кожнаму беларусу, якога хвалявала дадзеная праблема, таму чытачы актыўна прымалі ўдзел у абмеркаванні пытання. Яны раілі, які шрыфт будзе найлепшы для газеты, спрабавалі знайсці нейкую сярэдзіну, каб задаволіць прыхільнікаў як лацінскага шрыфту, так і кірылічнага. Чытач Э.Б. у № 5 пісаў: "…Трэба

трымацца не таго шрыфту, які каму прыпадае да сэрца, але таго, які можа прынесці як найбольш карысці. І толькі агульная карысць можа быць меркай таго, якога шрыфту дзяржацца”. Г. Леўчык са Слоніма піша: “Трэба друкаваць тым шрыфтам, на якім больш расходзіцца газета”. Я. Сіні-кі: “Як усе, так і я”, В. Грын-іч: “Мне дык усё роўна, хоць я і каталік”, І. Даніл-іч: “Я за гэтым, што задаволіць спрэчных ” [7, № 8].

Асобна можна вылучыць тэму віншаванняў газеты з юбілеямі. Рэдакцыя на старонках газеты заўсёды шмат змяшчала віншаванняў з нагоды ўгодкаў свайго існавання. Беларусы дасылалі свае падзякі, і віншаванні не толькі з Беларусі, але і з замежжа. К. Карповіч з Наваградка ў сваім віншаванні пісаў: “Шчыра зычу Вам развівацца і расці ў сілу і значэнне ў народзе і зычу, каб ваша праца не пайшла намарна, але разбудзіла ў бедным і забітым беларусе пачуццё, што ён Беларус, а не Паляк і не Расеец” [6, № 47–48].

Друкавала газета таксама featureрознага кшталту прапановы, аб’явы, просьбы, падзякі і спачуванні. Вельмі часта чытачы пісалі лісты з просьбамі. Беларусы з вёскі Аношкі Віленскай губерні пісалі ў газету: “Просьба дапамагчы саветам, якія кнігі трэба набыць, каб зрабіць малаварню” [3, № 16]; аб’явы: “Беларусы, якія хочуць пазнаць, як палепшыць гаспадарку, няхай пішуць у г. Харкаў ва Губернскую Земскую Управу” [3, № 27].

Аналізуючы тое, як падпісваліся чытачы, даволі складана сказаць, ці былі гэта іх сапраўдныя імёны, ці псеўданімы. Сустракаліся і проста ініцыялы, няпоўныя прозвішчы: *В.А. Ад-ч, Я. Куч-ка, Пан К. Б-іч, В.А.* і іншыя. Вельмі часта людзі выбіралі сабе псеўданімы па наступных крытэрыях: мясцовасць пражывання (*Аношка* (в. Аношкі), *Мікалаеўцы, Мінскія беларусы, шляхціч з-пад Ашмян, Беларусы з Капыля і Слуцка,*), прафесія (*Селянін, Рускі Акадэмік, Вучыцель з Гродзеншчыны, Земляроб І.Р.*), нацыянальнасць (*Пецярбургскія курсісткі і студэнты-беларусы, Беларусы, Беларусы з Капыля, Рускі Акадэмік*).

Трэба адзначыць, што некаторыя лісты падпісваліся адным чалавекам, а некаторыя цэлымі групамі, аб’яднаннямі, таварыствамі: *Беларускі навукова-літаратурны кружок пры СПБ, грамада мінчан “чыншэвікоў”, Крэсіва і другія радашкоўскія беларусы, працоўнікі на ніве народнага прасвятлення, Таварыства студэнтаў Беларусаў, палітычна-ссыльныя беларусы.*

З выхадам кожнага новага нумара газеты “Наша Ніва” ўзрастала патрэба чытаць беларускае друкаванае слова. Гэта ўжо рабілася не для забавы, не для пацехі ці цікавасці. Беларусы свядома хацелі чытаць

газету па-беларуску, і чытаць пачыналі ўсё больш шырокія кола беларускага насельніцтва. Больш таго, чытачы хацелі чагосьці новага і кожны раз з нецярпеннем чакалі выхаду наступнага нумара. Беларускі народ паступова пачынаў разумець галоўнае, што яднае ўсіх беларусаў родная мова і ўсведамленне таго, што беларусы – гэта сыны адной краіны. І, натуральна, вялікую ролю ў гэтым працэсе адыграла газета "Наша Ніва".

Аналізуючы лісты чытачоў "Нашай Нівы", дасланыя ў рэдакцыю газеты, можна зрабіць выснову, што існаванне і дзейнасць газеты для беларусаў у перыяд нацыянальнага адраджэння мела вялікае значэнне. Людзі дзякуюць газеце за тое, што яна даносіць словы праўды на роднай мове. Газета была сапраўдным святлом для тых беларусаў, якія жылі або навучаліся за мяжой. Пачуць роднае слова пра родныя мясціны, вёсачкі і гарады, аб жыцці далёкіх братоў і бацькоў для іх было сапраўдным шчасцем.

Многія чытачы падпісваліся і чыталі "Нашу Ніву", бо яна пісала менавіта пра простых мужыкоў, аб іх бядзе і нядолі, не звяртаючы ўвагу на тое, ці падабалася гэта каму ці не. Іншыя пішуць, што "Наша Ніва" з'яўляецца "сапраўдным вучыцелем беларуса". Чытаючы газету, забіты і няшчасны беларус бачыць, што ён таксама чалавек, які мае правы, як і ўсе іншыя, на шчаслівае жыццё. Мікалаеўцы ў № 2 газеты за 1909 г. пісалі: "Газэту вашу любім чытаць і слухаць з вялікай ахвотай, бо ў ёй пішуць аб тым, чаго хоча бедны беларускі народ".

Разам з тым сярод чытачоў існавала і адмоўная ацэнка газеты і сваё стаўленне да газеты яны раскрывалі праз лісты, якія газета таксама змяшчала на сваіх старонках. Чытач з Віленскай губерні, які падпісаўся Праваслаўным беларусам, паведамляў аб тым, што выпісваць "Нашу Ніву" не можа, таму што ўсе беларусы ў мястэчку Леонполь праваслаўныя і чытаюць па-расейску. "У нас ёсць газэта для народу "Крестъянинъ" з Вільні, каторую беларусы чытаюць лёгка. "Наша Ніва", друкаваная і польскімі літарамі, можа паказаць цёмнаму беларусу, быццам тут Польшча, што і даводзяць яму розныя процібеларускія арганізацыі" [4, № 16].

Іншы чытач з Мінску ў № 4 1909 года ў сваім лісце ў газету пісаў наступнае: "Чытаю "Нашу Ніву" мужыкам з-пад Мінску, але цяжка знайсці тое, што было бы для іх цікавым: аб Думе слухаць не хочуць, бо іх надзеі не спраўдзіліся; стацьці аб адраджэнні беларусаў не памагаюць; апісваць суполкі не трэба, бо беларусы гэтага ўсё роўна не разумеюць. Трэба выдаваць газэту такую, як "Kmiotek" – саўсім без палітыкі".

Нягледзячы на дастаткова вялікую колькасць лістоў, дасланых у газету ў перыяд 1906–1915 гг., даволі складана сфармуляваць нейкі адзіны акрэслены вобраз чытача "Нашай Нівы" таго часу. Аналізуючы подпісы лістоў чытачоў, тым не менш можна сказаць, што газету чыталі пераважна мужчыны ўзросту прыкладна ад 19 да 60 *(Студэнты Юр'еўскага Універсітэту, Стары Вучыцель, беларусы інстытутчыкі, мікалаеўцы і інш.)*, жанчын было значна менш *(Ганна С-ая, беларускія студэнткі, беларускія курсісткі).*

Чыталі і актыўна пісалі ў газету людзі, якія мелі адукацыю: сярэднюю і вышэйшую. Аднак былі надрукаваны газетай лісты, падпісаныя *селянінам*, *земляробам*, што сведчыць аб тым, што сяляне таксама мелі магчымасць трымаць газету "Наша Ніва" ў сваіх руках.

Газету чыталі нават у час ваенных дзеянняў Першай сусветнай вайны. І яна з'яўлялася сапраўднай атрадай для салдатаў, якія ваявалі далёка ад радзімай старонкі. Газета і вобразы роднага краю дапамагалі салдатам перажыць холад, голад, боль. Праглядаючы лісты чытачоў, можна вызначыць іх адносіны да самой газеты, да культурных і палітычных падзей у краіне. Многія чытачы лічылі, што праца газеты вельмі важная і патрэбная, бо яна будзіць нацыянальнае самапачуццё і гонар у народнай інтэлігенцыі і людзі перастаюць цурацца сваёй мовы.

Чытачы "Нашай Нівы" актыўна адгукаліся на ўсе праблемныя пытанні, якія "Наша Ніва" падымала на сваіх старонках. Яны не былі абыякавыя ні да лёсу беларускай мовы і беларускай школы, ні да трагічных падзей, звязаных з пачаткам Першай сусветнай вайны, ні да радасных і сумных падзей, што перажывала газета, а разам з ёй і ўвесь беларускі народ. У газеты было шмат прыхільнікаў, пра што сведчылі шматлікія віншаванні з падзякамі і выказваннем сваёй павагі да той працы, якую газета рабіла дзеля адраджэння беларускага народа.

Такім чынам, нягледзячы на тое што колькасць надрукаваных лістоў у рэдакцыю газеты была невялікай і яны не даюць дастаткова поўную інфрамацыю, тым не менш яны дапамагаюць уявіць вобраз беларускага чытача "Нашай Нівы" 1906–1915 гг. Гэта вобраз чалавека, які пражывае пераважна ў Віленскай ці Гродзенскай губернях, працуе ў школе альбо на зямлі, які ўсім сэрцам стаіць за беларускі нацыянальны рух і для якога дарагімі з'яўляюцца такія нацыянальныя каштоўнасці, як духоўная еднасць, родная беларуская мова, культура, гісторыя. Вобраз беларуса, які, нават знаходзячыся далёка ад свайго роднага краю, думае пра Беларусь, пра беларускі народ, пра беларускае слова, якое на чужыне становіцца для яго яшчэ больш дарагім.

Дадатак
Лісты чытачоў у рэдакцыю па пытанню аб пераходзе газеты на адзіны шрыфт

Шляхціч з-пад Ашмян: “Выпісваю тры газеты: беларускую, польскую і расейскую. Значыцца, чытаю ў трох мовах і, здаецца, не павінен я прыдаваць якую колечы ўвагу да шрыфту. Але ўсё ж такі стаю за лацінку, і каб “Наша Ніва” далей друкавалася гэтымі літарамі, даў бы 3 руб. заместа 2 руб. 50 кап., – а калі і гэтага мала, падпішуся адразу на 10 год, каб хаця дзеткі мае дачакаліся газеты ў тым шрыфце, у якім чытаем малітоўнікі. Мне б папраўдзі ўсё роўна, якімі літарамі чытаць, але ж, што забаронена, тое і бліжэй сэрцу і смачней. Ня можна вучыць дзетак на лацінскіх літарах, у школах таксама не вучаць, – дзеля таго і стаю за лацінку”.

Я.Ю. Манц-іч з Гродзенскай губерні: “У Сакольскім павеці ў заходняй часьці найбольш ёсць беларусаў каталікоў, каторыя не маюць ні воднай школы сваёй. Ім трэба памагчы. Яны ўсе беларусы, спяць, ні маюць, дзе вучыцца пасылаць сваіх дзяцей. Праваслаўныя пасылаюць у школкі, дзе вучаць толькі па-расейску, – а нам, беларусам-каталікам, трэба самім навуку здабываць і самім вучыцца па-беларуску, у сваёй роднай мове. Нам і трэба беларускую газету, друкаваную лацінскімі літарамі, бо яны нам дарагія і відней на іх чытаць. Я і сам самавукам вучыўся ў сваёй хаце па-беларуску лацінскімі літарамі і дзеля таго, як чытаю па-беларуску тымі літарамі, дык мне здаецца, што душа мая са мною гутарку вядзе. Пакуль што ў нас не ведаюць усе, што ёсць у нас кніжкі і газэты ў роднай мове – па-беларуску. Трэба яшчэ паказваць. Мы, маладыя, ужо пачалі пазнаваць сябе, і ёсць надзея, што знойдзецца ў нас сіла, калі будзеце друкаваць па-беларуску лацінскімі літарамі.”

Лісты ў рэдакцыю “Нашай Нівы” ад салдатаў ваюючай арміі

Шаноўная рэдакцыя! Мы беларусы П. Субач, А. Лугін, К. Трэймак, Б. Гарбуль, М. Высоцкі і інш. шлем ад усяго сэрца вялікую падзяку за газету “Наша Ніва”, каторая прыносіць ведамасці ад нашых братоў-беларусаў.

… Батарэя, … Арт. Брыгада

Шаноўны пане Рэдактар!

Вельмі дзякую Вам за Вашу газэту “Наша Ніва”. Мы – беларусы – вельмі рады чуць сваю родную мову хоць праз Вашу газэту і з вялікай радасцю чытаем яе, жывучы далёка ў чужой старонцы.

З пашанай к Вам Бабровіч

Палевая ваенная хлебапякарня № …

Шаноўная Рэдакцыя!

Ад усяго сэрца пасылаюць падзяку ўсе мае раненыя землякі-беларусы, каторым здарылася папасці ў гэты госпіталь. Ня толькі беларусы, але і расейцы цікавяцца "Нашай Нівай" ды просюць пачытаць, – украінцы таксама.

Астаюся з паважаннем Ф. Лазарэвіч

… Палевой Запасны Госпіталь …

Паважаная Рэдакцыя!

Вашу газету "Нашу Ніву" атрымаў і ад імені ўсяго госпіталя прыношу сардэчную падзяку. Атрымаць вашу газету было для нас, беларусаў, адным шчасцем. Шмат тут ёсць людзей з іншых губерней, каторым прыйшлося бачыць беларускую газету першы раз. Спачатку яны дзівіліся, а пасля цешыліся разам з намі, што мы, беларусы, маем газэту ў сваёй роднай мове.

Цяперака, Дарагія Беларусы, звяртаемся к Вам з просьбай аб тым, што мы церпім тут вялікі недастатак у кніжках, дык прышліце нам беларускіх вершаў і казак і "Беларускі Каляндар".

З паважаннем віленскія, гродзенскія і віцебскія беларусы. Аб чым пасведчывае сваім подпісам П. Пачопка

Ваен.-Палевой Падвіжной Госпіталь

Літаратура

1. Грыцкевіч, А. 1998. "Удзел у Адраджэнні". *Наша вера* 2 (5).
2. Лукін, В. 2003, "… сталася пуцяводнай зоркай…". *Беларускі гістарычны часопіс*, № 3.
3. "Наша Ніва: першая беларуская газета з рысункамі". 1992. *Факсімільнае выданне*. Мн.: Навука і тэхніка. Вып. 1: 1906–1908, № 1, 27.
4. "Наша Ніва: першая беларуская газета з рысункамі". 1996. *Факсімільнае выданне*. Мн.: Беларуская навука. Вып. 2: 1909, № 16.
5. "Наша Ніва: першая беларуская газета з рысункамі". 1998. *Факсімільнае выданне*. Мн.: Тэхналогія. Вып. 3: 1910.
6. "Наша Ніва: першая беларуская газета з рысункамі". 2003. *Факсімільнае выданне*. Мн.: Тэхналогія. Вып. 4: 1911, № 47, 48.
7. "Наша Ніва", 1912, № 8.
8. "Наша Ніва", 1913.
9. "Наша Ніва", 1914.
10. "Наша Ніва", 1915.
11. "Энцыклапедыя гісторыі Беларусі". 1999. У 6 т. Т. 5. Мінск.

Яўгенія Асколкава
(БДУ, Мінск)

ШТОДЗЁННАСЦЬ БЕЛАРУСІ Ў ТВОРАЧАСЦІ АКТУАЛЬНЫХ БЕЛАРУСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ

The article deals with the works of Belarusian postmodernist writers A. Hadanovich, A. Fedarenka, V. Zhibul, A. Globus, Ul. Neklyayev, V. Shnip, etc. They focus on the habits and traditions, dreams and aspirations of Belarusian people. The majority of masters of Belarusian culture stand for enlarging free movement rights and improving culture.

"Вялікія" падзеі ў жыцці "маленькіх" людзей. Выдумка і рэальнасць – тонкая рэч у творчасці беларускіх постмадэрністаў – А. Хадановіча, А. Федарэнкі, В. Жыбуль, А. Глобуса, Ул. Някляева, В. Шніпа і інш. Існаванне і побыт звычайных беларусаў: звычкі і традыцыі, мары і імкненні. Які беларускі кірунак быў і што плануецца па інтэрпрэтацыях тэкстаў актуальных беларускіх творцаў?

"Сапраўдныя беларусы пойдуць туды, дзе пануе беларускі дух", – упэўнены знаны гісторык Леанід Лыч [2, 128], які прэзентаваў сваю кнігу "Уніяцкая царква Беларусі". Але паўстае пытанне: які беларускі дух? Ці ён існуе? Леанід Лыч атаясамлівае беларускі дух з царквой, да якой рана ці позна сапраўдныя і свядомыя беларусы вернуцца, і душы іх злучацца з Небам праз спрадвеку роднае слова… Ці ёсць беларускі дух без царквы і якая наша (беларуская) штодзённасць сёння?

Напрыканцы XX – у пачатку XXI стагоддзяў у беларускай літаратуры дамінуе аўтабіяграфічная проза; побач з дакументальнымі жанрамі (дзённікамі, мемуарыстыкай, эпісталярыем) выступаюць празаічныя творы, у аснову якіх пакладзены рэальныя падзеі або па-мастацку інтэрпрэтуюцца асобныя факты. Паказальна, што і ў першых, і ў другіх актуальна тэма асэнсавання літаратурнага працэсу і ўласнага творчага плёну аўтара.

Андрэй Федарэнка – лаўрэат Літаратурнай прэміі імя Івана Мележа (1995 г., за кнігу "Смута") – празаік, творы якога публікаваліся на беларускай, англійскай, нямецкай, рускай, латышскай, славацкай, украінскай мовах. Ён, як і іншыя беларускія пісьменнікі XXI стагоддзя, малюе сапраўднае становішча беларуса, яго кожны дзень, яго звычкі. Прыклад – твор "Рэвізія", дзе ўжо ў першай частцы аўтар дэманструе "культурную сітуацыю" (катастрафічнае звужэнне сферы ўжытку беларускай мовы, адпаведна, відавочная страта цікавасці грамадскасці да нацыянальнага прыгожага пісьменства і ўвогуле да айчыннай гісторыі). Абапіраючыся на тэкст, дзе дакладна дадзены факт іранічна "агучваецца" адным з герояў: (вынятка) "Жыве Беларусь! – з'яўляючыся ў дзвярах, гучна аб'явіў рослы дзяцюк у шырокім і доўгім белым кажусе, трымаючы ў руцэ сабачую шапку з апушчанымі вушамі. Ён аббег вачыма залу. – Усе ў зборы? Ну, а цяпер сюды не хапае адной невялікай бомбы. І скончылі б з гэтай няшчаснай Беларуссю за хвіліну!" [3, 15]. Такое становішча 80-х і 90-х гг. XX стагоддзя павінна было прывесці да поўнай асэнсаванай такой постаці ў рамане, як Анатоль Ведрыч. Характарыстыку гэтаму герою дае Трухан, вобраз самога А. Федарэнкі: "...ты сваяк ці прамы нашчадак усім гэтым Пёцефі, Каліноўскім, д'Арк, Касцюшкам, па-мойму – ты з тых шалапутных, непаседлівых, вечна няўрымслівых галоў, якія ёсць у кожным народзе, якія, калі ўгадаюць нарадзіцца ў патрэбны час, гэта значыць, калі бываюць запатрабаванымі сваім народам, – тады робяцца нацыянальнымі героямі… <...> Пра якіх потым складаюць песні, легенды і балады. Калі ж не пашчасціла з эпохай, не падгадалі з нараджэннем і час ім выпадае застойна-задушны, як у нас цяпер, – так уся гэтая звышэнергія расходуецца на абы-што, у лепшым выпадку на словы..." [3, 39].

Рэальны прататып Ведрыча – паэт Анатоль Сыс, які ў літаратурным жыцці 80-х – пачатку 90-х гадоў XX стагоддзя быў адным з "духоўных" лідэраў. Паэт Анатоль Сыс ніколі не быў павярхоўным, палітычна ці ідэалагічна заангажаваным. Ён быў адным з самых энергаёмістых, як піша літаратурны крытык Лада Алейнік, ва ўсёй беларускай паэзіі [1, 118]. Па колькасці паэтычнай энергіі на радок, падобна, яму саступяць і Купала, і Багдановіч. Здаецца, у лепшых паэтычных творах Анатоля Сыса сканцэнтраваны ўвесь трагічны цяжар нацыянальнага быцця (зборнікі "Агмень", "Пан Лес")".

У вобразе Анатоля Ведрыча бунтарства, талент, імпульсіўнасць, спецыфічная "безадказнасць" з'яўляюцца не чым іншым, як перадумовамі чалавечага і мастакоўскага крызісу героя. Трухан, у адрозненне ад Ведрыча, мэтаскіравана ідзе да аднаго – унутранай свабоды і гармоніі, для

яго важна найперш паразумецца з самім сабою, самому сабе адказаць на пытанне, "што вартае творчасці і ў творчасці". І ён знаходзіць адказ: "... уласная душа. Душа, устаўленая ў рамку цела…" [1, 121]. Вось ён беларус! Таленавіты, гарманічны, імпульсіўны і свабодны!

"Кожная хата – клубок лёсаў, процьма гісторый, цэлыя сагі з нараджэннямі, смерцямі, радасцямі і бедамі, геаграфічнымі перамяшчэннямі і вяртаннямі... Дык гэта ж усяго толькі макаўка, вяршок, тое, што ён ведае павярхоўна. А каб хоць трохі капнуць глыбей, каб распытаць старэйшых каго?.. Ці ўзяць нежывое, ваколіцы – тут увогуле скарб пад нагамі!" [4, 38]. З кожнай штодзённасці беларуса атрымліваецца Беларусь, яе лёс і гісторыя.

Такім чынам, "Рэвізія" адбылася. А. Федарэнка прадэманстраваў у рамане не толькі шматлікія супярэчнасці, т. зв. "парадоксы жыцця", якія асабліва ярка бачацца і абвострана перажываюцца таленавітым творцам, але зрабіў спробу самаасэнсавання, нават вызначэння свайго далейшага мастакоўскага шляху. А яго шлях мастацтва – Беларусь, хто, як не беларускі пісьменнік, адчуе дакладней жыццё і лёс сваіх суайчыннікаў? Вось чаму зараз і дамінуе аўтабіяграфічная проза, з сябе пра ўсіх, ад індывідуума да грамадства.

"Гісторыя хваробы" А. Федарэнкі адлюстроўвае складанае і трагічнае жыццё студэнта і паэта Уладзіміра Вяргейчыка, гісторыю яго кахання і няпростыя ўзаемаадносіны з аднакурснікамі. Апавяданні – роздум аб месцы моладзі ў працэсах, якія адбываюцца ў нашым жыцці. Таксама новую кнігу А. Федарэнкі склалі аўтабіяграфічны раман "Мяжа" і выбраныя лепшыя апавяданні, якія ўпершыню выходзяць пад адной вокладкай. Раман-эсэ "Мяжа" пасля часопіснай публікацыі стаўся, паводле шматлікіх выказванняў крытыкі, з'явай у беларускай прозе. У творы выяўляецца своеасаблівае ўспрыманне рэчаіснасці галоўным героем, абвостранае пачуццё справядлівасці і прыгажосці. То бок рэчаіснасць слоў і вобразаў пісьменніка зноўку звяртае нас да традыцыйнай беларускай штодзённасці.

Пераходзячы ад твораў А. Федарэнкі да аповесці Алены Брава "Дараванне", адразу заўважаем адметную рысу – гэта зварот да тэм старасці і замежнага шлюбу, таксама да новай для пісьменніцы тэмы "рэха вайны". Своеасаблівае разуменне беларусам замежжа прысутнічае ў творы.

Галоўная гераіня твора, Ларыса, саракагадовая беларуска, у якой першы муж скончыў жыццё самагубствам і пакінуў жонку разам з дачушкай у практычна пустой кватэры. Дзеля дачкі, без спадзяванняў на шчаслівы лёс Папялушкі, Ларыса выйшла замуж у Германіі. Як высвятля-

ецца, у бацькі Ральфа хвароба Альцгеймера: "…Час ад часу паміраючыя нейроны Ганса, штуршкамі прарываючы плеўку бяспамяцтва, – так рыба выкідваецца на бераг з атручанага вадаёма, – выносяць на паверхню тыя ці іншыя нябіткія аскепкі" [6]. І стары нібыта вяртаецца ў сваю вайсковую маладосць, калі сямнаццацігадовым ён ваяваў побач з мястэчкам, дзе нарадзілася Ларыса. Жанчына выконвае ролю сядзелкі, і ёй, падкрэслена чулай і ўражлівай, псіхалагічна цяжка даглядаць былога ворага. Зрэшты, Ларыса даруе старому. У адрозненне ад эмігрантаў Альгерда Бахарэвіча, якія рэдка праводзяць канкрэтна-побытавыя супастаўленні, Ларыса ўвесь час супрацьпастаўляе сваё існаванне на радзіме жыццю ў Германіі. Алена Брава знаёміць чытачоў з іншымі рэаліямі нямецкага жыцця, якія выклікаюць у галоўнай гераіні альбо непаразуменне, альбо лёгкую настальгію ("Дрэвы тут злоўленыя ў палон цывілізацыяй – магчыма, таму яны не выпраменьваюць святла; там, у старым парку яе дзяцінства, засталося маўклівае ззянне…" [6]).

Абвостранае пачуццё прыгажосці і справядлівасці А. Федарэнкі, "маўклівае ззянне" для Алены Брава, паэзія А. Хадановіча, "падпісаная на снег не штодзённа, але штотыднёва"…

…Мы ў гэтым жыцьці – навабранцы,
Гарматнага мяса шматок:
Пойдзеш налева – пранцы,
Наўпрост – электрычны ток,
Направа шчэрыць яхідна
Іклы табе напаказ… [9]

Алена Брава папярэджвае: "Калі вы ўбачыце ў "брацкай магіле", то бок у звальнай яме, якая маецца на ўскрайку некаторых еўрапейскіх могілак, скінутыя туды экскаватарам косткі – *нічые*, дык ведайце: гэта костачкі рускіх, беларускіх, украінскіх жанчын, якія адважна кінуліся са сваёй пахмурнай радзімы на пошукі гламурнага шчасця або ўсяго толькі сытага жыцця…" [6]. Мастацкі свет твора "Дараванне" збольшага адпавядае стэрэатыпным беларускім уяўленням пра еўрапейскае жыццё і лёс жанчыны, што знайшла "замежнага-заможнага" мужа. Аб стэрэатыпах такога характару можна прачытаць і ў творы Евы Вежнавец "Шлях дробнай сволачы".

Заўжды менавіта прыземленыя, паўсядзённыя здарэнні, мелкія фізічныя нязручнасці, неспадзяванкі будуць нашай штодзённасцю, доказам таго, што мы дыхаем, існуем. Гісторыя краіны, вылучаная праз мастац-

кую літаратуру, адлюстроўвае сапраўдны пачатак дыялогу аб штодзённасці беларуса і спазнавання ім свету, як свайго, так і замежнага.

Літаратура

1. Алейнік, Л. 2010. *Пясочны гадзіннік*. Мінск: Літаратура і мастацтва.
2. Лыч, Л. 2011. *Уніяцкая царква Беларусі*. Мінск: Кнігазбор.
3. Мушынскі, М. 2003. "Літаратура пачатку XX стагоддзя. 1901–1917: Крытыка і літаратуразнаўства". *Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т.* Мінск: Бел. навука, Т. 1. 67–85.
4. Федарэнка, А. 2004. "Рэвізія", *Полымя* 1: 15–70.
5. Федарэнка, А. 2004. "Рэвізія", *Полымя* 2: 13–67.
6. *community.livejournal.com/lit_krytyka*
7. brava-alena.livejournal.com/
8. paval-abramovi4.livejournal.com
9. yozas-gubka.livejournal.com
10. Доступ праз Інтэрнет: *http://kamunikat.fontel.net/www/knizki/litaratura/chadanovicz/09.htm*

БЕЛАРУСЬ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Дзяніс Сідарок
(БДУ, Мінск)

ТРАНСФАРМАЦЫЯ ІДЭНТЫЧНАСЦІ Ў БЕЛАРУСІ І ВА УКРАІНЕ

The author focuses on the transformation of identity of two neighboring countries that gained independence 20 years ago and began to form a new identity abandoning the old Soviet one. Using numerous information sources and taking into consideration reasonable distinctions in mentality, the author comes to the conclusion that the same past does not mean the same future and that the new identity in Belarus and Ukraine is being formed according to entirely different scenarios.

У час сусветнай глабалізацыі асаблівая ўвага звяртаецца да працэсаў трансфармацыі ідэнтычнасці, тым больш апошняя з'яўляецца даволі ўспрымальнай да рознага роду глабалізацыйных выклікаў і грамадскіх турбаванняў. На думку М. Гроха, патрэбу ў новай ідэнтычнасці трэба разумець як вынік крызісу ці страты старых ідэнтычнасцяў, як адказ на знікненне старых каштоўнасцяў і сацыяльных сувязяў ва ўмовах няпэўнасці, выкліканай сацыяльнымі і палітычнымі трансфармацыямі [7]. Менавіта такая сітуацыя склалася ў нашай краіне. На нашу думку, аб існаванні феномену беларускай ідэнтычнасці можна казаць з усёй упэўненасцю, аднак пры гэтым няма сумнення і ў тым, што апошняя знаходзіцца толькі на стадыі свайго фарміравання. Працэс гэты ўяўляецца вельмі складаным і супярэчлівым, з мноствам перакрыжаванняў, асабліва ўлічваючы нашае "памежжа" ў якасці геапалітычнага становішча.

Калі мы маем намер весьці гаворку пра ідэнтычнасць, нельга забываць, што адным з самых важных і асноўных складнікаў апошняй з'яўляецца нацыянальны менталітэт. Таму спачатку мы павінны асэнсаваць асноўныя кропкі несупадзення менталітэту тыпічнага беларуса і

тыпічнага ўкраінца. Як адзначае В.В. Кірэенка [9, 74], да дамінуючых характарыстык беларускага менталітэту можна аднесці гасціннасць, працавітасць, цеплыню і сардэчнасць у адносінах паміж людзьмі, сумленнасць, спагаду, талерантнасць, калектывізм і "пачуццё локцю". Умерана прысутнічаюць у менталітэце наступныя якасці: імкненне да павольных паступовых грамадскіх зменаў, патрыятызм, павага да старэйшых, павага традыцый і следванне гэтым традыцыям. Слаба выражана імкненне да асабістай свабоды, радыкальных грамадскіх зменаў, прадпрымальнасць, ашчаднасць, імкненне да спаборніцтва, канкурэнцыі. Сацыялагічныя апытанні паказваюць, што ў дадзены момант беларускаму менталітэту таксама належыць такая якасць, як арыентацыя грамадзян на моцную дзяржаўную ўладу, пры гэтым уладу персаніфікаваную, а не звязаную з палітычнымі партыямі. Пры гэтым у структуры менталітэту, на думку А.І. Веруша [5, 5], пераважаюць духоўна-маральныя якасці. У той жа час можна адзначыць, што асноўнымі кампанентамі ўкраінскага менталітэту з'яўляюцца ашчаднасць, індывідуалізм, недавер і падазронасць да новага, гаспадарчасць (для сябе), самастойнасць у суджэннях ("себе на уме"), комплекс "малодшага брата", асабістая ініцыятыўнасць, цярплівасць, пачуццё ўласнай вартасці, дэмакратызм, прагнасць, утоенасць, працавітасць, выкрутлівасць, абыякавасць, талерантнасць, цярпімасць, сацыяльны фаталізм. Пры гэтым трэба ўлічваць рэгіянальныя асаблівасці ўкраінскага "нацыянальнага характара", бо ў розных рэгіёнах краіны розныя адносіны да свайго гістарычнага мінулага, мовы, культурнай спадчыны, рэлігіі. С. Беляеў вызначае шэсць асноўных рыс украінскага "нацыянальнага характара": па-першае, духоўная сувязь з асяроддзем пражывання; па-другое, прыярытэт індывідуальнага над калектыўным; па-трэцяе, прыярытэт эмацыянальнасці над рацыянальнасцю, "сэрца над галавой"; па-чацвёртае, пэўны сацыяльны фаталізм, вера ў "аўтаматычнасць" гісторыі; па-пятае, дуалізм унутранага свету, сумяшчэнне казацкага актыўнага тыпу існавання і "патаемнага" сялянскага тыпу; і нарэшце, "усеагульная ўраўняльнасць" і лаяльнасць, абумоўленая спецыфікай сямейных адносін [4]. Такім чынам, можна адзначыць, што асноўнымі пазіцыямі несупадзення беларускага і ўкраінскага менталітэтаў з'яўляюцца пазіцыі "калектывізм-індывідуалізм", "прага да аўтарытарнай моцнай улады, прага да дэмакратызму", "шчодрасць-прагнасць", "канфармізм-самастойнасць у суджэннях", "залежнасць ад лідара, пачуццё асабістай вартасці". Пры гэтым цяжкае гістарычнае мінулае, любоў да роднай зямлі, яе абагаўленне, пачуцці талерантнасці, гасціннасці яўляюцца значнымі рысамі як беларускага, так і ўкраінскага "нацыяна-

льных характараў". Усё вышэй адзначанае непасрэдным чынам уплывае на фарміраванне нацыянальнай ідэнтычнасці гэтых краін.

Значнай характарыстыкай сучаснай беларускай ідэнтычнасці з'яўляецца яе вызначэнне ў якасці постсавецкай. 20 гадоў – зусім непрацяглы тэрмін, каб можна было казаць аб поўнай адмове ад ідэнтычнасці савецкай з яе заменай ідэнтычнасцю нацыянальнай, беларускай. Метафарычна кажучы, малады арганізм незалежнага беларускага народу перажывае "юнацкі" крызіс ідэнтычнасці, аднак невядома, як гэты крызіс будзе завершаны. Факты сведчаць, што калектыўную ідэнтычнасць беларусаў у 1990 г. з цяжкасцю можна вызначыць як нацыянальную, хоць частка эліты распрацоўвала планы нацыянальнага адраджэння, гэтая візія беларушчыны з пэўных прычын (адны даследчыкі мяркуюць, што ёй не хапала пераканаўчасці і «бляску», аўтары нацыянальнай арыентацыі схільныя падкрэсліваць наступствы каланізатарскай палітыкі) не ахапіла большай часткі народа. Беларусы звязвалі свой народ з савецкай ідэнтычнасцю [6].

Сярод фактараў, што ўплываюць на працэс трансфармацыі сацыякультурных каштоўнасцяў і ідэнтычнасці на прасторы Беларусі, Л.Р. Цітарэнка выдзяляе знешнія і ўнутраныя. Першыя – гэта глабалізацыйныя працэсы, якія непазбежна ўздзейнічаюць і на нашу краіну, у выніку чаго Беларусь падвяргаецца масіраванаму эканамічнаму, палітычнаму, культурнаму ўздзеянню. Але дамінуючы ўплыў на трансфармацыю базавых каштоўнасцяў беларусаў і іх ідэнтычнасці аказваюць унутраныя фактары. Калі вызначаць у якасці ключавога фактара ўнікальную савецкую сацыяльную і культурна-палітычную спадчыну, то бок як захаванне асобных фрагментаў савецкай ідэалогіі, канцэптаў сацыяльнай філасофіі (той жа канцэпцыі "савецкага чалавека"), так і стэрэатыпаў масавай свядомасці і ўяўленняў масавай культуры, то варта адзначыць, што ў нашай краіне былыя каштоўнасці і ўяўленні захаваліся ў значным аб'ёме, што звязана з мірным пераходам да сучаснага палітычнага ладу. Амбівалентнасць уплыву савецкай духоўнай спадчыны праяўляецца ў тым, што, з аднаго боку, сучаснае грамадства імкнецца захаваць тое лепшае, што было створана ў мінулую эпоху, а з другога – спрыяе захаванню і кансервацыі асобных практык і стэрэатыпаў. Сярод каштоўнасцяў, што засталіся грамадзянам Беларусі ў якасці "культурнай спадчыны", Л.Р. Цітарэнка выдзяляе калектывізм грамадскай свядомасці і ў цэлым паважлівае стаўленне да свайго савецкага мінулага. Таксама яна зазначае, што ў выніку такога супрацьлеглага ўплыву савецкай спад-

чыны ёсць даволі значнае адрозненне паміж каштоўнасцямі сучаснага беларускага грамадства і каштоўнасцямі заходнімі [13].

У 2011 годзе сумесна Харкаўскім нацыянальным універсітэтам (ХНУ імя Каразіна) і Беларускім дзяржаўным універсітэтам (БДУ) было праведзена даследаванне, прысвечанае праблемам жыццядзейнасці студэнтаў, іх духоўнага свету, прафесійнага самавызначэння. Усяго было апытана 345 рэспандэнтаў з БДУ, а адным з пытанняў анкеты было наступнае: "У якой ступені Вы адчуваеце сябе прадстаўніком сваёй нацыянальнасці; грамадзянінам Беларусі; прадстаўніком свайго рэгіёна; жыхаром свайго роднага горада, вёскі, пасёлка; савецкім чалавекам; еўрапейцам; чалавекам свету?" [2]. Зразумела, што на выснове апытанняў студэнцтва мы не можам атрымаць агульную карціну валодання характарыстыкай "рэгіянальнай ідэнтычнасці" па ўсяму насельніцтву Беларусі. Аднак на выснове гэтых апытанняў мы можам у некаторай ступені спрагназаваць будучае развіццё грамадства, такім чынам адзначаючы, што "рэгіянальная ідэнтычнасць" усведамляецца абсалютнай большасцю студэнцтва як важная рыса і характарыстыка сваёй самасці, свайго Self.

Адказы на дадзенае пытанне прадстаўлены ў табліцы 1.

Табліца 1.

"У якой ступені Вы адчуваеце сябе..?"
(Беларусь, 345 апытаных, %)

	Цяжка сказаць	Не адчуваю	Хутчэй не адчуваю	Хутчэй адчуваю	У поўнай меры
ПРАДСТАЎНІКОМ СВАЁЙ НАЦЫЯНАЛЬНАСЦІ	53	9	15	137	129
	15,5%	2,6%	4,4 %	39,9%	37,6 %
ГРАМАДЗЯНІНАМ БЕЛАРУСІ	26	12	11	115	179
	7,6%	3,5%	3,2%	33,5%	52,2%
ПРАДСТАЎНІКОМ СВАЙГО РЭГІЁНА	77	14	23	107	118
	22,7%	4,1%	6,8%	31,6%	34,8%
ЖЫХАРОМ СВАЙГО РОДНАГА ГОРАДА, ВЁСКІ, ПАСЁЛКА	50	13	15	95	170
	14,6%	3,8%	4,4%	27,7%	49,6%
САВЕЦКІМ ЧАЛАВЕКАМ	70	149	78	24	21
	20,5%	43,6%	22,8%	7,0%	6,1%
ЕЎРАПЕЙЦАМ	100	34	53	93	59
	29,5%	10,0%	15,6%	27,4%	17,4%

ЧАЛАВЕКАМ СВЕТУ	83	30	36	74	117
	12,4%	15,0%	14,5%	26,7%	31,4%

Гэтая табліца – яскравае падцверджанне несфарміраванасці, "двaістасці" ці нават "траістасці" ідэнтычнасці, у дадзеным выпадку – студэнцтва, будучай эліты беларускага народу. З аднаго боку, больш за 77% апытаных у той ці іншай ступені ўпэўненасці прызнаюць сябе прадстаўнікамі сваёй нацыянальнасці, а больш за 85% – грамадзянамі Беларусі; з другога боку, больш за 65% указваюць на тое, што яны з'яўляюцца прадстаўнікамі свайго рэгіёна і свайго горада ці раёна; з трэццяга боку – 13% апытаных яшчэ адчуваюць сябе "савецкімі людзьмі" (і гэта сярод студэнтаў, свядомасць якіх сфарміравалася ўжо пасля атрымання незалежнасці); нарэшце, крыху большая колькасць апытаных (44,8% супраць 25,6%) лічаць сябе еўрапейцамі, хаця і не цалкам. Асаблівую ўвагу на сябе звяртае пункт "грамадзянін свету", які атрымаў падтрымку 58% апытаных. На нашу думку, пры адказе на гэтае пытанне студэнты мелі на ўвазе сваю належнасць да чалавецтва, сусветнай цывілізацыі і культуры. Але галоўны вывад з гэтай табліцы – перавага грамадзянскай ідэнтычнасці над астатнімі відамі ідэнтычнасці.

Цікавым уяўляецца і аналіз даследавання "Национальная идентичность белорусов: кто мы и какими будем?", праведзенага лабараторыяй аксіяметрычных даследаванняў "Новак" у 2009 годзе на агульнарэспубліканскай выбарцы ў 878 чалавек [1] (табліца 2).

Табліца 2.

"Кім Вы сябе ўсведамляеце (лічыце) перш за ўсё?"
(Беларусь, 878 апытаных, %)

	Зусім не усведамляю	У мінімальнай ступені	У малой ступені	Сярэдне	У вялікай ступені	У максімальнай ступені
Чалавек	0,6%	0,0%	0,9%	8,1%	25,4%	65,0%
Жыхар Беларусі	0,3%	0,5%	1,6%	11,4%	32,0%	54,2%
Беларус	0,7%	1,0%	3,8%	13,4%	27,2%	53,9%
Славянін	3,9%	3,4%	7,0%	22,1%	26,0%	37,6%
Грамадзянін Беларусі	1,1%	1,0%	3,6%	11,1%	31,3%	52,1%

Еўрапеец	13,1%	10,5%	18,3%	25,1%	18,0%	15,0%
Савецкі чалавек	26,2%	15,2%	15,4%	15,9%	14,8%	12,5%
Літвін	66,7%	13,4%	10,9%	4,4%	2,6%	1,9%
Грамадзянін свету (касмапаліт)	24,2%	18,0%	13,2%	17,3%	14,2%	13,2%
Мясцовы (ураджэнец сваёй мясцовасці)	4,6%	6,1%	6,6%	13,5%	28,6%	40,6%
Патрыёт Беларусі	3,4%	8,4%	11,3%	25,2%	26,6%	25,1%
Праваслаўны, каталік, уніят па веравызнанні	4,9%	6,8%	10,6%	18,9%	27,8%	30,9%

Не прыймаючы да ўвагі некаторыя метадалагічныя і метадычныя "памылкі" ў пабудове варыянтаў і шкалы адказаў, мы можам адзначыць, што сярод усяго насельніцтва такая характарыстыка, як "грамадзянская ідэнтычнасць", ужо не мае перавагі над характарыстыкамі "нацыянальная ідэнтычнасць" і "этнічная ідэнтычнасць". У той ці іншай ступені "жыхаром Беларусі" сябе ўсведамляюць больш за 97% апытаных, "беларусам" – больш за 94%, "грамадзянінам Беларусі" – больш за 94%. Адзначаем, што рэшткі савецкай ідэнтычнасці засталіся ў 43% апытаных, а таксама звяртаем увагу, што "мясцовым, ці ўраджэнцам сваёй мясцовасці", у максімальнай ступені ўсведамляюць 40,6 % апытаных, што сведчыць пра развітую рэгіянальную ідэнтычнасць.

Такім чынам, лёс беларускай ідэнтычнасці ўяўляецца даволі складаным. На шляху да свайго канчатковага асэнсавання, трываласці і сталасці беларускую нацыю чакаюць цяжкія выпрабаванні, якія ў першую чаргу звязаны з вызначэннем накірункаў асабістага развіцця, вектараў культурнага, палітычнага і эканамічнага дыялогаў, а таксама развіццём дыялогу ўнутранага, паміж прадстаўнікамі адной супольнасці, аднаго грамадства.

Цяпер звернем увагу на трансфармацыю ўкраінскай ідэнтычнасці.

Як лічыць украінская даследчыца А. Даніленка [14, 14], адным з добрых спосабаў вызначэння культурных кодаў з'яўляецца вывучэнне асаблівасцяў успрымання і інтэрпрэтацыі гістарычных падзей. Лічбы, што былі сабраны ў працэсе колькаснага даследавання на Украіне, паказваюць, як трансфармацыя ідэнтычнасцяў паўплывала на хуткае развіццё нацыянальнай кампаненты ідэнтычнасці. Гэтая тэндэнцыя выяўляецца па выніках сацыялагічнага маніторынга "Украінскае гра-

мадства: 1994–2008” (гл. табліцу 3). У ніжэй прыведзенай табліцы бачнае значнае дамінаванне нацыянальных самаідэнтыфікацый.

Табліца 3.

Да каго вы сябе адносіце?
(Украіна, 1800 апытаных, %)

	1992	2000	2002	2004	2005	2006	2008
Жыхар вёскі, раёна, горада, у якім жывяце	24,0	31,3%	31,6	30,5%	24,6%	27,7%	24,5%
Жыхар вобласці	6,8%	6,9%	5,9%	6,7%	6,4%	6,6%	9,3%
Грамадзянін Украіны	45,6	41,0	41,0	44,2	54,6	51,6	51,7
Прадстаўнік этнагрупы, нацыі	–	–	3,0	3,1%	2,1%	1,8%	2,6%
Грамадзянін былога СССР	12,7%	12,2%	12,7%	10,7%	8,1%	7,3%	9,0
Грамадзянін Еўропы	3,8%	2,8%	0,7	0,7	0,8	1,3%	0,4
Грамадзянін свету	6,4%	5,6%	2,7%	2,4%	2,5%	2,9%	1,7%
Іншае	–	–	1,6%	1,4%	1,0	0,7	0,6
Цяжка адказаць	0,6	0,2	0,8	0,2	0,1	0,1	0,1

Вынікі сацыялагічных даследаванняў выяўляюць існаванне значных рэгіянальных асаблівасцяў нацыянальнай украінскай ідэнтычнасці. Так, дадзеныя лангіцюднага даследавання “Львоў-Данецк: сацыялагічны аналіз групавых ідэнтычнасцяў і іерархіі супольных лаяльнасцяў” 2004-га года паказалі, што ўкраінцамі сябе лічаць 72,5% рэпандэнтаў-львавян і 42,7% рэспандэнтаў-данетчан. Аднак пры гэтым для рэспандэнтаў з абодвух гарадоў галоўнымі элементамі нацыянальнай ідэнтычнасці з’яўляюцца адчуванне сябе ўкраінцам і прыналежнасць да ўкраінскага грамадства. Рэгіянальныя асаблівасці ў дадзеным выпадку могуць выступаць імпульсамі для развіцця нацыянальнай дзяржавы, а не з’яўляцца імпульсамі разбуральнымі.

Параўнальны аналіз даследаванняў студэнцтва 2002–2004 гг., 2005–2007 гг. і 2008–2009 гг. сведчыць пра ўзрастанне ўзроўня грамадзянскай ідэнтычнасці ўкраінскага студэнцтва. Так, калі падчас першай хвалі даследаванняў у поўнай ступені адчувалі сябе грамадзянамі сваёй краіны каля 32% апытаных, падчас другой – больш за 54%, а падчас трэцяй – ужо больш за 57% (яшчэ 28,3% апытаных хутчэй адчуваюць сябе грамадзя-

намі Украіны). Пры гэтым, аднак, 5,5% рэспандэнтаў не адчуваюць сябе грамадзянамі сваёй краіны і 9% не здолелі адказаць на гэтае пытанне. Павелічэнне працэнтнай колькасці ўкраінскага студэнцтва са стала ўсведамляемай грамадзянскай ідэнтычнасцю дазваляе сцвярджаць пра добрыя перспектывы развіцця ўсяго ўкраінскага грамадства і краіны [12, 117].

Як адзначаюць украінскія даследчыкі, Украіна як сувярэнная дзяржава стаіць перад сур'ёзным мадэрнізацыйным выклікам, які засяроджаны на трансфармацыі ўкраінскай нацыянальнай ідэнтычнасці ва ўмовах глабалізацыі. Паколькі працэсы інтэграцыі і глабалізацыі актыўна ўплываюць не толькі на нацыянальную эканоміку, але і, першым чынам, на сацыягуманітарную сферу, з'яўляецца неадкладнай неабходнасцю фарміраванне цэласнай палітыкі гуманітарнага развіцця Украіны. Варта ў гэтым выпадку зразумець, што свой праект для Украіны ва ўмовах сучаснай сацыядынамікі можа быць толькі наднацыянальным, бо перад ім узнікаюць задачы, якія выходзяць за рамкі цывілізацыйных праектаў, якія вымушаюць думаць глабальна, будучыняй, маштабамі не племені, не этнаса, а сусвету, мультыуніверсума. У рамках гэтага праекту краіна можа стаць цэнтрам (адным з цэнтраў) інтэлектуальных і духоўных зносін; абмену ідэй, інавацый; плавільным ціглем творчасці, а не цвёрдага "ўкраінства", дзе лідэрства вызначаецца не вузканацыянальнымі амбіцыямі або эканамічным патэнцыялам, а здольнасцю да геадынамікі і якасных пераўтварэнняў. У гэтым праекце "ўскраіна" павінна спрабаваць стаць воссю, крыніцай, "улоннем" новага, новым цэнтрам інавацыйнага ўзлёту, "полем магчымасцяў" [11].

Апошнія словы ў поўнай ступені могуць датычыцца і Беларусі як краіны Памежжа, як краіны на Скрыжаванні. Мадэрнізацыйны выклік патрабуе фарміравання вартага "адказу" на яго, што з'яўляецца крыніцай трансфармацыі нацыянальнай ідэнтычнасці ў бок узмацнення грамадзянскай ідэнтычнасці на аснове замацавання нацыянальнай дзяржавы і нацыянальнага менталітэту. Калі мы кажам "Я беларус", мы вызначаем у некаторым сэнсе тую мяжу, тое месца, да якога належым. У нейкім сэнсе пад самаідэнтыфікацыяй разумеюць вызначэнне межаў, рамак таго ці іншага месца. Праўда, зараз гэтае месца не абмяжоўваецца толькі фізічным паняццем, бо, як казаў М. Хайдэгер, "мяжа – гэта не тое месца, дзе штосьці сканчваецца, але месца, дзе штосьці бярэ свой пачатак" [15, 1]. Дваццацігадовы незалежны арганізм Беларусі ў хуткім часе чакае змена пакаленняў, а з ёй і магчымая змена ідэнтычнасці і самаідэнтыфікацыі. Таму ўжо зараз варта задумацца над тым, якія ідэі, каштоўнасці, ідэалы

будуць вызначаць гэтае пакаленне, ці зможа прадстаўнік новага пакалення з гонарам казаць "Я беларус", ці зможа ў рамках дастатковых блізкасці і даступнасці любой культуры адрозніваць сваю культуру ад культуры іншай.

"Памежнае" становішча Беларусі, якое ў гісторыі часта негатыўна ўздзейнічала на ідэнтычнасць і менталітэт беларусаў, у нашыя дні можа стаць канструктыўным фактарам развіцця Беларусі сучаснай [10]. Сёння нацыянальная самаідэнтыфікацыя павінна вызначаць асаблівае пачуццё чалавечага розуму, моўную і сацыяльную накіраванасць людзей. Як адзначаюць А.А. Лягчылін і Т. Астроўская [15, 2], нацыянальная ідэнтычнасць з'яўляецца адной з нешматлікіх крыніц сэнсу ў сучасным свеце, таму асаблівая нагрузка выпадае на дзяржаву, якая "апранае" апошнюю ў вартую для рэпрэзентацыі абалонку. Важна памятаць, што страта нацыянальнай ідэнтычнасці непазбежна прывядзе да страты сваёй культуры альбо да падмены асноўных культурных катэгорый запазычанымі катэгорыямі. З дапамогай той жа, напрыклад, нацыянальнай ідэнтычнасці чалавек, на думку А.Ю. Іўлевай [8], салідарызуецца з ідэаламі і стандартамі сваёй нацыі – у выніку чаго выяўляецца ўнікальнасць і непаўторнасць сваёй нацыі, краіны, яе культуры. Нацыянальная ідэнтычнасць у любым грамадстве не існуе ў чыстым выглядзе, спалучаючыся з грамадзянскай, палітычнай, культурнай ідэнтычнасцю, такім чынам, улічваючы асаблівасці розных бакоў жыцця нацыі. Не варта ў гэтым выпадку забывацца і пра менталітэт, які шмат у чым служыць крыніцай для той жа нацыянальнай ідэнтычнасці. Да спосабу мыслення далучаюцца духоўныя традыцыі, светагляд і светаадчуванне, што ўплываюць на паводзіны людзей, міжасабовыя стасункі, а таксама сувязі з наваколлем ды вобразам свету, творчай дзейнасцю. Старажытным культурам уласцівая з'ява структурнай адпаведнасці і тоеснасці светаадчування, выяўленчых і мастацкіх формаў. Кожная культура арганізуе свой код, які дзейнічае ў разнастайных культурных формах. Безумоўна, і беларуская культура мае свой код, які абавязкова варта захаваць у зменлівым свеце, чым павінны займацца як эліта, так і дзяржава. Пры гэтым гэты код павінен быць рэпрэзентаваны элітай для народнай масы, каб менавіта гэты культурны код пастутова ўкараняўся ў нацыянальны менталітэт.

На такім кароткім тэрміне самастойнага існавання немагчыма абысціся без трансфармацыі ідэнтычнасці. Дадзены працэс уяўляецца даволі балючым і складаным, аднак яго ў гэтым выпадку трэба ўспрымаць як крок у правільным накірунку на шляху далучэння да міжнароднай культурнай супольнасці. У дадзенай рабоце была зроблена спроба раз-

гледзець не толькі працэсы трасфармацыі ідэнтычнасці ў самой Беларусі, але і параўнаць гэтыя працэсы з працэсамі трансфармацыі ў нашага бліжэйшага суседа – Украіны. Абедзве краіны знаходзяцца перад новым мадэрнізацыйным выклікам, што адлюстроўваецца ў імкненнях, часам неўсвядомленых, да пэўнай змены "нацыянальнага характару". У гэтым выпадку крыніцай існавання моцнай і самастойнай нацыі стануць нацыянальная дзяржава, нацыянальная культура і нацыянальная эканоміка.

Літаратура

1. Архив Лаборатории аксиометрических исследований "НОВАК" за 2009 год.
2. Архив Центра политических и социальных исследований при БГУ за 2011 год.
3. "Белоруссия Incognito: приподнимая «занавес»". (Часть 2-я. Гродно-Минск-Луганск). [Электронный ресурс] Режим доступа: *www.ostro.org/articles/article-91906/.* Дата доступа: 05.05.2010.
4. Беляев, С. "Загадка украинской души или особенности менталитета украинцев". Часть 2. Режим доступа*: http://www.management.com.ua/notes/mental_2.html.* Дата доступа: 08.05.2010.
5. Веруш, А.И. "Ментальные характеристики граждан как фактор формирования политического лидерства в период системной трансформации". [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://pu.by/iss/n29/verush_29.pdf.* Дата доступа: 05.05.2010.
6. Вілейта, В. 2005. "Беларусь у працэсе станаўлення дзяржаўнай тоеснасці: чыннікі, тэндэнцыі і перспектывы", *Wider Europe Rewiew*. № 3. [Электронный ресурс] Рэжым доступа: *http://review.w-europe.org/5/3.html.* Дата доступа: 05.05.2009.
7. Грох, М. 2007. "Ад этнічнай групы да мадэрнай нацыі: чэшкі прыклад". *Arche.* № 1–2.
8. Ивлева, А.Ю. "Об этнической идентичности и культурной самоидентификации". [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://regionsar.ru/node/105)/.* Дата доступа: 28.04.2010.
9. Киреенко, В.В. 2004. *Менталитет современных белорусов: монография.* Гомель.
10. "Лёс народа: ад "тутэйшых" да людзей ("туды і назад")". 2010. *Arche.* № 1–2.
11. "Проблема идентичности Украины в контексте ее глобализации". Режим доступа: *http://censor.net.ua/go/viewTopic--id--391606.* Дата доступа: 02.05.2010.
12. Сокурянська, Л.Г. 2010. "Ціннісні засади громадянськой ідентифікації сучасного украінскького студентства". *Вісник Харьківського Національного Університету* 891: 116–122.
13. Титаренко, Л.Г. "Влияние глобализационных и интеграционных факторов на трансформацию социокультурных ценностей и национальной идентичности белорусов". [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://newsletter.iatp.by/ctr16-4.htm*. Дата доступа: 01.04.2010.

14. Danylenko, O. “National Identities in Ukraine and History Construction”. [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://www.gesis.org/fileadmin/upload/dienstleistung/fachinformationen/series_ssee_01/National_Identity_June_2009.pdf.* Дата доступа: 06.05.2010.
15. Liahchylin, A., Astrouskaya, T.: “The Specifity of the National Identity in the Epoch of Globalizati”. [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://www.limes.vgtu.lt/upload/limes_zurn/2_liahchylin_108-112.pdf.* Дата доступа: 02.05.2010.

Максим Милто
(ЕГУ, Вильнюс)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (на примере межвоенной Литвы)

The author describes the way historical memory and national identity were installed into the population of the Republic of Lithuania in the interbellum period (1918–1940). Lithuania, as a newly born independent nation of North Eastern Europe faced a gap between the past and the present due to over-fast development and dramatic change of the population's structure. The need to prove a claim for independence was transformed into the reconstruction of national identity and invention of a new "old" heritage of the nation including mostly intangible heritage, such as traditions, traumas, myths, etc. The article describes the ways and processes that were going on and the interests behind them on the part of the political and intellectual elites of Lithuania.

«Историки эпохи постмодерна изучают традиции не с целью реконструировать их воображаемые концепции, а чтобы скорее деконструировать их публичные модусы и стратегии отправления власти».

Патрик Хаттон

Вторая половина XIX–XX вв. ознаменовалась разрывом с прошлым, появлением новых национальных государств, у которых возникла необходимость в поиске и конструировании собственной идентичности, т.е. включения самих себя в историческое и культурное пространство, конструирования *национальной* истории, которая опирается на традиции, которые, в свою очередь, необходимо *изобрести*. Провозгласившие независимость

Литовской Республики в 1918 году политические и интеллектуальные элиты «литовского национального Возрождения» выбрали этнокультурную модель формирования нации, что вызвало необходимость поиска и конструирования исторической памяти этноса, которая бы опиралась на «вечное и незыблемое» наследие.

В настоящее время многие литовские мыслители, среди которых наиболее ярким примером служит Томас Венцлова [8, 80], подвергают жесткой критике опору на категории модерного мышления в период *Первой республики* (1918–1940 гг.), которые продолжают действовать и во *Второй республике* (1991 – наше время). Настоящая статья обращена на прояснение на примере Литвы, каким образом формировалась коммеморативная категория *традиции*, иначе говоря – происходило изобретение традиций для создания опоры *исторической памяти* нации-этноса.

Историческая память: направления исследования

При рассуждении о современной европейской и – шире – западной цивилизации особенно значимым периодом с точки зрения стремительного установления новых практик социального взаимодействия может быть назван *длинный XIX век* – в первую очередь в том значении данного термина, который ему придает Юрген Хабермас для описания периода 1789–1914 гг. [2, 17]. Романтизм, историцизм, реализм, национализм, сменяющие друг друга и взаимопереплетающиеся в европейском литературном, изобразительном и культурном пространствах, являются своеобразными маркерами социальной и культурной динамики эпохи, а именно ускорения времени и разрыва с прошлым. В основе этого – потеря ощущения непосредственного присутствия прошлого в обществе, прежде практически целиком погруженного в саму живую традицию (в Новое время возникает необходимость удержания прошлого на отдаленной дистанции из-за стихийного установления эпохи политических революций), а также новые реальности, развивающиеся вместе с набирающими силу новыми средними классами — индустриальная экономика, урбанизированное общество, развитие наций-государств (nation-states).

Установление новых практик взаимоотношений в обществе, вызванное стремительным изменением его социальной структуры, когда прежние классы переставали существовать, уступая место новым, либо же трансформировались до неузнаваемости, стимулировало процесс формирования нового понимания массами самих себя и собственного места в общей социальной структуре, которое основывалось и на новом пони-

мании собственного исторического прошлого. Новое общество, до конца не осознающее роль собственного участия в процессах создания новых культур, нуждалось в актуальном и соотносящемся с потребностями настоящего *прошлом*, с которым могло бы себя связать. Таким образом, именно в этот момент мы отмечаем, что *представление о прошлом* должно было самым непосредственным образом подкреплять либо же полностью опровергать существовавший порядок вещей для отдельно взятой социальной группы в рамках всего многообразия общества.

Подобное *представление о прошлом, формируемое здесь и сейчас,* известный французский социолог Морис Хальбвакс называет *исторической памятью*, отличной как от *автобиографической* или *индивидуальной*, так и от *коллективной памяти.* Именно историческая память образует совокупность представлений индивида, класса или всего общества о собственном историческом прошлом, при этом будучи в тесном контакте с автобиографической и коллективной памятью, более того, зависимой от нее [3, 9]. Помимо этого Хальбвакс вводит понятие *социальных рамок,* тем самым описывая осязаемые и неосязаемые «сети», которые конструируют определенный тип исторической памяти, выступая некоторой необходимой для ее реализации основой. Индивид, будучи погруженным в подобные контекстуальные рамки памяти и находясь в процессе конструирования исторической памяти, начинает формировать свою индивидуальную память, опирающуюся прежде всего на внутренние переживания индивида.

Как отмечает Хальбвакс, «коллективная память — это сложная сеть общественных нравов, ценностей и идеалов, отмечающая границы нашего воображения в соответствии с позициями тех социальных групп, к которым мы относимся. Именно через взаимосвязь этих отдельных образов формируются социальные рамки коллективной памяти, и только внутри этой системы координат может быть расположена индивидуальная память, если ей суждено выжить» [3, 11]. С другой стороны, коллективная память подвергается всякий раз пересмотру (т.е. внутренней переоценке), в первую очередь для соответствия задачам настоящего. Однако, в связи с тем что воспоминания о прошлом постоянно подвергаются своеобразной ревизии, они не могут выступать надежным описанием того, что реально произошло, и их образы необходимо интерпретировать с учетом скрытых мотивов руководящих элит той или иной группы, к которой причислен сам индивид.

За несколько столетий до Хальбвакса известный итальянский философ эпохи Просвещения Джамбатиста Вико в рамках рассмотрения

роли поэтики памяти во взаимодействии с устной традицией уверял, что память представляет собой *взаимодействие повторения и воспоминания* [4]. К подобным же выводам позже приходил и датский философ Серен Кьеркегор в своих исследованиях моментов памяти [6, 183]. Однако нам следует обратить внимание на ряд особенностей системы «память = воспоминание + повторение». Именно при повторении память не остается неизменной по причине того, что множественность воспоминаний постоянно пересматривается, следовательно, при повторении они просто сливаются в единое целое. Таким образом, с течением времени различные варианты индивидуальных воспоминаний объединяются в некие стереотипы, или типизации, конструирующие саму коллективную память, которая впоследствии составляет основу памяти исторической, при условии, что политический дискурс группы-носителя определенного типа коллективной памяти приобретает политический вес, позволяющий бороться за власть в новых национальных государствах. Все это также становится возможным по причине того, что при каждом повторении отличительные особенности индивидуальных воспоминаний все более стираются, а то, что запоминается из часто повторяемого опыта, представляет собой приобщение отдельных воспоминаний к идеализированному образу, который и является фундаментом в общей системе исторической памяти нации-этноса.

Институциональное обнаружение и связь с традицией

Таким образом, мы рассматриваем индивидуальные воспоминания как интеграционную составляющую структур коллективной памяти, конституирующей историческую память, где (ре-)трансляция переживаний индивида осуществляется через традицию, которая путем повторения и запоминания каждый раз заново обрамляет социальные рамки памяти, но замедленная последовательность самого прохождения процесса делает его незаметным, с одной стороны, а с другой – через собственную реализацию дополняет поддержку мнемонических мест [1, 45] («мест памяти» французского исследователя Пьера Нора) и практик путем коммеморативных актов, осуществляемых в новых публичных пространствах-местах памяти: выставочные залы (в первую очередь Всемирные выставки, зародившиеся в 1851 году), музеи, площади, доходные дома и пр.

«Места памяти» предстают не просто хранилищами индивидуальных образов-воспоминаний, но пространствами перевоплощения и ретрансляции, где индивидуальные воспоминания восстанавливаются

благодаря их связи с дискурсом исторической памяти, заданным политическими, интеллектуальными и культурными элитами. Воспоминание становится своеобразным актом восстановления, где результат зависит от дискурса, в который включен индивид (порой и не подозревая об этом, формально находя себя в традиционном обществе), где многие социальные группировки, соревнующиеся между собой за власть над преданностью индивидов, являются создателями контекста.

Потому совершенно логичным выглядит тот факт, что для Хальбвакса память является проблемой власти. Помимо этого, новые вспомогательные осязаемые подразделы историографии, устанавливающиеся в эпоху модерна, такие, как архив и музей, способствуют установлению не репрезентативных практик самой власти, но *власти репрезентации*, где трансляция лишь одного нарратива становится возможной.

Контекст, в котором происходит обнаружение индивида, группы или всего общества, формирует само воспоминание об историческом прошлом, необходимое в отдельно взятый момент времени. Степень погружения в структуры исторической памяти зависит от того, в какой конфигурации расположены политические силы в рамках функционирования всей нации-этноса, где само воображение строится на взаимодействии воспоминаний и стереотипов сознания. Среди прочих коммеморативных практик, направленных на установление осязаемых и неосязаемых мнемонических локаций, именно традиция служит своеобразным триггером (пусковым механизмом) процесса обоснования исторических и национальных выборов правящих элит в новосформированных национальных государствах и радикально трансформирующихся монархиях европейского континента.

Практики конструирования исторической памяти в межвоенной Литве

Проведенное выдающимся французским историком Морисом Агюльоном исследование места образа Марианны во французской республиканской традиции показало, что коммеморативные практики, направленные на конструирование новых мнемонических категорий, встраивающие историческую память индивидов в пространства предзаданных дискурсов, способны формировать ощущение стабильности и привязки к субстантивированным образам нации-этноса, тем самым сплачивая ее с целью подчинения утвердившимся политическим и интеллектуальным группировкам [4, 107].

Тем самым мы можем наблюдать, как по мере собственного утверждения радикальные движения, к которым мы относим, в том числе, и литовское национальное Возрождение конца XIX – начала XX вв., создают собственные контртрадиции и постепенно производят замещение действующих модусов репрезентации власти. Интеллектуальные, культурные и политические элиты литовского национального Возрождения, начавшегося во второй половине XIX века, толчком к пробуждению которых стал запрет на печать латинским шрифтом на литовском языке, действовавший в Российской империи после восстания 1863–1864 гг., столкнулись с рядом внутренних системных противоречий, позже отразившихся и на самой последующей жизнеспособности и функционировании Первой республики.

Йонас Басанавичюс, уже при жизни названный «Патриархом литовского Возрождения», после возвращения из Болгарии начал издавать первую литовскую газету „Aušra“ («Рассвет»), тем самым монополизировав пространство конструируемого национального самосознания, в которой национальное самообнаружение «литовца» (категорию которого следовало еще изобрести) выстраивалось в менее радикальных диспозициях, нежели во второй литовской газете „Varpas“ («Колокол») Винцаса Кудирки, где романтизм новоформирующейся литовской литературы моментально трансформировался в русле радикального национализма, в чем проявлялось стремление к поиску и (вос-)созданию образов «сильных и увековеченных» метафорических символов и героев, с которыми могли бы связать свою идентичность изобретенные литовцы.

Рассматривая роль коммеморативных практик в общественно-политической жизни XIX века, мы обнаружили, что подобные практики стали ключевым методом политической репрезентации. Одним из выводов исследования Агюльона стало положение о том, что исключительно конкретные образы способны сообщить абстрактным понятиям коммеморации некую эмоциональную и поэтическую привлекательность, необходимую для приобретения последователей, способных прославлять образ на более локальных уровнях, где в рамках политической коммуникации именно форма преобладает над содержанием, а значит, производство образов стало одной из ключевых составляющих в рамках участия политического в коммеморативных практиках [4, 117]. Таким образом, идеологи литовского национального возрождения (представленные, в первую очередь, членами литовской Тарибы) во главе с Йонасом Басанавичюсом стремились создать запоминающийся образ, с которым граждане могли бы легко связать свою идентичность.

Опиравшиеся на концепцию «Виленской Литвы» первые попытки коммеморативных практик идеологов литовского возрождения потерпели поражение, в том числе и по причине переезда литовской Тарибы в Каунас в связи с включением Виленского края в состав Второй польской республики. Таким образом, концептуальная основа литовского возрождения трансформировалась в направлении оформления идеи «Ковенской Литвы» де-факто, но с драматизацией идеи национальной травмы – потерей Виленского края. Государственный переворот 17 декабря 1926 года, приведший к власти движение «таутинников» (народников), объявивших Антанаса Смятону вождем нации, стал фактором реализации попытки конструирования образа национального героя (в первую очередь с целью легитимации перехода демократической республики в авторитарный режим) путем изобретения соответствующей традиции, а именно, конструирования образа великого князя литовского Витаутаса Великого.

Вступив во второе десятилетие независимости, литовское общество находилось в ожидании новых идеалов, оправдывающих надежды индивидов, а также поощряющих повседневный героизм и мужественность. Последние две характеристики приобретают особенную важность по причине того, что в историческом дискурсе межвоенной Литвы происходило насаждение позиций исключительной мужественности и героизма литовского народа, благодаря которому он смог выжить, несмотря на свои малые размеры. Таким образом, транслировалось мнение политических элит о том, что будущее Литвы и литовцев возможно только при героизме «вождя нации» и всеобщем национальном мужестве, позволяющем поднять национальную культуру на более высокий уровень, чем у государств-соседей – и только на этом пути виделась возможность сохранения независимости Первой республики.

Внутренний кризис идей Басанавичюса и Кудирки, а также первоначальная ставка на так называемую доктрину Шмитта (идея исключительного сплочения нации на основе формирования образа внешнего врага) потребовали существенных изменений, что вызывало в официальной прессе (в первую очередь в ежедневнике «Lietuvos aidas»/«Литовское эхо») дискуссию по вопросам гражданского воспитания общества, завершившуюся своеобразными выборами «лучшего» национального героя: великого князя Гедиминаса или великого князя Витаутаса. Ставка на последнего была сделана не только по причине близости даты 500-летия со дня его смерти, но и также и для побуждения к лояльности костела, который прославлял Витаутаса за то, что им были заложены 33 храма и основано

Жемайтское епископство. В соответствии с опубликованным 31 декабря 1929 года «Законом об увековечивании Витаутаса Великого» была создана специальная комиссия, которая, будучи разделенной на 14 отделов (и, соответственно, направлений репрезентации образа героя), занималась ретрансляцией новой традиции, как, например, путем продолжавшихся в течение 1930–1931 гг. еженедельных получасовых лекций по радио профессора Мартинаса Ичаса на тему о роли Витаутаса в становлении Литвы.

Известный исследователь культурной политики межвоенной Литвы Дангирас Мачюлис отмечает, что культ Витаутаса стал невероятно популярным не только благодаря олицетворению величия имперских амбиций литовского общества, но и путем демонстрации толерантности в ВКЛ, что способствовало его популярности и среди национальных меньшинств: евреев, белорусов, немцев [7, 54–55]. Невероятная сакрализация образа Витаутаса Великого, равно как и установление более 50 памятников по всей Литве данному историческому персонажу, открытие обществ и одноименных объединений, приурочивание к юбилею построенных мостов и общественных построек, а также закладка одноименного музея – пример действий, демонстрирующих усиление индоктринации и утверждения изобретенной традиции в межвоенной Литве. Исследуя культ Витаутаса Великого, Мачюлис приводит ряд воспоминаний иностранцев, путешествовавших в 1930 году по Литве, свидетельствующих о том, что огромное количество плакатов с изображениями Витаутаса Великого в больших малых поселениях воспринималось как бурная избирательная кампания, хотя после государственного переворота 1926 года Сейм был разогнан.

Государственный переворот 1926 года, направивший Литву в сторону укрепления авторитарного режима, породил необходимость в обуздании беспокойства народа, что и было осуществлено путем изобретения новой традиции, ориентирующей индивидов в сторону гражданского героизма и мужества. Культ Витаутаса Великого, легитимизирующий политику «жесткой руки вождя нации», позволил консолидировать различные группировки общества, во многом благодаря исключительной его образности, а также сопутствующей метафоричности, приписываемой самому Витаутасу Великому множеством художников, поэтов и музыкантов, роль которых в авторитарном режиме Сметоны виделась в службе государству, создании патриотического искусства и восхваления догм, задаваемых политическими и интеллектуальными элитами государства, что особенно отразилось на сформированной лояльности литовской молодежи к новой изобретенной традиции.

Как отмечает Нора, останки памяти являются свидетельством попыток исторических деятелей выразить ценности своей культуры, где мнемонические места выступают своеобразными зеркалами, посредством которых люди видели собственную эпоху со всеми ее переживаниями и устремлениями, а также предзаданными дискурсами [1, 47]. Стремление найти собственное пристанище и «островок стабильности» в стихийно развивающемся и изменяющемся индустриальном XIX веке вызывает необходимость в изобретении традиций (как и иных коммеморативных практик XIX века), которые задают конкретный образ в рамках общей воображаемой конструкции нации-этноса и являются полностью трансформированным продолжением «дворцов памяти» эпохи Возрождения и искусства памяти вообще.

Интерес автора к данной тематике обусловлен как самим процессом изобретения и установления традиции в процессе конструирования исторической памяти, так и тем фактом, что в рамках формирования предпосылок глобализационных процессов и ускорения времени многие традиции не успевают быть адаптированными к новым условиям существования и в прежних формах продолжают работать на более не существующие цели. Легитимизация национального выбора политических элит новосформированных национальных государств происходит путем установления новых социальных практик – традиций, травм и мифов, претендующих на роль «вечного и незыблемого» наследия. Ярким примером действия подобного механизма является культ Витаутаса Великого в Первой республике.

Литература

1. Нора, П. 2005. “Всемирное торжество памяти”. *Неприкосновенный запас*. № 2–3.
2. Хабермас, Ю. 2000. *Учиться на опыте катастроф? Диагностический взгляд на 20 век. Политические работы*. СПб: Праксис.
3. Хальбвакс, М. 2005. “Коллективная и историческая память”. *Неприкосновенный запас.* № 2–3.
4. Agulhon, M. 1981. *Marianne into Battle: Republican Imagery and Symbolism in France, 1789–1880.* New York.
5. Hutton, P. H. 1972. “The New Science of Giambatista Vico: Historicism in Its Relation to Poetics”. *Journal of Aesthetic and Art Criticism*. № 30.
6. Kierkegaard, S. 1983. *Repetition.* Princeton.
7. Mačiulis, D. 2001. “Vytauto Didžiojo metų (1930) kampanijos prasmė”. *Lituanistic*a. № 2.
8. Venclova, T. 2010. “Aš dūstu”. *IQ*, № 4.

Игорь Лосицкий
(БГУ, Минск)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО КАК ТОЧКА СОПРИКОСНОВЕНИЯ В ДИАЛОГЕ МЕЖДУ БЕЛАРУСЬЮ И ЛИТВОЙ

The paper deals with the prevalent role of cultural research in obtaining full and competent historical information. The main topics are the special role of the Renaissance for GDL development, arguments about the heritage and valuable figures. The future of Belarusian-Lithuanian collaboration can undoubtedly be firmly placed on the ground of historical generality. The article shows the vices of arguments concerning historical background and gives the historically valid examples of the neighborhood of the two countries.

Тезис о том, что культуры двух стран – Беларуси и Литвы – прошли долгий совместный путь, кажется заезженным и банальным. Тем не менее и в современном обществе исторические факты нередко звучат в контексте обвинений и споров на национальной почве. Полемика относительно исторического наследия ведется не первый год, и вряд ли можно добавить здесь еще что-то «за» либо «против», хотя бы потому, что, как правило, она проходит без должного научного обоснования.

Одной из тем конференции была заявлена «европейская идентичность» и, в частности, поставлен вопрос «Кто же такой европеец?». В этом контексте стоило бы отметить, что современный цивилизованный житель Европы в своих исторических суждениях должен иметь максимально широкий взгляд на проблему и, вместе с тем, стараться придерживаться фактологической основы исследуемого вопроса, что позволит избегать неверных трактовок и неясных мест.

Стоит в этой связи обратить внимание на понятие, как «терминологический этикет». В работах на историческую тематику часто можно увидеть местоимение «наш». При этом мы забываем, что любое событие, произошедшее в Великом Княжестве от коронации Миндовга и до Люблинской унии (как минимум до 1569 года) является историческим достоянием трех народов: белорусского, литовского и украинского. Другой пример – такие неоднозначные понятия, как «оккупация» («советская оккупация», «большевистская оккупация»), «борьба» («борьба за культурное наследие» – алогизм, часто употребляемый в СМИ).

Так где же искать подход к «общему историческому»? В политической истории, на базе религиозной идентичности/неидентичности, исходя из территориального единства? Но как показывает практика, перечисленные и подобные им темы формируют дискуссии по спиральной траектории, когда уже неважно, с чего все начиналось, а конца не видно.

Ключевым тезисом данной работы является идея о том, что только культурный слой того или иного общества может быть освобожден от сугубо частных трактовок. Отсюда делаем вывод, что культурное достояние является самой благодатной почвой для изучения чьего-либо общего исторического прошлого и для интеграции в современных условиях. Высокому искусству чужды лживые доводы, оно не приемлет никакой самовольной интерпретации. Глубокая содержательная база не дает навешивать на него маски дурных смыслов. Освещая, например, романский стиль архитектуры, мы не можем поставить вопрос о том, существовал ли он вообще и имел ли положительное или отрицательное значение. Это так же нелепо, как спорить о существовании самого княжества.

Эпоху великого расцвета европейской культуры и общественной мысли ознаменовали Canzoniere Петрарки. Гимн любви и красоте означал возрождение первенства интеллектуального и культурного. Естественно, для тех, чья культурная основа была готова принять и переварить новые тенденции. Согласитесь, есть что-то символическое в том, что Великое Княжество было восточной границей Возрождения. И до того нетвердые торговые и культурные связи с молодой Московской державой еще больше ослабли после ее захвата монголо-татарами. Сотрудничество по всем направлениям велось со странами Западной Европы, что и было, по сути, тем взаимообогащением, которое исследователи считают особенностью Ренессанса. Именно тогда формируются общие для наших земель тенденции, формообразующие для богатейшего культурного слоя. Не будем забывать, что в ВКЛ, как в развитом европейском государстве той эпохи, наряду с Католической церковью было еще и

протестантство, и возрожденческие взгляды транслировались на наши земли не без помощи этих конфессий. Многосторонность прослеживается во всем: в живописи – влияние итальянских школ, маньеристские тенденции, развивается графика, скульптура, появляется сарматский портрет. С интересом к европейской культуре приходит и интерес к иностранным языкам, в том числе и древним, приходят тексты европейских авторов, создаются свои.

Деятели культуры и искусства Великого Княжества Литовского навсегда вошли в общеевропейскую историю. Их мысль и творчество отталкивались от ренессансного мировоззрения, одной из составляющих которого был космополитизм. Это понятие, впервые озвученное Диогеном, обозначает мировоззрение просвещенной и образованной части общества, которое предполагает превалирование в нем общечеловеческого над локальным. И потому странными зачастую выглядят попытки разделить, приватизировать того или иного деятеля фактически общей культуры. Принадлежность сразу к нескольким культурным ареалам только расширяет значение творчества такого поэта или художника, задавая опции общей, европейской, идентичности.

И в Беларуси, и в Литве уже добились многого, чтобы культурное наследие Великого Княжества Литовского поддерживалось и осваивалось. Главное достижение всего постсоветского периода развития исторической науки наших стран, конечно же, это воссоздание общего информационного пространства, посвященного исследованию истории Великого Княжества Литовского. Ведь если поддержание материальных ценностей требует методичной организации и финансирования, то воссоздание, возрождение, поиск и переосмысление всего информационного слоя периода ВКЛ – труд необъятный. Тем не менее можно полагать, что начальный этап с успехом завершен.

Так что же еще не сделано?

Один фотограф, в свое время эмигрировавший из Советского Союза в США, сказал, что вполне мог бы продвинуть бренд, что белорусские девушки самые красивые в мире. «В Беларуси можно было бы сделать очень приятный и хороший бренд, – сказал он. – Европейская страна с самыми красивыми девушками в мире. Лет за 15 можно это сделать». Он признался, что за большие деньги продвигал не одну такую идею, в том числе при его участии был разработан бренд о русских девушках.

С точки зрения потребительской психологии бренд – это прежде всего информация, хранящаяся в активной памяти потребителя. В настоящее время, когда наше информационное пространство перегру-

жено, мозг человека так или иначе учится избирательности, отбрасывая все лишнее. В таком информационном потоке выживает только конкурентоспособная информация, бренд, который вызывает положительные ассоциации; все, не подпадающее под это определение, относится к бесполезной серой массе. Невольно напрашивается вопрос: почему бы не сформировать бренд Великого Княжества Литовского как великой эпохи в развитии европейской культуры? Важно понять, что всем известное благополучие Швейцарии, исторически развитая демократическая система законов США, либерализм Нидерландов – не возникшие из воздуха понятия, а явления, которым долго и тщательно готовили информационную почву и уже во время работы самого явления обеспечивали правильную рекламу. Выигрывают неожиданные решения. «Открытие» для Европы неизвестного высококультурного государства на восточных рубежах (что, кстати говоря, уже идет вразрез с устоявшимися стереотипами) должно привлечь внимание.

У меня есть монета Великого Княжества Литовского 1569 года. Я купил эту монету в Минске лет 10 тому назад. И честно говоря, до сих пор не знаю, подлинная она или нет. В контексте нашего разговора это и не важно. В тысячах музеев по всему миру под стеклом лежат оттиски давно утраченных монет, печатей, перстней… А в музеи будут продолжать ходить люди, главное, что мы знаем, что она была, эта монета. Ведь ходят не только посмотреть, но и узнать. Восстановим замок – и в него будут ездить люди. Восстановим наши связи, целостность – и будут ходить к Нам.

Яўген Петрашкевіч
(ЕГУ, Вільнюс)

РЭЛІГІЙНАЕ ВЫМЯРЭННЕ ЕЎРАПЕЙСКАЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ: АД МАДЭРНА ДА ПОСТМАДЭРНА

Modern societies have deviated from the traditional perception of the state and nation. Individuals are largely moving away from complex political strategies and constructed future prospects. The driving principles of postmodern society are not symbolic, traditional values and principles but the possibility of rapid development and modernization processes of communication, which is the main component of interaction and cooperation between communities, leading to general progress. The speed with which societies keep developing endangers the classic, fundamental concepts and forms of life. The question is how these trends will reveal themselves and affect the supranational and supra-national identity. Is it possible to overcome the artificial barriers to globalization trends in finalizing the project of European integration?

Сучаснае еўрапейскае грамадства дасягнула досыць значных вынікаў у працэсах інтэграцыі і канструявання адзінай, трывалай мадэлі будучыні грамадства. Пабудавана складаная структура наднацыянальных інстытутаў. Сканструявана паэтапна адладжаная сістэма вядзення ўзаемнага дыялогу паміж прадстаўніцтвамі кожнай з краін – удзельніц Еўрапейскага Звязу (ЕЗ). Шырокамаштабна рэалізуецца агульная знешняя палітыка, зацвярджэння і пазыцыявання Еўрапейскага Звязу як адзінага дзяржаўнага праекта на міжнароднай арэне. Еўрапейскі Звяз апошнім часам адыгрывае ўсё большую і значную ролю, пачынаючы з эканамічных пытанняў і заканчваючы ўрэгуляваннем міжнародных палітычных канфліктаў. Але пры гэтым палітычны аўтарытэт і палітычная вага ЕЗ застаюцца на нестабільным узроўні. Фундаментальныя прын-

цыпы, на якіх асноўвалася будаўніцтва Еўрапейскага Звязу, з цягам часу губляюць сваю сутнасць і актуальнасць ва ўмовах сённяшніх вольных грамадстваў. Шэраг новых, выбітных паняццяў, такіх, як дэцэнтралізацыя, аўтаномія, вольнае перамяшчэнне, трансфармацыя, мадэрнізацыя, аптымізацыя, індывідуальнасць, выключнасць, стыхійнасць, камунікацыя, стратыфікацыя, дэвальвацыя, самакрытычнасць, справядлівасць, дэмакратыя, паўплывалі на фарміраванне светапоглядаў і ўяўленняў сучасных грамадстваў.

Сучасныя грамадствы адхіліліся ад традыцыйных успрыманняў дзяржавы, нацыі. Індывіды ў значнай ступені абстрагуюцца ад завуаліраваных палітычных стратэгій і вызначанай будучай перспектывы. Рухаючымі прынцыпамі постмадэрных грамадстваў стварыліся не сімвалічныя традыцыйныя каштоўнасці і прынцыпы, а магчымасць хуткаснага развіцця і мадэрнізацыі працэсаў камунікацыі, камунікацыі, якая выступае асноўным кампанентам сутыкнення і супрацоўніцтва паміж грамадствамі і вядзе да агульнага прагрэса і блага. Хуткасць, з якой развіваюцца грамадствы, ставіць пад пагрозу класічныя, фундаментальныя паняцці і формы арганізацыі жыцця. Пытанне ж палягае ў тым, якім чынам дадзеныя тэндэнцыі адлюстроўваюцца і паўплываюць на наддзяржаўную і наднацыянальную ідэнтычнасць. Ці атрымаецца пераадолець штучныя перашкоды на шляху да канчатковага праекта еўрапейскай інтэграцыі.

На сённяшні дзень, пачынаючы разважаць аб перашкодах на шляху да інтэграцыі еўрапейскіх грамадстваў, навукоўцы, крытыкі, палітолагі, аналітыкі, эканамісты ў значнай большасці схіляюцца да разважанняў на тэму эканамічных перашкод. Кшталту, пытанняў аб адзіных бязмежных мытных прыферэнцый, вольных эканамічных прасторах і г.д. З-за празмерна вялікай колькасці краін – удзельніц Еўрапейскага Звязу – маюць месца выпадкі значных супярэчнасцяў падчас вынясення адзінага стандарта для ўсіх краін. Лабізм з боку прадстаўнікоў краін, якіх не задавальняюць адзіныя, стандартызаваныя ўмовы, часам трансфармуецца ў адстойванне жорсткай пазіцыі (напрыклад, пратэст Ірландыі супраць умоў падпісання Лісабонскай дамовы). Што, у сваю чаргу, безумоўна перарастае ў справу агульную, запавольвае, а часам і спыняе працэс інтэграцыі, што негатыўна адбіваецца на палітычным аўтарытэце Еўрапейскага Звязу на міжнароднай арэне.

Аналіз пытанняў аб прынцыпах працэсу пабудовы адзінай супольнасці, формах і стратэгіях канструявання адзінага звязу вельмі важныя. Але дадзенае становішча можа быць разгледжана з іншага боку. Досыць

цікавым і актуальным у такім выпадку паўстае і пытанне нацыянальнай ідэнтычнасці ў сутыкненні з рэлігійным вымярэннем. У прыватнасці, ангельскі даследчык Бенэдыкт Андэрсан паспрабаваў прадэманстраваць, якім чынам нацыянальная ідэнтычнасць змяняе рэлігійнае вымярэнне ў мадэрным грамадстве.

У сваёй працы *Imagined Communities (Уяўныя грамадствы)* Бенэдыкт Андэрсан сканцэнтраваў увагу на разглядзе дзвюх культурных сістэмаў: рэлігійнага грамадства і дынастычнай дзяржавы. Дадзеныя сістэмы Бенэдыкт Андэрсан суадносіць з паняццем *нацыяналізма.* Апошняе паняцце, па меркаваннях аўтара, пераймае месца рэлігіі ў жыцці грамадства. Аўтар паспрабаваў адлюстраваць працэс, вынікам якога паўстала абмежаваная праекцыя секулярнага грамадства, *Imagined Communities* (*Уяўныя грамадствы*). Па сутнасці, нацыя паўстае як “модульная” з’ява, ідэалагічныя і тэарэтычныя элементы якой давалі адказы на шматлікія пытанні, якія не былі агучаны рэлігійным грамадствам. Нацыяналізм здолеў прапанаваць тры важкія рэчы, якія адначасова паўсталі і альтэрнатывай секулярнаму грамадству і вызначылі новыя магчымасці і гарантыі. *Sovereignty (суверэнітэт)* – прынцып, створаны ў эпоху Асветніцтва і накіраваны на знішчэнне легітымнасці створанага Богам, іерархічнай дынастычнай дзяржавы. *Self – government (аўтаномія)* – прынцып, паводле якога свая нацыя вызначае асабістую выключнасць перад астатнімі нацыямі, што развівае прынцып абароны суверэнітэту. Сутыкаючыся з іншымі грамадствамі, нацыя супрацьпастаўляе сваю асабістаць, выключнасць і адстойвае суверэнітэт. *Community (усеагульнасць)* – дадзены прынцып гаворыць аб роўнасці правоў і адказнасці кожнага індывіда ў грамадстве і стварае пэўны вобраз ментальнасці адзінага грамадства. Што адбываецца з гэтымі прынцыпамі ў сучасным постмадэрным і постсекулярным грамадстве?

Звернемся ў гэтай сувязі да ідэяў нямецкага філосафа Юргена Хабермаса. Хабермас спрабуе разгледзець сучаснае грамадства з пазіцый ліберальных, фундаментальных каштоўнасцяў, на якіх яно пабудавана. Дадзеныя каштоўнасці павінны заставацца пэўным гарантам свабоднай камунікацыі. Хабермас разважае над сувяззю паміж крызісам сучасных дэмакратычных грамадстваў і сусветнай, глабальнай камунікацыяй. Хуткасць развіцця рынкавых адносін, значнага ўзмацнення адміністрацыйнай улады ў сучасных грамадствах, адсутнасць у еўрапейскай самасвядомасці ўяўленняў аб нацыянальным і культурным адзінстве, салідарнасці грамадзян – дадзеныя працэсы з’яўляюцца непасрэднымі фактарамі крызіса дэмакратычнага грамадства. Адсутнасць грамадзянс-

кай матывацыі патрабуе перахода да постсекулярнага грамадства. Хабермас прадугледжвае выхад з дадзенага становішча праз секулярызацыю як дваякі і ўзаемнададатковы працэс навучання, як камунікацыя з наяўнасцю і ўвасабленнямі рэлігійных паняццяў, прынцыпаў падыхода да апісання света, логікі, матывацый. Аўтар разглядае рэлігійны кантэкст як неад'емную частку будучай перспектывы грамадства. Хабермас надае духоўнасці сэнс і нед'емную функцыю кансалідацыі, салідарнасці, каардынацыі дзеянняў, закранаючых каштоўнасці, нормы, арыентаваныя на ўзаемаразуменне.

Такім чынам, аналіз крызісу еўрапейскай ідэі прыводзіць нас да разважанняў аб постсекулярным грамадстве. Звяртаючыся менавіта да развіцця Еўрапейскага Звязу, для якога дадазеная праблема з'яўляецца даволі актуальнай, трэба адзначыць, што перашкоды, з якімі сустрэўся працэс інтэграцыі на дадзеным этапе, ёсць у значнай меры крызісам стратэгіі і ідэі, на якой пабудавана дадзеная стратэгія. Еўрапейскае грамадства ўвесь час знаходзіцца ў актыўнай камунікацыі як у самім звязе, так і на міжнароднай арэне, што прымушае грамадскасць ставіць акцэнты на ўласных нацыях, сутыкаючыся з іншымі, вылучацца і быць адметнымі ў параўнанні з імі, захоўваць аўтаномію і суверэнітэт. У такіх абставінах наднацыянальныя і наддзяржаўныя інстытуты павінны выкарыстоўваць двайную камунікацыю з кансалідуючай існасцю.

Але ніколі не трэба забывацца аб тым, што некалі ўзгадаў *Ісая Берлін: "Нішто не здольна зрабіць наша жыццё настолькі цікавым, прыгожым, разнастайным, складаным, адрозным і адначасова падобным адзін да аднаго, як разнастайнасць думак, характараў, мноства розных культур і традыцый!"* Хаця б дзеля гэтага чалавек павінен паважаць і развіваць сваю нацыю.

Літаратура

1. Андерсон, Б. 2001. Воображаемые сообщества: *Размышления об истоках и распространении национализма, введение*. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле.
2. Андерсон, Б. 2006. "Национализм, идентичность и логика серийности". *Логос*. № 2.
3. Хабермас, Ю., Ратцингер, Й. (Бенедикт XVI). 2006. *Диалектика секуляризации. О разуме и религии. Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»).* М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея.
4. Берлин, И. 2002. "Европейское единство и превратности его судьбы". *Неприкосновенный запас.* № 1 (21).
5. Hedetoft Ulf. The Nation-state Meets the World: National Identities in the Context of Transnationality and Cultural Globalization, European Journal of Social Theory 1999, 2.

СВОБОДА, КОНТРОЛЬ И СОЛИДАРНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Кирилл Алесь
(ЕГУ, Вильнюс)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ПРАКТИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОСТИ

The purpose of the paper is to explicate the problem of constructing social normativity through the author's interpretation of some topical socio-philosophical phenomena in the outlined conceptual area and to develop an original analysis method of the problem. A cross-section of current philosophical discourse has been carried out to identify the best applicable empirical models that can be used in the problematic field of social normativity; the toleration phenomenon has been explicated and presented as a postmodern practice of constructing social norms.

Начнем наши размышления о толерантности с замечательного высказывания современного американского философа Майкла Уолцера: «Терпимость делает возможным существование различий; различия же обусловливают необходимость терпимости» [2, 15].

Сегодня проблема толерантности является одной из самых актуальных и значимых: практически в любой полемике по острым социальным темам так или иначе фигурирует понятие толерантности. Многие нации и культуры определяют себя через это явление; оно культивируется, ставится во главу угла и формирует определенный образ национальной идентичности. Можно привести близкий всем нам пример из белорусского контекста: существует мнение, что белорусы отличаются высокой степенью терпимости, в этой связи частью национальной идентичности белорусов оказывается глубокое убеждение в своей толерантности. Беларусь в данном случае является одной из многих, т.к. можно привести большое количество примеров, связанных с востребованностью этого понятия для многочисленных дискриминируемых групп.

Слово толерантность имеет латинский корень *tolerantia*, т.е. терпение, именно поэтому понятия толерантности и терпимости часто употребляются в качестве синонимов. Некоторые споры о терпимости можно обнаружить и в античности, однако явление толерантности в его современной конфигурации, безусловно, является порождением эпохи Нового времени. Можно сказать, что в самом широком смысле толерантность определяется как терпимое отношение ко всему чужому и неразделяемому нами, т.е. к чужому образу жизни и мысли, к иным культурным и социальным нормам, к чуждым нам религиозным чувствам и верованиям.

Современная ситуация позволяет трактовать толерантность не просто как абстрактную гуманистическую идею, но и как определенную социальную практику. В этом смысле мы все включены в подобную практику; скажем, своими высказываниями о национальных или сексуальных меньшинствах мы можем проявлять терпимое или нетерпимое отношение к ним. Очевидно, что с этой перспективы крайне сложно предложить единственно верное понимание толерантности. Уолцер отмечает, что «философская дискуссия последних лет зачастую стала приобретать вид некой установленной процедуры: философ предлагает определенную воображаемую им исходную позицию, будь то идеальная речевая ситуация или разговор в космическом корабле» [2, 16]. Очевидно, что стрелы Уолцера направлены в Ролза и Хабермаса: первый из них любит рассуждать под «пеленой неведенья», а второй предпочитает мыслить в «идеальной речевой ситуации». Проблема абсурдного свойства заключается в том, что из этих воображаемых абстракций почему-то должны следовать принципы и нормы нашей реальной жизни. Говоря о том, что «тем самым мы обретаем руководящие принципы для всех наших реальных рассуждений, договоренностей и разговоров – более того, для всей нашей политической, социальной и экономической деятельности, – иными словами, считается, что таким образом мы получаем в свое распоряжение принципы действия в реальной жизни» [2, 17], Уолцер ставит под знак вопроса оправданность и успешность такого рода мыслительных построений.

Режимы толерантности

В сравнении с Ролзом и Хабермасом Уолцер движется в несколько иной методологии: он исходит не из идеальных воображаемых моделей, а из исторической фактуры, предлагая выделять различные режимы толерантности, существовавшие в истории. Смысл данной идеи заключается

в том, что мы не можем описать толерантность в качестве определенной практики при помощи универсальных моделей, т.е. в разное время мы обнаруживаем различные способы толерантных отношений. В этой связи Уолцер выделяет пять толерантных режимов: многонациональные империи, международные сообщества, консоциативное (сообщественное) устройство, национальные государства и иммигрантские сообщества.

Говоря о многонациональных империях, Уолцер отмечает, что будет ошибкой считать многонациональные империи, такие, как Рим или Египет времен Птолемея, исключительно авторитарными и жестокими в отношении всяких различий. Такого рода империи представляли огромную мозаику из различных этносов и культур, поэтому «до тех пор пока исправно платились налоги и сохранялся мир, бюрократы не вмешивались во внутреннюю жизнь автономных образований – ни для поддержания справедливости, ни с другими целями» [2, 30]. Различиям позволялось существовать, т.к. нетерпимое отношение и попытки нивелировать и стандартизировать входившие в империю сообщества, как правило, заканчивались жестоким сопротивлением. В этой связи «в многонациональной империи объектом толерантности является группа, будь то автономное сообщество или суверенное государство. Ее законы, вероисповедание, судопроизводство, действующие внутри нее фискальные и распределительные процедуры, ее образовательные программы и ее семейные структуры — все это имеет статус легитимности или допустимости, в любой из этих сфер возможны лишь минимальные ограничения, и редко когда они навязываются (могут быть навязаны) силой» [2, 52–53].

Международное сообщество, с точки зрения Уолцера, не является анархичным образованием – оно устроено по определенным принципам. В данном случае объектом толерантности является суверенитет каждого из государств, «сообщество государств толерантно в отношении всех находящихся в его составе образований, достигших государственности, равно как и в отношении разрешенных этими образованиями обычаев» [2, 36]. Безусловно, речь не идет об идиллическом существовании, т.к. «в иных случаях не исключена и активно враждебная позиция в отношении друг к другу, каждая из сторон может с негодованием отрицать культуру и обычаи соседей, но при этом уклоняться от прямого конфликта с ними» [2, 36]. Также существует возможность прямого вмешательства в дела чужого государства, если там происходит нечто действительно ужасное – в случае совершений преступлений, возмущающих человеческое сознание, другое государство имеет права вмешаться в дела своего

соседа. Тем не менее общий принцип заключается в терпимом отношении к суверенитету другого государства и его культурным обычаям.

Консоциативное (сообщественное) устройство – это свободное объединение двух или трех национальных государств. Примерами подобных объединений являются Бельгия, Швейцария, Кипр, Ливан и прочие. С одной стороны, такого рода формирования являются чем-то весьма привлекательным и разумным, как правило, они возникают между соседскими странами или этносами, которые уже имеют многолетний опыт сосуществования. С другой стороны, данное устройство является чем-то крайне взрывоопасным, т.к. всегда есть вероятность того, что консоциативное устройство превратится в обычное национальное государство, где ранее равноправные группы окажутся в статусе маргинального меньшинства. В этой связи объектом терпимости, как и в многонациональных империях, являются различные обычаи и особенности сообществ, входящих в состав данного устройства. Однако «взаимная терпимость зиждется на вере – и не столько в добрую волю друг друга, сколько в институциональные гарантии, призванные защитить нас от воздействий злой воли других» [2, 40].

Большинство государств, входящих в международное сообщество, является национальными государствами, но это не означает, что все они обладают совершенно гомогенным населением по национальному или религиозному признаку, сегодня такая гомогенность встречается крайне редко. В этой связи Уолцер понимает национальное государство как страну, где «какая-то одна господствующая группа организует жизнь всего общества в соответствии с собственной историей и культурой и, если все идет как задумано, осуществляет исторический прогресс и развивает культуру» [2, 41]. В этом случае объектом терпимости будут являться индивиды, которые рассматриваются и как граждане, и как члены того или иного меньшинства. Принадлежность к меньшинствам понимается в качестве части приватной сферы, однако «любое поползновение, связанное с переносом элементов культуры меньшинств в сферу общественной жизни, как правило, вызывает тревогу у представителей большинства (отсюда, например, дискуссия во Франции по поводу ношения в средних школах предписанных мусульманам их верой головных уборов)» [2, 43]. Национальное большинство терпит прочие маргинальные сообщества, но всегда подталкивает их к ассимиляции в господствующей нации.

Под иммигрантскими обществами понимаются такие общества, которые состоят из представителей самых различных культур, покинув-

ших свою изначальную родину. Приезжая на новое место, они постепенно образуют целые сообщества, к примеру, известные китайские или латиноамериканские кварталы в крупных городах США. В этом отношении «терпимость проявляется в отношении индивидов как таковых, и сделанный каждым индивидом выбор воспринимается как уникальный выбор личности, а не стереотипно» [2, 53]. Объектами терпимости в данном случае будут являться индивидуальные поступки и решения, скажем, вступление в ту или иную организацию, участие в её культурной жизни или демонстрация собственных отличий, поэтому личности, желающие проявить толерантность, вынуждены мириться с индивидуальным своеобразием членов самых различных сообществ. Уолцер заключает, что «толерантность принимает совершенно децентрализованный характер: все должны терпеть всех», [2, 49], т.е. «возникают персонализированные разновидности групповой жизни, а также возможность быть тем или этим весьма многообразными способами, и с каждым из этих способов другие члены группы должны мириться – постольку, поскольку данное многообразие терпимо обществом в целом» [2, 53]. Можно заключить, что толерантность, в сущности, делает возможным существование иммигрантского общества, иначе многообразие и различия захлебнулись бы во взаимной ненависти и вражде.

Таким образом, описав режимы толерантности, выделяемые Уолцером, можно сделать вывод, что толерантность не может быть понята однозначно – имеется в виду, что мы обнаруживаем различные схемы её понимания и отправления. В разных исторических контекстах и обществах существовали отличные друг от друга отношения между теми, кто терпит и кого терпят. Несомненно, что толерантность как практика не может быть представлена однородным образом, поэтому классификация различных практик терпимости по некоторым усредненным режимам является удачной идеей. Однако мне видится, что в основе всех этих режимов отправления толерантного отношения можно обнаружить некоторое идентичное нормативное ядро: 1) понимание определенной версии терпимости в качестве социальной нормы и 2) практику конструирования данной нормы в опыте толерантного отношения.

Опыты непризнания как низовой уровень конструирования толерантности

Негативный опыт дискриминации или нетерпимого отношения к людям стал важной вехой на пути становления и развития концепта

толерантности. Непризнание значимости ваших религиозных убеждений или культурных особенностей ясно демонстрирует маргинальный статус вашего сообщества и прозрачно намекает на то, что ваша группа является объектом терпимости. Однако насколько категория нетерпимого отношения является универсальной? Вполне вероятно, что нетерпимость также оказывается культурно и исторически опосредованной: на примере описания режимов толерантности было показано, что практики толерантного отношения не являются однородными и сильно разнятся между собой. Следовательно, нетерпимое отношения также вступает в определенную зависимость от социально-исторического контекста. Несмотря на экзистенциальный или даже онтологический аспект в восприятии нетерпимого отношения, означивание каких-то действий как нетерпимых имеет дискурсивный характер. В этой связи я хотел бы предложить схему понимания нетерпимого отношения как определенной изменчивой структуры, так или иначе привязанной к социальным нормам.

Наше понимание и самоопределение зачастую в значительной степени обусловлено и детерминировано тем багажом нормативности, который был нами усвоен. В этом смысле терпимость и нетерпимость имеют вторичный характер по отношению к различным социальным нормам, оказываясь рефлексивным отношением к усвоенной нормативной системе. Иными словами, терпимость, как и нетерпимость, исторична, контекстуальна, не универсальна и весьма относительна, именно поэтому её следует трактовать динамичным образом, т.е. как постоянную рефлексивную и специфическую практику отношения к представителям других группа на основании усвоенной нормативности. В основе усвоения любой нормы лежат осознание её необходимости, непреложности, а также нравственные коннотации, связанные с её исполнением или неисполнением. Толерантность – это не то, что возникает где-то в надлунном мире идей, она полностью принадлежит миру «тени», т.е. толерантность – это определенная динамичная форма отношений между представителями разнообразных культур, имеющих разные нормативные системы.

Толерантность является своеобразным узлом отношений, причем ее образ в каждой ситуации отнюдь не является случайным. Отношения терпимости, как и нетерпимости, всегда являются определенным дискурсивным порядком, вернее, дискурсивными практиками, укорененными в определенном наративе о терпимости и нетерпимости. В этом смысле индивид всегда обнаруживает себя и субъектом, и объектом терпимости.

Проблема конструирования режима толерантности предполагает серьезное и понятное внимание к проблеме нетерпимого отношения, в частности, к опыту непризнания.

Аксель Хоннет отмечает, что, исходя из концепта «борьбы за признание», можно выделить специфический вид ущерба, который может быть нанесен человеческому существу – опыт «пренебрежения». Основные виды пренебрежения выделяются в контексте форм признания.

Первым уровнем признания, как мы помним, является любовь; Хоннет противопоставляет этому уровню физическое насилие, т.е. различные формы телесного ущерба или утраты возможности свободно распоряжаться своим собственным телом. Такой негативный опыт является самым первичным и элементарным способом оскорбления личности, имеющим серьезное деструктивное воздействие. Весь безвыходный ужас пытки или изнасилования заключается не столько в физической боли, сколько в полной утрате власти над собственным телом. Полное подчинение желаниям другого человека, осуществляющееся против твоей воли, оказывается глубокой травмой, деформирующей осознание себя в качестве свободного и автономного существа; как следствие, этим подрывается у подвергшегося такому насилию индивида открытое и доверчивое отношение к окружающему миру, приобретенное им в опыте любви[4, 132–134].

Вторая разновидность пренебрежения противопоставляется праву и заключается в том, что наносит личности ущерб путем исключения её из пользования теми или иными правами в общественной жизни. Не ощущая себя субъектом права и пребывая в состоянии утраты законных гражданских полномочий, индивид склонен к утрате самоуважения, т.к. общество своим пренебрежительным отношением намекает на его неполноценность. Довольно сложно, находясь в бесправном или в чем-то ограниченном положении, понимать себя как равноценного и равноправного члена общества [4, 135–136].

Последним видом пренебрежения является социальное унижение, противопоставляемое опыту солидарности. Хоннет понимает его как уничижение ценностного статуса индивида, в сущности, речь идет о признаваемых личностных особенностях и праве ими обладать [4, 137]. В. Фурс следующим образом трактует данный вид унижения: «Социальное унижение имеет место тогда, когда иерархия ценностей в том или ином обществе устроена таким образом, что отдельные формы жизни систематически недооцениваются. Этот вид отказа в признании влечет за собой утрату позитивной личной самооценки» [3].

Странным образом оказывается, что этот опыт несправедливости и пренебрежения может выступить в качестве «аффективной побудительной основы, мотивирующей борьбу за признание» [3]. В этой связи Хоннет наделяет важным значением понятие социальной борьбы, которое опирается на практическое чувство несправедливости. Социальная борьба, получая свой движущий импульс от опыта пренебрежения и несправедливости, ставит своей целью расширение отношений признания. Более того, личный опыт «униженных и оскорбленных» может иметь интерсубъективную значимость, т.е. он затрагивает не только отдельного индивида, но и целые сообщества, которые могут объединиться под флагом «борьбы за признание».

Таким образом, опыт непризнания, пренебрежения и несправедливости обладает уникальным консолидирующим свойством, которое позволяет группе выдвинуть согласованное требование, касающееся толерантного отношения. Существует интересный парадокс: нам сложно сказать, относятся ли к нам терпимо, поступили ли с нами абсолютно честно, однако мы безошибочно распознаем нетерпимое и бесчестное отношение к себе. Такого рода негативный опыт является низовым уровнем конструирования толерантного отношения. Американский философ Ричард Рорти высказывает схожее мнение, описывая своё виденье либеральной утопии: «В моей утопии человеческая солидарность рассматривается не как факт, который признается благодаря устранению предрассудков или проникновению в скрытые до сих пор глубины, но как цель, которую следует достичь» [1, 20]. Далее Рорти заключает, что «солидарность не раскрывается рефлексией, но созидается. Она созидается повышением нашей чувствительности к определенным подробностям боли и унижения других, незнакомых нам людей» [1, 20–21]. Такого рода повышение чувствительности к опыту унижения Другого затрудняет маргинализацию людей, отличающихся от нас по тем или иным признакам. Правомерным будет заключить, что именно негативный опыт непризнания тебя самого или иных представителей человеческого рода оказывается тем низовым уровнем толерантности, который возникает из нашего повседневного опыта. Наш рутинный и обыденный пласт жизни не всегда исходит из некоторых универсалий, он всегда имеет определенный партикулярный уровень, где самые различные формы нетерпимого отношения опосредованно вскрывают необходимость универсалий в качестве норм толерантности.

Толерантность, практики, универсалии

Современное общество ознаменовано огромным количеством проблем, составляющих специфический характер того культурного поля, которое пронизывает практически все сферы нашей жизни. Одна из проблем или одно из противоречий современности выражается сложным и конфликтным соотношением двух современных тенденций: с одной стороны, это принцип уважения прав человека, которые есть не что иное, как легитимированные универсальные нормы, с другой, повсеместно провозглашаемое уважение к самым различным культурам, которые, в свою очередь, заключают в себе партикулярные максимы и нормы. Минимальное чувство реальности позволяет с достаточной очевидностью постулировать неизбежность возникновения противоречий между универсальными нормами, представленными правами человека, с одной стороны, и партикулярными нормами, представленными специфическими культурами, с другой. Совершенно неслучайна такого рода противоречивость, которая явствует уже из наших теоретических изысканий, на практике выливается в такие брутальные формы, как расизм, национализм, религиозный фундаментализм и тому подобное. Мы можем констатировать, что наш плюральный, мультикультурный, «толерантный» мир наполнен проявлениями абсолютной нетерпимости. В этой связи вопрос о том, что есть толерантность и каковы ее границы, имеет ключевое значение для современного мира, ибо мы имеем дело с большим количеством культурных групп, де-факто находящихся в рамках одного социума и де-юре помещенных в один всеобщий контекст прав человека.

В рамках этого нового прекрасного мира, который бурлит жизнью и переменами, мы должны переформулировать саму постановку вопроса о толерантности. Мы всегда являемся как субъектами, так и объектами и терпимого, и нетерпимого отношения. Можно сказать, что, с точки зрения субъекта, толерантность и нетолерантность можно понимать как персональное отношение, а точки зрения объекта – как требование относительно регулирования и администрирования социальной жизни и публичной сферы.

Первый аспект рассмотрения толерантности в качестве персонального восприятия связан с восприятием Другого. Это восприятие теснейшим образом связано с пониманием того, что Другой является отличным, уникальным и, главное, наделенным равными с нами правами человеком. Принципиальным оказывается то, что мы признаем и уважаем

право другого на индивидуальность в широком смысле этого слова. В то время как нетерпимый человек будет вести себя совершенно иным образом, в мировоззрении такого человека будет присутствовать четкое разграничение на «плохое» и «хорошее», на «правильное» и «неправильное», причем специфическая черта данного разграничения будет заключаться в нетерпимости этого человека к другой точке зрения и постоянное снабжение этой точки зрения негативными коннотациями. Толерантный человек уважает не столько различия, сколько идентичность Другого. Смысл толерантности как персонального отношения заключается в уважении прав другого, которые могут быть поняты различным образом.

Вопрос, связанный с регулированием и администрированием социальной жизни и публичной сферы, сталкивается с затруднением в определении термина терпимого и толерантного. Иона Кукуради отмечает, что видит немалое затруднение при необходимости определения толерантности позитивным образом, в данной связи она предлагает определить лишь то, что для человека является невыносимым и невозможным, т.е. нетолерантным. Таким образом, нетолерантный поступок – это человеческое действие, которое тем или иным способом, прямо или опосредованно удерживает или некоторым образом затрудняет развитие потенциала личности или же является унижением человеческого достоинства [5].

В этой связи логика «от противного», скорее, основывается на системе запретов, которая далее конструирует область дозволенного. Мне видится, что данный ход мысли не совсем оправдан, поскольку в этом случае толерантным становится всё то, что не попадает в область нетолерантного, хотя само постмодерное мышление предполагает принятие двойственности и разнообразности позиций и мнений как естественного состояния. В этой связи такого рода мышление склонно к толерантности, т.к. им априори принимается существование большого числа различий.

Рассмотрение феномена толерантности обнаруживает, что она является своеобразным центром пересечения самых различных перспектив и проблемных моментов. Постмодернистская мозаика из культур и различий, с одной стороны, отвергает всякие репрессивные универсалии, но, с другой, остро нуждается в общих нормативных основаниях для регулирования совместной жизни. Интересно то, что толерантное отношение в своей сути всегда отсылает к некоторому интерсубъективному измерению значимости, т.е. толерантное отношение в условиях различия

предполагает, что вне зависимости от всех расхождений мы можем разделять норму общего уважительного и терпимого отношения. В некотором смысле речь идет об определенном универсальном измерении, с которым соотносятся наши партикулярные установки и культуры, но это соотношение не имеет характера видоизменения и определения частных культур и норм в свете этих универсалий: данные универсалии пытаются структурировать саму схему или форму отношения партикулярных культур и норм. Таким образом, нормируются не сами внутренние содержания культуры, а способы отношения носителей разных культур друг к другу.

Эта форма соотношения выступает в качестве серии рутинных и повторяющихся языковых практик, т.е. данные практики имеют дискурсивную природу, иными словами, их можно назвать локальными языковыми играми, в рамках которых возникает подвижная норма толерантного соотношения с другими культурами. Также необходимо отметить, что эти практики возникают на низовом уровне, т.е. они характеризуются движением «снизу», когда самые различные акторы, вступая в публичную сферу, вынуждены определенным образом артикулировать свое отношение к различиям. Кроме того, такие практики рефлексивны: акторы осознают необходимость универсального в качестве удовлетворяющего всех способа или формы отношения друг к другу, но не трактуют его в эссенциалистском ключе – в нынешней ситуации они вынуждены в процессе регулярной артикуляции заполнять пустое пространство универсального.

Итак, постмодерные практики конструирования социальной нормативности понимаются как процесс создания партикулярной универсальности, основанной на постоянном соотнесении и определении некоторой партикулярной нормативности через другие нормативные системы и определенные метанормативности (права человека). Иначе говоря, они могут быть поняты как современные практики толерантности. Конструирование партикулярной универсальности толерантного заключается в том, что мы каждый раз обнаруживаем себя в новой, особенной и неповторимой ситуации отправления терпимости, т.е. в каждом случае толерантного отношения всегда уже заложено партикулярное измерение, но, стремясь отнестись толерантно к другому человеку, мы волей-неволей апеллируем к чему-то трансцендентному по отношению к этой частной ситуации. Являясь субъектом толерантности, мы всегда рассчитываем также стать и ее объектом: прибегая к конструированию такого рода партикулярной универсальности, мы надеемся, что ее пока ещё непол-

ноценный универсальный статус будет подтвержден Другим в качестве такого же отношения к нам.

В этой связи толерантность как постмодерная практика конструирования социальной нормативности создает партикулярную универсальность в плане приемлемого и подходящего отношения людей из разных культуры (и не только) друг к другу. Фактически толерантность конструирует способ отношения культур, а не их содержание. Здесь обнаруживается принципиальный момент, т.к. существование различий и практики их соотнесения друг с другом нуждаются в чем-то условно универсальном, на основании чего они могли бы, сохраняя свою автономию, приходить к некоторому взаимопониманию и удовлетворяющему способу сосуществования. Как было показано выше, именно опыт непризнания и нетолерантного отношения является первым стремлением к толерантным отношениям, движущимся «снизу», а не со стороны какого-то большого рассказа о замечательности и значимости терпимости. Это стремление имеет экзистенциальный характер, ибо именно опыт унижения нашего человеческого достоинства, как и опыт аномии и социального хаоса, побуждает к осознанию необходимости определенных регуляторов. В этой связи толерантность конструирует динамичную, каждый раз возникающую в несколько иной конфигурации норму отношения к Другому.

Литература

1. Рорти, Р. 1996. *Случайность, ирония и солидарность. Пер. с англ. И.В. Хестановой и Р.З. Хестанова.* М.: Русское феноменологическое общество.
2. Уолцер, М. 2000. *О терпимости. Перевод с англ. яз. И. Мюрнберг.* М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.
3. Фурс, В. 2005. "Борьба за признание и моральный прогресс общества в концепции А. Хоннета". *Вопросы философии*, № 1.
4. Honneth, A. 1995. *Struggle for Recognition: the moral grammar of social conflicts, trans.* J. Anderson. Cambridge, Polity.
5. Kucuradi, I. 1996. "On Tolerance and the Limits of Toleration". Diogenes, № 44.

Дмитрий Гамезо
(ЕГУ, Вильнюс)

ПРОЕКТ АВТОНОМИИ К. КАСТОРИАДИСА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

The aim of this paper is to emphasize and analyze the role of Castoriadis's autonomy project in the light of social theory. It refers to the critical consideration of general elements of «social imaginary». This hypothesis is an operational opportunity to determine the role of the philosopher's conception projecting its gist on problems considered topical for contemporary societies.

Нет такой вещи, как общество…
Маргарет Тэтчер

Для сегодняшней власти люди суть вещи, и всё, чего я хочу, абсолютно противоречит этому. Человек, который к другим людям относится как к вещам, – сам вещь, а я не хочу быть вещью ни для себя, ни для других.
К. Касториадис. Воображаемое установление общества

Концепция Касториадиса строится на том, что социальное действие – это всегда уже творчество, основывающееся на социальном воображаемом. Социально-историческое действие всегда организуется как мыслящее действие. Проявляющая себя в действии мысль, как считает Касториадис, есть не что иное, как политическая мысль. Политика творит общество и индивида в истории. Тем самым Касториадис отходит от

логики натурализации общества или природного социально-исторического процесса, указывая на первенство активной и творящей силы политики. По словам Владимира Фурса, «пример Касториадиса подтверждает наблюдение, сделанное нами применительно к передовой социологической теории: построение динамической концепции социального предполагает имманентную политизацию знания» [6, 238]. Данное предположение проясняет связь познания и политического проекта как попытки осмыслить «здесь и сейчас» то, что я делаю, и познать то, что я думаю и от чего зависит это. Главная цель политического проекта Касториадиса – преодолеть гетерономию и отчуждение статичного в плане радикальной социальной трансформации капиталистического производства, которое глубоко проникло в социальное тело. Российский исследователь психоанализа Мазин пишет о мотиве политического проекта Касториадиса следующее: «Политика на службе экономики обращается с людьми как с неодушевленными вещами. Революционная политика, по Касториадису, – практика, нацеленная на ориентацию общества в направлении всеобщей автономии, что предполагает радикальную трансформацию общества» [3]. Таким образом, политический проект является проектом социальной ответственности, так как предполагает социальную трансформацию, направленную на всеобщую автономию.

Касториадис предполагает условием любого политического проекта или социального действия социальное воображаемое. Воображаемое, которое является не побочным продуктом чего-то другого, но продуктом самого себя. Воображаемое как непрерывный креационизм творчество ex nihilo символов, форм и образов. Порождая из самого себя данные элементы, воображаемое творит общество и даёт символические средства для социальных трансформаций.

Одним из проявлений социального воображаемого является праксис. Праксис как деятельность, взятый из Марксовой концепции революционного действия, совмещающего в себе теорию и практику. Именно поэтому как проявление мыслящего действия праксис является условием автономии или даже её выражением. Сам Касториадис указывает на важность праксиса в развитии автономии: «Praxis стремится к развитию автономии как к цели и использует для этой цели автономию как средство» [2, 88]. Мы можем видеть, как праксис вписывается в общую логику креационизма социального воображаемого, где целью и средством выступает одно и то же. Чудесное творение праксиса из проекта автономии, на которую он сам же ориентирован, является ярким примером метафизической составляющей социального воображаемого Касториадиса.

Целью социально-политического проекта Касториадиса выступает автономия. Автономия как эмансипация индивида и общества от чуждых и внешних структур подчинения и функционирования. Автономия как возврат к активному созданию, творению и изменению с помощью воображения.

Значимость проекта автономии Касториадиса сложно переоценить. Его идеи вдохновляли студенческое движение в 1968, а проект автономии стал новым веянием для закостеневшей социальной теории. Касториадис дал не только надежду на возможность трансформации социального и политического порядка, но и подарил социально-критической теории почву для разработки новой теории демократии, которая отличалась от прежних концепций ставкой на рефлексивность и перфомативность, т.е. предлагала проект, а не канон или идеал демократии, застывший в своей форме. Но со времени написания последней части книги «Воображаемое установление общества» прошло уже более 30 лет. За это время произошло множество изменений в социальном, геополитическом и экономическом измерениях жизни современного общества. Не стал ли проект автономии, предложенный Касториадисом, сегодня «неживой теорией», как то некогда случилось с критикуемым им ортодоксальным марксизмом?

Роль социального воображаемого в проекте автономии

Фундирующую роль в проекте автономии занимает для Касториадиса воображение. Воображаемое как начало начал, самопорождающий процесс, из которого появляется всё множество смыслов и значений. В этом и заключается существенное отличие воображаемого Касториадиса от «воображаемого» в психоанализе Лакана. Касториадис в данном случае предстаёт как пророк нового психоанализа, отвергающего Лаканову "троицу": реальное, воображаемое, символическое. Для Касториадиса воображаемое – это не образ в зеркале или взгляд Другого, это не продукт чего-то другого, не онтология «пещеры Платона», где «этот мир неизбежно является продуктом чего-то другого». Касториадис, обращаясь к психоанализу Лакана, указывает, что «воображаемое – это не «зеркальное», это не образ, отсылающий, отражённый от чего-то, это не побочный продукт платоновской онтологии» [2, 9]. Но подобное определение создаёт большое непонимание, двусмысленность интерпретации воображаемого.

Понятным остаётся то, что воображаемое – источник преодоления гетерономии и отчуждения. Воображаемое всегда являлось источни-

ком изменений и самой истории, потому что находится вне сферы институционализированной гетерономии, представляющей человека как рефлекс или механизм. Вот как об этом пишет Касториадис: «Задается же это упорство и идущее в паре с ним затуманивание общественно-исторического стойким заблуждением насчет возможности низведения психического к биологическому (а с недавнего времени еще и к «структуре» и логике), само же это заблуждение задается волей к устранению воображаемого, причем как социального воображаемого, так и первичного воображения психики – то есть неукротимого, вечно действующего истока истории вообще и истории каждой отдельной психики; истока – неукротимого в своем существе, неукротимого мыслью» [2, 69]. Данная функция воображения является определяющей для автономии, так как именно в первичном воображении индивида как месте создания сумасшедших идей и прекрасных поэм только и может существовать реальность, получающая значение и смысл от воображения. Индивидуальное воображение является основанием индивидуального проекта автономии ещё и потому, что эта уникальная возможность изменить свой взгляд даже тогда, когда институционализированные рецепции и алгоритмы действия приводят к эффективным результатам для субъекта действия, т.е. даже в случае иллюзии удовольствия, создаваемой производством. Данная ситуация объясняется тем, что воображение и фантазия находятся вне сферы принципов реальности и производительности. Вот как об этом пишет Герберт Маркузе: «И только одна форма умственной деятельности "стоит особняком" по отношению к новой организации психического аппарата и остается свободной от власти принципа реальности: фантазия, "защищенная от культурных изменений", сохраняет приверженность принципу удовольствия. В остальном психический аппарат оказывается в безотказном подчинении у принципа реальности» [4, 4–5]. Таким образом, можно объяснить, почему Касториадис делает ставку в проекте автономии именно на эмансипационный потенциал воображения. Маркузе указывает также, что фантазия несёт в себе функцию "моторной разрядки", служащей для "соответствующего изменения реальности". Касториадис аналогично Маркузе видит начало праксиса именно в воображении. Воображение становится самой радикальной формой снятия отчуждения и постоянным условием возможности социального изменения. Касториадис, как и Маркузе, указывает на подчинение моей реальности и желаний дискурсу Другого; для Маркузе – это использование меня и моего желания как средства в принципе производительности.

Praxis и проект в логике трансформации социального

Обратимся теперь к практическому проекту, без которого автономия также не могла бы осуществиться. Отказ теории в притязании на обладание формами социальной организации объяснятся Касториадисом тем, что любая чистая теория противостоит вовлечённости и живому течению историю. Противостоящая теория является ещё и предстоящей действию. Таким образом, уже заранее мы может посадить возможность радикальной трансформации в заданную клетку математически просчитанных алгоритмов. Абсолютное знание довлеет над жизненными процессами и желаниями. Из данной крайности возможно уйти в другую крайность, сказав, что социальные действия и изменения случайны. Касториадис называет это «выбором между геометрией и хаосом». Праксис безусловно является сознательной деятельностью, но он не абсолютно прозрачен для субъекта праксиса. Так как праксис – это вовлечённость в действие, то он опирается на фрагментарное и временное знание, исходя из опыта. Тем более праксис является перформативным проявлением действия. Вот как об этом пишет Касториадис: «Теория не может быть дана заранее, поскольку она постоянно рождается из деятельности» [2, 89]. Это не что иное, как «относительная» ясность праксиса, где субъект праксиса изменяется в процессе и на основании опыта, в который тот вовлечён. Будучи порождающей спонтанностью, которая утверждается в импровизированной конфронтации с непрерывно обновляющимися ситуациями, праксис подчиняется практической логике – логике неопределенности, "чего-то вроде...". Праксис не имеет фиксированных моделей действия.

Основанием же сегодняшних проектов автономии является особый понятийный аппарат, предложенный К. Касториадисом, который в данном плане заключается в том, что «современность» – это «особое социальное воображаемое в единстве с питаемыми им институциональными формами» [5, 13], как пишет Владимир Фурс. Фурс, исследуя белорусскую проблему проекта «современности», указывает на то, что идею автономии Касториадис определяет как рефлексивное обновление, новый проект современности, актуализацию воображаемого измерения посредством «политики», которая осуществляется лишь тогда, когда наличный институт ставится под сомнение. Из этого открывается креативное измерение «общественно-исторического» и его взаимодействие с наличными институтами. Посредством солидарного участия и рефлексивно уясненного коллективного взаимодействия осуществляется переустановление

общества. Таким образом, видно, как идея автономии в сегодняшнем понимании соотносится с институциональными формами, которые, являясь конструктами свободных и автономных субъектов, сами же в последующем подавляют креативную рефлексию. Поэтому «политика» становится сегодня проектом автономии, которая должна соотноситься с институциональными формами, а именно с гетерономией, которая заключается в состоянии отчуждения общества, определенном сокрытии креативности, где субъекты или человеческие коллективы больше не узнают в наличных институтах свои собственные творения. Как и в случае с Кантом, гетерономия является оппозицией по отношению к автономии, но в трактовке данного понятия Касториадисом гетерономия сменяет автономию в процессе институционализации. Поэтому «политика» не способна к полной реконструкции автономии, поскольку нормативный горизонт и границы ее определяются слагаемыми наличной формы жизни (гетерономии). Тем самым постановка проблемы «политики» как проекта автономии Фурсом позволяет нам спуститься с метафизических небес социального воображаемого, где воображаемое было местом чистой автономии, вне наличной формы гетерономии. Фантазия индивида, возможно, и свободна от принципа реальности, но политический проект автономии, оказывается, увязан с наличными формами социального устройства, т.е. с гетерономией. Получается, что социальное воображаемое, лишь сталкиваясь с гетерономными формами социального устройства, приобретает свою эмансипирующую силу и берет институциональную ситуацию под сомнение. Определение автономии от обратного, от гетерономии показывает зависимость проекта автономии от наличной гетерономии в конкретных обстоятельствах «здесь и сейчас».

Место автономии в преодолении отчуждения (гетерономии) на социальном и индивидуальном уровне

Проект автономии развивается всегда в двух ипостасях или измерениях человеческого существования: индивидуальном и социальном. Индивидуальная автономизация также заключается в процессе, попытке освобождении себя как субъекта от власти дискурса Другого. Уничтожить власть Другого, значит, уничтожить жизнь, поэтому автономия от дискурса Другого – это нескончаемый процесс, устанавливание дистанции и прояснение своей активно-творящей и воображающей деятельности. Но активно творящий индивид не способен быть вне социально воображаемого, субъективность в своей направленности с са-

мого начала пропитана миром и Другим. Направленность же субъекта в стремлении устранить Другого из себя активно вовлекается в дискурс Другого. Но это уже не гетерономия во власти другого, а вынужденное «сожительство» с Другим. Фурс пишет по этому поводу следующее**: «**Из перспективы индивидуальной души процесс, в котором она оставляет свои первоначальные способы удовлетворения желаний и инвестирует в социально значимые способы поведения, представляет собой сублимацию» [6, 234]. С таким подходом не согласен Хабермас, который считает, что Касториадис приходит к психоаналитическим конструкциям типа сублимации и метафизическим категориям «магмы» только потому, что не имеет скрепляющей связи между индивидуальным и социальным. Вот как Хабермас объясняет недостаточность проекта автономии у Касториадиса: «У Касториадиса нет кандидатуры на роль посредника между индивидом и обществом. Еще в детстве он ломает монады и деформирует их. Каждому индивиду навязывается определенный тип социально институционализированного мира. Модель процесса социализации строится по образцу ремесленного производства. Произведенный таким образом индивид остается, как писал Дюркгейм, расколотым на монаду и члена общества» [7]. На мой же взгляд, Касториадис приводит достаточно ясную и сильную связь между социальным и индивидуальным, указывая на то, что проблема автономии отсылает нас к проблеме отношений субъекта с Другим (или с другими) как составляющими частями субъекта. И данное становится ясно уже исходя из того, что Касториадис пишет, «что стремление к автономии предполагает желание автономии для всех, а ее полная реализация может быть представлена лишь как коллективное творчество» [2, 123]. Другой исследователь и последователь психоанализа Лакана Славой Жижек, наоборот, считает, что такая попытка увязать социальное и индивидуальное есть насилие над воображением другого. Вот как Жижек определяет данное насилие: «Возможно, это – единственное возможное психоаналитическое определение греха: вторжение в пространство фантазии другого, где мы «разрушаем его мечты» [1]. Исходя из этого, он требует избегать насилия над сферой фантазии другого. Но, что делать, если причина индивидуального отчуждения и гетерономии рождаются только в области социального и через проект социальной автономии, фундирующейся на социальном воображаемом.

Институционализированная гетерономия сегодня мало чем напоминает «железную клетку», представленную в социологии Макса Вебера и «калькулирующее» производство капиталистического государства,

описанное Георгом Лукачем. Но остается Закон анонимной бюрократии, «экономического механизма рынка», плана и т.д. Поэтому в самом обществе креационизма всегда заключено нечто большее наличного, иначе наступил бы конец развитию общества. Праксис выходит за сферу возможного, преодолевает принцип реальности и обращается к фантазии и воображении за новыми смыслами. Пока будет существовать разрыв между институтами и социальным воображаемым, пока символизация всегда будет недостаточной, будет открыта возможность для трансформации социального.

Актуальность проекта автономии Касториадиса в контексте индивидуализации и кризиса социального

Касториадис остается ярким представителем философов-борцов, целью которых было неисчерпаемое желание изменить мир. За такую позицию Касториадис и его проект обвинятся сейчас в политическом активизме, но политический активизм Касториадиса является одним из востребованных примеров практического поворота как в философии, так и в социально-критической теории. Ценность проекта автономии Касториадиса для социально-критической теории становится особенно очевидной ввиду проблем, с которыми столкнулось современное общество. Рост индивидуализации и конец социального заставляют современных социальных критиков обратиться к вопросу о новых проектах социального взаимодействия, тем более что конец социального не породил активной свободы индивидуального действия. «Автономия подменилась индивидуализмом, – пишет Мазин. – Лозунг индивидуализма: «Делаю что хочу». Лозунг автономии: «Делаю, что считаю правильным после раздумий». Автономный субъект не лишает себя удовольствия, но и не совершает нечто *лишь* потому, что это доставляет удовольствие. Более того, в сегодняшнем обществе индивидуализм лишен какой-либо индивидуальности: индивид ходит, как все, в офис; ест ту же еду, что и все; смотрит те же телепрограммы, что все. Индивид подчиняется дискурсу Другого» [3]. Исходя из современной ситуации, которую вскрывает современная социально-критическая теория, история нуждается в революционном практическом проекте автономии Касториадиса. Кризис идеи социального единства сменился кризисом существования любой формы социального взаимодействия. Этот кризис можно расценивать как конец альтернативы тому социальному устройству, которое существует. Кризис социального участия в проблемах друг друга, от-

каз общества задавать самому себе вопросы и ставить себя под сомнение требует проекта социального взаимодействия, который мог бы во многом основываться на проекте автономии Касториадиса. Целью современного проекта должно стать не только освобождение общества от чуждых и отживших уз институционализированной гетерономии, но и создание новых проектов социального взаимодействия.

Литература

1. Жижек, С. "Глядя вкось. Введение в психоанализ Лакана через массовую культуру." [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://www.iu.ru/biblio/archive/jijek_glada/default.aspx*
2. Касториадис, К. 2003. *Воображаемое установление общества*. М.: Гнозис, Логос.
3. Мазин, В. Корнелиус Касториадис. "Воображаемое установление общества." Режим доступа: *http://instapedia.com/m/Cornelius_Kingsland_Garrison*
4. Маркузе, Г. 1995. *Эрос и цивилизация*. Киев: ИСА.
5. Фурс, В. 2010. "Белорусский проект «современности»?" *Практизация философии: современные тенденции и стратегии.* Т. 2. Вильнюс: ЕГУ, 11–28.
6. Фурс, В. 2005. "Динамическая концепция социального в философии К. Касториадиса". Докса. Вып. 8. *Грецька традиція в сучасній культурі. Ред. Н.А. Іванова-Георгієвська, В.Л. Левченко*. Одесса, 227–238.
7. Хабермас, Ю. Экскурс. "О книге К. Касториадиса «Вымышленные институ»". [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://society.polbu.ru/habermas_moderndiscus/ch19_i.html*

Alexander Kustov
(University of Mannheim, Mannheim, Germany)

BEYOND TRADITIONAL SOLIDARITIES: A COSMOPOLITAN ALTERNATIVE IN THE AGE OF GLOBALIZATION

Considering notorious globalization, scientists have recently started to raise the question of its influence on people's identity and the nation-state. At the same time similar changes in people's life all over the world and related gradual break with methodological nationalism within social sciences have given renewed impetus to the cosmopolitan discussion that began a long time ago in ancient Greece. The article attempts to provide an overview of the last wave of cosmopolitan normative thinking and its reasons. Major theoretical works on cosmopolitanism as well as contemporary debates on globalization and the phenomenon of nationalism, which are closely connected to the topic, are analyzed.

Over the recent period the capital and goods, information and people have been moving more and more around the world constantly crossing national borders. In addition, various international and supranational organizations have appeared or have strengthened their positions. The market has enveloped the globe, and the Internet has spread everywhere. Time and Space have compressed, and the world has become interconnected as never before. All these changes are often described as "globalization".

Considering globalization, scientists often raise the question of its influence on people's identity and the nation-state. For instance, many people have recently faced the rise of such supranational political institution as the European Union, which is considered to undermine the sovereignty of European nations, reducing its political significance to people. Similar changes in people's life all over the world and related gradual break with methodological

nationalism within social sciences have started a new wave of the cosmopolitan discussion that began a long time ago in ancient Greece.

Victor Roudometof, one of the most prolific researchers in the field of cosmopolitanism, states that, "cosmopolitanism is on the verge of becoming a dominant feature of the world we live in" and "the burgeoning literature on cosmopolitanism clearly shows that it has become a major focus of the social sciences and humanities…" [12].

The article attempts to provide an overview of the last wave of cosmopolitan normative thinking and its reasons. I will analyze major theoretical works on cosmopolitanism as well as contemporary debates on globalization and the phenomenon of nationalism, which are closely connected to the topic.

Nation states in the age of globalization

Throughout history, humanity has invented numerous criteria by which one can categorize people and identify friends and foes. It would be legitimate to say that all these categories and derived groups as well as practices involved in their production are the main subject of study in social sciences. Perhaps, one of the main social categories in the contemporary world belongs to the so-called «ethnic group" or to a particular political community called "nation". Depending on the place of birth (and often the parents' status), each person is ascribed to his/her ethnic and/or national origin.

At the first glance it is really simple. The world consists of relatively isolated «ethnicities» or «ethnic groups» with certain characteristics that distinguish them from each other. These characteristics can be language, religion, common origin (either genetic or historical) and other cultural features. If an «ethnic group» has its own state (or it desires to possess it), then we speak of a «nation». The classical definition of «nationalism» provided by Ernest Gellner is that it is «primarily a political principle that holds that the political and the cultural (in other words 'ethnic' - author) unit should be congruent « [11].

However, in fact, it is not that easy. In the late 70s the phenomenological and constructivist turn in nationalism and ethnicity studies has happened. The Norwegian anthropologist F. Barth has defined ethnicity not by the objective cultural characteristics, supposedly belonging to one group, but by the subjectively constructed boundaries of a group. Subsequently, he also added to the analysis the variable of power [4]. The same has happened to the study of nationalism, which is more and more connected with the study of ethnicity. One of the main goals of the first works on nationalism was to show that it is a fairly modern phenomenon. The construction of national identity is also

often emphasized, «nation» (as well as 'ethnicity') is always an «imagined community» [1].

Regardless of its nature, this prescribed status of a citizen or a member of the national community is a resource that provides access to various public goods. In the course of life, everyone becomes embedded in a network of many institutions which operate only within some state. For several centuries already, we live in a world divided by numerous national borders, which are often perceived as absolutely natural. The phenomenon of cosmopolitanism (from the Greek "κοσμοπολίτης" - citizen of the world) that is examined in this paper, is in contrast with such views assuming nonexistence of *others*. Given the absence of a political institution that has the legitimate power over the entire world, it is surprising that there are people who feel a certain belonging to all mankind or even identify themselves with the citizens of the world.

However, it is important to consider the following: historically, states were established more as a result of a political struggle (various wars, integrations etc.) rather than as a result of the social contract, or a sudden people's awareness of their community. Because of that, there is no common identity and cultural homogeneity within one system of administrative institutions in most places in the world now. Only eleven countries (of nearly two hundred that exist today) managed to maintain their administrative and territorial boundaries for several centuries (Wallerstein 1991). *Paradoxically, there are almost no truly nation-states in the current nation-state system*. As Eric Hobsbawm pointed out, "Nation' and 'nationalism' are no longer adequate terms to describe, let alone analyze, the political entities described as such, or even the sentiments once described by these words"[13]. Robert Brubacker – another prominent scholar of nationalism even suggested abolishing the term 'nation' as an analytical concept [8].. One of the major reasons for this change is the notorious process of globalization.

Globalization can be simply defined as the process of creating a single world space – economic, political, cultural, etc. Understood this way, globalization is inextricably linked with the phenomenon of cosmopolitanism, which always means a certain sense of belonging to the world as a whole. It is logical to assume that with the development of globalization, cosmopolitanism will also strengthen its position. Globalization supported by the development of information technologies enables people, regardless of their place of residence, to learn about events and lives of others around the world, including the possible qualities and ways of life existing in other countries. This gives people a chance to compare objectively the conditions in which they are currently

placed and the conditions that are possible. In theory, this should weaken the nationalism of an inefficient state.

Globalization has an impact on the nation-state from two different sides. On the one hand, it contributes to the emergence of new political formations (forcing some countries to lose part of its sovereignty due to integration or *vice versa* resulting in «balkanization» of existing states). On the other hand, it changes the identity of people, assuming that the response to the call of globalization could be different. Recently developed global culture comprising individualism, free market trade, democracy, freedom of choice, universal human rights and openness to difference disseminated by globalization collides with traditional local, ethnic or national identities. One possible scenario is precisely the rejection of a global culture. Another option is a cosmopolitan response - integration into global culture and the corresponding decline in local (national) identity. In addition, there might be two other options: when a person combines a set of cultures (local and global), or when a person rejects both cultures experiencing a crisis of identity [3].

At the same time, it is very difficult to find a more controversial concept than globalization. While some are trying to resist it by creating various anti-global social movements (which are ironically global), others are trying to protect it and facilitate the process. However, there is a view that globalization has been around so long that it is wrong to discuss its advantages or disadvantages, blame it for all the possible sins, or conversely praise the process [18]. Nevertheless, despite the various methodological problems, the author of this paper believes that the concept of globalization is heuristic and capable of reflecting recent global changes. Similarly, despite all the debatableness of such views, some social theorists see cosmopolitanism as an approaching alternative to the currently prevailing nationalism and other traditional identifications and conditions and sometimes even the world system (normative cosmopolitanism), or a change of the existing 'national' paradigm in social science (methodological cosmopolitanism).

Cosmopolitan alternative

In 1994, the American philosopher M. Nussbaum, in her article «Patriotism and Cosmopolitanism» questioned the propriety of the existing educational policy in the U.S. aimed at fostering a sense of a patriotic pride, and offered a cosmopolitan alternative [15]. This dispute actually caused the contemporary academic debate about cosmopolitanism, which, as it will be shown, has already moved from philosophical thoughts to empirical research.

Of course, the cosmopolitan discussion started long before Martha Nussbaum and philosophers of the late 20th century. The founder of the Cynics, Diogenes of Sinope claimed that he is a citizen of the world («Cosmopolitan») already in the 5th century BC. In modernity, cosmopolitanism was advocated by the German philosopher Immanuel Kant. Among contemporary thinkers, cosmopolitanism was defended by the French philosopher Jacques Derrida who developed Kant's principles of hospitality and promoted the universal moral law. Derrida also stressed the importance of such recent legal concepts as «humanity». Indeed, such concepts as «citizen» are much easier to use since they rely on a certain political force, within which they operates [9]. Now there is no single political force, which covers the entire human community, and even the Universal Declaration of Human Rights (which, in fact, is the most important legal document which embodies the ideas of cosmopolitanism) issued by the United Nations (the most influential international organization) is only advisory and even not recognized in some countries. Moral grounds existing in the present world order have been topical in the study of international relations for many years. For instance, some cosmopolitan thinkers tried to apply the principles of the «theory of justice»[16] to all humankind [7]. However, such a normative position of the same moral responsibility to all people does not take into account existing national communities and was criticized for that [14].The impossibility of the implementation of the cosmopolitan condition was also criticized by many scholars.

One of the most famous cosmopolitan thinkers, the German sociologist Ulrich Beck suggests that reality and the possible prospects of the cosmopolitan condition imagined in philosophical literature should not be confused. He also differentiates the actor and the observer's position of cosmopolitanism. On this basis, Beck distinguishes the «normative cosmopolitanism,» usually typical for philosophers and 'methodological cosmopolitanism' that serves as a tool of analysis for social scientists, gradually replacing «methodological nationalism.» The cosmopolitan critique of methodological nationalism does not imply that the national society no longer exists. "The decisive point is that *national organization as a structuring principle of societal and political action can no longer serve as a premise for the social-scientific observer perspective*." According to Beck, the only cosmopolitan methodological perspective can adequately describe and explain processes such as (post)modernization, westernization, and other trends in the contemporary world [6].

Beck defines cosmopolitanism as a manifestation of globalization from within, when the global problem and the idea of the interdependence of the world are becoming a part of everyday experience of people on the local level.

Thus, cosmopolitanism does not necessarily presuppose the dichotomy of the global and the local. In this context, cosmopolitanism does not exclude, contrary to popular belief, nationalism (and vice versa) in both a standard form and methodologically [5]. The absence of the immanent contradiction of cosmopolitanism, nationalism and other forms of parochialism has been mentioned by many other researchers. This is reflected in such concepts as 'cosmopolitan nation ','vernacular cosmopolitanism', 'rooted cosmopolitanism', and 'cosmopolitan patriotism' [2].

Conclusion

The recent discussion on cosmopolitanism was certainly raised by the feeling of the increased interconnectedness of the world and related to the ongoing debate on globalization. It started with Martha Nussbaum in 1994, and since then a vast amount of books and academic articles on cosmopolitanism have been published. For instance, now it has finally reached the phase of empirical research. Despite all the differences most authors would probably agree that cultivating cosmopolitanism is essential for the prosperity of the contemporary world. However, after reviewing the literature on the topic it is legitimate to conclude that there is still no unified normative view or methodological approach to the study of cosmopolitanism.

Nevertheless, summarizing the normative literature on cosmopolitanism, most researchers would probably agree that, considering the recent global processing affecting human's identity, cosmopolitanism, described as *a sense of belonging to humanity as a whole, which assumes a positive attitude and desire of justice to other people, regardless of their origin and other characteristics,* is a better forthcoming alternative to the present prevalence of nationalism and ethnocentrism.

Literature

1. Anderson, B. 1991. *Imagined Communities.* London and New York: Verso.
2. Appiah, K. 1997. Cosmopolitan Patriots. *Critical Inquiry,* Vol. 23, No. 3, pp. 617–639.
3. Arnett, J. 2002. The psychology of globalization. *American Psychologist*, *57*, 774–783.
4. Barth, F. 1969. *Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference.* Oslo: Universitetsforlaget.
5. Beck, U. 2002. The Cosmopolitan Society and Its Enemies, *Theory, Culture & Society,* 19(1–2): 17–44.
6. Beck, U., Sznaider N. 2006. Unpacking cosmopolitanism for the social sciences: a research agenda, *British journal of sociology*, 57 (1). pp. 1–23.

7. Beitz, C. 1999. *Political Theory and International Relations* with a new afterword. Princeton: Princeton University Press.
8. Brubaker, R. 1996. Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the new Europe. Cambridge Uiniversity Press.
9. Derrida, J. 2001. On Cosmopolitanism and Forgiveness (Thinking in Action). N.Y.; L.: Routledge.
10. Dobson, A. 2006. Thick cosmopolitanism. *Political Studies*, vol 54, pp. 165–184.
11. Gellner, E. 1983. *Nations and Nationalism.* Oxford: Blackwell Publishers.
12. Haller, W., Roudometof V. 2010. The cosmopolitan--local continuum in cross-national perspective, *Journal of Sociology*, 46: 277.
13. Hobsbawm, E. 1991. Nations and Nationalism Since 1780. Cambridge University Press.
14. Miller, D. (2002), Cosmopolitanism: a critique. *Critical Review of International Social and Political Philosophy,* Volume 5, Issue 3, pp. 80–85.
15. Nussbaum, M. 1994. "Patriotism and Cosmopolitanism." Boston Review 19(5).
16. Rawls, J. 1971. *A Theory of Justice.* Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press .
17. Wallerstein, I. *(1991)*, "The *Construction of Peoplehood*: Racism, Nationalism, Ethnicity" in Race, Nation, Class: Ambiguous Identities, New York: Verso.
18. Wallerstein, I. 2000. Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. V. 15.№ 3.

Кірыл Стаселька
(БДУ, Мінск)

ФАРМАЛЬНАЯ ЛЕГІТЫМАЦЫЯ ЯК НОВЫ ІНСТРУМЕНТ ПАЛІТЫЧНАГА КАНТРОЛЮ

The author suggests that today's act of legitimation has become a tool of political control as obtaining a significant symbolic capital is largely associated with the act of legitimation. This act has, in fact, become a formal procedure. The transformation of an act of legitimation into a formal procedure has led to symbolic capital becoming a blank sign. That is, symbolic capital is not supported by real capital.

Сёння можна назіраць, што зварот да таго ці іншага сацыяльнага агента, як правіла, суправаджаецца адначасовым зваротам да яго сімвалічнага капітала, а калі дакладней, да наяўнасці фармальнай легітымацыі капітала гэтага агента. Такая сітуацыя прасочваецца ў штодзённым жыцці, у СМІ ды іншых сферах.

Можна прывесці наступныя прыклады. Прадстаўляючы госця той ці іншай тэлевізійнай праграмы, вядучы пачынае з пераліку афіцыйных пасад, якія займае гэты госць, пералічэння яго ўзнагарод ды прэмій і іншага. Пры паступленні ў тую ці іншую ўстанову альбо на якую-небудзь пасаду патрабуецца прадставіць шэраг дакументаў, і чым іх болей, тым лепш. Па сутнасці, у сучасным грамадстве менавіта гэта з'яўляецца паказчыкам сімвалічнага капітала.

Такая сітуацыя сведчыць аб тым, што сацыяльны агент не можа мець высокі сімвалічны капітал без факта легітымацыі пасродкам фармальнай працэдуры (афіцыйныя пасады, узнагароды, прэміі, гранты і г.д.). Працэдура ж фармальнай легітымацыі ажыццяўляецца дзяржаўнымі інстытуцыямі, самой дзяржавай як прадстаўніком усіх грамадзян, а па сутнасці, дзяржаўнай уладай.

Факт легітымацыі недзяржаўнай інстытуцыяй не можа даць сацыяльнаму агенту высокага сімвалічнага капіталу, бо прызнанне атрымліваецца толькі ад нейкай часткі грамадства. У той час як легітымацыя дзяржавай з'яўляецца прызнаннем з боку ўсяго грамадства. То бок, паўторым яшчэ раз: магчымасць атрымання высокага сімвалічнага капіталу, які можа канвертавацца ў іншыя віды капіталу, звязана з легітымацыяй сацыяльнага актара з боку дзяржавы, і гэта легітымацыя прадстаўляе сабой фармальную працэдуру.

Але сімвалічны капітал сёння не прадугледжвае наяўнасці рэальнага капіталу, інтэлектуальнага, сацыяльнага і іншага. Палітычнае поле, у мэтах кантролю, ператварае сімвалічны капітал у пусты знак. Сімвалічная ўлада мусіць быць заснавана на валоданні сімвалічным капіталам. Па сутнасці, у барацьбе за сімвалічную ўладу адбываецца барацьба за сімвалічны капітал, які кантралюецца дзяржавай.

Сімвалічны капітал стаў пустым знакам у выніку адасаблення яго ад рэальнага капіталу, а дакладней кажучы, у выніку знікнення неабходнасці абгрунтавання сімвалічнага капіталу наяўнасцю іншага, напрыклад, інтэлектуальнага капіталу. (Вось чаму факт легітымацыі стаў па сваёй сутнасці фармальным.) Знікненне такой неабходнасці было абумоўлена палітычнымі мэтамі.

Калі сімвалічны і рэальны капіталы былі непасрэдна звязаны, магчымасць дасягнення сімвалічнай улады залежыла ад самога сацыяльнага агента, ад яго інтэлектуальнага, сацыяльнага капіталу, ад яго здольнасцей, папярэдніх дасягненняў, ад стаўкі, пастаўленай у барацьбе, і іншага. У выпадку ж, калі сімвалічны капітал становіцца пустым знакам і не залежыць ад рэальных дасягненняў сацыяльнага агента, калі сімвалічны капітал залежыць ад легітымацыі з боку дзяржавы, дзяржаўнай улады, гэты самы сімвалічны капітал ператвараецца ў частку механізма кантролю з боку дзяржаўнай улады.

Асноўным становіцца тое, якую пазіцыю адносна адзін аднаго займаюць сацыяльны агент і палітычная ўлада. Усё вышэй сказанае можна праілюстраваць невялікім прыкладам. Калі раней сімвалічны капітал пісьменніка залежыў ад яго таленту, то сёння ён залежыць ад пазіцыі, у якой знаходзіцца пісьменнік адносна дзяржаўнай улады.

Дзяржава можа альбо легітымізаваць таго ці іншага пісьменніка, у выніку чаго і яго сімвалічны капітал павышаецца (яго запрашаюць у тэлешоу, друкуюць вялікімі накладамі, узнагароджваюць прэміямі і гэтак далей); альбо не легітымізаваць пісьменніка пад выглядам няўдалага стылю,

банальнасці сюжэтаў і таму падобнае. Такі механізм распаўсюджваецца на абсалютна розныя сферы.

Так, напрыклад, варта выкладчыку ВНУ заняць іншую пазіцыю адносна дзяржаўнай улады, як ён, учора легітымізаваны, валодаючы сімвалічнай уладай, сёння, незалежна ад яго навуковых дасягненняў, пазбаўляецца легітымнасці і сімвалічнай улады і губляе магчымасць выкладаць.

То бок сёння барацьба за сімвалічны капітал, не звязаная з якімінебудзь дасягненнямі, з'яўляецца не чым іншым, як барацьбой за прызнанне з боку дзяржаўнай улады. Вось чаму сацыяльны агент, які валодае сімвалічнай уладай, не абавязкова мае інтэлектуальны ды іншы капітал. Яго сімвалічная ўлада з'яўляецца як мінімум паказчыкам яго бяспечнасці для дзяржаўнай улады, а як максімум сваёй карыснасці для яе.

Як мы бачым, зыходзячы з усяго вышэй сказанага, дзяржаўная ўлада ператварыла сімвалічны капітал у пусты знак, што зрабіла для яе магчымым выкарыстоўваць факт легітымацыіі, па сутнасці фармальны, як інструмент палітычнага кантроля сацыяльных агентаў.

Аляксандр Герасіменка
(ЕГУ, Вільнюс)

РОЛЯ САЦЫЯЛЬНЫХ МЕДЫЯ Ў ПЕРАХОДЗЕ ЎЛАДЫ ВА АЎТАРЫТАРНЫХ РЭЖЫМАХ

The article focuses on the recent revolutionary changes in the Arab world, trying to answer the question about the role of social media in power transition in Tunisia and Egypt. Using search-engineering instruments the author gives proof of the great impact of social media on the 'Arab spring' and tries to explain its influence on the public sphere in these countries.

Пераходы ўлады ў недэмакратычных рэжымах можна разглядаць у розных тэарэтычных абсягах, засяроджваючыся як на тыпах гэткіх трансфармацый ці на канчатковых яе эфектах, гэтак і на матывах і чынніках, што выклікалі такія змены. Вялікую цікавасць з улікам нядаўніх трансфармацый, якія яшчэ працягваюцца ў арабскім свеце, выклікаюць пытанні, звязаныя з ролю кіберпрасторы ў акумуляцыі пратэстных настрояў, мабілізацыі ўдзельнікаў хваляванняў і каардынацыі гэтых выступленняў. Выкажу здагадку, што Інтэрнэт і сацыяльныя медыя паўплывалі на падзеі ў арабскім свеце, асабліва на этапе першапачатковага распаўсюду інфармацыі аб меркаваных пратэстах, дзякуючы чаму сталі важным фактарам трансфармацыі публічнай сферы гэтых краін на час хваляванняў.

У спробе даказаць альбо абвергнуць гэту гіпотэзу я звярнуся да новых падыходаў да апісання "ажыўшай" публічнай сферы і верагоднай трансфармацыі дэмакратыі ў свеце, дзе ўсё большае месца займае кіберпрастора, а таксама прапаную падыход да колькаснага аналізу суадносінаў росту цікаўнасці да сацыяльных медыя ў некаторых краінах цягам развіцця рэвалюцыйных падзей дзеля вызначэння ступені ўплыву сацыяльных медыя на азначаныя фактары ў час пратэстаў у арабскім свеце ў 2011 годзе.

1. Сацыяльныя медыя і калектыўныя дзеянні

Сацыяльныя медыя (як частка новых медыя) – інтэрнэт-прыстасаванні, такія, як Facebook, Twitter і YouTube, што палягчаюць стварэнне і абмен створаным карыстальнікамі кантэнтам. Яны былі названыя сярод ключавых фактараў, якія паўплывалі на развіццё падзей у час усплёску рэвалюцый у арабскім свеце, папярэдніх выступаў у Іране і Малдове, а таксама іншых пратэстаў, у тым ліку і ў дэмакратычных краінах, напрыклад, у час студэнцкіх выступленняў у Вялікабрытаніі ў канцы 2010 году.

Тэорыя сацыяльных рухаў разглядае **калектыўныя дзеянні** як спантанныя паводзіны, здзейсненыя ад імя нейкай сацыяльнай групы. У гэтым артыкуле разглядаюцца менавіта тыя калектыўныя дзеянні, што прывялі да змены ўлады ў Тунісе, Егіпце, а таксама моцным хваляванням у некаторых краінах Паўночнай Афрыкі і Блізкага Усходу ў снежні 2010 – красавіку 2011 гадоў.

Праблема разумення Інтэрнэту і сацыяльных медыя як фактараў мабілізацыі дзеля калектыўных дзеянняў прайшла некалькі этапаў, сярод якіх варта вылучыць чаканні ад Інтэрнэту як глабальнага актору, што здолее здзейсніць "палітычнае абнаўленне", у час якіх з'яўляецца пэўная надзея на *электронную дэмакратыю* як на магчымы шлях трансфармацыі прадстаўнічых дэмакратый. Наноў пра патэнцыял Інтэрнэту разам з толькі набраўшымі папулярнасць у заходніх краінах (але не ў закрытых аўтарытарных рэжымах) сацыяльнымі сеткамі прымусіў прыгадаць поспех прэзідэнта *Барака Абамы* ў выкарыстанні сацыяльных медыя ў час сваёй выбарчай кампаніі ў 2008 годзе, а таксама падзеі ў *Іране* і *Малдове*. Тады маладыя людзі быццам былі мабілізаваныя на маштабныя калектыўныя дзеянні ў тым ліку праз сацыяльныя сеткі, адчуўшы, што такіх, як яны, тысячы і мільёны. Іранскім падзеям прыдумалі гнуткае азначэнне ў гонар галоўнага інтэрнэт-трэнду 2009 году – «твітэр-рэвалюцыя». Як паказалі далейшыя даследаванні, гэта было як мінімум перабольшванне [2].

Але хваля новамедыйных рэвалюцый, як і вера ў блогінг як у знішчальніка газет і журналістыкі (і замену яе на грамадзянскую журналістыку), хутка зноўку спала, пакуль не распачаліся пратэсты ў арабскім свеце, дзе адзін за адным у пекла рэвалюцый сталі паглыбляцца спачатку даволі прыстойныя рэжымы з адносна вялікім пранікненнем Інтэрнэту і высокім узроўнем пісьменнасці насельніцтва, а пасля і ў зусім выключаныя з глабальнай сеціўнай прасторы і новамедыйнага дыскурсу зачы-

неныя кавалкі арабскага свету. Спрэчкі аб ролі новых медыя ўзнавіліся наноў.

Цікавы выпадак краін арабскага свету яшчэ і тым, што кожная з іх мела ўласныя асаблівасці пабудовы аўтарытарнай сістэмы, і тыпы гэтых аўтарытарызмаў вар'іраваліся ад змяшаных мілітарыска-персаналіскіх аднапартыйных рэжымаў у Егіпце да яркай персаналісцкай дыктатуры з дадаткам у выглядзе шматгадовых супярэчнасцяў плямёнаў у Лівіі [4, 311–334]. Калі Туніс, адносна моцна вэстарнізаваная краіна, меў даволі вялікі ўзровень пранікнення Сеціва (паказчыкі параўнальныя з узроўнем самых адсталых у гэтым сэнсе краін Еўропы, то бок Беларусі і Расіі), то Егіпет называлі краінай з 30-адсоткавым узроўнем непісьменнасці. Здаецца, якая Фэйсбук-рэвалюцыя, калі людзі яшчэ не спазналі нават традыцыйныя сродкі камунікацыі?

2. Дэмакратыя і публічная сфера

Ці можна назваць сітуацыю, з якой мы сутыкнуліся ў час апошніх падзей у арабскім свеце, праявай удалай мабілізацыі праз сацыяльныя сеткі? У кантэксце сучасных інфармацыйных тэхналогій варта паразважаць аб зменах у метадах удзелу ў палітычнай барацьбе, яе інтэнсіўнасці, зменах у колькасці ўдзельнікаў падзей (віртуальна выказваць палітычную пазіцыю праз сацыяльныя сеткі могуць нашмат болей людзей, чым у той публічнай сферы, што была апісаная Юргенам Хабермасам).

Гэтак, на думку Дж. Сартары, "удзел – не значыць проста "быццё часткаю" (г.з. быццё проста ўцягнутае ў нейкую падзею), не прымус да ўдзелу ("прымус быць часткаю"). Удзел – гэта самаматывацыя і, такім чынам, супрацьпастаўленне знешняй матывацыі, т.б. супрацьлегласць мабілізацыі" [3, 254].

Пэўны інстытуцыялізуючы падыход у пытанні тэорыі ўдзелу ў калектыўных дзеяннях прапануе тэорыя **дэлібератыўнай дэмакратыі**. Яна, у тым ліку, высоўвае ідэю аб далучэнні шараговых грамадзян да публічнага дыялогу па розных пытаннях у межах дэмакратычнай публічнай прасторы: "Самі грамадзяне прымаюць уласныя законы ў працэсе публічнай дыскусіі і дэбатаў".

У выпадку падзеяў у Паўночнай Афрыцы можна таксама казаць аб самаматывацыйным характары далучэння да абмеркавання падзей у Інтэрнэце з боку шараговых удзельнікаў, якія, магчыма, яшчэ за некалькі тыдняў да гэтага не маглі сябе і ўявіць у ролі мітынгоўцаў на плошчы Тахрыр. Але поўнай аўтаноміі ўсё ж у іх не выйшла: большасці толькі

прапаноўвалася ўзяць удзел у акцыях пратэсту праз абвесткі і інфармаванне пра іх ход праз новамедыйныя інструменты: звычайна шарагоўцы не маглі прапанаваць той ці іншы варыянт ходу гэтых пратэстаў.

3. Новая дынамічная публічная прастора

Аднак чым болей з'яўляецца доказаў аб датычнасці сацыяльных медыя і Інтэрнэту агулам да пратэстаў, тым вастрэй паўстае яшчэ адна дылема. Яна палягае ў валентнасці ролі сацыяльных медыя: маюць яны станоўчы ўплыў на грамадства, спрыяюць яго дэмакратызацыі, альбо яны могуць стаць толькі чарговым інструментам у руках аўтарытарных лідэраў?

Медыя-аптымісты, да шэрагаў якіх можна аднесці Ёхаі Бэнтлера, Этана Цукермана і, галоўнае, Клэя Шыркі, прафесара новых медыя ў Гарвардзе і аўтара працы Here Comes Everybody (2008) пра ўплыў медыя на сучасную сацыяльную прастору, лічаць, што такія сродкі, як YouTube і Facebook маюць важную станоўчую ролю. Для Шыркі новая сітуацыя ў медыясфэры паўстае ў выглядзе адноўленай дынамічнай **публічнай сферы**, што існавала да распаўсюду медыяў і была, паводле Юргена Хабермаса, з часам цалкам замененая медыяпрасторай.

Пад публічнай сферай Хабермас разумеў некаторую вобласць дзеяння людзей у адрозненні ад прыватнай сферы, прынцып арганізацыі грамадскага жыцця, у першую чаргу яго палітычнай складаючай. Важна, што ў публічнай сферы фармуецца грамадская думка і грамадскі кантроль за дзейнасцю дзяржавы. У гэтым сэнсе публічная сфера, як сфера, якая знаходзіцца недзе "паміж" дзяржавай і грамадствам, вельмі паспяхова падыходзіць для апісання новых медыя як часткі гэтай сферы, а магчыма, моцных праяваў дзейнасці новага-старога вымярэння публічнай сферы. Як адзначаў Хабермас, у сучасным грамадстве публічная сфера ўсё болей "*размываецца*": пакуль яе сфера пашыраецца, палітычная дзейнасць гэтай сферы становіцца праблематычнай. Адбываецца гэта пад уздзеяннем медыясферы (мы можам сказаць, "старой"), якая адчувае пастаянны ціск з боку палітычных фігур, якія выкарыстоўваюць інструменты палітычнага PR дзеля ўдасканалення свайго публічнага вобразу.

У сувязі з яшчэ адной тэзай Хабермаса, выказанай адносна перыяду фармавання "дзяржавы ўсеагульнага дабрабыту" на Захадзе, можна казаць аб цяперашнім разуменні Інтэрнэту як надзвычай карыснага інструменту для адбудовы яшчэ болей дэмакратычнага грамадства, дзе б

ініцыятыва і агульная падтрымка сыходзілі ад як мага большай колькасці людзей. Узніклая *кіберпрастора* ў канцэпцыі публічнай сферы вызначаецца як «новая грамадская сфера, якая ўяўляе сабой прастору вольных абмеркаванняў па актуальных грамадскіх праблемах, сферу, у якой кожны грамадзянін можа не толькі выказацца, але і быць пачутым" [1].

Хабермас адзначаў існаванне дэмакратычнага кансенсусу аб адбудове сацыяльнага грамадства ў пасляваеннай Еўропе, дзеля чаго прапаноўваў распаўсюджваць панятак "самазаканадаўства" на шырэйшыя сферы грамадства – у палітычную плоскасць перш за ўсё [5]. Аналогія з самаматывацыйным характарам далучэння да абмеркавання падзей у Інтэрнэце і дэлібератыўнай дэмакратыяй відавочная.

Адбываецца быццам адваротная медыятызацыя публічнай прасторы. *Дынамічнасць* гэтай сферы характарызуе сляцэнне разнастайных публік у супрацьлегласць статычнаму ўзаемадзеянню дыскурсаў. Спадзеў на медыя ў межах канцэпцыі Хабермаса ўскладаецца таксама і ў сувязі з ролю друкаванай прэсы ў фармаванні прасторы для дыскусіі і пошуку кансэнсусу сярод уцягнутых у палітычную сферы індывідаў, што адбывалася яшчэ да "поўнай дэмакратызацыі [заходніх] дзяржаваў". Ідэя была выказаная Хабермасам яшчэ ў 1962 годзе.

І вось Шыркі бачыць у асяродку новых медыя патэнцыял распаўсюду дэмакратызацыі праз энергію новай эмансіпаванай публікі на розныя сферы, ад эканомікі да палітыкі. Новыя мэдыі, быццам, проста зніжаюць кошты гэткай дэмакратызацыі. У Шыркі можна пабачыць нямала цікавых сведчанняў ролі новых медыя ў распачынанні масавых выступленняў: Шры-Ланка, Філіпіны, Беларусь (яго праца выйшла яшчэ да падзей у Іране і Тунісе). Аднак гэтыя выступленні не мелі, збольшага, станоўчых вынікаў. На думку Шыркі, варта адрозніваць тэхнічны дэтэрмінізм і нагоды для супольных дзеянняў.

"Нягледзячы на змяшаныя сведчанні, – адзначае ён, – сацыяльныя медыя сталі сродкам каардынавання амаль для ўсіх сусветных палітычных рухаў" [6].

4. Два падыходы – тры перспектывы

Іншы падыход адлюстроўваюць ідэі Малькальма Глодвэла, які адстойваў нязначнасць уплыву сацыяльных медыя, бо тыя не здольныя стаць важным фактарам у сацыяльных пратэстах, паколькі яны не спрыяюць адбудаванню хоць крыху значных сацыяльных сувязяў. Значыць, не паўтарыцца спантанным пратэстам, арганізаваным праз сацыяльныя

сеткі, напрыклад, поспеху барацьбы за грамадзянскія правы, калі ў 60-х гадах у ЗША людзі выходзілі на вуліцы праз злучыўшую іх повязь аднолькавага колеру скуры [7].

Апошняя пазіцыя характэрная хутчэй для тых, каго можна назваць індыферэнтнымі да ідэі моцнага ўплыву сацыяльных медыя. Напрыклад, Глодвэл даводзіць, што цяперашняе зараджэнне феномену новамедыйных рэвалюцый шмат у чым звязанае з пэўнай пазіцыяй заходніх журналістаў, незнаёмых з мясцовай тэматыкай, а тым болей з мясцовымі мовамі, на якіх, у першую чаргу, і мусілі б адбывацца названыя рэвалюцыі. У Твітэры яны проста прамотваюць усе неангельскамоўныя паведамленні, такім чынам фільтруючы актывізм паводле ўласных перакананняў і схільнасцяў. Гэткі *новамедыйны арыенталізм* XXI стагоддзя.

Найбольш паслядоўны крытык новамедыйных “аптымістаў” – Яўген Марозаў – валодае глыбокімі ведамі ў асаблівасцях сацыяльнага жыцця ў адной з аўтарытарных краін, дзе могуць адбыцца пераходы ўлады пад ціскам тых ці іншых абставінаў, і здольны яскрава апісаць правалы і няўдачы мясцовых актывістаў у супрацьстаянні аўтарытарнаму рэжыму, бо паходзіць ён з Беларусі. Але яго пазіцыя радыкальнейшая за ідэі “індыферэнтных”: няма ні станоўчага выніку існавання новых медыя для дэмакратызацыі сістэм, ні ўпэўненасці ў іх бяспекі для дэмакратый. На яго думку, гэтыя інструменты могуць быць выкарыстаныя рэпрэсіўнымі рэжымамі ў сваіх уласных мэтах, каб замацаваць свае перавагі.

З нагоды падзей у Егіпце ён прыводзіў у прыклад вялікую колькасць наноў створаных суполак у сацыяльных сетках у падтрымку сына прэзідэнта Мубарака Гамаля, які, як меркавалася, мог замяніць бацьку на ягонай пасадзе. Але гэтага не атрымалася, і нават старонкі ў Фэйсбуку не дапамаглі.

Усе прыведзеныя працы былі напісаныя да падзей у Егіпце і Тунісе. Як высветлілася, Глодвэл памыляўся, кажучы, што сацыяльныя медыя не здольныя стварыць такіх жа моцных повязяў, як тое зрабіла агульная прага да адстойвання правоў у 60-я. Марозаў таксама памыліўся, прынамсі, у характарыстыцы здольнасці аўтарытарных рэжымаў выкарыстоўваць сацыяльныя сеткі на сваю карысць: у лепшым выпадку ўладам было не да сацыяльных сетак, у горшым яны проста блакаваліся, што рабіла сітуацыю для ўладаў яшчэ горшай. Дайшло да таго, што людзям быў ужо час даведвацца пра інфармацыю на вуліцах. І некаторыя выходзілі на плошчы менавіта дзеля гэтых мэтаў.

Што тычыцца пазіцыі “аптымістаў”, то цалкам праверыць яе правільнасць мы зможам толькі праз пэўны час. Падзеі на Блізкім Усходзе і

ў Паўночнай Афрыцы шмат у чым нагадвалі каляровыя рэвалюцыі ва Украіне і Кіргізіі (хаця апошнія былі прымеркаваныя да электаральных дзеяў). А як вядома, ва ўсіх гэтых краінах рана ці позна адбываўся адкат ад дэмакратыі. Але пазіцыя "аптымістаў" усё ж часткова была падмацаваная апошнімі падзеямі: новыя медыя нешта могуць, хаця б у справе мабілізацыі.

"Дысцыплінаваныя і скаардынаваныя групы, бізнес альбо урад, заўсёды мелі перавагу над недысцыплінаванымі: яны лягчэй бралі ўдзел у калектыўных дзеяннях, бо яны здольныя лёгка накіроўваць дзеянні сваіх членаў. Сацыяльныя медыя могуць кампенсаваць недахопы недысцыплінаваных груп за кошт скарачэння выдаткаў на каардынацыю. [...] Як вынік, буйнейшыя, больш свабодныя групы цяпер могуць узяць на сябе некаторыя віды скаардынаваных дзеянняў, такіх, як рухі пратэсту і грамадскія кампаніі ў СМІ, якія раней былі зарэзерваваныя для фармальнай арганізацыі" [6].

5. Аналіз уплыву рэвалюцый на цікаўнасць грамадства да сацыяльных сетак і традыцыйных медыя

Але дагэтуль застаецца адкрытым пытанне аб ролі канкрэтных новых медыя – Фэйсбука і Твітэра як найбольш папулярных на той момант – у нядаўніх рэвалюцыях на Поўначы Афрыкі і Блізкім Усходзе. Больш дакладны адказ на гэта пытанне можа даць вывучэнне росту цікаўнасці да сацыяльных медыя ў час росту пратэстаў на Блізкім Усходзе.

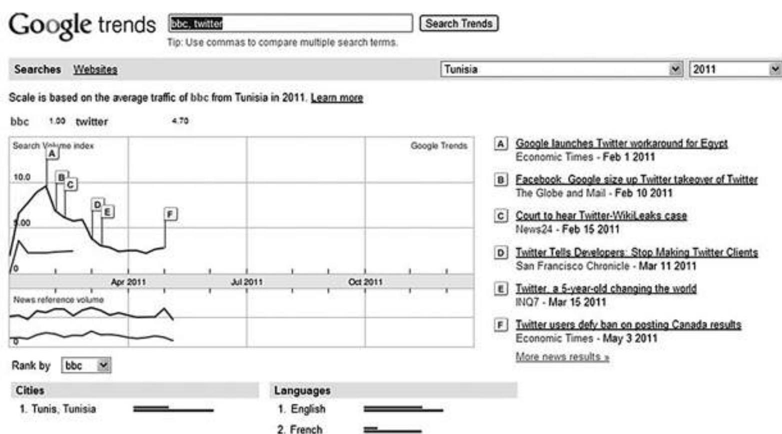
Я разгледжу тры краіны, дзе рэвалюцыі дамагліся найбольшых поспехаў: **Туніс**, **Егіпет** і **Сірыю** (падзеі ў кожнай мелі свае асаблівасці, а вынік паўстанняў у апошняй на момант напісання артыкула ўвогуле невядомы – але разгледзім і гэту краіну таксама). У такой справе карысным можа апынуцца інструмент, прапанавы кампаніяй Google – Google trends.

Google trends дэманструе змены ва ўзроўні пошукавай цікаўнасці да пэўнага сайту адносна іншых сайтаў, а таксама дае магчымасць азнаёміцца з "узроўнем узгадак у навінах"[1]. Google trends вылічае, колькі разоў у пэўны прамежак часу карыстальнікі з той ці іншай краіны ўводзілі ў пошукавым радку Google цікавы нам запыт. Для вывучэння прыведзенага пытання я вырашыў азнаёміцца са зменамі ў колькасці запытаў са

[1] Болей пра навуковыя "поспехі" Google trends можна даведацца ў афіцыйным блогу кампаніі http://googleblog.blogspot.com/2011/05/mining-patterns-in-search-data-with.html

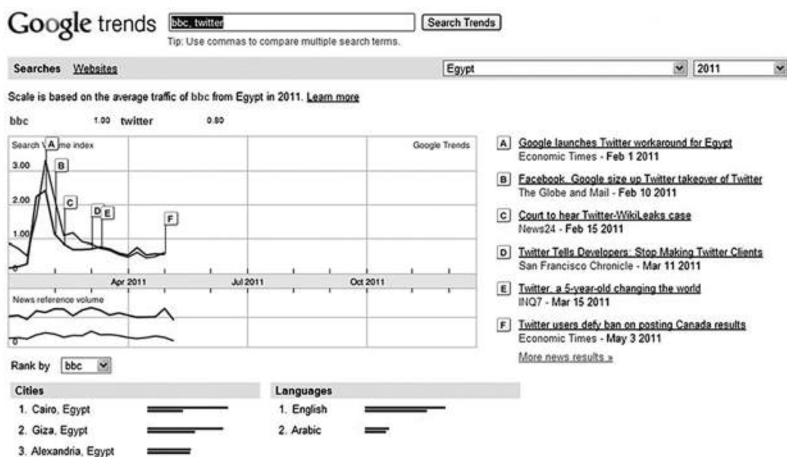
словамі 'Twitter' (у выпадку Сірыі 'Facebook') і 'BBC'. Першыя – найбольш папулярныя сацыяльныя медыя ў Егіпце і Тунісе (менш – у Сірыі, таму для яе быў узяты Facebook) на час пачатку рэвалюцыйных падзей у гэтых краінах. А BBC – найбольш папулярная крыніца традыцыйнай навіннай інфармацыі на гэты ж самы час.

Такім чынам, паводле Google trends (малюнак 1), тунісцы шукалі слова 'Twitter' у 6 разоў часцей за слова 'BBC' – адну з найбольш папулярных "старых" крыніцаў інфармацыі ў краіне. Як бачна, на полі медыя "новыя" перамаглі "старых". Але толькі на час рэвалюцыі: пасля яе завяршэнне "рэйтынг" BBC стаў выроўнівацца адносна Twitter, што характэрна.



Малюнак 1. Суадносіны пошукавых запытаў Google карыстальнікамі з Тунісу ў час пратэстаў зімы 2011 года паміж сацыяльнай сеткай *Twitter* і навінным сайтам *BBC*.

Важна адзначыць, што ў Тунісе першае месца па наведвальнасці займае Facebook. Зрэшты, як і ў Сірыі з Егіптам. У апошняй краіне часопіс "The Economist" налічыў болей за палову насельніцтва, маладзейшую за 25 гадоў, пры гэтым адсотак інтэрнэт-карыстальнікаў там ніжэйшы, чым у Тунісе (як і ўзровень пісьменнасці). Але сацыяльныя сеткі вельмі папулярныя, і звароты да іх звычайна супадалі з "пульсам рэвалюцыі" – з'яўленнем найбольш істотных навінаў пра калектыўныя дзеянні ў той ці іншай краіне (малюнак 2).

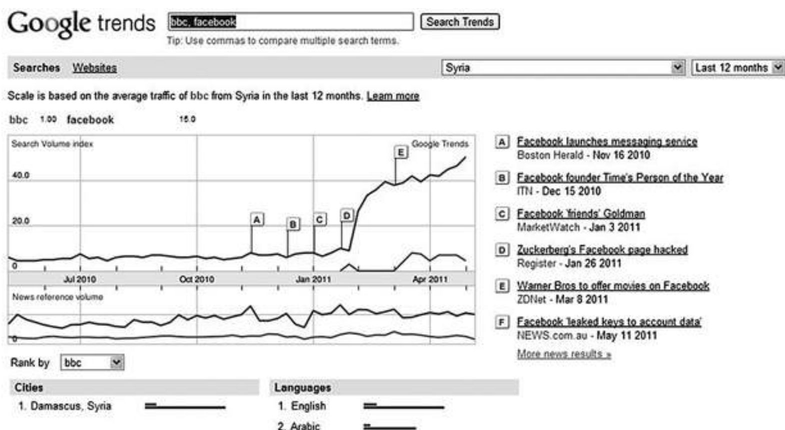


Малюнак 2. Суадносіны пошукавых запытаў Google карыстальнікамі з Егіпту ў час пратэстаў зімы 2011 года паміж сацыяльнай сеткай *Twitter* і навінным сайтам *BBC*.

Твітэр у Егіпце амаль такі ж папулярны, як BBC, але ўсё роўна Facebook па-за канкурэнцыяй. Сірыя ў гэтым сэнсе болей нагадвае Егіпет, чым Туніс. Зрэшты, падзеі там бліжэйшыя да егіпецкіх, толькі болей крывавыя, а Інтэрнэт, здаецца, трапляе пад яшчэ большыя абмежаванні.

Такім чынам, варта адзначыць значную карэляцыю паміж цікаўнасцю да сацыяльных медыя і развіццём рэвалюцыйных падзей, з аднаго боку, а з іншага падкрэсліць вялікую перавагу ў цікаўнасці да новых медыя менавіта ў час абвастрэння пратэстаў, у параўнанні з падзеямі ўжо пасля і да рэвалюцый. (У "мірны" час новыя медыя аказаліся нядольнымі падтрымаць да сябе такі ж самы інтарэс, які назіраўся ў час найбольш вострых пратэстаў).

З гэтага можна заключыць, што сацыяльныя медыя – гэта прыстасаванне для рэвалюцыі, але не рэвалюцыя сама па сабе. Гэта танны сродак для распаўсюду паведамлення сярод вялікіх групаў людзей, што сімпатызуюць вашым мэтам. Сацыяльныя сеткі сталі ўдалым каналам для распаўсюду ўнікальнай інфармацыі, выпрацаванай сатэлітнымі каналамі Аль-Джазіра і Аль-Арабія. Такім чынам, нядаўнія падзеі ў арабскім свеце варта назваць хутчэй "*Рэвалюцыяй Аль-Джазіры*", чым "Фэйсбук-рэвалюцыяй".



Малюнак 3. Суадносіны пошукавых запытаў Google карыстальнікамі з Сірыі ў час пратэстаў вясны 2011 года паміж сацыяльнай сеткай *Facebook* і навінным сайтам *BBC.*

Высновы

Варта пагадзіцца з тым, што Інтэрнэт агулам і сацыяльныя медыя ў прыватнасці здольныя ўплываць на калектыўныя дзеянні ў час пратэстаў супраць аўтарытарных рэжымаў, што праяўляецца на этапе першапачатковага распаўсюду інфармацыі аб меркаваных пратэстах і мабілізацыі пратэстуючых. Гэтаму спрыяюць пэўныя ўласцівасці такіх медыя, што робяць карыстальнікаў кіберпрасторы падобнымі да масаў у іх класічным уяўленні. Адначасова кіберпрастора спрыяе дынамізацыі публічнай сферы, што ў будучым можа спрычыніцца да дэмакратызацыі грамадстваў, дзе доўгія гады гэта сфера была манапалізаваныя аўтарытарнымі традыцыямі.

Аднак як і выкарыстанне Інтэрнэту не вядзе аўтаматычна да дэмакратыі, гэтак і выкарыстанне сацыяльных медыя не прыводзіць наўпрост да краху аўтарытарных рэжымаў. Болей за тое, Інтэрнэт можа служыць умацаванню такіх рэжымаў. Аднак іх патэнцыял мае вялікае значэнне для пераходу ўлады. Такім чынам, важным становіцца не характарыстыка той ці іншай тэхналогіі, а палітычны лад, ва ўмовах якога яна выкарыстоўваецца.

Літаратура

1. Grossman, L.K. 1995. *The Electronic Republic. Reshaping Democracy in the Information Age.* N.Y.
2. Morozov, E. 2011. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom, PublicAffairs*.
3. Sartori, G. 1987. *The Theory of Democracy revisited – Sartori*. Cartman, NJ.
4. Ulfelder, J. "Contentious Collective Action and the Breakdown of Authoritarian Regimes". – International Political Science Review (2005), Vol 26, N. 3.
5. Хабермас, Ю. 2003. Постнациональная констелляция и будущее демократии. Логос, № 4–5.
6. Shirky, C. "The Political Power of Social Media, Foreign Affairs" [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу*: http://www.foreignaffairs.com/articles/67038/clay-shirky/the-political-power-of-social-media*.
7. Gladwell, Malcolm. Small Change. Why the revolution will not be tweeted. // Newyorker [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: *http://www.newyorker.com/reporting/2010/10/04/101004fa_fact_gladwell#ixzz1Nk44t1aP*

Daria Krapchilo
(EHU, Vilnius)

SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS COMPANY IN THE GLOBALIZED WORLD: CSR CONCEPT THEORETICAL OVERVIEW AND STRATEGIC IMPLEMENTATION

Основу статьи составляют основные теории в области социальной ответственности бизнеса, рассматривающие его с одной стороны, как морального субъекта, а с другой, единственно как механизм для увеличения прибыли. Основной фокус работы – стратегическое применение концепта социальной ответственности бизнеса в соответствии с особенностями «принимающей» страны. Для этого анализируется культура, система государственного регулирования и сотрудничество с частным сектором. 4 стратегические опции, предложенные Галбоизом (Galbreath) – стратегия акционеров, альтруистическая стратегия, стратегия взаимовыгоды и «стратегия гражданина» – составляют структуру работы. Их реализация в «принимающей стране» анализируется в контексте культуры, политической и социальной ситуации в этой стране.

«Business must be run for a profit, else it will die. But when anyone tries to run a business solely for profit, then also it will die, for it no longer has a reason for existence.»

Henry Ford

The need for a business company to behave in a socially responsible way is becoming a generalized requirement of today's society. As a result, today we observe a close coherence between business activities and social life processes. The role of business is seen in transformation from being only existential into

being important for society, as an institutional and innovative part on both local and global levels.

On global business scope we see today less human rights violation, children labour usage and unsustainable production practices that, nevertheless, still exist. The reason for it is that in today's more technologically and communication advanced reality companies notice that their actions are more and more monitored and discussed not only locally, but also internationally.

Unethical business behaviour or practices could lead to declining a company's reputation and shareholder's value in the long-term perspective. So, in a global environment a company's activities could respectively cause business success or failure. This both-sided dependency and a cause-effect relation of business and society results in the growing attention given to new opportunities, existing challenges and assumptions about the impossibility of leading businesses without Corporate Social Responsibility (CSR) in the future. Strategic implementation in different cultural and political environments is the topic of this paper.

Thereby, CSR, understood as a concept of socially responsible business behaviour, is becoming one of the actual business practices and part of a company's strategy. Some of the potential benefits of CSR are: achieved funds savings due to increased productivity and resource efficiency by lower energy and water consumption; improvement of company's reputation, increased employee and clients' loyalty; efficiency in management and business operations due to introduction of new sustainability-oriented strategies. [10, 2]

In academic literature there is lack of academic research on strategic implementation of CSR in different cultures. Thus, analyzing the question either to standardize CSR practices on global scale or implement different CSR practices according to cultural, social and political environment in a particular country or market is seen as an actual topic in business and social academic field.

The discussion of this topic reached its peak in the middle of the 20th century with the powerful idea of the monetarist economist Milton Friedman. He put in the central idea of social responsibility of business as profit maximization for shareholders and providing working places for workers.

Friedman connects this idea with the idea of free society and capitalism, where there is a clear distinction between the role of business and social responsibility of an individual as a moral subject. He wrote in the *New York Times Magazine*, "there is one and only one social responsibility of business – to use its resources and engage in activities designed to increase its profits so long as it stays within the rules of the game." [5]

In order to prove this thesis, he distinguishes *business and corporation*. For him, only a corporation can have moral responsibilities towards society but not the business. A corporation could also be seen then as a sum of individuals. [5]

Following the previous idea, he sees a difference between a *shareholder's servant (executive, as employed person) vs. the individual, as societal agent.* For him, executives or employed persons "... can do good – but only at their own expense" [5], thus, paying their own money, time, physical recourses "... not the money of their employers or the time or energy they have contracted to devote to other purposes. If these are "social responsibilities," they are the social responsibilities of individuals, not of business." [5]

Friedman also states that involvement of business into social issues can also result in taxes increase and waste spending in proceeds, thus, spending valuable time and other resources that could be used differently and more efficiently and with more purpose. [5] Thus, Friedman very strongly argues against the idea of social responsibility of business and sees that concept more harmful than positive in any sense. [5]

Political and socio-economical changes in the last decades, to a great extent due to globalization processes, have changed corporate shareholder's attitude towards positive effects from involvement in CSR. Thus, Friedman's position of inefficiency and absence of social responsibility of business has been argued. All that resulted in further development of the corporate social responsibility concept moving from theoretical advocacy towards discussion of its managerial implementation.

One of the highly quoted and applied theories in CSR is Archie B. Carroll's four-dimensional pyramid of CSR. Interpreting the pyramid he wanted to: 1. make further analysis for research on CSR; 2. see CSR implementation in various dimensions. [8, 60] Later the same was done by Donna J. Wood and is seen as one of the critics for Carroll's pyramid.

For Carroll, 'The social responsibility of business encompasses the economic, legal, ethical, and discretionary [later referred to as philanthropic] expectations that society has of organizations at a given point in time." [1, 89] The first (bottom) level of the pyramid is economic - following the idea of Smith and Friedman – so, a company has to bring profit. That is also its main responsibility towards shareholders – provide dividends and for stakeholders (employees, state) – provide employment. The second level (from bottom to top) is the legal level. That level means that a company has to follow legal requirements, standards, state regulations and laws. Also "[t]he legally regulated responsibility includes a partial ethical responsibility as legislation reflects the

norms that are founded in society."[11, 54] Furthermore, "Ethical responsibilities embody those standards, norms, or expectations that reflect a concern for what consumers, employees, shareholders, and the community regard as fair, just, or in keeping with the respect or protection of stakeholders' moral rights."[2, 41] The last top level is philanthropic. That level depicts corporation actions as a response to societal needs towards increasing and promoting social welfare and good will. [1, 96]

However, Carroll's pyramid has got some critics. The main reason for that is the lack of managerial application of it 'in the real world' and difficulties to measure its effects and empirically test the model. There were several attempts to modify the model in order to make it more applicable – Wartick and Cochan (1985) by adding more policies or issue management dimensions [8, 60]; however, Wood´s institutional dimensions have filled the gap.

Freeman looked at the CSR from stakeholders' perspective. He defined them as "groups and individuals who can affect, or are affected by the achievement of the organization's mission." [4, 52] To identify stakeholders – *"stakeholder mapping"* - Freeman argues for the importance of the definition of the "stakes" group. He distinguishes economic, technological, political, social and managerial effects of "stakes" of target stakeholders. [4, 94] Freeman points out that it is important for a company to identify and prioritize its stakeholders (by mapping them – high vs. low transaction; high vs. low process [4, 74]) – and manage both organizational *external* and *internal relations* with stakeholders.

Organization strategy, or, by Freeman, enterprise strategy, is closely connected with organizational values, mission and goals. He states: "When values are shared throughout an organization, implementation or strategy execution is relatively simple." [4, 90] However, here comes the question about values strategy implementation in different cultural environments. One of the possible answers could be the proposed-by-Freeman process of formulating company's strategy: 1. stakeholder analysis; 2. value analysis; 3. societal issues analysis. [4, 91] Accordingly, Freeman offered a mechanism how to strategically map an organization's stakeholders and manage or communicate with them.

Further analysis on CSR has led to the development of academic research in the field. One of them is Galbreath's CSR strategic options – shareholder, altruistic, reciprocal, and citizenship strategies.

The idea of using CSR strategically has been already researched in academic literature; however, that is a new way of thinking about CSR. "A growing number of shareholders and institutional investors began to accept the idea that strategic adoption of CSR could lead to financial rewards in the long run."[8, 55] However, because of globalization processes, CSR implementation

and understanding needs further research on its global and local strategies. The main ideas of Galbreath strategic options are the following:

• *The shareholder strategy* is closely connected with Friedman's theory on social responsibility of business that the main responsibility of business is "Maximizing shareholder return" [3, 176] Business' role is seen in bringing dividends for shareholders and increasing shareholders value.

• *The altruistic SR strategy* is based mainly on philanthropic giving to the community without expecting anything in return. That strategy has a lot in common with Carroll's philanthropic level of CSR, when a company acts as a part of society or a 'corporate citizen'. Galbreath mentions that it is always up to managers and executives and their values (coming back to Wood's idea of individual level in CSR [13, 697]), how and either to practice philanthropy, as part of company's social responsibility policy.[3, 177] Also there are doubts about the possibility of direct measurement of benefits of this strategy.[3, 177]

• *The reciprocal CSR strategy* is in itself more proactive. Companies following this strategy are normally focused on the long-term perspective with mutual benefit to both company and society. This strategy sees business as a good corporate citizen. In this case, business makes more cause-oriented actions and, contrary to altruistic strategy, intends to get direct benefits from social responsibility policy. "This CSR strategic option is pragmatic in that it seeks to resolve the conflicts between economic objectives and intense social, moral and environmental expectations of society." [3, 178] Companies act as proactive agents towards society expectations and competitors. That strategic option allows companies to see the strategy's outcomes and special benefits as public opinion as well as rising sales or consumer's awareness.

• *The citizenship strategy*, Following Freeman's idea [5, 52], offers a strategy focused on the company's main stakeholders (stakeholder-mapping). The company has "proactively dialogue with their stakeholders – and integrate their findings into decision making" [3, 179] "The stakeholder model solved the problem of measurement and testing by more narrowly identifying the actors and defining their positions and function in relation to one another… From managers' perspective, their responsibilities to employees, customers and government are much easier to envisage and manage than their responsibilities to society." [7, 61]

The further question is how to implement the right from CSR strategies and what influences this. At first, a company's culture is closely connected with the country's culture, in terms of its values, goals and type of company's orientation (ethnocentric, polycentric or global). [9, 12] From this perspective *COO (Country of Origin)* plays a big role in CSR policy implementation. [12,

273] The reason is that companies with ethnocentric policy try to implement the same practices as in their home country but it does not work everywhere.

The cultural peculiarity is more important for companies choosing citizenship and reciprocal strategic options, as they are more active options and are dependent on stakeholder and social issues in specific countries. That is also closely connected with social standards and concerns in the host countries, as manufacturing is seen differently in Europe and Asia. Also social issues like education have different urgency in both regions. Social attitude towards corruption and bribery could be different in various countries.

Same as culture, the state regulation or its absence varies from country to country. It also depends on a country's social and economical development and political situation. In that way state regulations are not the same everywhere, and companies should pay attention to it, when moving from their home country to the host one.

Government policy towards SR of business may also vary. "The legal responsibility of business refers to the positive and negative obligations put on business by the law and regulations of the society where it operates."[1, 91] Depending on a country there are different laws and societal regulations, obligation for business to follow international standards, like Koyoto, ISO standards (like introduced in 2010 ISO 260000 – social responsibility voluntary standard [14]), Social Accountability (SA) 8000 for labour-related issues and OECD Guidelines for MNE [3, 182].

Laws and societal regulations are at the same time the depiction of societal norms and morals. Following Carroll – "…Carroll [2, 41] considers the laws and regulations as the 'codified ethics' of society. They represent 'partial fulfilment of the social contract between business and society'." [1, 91] That is why for international companies when deciding on CSR policies in different political and geographical areas it makes it more complicated to follow a company standard. "Companies have to comply with different regulations depending on their global spread and the type of industries and activities in which they are involved. Public pressure to take action on climate change is to some extent company-specific, because it often relates to the reputation that a company has built up over the years." [6, 370–371]

The public sector or community non-for-profit organizations are other main stakeholders in the host country. It can either positively or negatively influence or effect the company's success or failure. There are different motives for business for it - either to build trust in the community, obtain a competitive advantage, increase attractiveness to potential employees or PR. [7, 30] The importance of this cooperation lies in increasing change in attitude towards

business addressing social issues and, thus, there is a growing pressure on business to play an active role in the community. [7, 30]

All those benefits make companies involve in this cooperation and build this into their strategy. This is positive for companies choosing an altruistic strategy. NGOs normally do not have enough either financial or knowledge resources. However, due to their focus on specific issues they could work more effectively and actively on them than companies having a commercial goal in their base. Another applicable strategic option for cooperation is the citizenship strategy. It sees NGOs as stakeholders affecting or being affected by business operations. With the reciprocal strategic option companies could also cooperate with NGOs; in this case that cooperation could be "issue-focused". Thus, cooperation with the public sector could be seen from three perspectives. From the stakeholder perspective, mapping NGOs as stakeholder and building relationship with them. From the philanthropic perspective, acting as "giving without return" position. From a specific group or social issue oriented perspective - cooperation with the public sector.

It is important to mention that not in all the countries the public sector is that well developed, while in others it is and has power in society. In some countries it could be even controlled from the state and sponsorship actions could lead to political or economic problems for the company.

It is also important that almost all the types of application strategies and CSR implementation tools depend on COO and the host country as well as on the type of industry. To conclude, we could say that adaptation of CSR strategy would be more effective for companies operating in different cultural and political environments than for those doing business in their country or region. However, focused CSR policy and pervious analysis of cultural, political and societal conditions are essential for a company doing business in the global environment.

Literature

1. Carroll, Archie B., and Kareem M Shabana. „The Business Case for Corporate Social Responsibility: A Review of Concepts, Research and Practice". *International Journal of Management Reviews* 12, no. 1 (March 1, 2010): 85–105.
2. Carroll, Archie B. „The pyramid of corporate social responsibility: Toward the moral management of organizational stakeholders". *Business Horizons* 34, no. 4. Business Horizons (1991): 39–48.
3. Galbreath, Jeremy. „Corporate social responsibility strategy: strategic options, global considerations". *Corporate Governance* 6, no. 2 (2006): 175–187.
4. Freeman, R. Edward. *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Pitman Publishing, 1984.

5. Friedman, Milton. „The Social Responsibility of Business is to Increase its Profits". *The New York Times Magazine* (September 13, 2010). [Electronics resource] – Read 25 November 2010 – http://www.ethicsinbusiness.net/case-studies/the-social-responsibility-of-business-is-to-increase-its-profits/.
6. Kolk, Ans, and Jonatan Pinkse. „Towards strategic stakeholder management? Integrating perspectives on sustainability challenges such as corporate responses to climate change". *Corporate Governance* 7, no. 4 (2007): 370–378.
7. Lee, Louise. „Business-community partnerships: understanding the nature of partnership". *Corporate Governance* 11, no. 1 (2011): 29–40.
8. Lee, Min-Dong Paul. „A review of the theories of corporate social responsibility: Its evolutionary path and the road ahead". *International Journal of Management Reviews* 10, no. 1 (2008): 53–73.
9. Permutter, Howard V. „The Tortous Evolution of the Multinational Corporation". *Columbia Journal of World Business*, February 1969.
10. Porter, Michael E, and Mark R Kramer. „Strategy and society: the link between competitive advantage and corporate social responsibility". *Harvard Business Review* 84, no. 12 (December 2006): 1–15.
11. Sachs, Sybille, Edwin Rühli, and Veronika Mittnacht. „A CSR framework due to multiculturalism: the Swiss Re case". *Corporate Governance* 5, no. 3 (2005): 52–60.
12. Scholtens, Bert and Lammertjan, Dam. „Cultural Values and International Differences in Business Ethics". *Journal of Business Ethics* 75, no. 3. Journal of Business Ethics (2007): 273–284.
13. Wood, Donna J. „Corporate Social Performance Revisited". *The Academy of Management Review* 16, no. 4 (October 1, 1991): 691-718.
14. „ISO 26000:2010 – Guidance on social responsibility". [Electronics resource] – Read 15 April 2011 – http://www.iso.org/iso/catalogue_detail?csnumber=42546

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Алина Крушинская
(ЕГУ, Вильнюс)

ПРОСТРАНСТВО «МЕЖДУ»: ОТ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ К ОСМЫСЛЕНИЮ ЖЕНСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

The article addresses the representation of a specific women's experience, which is characterized by incorrect categorization along the line of gender and sexuality. The main concern is to find a new conceptual frame to describe this experience in a way different from identity politics. The author develops a metaphor of border and nomad that can be useful for theoretical understanding of the differences between a person's practices and existing identity politics, between a person's gender and sexual strategies and social regulatory requirements. The concept of border allows tracing the mechanisms of control. The concept of nomadic subject allows to delineate the space for individual subjectivity.

Номадическая женская субъектность

Ежедневно вступая в социальное взаимодействие в качестве женщин и мужчин, преподавателей и студентов, левых и правых, представителей своих национальностей, мы актуализируем множественные символические, социальные, географические, культурные и политические границы. В фаллогоцентричном мире, ориентированном на универсального субъекта, существование границ всегда таит в себе угрозу обесценивания того, кто находится по другую сторону в дуалистических оппозициях. Испытывая на себе нормирующее давление границ, субъекты выстраивают свою идентичность, ориентируясь на них. Мы постоянно как бы держим в голове тот образ мужчины или женщины, равняясь на который (с большей или меньшей степенью рефлексивности), корректируем свою внешность, поведение и образ жизни в целом. Даже альтернатив-

ные категории идентичности предполагают наличие соответствующих кодов для гомосексуальных, бисексуальных и трансгендерных идентичностей. Таким образом, увлеченность категориями приводит к воздвижению все новых границ.

Однако если существуют границы, то существуют и особые пространства «между», которые «не обладают статичностью раз и навсегда заданных кодов и категорий, раз и навсегда заданных идентичностей и практик» [4, 268]. Тогда можно предположить о существовании таких жизненных стратегий, которые ускользают от включения в те или иные политики идентичности, поддерживающие центрированного субъекта. Такая субъективность является не стабильной позицией, а своеобразным способом движения к нормативности или от нее. Феминистка Рози Брайдотти в своей работе «Различие полов как политический проект номадизма» предлагает рассматривать такой субъект, который «вновь и вновь расщепляется по множественным осям дифференциации» [2, 248]. Если этот трансгрессивный субъект, состоящий из разрывов, существует, то как можно его наблюдать, адекватно описывать и репрезентировать? Брайдотти предлагает создавать новые концептуальные схемы, с помощью которых можно осмыслить альтернативные формы (женщины-)субъекта.

Субъективность, в отличие от идентичности, – это комплексное явление, которое включает в себя весь спектр интерпретаций, чувств и действий индивида. Теоретические конструкции вроде «политик идентичности» не срабатывают, когда разговор заходит о конкретных людях, или же они действуют как репрессивный аппарат. На данный момент написано немало текстов, чьи авторы обрушиваются с критикой на всевозможные концепции политик идентичности, обвиняя их в разрыве с реальными социальными практиками, а также в репрессивных механизмах, возникающих вследствие таких политик. Взамен одни предлагают вовсе отказаться от эссенциалистских идентичностей [1], другие выдвигают концепции «политик вне идентичности» и «субъекта как безосновательного основания» [8].

Какие же концептуальные рамки можно использовать для анализа специфической женской субъективности, реализуемой субъектами в ситуации гендерного нормирования? В рамках данной статьи будет показано, как работает концепт границы и номадизма применительно к специфическому женскому опыту, который характеризуется сбоями категоризации по осям пола и сексуальности. По ряду внешних и поведенческих характеристик идентичность рассматриваемых в исследовании

женщин сначала ошибочно распознается как «мужская», а затем, когда ошибка в категоризации по полу становится очевидной, сексуальность так же ошибочно идентифицируется как «ненормативная» (бисексуальная/лесбийская). Метафора границы и номады является продуктивной для теоретического осмысления моментов расхождения между практиками информанток и существующими политиками идентичности, между их гендерными и сексуальными стратегиями и нормативными социальными предписаниями. Концепт границы позволяет проследить, как работают механизмы нормализации, а концепт номадического субъекта – выяснить, где и каким образом разворачивается пространство для реализации индивидом субъективности.

Политики идентичности VS теория номады

Артикуляция идентичности, осуществляемая как в повседневной, так и в академической среде, «представляет собой достаточно сложную дискурсивную формацию, язык которой неоднозначен, мифологизирован и идеологизирован, пронизан политическими и иными коннотациями, что делает предельно сложной его адекватную интерпретацию» [5]. Феминистское движение, политика мультикультурализма и другие социальные и политические процессы снова и снова актуализируют попытки социальной теории осмыслить идентичность адекватно сегодняшней ситуации. В связи с этим формируются многочисленные теории политик идентичности, которые реконструируют идентичности на основании общих признаков и общего жизненного опыта индивидов. Однако такой подход представляется проблемным, поскольку, противостоя эссенциализму, новые теории политик идентичности склонны создавать «новые «тотализирующие фикции», в которых одна категория опыта, скажем гендерного, однозначно детерминирует любые другие различия» [5].

Феминистский философ Джудит Батлер произвела достаточно полную критику теорий идентичности, которые понимают гендерную идентичность в качестве некоей заданной сущности. Осознание того, что политики идентичности скрывают политическое, дискурсивное происхождение сконструированной сущности гендерной идентичности, помогает деконструировать их таким образом, чтобы объявить политическими все категории, через которые конструируется идентичность [8, 4]. Однако теория перформативности и сопротивления, предложенная самой Батлер, уже не раз подвергалась критике за то, что она стоит на тех же основаниях, которые отрицает. Кроме того, реализация теории Батлер

«входит в противоречие с практиками конкретных индивидов» [3]. Просто переобозначив субъект концептуально, мы не изменим его «бытие во власти в условиях реального производства» [3].

Альтернативу гегемоническим формациям предлагает Рози Брайдотти, вводя понятие номадического субъекта и полагая, что «идентичность, наделяемая полом, должна стать основанием пересмотра иерархической модели различия». Для Брайдотти сознательное пересечение границ, ситуативность, мобильность являются источником вдохновения для номадического субъекта, его освобождения из-под контроля фаллоцентризма. Действительно, в последнее время в академической среде «дебаты о границе как линии жесткого рассечения <…> сменились дискуссией о границе и приграничье как особых видах пространства, которые, может быть, и маргинальные, но специфические, динамичные, креативные» [4, 268]. В рамках данной статьи мы опираемся на исходные посылки теории Брайдотти относительно концепта границы и номады. «Граница» и «номада» здесь являются метафорами, которые позволяют «понять специфику того места, откуда раздается женский голос», и репрезентировать множественность альтернативных женских опытов [2, 240].

На пути к женственности или от нее

Сложно встретить человека, которого/ую бы не заботил пол его/ее собеседника. Гендерная «считываемость» является необходимым условием успешного коммуникативного акта [6]. Невозможность сразу распознать в человеке женщину или мужчину вызывает реакцию, обозначаемую как гендерное беспокойство (gender trouble) [1]. Однако избавиться от этой нерефлексируемой практики приписывания пола практически невозможно. «Мы не только хотим знать, к какой категории по полу принадлежат те люди, с которыми мы общаемся (мы хотим распознавать эту принадлежность с первого взгляда), но считаем также, что другие демонстрируют нам свою половую принадлежность настолько убедительно, насколько это возможно» [7, 204].

Для информантки Даши категория пола является неочевидным и травматическим аспектом ее субъективности, это та проблема, с которой она *«хочет пойти к психотерапевту»*. Для нее принадлежность к женскому полу является скорее формальностью, вроде отметки в паспорте. У информантки Юли, напротив, не вызывает сопротивления процесс идентификации себя с женским полом, однако этот аспект все равно проблематизируется в ее биографическом нарративе. Категория женственности

для нее не просто существует, но и является *«в некоторой степени по некоторым параметрам ключевой»*, поскольку в подростковом возрасте ее женственность ставилась под вопрос как окружающими, так и самой информанткой из-за ее *«грубого голоса»* и лидерских качеств.

Батлер в «Гендерном беспокойстве» подвергает деконструкции процессы гендерной идентификации и диагностирует, что в рамках этих процессов утверждается «параллельная, но оппозиционная внутренняя связь пола и гендера с желанием». На практике это означает, что высказывание «чувствовать себя женщиной» подразумевает нечто большее, чем соответствие с женской анатомией: оно подразумевает отличие от противоположного рода, противопоставление себя ему» [1, 325].

Это противопоставление себя мужскому роду хорошо прослеживается в случае с Юлей, причем механизмы различения, разграничения себя с мужским полом оказываются задействованными в подростковом возрасте. Для информантки грубый голос ассоциируется с *«грубостью в принципе, а грубые по каким-то моим тогдашним поняткам были мужчины»*. Женщины, по ее мнению, должны быть *«мягкими, нежными»*, формировать соответствующий женский стиль одежды. Таким образом, «грубый голос», который теперь является ее *«уникальностью»* и *«достоинством»*, в юношестве стал для нее своеобразной отправной точкой, механизмом запуска для начала ее движения по направлению к нормативности, когда она начала *«формировать женский стиль»* в одежде и поведении.

Перемещения и трансформации гендерной субъективности информантки Даши, напротив, происходят в противоположную от нормативности сторону. Это движение нельзя назвать ни линейным, ни осознанным или целенаправленным. В отличие от номадического пересечения границ у Брайдотти, существование субъекта информантки в «гендерном приграничье» не является ее выбором, а скорее, вынужденной необходимостью или даже неизбежностью. Несмотря на то что Даше *«по жизни ближе мальчуковый код»*, иногда ей хочется *«среднестатистического проявления женственности»*. Субъективность информантки, испытывая на себе нормирующее давление политик идентичности, согласно которым женщины должны быть женственными, а мужчины – мужественными, все же ощущает тягу к женственности, однако оказывается неспособной пересечь эту границу, поскольку слишком *«привыкла»* к своему образу и прячет за ним *«какие-то свои комплексы»*.

Метафора гендерного маскарада [6], используемая социальными конструктивистами, не способна объяснить те сбои и разрывы, которые

возникают, когда «естественное проявление сущности» оказывается невозможным, да и сама эта сущность не вполне очевидна в том, что она – женственность или мужественность, а может быть что-то еще.

В обыденной ситуации, когда определение пола оказывается невозможным, неопределенность вызывает тревогу у считывающего субъекта, так как принадлежность по полу является важнейшей, хотя и не осознаваемой, характеристикой. Тревога, которая возникает у окружающих по отношению к информанткам, запускает в действие такие репрессивные механизмы и практики, которые не только *«удивляют»* и *«обижают»*, но и приводят к физическому насилию над индивидом.

Гендер является не просто набором застывших маркеров, но деятельностью по созданию и использованию этих маркеров во всех возможных ситуациях. В качестве ресурсов по созданию гендера рассматриваются физические характеристики социального окружения, стандартные социальные ситуации, конвенционально экспрессивные ситуации и др. [6]. Исходя из анализа нарративов, можно сделать вывод, что таким ресурсом по созданию субъекта (обладающего женским гендером) для обоих информанток стали их первые отношения с мужчинами, поскольку позволили им закрепиться в ощущении собственной женственности.

Гетеросексуальность как голограмма

Концептуальное осмысление сексуальности и ее связи с гендером претерпело несколько революционных этапов. Первые исследования в этой области (относящиеся еще к сексологии и, частично, фрейдизму) настаивают на естественном биологическом происхождении сексуальности, поддерживая тем самым доминирующую гетеросексуальную идеологию. Современные теории не сомневаются в социальной природе секса, утверждая, что сексуальные желания, практики и формы являются продуктом социального регулирования. Феминистская критика разоблачает гетеросексуальную брачную репродуктивную модель как репрессивную идеологию, которая подавляет как женщин, так и мужчин, как гомосексуальные, так и многие гетеросексуальные практики.

Батлер отмечает, что система пол/гендер/сексуальность является целостной в том случае, когда «желание является гетеросексуальным, и поэтому отличает себя через отношения противопоставления тому гендеру, которого оно желает». То есть комплиментарность мужского и женского в культуре нуждается в оппозиционной гетеросексуальности.

В свою очередь гетеросексуальность требует культурно определенной половой принадлежности [1, 326].

Казалось бы, если гетеросексуальность формально определяется через объект желания, выраженный в противоположном поле, то границы, отделяющие гетеросексуальность от гомосексуальности, являются максимально понятными и прозрачными. Однако сама по себе сексуальность, в отличие от «секса», под которым подразумеваются «плотские акты», отсылает «ко всем эротически маркированным аспектам социальной жизни и социального бытия, таким, как желания, практики, отношения и идентичности» [9, 106]. Это значит, что гетеросексуальность, воплощенная в опыте конкретных людей, словно голограмма, разворачивается и воплощается вне гетеросексуальных правил.

Периодически повторяющиеся с обеими информантками случаи неверного приписывания сексуальности на основании внешних характеристик позволяют сделать вывод о существовании специфических визуальных и поведенческих кодов не только для гендерной идентичности, но и для сексуальной. Как уже отмечалось выше, распознавание сексуальной идентичности друг друга необходимо для контроля сексуального влечения по отношению к людям соответствующего пола, что работает не только для гетеросексуальных идентичностей, но и для альтернативных им гомосексуальных, бисексуальных и квир идентичностей. Этот принцип контроля сексуального влечения действует таким образом, что индивиды склонны, иногда ошибочно, включать в свои границы других индивидов на основании правил, существующих на данной территории, что может являться травматичным как для одних (поскольку приводит к разочарованию и неоправданности ожиданий), так и для вторых (поскольку действует как репрессивный, нормирующий механизм).

Вместо заключения

Хотя ошибки приписывания гендерной или сексуальной (или и той и другой вместе) идентичности являются, несомненно, травматичным опытом, вновь и вновь пропуская индивидов через контрольно-пропускные пункты пограничных переходов, они разворачивают то самое креативное пространство непринадлежности, отделенности, о котором говорит Брайдотти [2]. Как Даша, так и Юля признаются, что, будучи сами помещенными в пространство неопределенности, они начинают чаще с интересом наблюдать за другими, осмысливают свой опыт и становятся более *«чувствительны к этим вопросам».* Опыт номады, особенно вы-

нужденной номады, позволяет занять такую точку зрения, с которой у нее не возникнет соблазна поддаться теориям политик идентичности, поскольку она слишком хорошо знает, какие последствия влечет за собой различение, воплощаемое границами.

Литература

1. Батлер, Дж. 2000. "Гендерное беспокойство". *Антология гендерной теории* / Под ред. Гаповой Е., Усмановой А. Минск: Пропилеи, 297–346.
2. Брайдотти, Р. 2000. "Различие полов как политический проект номадизма". *Хрестоматия феминистских текстов. Переводы* / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 220–250.
3. Гусаковская, Н. "Политики субъекта: Подчинение как (ре)формирование" [он-лайн], [просмотрено 20 января 2012]. [Электронный ресурс] Режим доступа: < *http://belintellectuals.eu/library/book/196/* >
4. Миненков, Г.Я. 2005. "Политика идентичности: взгляд современной социальной теории". *Политические исследования*. № 6.
5. Нартова, Н. 2010. "Эссе о границе". Laboratorium. *Журнал социальных исследований* 1: 268–273.
6. Темкина, А., Здравомыслова, Е. "Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования" [он-лайн]. [Просмотрено 20 июня 2011]. [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://www.owl.ru/win/books/articles/tz_gender.htm*
7. Уэст, К., Зиммерман, Д. 2000. "Создание гендера". *Хрестоматия феминистских текстов. Переводы* / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 203–204.
8. Hekman, S. 2000. "Beyond identity. Feminism, identity and identity politics" [online]. Feminist Theory. Vol. 1 (3). 289–308.
9. Jackson, ST. 2006. "Gender, sexuality and heterosexuality". *Feminist Theory*. Vol. 7 (1). 105–121.

Ольга Петрукович
(ЕГУ, Вильнюс)

ЧАЙЛДФРИ В МЕДИАДИСКУРСЕ БЕЛАРУСИ

The paper discusses the results of discourse analysis of Belarusian media (between 2006 and 2011) in order to study how the childless by choice are represented. They are often presented with the help of negative stereotypes based on the fact that historically and traditionally the roles of women have been constructed around happy motherhood; living childless by choice rejects the traditional reproductive scenario. Analysis of media representations of the childfree in contemporary Belarus shows that the choice to be childfree is not approved by society and policy supporting the traditional views. This point of view is caused by the demographic crisis and desire to control people's private life.

На протяжении XX века происходили активные социальные изменения: меняется характер человеческих отношений, увеличиваются возможности занятости на рынке труда, стало возможным контролировать фертильность. Эти изменения влияют на репродуктивные установки общества, трансформируя их [4, 141–144]: уменьшается количество детей в семье, повышается возраст матери при рождении первого ребенка, а также растет количество людей, которые решают не иметь детей [4, 139].

В западных странах явление добровольной бездетности (childfree) стало возможным с началом массовых продаж контрацептивов и «видимым» – в 70–80-х гг. XX в., что было обусловлено сексуальной революцией. Тогда же появились и первые исследования феномена чайлдфри. Так, в 1980 г. вышла книга Дж. Виверс «Бездетные по собственному выбору» [6], в которой автор исследовала причины, масштабы и значение феномена добровольной бездетности.

На постсоветском пространстве о добровольной бездетности заговорили относительно недавно. Это связано с тем, что советская культура характеризовалась весьма пуританским отношением к сфере сексуальности, поэтому довольно долгое время сексуальность, телесность и эротика были вытеснены из государственного и академического дискурса [1, 176]. В отличие от сексуальности, репродукция и воспроизводство населения были легитимными и востребованными концептами. Государство с помощью доступных ему средств стремилось повлиять на решения граждан в сфере деторождения. Особенно заметной эта риторика стала в 90-х г. XX в., когда во многих постсоветских странах о демографической ситуации стали говорить как о кризисной и власти различными способами начали пытаться исправить ситуацию.

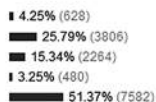
Беларусь – типичный тому пример. Цель демографической политики государства здесь – стимулировать рост рождаемости в стране. Поэтому государство ведет активную работу с гражданами через СМИ, которые артикулируют правильный с точки зрения государственной демографической политики дискурс. Соответственно, выбор отдельных индивидов не иметь детей подвергается осуждению.

Чтобы понять, какие тактики убеждения и манипуляции используются журналистами белорусских СМИ в отношении чайлдфри в рамках нынешней демографической ситуации, я провела дискурсивный анализ материалов белорусских печатных и интернет-СМИ о чайлдфри за период с 2006 по 2011 г. В частности, меня интересовало, какие модели репродуктивного поведения репрезентируются как нормативные, а какие нет, и каким образом авторы репрезентируют эти модели поведения. В качестве подхода к анализу дискурса СМИ я использую критический дискурсный анализ, разработанный Т. ван Дейком [5].

Как правило, материал начинается с заголовка, который отражает основную мысль текста. Заголовки материалов о чайлдфри в подавляющем большинстве отражают также и позицию автора/издания по отношению к чайлдфри и их репродуктивному выбору. Например, материал в «Народной газете» называется «Только двое. Движение за бездетность – утопия настоящего, крах будущего» [12]. Как следует из названия, автор считает, что выбор отдельных индивидов не иметь детей обязательно негативно отразится на будущем государства и нации. Весьма показательным является также название материала («А я не люблю детей!») на интернет-ресурсе www.podrugi.by [7]. В данном случае мы видим некорректное обобщение, так как чайлдфри далеко не всегда испытывают к детям нелюбовь, но автор, прекрасно осознавая данный факт (как видно

из самого материала), все же дает материалу некорректное, но хлесткое название.

Как показывают результаты голосования на TUT.BY [11], многие не знают, что стоит за определением «чайлдфри».



Поэтому то, каким образом авторы материалов о чайлдфри знакомят читателей с этим понятием, весьма важный момент. А как показал анализ, авторы часто делают это некорректно. Так, например, в материале «СБ» автор называет чайлдфри бездетными, но не уточняет, что в данном случае речь идет именно о добровольной бездетности, а не о бездетности по медицинским причинам: «…люди, называющие себя childfree – бездетные» [19]. Также авторы, разъясняя, кто такие чайлдфри, используют определенные речевые приемы, которые описывают чайлдфри в категориях девиации или болезни, например: «… чайлдфри – это сообщества людей, которые активно прорабатывают тему бездетности: своеобразная взаимная психотерапия из-за обиженности на мир, где пропагандируются ценности материнства» [8].

В некоторых случаях авторы приводят весьма экзотические ответвления чайлдфри в качестве примеров. В материалах «Народной газеты» [12], «7 дней» [8] и «Женского журнала» [17] упоминается о киберцеркви Иисуса Христа, адепты которой не имеют потомков, подобно тому, как не имел их Иисус. Та же «Народная газета» приводит в качестве примера еще одно малораспространенное явление – движение VHEMT, по мнению приверженцев которого «человеческая раса – всего лишь некий “экзотический захватчик”, популяция которого вышла из-под контроля и является угрозой планете Земля, другим видам животных и растений, живущих на ней, и только полное исчезновение вида homo sapiens восстановит естественный порядок вещей и гармонию природы» [12]. Удельный процент приверженцев таких экзотических ответвлений от общего числа чайлдфри крайне мал, но так как в данных материалах авторы приводят именно такие примеры, то у читателей складывается весьма нелестное представление о чайлдфри.

Также весьма интересно, какие синонимы к слову «чайлдфри» подбирают авторы материалов. Например, авторы употребляли следующие

слова-синонимы: радетели «жизни для себя» [16], «так называемые чайлдфри» [16], прагматичные представители «новой ветви человечества» [14], «бездетные смоковницы» [10], «пустоцвет» [18]. Такие уничижительные эпитеты во многом объясняют ту негативную ауру вокруг чайлдфри, которая присутствует на данный момент в дискурсе.

Еще одним распространенным приемом является апелляция к мнению экспертов, в качестве которых очень часто выступают психологи, реже – представители власти, социологи, простые граждане. Привлечение психологов в качестве экспертов – довольно распространенный прием. Однако психологи часто ориентируются на некие эфемерные нормы, а те явления, которые под эти нормы не подпадают, объявляют девиантными, подвергают остракизму и объясняют «тяжелым детством»: «…выбор не иметь детей – чаще всего процесс не осознанный, а плохо осознаваемый, подогнанный под подходящую объяснительную модель в ответ на нерешенные психологические проблемы "бездетной" личности и особенности отношений партнеров. Обычно корнем этих проблем являются различного рода страхи, негативные убеждения, искаженные ценности, приобретенные в собственной родительской семье в возрасте до 6–7 лет» [12].

Психологи и медицинские работники, высказываясь публично о чайлдфри, часто обращаются к теме материнского инстинкта. Несмотря на отсутствие доказательств существование такового, о чем они сами говорят, они все же настаивают на том, что материнский инстинкт есть: «Хотя мне еще нигде не встречались сообщения о том, что найден ген материнства, но принципиально он должен быть непременно» [9]. В результате таких рассуждений авторы материалов, как правило, приходят к выводам, о том, что «материнский инстинкт, как и гравитацию, мы не можем отменить» [9].

Иногда в материалах о чайлдфри можно встретить и экспертное мнение белорусских чиновников, которое отражает позицию власти по этому вопросу: «… призыв жить только в свое удовольствие, без детей вряд ли приживется в нашей стране. У нас иная идеология, другие традиции и стереотипы: отсутствие детей в семье считается бедой, а не благом» (председатель Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Беларуси по образованию, науке, культуре и социальному развитию, сопредседатель Белорусского союза женщин Антонина Морова) [14].

Достаточно распространенным приемом является отсылка к статистике. Однако конкретные статистические данные и ссылки на них не приводятся, что позволяет с помощью выразительных языковых средств

преувеличить реальные данные: «… в Западной Европе и США истерия “жизни для себя” давно захватила умы миллионов поборников борьбы с перенаселением планеты» [12]. В случаях же, когда в материале приведены количественные данные, как правило, они не имеют прямого отношения к сути вопроса, а дают информацию о второстепенных и не имеющих отношения к делу вещах, но создают иллюзию достоверных и достойных внимания. Например: «По данным Национального статистического комитета, распределение респондентов по причинам, влияющим на их решение иметь ребенка, произошло следующим образом. В тройку лидеров вошли – низкий уровень доходов (23,6%), отсутствие отдельного жилья (22,8%), незарегистрированный брак (12,5%). Далее идут – желание добиться высоких профессиональных успехов (9,8%), неудовлетворительное состояние здоровья (9,1%), недостаточный размер пособий, связанных с рождением и воспитанием ребенка (6,3%)» [15]. Очевидно, что этот опрос был проведен не среди чайлдфри, а среди обычных граждан, и вероятность, что в опросе принимали участие чайлдфри, крайне мала. Таким образом, автор приводит данные о причинах откладывания рождения детей в целом, а не данные о причинах чайлдфри не иметь детей, чем вводит в заблуждение читателей.

Говоря о сложной демографической ситуации, авторы материалов о чайлдфри довольно часто затрагивают тему вымирания нации, и объявляют чайлдфри виноватыми в этом: «…Сколько нас “вымирает” добровольно… в стране, которая второе десятилетие подряд не может выбраться из демографической ямы?» [12]. Винить чайлдфри в демографическом кризисе весьма несерьезно, ведь чайлдфри – группа весьма немногочисленная. Но в материалах о чайлдфри «праведный гнев» за демографический кризис со стороны авторов направлен исключительно на чайлдфри.

Тот факт, что чайлдфри – явление, пришедшее с Запада, провоцирует авторов материалов на резкие выпады в сторону западного образа жизни. Авторы полагают, что влияние Запада разрушает устои и традиции нашего общества, что может привести к вымиранию нации: «Поглядите на цивилизованную Европу, откуда к нам и пришло это модное веяние. О Париже уже грустно шутят: город, где когда-то жили французы. В Германии нередко в школьном классе из двух десятков учащихся только один-два – немцы. Чайлдфри ведет нацию к вымиранию. А мудрая природа не терпит пустоты» [20]. В таких материалах старательно подчеркивается, что «идея Childfree пришлая, американская» [10]. Таким образом, мы можем видеть, что авторы материалов о чайлдфри с удовольствием прорабатывают актуальную в Беларуси антизападную тему.

Противопоставление советских и западных традиций не случайно. Оно имеет под собой определенные предпосылки. Беларусь продолжительное время находилась в составе СССР, где сексуальность и индивидуализм были под запретом. Это подтверждают результаты исследований советского периода. Например, С. Чуйкина в своей работе «Быт неотделим от политики: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х годов» представила анализ статей историков и социологов на тему сексуальности и семьи в СССР. Как отмечает автор, подвергать осуждению людей, которые не хотят иметь детей, – распространенная практика советского времени [3, 109]. Причем в нежелании иметь детей часто упрекали «модниц», т.е. женщин, которых клеймили «бесславными жертвами бездумного, слепого подражательства всему заграничному» [3, 104]. Такие женщины подвергались осуждению, так как они не соответствовали женскому образу, который культивировался в СССР и для которого обязательным являлось желание быть хорошей матерью.

В СССР процесс либерализации начался лишь в позднесоветский период и не был таким явным, как на Западе в 70-х гг. XX века [2, 374]. Поэтому те явления, которые давно получили признание в западном обществе (чайлдфри, гомосексуальность, право на публичное отстаивание своих интересов различными группами и т.д.), только сейчас заявляют о себе на постсоветском пространстве.

Таким образом, увеличение количества материалов о чайлдфри свидетельствует о демографическом беспокойстве как власти, так и и общества. Образ чайлдфри в СМИ нарочито демонизирован с целью поддержания и укрепления традиционных семейных ценностей, которые исключают право индивида на отказ от репродукции. Иными словами, выбор не иметь детей является в настоящее время в Беларуси социально неодобряемым.

Литература

1. Здравомыслова, Е., Темкина. “От лицемерия к рационализации: дискурсивные трансформации в сфере сексуальных отношений”. *Гендерные исследования* 11: 176–186.
2. Кон, И. 2010. *Сексуальная культура в России. Клубничка на березке*. М: Время.
3. Чуйкина, С. 2002. “Быт неотделим от политики: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х годов”. *В поисках сексуальности.* СПб: Дмитрий Буланин, 99–127.

4. Gillespe, R. 2001. "Contextualizing voluntary childlessness within a postmodern model of reproduction: implications for health and social needs". In: Critical Social Policy. Vol. 21(2).
5. Dijk, Van, T. "Ideology and Discourse". A Multidisciplinary Introduction. English version of an internet course for the Universitat Oberta de Catalunya (UOC) [online] [cited 19 2011-02-19 *http://www.discourses.org/download/books/*
6. Veevers, J. E. 1980. *Childless by choice*. Toronto: Butterworth, Canada.
7. "А я не люблю детей!" [online] Podrugi.by. *http://www.podrugi.by/krasota-i-zdorovie-4452.html*
8. Бардиян, Н. "Чайлдфри – свобода от детей: счастье или трагедия?" [online] Femina.by. *http://femina.by/articles/parenting/chayldfri-svoboda-ot-detey-schaste-ili-tragediya-/?sphrase_id=55099*
9. Габасова, Л. "Заводите детишек. Вы оставите о себе добрую память" [online] Беларусь сегодня. *http://tv.sb.by/post/58468/*
10. Завгородняя, Д. "Размножаться не буду! Из принципа!" [online] Комсомольская правда в Белоруссии. *http://kp.by/daily/24454.3/616869/*
11. "Как Вы относитесь к чайлдфри?" Опрос [online] TUT.BY. *http://www.tut.by/poll/1535*
12. Конопелько, Л. "Только двое. Движение за бездетность – утопия настоящего, крах будущего" [online] Народная газета. *http://www.ng.by/ru/issues?art_id=54281&is_pril=1*
13. Костюкевич, О. "Чайлдфри? Это сорт чая такой, да?" [online] 7 дней. *http://www.7days.belta.by/7days_plus.nsf/All/46943A30264A408D422572AC004523A9?OpenDocument*
14. Лысова, Т. "Чайлдфри… ветка сакуры" [online] Рэспубліка. *http://www.respublika.info/4873/point/article34997/*
15. Минахорян, А. "Откуда берутся чайлдфри" [online] TUT.BY. *http://news.tut.by/217277.html*
16. Мохор, В. "Против кого дружим?" [online] Беларусь сегодня. *http://www.sb.by/post/92444/*
17. Плехова, А. "Свобода от… детей! или Чайлдфри шагает по планете" [online] Женский журнал. *http://www.jurnal.by/list/2594/svoboda_ot_detej_ili_chajldfri-shagaet_po_planete.html*
18. Скойбеда, У. "Я мать, и вы мне все должны" [online] Комсомольская правда в Белоруссии. *http://kp.by/daily/24454/617812/*
19. Сулимова, Т. "Банальность" [online] Беларусь сегодня. *http://www.sb.by/post/79242/*
20. Фроленкова, И., Ивашко, Е. "Чайлдфри" [online] Минский курьер. *http://mk.by/2010/12/21/35083/*

Татьяна Сецко
(ЕГУ, Вильнюс)

ОТВРАТИТЕЛЬНЫЕ ЖЕНЩИНЫ И ИХ ДЕТИ (Опасность репродуктивной потенции на примере анализа фильма Я. Шванкмайера «Полено»)

This article is an attempt to analyze the movie «Little Otik» («Otesánek», 2000) by Jan Švankmajer. The film is viewed as visualization of the fear of female reproductive ability. The author uses the framework of psychoanalysis and gender studies. The key concepts of the work are: abjection (Julia Kristeva), asexuality of intimacy, fear of being non-fertile, demonization of motherhood (Barbara Creed), and viewing the «female» as a threat to the rational.

Этот фильм о еде, но больше о поглощении [9]
Ян Шванкмайер

Так в одном из интервью фильм определяет режиссер, при этом, конечно, ни на чем не настаивая и тут же предлагая другие интерпретации. Сюжет фильма «Полено» основан на фольклорной сказке, где бездетная пара, мечтая о ребенке, сотворяет своего голема: неживое становится живым и поедает все на своем пути. И здесь можно заметить существенное отличие текста написанного от кинематографического: если в первом случае действующее лицо весьма активно и полно желаний, то «Полено» Шванкмайера – это некая инфернальная субстанция, живущая в ином измерении.

«Материнская фигура»: тревожная и тревожащая

В целом мне кажется интересным рассмотреть данный фильм как попытку визуализации страха перед женской репродуктивной потенцией, перед властью монструозно-феминного. В контексте хоррора образ женщины (равно матери) выстраивается как отвратительное[1], как то, что должно контролироваться и подавляться во имя порядка и рациональности. «Феминное» здесь предстает предельно непредсказуемым, пограничным: «отвратительное, – по мнению Кристевой, – с глубокой древности было связано именно с женским началом: женщина в любой культуре считалась носителем скверного, греховного и нечистого» [4].

Основной интерьер фильма «Полено» – многоэтажный дом с винтовой лестницей, в центральной части которого обитает чета Хораковых. Ближе к подвалу, который еще исполнит положенное ему предназначение, живет одинокая старуха, все время проводящая за взращиванием капусты. Верхний этаж занимает пан Злобек, олицетворяя собой подавленную похотливость и дряхлость супер-эго общего конструкта.

Зрители изначально сталкиваются с нехваткой Реального, которая в фильмическом мире панически заполняется детьми. Первая сцена фильма – в гинекологической клинике – очередная фиксация поражения главных героев: в атмосфере «детности» подтверждается их стерильность и, как следствие, конечность. Это и будет являться зерном всех дальнейших действий, направленных на разрешение проблемы.

Анализируя последние высказывания Жака Лакана, которые представляют собой «универсализацию симптома» и сводят женщину на нет, Славой Жижек пишет, что «если женщина не существует, то, возможно, мужчина – это просто женщина, которая думает, что она существует» [1, 40]. Подобный страх смещения и заложен в структуру фильма «Полено». Очевидно, что прямых ссылок на подобный страх нет в самом тексте, но это предположительно отражается на зрителях, которые в какой-то момент теряются, не понимая, чей взгляд и позиция владеют ими. Кон-

[1] Концепт отвратительного используется в том смысле, который предполагала Юлия Кристева, а именно, отвратительное – это то, что расшатывает идентичность, нарушает самотождественность, целостность субъекта. Оно не поддается описанию, но испытывается отторгаемым и отторгающим. Это ни в коем случае не характеристика, не свойство и не отношение к чему-либо. «В отвращении есть что-то от неудержимого и мрачного бунта человека против того, что пугает его, против того, что угрожает ему извне или изнутри, по ту сторону возможного, приемлемого, мыслимого вообще» [3, 37].

фликт разворачивается вокруг бездетности и преодоления ее любыми способами. В то время как женское «соскакивание» на ребенка рассматривается как естественное, то не-нормальное поведение мужчины (навязчивые младенцы-видения) подчеркивается общим подавленным и пассивным положением в тексте фильма. Пан Хораков всячески скрывает свое беспокойство по поводу патологической стерильности и неспособности к продолжению рода, он отмахивается от галлюцинаций, которые неотступно преследуют его.

Рождение Полена – это своего рода перверсия внутреннего существования, нарушение правил игры-воспроизводства за неимением возможности победить иначе. С первыми кадрами на зрителей буквально нападает беременный город: женские животы выглядят ужасающе, содержание их сомнительно, но власть и привилегированное положение не вызывают сомнения. Ян Хораков осторожно всматривается, нерешительно переводя взгляд на лица, которые такие же непонятно-хищные. Глазами робкого мужчины мы смотрим на мир воспроизводства, который представляется беспощадной самовозобновляющейся фабрикой.

Материнская фигура в кинематографическом пространстве предельно демонизируется и репрезентируется как нечто не-нормальное, тревожное и тревожащее. Потенциальная или фактическая беременность влечет за собой представление «женского» как расщепленного субъекта и удвоенного тела [8, 31], которое не признает границы, и тем самым не укладывается в «удобный» бинаризм мира. Оно угрожающе непредсказуемо. «Архаический страх перед матерью оказывается страхом перед ее воспроизводительной силой», пишет Юлия Кристева, этот образ отзывается в воображаемом народа, он всемогущ и опасен своей неподконтрольностью. Присутствие архаической матери в рамках хоррора всегда негативно и наполнено отторжением, оно нарушает границы, так что зрителю приходится убрать взгляд, отвернуться, устыдившись своего вуайеризма.

Нэнси Чодороу, ссылаясь на Карен Хорни, пишет про неоднозначность страха перед матерью – «ее нельзя просто отвергнуть и игнорировать» [7, 43]. Зависимость от «слабой» матери провоцирует неприязнь и отторжение, которые ребенок в силу своего положения не может реализовать. Юлия Кристева говорит о том, что мать становится а-бъектной в тот момент, когда ребенок отбрасывает ее, чтобы войти в символический мир отца, отбрасывает так же, как она его в момент родов, ради собственной единичности, ради уничтожения «двойного организма» с нечеткими

границами, посему роды предстают в виде ампутации ребенка, прежняя связь с которым, конечно, полностью не обрывается.

«Во время эдипова периода оба пола начинают испытывать негативные чувства к матери» [7, 41], вследствие чего формируется обесценивание женственности и всего, что с этим связано. «Кастрация», если говорить словами Фрейда, означает неполноценность. Что мы видим у Шванкмайера: подавленная ненависть на фоне нещадной силы материнства. Оно фатально и механично.

Мужчина, Женщина, Полено

Интерпретаторы фильма «Полено» в большинстве своем делятся на два лагеря: одни ориентируются на сумасшествие бездетной женщины, которая своим желанием иметь ребенка изводит окружающих, вторые говорят о ненасытности ребенка и пожирании как таковом. В целом упускается один очень значимый и визуально заметный аспект, а именно, мужской характер помешенности на детях. Невозможность воспроизводства истончает смысл существования Боженки, но большее беспокойство проявляется в пане Хоракове, разливаясь виной и неполноценностью. Тревожность переходит в навязчивые фантазматические видения, которые сводятся к добыванию ребенка. Он занимает очередь за детьми-селедками, находит младенца в теле арбуза и, в конце концов, решает вопрос в корне: принимает роды, буквально вырывая плод земли.

Стоит сказать, все образы фильма напрочь лишены сексуальности, намеков на частную жизнь. Единственная постельная сцена неудачна даже в своем начинании да и стала возможной только в виду опьянения пана Хоракова. Это условное заигрывание было резко обрублено женой, что свело его в область жалкого и лишнего. Дети, само их рождение не связаны ни с сексом, ни с проявлением эмоций. Секс изгнан из области, где

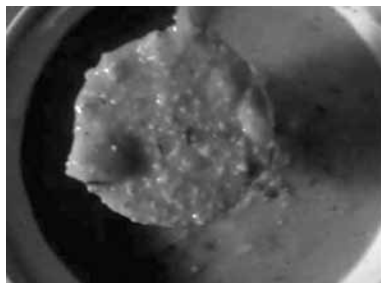
он не просто предусматривается (семейные отношения), а где исключительно необходим (воспроизводство). Влечение смещено с ожидаемого места в сферу отношений девочки-подростка Альжбетки и пана Злобека, которого либидо доводит до потери сознания, но он подымается и с трудом тянется по винтовой лестнице на верхний этаж, где, как мы узнаем позже, протекает низкий потолок и стены сжимают комнату до размеров коробки. Однако и Альжбетка изучает литературу сексуальной тематики словно инструкцию по эксплуатации тела. Больше внимания отведено репетиции, проигрыванию материнства: Альжбетка обнимает мячик под кофтой, пани Хоракова шьет «животы» по колличеству беременных месяцев, бабушка с нижнего этажа оплодотворяет землю.

Все сказанное ранее и касающееся желания ребенка – оформление, фон, лишь условие для появления детей как продолжения ужасного. В данном контексте младенец не отличается от других отвратительных продуктов материнского тела: «…нечистыми являются выделения. Всякая секреция, вытекание, все, что ускользает из женского или мужского тела – грязно» [3, 138]. Младенцы Шванкмайера ужасающе природны, они есть отторгнутый матерью сгусток плоти. Нет достоверности, что они станут доступными к пониманию. В фильме мать и ребенок-полено существуют в сцепке, они соединены автоматической силой не чувства,

а сверхзадачи. Ребенок – конечная цель и смысл матери, мать же для него – способ выживания и инициация в мир живых. Отец из этого дуэта исключен, его робкие попытки стать между ними Законом заканчиваются там, где и начинаются. Мужчина является переменной величиной на фоне постоянства ребенка и матери, его порождающей.

Обращаясь к таким фильмам, как «Психо» («Psycho», Hitchcock A.), «Птицы» («The Birds», Hitchcock A.), Барбара Крид (Barbara Creed) пишет о популярном страхе, что возникает при встрече с монструозно-феминной фигурой, которая стоит на пути ребенка к Символическому. Ребенок зависает между «желанием замкнуться в блаженных отношениях с матерью» [2, 190] и стремлением превратить ее в объект. У Шванкмайера ужас заключен несколько в другом. Коммуникация, отношения как таковые в фильме представлены весьма специфично, они формальны, сведены к имитации и лишены чувств: никакой фиксированности, никто никого не держит. Мать Альжбетки заботливо и тотально кормит семью, отец – условно поучает и прикрикивает. Все это вполне соответствует «показательным» реакциям девочки, которая вроде бы совпадает с течением повседневных событий, реагируя адекватно и своевременно, однако возникает ощущение, что все действия со стороны внешнего мира ее практически не задевают.

По мысли Лакана, «у человека связь с природой оказывается искаженной в силу наличия в недрах его организма некой трещины, некоего изначального раздора» [5], который есть у человеческого и отсутствует у животного мира. Животные же обладают теми качествами, которые человек навсегда утратил, а именно свободой и дикостью [6, 121]. Определенным образом в фильме два мира сталкиваются, а связующим элементом между ними проступает младенец-полено, утрированно представляющий оральный мир. Находясь на стыке человеческого и природно-животного, он концентрирует в себе весь потенциальный ужас, а его пищевая необузданность напоминает способ познания мира. Темой поглощения наполнен как данный фильм, так и творчество Шванкмайера в принципе, а как пишет Кристева, «пища – это оральный объект (это объект), который основывает архаическое отношение человека к другому, своей матери, хранительницы силы, настолько же жизненной, насколько опасной» [3, 112]. Благодаря крупным планам зрители буквально заглядывают в чужие тарелки, навязчиво появляющиеся в кадре. Однако то, что предлагается под видом еды, уже изначально представляет собой сомнительное месиво, слизкую кашицу, отходы.



Сюрреалистическая атмосфера фильма поглощает зрителя, уводит его от действительного в некий пограничный мир, где живое и мертвое шатко следуют по дороге кастрационной угрозы. Кадры полны повторяющихся мотивов и крупных планов: женский рот, изрекающий желания, кусающий, есть не что иное как образ «vagina dentata» – герои фильма, как и условные зрители, обездвижено замирают в страхе перед «женщиной» – пожирающей и порождающей одновременно. Но ребенок, исходящий из матери, продолжающий ее, является не менее опасным. И хватка его не слабее.

Литература

1. Жижек, С. 1999. *Возвышенный Объект Идеологии*. М.: Художественный журнал.
2. Крид, Б. 2006. *Ужас и монструозно-фемининное. Воображаемое отторжение (абъекция*. Фантастическое кино. Эпизод первый: [сб. ст. / сост. и науч. ред. Н. Самутина]. М.: Новое литературное обозрение.
3. Кристева, Ю. 2003. *Силы ужаса: эссе об отвращении*. СПб.: Алетейя.
4. Кульпина, Ю. Либирейшн. “Страницы новейшей her-story”. Art Journal Academia. [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://beeflowers.com/essays/kulpina_ru.html*

5. Лакан, Ж. “Я в теории Фрейда и технике психоанализа”. [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://www.koob.ru/lakan_zhak/lakan_seminar_2*
6. Салецл, Р. 1999. *(Из)вращения любви и ненависти.* М.: Художественный журнал.
7. Чородоу, Н. 2000. *Воспроизводство материнства. Антология гендерной теории.* Минск: Пропилеи.
8. Kristeva, J. “Women's Time”. Signs, Vol. 7, No. 1. (Autumn, 1981). The University of Chicago Press.
9. Wood, J. “A Quick Chat with Jan Svankmajer and Eva Svankmajerová”. [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://www.kamera.co.uk/interviews/svankmayer_svankmajerova.html*

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Дарья Пастухова
(Белорусский институт правоведения, Минск)

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ

The EU law system is examined. The main part of the article characterizes the principles of EU law with reference to the views of scientists, the founding treaties, and the practice of the Court of Justice. In conclusion the author offers some proposals for the adaptation of Belarusian legislation to European standards and securing of the general principles of law.

Европейский союз представляет собой уникальное надгосударственное образование, в которое входит 27 стран Европы с населением 501 млн человек (по состоянию на 01.01.2010 г.). В рамках Европейского союза сформировалась уникальная правовая система, которая органично сочетает элементы национального и международного права, опыт континентальной и англосаксонской правовых систем.

Основой права Европейского союза являются его принципы как основополагающие правовые идеи (положения), которые определяют содержание правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности союза в целом и отдельных государств-членов в частности.

В научной литературе до настоящего времени не сложилось единого подхода к системе принципов права Европейского союза. По мнению российского ученого, профессора С.Ю. Кашкина, принципы права ЕС можно разделить на несколько групп, которые различаются своим назначением и сферой действия, а именно: 1) принципы верховенства и прямого действия права союза, определяющие его соотношение с правовыми систе-

мами государств-членов; 2) общие принципы права как исходные начала, которые действуют во всех сферах ведения союза и присущи другим правовым системам; 3) специальные принципы права, имеющие силу в рамках отдельных отраслей или сфер правового регулирования; 4) принципы деятельности Европейского союза, которые определяют порядок реализации союзом имеющейся у него компетенции [4, 47].

Что касается общих принципов права Европейского союза, то к ним, по мнению российских исследователей, относятся положения, сформулированные в решениях Суда Европейских Сообществ: 1) обязательность соблюдения основных прав личности; 2) процессуальные права и гарантии применительно к делам, рассматриваемым наднациональными институтами; 3) принцип правовой определенности, согласно которому законодательство ЕС должно быть ясным и предсказуемым для всех субъектов [4, 50–51].

Ряд общих принципов права Европейского союза получил закрепление в Договоре о Европейском союзе, подписанном 7 февраля 1992 г. в Маастрихте (Нидерланды). В ст.6 Договора предусмотрено, что «Союз основан на принципах свободы, демократии, уважения прав человека и основных свобод, а также господства права – принципах, общих для всех государств-членов» [1, 6].

В Лиссабонском договоре 2007 г. вышеназванные принципы закреплены в качестве общих ценностей Европейского союза. Согласно ст. 2 Договора о Европейском союзе в редакции Лиссабонского договора, «Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин» [6].

Рассмотрим подробнее указанные принципы.

Принцип верховенства права Европейского союза означает, что правовые нормы, входящие в это право (как учредительные договоры, так и иные законодательные акты), имеют приоритет перед правилами, закрепленными в национальном законодательстве. Нормы права ЕС обладают на территории государств-членов высшей юридической силой, даже если эти государства голосовали против их принятия.

Следует отметить, что признание данного принципа в истории европейской интеграции проходило непросто. Суду ЕС приходилось не один раз принимать меры к тому, чтобы противоречащие праву ЕС на-

циональные правовые акты не применялись. Так, в решении по делу «Комиссия ЕС против Италии» от 13 июля 1972 г. Суд подтвердил, что национальные суды в случае констатации противоречия национальной нормы праву Сообщества должны немедленно издать предписание о прекращении действия такого рода нормы. Определенные возражения против применения данного принципа в свое время выдвигались и в ФРГ. В частности, Федеральный административный суд настаивал на том, что он сохраняет за собой право оценки возможности применения актов европейского права, если последние противоречат фундаментальным правам и свободам, закрепленным в Основном Законе ФРГ. В данном случае противоречие удалось снять за счет признания Судом ЕС основных демократических прав и свобод, закрепленных в конституциях государств-членов, равно как и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г. В последующем это нашло закрепление в ст. 6 Договора о ЕС [3, 56].

В настоящее время принцип верховенства права приобрел универсальное значение и признается всеми государствами-членами ЕС.

Под принципом прямого действия понимается непосредственное действие и обязательная применимость норм права ЕС на всей территории Европейского союза и в отношении всех субъектов европейского права.

В реализации данного принципа выделяется два аспекта: во-первых, установление обязанности соблюдения норм права ЕС всеми государствами-членами, юридическими и физическими лицами; во-вторых, наделение соответствующих субъектов правоотношений конкретными правами и обязанностями. Как следствие, любое физическое или юридическое лицо, которое полагает, что его права и свободы, закрепленные в правовых актах ЕС, нарушены, может обращаться за защитой в национальные судебные органы.

Большой вклад во внедрение принципа прямого действия права ЕС внес Суд Европейских Сообществ. Одним из первых решений Суда в этой сфере стало решение по делу компании «VanGend» от 5 февраля 1963 г. Эта компания, занимавшаяся импортом химикалиев, оспорила в судебном порядке правовой акт ЕС о повышении таможенных пошлин на ввозимую продукцию, ссылаясь на положение ст.12 Договора о ЕС о запрете такого повышения в условиях общего рынка. Суды Нидерландов отказывались принять такой иск к производству, полагая, что эта правовая норма должна быть имплементирована в национальное законодательство.

Суд ЕС в решении по жалобе данной компании признал, что «Сообщества представляют собой новый международный правопорядок, в пользу которого государства ограничили свои суверенные права в определенных областях, и субъектами которого являются не только государства-члены, но и граждане. Право Сообщества вне зависимости от законодательства государств-членов не только налагает обязанности на частных лиц, но также наделяет их правами, которые становятся частью их правового достояния. Эти права возникают не только в том случае, когда они прямо выражены в договоре, но также вследствие обязательств, которые договор строго определенным образом налагает на частных лиц, равно как на государства-члены и институты Сообщества». По мнению Суда, статья 12 Договора о ЕЭС налагает конкретное негативное (запрещающее) обязательство на все государства-члены, что предполагает право частных лиц воспользоваться такого рода обязательством. Суд постановил: «В соответствии с духом, общим смыслом и буквой Договора о ЕЭС статья 12 должна быть истолкована как оказывающая прямое действие и порождающая индивидуальные права, которые подлежат защите национальными судами» [5, 1–10].

Суд ЕС изложил также свою позицию о применении принципа прямого действия относительно норм учредительных договоров. В частности, Суд исходит из того, что целый ряд норм учредительных актов может применяться напрямую, даже если отсутствуют изданные в их развитие акты вторичного права (регламенты, директивы, постановления). Это касается тех норм учредительных договоров, которые закрепляют позитивное обязательство или запрет. В дальнейшем правоприменительная практика привела к признанию на концептуальном уровне прямого действия за правом ЕС в целом.

К общим принципам права ЕС относятся положения, образующие достояние европейской цивилизации и отраженные в законодательных актах и решения Суда ЕС. Важнейшими среди них являются нормы, закрепленные в ст.6 Договора о ЕС: уважения прав человека и основных свобод, принцип свободы, принцип демократии, принцип правового государства.

Российский специалист по вопросам европейского права С.Ю. Кашкин к общим принципам права ЕС относит также принцип равенства, получивший закрепление в Договоре о ЕЭС 1957 г . и Хартии Европейского Союза об основных правах 2000 г. По его мнению, этот принцип имеет пять составляющих: юридическое равенство, недискриминация по государственной принадлежности, половое равенство, социальное

равенство, уважение культурного, религиозного и языкового разнообразия [7, 75].

Специальные принципы права ЕС представляют собой правовые положения, которые регулируют деятельность Европейского Союза в конкретных сферах. Эти принципы действуют в рамках отдельных отраслей права ЕС. Например, в экологическом праве применяются принципы предосторожности и ответственности загрязнителя, которые закрепляются в ст. 174 Договора о ЕС; в трудовом праве – принципы равной оплаты за равный труд и равенство в трудовых отношениях мужчин и женщин (ст. 141 Договора о ЕС); в антимонопольном праве – принципы конкуренции и запрета государственной помощи (ст. 87 Договора о ЕС).

К специальным принципам права ЕС можно отнести также принципы судопроизводства, которые призваны обеспечивать равноправие сторон в процессе, право на защиту, состязательный характер, возможность обжалования судебных решений.

Основными принципами деятельности Европейского Союза, которые определяют порядок реализации Союзом имеющейся у него компетенции, считаются принципы субсидиарности и пропорциональности. Они получили закрепление в статье 5 Договора о ЕЭС 1957 г.

Принцип субсидиарности требует от институтов ЕС проявлять активность там, где государства-члены не в состоянии самостоятельно решать проблемы своих народов, а также там, где действия на уровне Сообщества способны принести лучший результат, чем когда проблема решается на уровне отдельных государств.

Принцип пропорциональности означает, что в своей деятельности институты ЕС не должны выходить за пределы предоставленных им полномочий и применять власть настолько, насколько этого требует ситуация. Этот принцип действует и в сфере нормотворчества: если законодательный акт ЕС устанавливает обязательства, явно не соответствующие цели его принятия, то он должен быть аннулирован.

Представляется, что указанные принципы права Европейского союза должны иметь приоритетное значение для стран, которые нацелены на европейскую интеграцию. К числу таких стран относится и Беларусь. В числе других стран-соседей ЕС она включена в Европейскую политику добрососедства (ЕПД). Однако после президентских выборов 1994 г. между ЕС и Беларусью возникли сложности в отношениях, что сопровождалось снижением уровня контактов. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, подписанное между Европейским союзом и Республикой Беларусь в 1995 г., не было ратифицировано и, следовательно, не всту-

пило в силу из-за несоблюдения Беларусью основных демократических прав и свобод.

Тем не менее, отношения между ЕС и Беларусью продолжали развиваться. В марте 2008 г. в Минске было открыто представительство Комиссии ЕС, а в мае того же года Беларусь была включена в программу ЕС «Восточное партнерство». Эта программа предусматривает укрепление сотрудничества ЕС с шестью республиками бывшего СССР – Украиной, Молдовой, Азербайджаном, Арменией, Грузией и Беларусью. В качестве основных направлений сотрудничества в программе провозглашены: 1) демократия, надлежащее государственное управление и стабильность; 2) экономическая интеграция; 3) вопросы энергетической безопасности; 4) развитие контактов между людьми.

На сегодняшний день приоритетные направления диалога между ЕС и Беларусью включают в себя трансграничное сотрудничество, взаимодействие в сферах охраны окружающей среды, торговли, транспорта, энергетики, здравоохранения и культуры, развитие контактов между людьми, демократии и прав человека и информирование граждан Беларуси и Европейского союза.

В апреле 2010 г. Европейская Комиссия представила концепцию сотрудничества с Беларусью в рамках Национальной индикативной программы (НИП) для Беларуси на 2012–2013 гг. Среди ее приоритетов – обеспечение надлежащего управления в Беларуси, развитие межличностных контактов между гражданами Беларуси и гражданами ЕС, а также содействие экономической модернизации страны. В данный момент концепция находится в процессе доработки с учетом предложений, полученных от общественных организаций.

17 июня 2011 г. статус представительства ЕС в Беларуси был повышен в связи с назначением его главой посла. Им стала Майра Мора, которая 22 сентября 2011 г. получила агреман от главы белорусского государства.

В настоящее время официальные отношения между ЕС и Беларусью переживают новый кризис, вызванный непризнанием ЕС итогов последних президентских выборов в Беларуси и принятием санкций в отношении белорусского руководства. Парламентская ассамблея Восточного партнерства (Евронест) начала работу без участия Беларуси [2, 10].

Несмотря на временные сложности в отношениях ЕС и Беларуси, актуальными и неизменными для белорусского общества должны оставаться европейские приоритеты. Имея в виду европейский выбор развития, общие принципы права ЕС, предлагается наметить и осуществить программу трансформации законодательства Республики Беларусь.

Для обеспечения действия принципа верховенства закона необходимо восстановить в стране конституционную законность, а, значит, и действие Конституции 1994 года, незаконно отмененной в результате ноябрьского референдума 1996 года. Этот шаг может стать отправной точкой в правовой реформации Республики Беларусь.

Следующим шагом на пути восстановления в стране законности может стать восстановление полномочий парламента, который должен стать реальным представительным и законодательным органом власти. Принимаемые им законы должны иметь высшую юридическую силу и прямое действие. Все органы власти, в том числе президент, обязаны соблюдать положения законов и нести ответственность за их нарушение.

Гарантом законности и соблюдения прав граждан должен стать независимый суд. Для этого необходимо изменить порядок формирования судов. Следует вернуться к системе, которая действовала до отмены положений Конституции 1994 г., а именно: избрание судей высших судов парламентом и назначение всех остальных президентом по представлению судейского сообщества.

Европейским стандартам в области обеспечения прав граждан будет соответствовать учреждение должности уполномоченного по правам человека, а также предоставление гражданам права на непосредственное обращение в Конституционный Суд в случае нарушения их основных прав и свобод (при соблюдении определенных условий).

Еще одним средством приближения к европейским стандартам в области прав человека может стать вступление Беларуси в Совет Европы и подписание Европейской конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г. В этом случае граждане страны получат возможность обращаться в Европейский суд по правам человека, если закрепленные в Европейской конвенции права и свободы не получат адекватной защиты в судах Республики Беларусь.

Принимая конкретные меры по осуществлению общих принципов права Европейского союза, Республика Беларусь будет развиваться в демократическом направлении и постепенно приближать национальное законодательство к общепризнанным европейским стандартам. Для этого необходимо прилагать усилия не только отдельным юристам, но и всему обществу, что позволит в итоге трансформировать действующую систему органов государственной власти.

Литература

1. European Union. 1997. Consolidated treaties. Luxemburg: Office for Official Publications of the EC, Art. 6.
2. Евробюллетень (Информационное издание представительства ЕС в Беларуси). 2011. № 2 (13).
3. Европейское право. 2007. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: Учебник для вузов / Рук.авт. колл и отв. ред. Л.М. Энтин. 2-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма.
4. Право Европейского Союза: учебное пособие / С.Ю. Кашкин, А.О. Четвериков, П.А. Калиниченко (и др.). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010.
5. "Суд Европейских сообществ". 2001. *Избранные решения*. М.: Норма. 1–10.
6. "Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества от 13 декабря 2007 г." *Официальный журнал Европейского Союза* [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://eur-lex.europa.eu*
7. Кашкин, С.Ю. (ред.). 2008. Введение в право Европейского Союза. М.: Эксмо.

Мария Короткевич
(Академия управления, Минск)

СИСТЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ СОВЕТА ЕВРОПЫ И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С СИСТЕМОЙ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

The paper analyzes human rights and fundamental freedoms guaranteed by the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and by the European Court of Human Rights. Research is directed towards revealing the application mechanism of the Convention. The article considers efficiency of the instruments used for the maintenance of the Convention and possibilities of using some of them in conformity with the Belarusian legal system.

Права человека являются общепризнанной ценностью в современном мире, и вопросы их реализации и охраны вызывают серьезный общественный, политический и научный интерес. Все современные демократические государства провозглашают неотъемлемость основных прав и свобод человека. Указания на недостаточное внимание к правам человека используются в качестве орудия давления в политике, исходя из недостатков в системе обеспечения прав осуществляется на международном уровне влияние на государства, их правительства либо органы. Однако недостаточно только провозгласить наделение всех правами и свободами. Гораздо более ценным видится создание эффективно действующего механизма соблюдения прав и их защиты. В различной степени успешные попытки создания подобных систем производились как в общемировом, так и региональном масштабе.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), принятая в 1950 году, является основой механизма охраны прав человека, созданного в рамках Совета Европы. Для реали-

зации целей Конвенции был создан Европейский суд по правам человека (далее – Суд), поэтому их правообеспечительные и контрольные функции органически взаимосвязаны. Конвенция содержит систему императивных по своей сущности норм международного права в области прав человека. Европейский суд по правам человека является инструментом по обеспечению действия положений Конвенции путем разрешения споров, возникающих при нарушении Конвенции, а также контрольных полномочий. Невозможно рассматривать систему исполнения решений Суда в отрыве от контрольного механизма Конвенции. Указанный алгоритм защиты прав и свобод представляет интерес благодаря своему длительному функционированию, глубокой разработанности и перманентному развитию в направлении совершенствования не только материального права в области прав человека, но и инструментов его эффективного применения.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод является одним из значительных достижений Совета Европы. Этот международный договор, который считается «беспрецедентным по своей значимости» [9], был принят в 1950 г. и вступил в силу в 1953 г. В процессе принятия Конвенции возникали некоторые сложности, связанные с принципиальными вопросами. Так, экспертами поднимался вопрос о том, насколько подробным должен быть перечень закрепляемых прав и свобод. Принятый вариант договора показал, что в сравнении, например, с Всеобщей Декларацией прав человека, Конвенция содержит более узкий круг провозглашаемых прав и свобод. Однако это вовсе не умаляет ее роли: при создании Конвенции основной акцент был сделан на «максимальном обеспечении соблюдения закрепленных в ней прав, пусть даже в ущерб их количеству» [6, 485]. То есть приоритет реальности, а не декларативности всех положений изначально стал имманентным свойством Конвенции. Кроме того, Конвенцией впервые в рамках международного договора о защите прав человека был создан конкретный механизм их защиты – права и свободы каждого человека были гарантированы участвующими государствами, парламенты и судебные органы получили прочную основу для принятия и толкования законов. Сегодня именно благодаря Конвенции о защите прав человека и основных свобод Совет Европы зачастую ассоциируется с традицией уважения и приоритета прав человека.

Принципиальные основополагающие начала, вкладываемые в международный документ, уважение к уже сложившимся принципам и нормам, во многом обусловливают его место в системе международного

права и приобретенную роль в регулировании соответствующих отношений. Конвенция следует концепции изложения естественных прав и свобод согласно ст. 1 Всеобщей Декларации прав человека. Всем лицам, находящимся под юрисдикцией государств-участников, гарантируются права и свободы, исключительные ограничения допустимы только для указанных в Конвенции целей и лишь в отношении строго определенного круга прав. Существенные права и свободы – право на жизнь, запрет пыток, смертной казни, рабства или подневольного состояния, а также обратной силы закона – нельзя отменять в случае войны или чрезвычайного положения. Сформулированные в Конвенции права и свободы касаются отношений только между личностью и государством, при этом иск может быть предъявлен только государству. Государственные учреждения и должностные лица обязаны соблюдать эти права и свободы. Устанавливается право индивидуума на эффективные средства правовой защиты в национальных инстанциях. То есть Конвенция, основываясь на имманентных принципах, отвечает традициям международного права и современным требованиям.

Учитывая значение Конвенции на всем европейском континенте, нельзя обойти вниманием вопросы соотношения и возможного взаимодействия данного документа с отечественным законодательством и правоприменительной практикой. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. является инструментом Совета Европы, имеющим действие на территории всех стран, присоединившихся к данному договору. Республика Беларусь, как известно, не является членом этой международной организации и не так давно утратила статус специального приглашенного. Более того, в последнее десятилетие наблюдается охлаждение отношений государства с Советом Европы. Однако, как утверждает Г.А. Василевич, «судебная система в Республике Беларусь, опираясь на передовое правосознание, может взять на себя обязательство следовать важнейшим положениям Конвенции» [8]. Нормы Конституции Республики Беларусь способствуют такому взаимодействию, так как концептуально права и свободы человека и гражданина схожи с аналогичными нормами Конвенции. Оценивая роль Конвенции в деле защиты прав человека, председатель Европейского суда по правам человека неоднократно подчеркивал, что «за время своего существования она достигла уровня конституционного закона для всей Европы» [5, 32].

Уже в процессе принятия Конвенции стало понятно, что для ее действия будет необходимо создание наднационального органа, отличного

от Международного Суда ООН, который мог рассматривать только дела, сторонами в которых выступали государства, из-за предусмотренной возможности подачи петиций частными лицами о нарушении их прав или свобод. Это обстоятельство делало просто необходимым создание именно Европейского суда по правам человека. Первоначально на основании Конвенции были образованы два органа: Европейская комиссия по правам человека и Европейский суд по правам человека, которые были наделены полномочиями по рассмотрению жалоб как государств, так и отдельных лиц. Позднее Суд эволюционировал от первоначальной модели двух институтов под контролем политического органа к более оптимальному варианту деятельности. Впервые в практике международного суда индивиды получили к нему прямой доступ. У Суда появилось право толкования, что позволяет ему применять нормы в соответствии с «духом» Конвенции. Страны получили возможность обжаловать в судебном порядке несоблюдение другим государством – участником закрепленных в договоре прав и свобод частных лиц.

В структуре Суда, согласно Регламенту, можно отметить четыре Секции, состав которых должен быть сбалансирован по географическому и половому признаку и должен представлять различные правовые системы государств–участников Конвенции. Жалоба, поданная в Суд, проходит процедуру оценки допустимости, а затем рассмотрение по существу. Правила процедуры предусматривают «полюбовное», т.е. мирное урегулирование спора, однако при этом Суд несет ответственность за гарантию соблюдения прав. Рассмотрение поданного заявления не всегда оканчивается вынесением решения, по определенным причинам дело может быть исключено из списка. Сегодня система исполнения и контроля реализации конвенционных положений способствует тому, что Конвенция остается адекватным и подвижным инструментом обеспечения прав человека.

Как отмечает профессор Р.М. Валеев, «международный контроль как средство обеспечения выполнения государствами своих международно-правовых обязательств играет существенную роль в достижении эффективности норм международного права» [2, 34]. Поэтому деятельность Европейского суда по правам человека по восстановлению нарушенных прав, толкованию и наблюдению за реальным действием Конвенции является основополагающим вектором в реализации норм Конвенции. Контрольный механизм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., представляющий главным образом Суд, считается «самым эффективно действующим в мире» [3, 2].

Однако это не единственная составляющая контрольного механизма Конвенции. Сама по себе Конвенция не предусматривает внутренних механизмов обеспечения своей юридической силы, их должны создать государства-участники, то есть «предписания данного договора нуждаются во внешнем обеспечении» [4, 39]. Существует второй вектор – деятельность государств по интеграции положений Конвенции во внутреннее право, призванная гарантировать использование ее норм наравне с национальными. Сегодня Нидерланды, Австрия, Франция, Бельгия, Испания и другие инкорпорировали Конвенцию в национальную правовую систему, суды и органы власти непосредственно применяют ее как источник внутреннего права. В частности, в Нидерландах большинству существенных положений Конвенции придан иерархически более высокий статус, чем Конституции. Сила Конвенции равна силе Конституции в Австрии. Выше обычных законов, но ниже Конституции Конвенцию провозглашают Франция, Бельгия, Португалия, Греция, Кипр. В Турции, Италии, Германии Конвенция приравнена к обычному закону. Но все страны, «независимо от степени интегрированности Конвенции во внутригосударственное право, обязались выполнять постановления Европейского суда» [7, 65]. В обеспечение исполнения положений Конвенции создана уникальная система не только международного, но и внутригосударственного, «автономного» контроля, который обеспечивает баланс, а также реальное действие документа, содержащего нормы о важнейших свободах и правах каждого индивида.

Права человека – одна из сфер международного права, в которой на современном этапе значительное место занимает не создание новых материальных норм, а поиск наиболее оптимальных способов проведения в жизнь правовых положений. Советом Европы создан особый региональный механизм защиты прав человека, основанный на принципах международного права и представляющий возможность контроля исполнения правовых положений.

Таким образом, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., содержащая не столь широкий перечень провозглашаемых прав и свобод, как, например, Всеобщая Декларация прав человека, получила для всей Европы значимость, сравнимую с конституционным законом в сфере прав человека. Данный статус Конвенция приобрела благодаря созданному на ее основе механизму реализации права, а также приверженности основополагающим международным принципам и устремленности к совершенствованию для действенного функционирования. Решения Европейского суда по правам человека

являются стандартами для национальных судов стран Совета Европы. Исходя из этого, а также особого значения Конвенции в праве европейских государств, представляется вероятным, что судебная система Республики Беларусь в той или иной мере воспримет практику, сформированную Судом и Конвенцией. Кроме того, для подобного взаимодействия существует масса предпосылок как в национальном праве, так и в международных стандартах и обязательствах Республики Беларусь.

В системе Европейского суда по правам человека как инструмента по имплементации и контролю исполнения норм Конвенции, созданы надлежащие условия и механизмы, позволяющие ему осуществлять возложенные функции наиболее эффективно, в соответствии с требованиями, предъявляемыми временем. Передовыми принципами функционирования Суда являются прямой доступ частных лиц в международный судебный орган, возможность расширительного толкования норм Конвенции для правильной их реализации, право обжалования государствами несоблюдения прав и свобод человека со стороны другого государства – участника Конвенции. Кроме того, положения Конвенции в различной степени интегрированы во внутреннее право государств – участников для обеспечения использования ее норм наравне с национальными.

Некоторые элементы, выработанные системой защиты прав человека Совета Европы, могут быть применимы в практике других правовых систем. В случае, когда один гражданин нарушает права другого, для восстановления нарушенных прав вмешивается государство. Но если права нарушаются государством, представляется более рациональной необходимость некоего надгосударственного органа, обладающего соответствующей компетенцией. Создание специальных международных органов (в особенности судебных, так как этот вид институтов основан на принципах независимости, равенства и справедливости), позволяет создать условия для строгого исполнения государствами своих обязательств. Однако при этом необходимо увязывать специфику правовой системы, на фундаменте которой применяются те или иные принципы.

Европейская система сегодня успешно функционирует, но и перед ней возникают новые вызовы. Во второй половине 90-х годов Совет Европы пришел к выводу о необходимости более тесного единства своих членов в обеспечении и дальнейшей реализации на практике прав человека и основных свобод и совершенствовании методов деятельности в данной сфере. Решением встречи глав государств и правительств, прошедшей в октябре 1997 г. в Страсбурге, было предусмотрено введение нового поста Комиссара по правам человека. Комитет Министров на сес-

сии в Будапеште в мае 1999 г. принял Резолюцию «О Комиссаре Совета Европы по правам человека», в соответствии с которой учреждалась названная должность. Комиссар по правам человека Совета Европы выполняет функции, отличные от полномочий иных органов и институтов. Он сотрудничает с государствами, их органами по защите прав человека, иными организациями, в том числе международными, при осуществлении целей своей деятельности. Представляется также, что роль Комиссара в значительной мере состоит в персонификации в целом европейской модели соблюдения и защиты прав человека. На сегодняшний день Комиссар Томас Хаммарберг участвует в сессиях Комитета министров, обнародует свою точку зрения по поводу различных аспектов прав человека, осуществляет визиты в различные государства, являясь, таким образом, «лицом» европейской системы обеспечения прав и свобод индивидов.

В развитии системы охраны прав человека, которая берет начало с Европейской конвенции прав человека и основных свобод, а также расширяется и совершенствуется в рамках Совета Европы, можно отметить тенденции постоянной оптимизации и поиска ответов на вызовы современности. Так, количество дел, рассматриваемых ежегодно Судом, постоянно растет [1] и прослеживается необходимость принятия мер превентивного характера, поиска новых решений для устранения предпосылок нарушения прав человека, предотвращения негативного влияния иных правовых и организационных причин. Таким образом, система защиты прав человека, созданная на основании Конвенции как правового фундамента, закрепляющего принципиальные начала и основные права и свободы индивида, является жизнеспособной, стабильной и вместе с тем перманентно меняющейся в соответствии с требованиями действительности.

Литература

1. Applying and Supervising the ECHR. 2004. Reform of the European human rights system: proceedings of the high-level seminar, Oslo, 18 October 2004 / Directorate General of Human Rights Council of Europe. Oslo.
2. Валеев, Р.М. 2003. *Контроль в современном международном праве.* Казань: Центр инновационных технологий.
3. Дженнис, М., Кэй, Р., Бредли, Э. 1997. *Европейское право в области прав человека: практика и комментарии.* М.-Будапешт: Права человека.
4. Люббе-Вольфф, Г. 2006. “Европейский суд по правам человека и национальные суды: дело Гёргюлю”. *Сравнительное конституционное обозрение* 1: 39–42.

5. Рисдал, Р. 1993. “Проблемы защиты прав человека в объединенной Европе”. *Государство и право* 4: 29–36.
6. Чертов, А.А. 2007. “Влияние деятельности Европейского Суда по правам человека на эффективность международных правовых норм в сфере прав человека”. *Актуальные проблемы российского права* 2: 482–489.
7. Чуркина, Л.М. 2007. “Контроль как условие эффективного исполнения постановлений Европейского суда по правам человека”. *Вестник Поволжской академии государственной службы* 13: 64–68.
8. Василевич, Г.А. 2002. “Возможности реализации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в практике Конституционного Суда Республики Беларусь и национальных судов”. *Белорусский журнал международного права и международных отношений.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: № 3 *http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=502&Itemid=53.* – Дата доступа 16.03.2010.
9. “Права человека: их защита, пропаганда и предупреждение их нарушения”. *Европейская конвенция о защите прав человека: право и практика* [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.echr.ru/coe/activity/800_europeans_7.htm.* Дата доступа: 03.05.2010.

Юлия Петрович
(Брестский государственный университет)

ПРАВО НА ГУМАНИТАРНУЮ ПОМОЩЬ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

The problem of maintaining international security has always been topical. Many modern conflicts can seem distant to those who are not directly at the front line. However, nations of the world should compare the risks resulting from action with the proved risks of inactivity. Only few modern conflicts can be considered originally local. The question of rendering humanitarian acquires special value in connection with the constant increase in the quantity of operations to maintain peace and, quite often, with investment of peacemakers with functions to render humanitarian help (along with a number of the international non-governmental organizations). At the same time, the question concerning legal regulation of the given phenomenon remains open.

Вся история человеческой цивилизации заполнена чередой больших и малых войн. По самым приблизительным подсчетам их насчитывается до 5 тысяч. Неслучайно появилось утверждение, что мир – это перерыв между войнами.

Среди военных историков принято положение о том, что после индустриальной революции войны прошли три стадии развития. В первой стадии войны основывались на большом количестве солдат, которые строились в шеренги и воевали примитивными орудиями. Во второй стадии (гражданская война в Америке 1861–1865 и до Первой мировой) войны основывались на идее истощения экономики врага, а также на использовании более современного, в частности автоматического, оружия. В третьей стадии были введены тактические нововведения, в которых

особенно отличалась немецкая армия: окружение армии врага с помощью танков и самолетов, а также атака с тыла вместо атаки с фронта. «Войны 4-го поколения», или «асимметричные войны», по мнению экспертов – это новый вид. Это войны, в которых потенциал противников разительно отличается. Это войны, где один противник невероятно силен, как, к примеру, США. А другой противник бесконечно далек от него по техническому оснащению и вооружению, как, к примеру, бойцы «Талибан». Другим примером является противостояние армии Израиля и ополченцев ХАМАС [5, 32].

Согласно международному праву «***Война*** – это состояние дел между двумя государствами, либо между двумя группами государств, либо между государством и группой государств, которое обычно отмечено разрывом дипломатических отношений, последующей приостановкой общих норм международного права и общей решимостью совершить насильственные действия, даже если такие действия на самом деле не имеют места» [3].

Вооруженный конфликт имеет место всякий раз, когда государства прибегают к силе или когда происходит продолжительная вооруженная борьба между правительственными силами и организованными вооруженными группами или же между такими группами внутри одного государства [4].

Именно война являлась основной причиной появления международного гуманитарного права. Ученые подсчитали, что за последние 5000 лет было около 14 000 войн, в которых погибло примерно 5 млрд. человек. В XX в. погибло 40 млн человек. Но уже в древние времена были случаи, когда воюющие стороны пытались защитить мирное население, пленных и т.д.

Международное гуманитарное право (МГП) – совокупность принципов, норм и правил, которые обеспечивают международную защиту жертв вооруженных конфликтов, в том числе и путем ограничения применения определенных средств и методов ведения войны.

Этапы становления МГП:

- Регулирование отношений на основе обычаев вооруженной борьбы.
- Регулирование отношений на основе двусторонних соглашений, заключаемых на время ведения боевых действий (таких соглашений и кодексов более 500).
- Создание многосторонних, долгосрочных соглашений, которые в своей совокупности и представляют современное международное гуманитарное право.

Таблица 1. Вклад различных культур в развитие гуманитарного права

Древние цивилизации	Осуществление священных перемирий Неприкосновенность парламентариев Запрет на убийство пленных и тотальное уничтожение гражданского населения
Африканская культура	Оказание помощи раненым воинам
Индийская культура	Запрет на убийство раненых и больных, а также тех, кто не принимает непосредственного участия в вооруженной борьбе Лечение раненых с последующей отправкой на родину Запрет на использование отравляющих веществ Разработка правил содержания военнопленных
Китайская культура	Запрет на грабежи и уничтожение средств жизнеобеспечения
Европейская культура	Внедрение рыцарских традиций и божьих перемирий
Американская культура	Обобщение опыта предыдущих культур в форме Кодекса Либера

Основные этапы развития международного гуманитарного права:

• 22 августа 1864 представителями 16-ти государств была принята первая Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных из числа вооруженных сил на суше.

Успех первой Женевской конвенции содержался в ее статьях:

Ст.1. Скорая помощь и военные госпитали, если в их распоряжении находятся раненые и больные из числа вооруженных сил, будут пользоваться **статусом нейтральности**, защитой и уважением воюющих сторон.

Ст.5. Граждане, оказывающие помощь раненым, будут пользоваться уважением и не будут задерживаться…

Ст.6. Раненые и больные из числа вооруженных сил, **независимо от их национальности**, будут подбираться и им будет оказана помощь…

Всего конвенция содержала 10 статей. Она положила начало современному МГП.

• **1868 г. –** Санкт-Петербургская декларация.

• **1899 г.** – 3 и 4 Гаагские конвенции, обеспечившие защиту раненых и больных из состава ВС на море и военнопленных (спустя 35 лет после Женевской конвенции (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях).

• **1907 г.** – Пересмотрены предыдущие Гаагские конвенции.

• **1929 г.** – Принята Женевская конвенция (III) об обращении с военнопленными и пересмотрена I ЖК (спустя 65 лет после I ЖК).

• **1949 г.**:

Были приняты: II ЖК «Об улучшении участи раненых, больных и потерпевших кораблекрушение, из состава ВС на море» и IV «О защите гражданского населения» (спустя 85 лет после I ЖК).

Были пересмотрены: I ЖК «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» и III ЖК «Об обращении с военнопленными».

• **1954 г. –** Гаагская конвенция «О защите культурных ценностей и Протоколы к ней 1954 г. и 1999 г.

• **1972 г. –** Конвенция о биологическом оружии.

• **1977 г. –** I и II Доппротокол к ЖК.

• **1980 г. –** Конвенция о запрещении или ограничении применения отдельных видов обычного оружия.

• **1993 г. –** Конвенция о химическом оружии.

• **1997 г. –** Оттавская конвенция о запрещении противопехотных мин.

• **2005 г. –** III Доппротокол к ЖК.

Многие из современных конфликтов могут казаться чем-то далеким для тех, кто непосредственно не находится на линии огня. Однако народы мира должны сопоставлять риски, возникающие в результате действия, с доказанными рисками бездействия. Лишь немногие современные конфликты могут считаться подлинно локальными. Нередко они порождают целый ряд проблем, таких как незаконный оборот оружия, наркотиков или торговля людьми; терроризм; потоки беженцев; голод и гибель среди мирного населения. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос оказания гуманитарной помощи странам и населению, пострадавшим от вооруженных столкновений.

Под термином «гуманитарная помощь», как правило, в международном праве понимается широкий диапазон видов деятельности, включая как помощь жертвам конфликтов, так и вооруженное вмешательство с целью восстановления порядка в той или иной стране. Для целей данной статьи термин будет применяться только для обозначения снабжения товарами и иными материалами, необходимыми для проведения опера-

ций по оказанию гуманитарной помощи во время вооруженных столкновений.

Необходимо отметить, что для условий вооруженного конфликта Международный суд определил допустимую гуманитарную помощь как «предоставление продовольствия, одежды, лекарств и другой гуманитарной помощи, но это не включает предоставление оружия, систем вооружения, боеприпасов или другого оборудования, автотранспортных средств и материалов, которые могут быть использованы для причинения серьезных телесных повреждений или явиться причиной смерти» [1].

Часто используемое понятие «гуманитарная помощь» не является, по существу, юридическим и не обладает четко определенным значением, объемом и содержанием, хотя принципы, которые действуют и принимаются в рамках «помощи», не вступают в противоречие с международным (гуманитарным) правом и достаточно часто представляются юридическими.

«Лицо, находящееся под защитой» (Кого защищает МГП?):

• раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение (как из состава ВС, так и гражданских);

• военнопленных;

• интернированных гражданских лиц;

• гражданских лиц на территории противника;

• гражданских лиц на оккупированной территории.

Одной из необходимых характеристик гуманитарной помощи является ее незамедлительный характер.

Особое значение вопрос оказания гуманитарной помощи приобретает в связи с постоянным увеличением количества операций по поддержанию мира и, нередко, наделением миротворцев функциями по оказанию гуманитарной помощи (наряду с рядом международных неправительственных организаций).

Вместе с тем вопрос относительно правового регулирования данного явления остается открытым. На сегодняшний день, как отмечает Л.Р. Кузьменко, «предоставление гуманитарной помощи связано с рядом юридических и практических проблем, в частности, упрощение таможенных и иных формальных процедур; полномочия органов и должностных лиц в сфере контроля за предоставлением гуманитарной помощи; привилегии иностранных граждан, участвующих в предоставлении гуманитарной помощи; ответственность за предоставление некачественной гуманитарной помощи и т.д.» [2, с.104].

Кодекс поведения Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца и неправительственных организаций содержит норму, которая гласит, что право получить гуманитарную помощь и оказывать ее является основополагающим гуманитарным принципом, и граждане всех стран имеют возможность пользоваться данным правом. Более того, право на гуманитарную помощь зачастую рассматривается как неотъемлемая норма обычного международного права.

Международное гуманитарное право:

- Тесно связано с правами человека;
- Цель – защита человека в условиях войны. Не может исключить войну из жизни человечества;
- Наряду с нормами, запрещающими, например, пытки, существуют нормы, ограничивающие военные действия.

Международные отношения в современных условиях основываются на том, что главным их участником является государство. Именно государство имеет реальные властные полномочия осуществлять внешнюю политику, вступать в межгосударственные договоры и соглашения, объявлять войну и заключать мир. Вместе с тем наряду с государствами важное место в мировой политике занимают международные организации. Заметное повышение роли международных организаций является одной из основных тенденций современного международного развития. Во внешней политике любого государства важное место отводится взаимодействию с международными организациями.

Следует отметить, что значение и содержание права на гуманитарную помощь как в международном договорном праве, так и в обычном праве остаются неопределенными. Возникает целый ряд проблем. Например, должны ли сопредельные государства оказывать гуманитарную помощь, или эта обязанность целиком возлагается на государство, где происходит вооруженный конфликт? Обязаны ли государства в случае невозможности самостоятельно решить проблему гуманитарной помощи принимать помощь, представляемую другими государствами или международными организациями? Отсутствие четкого ответа на поставленные вопросы зачастую приводит к тому, что государства и международные организации затягивают начало проведения операций помощи, хотя и очевидна чрезвычайная в ней потребность.

Один из аргументов противников признания «права на гуманитарную помощь» в качестве нормы обычного международного права сводится к следующему: требование от государства разрешения на доступ к жертвам вооруженных конфликтов для оказания им помощи несовме-

стимо с основополагающим принципом государственного суверенитета, который признается международным правом в качестве императивной нормы. Конечно, нереально надеяться, что государства согласятся заключить международное соглашение, в соответствии с которым они должны предоставлять третьей стороне (государству, международной организации) право доступа на свою территорию, хотя бы и в случае гуманитарного стихийного бедствия.

На наш взгляд, решить данную проблему ограничения суверенитета, а значит и оказания гуманитарной помощи можно следующим образом. Предлагается предоставить право на доступ на свою территорию только для нейтральных неправительственных организаций. Для этого необходимо на уровне ООН (в частности, в рамках Управления по координации гуманитарной деятельности) разработать список так называемых «компетентных и беспристрастных организаций». Естественно, в данный список можно внести лишь те, которые были бы свободны от какого-либо правительственного контроля и достаточно эффективно действуют при оказании гуманитарной помощи. Например, сюда можно было бы отнести такие организации, как МККК, «Врачи без границ» и некоторые другие.

Таким образом, в настоящее время международные нормы, регулирующие обеспечение гуманитарной помощи, продолжают оставаться неэффективными. Целесообразна дальнейшая разработка международного соглашения, в котором бы нашли свое отражение кодифицированные принципы, касающиеся гуманитарной помощи, и в котором был бы отражен эффективный и действительный механизм ее оказания. Важно гарантировать право доступа нейтральных международных неправительственных организаций на территорию тех стран, которые сами не в состоянии оказать гуманитарную помощь своим гражданам.

Литература

1. Хардкасл, Дж. Рохан. “Гуманитарная помощь: о праве на доступ к жертвам стихийных бедствий”. Рохан Дж. Хардкасл, Адриан Т.Л. Чуа. *Международный комитет Красного Креста.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf.*
2. Кузьменко, Л.Р. 2009. “Право на гуманитарную помощь в случае стихийных бедствий: международно-правовые аспекты”. *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы* 4: 99–105.
3. Эрик Давид. 2000. *Принципы права вооруженных конфликтов.* М.: МККК.
4. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии.
5. Волошко, В.С. 2006. *Военная политика и военная безопасность Российской Федерации в условиях глобализации.* М.: ЭТЦ.

Елена Жидович
(ЕГУ, Вильнюс)

ПРАВОМЕРНОСТЬ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ КОСОВО, РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ И РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА ПРАВА НАЦИИ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

International relations is a dynamic system, which stimulates the genesis of new entities including state entities. In the context of the principle of self-determination the emergence of new state bodies occurs by means of the extreme form – secession. In some cases such claims can be legal, but usually it is interpreted as contradiction with the principle of territorial integrity. The biggest problem is to find where one principle ends and another begins. To answer the question if the independence of Kosovo, Abkhazia and South Ossetia is legally approved, we have to find out whether these states comply with the legal features of independence. It is necessary to remember that every particular case is unique, and we cannot use precedents of previous cases to explain the current situation.

Доктрина международного права

Официально принцип равноправия и самоопределения получил закрепление в 1970 году в Декларации о принципах международного права [5]. Субъектами этого права признаются нации, народы и национальные меньшинства. На официальном уровне в международном праве нет нормативного акта, в котором бы закреплялись эти понятия в связи со сложностью их определения. Ответ дает теория международного права, которая определяет национальное меньшинство как «*группу, которая в количественном отношении меньше, чем остальное*

население страны, чьи члены, являющиеся гражданами данного государства, имеют этнические, религиозные и языковые отличительные характеристики по сравнению с остальной частью населения страны и намерены сохранить свою культуру, традиции, религию или язык» [2, 16]. Когда речь идет о самоопределении народов (нация тут выступает как синоним), то выделяют две основные формы реализации данного права: внутреннее самоопределение и внешнее (сецессия). Внутреннее самоопределение характерно в основном для государств с федеративным устройством. Сецессия как форма внешнего самоопределения подразумевает выделение нации из государственной границы. Разъяснение по поводу столкновения принципа на самоопределение с принципом территориальной целостности государства дается в Декларации о принципах международного права, в которой указывается, что ничто «*не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов*».

Однако вопрос о признание государственности остается открытым. В настоящее время существует две основные теории признания нового государства: декларативная и конститутивная [7]. Институт признания относится скорее к политической сфере (это отмечается и в докладе [7] и в консультативном заключении [8, п.32]), так как нигде не закреплено, в каких случаях государства должны признавать правомерность новообразовавшихся «государств». Поэтому «сложившаяся практика и международное юридическое сообщество отдают предпочтение первому подходу, и считают, что признание *не является* необходимым условием существования государства» [8, п.32]. Кроме того, комиссия ЕС по установлению фактов конфликта в Грузии под руководством Тальявини довольно детально определила минимальные требования относительно условий для государственности: определенная территория, постоянное население и действующее правительство [7].

Помимо нации речь также может идти и о национальном меньшинстве, которое отличается определенными характеристиками, как то: наличие своего языка и компактное проживание на территории определенного государства (при этом проживает национальное меньшинство на одной территории вместе с титульной нацией, которая представляет собой большинство). Важно помнить, что, в отличие от нации, национальное меньшинство не имеет права на образование собственного го-

сударства, так как оно является частью титульной нации, но меньшинство обладает правом на культурную автономию.

Косово

Югославский конфликт вот уже 20 лет (считая с момента проведения нелегального референдума в 1991 году, впервые установившего независимость Косово) привлекает внимание всей мировой общественности. В отношении Косово были одобрены десятки резолюций, принципов и стандартов ООН [11]. Но наибольшее влияние оказала резолюция № 1244 Совета Безопасности, которая, помимо прочего, закрепила «*существенное самоуправление для Косово, при всестороннем учете соглашений, заключенных в Рамбуйе, и принципов суверенитета и территориальной целостности Союзной Республики Югославии*» [10, п.8]. Кроме того, на территории Косово действовала установленная СБ Миссия ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК) и Силы для Косово (СДК) в качестве международной миссии по установлению мира в регионе.

Однако краеугольным камнем в деле Косово стало Консультативное решение Международного суда ООН о соответствии международному праву односторонней Декларации независимости Косово. Решение Суда вызвало значительный общественный резонанс, так как устанавливало, что Декларация о независимости Косово, провозглашенная временным парламентом Косово, не противоречит международному праву. Такое решение позволило сделать вывод, что признание Косово независимым государственным образованием легитимно. В итоге по данным NEWS.am на 14 января 2011 года [14] Косово признали уже 74 государства.

Изначально Суд отметил, что «*Whatever its political aspects, the Court cannot refuse to respond to the legal elements <…> an assessment of an act by reference to international law* [8, п.27]»; таким образом, было определено, что Суд не рассматривает политические аспекты, а фокусируется исключительно на правовых категориях. Кроме того, как указывалось в п. 33, судебное заключение адресовано исключительно Генеральной Ассамблее как органу, его запросившему, но никак не государствам. Таким образом, было обозначено, что для государств заключение не несет юридической нагрузки.

Согласно формулировке «Соответствия международному праву односторонней Декларации независимости Косово», перед Судом не ставился вопрос об определении правомерности провозглашения Де-

кларации, тем более не ставился вопрос об определении статуса Косово. Сама формулировка вопроса, логика рассуждения Суда отталкивалась от содержания самой Декларации. Проанализировав текст Декларации, Суд пришел к выводу, что ее положения не противоречат нормам международного права. Кроме того, Суд учел тот факт, что резолюция № 1244 также является частью международного права и пояснил, что содержание резолюции не содержит запрета на провозглашение Декларации и тем более не влияет на окончательный статус Косово [8, п. 114]. Суд также обратил внимание на авторов Декларации и сделал вывод, что «демократично избранные органы самоуправления», по сути, «*did not act as one of the Provisional Institutions of Self-Government within the Constitutional Framework, but rather as persons who acted together in their capacity as representatives of the people of Kosovo outside the framework of the interim administration* [8, п. 109]».

После оглашения судебного заключения государства разделились на два лагеря: те, кто выступал за автономию Косово (США, большинство стран Западной Европы), и те, кто выступал за неделимость Сербии (РФ, Китай, Испания (очевидно из-за собственных проблем с внутригосударственным движением каталонского сепаратизма)).

В данном случае решение Суда не соответствовало международной практике. Вероятно, что Суд в своих рассуждениях руководствовался не столько «буквой закона», сколько «духом закона». Тем не менее хочется отметить тот факт, что действие резолюции 1244 не оставляет в покое Косово, власти которого требуют отменить эту резолюцию. И разъяснение Суда – единственная формальная возможность исключить противоречия между содержанием резолюции и консультативным заключением. И в этом отношении нельзя не согласиться с мнением Кофи Аннана: «*Ответственность Совета определяется не только представительным характером его членского состава, но также качеством и оперативностью его решений. Человечеству оказывается плохая услуга, когда в кризисной обстановке Совет не способен отреагировать быстро и решительно*» [9].

Решая вопрос о признании Косово как независимого образования, стоит обратиться также и к наличию у Косово формальных критериев для признания государственности, которые (как говорилось выше) были выделены в докладе миссии Тальявини. Вопросы населения и территории довольно фактурно рассмотрены в консультативном заключении [8, п. 64–73]. По существу, Косово представляет собой анклав [11], территорию которого преимущественно населяют албанские сепаратисты [12],

поэтому сомнений относительно соответствия первым двум заявленным требованиям не возникает.

В период конфликта территория Косово не контролировалась центральными властями Сербии и для поддержания порядка резолюцией № 1244 СБ была создана специальная миссия ООН на территории Косово, а также временный законодательный орган. Формирование органа осуществлялось на выборной основе – путем голосования местного населения. И, как в дальнейшем указывалось в Декларации о независимости, процесс избрания должностных лиц Косово был демократическим и правовым [4]. Из этого следует, что временный парламент является органом публичной власти и представляет интересы всего населения в целом [8, п. 109].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что Косово формально отвечает минимальным критериям для легитимизации своей независимости и есть весомые основания полагать, что провозглашение независимости является правомерным.

Однако правомерность независимости Косово, подкрепленная Консультативным решением Суда ООН, не может создавать прецедента в международном праве по ряду причин. Каждая ситуация имеет свои исторические предпосылки, нюансы и особенности, поэтому каждый случай признания государственности должен носить исключительный характер, не создавая прецедента для решения потенциальных споров. А политический характер проблемы признания провозглашенной независимости какого-либо образования не исключает возможности оценивать это провозглашение на предмет его легитимности (т.е. современное международное право оценивает не факт признания, а факт провозглашения).

Южная Осетия. Абхазия

Еще одним доказательством в пользу того, что вопрос признания носит политический характер, является попытка государств манипулировать доводами «за» и «против», руководствуясь политическими соображениями. Так, например, Российская Федерация категорически не признает независимость Косово, но, в то же время, активно поддерживает отделение Южной Осетии и Абхазии от суверенной Грузии. Совершенно противоположная картина обстоит с позицией США по вопросу признания. Отсутствие единогласия «титанов» международной арены делает процесс признания и отделения еще более усложненным.

Претензия Южной Осетии на выделение обострилась в значительной степени после военных действий 2008 года. До этого, как отмечается в докладе Тальявини [7, п. 3.1.1], «*Южная Осетия не имела постоянной и однозначной позиции по поводу своей независимости: с одной стороны, власти Южной Осетии добивались признания, как суверенное и независимое государство, с другой – пропагандировали объединение с Северной Осетией через присоединение к России. Присоединение к России шло бы вразрез с приобретением статуса независимого государства*».

Чтобы определить, насколько притязания Южной Осетии правомерны, обратимся к вышеупомянутым базовым критериям: территория, население, управление территорией.

Основываясь на выводах независимой международной миссии по установлению фактов конфликта в Грузии [3, п. 3.1.1.1], можно сделать вывод, что объективно существует территория, которая удовлетворяет минимальным требованиям. Далее идет оценка населения. В международном праве нет нормы, закрепляющей понятие населения. Ответ на этот вопрос дает доктрина. Так, Бирюков П.Н. определил население как «*совокупность лиц, проживающих на территории какого-либо государства* [1]». Согласно этому определению (в широком смысле) Южная Осетия удовлетворяет второму критерию. Иначе дело обстоит с полновластным правительством на данной территории. Как определил Йен Браунли, говоря о правительстве, в данном контексте следует понимать наличие определенных сил, которые в состоянии обеспечить «*решения, принимаемые образованием по широкому кругу политических вопросов, которые не выносятся под системное и постоянное влияние зарубежных сил*» [3]. Тезис о наличии в Южной Осетии подобных управленческих сил не выдерживает критики, которая обосновывается в докладе Тальявини [7, п. 3.1.1.3.а]: во-первых, большинство людей, живущих в Южной Осетии, приняли российское гражданство, и Россия распространяет на них свою юрисдикцию, во-вторых, российские чиновники уже *de facto* управляли различными учреждениями Южной Осетии до горячей фазы вооруженного конфликта.

Однако нельзя также сказать, что требования о самоопределении совершенно беспочвенны. Еще в 1999 году Южная Осетия приняла свою Конституцию. Кроме того, как следует из доклада миссии, перед началом военных действий «*власти Грузии осуществляли массовую эвакуацию грузинского населения с предполагаемой территории боевых действий*» [7. Взгляд Ю.Осетии]. Это может свидетельствовать о том, что официальные грузинские власти избирательно относились к населению, проживающему на территории Южной Осетии.

В случае с Южной Осетией особенную напряженность приобретает столкновение принципа равноправия и самоопределения народов и принципа нерушимости государственных границ – потому, что в этот конфликт непосредственно вовлечено третье государство. Российская «паспортизация» и фактическая зависимость властных структур Южной Осетии от России дают основание сделать вывод, что РФ нарушила принцип права на самоопределение по смыслу Декларации о принципах международного права 1970 года [5]: что *в приведенных выше абзацах не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств.* Это значит, что Грузия вполне обоснованно выступает за сохранение своей целостности, руководствуясь принципом международного права о нерушимости территориальных границ. Эту же позицию обосновывает итальянский судья Антонио Кассезе: «*невозможно отрицать, что существующая практика и подавляющее большинство государств настроены категорически против отделения* [7, п. 3.2.1]».

Однако тот факт, что югоосетинское притязание на независимость противоречит принципу целостности государственных границ Грузии, не лишает населения Южной Осетии права пользоваться принципом на самоопределение народов. Здесь важно понимать, что само по себе «*право на самоопределение не влечет за собой права на отделение*» [7, п. 3.2.5]. Материалы независимой комиссии показывают, что права определенной группы лиц в пределах грузинской территории нарушаются, а значит, требуют международной защиты. В случае с Южной Осетией наиболее приемлемым будет вариант внутреннего самоопределения, т.е. автономное образование в пределах государственных границ Грузии.

По иному дело обстоит с Абхазией, которая изначально заявляла о своем стремлении к полной независимости [7, п. 3.1.1]. В докладе Тальявини указано, что в случае с Абхазией, так же, как и с Южной Осетией, не возникает больших вопросов относительно критериев территории и населения, которое также в большинстве своем имеет российские паспорта. Принципиальное отличие состоит в том, что, хотя на абхазское население и распространяется российское законодательство, но власти Абхазии в меньшей степени подвергнуты влиянию РФ и последовательно пытаются осуществлять независимую политику. В докладе миссии тому примером служат президентские выборы 2004–2005 г. [7, п.3.1.1.3.b].

Вышесказанное дает основание полагать, что Абхазия имеет более аргументированную позицию на признание своей независимости. Однако Абхазия имеет огромное препятствие на пути к полной автономии. По смыслу Конвенции о международных принципах 1970 года принцип равноправия и самоопределения народов подразумевает наличие в независимом образовании «*правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи*» [5]. В случае с Абхазией такое требование грубо нарушается: отсутствуют всякие гарантии для безопасного возвращения внутренне перемещенных лиц (беженцев).

Однако, как показала практика, несмотря на очевидную необоснованность требований о самоопределении, угроза разгорания вооруженного конфликта всегда остается. И задача мирового сообщества – не допустить такие инциденты. В данном случае легитимность притязания на независимость Абхазии должна ставиться в зависимость от двух факторов: во-первых, свободное возвращение перемещенных лиц на места их прежнего места жительства, во-вторых, проведение демократического свободного референдума о признании независимости Абхазии, и, обязательно, под контролем международной организации. Соблюдение этих условий даст основания оценить требования о независимости на предмет их правомерности.

Очевидно, насколько не совпадают содержание конфликтов и их обоснования на отделение в случаях с Косово, Южной Осетией и Абхазией. Основная сложность в определении статуса независимости заключается в том, что нет объективных и универсальных критериев, определяющих государственность. Однако это не означает, что решение, вынесенное в одном конкретном случае, применимо к другой ситуации. Вопрос самоопределения в его крайней форме – сецессии – затрагивает противоположные интересы сторон, поэтому каждое такое притязание должно рассматриваться индивидуально при скрупулезном учете всех нюансов инцидента. Сложность юридической оценки провозглашения независимости заключается в политизации этого вопроса другими странами, которые, манипулируя нормами международного права, отстаивают разные точки зрения.

Очевидно, что вопросы государственности, рассмотренные в данной работе, будут предметом дискуссии еще долгое время. Тем не менее именно такие прецеденты помогают развиться принципам международного права и укрепляют их императивный характер.

Литература

1. Бирюков, П.Н. 1998. *Международное право*. М.: Юристъ.
2. Лукашук, И.И. 2005. *Международное право. Особенная часть. 3-е изд., перераб. и доп.* М.: Волтерс Клувер.
3. "International Law and the Use of Force by States by Ian Brownlie". [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://www.questia.com/PM.qst?a=o&d=72147439*
4. "Декларация Независимости Косово". Режим доступа: *http://www.assembly-kosova.org/?cid=2,128,1635*
5. "Декларация о принципах международного права 1970 года". [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://www.terralegis.org/terra/act/b252.html*
6. "Заключительный акт СБСЕ". Режим доступа: *http://www.osce.org/node/39485*
7. "Итоговый доклад независимой международной миссии по установлению фактов конфликта в Грузии под руководством Тальявини". [Электронный ресурс] Режим доступа: *https://docs.google.com/View?docid=dhjbrk3f_1fd5p5jds&hgd=1#_ftn4* (русскоязычный вариант)
8. "Консультативное заключение Международного Суда ООН о соответствии международному праву односторонней декларации независимости Косово". Режим доступа: *http://www.icj-cij.org/docket/files/141/15987.pdf*
9. Официальный сайт ООН. "Выступление Кофе Аннана". Режим доступа: http://*www.un.org/russian/basic/sg/interven3.htm*
10. Официальный сайт ООН. "Резолюция Совета Безопасности № 1244". [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1999/res1244.htm*
11. "Миссия ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК)". [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://www.un.org/russian/documen/kosovo/peacekos.htm*
12. Официальный сайт НАТО. [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://www.nato.int/kosovo/history.htm*
13. Новостной портал. [Электронный ресурс] Режим доступа: *http://news.am/rus/news/44541.html*

Роман Мороз
(БГУ, Минск)

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ ПРАВОВОГО ПРЕЦЕДЕНТА В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

The change of the role of judicial precedent in post-Soviet countries is analyzed. The article observes the history of case law and its place in the common law legal system. It examines the essence of the precedent, sorts out its positive and negative qualities. Then the author focuses on the change of the role of judicial precedent in West European countries. Today the majority of them have already legally accepted it as a subsidiary legal source. The positive significance for the development of case law in Europe is rendered by the European Court of Human Rights. In post-Soviet European countries (Belarus, Russia and Ukraine), judicial precedent does not have the status of a legal source. Nonetheless, judgments of Constitutional, Supreme and Supreme Arbitration Courts are important for subordinate courts. which use them in their own practice. The importance of judicial precedent in this area has also increased corresponding to all-European tendencies.

В советский период в странах Восточной Европы тема правового прецедента практически не исследовалась, а само судебное правотворчество как источник права игнорировалось. Только начиная с 1990-х гг., когда в этом регионе произошли значимые социально-политические изменения, данный правовой феномен получил бо́льшую огласку. Именно в это время здесь начинает дискутироваться вопрос о возможном признании судейского правотворчества в качестве вспомогательного источника права.

Актуальность исследования вопроса о прецеденте определяется двумя группами факторов. С одной стороны, возросший интерес к данному источнику права объясняется идущими в мире процессами инте-

грации. Политические, географические, исторические и иные факторы, в свое время определив обособленное развитие и различие правовых систем, в настоящее время не оказывают большого противодействия их сближению. Сегодня процессы взаимодействия и взаимопроникновения уже охватили все сферы общественной жизни, в том числе и правовую. И хотя это не означает замены одной системы другой, можно смело заявить, что мир идет по пути конвергенции двух основных политико-правовых систем. Поэтому на современном этапе без изучения зарубежного опыта становится невозможным развитие национального права. С другой стороны, углубленное исследование правового прецедента позволит обогатить учение об источниках права и их взаимодействии между собой. Стоит заметить, что определенный пробел в отечественной теории по этому вопросу сохраняется, не до конца изучены и учтены все возможности судебной практики, поэтому исследование понятий и концепций англосаксонского права может стать одним из путей развития собственных юридических теорий.

«*Юридический прецедент* (от лат. *praecedentis* – предшествующий) – это решение судебного или административного органа по конкретному делу, которое послужило образцом при рассмотрении аналогичных дел и стало юридическим правилом» [8, 19]. Правовые прецеденты подразделяются на административные и судебные. Говоря о прецеденте, теоретики права акцентируют внимание на таких его положительных свойствах, как динамизм, гибкость, высокая скорость реагирования на социальные изменения. Использование прецедента – это эффективный метод по устранению пробелов и коллизий в праве. Судьи, находясь в самой гуще жизненных проблем, могут быстро и эффективно принять необходимое решение, восстанавливающее справедливость и «здоровую» среду в обществе. Для юридического прецедента характерна ориентация на человеческую природу: не воля законодателя, а принципы справедливости и нравственности ложатся в основу новых юридических норм. Такое положение внутри системы прецедентного права позволяет реально осуществлять принципы правового государства, не оставляя шансов правящим верхам на то, чтобы поставить судебную систему под свой контроль. Кроме того, юридический прецедент повышает ответственность и профессионализм судей, имеет образовательное значение и оказывает правовоспитательное воздействие на общество.

Однако, как и любой общественный феномен, прецедент несет в себе и ряд недостатков. В отличие от нормативного акта прецедент не имеет такого авторитета, обязательности, которые присущи закону. Опасение

вызывает чрезмерная свобода усмотрения судей: «тот факт, что суды сами устанавливают те правила, которые применяют, может привести к произволу и даже злоупотреблению со стороны должностных лиц» [9, 348–349]. Большим минусом является и все возрастающее количество судебных прецедентов. При разборе в суде какого-нибудь дела оказывается практически невозможным рассмотреть все относящиеся к нему прецеденты. Например, «в США только за один год выходит по несколько сотен томов сборников судебных решений» [9, 349].

Правовой прецедент как источник права известен с древнейших времен. Так, в Древнем Риме в качестве прецедентов выступали устные заявления (эдикты) и рескрипты – «ответы или советы отдельным лицам или магистрам по правовым вопросам» [3, 150]. После падения Западной Римской империи прецедент как источник права свое дальнейшее применение нашел в Англии, которая с времен средневековья становится главным центром по развитию прецедентного права. Классика английского прецедентного права – это системы общего права (common law) и права справедливости (equity law). В ходе истории они нашли свое распространение далеко за пределами туманного Альбиона. Помимо США специальными актами английское право было распространено на Канаду (кроме Квебека), Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку, на базе которых позднее оформились английские доминионы. «Нормативными актами королей английское право внедрялось «сверху» и в колониях в Азии и Океании» [4, 127].

В XX в. правовой прецедент стал вспомогательным источником международного права. Статья 38 Статута Международного Суда ООН указывает, что судебные решения могут применяться судом «в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм» [16]. Далее, в ст. 59 конкретизируется, что «решение суда обязательно лишь для участвующих в деле сторон и лишь по данному делу» [16]. Суд в другом аналогичном деле может учесть решение по первому делу и использовать аргументы и даже само решение, однако только в качестве решения, которое подлежит новому формированию в данном деле.

В романо-германской правовой семье прецедент играет второстепенную роль: не конкретные казусы, а законы имеют юридическую силу. Тем не менее «в последние десятилетия в странах континентальной Европы отмечается заметное усиление позиций судебной практики» [13, 6]. Например, во Франции свое широкое распространение получил административный прецедент. Как отмечает Ж. Ведель, «именно судебная практика сформулировала основополагающие нормы административ-

ного права Франции без ссылки на писаные нормативные акты» [1, 57]. В Нидерландах, Швейцарии, ФРГ, Италии, Испании, в странах Скандинавии также на законодательном уровне закреплена правотворческая роль судебной практики.

Особое значение судебный прецедент приобретает в связи с деятельностью Европейского суда по правам человека, который признает его источником права для решения подсудных ему дел. Действенность прецедента в качестве источника права демонстрируется здесь тем фактом, что Европейский суд официально признал его таковым. Нормы Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» не применяются Судом отдельно от тех решений, которые были вынесены ранее им по применению этой статьи или нормы. В то же время, как отмечает бывший председатель Европейского суда по правам человека Л. Вильдхабер, «для данного судебного органа характерно и отклонение от ранее принятых решений по «убедительным основаниям», в частности для обеспечения такого толкования Конвенции, которое отражает изменения в обществе и соответствует реалиям сегодняшнего дня» [11, 6].

В странах Европы, где имеет юридическую силу Европейская Конвенция «О защите прав человека и основных свобод», решения Европейского суда являются обязательными для национальных судов всех инстанций. Внутригосударственные судебные органы этих стран не вправе принимать решения, противоречащие решениям Европейского суда по правам человека, которые имеют решающее значение и обязательно должны применяться по аналогии. Следует отметить, что по состоянию на 2011 г. помимо Ватикана только «Республика Беларусь не является страной-членом Совета Европы» [17]. Литва ратифицировала Европейскую Конвенцию «О защите прав человека и основных свобод» в 1995 году, в 1997 к ней присоединились Латвия и Украина. В 1998 году Конвенция вступила в силу и в России.

Что касается стран Восточной Европы, то долгое время отношение здесь к юридическому прецеденту было весьма негативным. Связано это с тем, что в теории советского права исходили из постулата, что судебный прецедент не может являться источником права, так как данное положение подрывает авторитет законности и привносит эффект произвола, связанный с одновременным выполнением судом правоприменительных и правотворческих функций. Считалось, что «судебная практика не может и не должна создавать новых норм права, новых законов, она должна укреплять действующие законы» [14, 266]. У законодателя

шире социальный кругозор и, соответственно, есть возможность учета в процессе принятия решений значительно большего числа факторов.

Существовали и идеологические причины непризнания правового прецедента в качестве источника права. Так, идеологически ангажированные авторы не признавали судебный прецедент в качестве источника советского права и потому, что суд в силу его большей независимости и квалификации гораздо менее приемлем и удобен для тоталитарного режима в качестве органа власти.

Тем не менее многие известные юристы выступали за расширение правотворческих функций судов в СССР. Более того, как отмечает заместитель председателя Верховного Суда Российской Федерации Жуйков В.М., «судебная практика, выраженная в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда РСФСР, фактически и так всегда признавалась источником права, поскольку в судебных решениях допускались ссылки на нее как на правовую основу решения дела. Не будучи признанной официально, она тем не менее фактически всегда учитывалась нижестоящими судами в качестве ориентира в вопросах применения и толкования права, устранения пробелов в нем, применения аналогии закона или аналогии права» [6, 82].

В 1990-х годах на постсоветском пространстве произошли серьезные социальные изменения, которые позволили по-другому посмотреть на правовой прецедент как источник национального права. В эти годы в странах Восточной Европы наблюдалось резкое расширение сферы судебной практики, изменилось отношение в пользу прецедента у юристов-теоретиков и практиков. Важнейшим шагом стало создание конституционных судов в постсоветских государствах.

Однако и сегодня многие восточноевропейские ученые выступают против идеи признания прецедента в качестве источника права. Например, B.C. Нерсесянц отмечает, что «судебная практика – это не «источник права» в смысле судебного правотворчества, а реальность действия, применения и защиты права, один из важных источников для правотворчества. Но последнее относится к правомочию других властей» [7, 110–111].

Противники признания судебной практики как источника права высказывают следующие аргументы:

1) это противоречит принципу разделения властей;

2) в романо-германской правовой семье судебная практика не признается источником права;

3) идея признания судебной практики как источника права противоречит деятельности парламента.

В то же время сторонники признания правового прецедента по этому поводу приводят свои возражения. Например, М.Н. Марченко в опровержение первого аргумента приводит тезис, что «в современном государстве недопустима абсолютизация принципа разделения властей» [15, 14–15]. Как доказательство он приводит пример, когда органы законодательной или исполнительной власти выполняют судебные функции (амнистия, помилование). Относительно второго аргумента отмечается, что сегодня в мире все активнее разворачиваются процессы конвергенции двух основных правовых семей (романо-германской и англо-саксонской), поэтому нет ничего удивительного в том, что закон приобретает все большую силу в странах прецедентного права, в то время как судебный прецедент официально признается источником права в странах континентальной семьи. И, наконец, прецедент как источник права не противоречит деятельности парламента, а, наоборот, дополняет ее и обогащает. Именно правовой прецедент способен устранить так часто встречающуюся в судебной практике проблему противоречия между нормами права и нормами морали, пробелы в праве и законе.

Что касается Республики Беларусь, то в нынешней ее правовой системе юридический прецедент официально не признается источником права. Однако, как отмечает Г.А. Василевич, «фактически здесь он таковым является» [10, 51]. По примеру других стран континентальной правовой семьи в Беларуси к судебным прецедентам ученые в первую очередь относят решения Конституционного Суда. Этот тезис закреплен и на законодательном уровне: ст. 2 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» относит «акты Конституционного Суда, изданные в пределах его компетенции по регулированию общественных отношений, установленной Конституцией и принятыми в соответствии с ней иными законодательными актами» [2] к числу нормативных. Решения Конституционного Суда имеют особый статус среди других актов органов судебной власти. Конституционный Суд в связи с признанием проверенного акта неконституционным в целях недопущения пробела вправе сформулировать временную норму, которой должны руководствоваться все правоприменяющие органы, в том числе и суды. Его постановления окончательны, обжалованию и опротестованию не подлежат, они имеют всеобщий характер и касаются всех аналогичных случаев судебной практики. Поэтому и отмечается, что решения Конституционного Суда фактически имеют прецедентный характер, так как распространяют свое действие не только на рассмотренный Судом конкретный случай,

но и формируют «модели подхода» к решению аналогичных вопросов в будущем. Прецеденты, созданные Конституционным Судом в силу его полномочий, выше иных судебных прецедентов.

В Республике Беларусь можно привести и примеры, когда судебная власть и в лице Верховного Суда или Высшего Хозяйственного Суда формулирует общие правила, которым должны следовать другие общие или хозяйственные суды. Так, когда Верховный Суд выносит решение, то он разрешает конкретный спор и выносит обязательный вердикт. «В то же время данный частный случай применения права порождает общую, обязательную норму для нижестоящих судов и самого суда, вынесшего ранее такое решение, которым они должны руководствоваться при разрешении аналогичных дел» [12, 9]. Более того, ст. 2 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» постановления Пленумов Верховного и Высшего Хозяйственного Судов также признаны в качестве нормативных правовых актов. Сложнее дело обстоит с практикой нижестоящих судов. Общепринято, что судебная деятельность, касающаяся рассмотрения конкретных дел, относится к индивидуально-правовой, «в результате которой может быть выработано устоявшееся положение о применении нормы права по аналогии» [5, 183].

Еще более неопределенная ситуация наблюдается в Российской Федерации. В этой стране прецедент по-прежнему формально не признается в качестве источника права. Однако в то же время анализ российской правовой системы позволяет сделать вывод о том, что судебная практика здесь уже является источником права. К числу судебных актов, содержащих нормативные предписания, могут быть отнесены: 1) правовые позиции и некоторые решения Конституционного Суда Российской Федерации; 2) нормативные толкования Пленумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации; 3) решения судов общей юрисдикции, отменяющие нормативные акты (законы и др.) субъектов федерации в случае их противоречия федеральному законодательству; 4) решения судов по аналогии закона и права, а также на основе норм права, содержащих некоторые оценочные понятия; 5) решения Европейского суда по правам человека.

В Украине судебный прецедент также не является источником права, и суды здесь не относятся к числу правотворческих органов. Тем не менее публикуемые в Украине сборники решений конкретных юридических дел высшими судебными инстанциями служат ориентиром правильного понимания и единообразного применения норм материального и процессуального права.

В качестве итога можно отметить, что для стран романо-германской правовой семьи признание за юридическим прецедентом роли вспомогательного источника права – это уже объективная тенденция. В рамках восточноевропейского региона в последнее время все больше ученых также высказывается в поддержку усиления роли правового прецедента. Следовательно, закрепление правотворческой функции судов будет отвечать существующим тенденциям развития права, позволит оперативно реагировать на пробелы и коллизии в праве, будет способствовать обеспечению прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Ведель, Ж. 1973. *Административное право Франции; под ред. Крутоголова М.А.; пер.: Энтин Л.М.* М.: Прогресс.
2. Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»: принят Палатой представителей 14 декабря 1999 г.; одобрен Советом Республики 22 декабря 1999 г., № 361-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2000. № 2/136.
3. *История государства и права зарубежных стран*. 2002. Курс лекций: В 2 ч. Ч. 1 / Н.И. Ильинский. Минск: БГУ.
4. Жидков, О.А., Крашенинникова, Н.А. 1996. *История государства и права зарубежных стран. Ч. II. Учебник для вузов / под ред. О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой.* М.: Изд. МГУ.
5. Василевич, Г.А. 2008. *Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина.* Минск: Тесей.
6. Жуйков, В.М. 2000. "К вопросу о судебной практике как источнике права". *Судебная практика как источник права*. М.: Юрист, 78–90.
7. Нерсесянц, В.С. 2000. "К вопросу о судебной практике как источнике права". *Судебная практика как источник права*. М.: Юрист, 107–112.
8. Джура, В.В. 2005. "О судебном прецеденте в Российской Федерации" *Сибирский Юридический Вестник* 2: 19–36.
9. Вишневский, А.Ф., Горбаток, Н.А., Кучинский, В.А. 2002. *Общая теория государства и права*. Минск: Амалфея.
10. Василевич, Г.А. 2007. *Послания Конституционного Суда Республики Беларусь о состоянии законности: реальный вклад в развитие правовой системы.* Минск: Право и экономика.
11. Вильдхабер, Л. 2001. "Прецедент в Европейском Суде по правам человека" *Государство и право* 12: 5–17.
12. Василевич, Г.А. 1998. "Проблемы непосредственного действия конституционных норм о правах и свободах граждан в Республике Беларусь" *Вестник Конст. Суда Респ. Беларусь*. № 4.
13. Богдановская, И.Ю. 2002. "Судебный прецедент источник права?" *Государство и право* 12: 5–10.

14. Манов, Г.Н. 1995. *Теория государства и права*: учебник. М.: Издат-во БЕК.
15. Марченко, М.Н. 2000. “Является ли судебная практика источником российского права?” *Журнал российского права* 12: 11–21.
16. “Статут Международного Суда ООН”. 2010. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.un.org/ru/icj/statut.shtml#chap2*. Дата доступа: 12.04.2011.
17. “47 стран, одна Европа”. Совет Европы [Электронный ресурс]. Режим доступа *http://www.coe.int/aboutCoe/index.asp?l=ru&page=47pays1europe.* Дата доступа: 20.03.2011.

Тимофей Савицкий
(ЕГУ, Вильнюс)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ВЫЗОВОВ

The author analyzes challenges and problems concerning legal regulation of the Internet that have arisen worldwide. Besides theoretical analysis of the Internet and ways of the web regulation, Belarusian cyber legislation is examined in view of decree # 60 of the President of Belarus. The article discusses both positive and negative aspects of this document in the sphere of cyber law in the context of world challenges. The author gives his point of view on the main faults of the Internet understanding by Belarusian legislature and offers certain solutions to these problems.

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались бурным развитием информационных технологий. Человечество вступило в эпоху информационного общества, где сама информация стала если не самым важным ресурсом, то, по крайней мере, одной из наиболее значимых составляющих в ряду человеческих ценностей. Всемирная сеть Интернет как результат информационного развития комплексно удовлетворила потребность миллионов людей в информации. Таким образом, сугубо на теоретическом уровне право на свободу доступа к информации (свобода получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ [1, ст.10], закрепленное в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также в ряде других основополагающих документов), было удовлетворено. Вопрос практически упирался в проблемы доступности и независимости сети Интернет, анонимности его

использования. Совокупность данных проблем поднимает вопрос касательно целесообразности регулирования Интернета, методологии этого регулирования, его задач и целей. Комплексная коммерционализация всемирной паутины повлекла за собой новые последствия, которые, по сути, противоречили изначальным принципам свободы информации в глобальной сети. Она поставила Интернет в новые рамки, отчасти вписав ее в товарно-денежные отношения, которые, в свою очередь, заставили обратиться к правовому регулированию как базису взаимодействия в новой среде. Тем самым, если проследить путь развития Всемирной паутины от самых истоков (когда она использовалась в качестве средства обмена информацией между учеными разных стран) и до нынешнего времени, то необходимо выделить главную дилемму сети Интернет: отсутствие качественного, легального, основанного на соблюдении прав и свобод человека правового регулирования. При этом данная дилемма дополняется крайне важными вопросами о том, необходимо ли здесь вообще какое бы то ни было регулирование, кто будет регулировать и по каким принципам нужно строить это новое регулирование. Во многих странах правовое регулирование становится средством политической борьбы (тем самым инициируя методы незаконного ограничения информационного пространства сети Интернет), экономического и идеологического господства, методом ущемления прав и свобод человека, поэтому специфичность выделенной области применения правовых норм налицо.

Субъективизм и поляризированность подходов к самому концепту сети Интернет – основная причина отсутствия диалога по поводу унификации методов регулирования Всемирной паутины. Безусловно, нельзя абсолютизировать выделенный тезис. Значительные подвижки на пути создания единой стратегии в отношении глобальной сети уже произошли: такие документы, как Декларация о свободе общения в Интернете (28 мая 2003 года), являются тому ярчайшим подтверждением. Однако здесь мировое сообщество сталкивается с экзистенциальной проблемой Интернета: у него нет ни владельца, ни центрального регулятора – по сути, все, что есть на сегодняшний день, – это плоды трудов разных людей по всему миру. Тем самым определение правового статуса сети Интернет представляется затруднительным.

Политические, культурные и исторические реалии в различных странах варьируются в серьезной степени, что не может не влиять негативным образом на создание единого документа в отношении сети Интернет. К тому же период ратификации договора, охватывающего столь

обширную в правовом отношении сферу, может затянуться на многие и многие годы. Таким образом, нахождение единой стратегии видения развития Интернета на современном этапе выглядит крайне затруднительным.

Развиваясь по принципу геометрической прогрессии, информационное общество постоянно ставит перед собой новые, порой тяжело разрешимые задачи. Затронутая выше проблема – одна из них. Ввиду всего вышесказанного вполне логично задать следующий вопрос: при наличии многочисленных препятствий на пути построения единой стратегии правового регулирования Всемирной паутины необходимо ли в целом вырабатывать общий подход к регулированию сети Интернет? Ответ будет отнюдь не однозначен. Республика Беларусь в данном отношении внедряет определенные механизмы правового регулирования сети Интернет, которые будут рассмотрены в данной статье. Эффективность данных механизмов – вопрос спорный. Правотворческая деятельность в данной области выражается в таких нормативно-правовых актах, как постановление Совета Министров Республики Беларусь «О некоторых вопросах совершенствования использования национального сегмента глобальной компьютерной сети Интернет» от 29.04.2010 г., Указ Президента Республики Беларусь от 01.02.2010 г. «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» и некоторых других.

Основные задачи данной работы – анализ тенденций регулирования Интернета на современном этапе, проблем, возникающих в результате раздробленности правовых подходов к регулированию глобальной сети, в контексте правотворческой и правоприменительной практики в Республике Беларусь. Цель – выявление предпосылок, возможностей разрешения основных дилемм в области информационного права.

В понимании методологии регулирования сети Интернет в нынешнее время произошел существенный раскол: правовые методы (правотворческая и законодательная деятельность, концепция self-regulation (регулирование пользователем)) прямо сталкиваются с неправовыми, о которых речь пойдет ниже.

В первом случае регулирование следует рассматривать либо как цензуру (в различных степенях ее проявления), либо как законодательное закрепление положений касательно аспектов, статусов, функций субъектов и объектов правовых отношений в сети Интернет. Особенность ситуации в том, что во многих случаях цензура здесь приобретает негативный характер, направленный на политическое, идеологическое, культур-

ное и национальное подавление. В контексте мирового опыта правового регулирования сети Интернет термин «цензура» не есть лишь сугубо негативное понятие, и неверно приписывать ему свойства неправового порядка. Многие развитые страны применяют цензуру как исключительную меру в регулировании Интернет-пространства. В целом основными причинами, озвучиваемыми при проведении мер по введению цензуры в сети Интернет, являются защита детей от влияния порнографических материалов, недопущение распространения информации, разжигающей этническую, религиозную и иную вражду, и сведений, прямо запрещенных национальным законодательством, а также многое другое. Однако и выделенная сторона крайне спорна: согласно каким критериям оценивать «экстремизм» представленных на интернет-сайтах материалов; и не станут ли они поводом для политических, этнических и иных репрессии? Вопрос до сих пор остается открытым.

Принимая во внимание все вышесказанное, следует отметить, что правовое регулирование следует отличать от иных форм регулирования. К слову, в данной работе идет речь главным образом о нормативно-правовых методах воздействия на отношения, возникающие в сети Интернет. Нормативно-правовой подход выражается в наличии правовых актов, которые непосредственно воздействуют на порядок взаимодействия субъектов права в сети Интернет, а также вытекающих (т.е. являющихся следствием) из них механизмов. В оппозицию этим методам, которые, как уже было сказано выше, могут иметь как положительный, так и отрицательный характер, становятся неправовые методы, которые можно классифицировать следующим образом: архитектура сети, социальные нормы, коммерческие структуры. Первая из данных схем регулирования представляет собой техническую фильтрацию контента благодаря установленным ограничениям на интернет-соединение. Эффективность данного способа не вполне очевидна в виду технической возможности преодоления наложенных ограничений. Этот метод вполне может иметь и правовой базис, однако он не решает многих проблем, охватывая лишь небольшую сферу взаимодействия субъектов права в сети Интернет (нелегальный контент, мошенничество и пр.). Остальные два метода не могут являться полноценными регуляторами: социальные нормы, при всей своей несомненной значимости, имеют не императивный характер, что не может гарантировать их четкого выполнения (к тому же пласт социальных норм достаточно обширен: многие социальные структуры в некоторых аспектах могут приходить в столкновение друг с другом), а коммерческий способ является, по сути, интегративной частью правового,

так как не вполне очевидно, по каким законам должны реализовываться товарно-денежные отношения в сети Интернет вне правового базиса.

Таким образом, именно правовое регулирование есть наиболее обширный и полный метод по сравнению со всеми остальными. Однако огромное количество проблемных вопросов касательно такого рода регулирования в значительной степени тормозит развитие информационного права. При этом вопрос идет не об эффективности внедрения на фоне развитости каждого конкретного государства, а о теоретической основе правового регулирования.

Далее будет дана характеристика основным проблемам внедрения правовых механизмов в пространство сети Интернет, а также будет рассмотрен пример Республики Беларусь – государства с определенным количественным опытом в рамках правового регулирования сети.

Монополизация и национализация сегментов сети Интернет. Одной из главных проблем является чрезмерная централизация и монополизация национальных сегментов Всемирной паутины. Эта дилемма выражается в своего рода «присвоении» на законодательном уровне элементов сети, подпадающих под соответствующее стране доменное имя. Регулирование не означает именно монополизацию, однако стремление государств к «наведению порядка» и «чистке Интернета», подкрепленное лишь собственными же санкциями, ставит современный законодательный массив политики развития правовых аспектов регулирования Всемирной паутины в подвешенное положение. В некотором роде это проблема современной Беларуси, о чем будет сказано ниже.

Отсутствие единого нормативного акта. Тенденция последних лет показывает, что мировое сообщество все еще далеко от принятия конкретных общих решений по вопросам развития и регулирования Интернета, не в последнюю очередь из-за нежелания местных властей терять контроль над национальными сегментами. Создание единого договора представляется задачей неразрешимой как на теоретическом, так и на практическом уровне. При этом остаются открытыми и вопросы о необходимости создания подобного документа.

Европейская комиссия в мае 2010 года предложила директиву «Directive on combating sexual abuse, sexual exploitation of children and child pornography» [7], которая призвана заменить устаревшую Директиву 2004 года. Определенные моменты в данной директиве связаны с недопущением распространения детской порнографии и насилия в глобальной сети. Решение по ней пока не принято, что еще раз подтверждает факт

невозможности принятия оперативных мер по регулированию интернет-пространства.

Коммерциализация глобальной сети. Именно с появлением товарно-денежных отношений во Всемирной паутине возникла необходимость качественного правового регулирования. Однако современный законодательный массив направлен на материальные аспекты человеческой жизни, и пока просто не в состоянии на должном уровне интегрироваться в виртуальные правовые отношения.

Трудность применения любого рода регуляции или цензуры из-за относительной легкости обхода налагаемых ограничений. В этом случае следует упомянуть и о достаточно низком проценте раскрываемости киберпреступлений [6], что свидетельствует о наличии изъянов в регулирующих цифровое пространство актах. Налицо необходимость их качественного пересмотра и переоценки.

Что касается Беларуси, то главным нормативно-правовым актом, призванным урегулировать правовые отношения в сети Интернет, является Указ № 60 Президента Республики Беларусь. Изначально законопроект предполагался как единый документ для подобной сферы правовых отношений. В результате акт по своей специфике отличается значительным разнообразием норм, которые, в свою очередь, пытаются затронуть практически все сферы правового взаимодействия в глобальной сети, что не может не сказываться на его эффективности. При этом необходимо учитывать как положительные, так и негативные стороны вступления в юридическую силу Указа № 60.

К положительным сторонам следует отнести сам факт законотворческой активности в пользу правового регулирования сети Интернет. Сам шаг, при всей его спорности, крайне важен для установления в будущем нормальной законотворческой практики в информационной среде. Другой вопрос, что данный нормативно-правовой акт является не правовым регулятором, а «правовым балластом», с учетом того, какие моменты, связанные с функционированием информационного пространства, в нем подверглись урегулированию.

Формально действительно прогрессивным элементом является вводимая статьей 6 Указа процедура саморегулирования (self-regulation), которая уже как десятилетие исправно работает в западных государствах. Она хоть и не является универсальным методом фильтрации информации в глобальной паутине, тем не менее представляет собой механизм легального порядка, исключая возможность цензурирования «сверху».

Указ № 60 отличается неполнотой и гипертрофированием определенных моментов в ущерб другим. В целом данный правовой акт можно разделить на 6 равноценных частей [3]:

1. Государственные информационные ресурсы.
2. Регистрация сайтов индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.
3. Регистрация оптоволоконных сетей.
4. Регистрация данных пользователя при использовании коллективных пунктов доступа к сети Интернет.
5. Авторское право.
6. Ограничения к доступу по запросу пользователя.

Нарушение принципа анонимности при подключении к Интернету при помощи коллективных пунктов доступа – один из главных «подводных камней» Указа № 60, раскрывающий его политизированность и направленность на нарушение основных принципов общения в сети Интернет. Принцип анонимности – фундамент глобальной паутины, нарушаться он может только в случае противозаконных действий пользователей Всемирной сети. В статье 6 Указа написано следующее: «Поставщики интернет-услуг обязаны осуществлять идентификацию абонентских устройств при оказании интернет-услуг, учет и хранение сведений об абонентских устройствах, а также сведений об оказанных интернет-услугах. Хранение сведений, указанных в частях первой и второй настоящего пункта, осуществляется в течение одного года со дня оказания интернет-услуг» [3]. Речь в первую очередь идет о коллективных пунктах доступа к сети Интернет, каковыми являются различные интернет-кафе, интернет-клубы, а также беспроводные пункты доступа в общественных местах. Если брать во внимание современную ситуацию в Республике Беларусь, то коллективными пунктами считаются и домашние сети, составляющие значительный процент от общего количества подключений к Интернету. Хранение информации о пользователе и «оказанных ему услугах» представляют собой прямые средства осуществления контроля со стороны государственных органов и нарушают де-юре принцип анонимности. К слову, статья 4 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» устанавливает приватность в качестве основополагающего принципа отношений в информационной среде [2].

Огромное внимание законодатель уделил вторичным аспектам, не относящимся напрямую к регулированию правовых отношений в сети Интернет. К слову, статья 1 полностью посвящена вопросам размещения

информации на сайтах государственных органов власти. В нормативном акте подобного масштаба детализация правил размещения информации на государственных сайтах выглядит, по меньшей мере, ненужной.

С учетом обязательного перехода всех частных предпринимателей и юридических лиц, зарегистрированных на территории Республики Беларусь, на доменное имя .by выделенные положения и меры выглядят как прямая централизация и монополизация национального сегмента сети Интернет, что выражает неспособность белорусского законодателя идти на открытый диалог с мировым сообществом по поводу принципов построения правового регулирования сети Интернет. Конечно, регистрация юридических лиц и ИП в рамках национального сегмента глобальной паутины – механизм важный, поскольку позволяет защитить права потребителей и гарантировать судебную защиту в случае выявления нарушений. Однако данной процедурой подрывается все тот же принцип «отсутствие владельца у сети Интернет». Беларусь в качестве субъекта может обладать правом собственности на техническое оборудование, однако наложить право собственности (монопольное, судя по тому, что Белтелеком имеет неограниченные полномочия по предоставлению прав на доменные имена) еще и на само пространство информационного поля сети Интернет – значит игнорировать его сущностные характеристики.

В целом акт представляет собой скорее попытку централизации в управлении информационными сетями, нежели глубокий правовой анализ специфики отношений в Интернете. Указ № 60 Президента Республики Беларусь характеризуется разрозненными сферами применения (от авторских прав до регулирования государственных порталов) без детализации и с постоянной отсылкой к существующим актам.

Как видно, Республика Беларусь не может качественно бороться со всеми вызовами, с которыми сталкивается современный законодатель в рамках сети Интернет. Беларусь идет по пути монополизации и централизации в управлении информационным пространством глобальной сети. Многочисленные примеры применения цензуры (согласно докладу Комитета защиты журналистов, в Беларуси применяется точечная цензура [5]), например, в отношении портала Charter97 во время проведения выборов 19 декабря 2010 года, говорят о том, что об Интернете в стране возможно говорить лишь как о регулируемом государственными властями пространстве, доступ к которому может быть в любой момент подвергнут коррекции. Конечно, такое регулирование не может никоим образом быть сравнено с примерами тотальной цен-

зуры (например «красный микроблог» (Red Microblog) в Китае), однако становится очевидным, что консервация в рамках устарелых норм и отсутствие диалога по поводу характера и методов регулирования сети Интернет с мировым сообществом может в действительности серьезно сказаться на прозрачности и эффективности применения установленных норм.

Второй вызов логично не может быть преодолен без существенных подвижек в сторону либерализации законодательства в области функционирования информационного пространства. Указ № 60 призван был стать единым документом в рамках Республики Беларусь, однако огромное количество недоработок и минусов делают данный документ в определенной степени регрессивным и отсталым.

Коммерческий вызов, крайне важная составляющая в ряду других, в достаточной степени не разрешен. Безусловно, существуют многочисленные акты, призванные регулировать финансовые отношения в реальной среде, однако их прямой перенос в виртуальное пространство невозможен в полной степени. Авторское право, к примеру, в сети Интернет является одним из самых нарушаемых прав. Вопрос о том, как должно функционировать авторское право в глобальной сети, не может быть решен при помощи слепой аналогии. Необходимо учитывать специфику Интернета как анонимного и нефизического пространства, в котором информация обладает перманентной ценностью.

Четвертый вызов, возможность обхождения установленных механизмов правового регулирования, есть скорее индикатор неправильности работы законодательного массива в области регулирования отношений в сети Интернет. Общество в любом случае будет сталкиваться с подобной проблемой. В Республике Беларусь эта проблема выходит во многих случаях на первый план в качестве протеста на вводимые нормы. Тем самым именно здесь выявляется несостоятельность действующих нормативно-правовых актов в информационной сфере.

Законодательство, направленное на правовое регулирование глобальной сети в Республике Беларусь, в целом не может справиться со всеми современными вызовами. Виной тому нежелание законодателя вести качественный диалог по специфике, механизмам, способам регулирования Всемирной паутины. Указ № 60 – нормативно-правовой акт, пытающийся охватить многие сферы правовых отношений в сети: от авторского права до регистрации порталов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на хостинге by. Главная ошибка законодателя, в моем понимании, – это желание включить слишком много в

один нормативный акт. При этом значительная часть Указа посвящена вопросам, которые никоим образом не связаны с реальными правовыми отношениями в сети Интернет.

Республика Беларусь является показательным примером в попытке правового регулирования глобальной сети. По сути, предпринятые законодательные активности не смогли разрешить ни одну проблему из тех, что в нынешнее время поднимаются при попытках сформировать какие-либо стратегии касательно информационного права. Главная проблема, в частности, лежит скорее в неправильном понимании основ функционирования сети Интернет. В моем понимании Интернет, который, безусловно, претерпел значительные изменения за последнее десятилетие, все-таки должен сохранять те принципы, что в него вкладывали его создатели. Именно доступность, анонимность и свобода ставились в качестве таковых. На данный момент законодатель пытается подменить эти принципы их негативными эквивалентами. Регулирование сети Интернет тогда будет правовым и полностью легальным, когда будет принят всеобщий базис и определено, что есть Интернет, как он должен функционировать и при помощи каких механизмов (национальных или международных) должен регулироваться. Вопрос в большей степени лежит в теории права. Поэтому и попытки государственных органов Республики Беларусь вычеркнуть Интернет из повестки дня одним лишь Указом Президента, имеющим кроме того определенный политический оттенок, не могут увенчаться успехом именно из-за тотального непонимания, что такое сеть Интернет.

Многие нормы права, призванные регулировать правовые отношения в физической среде, успешно применяются в сети Интернет (финансовые операции, банковские нормы и т.п.). Однако огромный пласт проблем (меры ответственности, само понятие «ответственность», проблемы свободы выражения мнения, создание механизмов регулирования и другое) все еще неразрешим. Именно осмысление сети Интернет в ее изначальном варианте должно пролить свет на характер ее регулирования в настоящее время.

Литература

1. “Конвенция о защите прав человека и основных свобод”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.echr.coe.int*
2. “Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации»”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=H10800455*

3. “Указ Президента Республики Беларусь № 60 от 1 февраля 2010 г.” [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=P31000060*
4. Войниканис, Е.А., Якушев, М.В. 2004. *Информация. Собственность. Интернет: Традиции и новеллы в современном праве.* М.: Волтерс Клувер.
5. “Доклад комитета защиты журналистов”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://cpj.org/ru/2011/05/10--.php*
6. “2009 IC3 Annual Report”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.ic3.gov/*
7. “Портал Европейского Совета”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://ec.europa.eu/home-affairs/policies/crime/crime_sexual_en.htm*

Юлия Илюк
(Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев)

РОЛЬ ОПЫТА ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ ЗЕМЛИ В УКРАИНЕ

The paper gives a retrospective analysis of the development of Institute of mortgage in Ukraine. Legal regulations of land mortgage relations in advanced European countries are analyzed. Analysis of the advanced European countries experience in the functioning of the institute of mortgage (on the example of Germany) has been done. Emphasis on the need to improve the legislative framework and the net of specialized agencies in order to further the the land reform in Ukraine has been made. The necessity of establishing the new institution as the State land (mortgage) bank after lifting the moratorium and characteristics of its main functions has been substantiated. On the basis of the research problems have been outlined, and measures for improving the legislative base of Ukraine have been offered.

Статья 14 Конституции Украинской Республики провозглашает, что основным национальным богатством украинского народа является земля, поэтому она находится под особой охраной государства. Украина в современных условиях становления государственности и перехода к рыночным отношениям нуждается в существенном реформировании сложившихся земельных правоотношений, в частности учреждения рынка земель сельскохозяйственного назначения. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос охраны земель и возможность их ипотеки. Залог земельных участков (ипотека) – вид обеспечения выполнения обязательств, который не получил широкого распространения и применения в Украине. Причин этому несколько: с одной стороны,

неоднозначный юридический подход к земельной ипотеке, с другой, ограничения по ипотеке земельных участков сельскохозяйственного назначения. Исследованием отдельных правовых аспектов ипотеки земли в Украине занимались такие ученые-юристы, как М. Демьяненко, О. Драпиковский, В. Носик, Ю. Шевцова, П. Кулинич, И. Иванова и другие.

Определяющим в системе мероприятий по обеспечению усовершенствования правового регулирования земельных отношений является разработка механизма ипотеки земли как условия реализации фундаментальных основ Конституции Украины и Земельного кодекса Украины.

Сейчас ипотека земель несельскохозяйственного назначения активно развивается в Украине неспециализированными банками. Действие моратория на продажу земель сельскохозяйственного назначения делает невозможным их использование в качестве предмета залога, поскольку граждане и юридические лица, которые имеют в собственности земельные участки для ведения сельского хозяйства, не вправе продавать принадлежащие им участки и земельные наделы. Также мораторий непосредственно влияет на кредитную политику. Во-первых, при отсутствии объективных критериев для оценки земли трудно получить кредит, соответствующий цене залога (то есть земельного участка). Во-вторых, отсутствие рынка сельскохозяйственных земель не дает возможности использовать землю как предмет ипотеки, в первую очередь для получения долгосрочных кредитов (сроком на 5–20 лет), без которых невозможно инновационное развитие сельского хозяйства. Кроме того, по подсчетам отечественных и зарубежных ученых, используя возможности ипотеки на украинских землях сельскохозяйственного назначения, каждый год в агропромышленный комплекс можно привлечь от 1 до 1,5 миллионов долларов [7]. Эти и другие недостатки и проблемы, безусловно, создают преграды для кредитования под залог земли. Банковская система Украины должна быть готова для предоставления займов под ипотеку земельной собственности. Необходимость создания Государственного земельного (ипотечного) банка возникнет после отмены моратория на земли сельскохозяйственного назначения в связи с существенным увеличением объемов операций по кредитованию сельского хозяйства под залог земли. Таким образом, необходимым шагом реформирования земельных правоотношений является создание специализированного ипотечного банка, который планируется учредить уже в 2012 году. Кроме этого, у Земельного банка должны быть и другие функции, такие, как контроль за соблюдением законодательства в процессе извлечения зе-

мельного участка банком-кредитором в случае невозвращения кредита собственником земли; рефинансирование банковских учреждений, которые дают кредиты под залог земли собственникам личных сельских и фермерских хозяйств, сельскохозяйственных предприятий; выпуск ипотечных облигаций и другие функции регулирования земельного рынка.

Существенное влияние на формирование такого подхода к реформированию земельных отношений оказывает положительный опыт государств Европы, в которых земельные (ипотечные) банки успешно функционируют на протяжении долгого времени. Стоит заметить, что именно ипотечное кредитование земли в европейских странах стало главным фактором экономического развития сельского хозяйства.

Ипотека широко использовалась в Европе с конца XVIII в., особенно в Великобритании, Франции, Германии и России, в частности, применялась представителями аристократии и дворянства для покупки земли. Первая система поддержки собственников земли возникла в Германии 1800-х гг. Первый частный ипотечный банк возник во Франкфурте в 1862 г. [4]. В Европе ипотека земли исторически развивалась как институт частной собственности, что и обусловило соответствующее его дальнейшее развитие в континентальной правовой системе.

Система ипотечного кредитования в Украине возникла еще в XVII в. Первый ипотечный банк был создан в 1864 г. в Одессе и Херсоне. В 1871 г. появляется Харьковский земельный банк, и в 1872 г. – Полтавский земельный банк [5]. Как отмечает А. Евтух, «в течение 70–80-х гг. XIX в. в Украине практически завершилось становление ипотечного кредитования в его рыночном понимании», именно тогда в России были созданы Государственный дворянский земельный банк (1885 г.) и Сельский поземельный банк (1882 г.), которые имели отделения в Украине. Основным видом деятельности вышеупомянутых банков была выдача долгосрочных кредитов под залог земли сроком от 25 до 66 лет под 6–10% годовых [1]. Кроме этого, они выполняли функции органа государственного контроля за использованием земель, оперировали процессами купли-продажи земельной собственности. В начале 1917 г. кредитно-банковская система долгосрочного ипотечного кредитования в России была достаточно хорошо организованной системой, которая также имела адекватное правовое обеспечение. Она состояла из двух государственных банков, 21 земельного и 18 частных банков и других кредитних учреждений. В ипотечных банках было заложено около 60 млн десятин земли, то есть более трети всей посевной площади России [4]. Во время мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. на территории Советского Союза

институт ипотеки был отменен, прекратилась практика ипотечного кредитования. Запрет на ипотечное кредитование длился до начала 90-х гг. XX в.

Из всего вышеуказанного видно, что Украина имеет давние европейские традиции земельного ипотечного кредитования, которые на несколько десятилетий были прерваны. XX в. придал ряд новых особенностей ипотеке земли. Нынешний подход отечественного законодательства сформировался в условиях развития публичных отраслей права в течение XX века, что и обусловило преимущество в нем публично-правовых основ. Курс на становление демократического общества требует, в частности, сужения публично-правового регулирования и ослабления вмешательства государства в сферу личных прав граждан: предел правового регулирования определяется степенью свободы общества, когда каждый его член имеет достаточно возможностей для реализации и защиты своих прав. В условиях отечественной земельной реформы дальнейший анализ опыта передовых стран Европы является необходимым и уместным [6].

В развитых экономических системах земельные участки являются достаточным залогом для получения банковских кредитов. Их предоставляют не только для решения насущных проблем, но и для усовершенствования материальной и производственной базы аграриев. Анализ зарубежного опыта свидетельствует о том, что кредиты, обеспеченные недвижимостью, в частности, земельными участками, в европейской хозяйственной практике являются одним из традиционных видов кредитования, а ипотека – базовым инструментом финансового рынка.

Как свидетельствует опыт высокоразвитых европейских государств, формирование системы ипотечного кредитования происходило с помощью поддержки государства, а в некоторых случаях само государство выступало инициатором в создании соответствующих институционных звеньев. При государственной поддержке, которая состоит, по крайней мере, в создании необходимой законодательной базы и выполнении функции регулирования, в зарубежных странах эффективно функционируют и другие структурные элементы инфраструктуры ипотечного рынка. По мнению многих авторов, Украина тяготеет к немецкой системе, поэтому уместно рассмотреть опыт развитых европейских стран в сфере кредитования под залог земли на примере ФРГ, охарактеризовав залоговое право ФРГ.

Германия имеет развитую ипотечную систему, под которой понимается, во-первых, законодательство, регулирующее оборот недвижимого

имущества, и, во-вторых, организации, обслуживающие этот оборот и осуществляющие его регистрацию. Законодательство о ФРГ делится на материальное (Германское Гражданское Уложение, Закон об ипотеке, Закон об ипотечных банках) и процессуальное (Положение о земельной книге, Гражданский процессуальный кодекс ФРГ). В числе организаций, обслуживающих оборот земли, центральное место занимает земельное ведомство ФРГ. Кроме него в обороте недвижимости большую роль играют кадастровое ведомство, суды и нотариусы. В целях увеличения эффективности ипотека может распространяться не только непосредственно на земельный участок, но и на требования к арендатору о выплате положенной платы при сдаче земли в аренду, урожай, если только он не отчужден и не удален с земельного участка, а также требования к страховщику, если участок земли или находящиеся на нем строения были застрахованы.

Особенностью ипотеки в западноевропейских государствах является то, что она учреждается подлинным актом у нотариуса и по форме, установленной законом. Любой другой документ, не засвидетельствованный у нотариуса, законной силы не имеет. Документ, составленный во время сделки с третьими лицами, должен также предоставлять собой аутентичный акт. Кроме того, основой ипотечного права в странах романо-германской системы права является кадастр и регистрация ипотеки. Кадастр (поземельная книга) представляет собой картографическое изображение всей национальной территории по коммунальному принципу с четким разграничением небольших участков земли и крупных землевладений. Тем самым очень легко идентифицировать застроенное недвижимое имущество и исключить возможность перепутать его с другим. Регистрацию ипотеки производят государственные служащие (в Германии это судьи). Они регистрируют все акты вещного права по сделкам с недвижимостью. Они также составляют реальную и персональную картотеки. С ее помощью можно получить реальную картину ипотек и льгот, отягощающих недвижимое имущество.

Регистрация земельных участков при оформлении ипотеки сопровождается строгим юридическим оформлением возникновения и прекращения залогового права на недвижимое имущество в виде закладной. В Германии при занесении подобного соглашения в земельную книгу запись должна содержать вид залогового права, имя должника, имя кредитора, процентную ставку и другие дополнительные требования, например, повышение процентов за отсрочку, то есть перечислены все необходимые реквизиты закладной [2].

В законодательстве развитых стран права и обязанности по договору ипотеки трактуются единообразно. Залогодатель обязан:

– страховать предмет ипотеки;

– принимать меры для его сохранности;

– сообщать всем последующим залогодержателям сведения обо всех существующих залогах предмета ипотеки;

– уведомлять залогодержателя об угрозе его утраты или повреждения.

Залогодержатель, в свою очередь, имеет право проверять по документам и фактически наличие, состояние и условия хранения предмета ипотеки.

Функционирование сельскохозяйственного ипотечного кредита в Европе также имеет сходство в использовании льготных инструментов и механизмов стимулирования его развития. За счет льготных кредитов обеспечиваются оптимальные условия кредитования, в том числе ипотечного, для фермерских хозяйств, неспособных финансировать необходимые инвестиции из собственных средств или полученного на общих условиях кредита.

Формирование системы ипотечного кредитования и ее функционирование требуют поддержки со стороны государства. В развитых странах создана необходимая законодательная база, четко работают государственные органы, регистрирующие сделки с недвижимостью, специализированные институты, созданные при поддержке государства, проводят операции с ценными бумагами ипотечных банков и таким образом регулируют их деятельность.

Подводя итог, можно сказать, что именно сейчас Украина становится на путь формирования собственной системы ипотечного кредитования как важного резерва финансовой поддержки аграрного сектора экономики. Без соответствующей правовой базы Украина после окончания действия моратория на куплю-продажу земель сельскохозяйственного назначения входит практически неподготовленной, с точки зрения инфраструктурного обеспечения, в новый этап земельной реформы. Чтобы ситуация в этой сфере улучшилась, недостаточно законов «Об ипотеке» от 05. 06. 2003 г., «О государственном земельном кадастре» от 07. 07. 2011 г. Неотъемлемой частью земельной реформы является разработка и принятие законов Украины «О рынке земель» и «О государственном земельном (ипотечном) банке» [8]. Необходимо уделять достойное внимание анализу опыта европейских государств в сфере ипотечного кредитования.

Литература

1. Евтух, А. 2003. "Ипотека и ипотечный рынок" *Вестник НБУ* 9:18–22.
2. Замалеев, Р.Р. 2008. *Правовое регулирование ипотеки (залога) земельных участков: Автореферат диссертации.* М.
3. Кашпер, Л.П. 2008. "Эволюция и предпосылки развития земельной ипотеки в Украине". *Региональная экономика* 1: 165–171.
4. *Ипотечное кредитование: проблемы и перспективы развития в Украине: Информационно-аналитические материалы*. 2004. К.: Центр научных исследований НБУ.
5. Лабецкая, Л.М. 2007. "Историко-правовые аспекты ипотеки". *Региональная экономика* 1: 209–214.
6. Носик, В. 2002. "Проблемы формирования правового института ипотеки земли в Украине". *Украинское коммерческое право: Научно-практический журнал. Центр коммерческого права* 2: 31–39.
7. Ющенко, А.М. 2005. "Ипотечное кредитование как предпосылка развития земельных отношений". *Финансы Украины* 4: 93–99.
8. [Электронный ресурс] Режим доступа: *www. rada.gov.ua*

Богдан Саражинский
(ЕГУ, Вильнюс)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОГО ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

The paper deals with the recent tendencies in Belarusian sports law, the challenges of the Soviet sport model in the modern world. The main issues are outdated basic law, lack of qualified specialists, deficiency in applying law, transfers of minors, agents permissiveness, voluntarism of officers, deficiency in arbitration, lack of sponsorship. Measures that should be taken include a new law on physical training and sport involving professional managers, changing ways of governmental support, new agents law, involving former sportsmen into the law-making procedure, toughening anti-stimulants laws.

Спортивное право – одна из наиболее бурно развивающихся отраслей юриспруденции. Беларусь в настоящее время столкнулась с недостаточной урегулированностью спортивных правоотношений. Лучшее доказательство тому – прошедшая 31 марта 2011 года в Минске научно-практическая конференция «Спорт в Республике Беларусь: актуальные вопросы организационно-правового регулирования и перспективы развития спортивного права», на которой председатель Высшего Хозяйственного Суда Виктор Каменков заявил: «Дело в том, что спорт в Беларуси находится на высоком уровне, а вот спортивное право только начинает развиваться. Этот крен надо устранять» [1].

Спортивное право – это «неуловимый Джо» для простого обывателя. В средствах массовой информации долгое время наблюдалось отсутствие интереса к юридическим аспектам спортивной деятельности. В 2005 году в периодическом издании «Прессбол» в рамках рубрики «Спортивное право» публиковались статьи Александра Данилевича, в которых в доступной форме излагались основные аспекты агентской

деятельности, трансферов, функционирования спортивных федераций и т.д. Однако из-за слабого читательского интереса рубрика прекратила свое существование. В последующую пятилетку спортивное право упоминалось в связи с регулярными допинговыми скандалами белорусских спортсменов, причем непосредственно правовые аспекты подменялись обвинениями в адрес международных органов.

Относительно неожиданной стала новость о проведении конференции «Спорт в Республике Беларусь». Нет смысла пересказывать пресс-релизы, скопированные друг у друга по меньшей мере пятьюдесятью интернет-ресурсами. Главное, о чем свидетельствовало мероприятие, – это признание необходимости регулирования спортивных правоотношений.

Попробую кратко резюмировать основные проблемы белорусского спортивного права с опорой на критическую статью знаменитой белорусской спортсменки Светланы Парамыгиной «Левое право. Ненормативные акты и актуальные нормы» [2].

1. Закон Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» был принят 18 июня 1993 года, и его достаточно сложно применять в современных реалиях. Профессиональный спорт определяется «как предпринимательская, трудовая и иная не запрещенная законодательством деятельность» [3]. Нет многих важных понятий, таких как, например, «спортивный спор», «дисквалификация», «спонсорство».

Иногда нормы законодательства противоречат друг другу. В Законе Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» сказано, что «все права на теле-, радио-, иные способы трансляции спортивных соревнований принадлежат лицам, проводящим соревнования» (ст. 27, п. 5). Однако эта формулировка противоречит Закону «Об авторском праве и смежных правах», согласно которому все права принадлежат вещательной организации, создающей трансляцию [4].

Не урегулирован вопрос о том, должен ли спортивный клуб являться юридическим лицом. Как пишет Виктор Каменков, являющийся также и председателем Белорусской федерации баскетбола, несмотря на то, что отдельные команды, принимавшие участие в официальных играх внутренних чемпионатов, не имеют статуса юридического лица, «спортивный клуб должен быть юридическим лицом, исходя из ведомственных инструкций Министерства спорта и туризма и добавления к этим определениям положений Гражданского кодекса» [5]. Однако было бы лучше, если эти бы положения закреплялись в Законе «О физической культуре и спорте», как это сделано, например, в Российской Федерации.

2. В Беларуси не хватает квалифицированных специалистов в области спортивного права. Так, легкоатлеты Девятовский и Тихон были вынуждены обратиться к иностранным адвокатам, чьи услуги обошлись им, по слухам, в полмиллиона долларов [6]. Государство ничем не смогло помочь – «не было опыта». Единственной победой белорусских юристов в международных судах является дело Кашевского, когда футболист Кашевский обжаловал решение о своей дисквалификации на 4 месяца в ФИФА и оно было отменено [2]. Однако Белорусская ассоциация футбола в споре с ФИФА в Спортивном арбитражном суде в Лозанне выиграла.

3. Существуют проблемы в социальном законодательстве. Так, во время международных соревнований по таэквондо белорусский спортсмен был отправлен тренером в другую весовую категорию, к соперникам, тяжелее его примерно на 10 килограммов. Юноша, имевший страховку, получил травму, просил отправить его в больницу, но тренерский штаб и медики не поверили в серьезность произошедшего и не оказали своевременную медицинскую помощь. По прибытию в Минск спортсмену стало плохо. Потребовалась операция [7]. Травму долго не хотели признавать производственной. А ведь существуй законодательство, в котором были бы указаны особенности регулирования труда профессиональных спортсменов и тренеров, дело решилось бы куда быстрее [2].

4. Еще одна проблема – борьба с допингом. Отсутствие реально функционирующего антидопингового контроля приносит дурную славу белорусскому спорту. Особенно опасно, когда допинг принимают юные спортсмены по указанию педагогов. В 2009–2010 годах положительные допинг-пробы были выявлены у двух пауэрлифтеров, легкоатлетки, а также боксера, плавчихи и биатлонистки. Все спортсмены, за исключением одного, 1991 года рождения и моложе. Тренеры пауэрлифтеров были уволены по собственному желанию, хотя разорвать трудовые отношения можно было бы по другой статье, что запретило бы этим специалистам осуществлять дальнейшую спортивную деятельность [2].

5. Еще одна проблема – переходы в другие команды несовершеннолетних игроков. Как заявил начальник отдела групп подготовки «Партизана» Петр Зинькевич: «в 2009 году вместе с тренером Шимко В.А. 14 ребят 1996 г.р. перешли в борисовский БАТЭ. При этом практически всегда нарушается процедура перехода. Ребята занимаются уже в другом клубе, а спорные вопросы еще не урегулированы. Примером нарушения процедуры наглядно служит переход ребят 1996 г.р. По окончании первого круга чемпионата Минска их привлекли к тренировкам в составе БАТЭ,

провели медобследование. А вопрос о переходе был решен лишь 18 декабря того же года» [8].

Остаются и этические вопросы, и вопросы компенсаций.

6. Еще одна проблема – агентская деятельность. «Недостатки в контроле работы агентов привели к тому, что футболисты стали рабами агентов. Эту ситуацию нужно менять», – сказал Невыглас 22 апреля 2011 года [9]. Профессиональные качества агентов оставляют желать лучшего. Так, «31 марта в соответствии с регламентом ФИФА в Доме футбола прошел экзамен для желающих получить лицензию агента ФИФА. Экзамен состоял из вопросов на знание ряда регламентов, кодексов и правил ФИФА, а также соответствующих национальных регламентов и кодексов. Большинство экзаменационных материалов готовилось в ФИФА» [10]. К сожалению, никто из трех претендентов не справился с экзаменом.

«Белорусский Гражданский кодекс не содержит норм, регулирующих агентский договор. Наиболее применимыми к агентским договорам являются нормы Гражданского кодекса о договоре поручения (глава 49). Проблемой для агента в Беларуси является тот факт, что по белорусскому законодательству формально нельзя заставить игрока заключить так называемый эксклюзивный агентский договор, то есть договор, запрещающий игроку иметь больше одного агента одновременно» [11].

7. Иногда наблюдается волюнтаризм чиновников. Самый яркий пример – 21 марта 2011 года на совещании Федерации хоккея Республики Беларусь было принято решение (которое было позднее утверждено на заседании исполкома ФХРБ), что со следующего сезона команды смогут заявить не более семи хоккеистов в возрасте старше 28 лет.

Вот что думают белорусские хоккеисты об этой инициативе: «Федерация хоккея Республики Беларусь, не являясь ни законодательным, ни исполнительным органом Республики Беларусь, НЕ ИМЕЛА и НЕ ИМЕЕТ права рассматривать вопросы и, тем более, принимать решение об ограничении возраста. Согласно статье 23 Конституции ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц».

Решением Конституционного суда Республики Беларусь от 17 июля 2009 года № NP-360/2009 «Об обеспечении равных прав граждан в сфере труда» установлено, что в законодательстве нет общего требования о необходимости обязательного прекращения трудовых правоотношений в

связи с достижением работником определенного возраста. В целях обеспечения гарантий и конституционного права граждан на труд, полноты правового регулирования в сфере трудовых отношений, Конституционный суд решил внести дополнения в статью 14 Трудового кодекса Республики Беларусь, включив ВОЗРАСТ и место жительства в число ДИСКРИМИНАЦИОННЫХ обстоятельств [12].

8. Вопросы спортивного арбитража урегулированы недостаточно полно. Вот что заявил в интервью газете «Прессбол» от 3 октября 2010 г. председатель Высшего Хозяйственного Суда страны и руководитель Белорусской федерации баскетбола Виктор Каменков: «К примеру, как юрист, я обратился к правовой базе по судейству и обнаружил положение, утвержденное Минспорта. Что оттуда узнал? “Судья имеет право носить значок, судить, иметь удостоверение, в случае освобождения или дисквалификации – подавать апелляции”. Смешно, не правда ли? Обязанности прописаны столь же эфемерно. Не говорю уже о квалификационных требованиях: посудить два-четыре матча, причем без указания ранга, плюс поучаствовать в семинаре. Все! Ни про возраст, ни про состояние здоровья даже слова не сказано!.. Есть претензии и к форме судей, порой достигавшие абсурдных размеров. На сдаче нормативов по физической подготовке приходили люди, которые передвигались с трудом – и все равно их стремились записать в арбитры!» [13].

Таким образом, существует необходимость централизованного законодательного регулирования судейства во всех видах спорта.

9. Рынок спонсорства в Беларуси не развит. Этот недостаток пытаются устранить мерами директивного характера, в частности Указом № 116 от 01.03.2010 г. Президента Республики Беларусь «О дополнительных мерах государственной поддержки отдельных видов спорта». Однако это административный метод управления спортом и, кроме того, Указ носит временный характер, что не позволяет спортсменам и клубам рассчитывать на финансовую стабильность.

Каковы же причины бедственного положения спортивного законодательства в Беларуси? По моему мнению, это:

1. Устаревший базовый закон, который даже старше Конституции Республики Беларусь.

2. Динамичность развития спортивных правоотношений и консервативность законодателя, сохранение советской системы во взаимоотношениях государства и спорта.

3. Отсутствие инициативы со стороны исполнительной власти. Спорт является местом распределения государственных денег, поэтому управ-

ленцы стремятся сохранить существующее, устраивающее их положение, не проявляют инициативы.

4. В управлении спортом задействованы люди, не имеющие профессионального образования. Так, «штаб-квартиру» Белорусской федерации футбола СМИ иногда именуют «Домом офицеров» [14], потому что в составе федерации много отставных военных. Разумеется, было бы лучше, если бы спортом управляли люди, не понаслышке знакомые с ним: бывшие спортсмены, тренеры, специалисты, изучавшие спортивное право в Европе.

Проблемы белорусского спорта были озвучены, привлекли внимание, и на мартовской конференции было заявлено о принятии некоторых важных мер.

1. Закон о физкультуре и спорте будет усовершенствован. Евгений Смирнов, заместитель председателя Белорусского союза юристов, возглавляющий Постоянную комиссию Совета Республики Национального собрания по законодательству и государственному строительству, заявил: «...переписывать не будем. Усовершенствуем [...] ключевым исполнителем будет Национальный центр законодательства и правовых исследований [...]. Юристам предстоит осилить большой объем работы. До недавнего времени мы даже толком не знали, сколько в стране федераций, спортивных обществ. Из архивов подняли все законодательство по вопросам спорта: действующее белорусское и российское, а также советское. Дали поручения поднять нормативную базу международных федераций. Будем извлекать рациональное зерно из всех возможных источников» [2].

2. Возможно создание спортивного арбитражного суда, но он сможет функционировать только после принятия закона о третейских судах. Это позволит урегулировать спорные вопросы, не обращаясь к международным инстанциям.

3. Введение на юридическом факультете БГУ курса спортивного права. Необходимо готовить квалифицированных молодых специалистов. Эту меру можно только приветствовать.

Можно выделить несколько способов улучшения спортивного права в Беларуси.

1. Необходим новый закон о физкультуре и спорте. Впрочем, сама форма (новый закон или старый усовершенствованный) не столь важна, как его содержание.

2. Привлечение в спорт профессиональных управленцев. Создание курса спортивного права – это правильная мера, однако пока наше спор-

тивное право не дотягивает до европейских стандартов, есть смысл организовывать стажировки, прохождение магистерских программ в европейских странах.

3. Необходимо изменить систему государственной поддержки спорта. Существующий Указ № 116 – это временная мера, а необходима стабильно работающая законодательная основа. Так, 6 мая 2011 года Президент А. Лукашенко заявил: «Государство готово предоставлять кредиты спортивным организациям. В случае достижения хороших результатов – получите еще какую-нибудь премию, результата не достигнете – возвращайте деньги. До тех пор, пока не будет выработана эта серьезнейшая формула, никто не может рассчитывать на средства бюджета и средства предприятий в виде спонсорской помощи, кроме частных. Разбазаривания денег быть не должно. И деньги надо выделять только туда, где они будут абсолютно видны. Например, на приобретение спортивной формы. И выход на результат – в итоге. Я с вас спрошу за результат» [15].

То есть фактически Президент выступает за ответственность спортсменов и спортивных клубов, зависимость господдержки от результатов, эффективности, однако из-за отсутствия развитого частного спонсорства могут быть лишены поддержки, расформированы многие спортивные субъекты. Актуальный пример гандбольное «Динамо».

4. Принятие закона об агентах, детальное урегулирование взаимоотношений игрока и агента.

5. Регулирование переходов несовершеннолетних, установление системы компенсаций спортивным школам, запрет на трансферы малолетних спортсменов.

6. Привлечение к обсуждению проблем спорта непосредственно самих спортсменов, а не чиновников.

7. Ужесточение антидопингового законодательства, проведение информационной политики, направленной на предотвращение использования молодыми спортсменами запрещенных препаратов.

В заключение следует отметить, что проблемы в белорусском спортивном праве существуют, однако главное уже сделано: есть осознание недостатков и пробелов законодательства. Решительность отдельных чиновников можно только приветствовать, однако также необходимо общественное обсуждение законопроектов, опора на практический опыт зарубежных стран с учетом сложных белорусских финансовых реалий.

Литература

1. “На юрфаке БГУ будет введен курс спортивного права”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *sport.tut.by/pda/news/220517.html*
2. “Левое право. Ненормативные акты и актуальные нормы”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.pressball.by/news.php?t=0615&id=70751*
3. Каменков, В. “Система управления физической культурой и спортом в Беларуси”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *court.by/docs/155.pdf*
4. “Интеллектуальная собственность в спортивной сфере”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://union.by/event/orgstructur/e879d46be19f1566.html*
5. Каменков, В. “Правовое положение спортивного клуба”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *court.by/docs/162.pdf*
6. “На свою защиту Тихон и Девятовский истратили полмиллиона долларов”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://ns2.belapan.com/rubrics/sport/2010/06/14/ic_news_125_332953/*
7. “Воры под крышей Минспорта. Груши для битья”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *www.pressball.by/news.php?t=0602&id=38957*
8. “Откуда берутся дети”. «Партизан». [Электронный ресурс]. Режим доступа: *goals.by/football/articles/49027*
9. “Слова и дела Невыгласа”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *pda.sb.by/post/115877/*
10. “В Доме футбола прошел экзамен для агентов ФИФА”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.bff.by/news/1770.html*
11. “Колонка юриста. Агенты и клиенты”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://*pressball.by/news.php?t=0703&id=8215*
12. “Обращение профессиональных хоккеистов к руководителям, генеральным директорам белорусских хоккейных клубов”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *www.belarushockey.com/rb/article_list4/article85/*
13. “Откровенный разговор. Виктор Каменков: судебная ревизия баскетбольного хозяйства”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *www.pressball.by/news.php?t=0305&id=65520*
14. “Goals.by знакомится с офицерами из Дома футбола”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://goals.by/football/articles/49731*
15. “Александр Лукашенко провел совещание по вопросу государственной поддержки физкультуры и спорта”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *president.gov.by/press117881.html*

МЕДИАКУЛЬТУРА:
АНАЛИЗ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ,
КРИТИКА

Василий Корф
(БГУ, Минск)

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2010 ГОДА В ДИСКУРСЕ БЕЛОРУССКОЙ ПРЕССЫ

The article compares the discourses of state and non-state printed media during the presidential election campaign in 2010. The author analyses the following characteristics: topics, labels, newspaper metaphors, stylistically reduced vocabulary, evaluations, attitudes and scenarios. These types of discourses have common structural features, but they differ in their functions and the influence on readers' minds. The discourse of state newspapers persuades the readers to vote for Alexander Lukashenka. Independent discourse cannot perform a similar function because non-state printed media do not believe in the opposition's victory in elections.

Президентские выборы – это важнейшее событие в политической жизни нашей страны. Белорусское политическое поле можно условно разделить на два противоборствующих лагеря: тех, кто находится у власти (президент и его приближенные), и тех, кто старается эту власть получить (оппозиционные политики). Данная дихотомия особенно ярко проявляется в период президентской кампании.

Важную роль в политической борьбе играют средства массовой информации. Они выступают связующим звеном между кандидатами и их электоратом. В период избирательной кампании наблюдается заметная активизация использования средств убеждающего воздействия в массмедийном дискурсе.

Целью данной работы является сравнение особенности представления президентской кампании 2010 г. в дискурсе белорусской государственной и негосударственной прессы. Сравнение производится по следующим категориям: освещаемые темы, ярлыки, газетные метафоры, стилистически сниженная лексика, оценки, установки и сценарии.

Для исследования были отобраны 4 белорусские газеты (2 государственные и 2 независимые): общереспубликанские – «Беларусь сегодня» и «Народная воля», а также районные – «Наш Край» и «Intex-press». За временной промежуток с 1 сентября по 19 декабря 2010 г., соответствующий предвыборному периоду, были изучены все материалы данных газет, содержащие какую-либо информацию о президентской кампании в Беларуси («СБ» – 51, «НВ» – 248, «НК» – 40, «IP» – 34). Основные результаты исследования приведены ниже.

Освещаемые темы

Первый уровень формирования предвыборного дискурса связан с отбором и предоставлением информации широкой общественности. СМИ задают так называемую «повестку дня» – картину мира, в которой акцентируется внимание на одних объектах, тогда как другие вытесняются с информационного поля. Данный прием наиболее эффективен при воздействии на аудиторию, которая использует всего один источник информации.

В ходе исследования был проведен контент-анализ тем по двум блокам показателей. В первом учитывалось, имеет ли новость отношение ко всей республике или только к конкретному региону.

Для общереспубликанских газет результат оказался предсказуемым: в них преимущественно освещаются темы, имеющие большое значение для всей республики («СБ» – 80%, «НВ» – 77%). Особый интерес здесь представило распределение территориальных тем в региональной прессе. По данным исследования, в государственной газете «НК» 51% всех предвыборных материалов посвящен общереспубликанским новостям. В то время как негосударственная газета «IP» 82% статей посвятила районным событиям.

Это означает, что в дискурсе «НК» отсутствует определенная информация о ходе избирательной кампании непосредственно в регионе. У читателей может сложиться впечатление, что их район или город почти не принимает участия в кампании, а сами выборы – это явление республиканское, и все рычаги управления им находятся в столице.

Во втором блоке показателей учитывались субъекты президентской кампании, упоминаемые в материалах (А. Лукашенко, другие представители власти, оппозиционные кандидаты, другие представители оппозиции, третья сторона). Данные показали, что Александр Лукашенко почти не представлен в белорусском предвыборном дискурсе в качестве канди-

дата в президенты. Во всех исследуемых газетах о нем, как о кандидате, говорится меньше, чем о его соперниках. Притом зачастую президент упоминается не в качестве самостоятельного действующего лица, а в одном списке с другими участниками кампании при перечислении.

«Соперником» оппозиции на информационном поле стал не действующий глава государства, а другие органы государственной власти (ЦИК, местные комиссии и др.). В дискурсе государственных газет наибольшее внимание уделяется формальным процедурам кампании, проводимым государственными органами. В независимой прессе более широко представлена деятельность не только оппозиционных кандидатов, но и других субъектов оппозиции (общественных организаций, партий, групп давления), информация о которых почти отсутствует в государственном дискурсе.

Ярлыки

В предвыборном дискурсе ярлыки служат для более простой и понятной категоризации действительности. Применяя оценочные слова для наименования одной из сторон избирательной кампании, политики и журналисты используют бытующие в обществе стереотипы и, таким образом, формируют определенное отношение к объекту именования.

Начнем с ярлыков, навешиваемых на властную сторону. В государственных газетах таковых не было обнаружено. Александр Григорьевич называется предельно формально, по занимаемой им должности («*Президент*» либо «*глава государства*»). В дискурсе же негосударственной прессы, хоть и нельзя проследить использование одного единственного ярлыка для обозначения действующего президента, можно определить общую для всех этих слов характеристику. Они наделяют и приписывают называемому обладание исключительной властью («*бессменный*», «*диктатор*», «*лидер*», «*реальный хозяин*»). А ярлыки «*вождь*» и «*стоящий у руля страны*» даже проводят параллели с образом Сталина. Безусловно, подобные коннотации в дискурсе негосударственных газет имеют негативное значение.

Что касается обозначения оппозиционных кандидатов, в обоих дискурсах прослеживается употребление безоценочных слов «*кандидаты*» и «*оппозиция*», а также различных вариаций с ними. Хотя слово «*оппозиция*» в государственном дискурсе может иметь негативное значение, в исследуемых материалах оно ничем не подтвердилось. Примером использования позитивного ярлыка для обозначения независимых канди-

датов является употребление слова «*демократический*» в различных его вариациях. Особенно четко это прослеживается в газете «IP». Присваивая одной из сторон имя демократической, автоматически подразумевается, что противоположная ей сторона будет недемократической.

Газетные метафоры

В основе метафоричности газетного языка лежит тот же механизм воздействия на сознание читателя, что и при навешивании ярлыков. Всю совокупность метафор можно разделить по сферам-источникам, к которым они относятся. Характерный для определенного дискурса набор сфер не задается журналистами, а имеет глубокую культурную и историческую укорененность.

В результате исследования были обнаружены метафоры, относящиеся к 6-ти различным сферам-источникам: война, зрелище, сельское хозяйство, спорт, строительство, учеба. Но их глубина, т.е. наполнение, сильно различаются. Можно выделить несколько сфер, в которых метафоры проявляют наибольшее разнообразие. Это война, спорт и зрелище.

Метафоры сферы «спорт» характерны как для государственной, так и для негосударственной прессы. Наиболее распространенный и удобный способ представления президентской кампании – в качестве *«гонки»*. С помощью данных метафор показывается мирный соревновательный характер выборов, а также наличие общих для всех «*правил игры*».

Но если в государственном дискурсе спортивные метафоры доминируют, то в негосударственном весомую конкуренцию им составляют милитаристские метафоры со сферой-источником «война». Для независимых СМИ выборы – это не просто соревнование, это настоящие боевые действия. Отсутствие подобных метафор в государственных газетах можно объяснить концептом стабильности в государственной пропаганде. Власть представляет себя самодостаточной и непоколебимой. Она лишь время от времени участвует в «*марафонах*», где, безусловно, считается фаворитом. Война же приносит неопределенность, разрушение и страх. Поэтому милитаристские метафоры свойственны только оппозиции, которая постоянно ведет борьбу с режимом.

Еще одной сферой метафор, проявившей себя только в материалах республиканских газет, является «зрелище». Такие метафоры характерны для обоих дискурсов, а их истоки кроются в театральности самого политического дискурса. Данная сфера объединяет театральные, кинематографические и цирковые метафоры. Все они представляют выборы

как что-то постановочное и искусственное. Президентская кампания ведется в расчете на публику (*«массовка», «грим», «клоуны»*). Но есть одно важное замечание. Т.к. в государственных СМИ действующий президент редко выступает в качестве участника предвыборной кампании, метафоры сферы-источника «зрелище» относятся к деятельности оппозиционных кандидатов. Если в независимом дискурсе искусственностью наделяется вся кампания, то в государственном – только действия оппозиции.

Стилистически сниженная лексика

Для того чтобы быть понятными аудитории, средства массовой информации должны «разговаривать с ней на одном языке». Сама газетная лексика определяет тот сегмент читателей, на который ориентируется пресса. Используя сложные научные термины, газета существенно сужает свою целевую аудиторию, тогда как применение разговорной лексики способствует ее расширению.

Как показало исследование, стилистически сниженная лексика в равной мере встречается в обоих типах дискурса. Наиболее часто используемыми являются вкрапления разговорной лексики, а также применение фразеологизмов и устойчивых сочетаний слов.

По используемой лексике можно определить образовательный и социальный уровень целевой аудитории издания. В данном случае оба дискурса ориентируются на примерно одного и того же читателя.

Необходимо отметить, что стилистическое снижение происходит только до уровня разговорной лексики. В исследуемых материалах не употребляются вульгаризмы и обсценная лексика, что указывает на небольшую агрессивность или вообще отсутствие каких-либо проявлений агрессии в текстах. Данный факт также соотносится с целевой аудиторией изданий.

Оценки

Использование ярлыков и метафор в политическом дискурсе уже несет в себе определенный элемент оценочности. Но оценивание может производиться и с помощью других языковых средств, например, оценочных суждений. В белорусском предвыборном дискурсе наибольшую значимость имеют оценки сторон президентской кампании, а также хода самой кампании, т.к. они помогают избирателю сформировать свое от-

ношение к происходящему. Также немаловажным является вопрос о том, кто выносит данные оценки, т.е. является оценивающим субъектом.

Оценки властной стороны полярны в обоих видах СМИ. Оценке подвергается не только предвыборная программа и деятельность, но и личность руководителя страны. Причем государственные газеты оценивают личные качества, программу и результаты деятельности действующего президента как исключительно положительные, в то время как в негосударственных газетах встречаются только отрицательные оценки.

При описании оппозиции в государственном предвыборном дискурсе, как и в негосударственном, также используются оценки личности, программы и деятельности. Эти оценки прямо противоположны. Если государственная пресса удостаивала Александра Лукашенко положительных отзывов, то оппозицию она характеризует крайне негативно. И, наоборот, в дискурсе негосударственных газет оппозиции дается положительная оценка.

Что касается президентской кампании, государственные газеты удостаивают ее положительными оценочными суждениями. Во-первых, показываются позитивные изменения в избирательном законодательстве, делается акцент на том, что эти выборы будут самыми либеральными и демократическими за всю историю Беларуси. Во-вторых, обращается внимание на слаженную работу государственных органов (избирательных комиссий), благодаря которой президентские выборы и получают высокие оценки. В-третьих, всячески подчеркивается яркий, динамичный, но в то же время спокойный, без потрясений характер избирательной кампании.

Независимая же пресса произошедшим изменениям и нововведениям выносит преимущественно негативные оценки. А те изменения, которые и оцениваются положительно, считаются недостаточными для настоящей либерализации. Деятельность избирательных комиссий не находит таких, как в государственных газетах, ярких оценок. В дискурсе присутствуют намеки на готовящуюся фальсификацию итогов выборов, немалую роль в которой должны играть именно эти органы государственной власти. Также подчеркивается динамизм и активность избирательной кампании, но только в отношении деятельности альтернативных кандидатов. Хотя встречаются и негативные отзывы.

Немаловажным является вопрос о том, кто дает эти оценки. В государственных СМИ основным ньюсмейкером является не Александр Лукашенко, а Лидия Ермошина и Наколай Лозовик. Чаще всего именно они положительно оценивают свою же деятельность. Негативные оценки

оппозиции принадлежат чаще всего журналистам. Экспертное мнение почти не встречается, чего нельзя сказать о независимой прессе. В «IP» большинство оценок предваряется словами «*как считают эксперты*», «*по мнению экспертов*», «*как сказал…*». В «НВ» же сами эксперты могут являться и авторами статей. Так, на страницах газеты были замечены публикации Санникова, Некляева, Романчука и других политиков.

Установки

Целью любого политического дискурса является убеждение адресата. Предвыборный дискурс должен убедить избирателя голосовать именно за того кандидата, интересы которого представляет СМИ. Немаловажную роль в этом процессе играют установки, которые содержатся в дискурсе. Количество и качество транслируемых установок характеризует агитаторскую составляющую дискурса.

В «СБ» и «НК» не было выявлено установок, выраженных побудительными предложениями. В материалах газет никто открыто не призывает отдать свой голос за действующего главу государства. Напротив, в «СБ» даже говорится: «*Я никого не призываю плохо думать о кандидатах. Не призываю голосовать против кого-то*». Единственный явный призыв в «НК» относится к участию в выборах в целом: «*Призываем вас, дорогие друзья, принять активное участие в предстоящих выборах*».

Такая ситуация может характеризовать государственный дискурс как неагитаторский, что хорошо соотносится с отсутствием на информационном поле Александра Лукашенко в качестве кандидата в президенты. Но некоторые установки в нем все же присутствуют, хотя они тесно связаны с оценками сторон кампании и носят скорее когнитивный, чем деятельностный характер. Их можно разделить на два типа. Установки первого типа дают основания для отказа голосовать за оппозиционного кандидата: «*Кто в здравом уме поверит годами живущему на содержании жены мужику, что, получив власть, он сделает соотечественников счастливыми?*». Второй вид предоставляет аргументы в пользу действующего президента: «*Как можно хотеть другого президента, если с этим мы живем стабильно?!*». С одной стороны, подобные высказывания эффективны, т.к. они воздействуют на сознание читателя опосредовано, не вызывая отторжение, как прямые призывы. Но с другой стороны, отсутствие конкретики и вопросительные формы дают пространство для собственной интерпретации читателей, ход которой сложно предсказать.

Что касается независимой прессы, необходимо отметить, что в дискурсе «IP» вообще не было обнаружено каких-либо установок, содержащихся в тексте, чего нельзя сказать о «НВ». Специфика этой газеты состоит в том, что в ней публикуются статьи оппозиционных лидеров. Поэтому здесь можно встретить прямые призывы, например, «*объединяйтесь вокруг Санникова!*». Но встречаются явные побудительные установки, направленные не только на избирателей. Их адресатами зачастую выступают сами политики. Например, «*перестаньте работать на единого кандидата*». Как и в государственном, в дискурсе «НВ» присутствуют скрытые установки: «*Выберем президентом человека демократических взглядов – у каждого из нас появится шанс на европейский уровень жизни, оставим диктатуру – на долгое время потеряем надежду на лучшее*».

Сценарии

Сценарии – это варианты возможного развития политической ситуации, которые представлены в данном типе дискурса. В случае выборов сценарии повествуют о победе одного из кандидатов и поражении остальных.

Во всех четырех исследуемых газетах был представлен один и тот же сценарий развития событий: победа на выборах действующего главы государства. И государственная, и негосударственная пресса сходятся на мнении о том, что оппозиционные кандидаты не способны составить какую-либо значимую конкуренцию Александру Лукашенко.

Дискурсы разнятся лишь в объяснении причин его победы. Так государственные газеты указывают на огромный отрыв действующего президента от своих соперников. Этот отрыв, по их словам, осознают и сами оппозиционные лидеры, которые не способны ничего противопоставить власти. В независимой же прессе присутствуют утверждения о фальсификации выборов. Оппозиция проиграет не столько из-за своей несостоятельности, сколько из-за того, что все рычаги управления избирательным процессом находятся в руках государства.

Выводы

Предвыборный дискурс государственных газет создает поляризованную оценочную реальность, где доминирующими субъектами являются избирательные комиссии. Оппозиция устраняется путем вы-

теснения ее с информационного поля, а также через негативные оценки. Сами выборы носят мирный соревновательный характер с элементами постановочного шоу. Доминирует сценарий победы действующего президента. Весь дискурс направлен на то, чтобы сформировать у читателя осознание неизбежности такого развития событий. Можно сказать, что в этом дискурсе прослеживается определенная организация, служащая достижению конечной цели – убеждения избирателя.

Предвыборный дискурс негосударственных газет также формирует определенную реальность, в которой основным действующим субъектом является оппозиция. Все элементы реальности предельно оценены. Власть удостаивается негативных ярлыков и оценок, тогда как ее оппоненты – позитивных. Выборы представляются не только в качестве мирного соревнования или постановочного зрелища, но и как поле военных действий. Хотя на страницах газет и встречаются агитаторские призывы, упускается важный элемент – вера в победу оппозиции. Присутствует даже некоторый пессимизм по отношению к проходящей президентской кампании, который не позволяет выполнять независимому дискурсу те же функции, что и государственному.

Данные дискурсы можно назвать конкурирующими. Но если каждый элемент государственного дискурса подчинен выполнению функции убеждения, то независимый дискурс складывается стихийно в ответ на существование государственной прессы. Здесь попытка объективно описать реальность приходит в противоречие с необходимостью борьбы за голоса избирателей.

Литература

1. “Беларусь сегодня” [просмотрено 22 марта 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *www.sb.by.*
2. “Народная воля” [просмотрено 22 марта 2011]. [Электронный ресурс. Режим доступа: *www.nv-online.info*
3. “Наш Край” [просмотрено 20 марта 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *www.nashkraj.by.*
4. “Intex-press” [просмотрено 20 марта 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *www.intex-press.by.*

Ольга Пасияк
(БГУ, Минск)

БЛОГОСФЕРА КАК НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ НА БЕЛОРУССКОМ МЕДИАРЫНКЕ

The article describes specific relations between traditional and non-traditional media. The problems of blogs competitiveness among other elements of the Belarusian information area are emphasized. The prospects of providing information through the Internet, its credibility and neutrality are analyzed. The main question of the article is "Are blogs (social) media or not?" The author discusses specific features of blogosphere, compares features of blogs and traditional media using five major criteria – author, content, technologies of creation, audience and efficiency.

На смену традиционным СМИ приходят альтернативные электронные медиа, которые легко превращаются в катализаторы общественно политических событий в мире. Одним из таких явлений, стремительно ворвавшимся на белорусский медиарынок, стала блогосфера – особый механизм со своими правилами.

Каковы характеристики блогосферы Беларуси как нового медийного явления? Как они выявляются при сравнении с традиционными средствами массовой информации? Чтобы ответить на эти вопросы, предлагаю акцентировать внимание на следующих задачах:

– сравнить традиционные СМИ и блогосферу, сопоставляя их элементы;

– рассмотреть специфические черты блогосферы, вытекающие из внешних факторов;

– проанализировать взаимодействие блогов с остальными составляющими медиапространства.

В чем же научная новизна темы? В первую очередь, в детальном изучении именно белорусской блогосферы и анализе перспектив ее даль-

нейшего развития, поскольку ранее подобные исследования проводились преимущественно относительно российского медиарынка. И на то есть веские причины: рунет значительно раньше среагировал на популярные медийные тенденции, а байнет, в свою очередь, перенял многое именно из российского опыта.

Итак, по одной из версий, блоги придут на смену СМИ к 2020 году. Верно ли это утверждение? Покажет время. Но можно ли уже сегодня отнести блоги к медиа? Способны ли они достойно конкурировать с традиционными средствами массовой информации – газетами, журналами, радио, телевидением? Прежде чем сделать какие-либо выводы, рассмотрим блогосферу Беларуси, исходя из пяти позиций – характеристик общения, выдвинутых Г. Лассуэлом [6, 106].

Коммуникатор.

Или попросту говоря, автор – тот, кто пишет. Статистика утверждает: 75% блоггеров Беларуси – мужчины. Не оттого ли сложилась шутка, что трудно найти другую сферу, где сконцентрировано столько представителей мужского пола разных возрастов и интересов. Доказательство тому результаты проведенного в начале 2011 года интернет-опроса: средний возраст блоггеров – 25 лет, 74% опрошенных уже имеют либо получают высшее образование, 79% из них живут в Минске или в его окрестностях. Но специфика белорусской блогосферы выражается не только в половой и возрастной принадлежности, она также обусловлена профессиональной сферой авторов. Вот несколько самых популярных и показательных примеров: zhiharcka – врач-рентгенолог, eleon – работает в ТЦ «Столица», manny_calaverra – сотрудник пресс-службы МЧС, shabunia_tania – ведет кулинарный блог, _mikola_ – продает квартиры в Нью-Йорке, naiwnyj – специалист по убыточным предприятиям, browar_dryhvy - переводчик (англ.), alaventa – библиотекарь, petra_leleka - журналистка, модератор комьюнити minsk_by и gender_by, а также «живая» белорусская феминистка [4, 6].

Тем не менее вопреки всем показателям, лидерство в этой сфере прочно закрепили за собой две женщины-журналистки – zmagarka (Татьяна Еловая) и belorysochka (Ольга Пусикова). Причина? Их блоги – живое и всегда актуальное отражение белорусской действительности, показанное с точки зрения конкретного жителя страны. И если в постах Татьяны ведущей темой является политическая, то Ольга акцентирует внимание в первую очередь на социуме. Так, именно она в 2011 году была признана лучшим блоггером нашей страны в рамках ежегодной международной премии в области веб-журналистики «Yoursmi Media Awards»,

и в первую очередь за наблюдательность и участие в малейших изменениях жизни общества.

Любопытно, что исследования, проведенные среди белорусских блоггеров, обнажили также плюсы и минусы авторского состава этого источника информации. Так, журналисты традиционных медиа нередко выступают не только от себя, но и от издания, следовательно, к ним выдвигается повышенное требование к достоверности предоставляемой информации. Что касается блоггеров, в этой ипостасии может выступать любая персона, правда, единственное требование – умение хорошо писать [6, 108]. Если у блоггера есть яркий стиль, его страничка всегда будет пользоваться популярностью. Но, возможно, именно поэтому лидеры в данной сфере обладают богатым журналистским прошлым.

Контент блогов.

Блоги – это всегда уменьшенная проекция социального портрета общества [6, 107]. В Беларуси у блоггеров особая позиция «промежуточных авторов». Во-первых, именно из блогосферы достаточно активно черпают темы традиционные СМИ. Во-вторых, нередко здесь можно наблюдать тиражирование материалов других средств массовой информации. Может, такое положение дел периодически и поднимает на поверхность разговоры о необходимости регулирования блогосферы с помощью «Закона о СМИ». Один нюанс: при таком раскладе на поверхность тут же всплывает ряд вопросов, например, ограничения Закона в отношении тех, кто может зарегистрировать средство массовой информации. Но самый спорный вопрос – это блоги на блог-сервисах. По сути, такое СМИ принадлежит не автору, а владельцу самого блог-сервиса. К слову, в Казахстане уже был подобный печальный опыт, когда рискнули принять закон об автоматическом признании всех блогов СМИ. Вот только блоггеры восприняли это как ущемление свободы слова. Почему? По решению властей было заблокировано немало оппозиционных блогов. Но ведь Интернет обладает гораздо большей независимостью, нежели любой другой источник информации, поэтому не удивительно, что блоггеры нашли элементарное решение проблемы: перенесли свои творения на иностранные серверы [7, 41–44].

Что касается контента оригинальных белорусских блогов, тематически его можно разбить на три направления.

Первое. Отражение наблюдений, переживаний, эмоционального состояния. Таких блоггеров в байнете большинство, показательный пример – культуролог Ольга Аверкова-Литвинова, которая позиционирует свое творчество как «Записки сумасшедшего культуролога»: «Уже 7 дней

наталкиваюсь на различные ответвления от «Алисы в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла. На работы художников, которые рисуют мир Алисы, на фотографов, которые снимают маленьких девочек, на блоги, в которых описаны пристрастия писателя, математика, логика, философа, фотографа Льюиса Кэрролла. И к чему бы это??? Наверное, к тому, чтобы я поделилась с Вами своими небольшими открытиями…» [4, 8]. Это авторское видение мира, исключительно субъективное и зачастую однобокое.

Но на содержание блогов оказывают влияние и другие факторы, в том числе профессиональная ориентация блоггеров. Как пример блог Ольги Пусиковой, где наблюдения основываются на каком-либо социально значимом событии. Корни этого принципа заложены в основной многолетней журналистской работе «белорусочки» в отделе журналистских расследований газеты «СБ – Беларусь сегодня».

Второе. Писатели, стремящиеся через всемирную паутину достучаться до читателей. Яркий тому пример – Адам Глобус (Владимир Адамчик). Большинство его произведений впервые увидело свет именно в Интернете, там же нашло и своих первых читателей. Блог Глобуса достаточно посещаемый, основная его аудитория сегодня состоит из тех, кто интересуется современной белорусской литературой, ее тенденциями: «Увесь свет – тэатар? Не так… Як? Увесь свет – цырк! А мы ў тым цыркусе разнастайныя цыркачы з цыркачкамі. Мы – магі, факіры, фокуснікі, канатаходцы, акрабаты, гімнасткі, эквелібрысты, дрэсіроўшчыкі з дрэсіроўшчыцамі, коцікі з сабачкамі, львы, тыгры, коні і сланы….» [4, 8].

Третье. Передача новостей, общественно-политических событий. Самый растиражированный сегодня – блог ректора БГУ С. Абламейко. Здесь у каждого желающего есть возможность получить ответ на интересующий вопрос. Кроме того, такая техническая новинка облегчает процесс общения со структурами власти, так как позволяет миновать цепочку посредников. Набирают обороты и блоги других государственных и частных организаций. Это направление, в отличие от первых двух, на статус СМИ явно не претендует, но тем не менее активно выполняет одну из функций медиа – непосредственно участвует в жизни общества.

Технологии создания.

Споры о том, являются ли блоги средствами массовой информации, не стихают. Собственно в этом и наш основной вопрос. Интересный факт: сами владельцы блогов не относят свое творчество к сфере СМИ, а вот представители традиционных медиа видят в блоггерах реальных конкурентов. Такое вот противоречие. И в первую очередь оно заключено в процессе доведения информации до аудитории. Согласитесь, если

сравнить традиционные СМИ и блогосферу по технологиям создания информации, разница очевидна. Блоги значительно выигрывают за счет оперативности, правда, далеко не всегда, ведь здесь дело за автором, который может реагировать мгновенно или спустя некоторое время. А вот традиционные медиа берут верх за счет взвешенности и продуманности написанного [11]. Оно и понятно: каждый материал проходит через несколько человек, получает определенную оценку, претерпевает изменения и дополнения. В итоге конечный результат представляет собой плод коллективного творчества.

Тем не менее Артур Вельф отмечает следующие очевидные преимущества технологии создания блогов:

1) многочисленность «корреспондентов» — «такую корреспондентскую сеть не может позволить себе содержать ни одно издание», поэтому большинство пользователей выбирают блоги, как возможность получить разностороннюю информацию, исходящую непосредственно от очевидцев, таким образом «составляя себе интегральную картину происходящего из многих точек зрения»;

2) независимость и объективность (с последним можно поспорить!) – информация из первых рук, полученная от непосредственных очевидцев событий, отсутствие редактуры (согласитесь, тоже не всегда во благо!), стирание географических и временных границ (передача информации откуда угодно и когда угодно) и многомерность информационной картины;

3) бесплатность контента для читателей, что едва ли не самое весомое достоинство. Особенно актуально об это говорить сегодня, при нынешнем критическом положении печатной продукции – непопулярности, дороговизне производства, которое зачастую приводит к чрезмерной затратности и нерентабельности.

Прибавьте еще отсутствие необходимости арендовать помещение под офис, закупать оргтехнику, обеспечивать офис системами коммуникации (телефон, Интернет), так как работа подавляющего большинства онлайн-редакций организована по дистанционному принципу. К слову, Вельф упоминает и бесплатность для «издателей», имея в виду, что они несут расходы только по предоставлению пользователям сервисной платформы, однако это касается только блог-сервисов [2, 17–23].

Аудитория.

Не лишне и четко определить круг посетителей белорусских блогов. Публика также обладает своей спецификой, ограниченной не только заинтересованностью, тематикой, интересом к личности автора, но и тех-

нологическими рамками. «Аудитория перестает быть аудиторией, она становится основным производителем информации», – отмечает российский исследователь интернет-журналистики Роман Жолудь [10]. И эта активная аудитория становится ядром гражданской журналистики: авторами, читателями и комментаторами в одном лице.

Так, интернет-опрос в начале 2011 года показал, что основная часть посетителей блогов – это жители Минска. Можно, конечно, сделать ставку на то, что именно в столице сосредоточены интернет-ресурсы, но такое оправдание сработало бы лет пять назад. Сегодня причина в другом – в локальности интересов: откуда авторы – оттуда и читатели.

В этом отношении весьма любопытно наблюдение российских исследователей, которые определили, что статья в газете, выходящей тиражом 60–70 тысяч экземпляров, получает в ответ на опубликованный материал от читателей в лучшем случае несколько писем и десяток звонков в редакцию, в то время как блог, имеющий всего лишь около полусотни подписчиков, получает в ответ практически на каждый опубликованный пост несколько десятков комментариев [8, 21]. По сути, вот она – интерактивность.

Эффективность.

Популярность блогов, их влияние на общественное мнение, возможность оценить ситуацию с разных аспектов – все больше эти вопросы поднимаются в рамках белорусского медийного пространства. Об этом свидетельствуют и конкретные процессы в обществе, спровоцированные блогосферой – скандалы, решения актуальных проблем, навязывание обществу определенного мнения. Показательный пример – увольнение режиссера Купаловского театра, которое началось собственно из блогосферы. Вернее, интернет-обсуждение стало толчком к скандалу в реальной жизни. В результате главным режиссером театра был назначен Николай Пинигин, который и сегодня занимает эту должность.

Еще один показательный пример – реакция блогосферы на резкие скачки цен в Беларуси. Особенно отличился Виктор Малишевский. Этот блоггер опубликовал в своих заметках парадоксальное сравнение: цена бутылки дешевого плодово-ягодного вина равнялась стоимости одного яблока в этом же магазине! А затем читателю предлагалось все более подробное сравнение ценников прошлого и настоящего. И ведь это не единственный автор такого рода. Такой контент мгновенно вызывал фурор. Результат? Аудитория не заставила себя долго ждать, и после прочтения подобных постов еще более активно товары сметались с полок.

Какие выводы напрашиваются? Блоги активно проникают на белорусское медиапространство, становятся все более актуальными и по-

пулярными. И уже сегодня их можно смело назвать разновидностью средств массовой информации нового поколения. Но каковы их перспективы? Очевидно, в дальнейшем блоги будут развиваться по двум основным направлениям:

– крупные сайты коллективного блоггинга;

– узкотематические сайты одного или нескольких постоянных авторов [7, 44].

Естественно, такая перспектива не относится к личным интернет-дневникам, которые стабильно занимают определенную нишу интернет-пространства, где на первый план выходит эмоциональное.

Как видим, у традиционных СМИ есть повод для опасения. Вот только стремительное прибавление в рядах блоггеров провоцирует обратную сторону медали – очевидное снижение качества подачи информации. А такое развитие событий ставит на первый план уже другой актуальный вопрос: даже если блогосфера займет единую нишу с традиционными медиа, сможет ли она удержать подобную позицию на белорусском медиарынке?

Литература

1. Александрова, И.Б. 2008. "Моблоги и блоги: альтернативные СМИ?". *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика* 4: 68–79.
2. Вельф, А. 2008. "Удовлетворение социального влечения". *Деньги*. № 40.
3. "Женский журнал". 2009. № 9–12.
4. "Женский журнал". 2010. № 7–10.
5. Зудочкина, А.А. 2010. "Блоги как важнейшая медиаформа в составе пользовательских медиа". *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика* 3: 117–127.
6. Панюшева, М.М. 2010. "Блогосфера: традиционные СМИ vs нетрадиционные". *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика* 4: 106–122.
7. Тимофеева, Г. 2010. "Блоги: журналистика будущего?" Научный журнал. № 20.
8. Шилина, М.Г. 2007. "Блог как ресурс социальных интернет-коммуникаций" *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика* 4: 18–23.
9. "Блоги заменят СМИ?" / Nimbuzzblog [просмотрено 23 февраля 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <*http://russia.blog.nimbuzz.com/2011/02/23/blogi-zame....*>
10. Жолудь, Р. "Журналистика и вызовы Веб 2.0" / [просмотрено 20 августа 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <*http://journ.elsu.ru/jourpro136.htm*>.
11. Ehrlich, B. "Look Who's Blogging [STATS]" / Brenna Ehrlich // Mashable / Social Media [просмотрено 2 мая 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <*http://mashable.com/2011/05/02/look-whos-blogging-st.....*>.

Дарья Терновская
*(Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону)*

ДЕЛОВАЯ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТИКА РЕГИОНА: ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ И КОНТЕНТ

The demand for quality business information has increased dramatically. RBC channel has become a major supplier of current economic programs about business, entrepreneurship, trade, accounting and auditing, finance, e-commerce, banks, stock exchange, transport, logistics, insurance, management, etc. RBC channel combined two concepts of broadcasting (news and analytical) for the first time on the Russian TV. For example, morning releases play the role of informants retelling current events. Broadcasting in the daytime has an analytical character. Evening broadcasting includes analytical interviews, reviews of the events which have occurred during the day, conclusions; forecasts are made. The purpose of business programs, first of all, is organizing dialogue with informed people. Business television helps to make the right management decisions, to find a way out of economic problems. So pluralism of opinions allows to work with facts, to make conclusions and generalizations about television programs.

В условиях сегодняшней финансовой ситуации потребность в качественной деловой информации резко возросла. Становление новой финансовой политики, попытки вступления России в ВТО, возрождение бизнеса после недавнего экономического кризиса подогревают интерес к деловым новостям [2, 42–46], так же, как и развитие предприятий, рост потребительского спроса, изменение курса акций многих отечественных компаний, проникновение на российский рынок зарубежных брендов. Благодаря этим процессам, сегмент деловых средств массовой информации России быстро развивается, поскольку все происходящее, безусловно, способствует увеличению спроса на экономические новости, которые и являются неотъемлемой частью контента деловых СМИ.

Кроме того, круг людей, принимающих участие в финансово-экономических, деловых отношениях постоянно расширяется. [13, 2–4]. Популярность деловых программ растет пропорционально активному процессу дифференциации общества, в результате которого основным потребителем данного контента становится средний класс [3, 198]. Возникает вопрос о необходимости обеспечения представителей аудитории информацией, на основе которой они могли бы руководить своими действиями: принимать решения, управлять компаниями, улучшать свой бизнес. Деловые средства массовой информации необходимы банкирам, экономистам и финансистам, а также инвесторам, держателям акций да и любому другому человеку, разбирающемуся в специфике экономических тенденций [1].

На фоне этого основным поставщиком актуальных экономических программ стал российский канал РБК, поскольку именно он смог обеспечить функциональность деловой информации, особенности которой продиктованы потребностями целевой аудитории. В январе 2011 года, по данным исследования TNS – Россия, ежемесячная аудитория делового телеканала «РБК-ТВ» увеличилась до 17,388 млн человек. «Более 17 млн самых обеспеченных россиян – это очень значительная цифра. «РБК-ТВ» сегодня является ведущим российским бизнес-СМИ и продолжает динамичное развитие, постоянно вводя новые форматы на телевидении и в Интернете», – заявил генеральный директор РБК-Медиа Артем Инютин [20].

«РБК» – это первый и единственный в России телевизионный бизнес-канал. Для передачи сигнала «РБК-ТВ» использует новые технологии, осуществляя трансляцию посредством спутниковых каналов, эфирного вещания и кабельных сетей, Интернета. Помимо этого в техническом арсенале канала – современные удаленные камеры, расположенные в крупных банках и инвестиционных компаниях, что позволяет специалистам давать в прямом эфире оперативные комментарии.

Не стоит забывать: деловая журналистика конкретного региона – важный индикатор развития медиа-отрасли в целом [4, 30–31], несмотря на гораздо меньшие территории охвата вещания местных телеканалов. [9, 18–19]. Дефицит информации о жизни отдельных субъектов Российской Федерации означает, что СМИ не в полной мере отражают бизнес-картину страны в целом.

В Ростовской области сегмент делового регионального ТВ представлен новостными экономическими блоками и рубриками на каналах «Россия 1» и «Рен-ТВ», например. Особняком стоит специализирован-

ный бизнес-канал «РБК – Южный Регион» с его регулярными выпусками новостей и информационно-аналитической передачей «Бизнес Дона».

Контент рассчитан на достаточно узкую аудиторию. Ежедневно в эфире «РБК» освещается ситуация на российском и международном финансовых рынках. На канале представлены экономические, финансовые и политические новости России и зарубежных стран; аналитические обзоры, прогнозы и мнения экспертов; интервью с ведущими политиками и бизнесменами; обзоры деловой прессы; специальные программы, посвященные актуальным проблемам российского бизнеса.

Непрерывный поток информации превращается в справочный механизм, который не перестает работать 24 часа в сутки. С 7:00 утра до 1:00 ночи на канале идет активное информационное вещание; с 1:00 ночи до 7:00 утра – повтор информационных и аналитических блоков. Подобная модель в режиме реального времени обеспечивает аудиторию качественной деловой информацией, которая представлена короткими заметками, репортажами, голосовыми включениями продолжительностью до двух минут, интервью, обзорами и обозрениями.

Впервые на российском ТВ каналу «РБК» удалось совместить две концепции вещания – новостную и аналитическую. Таким образом, на канале предусмотрено утреннее вещание (блок утренних программ), дневное (более аналитическое) и вечернее (новости, итоги дня), что, в свою очередь, отвечает задачам канала, который создавался с целью обеспечения бизнес-сегмента достоверной и актуальной информацией, на основе которой зритель может делать выводы и обобщения, строить прогнозы и разрабатывать стратегию развития своего дела.

Исходя из данной модели вещания, можно обозначить основные функции программ на «РБК». Утренние выпуски, например, исполняют роль информаторов, пересказывающих ход текущих событий, создавая единое информационное пространство, объединяющее властные структуры, бизнес-профессионалов и людей, просто интересующихся деловыми новостями.

Дневная сетка вещания носит аналитический характер. После полудня, по завершении торгов на биржах, в эфир выходят программы о котировках акций, динамике цен на них. Дневное вещание выполняет функцию проводника по текущим микро- и макроэкономическим показателям. Программы, выходящие с 12 до 19 часов, не только сообщают фактическую информацию, но и представляют причинно-следственный анализ происходящего. При этом они не просто рассказывают о бизнесе,

но и обслуживают его. Здесь ценятся не столько рассуждения журналистов, сколько мнения компетентных специалистов.

В вечерний прайм-тайм, как правило, выходят аналитические интервью, обзоры событий, произошедших за день, делаются выводы, составляются прогнозы. Вечерняя сетка вещания дает возможность зрителю увидеть всю картину дня, представляет его вниманию полный анализ текущей экономической ситуации.

Можно сделать вывод, что основная роль делового телевещания заключается в том, чтобы, объединив информационные и аналитические программы, стать своеобразным путеводителем в мире экономических событий. Следовательно, у зрителя появляется возможность лучше ориентироваться в бизнес-среде [18, 78–86].

Новостные блоки доводят до сведения граждан решения министерств, ненавязчиво диктуя правила игры. В этом случае деловое вещание берет на себя функцию управления поведением участников рынка.

Безусловно, нельзя не отметить прогностическую функцию, которую выполняет «РБК» посредством подготовки качественной экономической информации.

Таким образом, канал «РБК», благодаря своим функциональным характеристикам, выделился на фоне остальных игроков телевизионного сегмента. Цель деловых программ «РБК» прежде всего заключается в том, чтобы организовать диалог с образованным человеком [15, 297–300]. Согласно социологическим исследованиям, зрители телеканала – люди в возрасте 25–55 лет, с высшим образованием и доходами выше среднего. В качественной деловой экономической информации прежде всего заинтересованы руководители высшего и среднего звена, сотрудники банков, инвестиционных компаний, фондов, бирж, аудиторских и консалтинговых компаний, журналисты, представители федеральных и региональных государственных структур, российские предприниматели и иностранные топ-менеджеры, специалисты и бизнесмены, а также студенты экономических вузов и частные инвесторы. По данным Госкомстата, на долю 10% населения России приходится 1/3 всех доходов. Именно эти люди и образуют ядро аудитории телеканала «РБК» [20].

В свою очередь, основными задачами специализированных телепрограмм, в основе которых экономические темы, являются: анализ главных событий в стране, их влияние на деловую жизнь, обеспечение аудитории оперативной коммерческой информацией, распространение делового опыта, формирование идеологии бизнеса.

Экономическая информация в данном случае нужна для принятия самостоятельных управленческих решений со стороны аудитории, которой для этого необходимы точность, всесторонность, оперативность телевизионной продукции, что является неотъемлемой составляющей качественного контента.

Согласно этим признакам, разрабатывается и тематика программ, содержательность и дискуссионность которых стали доминирующим правилом «качественной игры». Спектр обсуждаемых проблем широк: банковское дело, бизнес, предпринимательство, бухгалтерский учет и аудит, торговля, логистика, менеджмент, управление предприятием, налогообложение, страховое дело, недвижимость, управление качеством, электронная коммерция, строительство, транспорт, торговля, коммерческие банки, финансы, ценные бумаги, фондовый рынок, туризм, автотранспорт, право, недвижимость и др. Следовательно, понятия «бизнес-информация», «экономическая информация» и «деловая информация» можно рассматривать как синонимы, относящиеся к единой сфере – деловой журналистике.

Исходя из той реальности, которую рисует контент делового телевещания, следует выделить и критерии оценки передач: тематика и проблематика материалов, плюрализм мнений в выпуске, жанр как метод отражения действительности, объективность информации, авторитет экспертов, широта эрудиции ведущего и его включенность в обсуждение важных экономических процессов, особенности режиссуры и монтажа, тип плана. Все эти приемы стали вспомогательными средствами эффективного телевизионного дискурса, который не просто сообщает информацию, а оказывает воздействие на аудиторию при помощи определенной системы коммуникативных знаков, вербальных и невербальных средств [17, 16–18]. В качественной программе важную роль играет возможность использования информации. Так, плюрализм мнений в телевизионных выпусках программ позволяет зрителям работать с фактами, делать выводы и обобщения.

Не стоит забывать, что за внешне одинаковыми потребностями целевой аудитории стоят разные интересы, ожидания. И здесь уже важную роль играет не наличие образования, а жизненный опыт. Система жизненных ценностей человека имеет огромное влияние как на его потребности в определенной информации, так и на восприятие этой информации. И какие бы темы ни поднимали журналисты или, наоборот, умалчивали о чем-либо, у зрителя есть свое представление об отдельном предмете и действительности в целом.

Таким образом, аудитория действительно является важнейшей (наряду с коммуникатором и содержанием) частью телевидения. Именно во взаимодействии с ней СМИ реализуют свои социальные функции и символическую власть.

Основными функциями деловой информации являются: интегративная, информационная, организаторская, управленческая, образовательная, прогностическая. Функционал программ, в свою очередь, неразрывно связан с основными задачами канала, которые формируют контент и контакт со зрителем и рекламодателем [19, 95–103]. Большая часть материалов на региональном «РБК-ЮР» играет информационную роль, и лишь одна треть призвана повлиять на стратегические решения, выполняя организационную и прогностическую функции.

При этом не всегда деловая информация на региональном ТВ является качественной. Зрителю качественных телевизионных продуктов важно не просто узнать новость – он пытается анализировать, делать прогнозы, выводы, но это возможно только при наличии доступа к информации, лишенной ангажированности.

Зачастую в материалах представлено мнение лишь одного лица, речь которого разбита на короткие «лайфы», не содержащие особой информационной нагрузки.

Информационная насыщенность выпусков характеризуется событийными репортажами, аналитическими материалами о технологических нововведениях, социальных проектах и федеральных целевых программах.

Методы подбора и раскрытия темы продиктованы редакционной политикой, согласно которой тематическую базу выпуска формирует редактор [9, 18–19]. Есть и исключения из правил: некоторые корреспонденты самостоятельно занимаются подбором тем, носящих проблемно-аналитический характер, отвечающих требованиям канала и запросам аудитории.

Язык и стиль написания журналистских текстов соответствуют уровню образованного человека, разбирающегося в современных экономических процессах. Поэтому на «РБК-ЮР» нет материалов, поясняющих и раскрывающих суть, например, таких понятий, как «рецессия», «ипотечный кризис», «ликвидность», «дефляция» и «игры на бирже».

Широк и спектр журналистских технологий, творческих инструментов, основными из которых являются: подача информации в социальном ракурсе – персонификация проблемы на экране; механизм «взаимосвязи» администрации области и бизнес-сообщества; ситуативный ана-

лиз проблемы с логическим выводом на основе практических рекомендаций, выработка алгоритма решения проблемы; возвращение к темам и «отслеживание» историй героев.

Аудитория деловых программ формулирует требования к информации, политическим элитам и, соответственно, определенным образом структурирует отношения между властью и СМИ, поддерживая одних, осуждая других.

Потребность в телевидении как качественном собеседнике растет. Спрос на программы-дискуссии увеличивается. Качественные деловые программы, нацеленные на повышение гражданского самосознания общества, поднимающие важные социально-экономические вопросы, способны стать массовыми [11, 25]. В дальнейшем они могут выступать в качестве вектора морали и двигателя прогресса. Но в таком случае нужно постараться самим журналистам и редакторам, чтобы контент в полной мере выполнял функцию не только информационную, но и прогностическую, интегративную, образовательную, организаторскую. Поэтому следует привлекать к работе корреспондентов-аналитиков, разбирающихся в узких экономических вопросах, расширять базу экспертного состава для более полного и глубокого анализа тем, волнующих как конкретного индивида, так и гражданское общество в целом [10, 48].

Встает вопрос о необходимости обеспечения зрителей полной информацией из разных сфер, на основе которой они могли бы руководить своими действиями: принимать решения, управлять компаниями, улучшать свой бизнес. Именно поэтому в процессе обработки и подачи экономической информации для деловых программ должны быть заняты журналисты, хорошо ориентирующиеся не только в сегменте экономики, но и политики, социологии, поскольку между этими гранями жизни общества имеет место прочная связь.

При обучении журналистов в университете следует уделить большее внимание вопросам специализации. Так, например, интересующиеся экономикой должны получать необходимые знания о микро- и макроэкономических процессах, владеть терминологией и заниматься анализом происходящего в бизнес-секторе, чтобы в дальнейшем реализоваться в профессиональной среде деловых СМИ.

Литература

1. Блинова, М.В. "Рынок деловых СМИ как фактор модернизации современной России" [Просмотрено 12 апреля 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/250*
2. "Век живи – век лечись". 2009. *Медиапрофи.* № 9.
3. Ковалев, П.А. 2007. *Российская телевизионная аудитория*. М.: Изд-во Национального института бизнеса.
4. Константинова, О. 2009. "Хочешь узнать настоящую Россию – изучай глубинку!" *Журналистика и медиарынок.* № 3.
5. Корконосенко, С.Г. 2001. *Основы журналистики. Учебник для вузов*. М.: Аспект Пресс.
6. Костина, А.В., Гудима, Т.М. 2007. *Культурная политика современной России: Соотношение этнического и национального.* М.: Изд-во ЛКИ.
7. Кулев, В.С. 1996. *Деловые издания в системе периодической печати. Деловая пресса России.* М.: Питер.
8. Кузнецов, Г.В., Цвик, В.Л., Юровский, А.Я. 1998. *Телевизионная журналистика.* М.: Изд-во МГУ.
9. Лукьянов, С. 2009. "Ругать СМИ бесполезно и несправедливо!" *Журналистика и медиарынок.* № 1.
10. Неру, Дж. 1989. *Взгляд на всемирную историю*. В 3-х тт. Т. 1. М.: Прогресс.
11. Плутник, А. 2009. "Кризис нового слова и новой мысли". *Журналистика и медиарынок.* № 7–9.
12. Прохоров, Е.П. 2003. *Введение в теорию журналистики: учеб. для вузов*. М.: Аспект Пресс, Изд-во Моск. ун-та.
13. Симонян, Р.Х. 2010. "Концепция мезоуровня применительно к региону". *СОЦИС*. № 5.
14. Терновская, Д. 2010. "Интеллектуальные залысины". *Журналист.* № 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://journalist-virt.ru/magazine/rub/kmj/776-2010-08-09-12-24-21*
15. Терновская, Д.В. 2009. *Особенности экономической информации в качественной прессе. Неделя науки 2009: сборник тезисов*. Ростов н/Д.
16. Тертычный, А.А. 1998. *Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход.* М.
17. Тулупов, В. 2009. "Числа и знаки формулы доверия". *Журналистика и медиарынок.* № 11.
18. Фролов, М.Е. 2004. *Информационный дискурс в структуре аналитических программ на ТВ*. Луганск: Альма-матер.
19. Шариков, А.В. 2006. "Парадигмальные трансформации отечественного телевидения". *СОЦИС* 10: 95–103.
20. Официальный сайт РБК-ТВ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *www.rbctv.rbc.ru*

Паліна Маслянкова
(БДУ, Мінск)

ПРЭЦЭДЭНТНАСЦЬ ЯК АДМЕТНАЯ РЫСА МЕДЫЯДЫСКУРСУ

Different reasons, functions and mechanisms of using intertextuality in the modern media discourse are considered in the article. This phenomenon is caused by the fast mass communication development, changes in the ideological paradigm, postmodern world-view influence and active democracy tendencies, internationalization and globalization. The results of the Belarusian-language newspapers research and their comparison with Belarusian Russian-language newspapers show that Belarusian-language editions focus more on the Belarusian cultural background than their Russian-language analogues, and this fact mostly depends on the intention of the journalists and the newspaper ideology.

Узнікненне новага віду дыскурсу, які называюць публіцыстычным, палітычным, медыйным ці дыскурсам СМІ, навукоўцы абумоўліваюць тэндэнцыямі інтэрнацыяналізацыі і глабалізацыі, развіццём сучасных інфармацыйных і тэлекамунікацыйных тэхналогій. Нягледзячы на тое, што сам тэрмін “дыскурс” яшчэ падлягае тэрміналагічным спрэчкам, ужо шырока выкарыстоўваюцца тэрміны “медыядыскурс” і “медыялінгвістыка”. Сярод усіх вядомых азначэнняў дыскурсу нам падаецца найбольш лаканічнай і ёмістай лінгвакультуралагічная трактоўка В.У. Красных: **дыскурс** – гэта “вербалізаваная маўленча-мысленчая дзейнасць, якая разумеецца як сукупнасць працэсу і выніку, што валодае лінгвістычным і экстралінгвістычным планамі” [8, 112]. Лінгвістычны план праяўляецца ў моўных сродках і сукупнасці тэкстаў. Экстралінгвістычны план звязаны з моўнай свядомасцю, абумоўлівае выбар моўных сродкаў, уплывае на стварэнне і ўспрыняцце тэкстаў, праяўляецца ў кантэксце і прэсупазіцыі.

Улічваючы нацыянальна-культурны кампанент ментальных структур розных лінгвакультурных супольнасцяў, спадарыня Красных прапануе вылучаць розныя лінгвакультурныя дыскурсы. У межах лінгвакультурнага дыскурсу размяжоўваюцца тыпы дыскурсу ў адпаведнасці са сферай чалавечай дзейнасці, у якой ён функцыянуе: навуковы, педагагічны, юрыдычны, палітычны, эстэтычны, публіцыстычны, кінадыскурс, медыядыскурс і інш. [8, 202].

Такім чынам, **медыядыскурс** – інстытуцыяналізаваная мысленча-маўленчая дзейнасць, што ажыццяўляецца ў межах сродкаў масавай інфармацыі і камунікацыі (газеты, часопісы, сайты, блогі), якія вызначаюць спосаб яе функцыянавання, формы арганізацыі і асноўныя характарыстыкі.

У сучасным медыядыскурсе назіраецца магутная тэндэнцыя да выкарыстання розных формаў "чужога маўлення". Даследчыца цытацыі І.В. Аляшчанава называе гэтую з'яву "канстантнай прыкметай функцыянальнай сферы газет" [1, 4]. Як адзначае І.В. Аненкава, "мы з'яўляемся карыстальнікамі неа-эпохі гатовага слова", і таму сёння "аўтар-журналіст <…> валодае не толькі і не столькі сваім словам, колькі словам чужым" [2, 107–108].

Гэта дазваляе сцвердзіць, што мова сучасных СМІ прэцэдэнтна арыентавана. Актыўнае ўключэнне прэцэдэнтных феноменаў у тэксты, з аднаго боку, папаўняе корпус выразных сродкаў мовы СМІ, а з іншага – яны з'яўляюцца люстэркам масавай маўленчай культуры грамадства. У пэўнай ступені гэта даніна маўленчай модзе.

Сацыяльныя пераўтварэнні апошніх дзесяцігоддзяў сведчаць пра дынаміку развіцця мовы газет. На думку Маславай і Чыгірынай, чыннік частотнасці выкарыстання прэцэдэнтных тэкстаў пры стварэнні газетных загалоўкаў у сучаснай публіцыстыцы ляжыць не ў нацыянальным або сацыяльным статусе адрасанта, а ў яго "культурнай вазе", у жаданні павялічыць гэтую вагу, стварыць уражанне любым шляхам: завышэннем экспрэсіўнасці выказвання (бо навізна сама па сабе з'яўляецца магутным стымулам для завышанай экспрэсіі), альбо імкненнем гаварыць прэстыжна і разумна (адэкватнае ўспрыманне загалоўкаў з прэцэдэнтнымі тэкстамі, як правіла, патрабуе ў чытача пэўнага культурнага ўзроўню, які характарызуецца так званымі фонавымі ведамі) [10, 59].

Беларуская даследчыца публіцыстычнага дыскурсу Т.А. Верхаўцова тлумачыць шырокае выкарыстанне прэцэдэнтных феноменаў як сродкаў выразнасці экстралінгвістычнымі фактарамі, звязанымі з працэсамі дэмакратызацыі грамадства, унутрымоўнай тэндэнцыяй роўнасці ад-

расата і адрасанта маўлення, а таксама выяўленнем постмадэрнісцкага тыпу культуры з уласцівымі яму катэгорыямі інтэртэкстуальнасці, гульні, іроніі, дыялогу [4, 52].

Б. Дубін абумоўлівае феномен прэцэдэнтнасці як магістральную рысу сучаснага медыядыскурсу ўнутраным выбухам самавызначэння: "Раней тыя, хто зараз працуе ў газетах, развівалі свае канцэпцыі на кухнях і ў курылках, пакепліваючы з улады. Цяпер яны самі апынуліся ва ўладзе. Але не хочуць бачыць сябе ў ролі маралізатараў, што даюць устаноўкі і прамываюць мазгі, і гэты ўнутраны ролевы канфлікт прыводзіць на моўнай агрэсіі супраць саміх сябе: "Я гэта гавару, але я гэтага і не гавару, я гэта ж адмаўляю сваім сцёбам", пры дапамозе "сцёбу" адбываецца дыстанцыянаванне ад мадэляў, перадвызначаных сферай масавай камунікацыі" [5, 170].

Такім чынам, экстралінгвістычныя ўмовы магутнага развіцця масавай камунікацыі, уплыву постмадэрнісцкага светапогляду, змены ідэалагічнай парадыгмы, агульнай дэмакратызацыі, інтэрнацыяналізацыі і глабалізацыі абумовілі шырокі зварот суб'ектаў публіцыстычнага дыскурсу да сродкаў інтэртэкстуальнасці.

В.В. Дудаладава вызначае галоўныя камунікатыўныя стратэгіі публіцыстычнага дыскурсу, якія ў пэўнай ступені карэлююць з яго функцыямі: "Галоўнымі камунікатыўнымі стратэгіямі, якія абумоўліваюць выбар моўных сродкаў розных узроўняў, характэрных для медыядыскурсу, з'яўляюцца **інфармаванне** і **ўздзеянне**. Рэалізацыя гэтых стратэгій абумоўлівае наяўнасць адной з галоўных прыкмет медыядыскурсу – рэгулярнага чаргавання і кантраставання стандартызаваных і экспрэсіўных моўных сродкаў. **Экспрэсіўнасць** забяспечвае **эмацыйны** і **эстэтычны** ўплыў на адрасата. **Стандартызацыя**, заснаваная на прайграванні клішаваных і ацэначных моўных сродкаў, дэнататыўна суадносных з рэгулярна паўтаральнымі фактамі і з'явамі сацыяльна-культурнага жыцця, з'яўляецца адным са спосабаў **ідэалагічнага** ўплыву, які навязвае адрасату пэўныя стэрэатыпы. Акрамя стратэгій інфармавання і ўздзеяння, якія шмат у чым вызначаюць спецыфіку публіцыстычнага дыскурсу, вылучаюць таксама **аналітычную** і **забаўляльную** стратэгіі, якія прадугледжваюць розныя спосабы падачы фактуальнага матэрыялу для палягчэння ўспрымання" [6, 130].

Такім чынам, да асноўных функцый медыядыскурсу належаць:

1) інфармацыйная функцыя (патрабуе ад аўтара інфармацыйнасці публіцыстычнага тэксту, то бок дакладнага і праўдзівага асвятлення падзей);

2) сугестыўная функцыя (звязана з уплывам на масавую свядомасць);

3) камунікатыўная функцыя (рэалізуецца ў звароце і арыентацыі выдання на чытачоў як на роўных удзельнікаў камунікацыі);

4) экспрэсіўная функцыя (з'яўляецца магістральнай для сугестыўнага тэксту. У публіцыстычным дыскурсе яна праяўляецца па-рознаму ў залежнасці ад таго ці іншага жанру. Экспрэсіўнасць у меншай ступені характэрна для навінавых матэрыялаў, але шырока праяўляецца ў аўтарскіх матэрыялах, інтэрв'ю, ток-шоу і г.д.);

5) ацэначная функцыя (з'яўляецца базавай для медыядыскурсу. Даваць ацэнкі, расстаўляць акцэнты – у гэтым асноўная грамадская задача медый);

6) эстэтычная функцыя (з'яўляецца факультатыўнай, але пажаданай для публіцыстычнага тэксту. Ва ўмовах канкурэнцыі розных выданняў палітыка кожнага сродку масавай інфармацыі павінна абапірацца на павышэнне якасці матэрыялаў, якія б прыносілі чытачу не толькі апаратыўную і дакладную інфармацыю, але і задавальненне).

Большасць з пералічаных функцый уласціва і прэцэдэнтным феноменам, што абумоўлівае плённае ўжыванне прэцэдэнтных адзінак у медыядыскурсе.

Даследчыца моўнай гульні ў публіцыстычным дыскурсе Т.П. Куранава вызначае функцыі прэцэдэнтных феноменаў як разнавіднасці моўнай гульні ў адпаведнасці з жанрам публіцыстыкі. Для забаўляльнай жанравай скіраванасці характэрны камічная, забаўляльная, геданістычная, выяўленчая, змякчальная, эстэтычная функцыі. Для інфармацыйна-аналітычных тэкстаў найперш уласцівы сугестыўная, экспрэсіўная, ацэначная, сэнсатворчая, маскіровачная і функцыя дыскрэдытацыі [9, 12].

А.А. Негрышаў даследаваў асноўныя функцыі інтэртэкстуальнасці ў вузка ўзятым навінавым дыскурсе. Адсылкі да крыніцаў інфармацыі, паводле аналізу навінаў, выконваюць функцыі аўтарытэтнасці, піяр-прасоўвання, фарміравання грамадскага меркавання, аргументацыі, зняцця адказнасці, займальнасці і метападзейнасці (калі сам тэкст крыніцы становіцца камунікацыйнай падзеяй). Уласна прэцэдэнтным феноменам уласцівы функцыі перакanання, ацэнкі, канатацыі, прыцягнення ўвагі, наладжвання ўспрыняцця і інш. [11].

Трэба адзначыць, што ўсе пералічаныя функцыі, як правіла, выступаюць у сукупнасці ў залежнасці ад інтэнцыі аўтара-публіцыста-журналіста.

Ад тэарэтычных выкладак пяройдзем да практычнай часткі нашага даследавання, якое ажыццяўлялася з мэтай выяўлення корпусу прэцэдэнтных адзінак у сучасным медыядыскурсе. Аб'ектам даследавання паслужылі прэцэдэнтныя феномены, што сустракаліся на старонках беларускамоўных СМІ цягам 2010 года. Пошук матэрыялу ажыццяўляўся метадам суцэльнай выбаркі кантэкстаў ужывання прэцэдэнтных феноменаў як у загалоўках, так і ў тэстах артыкулаў газет і сайтаў СМІ: "Наша Ніва" (http://www.nn.by/), "Народная Воля" (http://www.nv-online.info/), "Звязда" (www.zvyazda.minsk.by), "Радыё Свабода" (http://www.svaboda.org/), "Еўрапейскае радыё для Беларусі" (http://www.euroradio.fm/). Падчас аналізу беларускамоўнага медыядыскурсу было выяўлена 272 выпадкі ўжывання прэцэдэнтных феноменаў, з якіх 33% – гэта беларускія нацыянальна-прэцэдэнтныя феномены, 37% – рускія нацыянальна-прэцэдэнтныя феномены, а 30% складаюць замежныя ці ўніверсальна-прэцэдэнтныя адзінкі.

Для параўнання, у дыскурсе расійскіх СМІ паводле розных даследаванняў, ад 60% да 90% усіх выпадкаў ужывання прэцэдэнтнасці прыходзіцца на расійскія нацыянальна-прэцэдэнтныя феномены. У адрозненне ад нацыяцэнтрычнага расійскага медыядыскурсу, беларускі публіцыстычны дыскурс у значнай ступені знаходзіцца пад уплывам расійскай культуры і характарызуецца полінацыянальнай прэцэдэнтнасцю.

Т.А. Верхаўцова, даследуючы прэцэдэнтныя феномены ў загалоўках беларускіх рускамоўных газет, адзначае практычна поўную адсутнасць апеляцыі да беларускіх прэцэдэнтных тэкстаў (толькі 2%). Гэта *Запах беды, Люди на болоте, Макиавеллизм "пад белымі крыламі", Колосков под серпом твоим..., Дикий "Вирт" короля Стаха.* Даследчыца тлумачыць гэта перасцярогай журналіста з нагоды магчымай камунікацыйнай няўдачы, то бок адсутнасці дадзеных прэцэдэнтных феноменаў у камунікацыйнай базе чытачоў [4, 52]. З гэтай нагоды трэба прывесці меркаванне А.А. Земскай, якая лічыць, што "цытаты і квазіцытатныя ўстаўкі ў газету разлічаны хутчэй на высокаадукаванага чытача, чым на чалавека з пачатковай ці сярэдняй адукацыяй" [7, 166]. Ужываючы прыём інтэртэкстуальнасці, журналіст ад пачатку арыентуецца на высокі ўзровень культуры адрасата. З такой трактоўкі спадарыні Верхаўцовай вынікае, што беларускія прэцэдэнтныя феномены не ўваходзяць у кагнітыўную базу адукаванага чалавека, які жыве ў Беларусі і чытае прэсу. Верагодней, такая сітуацыя абумоўлена тым, што мова зносінаў у вялікай ступені вызначае лінгвакультурную спецыфіку прэцэдэнтных адзінак, таму перавага расійскіх нацыянальна-прэцэдэнтных феноменаў у рускамоўных

выданнях Беларусі выглядае натуральнай, прынамсі, не супярэчыць агульным кагнітыўным законам.

Прааналізаваныя намі беларускамоўныя выданні, паколькі яны арыентаваны на аўдыторыю, якая размаўляе па-беларуску ці, прынамсі, разумее беларускую мову, у значна большай ступені апелююць да беларускіх прэцэдэнтных феноменаў (33%), чым іх рускамоўныя канкурэнты (2%).

У прэсе прадстаўлены апеляцыі да ўсіх відаў прэцэдэнтных феноменаў: тэкстаў, імёнаў, сітуацый і выказванняў. Найперш, трэба адзначыць сучасную тэндэнцыю называння новых рубрык, перадач, праектаў ужо вядомымі, прэцэдэнтнымі назвамі. Серыя перадач на "Радыё Свабода" пра людзей, пазбаўленых жытла, называецца *"Раскіданае гняздо"* (спасылка на п'есу Янкі Купалы). У загалоўках журналісцкіх матэрыялаў часцей выкарыстоўваюцца прэцэдэнтныя тэксты і выказванні ў трансфармаваным выглядзе: *"У джазе толькі Гамсун"*, *"Той дзень, калі ўпала сцяна"*, *"Лявон Вольскі мяняе прафесію"* і г.д. Найбольш гнуткай фрэймструктурай для падзейнай інфармацыі публіцыстычнага дыскурсу стаўся прэцэдэнтны тэкст "Хрыстос прызямліўся ў Гародні" Уладзіміра Караткевіча: *Доктар Хаўз прызямліўся ў Гародні, Хрыстос прызямліўся на пляжы, АЭС прызямліцца на Гарадзеншчыне? Гарадзенскія чыноўнікі зноў не далі "прызямліцца Хрысту ў Гародні".*

У даследаваным матэрыяле намі былі знойдзены прыклады наступных трансфармацый: 1. Вар'іраванне семантыкі прэцэдэнтнага выказвання: а) буквалізацыя: *ВІАГРА: "Нам бы ноч прастаяць, ды дзень пратрымацца", – разважаў Мальчыш-Кібальчыш, разглядаючы ў душы сваю "ваенную тайну";* б) двайная актуалізацыя: *"Па БТ пакажуць фільм "Катынь" Анджэя Вайды. Нешта вялікае ў лесе здохла".* 2. Змена лексічнага складу прэцэдэнтнага выказвання: а) сінанімічная субстытуцыя: *"Не ўсё кату ў кайф", "Людзі на дрыгве";* б) антанімічная субстытуцыя: *"Росквіт Азіі";* в) тэматычная субстытуцыя: *"Хіба на нумар той можна забыцца?";* г) паранімічная субстытуцыя: *"Былое і дупы", "Мытная опера";* д) дэнататарная субстытуцыя: *"Толас мадэратара ў пустэльні";* е) лексічная субстытуцыя: *"Всё смешалось в доме Лукашенко".* 3. Граматычнае вар'іраванне структуры прэцэдэнтнага выказвання: *"А ці будзе хлопчык?"* 4. Колькасная змена кампанентнага складу прэцэдэнтнага выказвання: а) імплікацыя: *"Леаніды вяртаюцца...", "Не ўсё тое золата...";* б) экспплікацыя: *"Вялікі брат" ад МТС, "Патынсан. Зазірне сонца і ў яго аконца".* 5. Сінтаксічнае вар'іраванне: *"Тадо можна больш не чакаць", "Усё па-ранейшаму, нават імёны не змяніліся", "Не кожны мост дацягнецца да іншага берага Віцьбы".*

Розныя віды трансфармацый выказванняў найчасцей спалучаюцца: *Станем мурам глямурным* (лексічная субстытуцыя ўскладнена фанетычным падабенствам з папярэднім кампанентам), *Сцягі з-над Нёману* (лексічная субстытуцыя з імплікацыяй). Найбольш частотнымі з'яўляюцца прыёмы змены лексічнага складу і сінтаксічнай структуры прэцэдэнтнага выказвання. Намі не было выяўлена асобных відаў граматычных і сінтаксічных трансфармацый, што вылучаюцца даследчыцай Брычанковай [3, 18]: нейтралізацыі граматычнага значэння, унутрымадэльнага і міжузроўневага сінтаксічнага вар'іравання. Аднак у сучасным беларускамоўным публіцыстычным дыскурсе назіраецца адметны від квазіцытацый – пераклад расійскіх прэцэдэнтных выказванняў на беларускую мову ці, часцей за ўсё, на трасянку: *"Месца сустрэчы змяніць нельга", "Прамень святла ў цёмным царстве", "Уновь прадалжаецца бой!"*.

Такім чынам, выбух прэцэдэнтнасці ў сучасным медыядыскурсе абумоўлены экстралінгвістычнымі ўмовамі развіцця масавай камунікацыі, уплыву постмадэрнісцкага светапогляду, змены ідэалагічнай парадыгмы, агульнай дэмакратызацыі, інтэрнацыяналізацыі і глабалізацыі грамадства. Ужыванне тых ці іншых прэцэдэнтных феноменаў ёсць сродкам фарміравання этнакультурнай ідэнтычнасці, што ўваходзіць у ідэалагічныя задачы медыядыскурсу.

Літаратура

1. Алещанова, И.В. 2000. *Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы)*: автореф. дис. … канд. фил. наук: 10.02.19. ВГУ. Волгоград.
2. Анненкова, И.В. 2005. "Язык современных СМИ как система интерпретации в контексте русской культуры (попытка риторического осмысления)" Язык современной публицистики*: сб. ст.* М.: Флинта: Наука, 99–114.
3. Бриченкова, Е.С. 2007. *Прецедентные высказывания в русскоязычном публицистическом дискурсе и их место в преподавании русского языка как иностранного: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.02.* М.,
4. Верховцова, Т.О. 2008. "Лингвокультурные особенности функционирования прецедентных феноменов в заголовках газет (на материале русскоязычной прессы Беларуси)". *Вестник БГУ. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка.* Мн.: Выд-ва БДУ 1: 49–53.
5. Дубин, Б. 1994. "Литературный стеб и современные литературные нравы". Гудков Д., Дубин Б. Идеология бессруктурности: Интеллигенция и конец советской эпохи. Знамя 11: 166–179.

6. Дудоладова, О.В. 2006. “К вопросу об определении медиа-дискурса”. *Культура народов Причерноморья*: *научный журнал*. Т. 1. Симферополь: Межвузовский центр “Крым” 82: 129–131.
7. Земская, Е.А. 1996. “Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет”. *Поэтика. Стилистика. Язык и культура.* Памяти Т.Г. Винокур. М.: Гнозис, 157–168.
8. Красных, В.В. 2003. *«Свой» среди «чужих»: миф или реальность?* М.: Гнозис.
9. Куранова, Т.П. 2008. *Языковая игра в речи теле- и радиоведущих: автареф. дис. … канд. фил. наук: 10.02.01.* Ярославль.
10. Маслова, Е.В., Чигирина, Т.Ю. 2007. “Заголовки газет постсоветского периода в аспекте интертекстуальности”. Вестник ВГУ. Серия: *Филология. Журналистика* 2: 56–67.
11. Негрышев, А.А. 2005. “Прагматика интертекстуальности в новостном дискурсе СМИ (на материале информационных заметок)”. Международный научно-практический (электронный) журнал «*INTER-CULTUR@L-NET*» [Электронный ресурс]. Выпуск № 4. Режим доступа: *http://vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v4/v4_ar08.htm.* Дата доступа: 11.06.10.

Алина Новик
(ЕГУ, Вильнюс)

ИЗОБРЕТЕНИЕ ФОТОГРАФИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КУЛЬТУРЫ МОДЕРНА

The author comes to the conclusion that photography is a typical example of those kind of "great inventions" that could be called "products of their time" (in particular, she gives a detailed account of mobility, one of the key concepts of modernity, as well as characterizes some special features of positivism – the prevailing scientific-philosophical paradigm of the time). The second main observation of the article is that "high" art changed along with the appearance of photography trying to express the novelty the latter had introduced. Canvases of that time (especially impressionist) showed fragments of reality. Photography inspired art to become more realistic; it opened artists' eyes on the world full of small things, many of which had always been overlooked by most of their predecessors.

Изобретение фотографии: час открытия

Вальтер Беньямин писал: «*В течение значительных исторических временных периодов вместе с общим образом жизни человеческой общности меняется также и чувственное восприятие человека. Способ и образ организации чувственного восприятия человека – средства, которыми оно обеспечивается – обусловлены не только природными, но и историческими факторами*» [4, 32]. Поэтому, прежде чем мы станем говорить о влиянии на текст фотографического образа и фотографии (как медиума) вообще, стоит все же уяснить, в чем заключается ее связь с породившей ее эпохой.

Уильям Генри Фокс Тальбот и Жозеф Нисефор Ньеп совместно с Луи Жаком Манде Дагером, независимо друг от друга, практически одно-

временно изобрели фотографию. Это нередко ставит в тупик тех, кто впервые сталкивается с историей ее изобретения: обычно у изобретения один изобретатель, и, даже если их было больше, мы как бы по умолчанию ожидаем, что они работали сообща, с единым набором идей, словом – вместе.

Собственно, так и было в случае Дагера и Ньепса, однако англичанин Тальбот приходит к изобретению фотосъемки не просто отдельно от них, но и другим путем. Французы работали над созданием того, что впоследствии получило название *дагеротип* – изображение, закрепленное на шлифованной металлической пластине, за что его и окрестили «вечным зеркалом, сохраняющим отпечатки». Англичанин Тальбот стремился закрепить изображение на бумаге, он изобретает *калотип*, или, как его еще называют по аналогии с дагеротипом, *тальботип*.

Ключевое отличие между техниками состоит в том, что изготовление калотипа предусматривает негативно-позитивный процесс, который позволяет тиражировать снимки. В то время как дагеротип представляет собой уникальное изображение и не поддается воспроизведению.

Несмотря на то что изобретатели стремились к одной цели, они открыли две в корне различающиеся между собой техники. И хотя французские исследователи указывают на низкую художественную ценность калотипов (в сравнении с дагеротипами), а англичане настаивают на том, что именно калотипия, которая предусматривала возможность копировать изображение, стала прототипом современной фотографии, в то время как дагеротипия была «тупиковой» ветвью ее развития, и Тальбот, и Дагер и Ньепс вошли в историю фотографии как ее изобретатели.

Фотография распространилась быстрее и шире любого другого медиума. Практически с самого своего появления фотография использовалась и в науке, и в искусстве [10, 8]: несмотря на то что изначально фотографию не считали самостоятельным видом искусства, многие художники использовали ее как инструмент при создании своих работ. Сегодня же различные виды фотографии используются повсеместно: в новостях, прессе, рекламе, топографических исследованиях, медицине и криминологии – это не говоря уже о любительских съемках, семейных альбомах и туристической фотографии.

Этот список можно продолжить, однако на криминологической фотографии хотелось бы остановиться подробнее, поскольку именно она сейчас представляет особый интерес. Некоторые исследователи связывают ее появление с использованием других видов фотографии для того, чтобы зафиксировать и сохранить идентичность (identity), указывая, в

частности, на объемы использования фотографии в документах, удостоверяющих личность. Фотографическое изображение способствует пониманию идентичности человека как его социальной идентичности, а значит, и участвует в рождении индивида в современном смысле этого понятия [11, 23].

Глядя на современный мир, уже немыслимый без фотографии, мы соглашаемся, что заслугу ее изобретателей сложно переоценить, часто при этом забывая, в чем она состоит. Дело в том, что Тальбот и Ньеп и Дагер – это далеко не все, кто работал над изобретением фотографии; более того, этими тремя именами не ограничивается список тех, кто в итоге ее *изобрел*.

Людей, которые почти в одно и то же время пришли к созданию той или иной фотографической техники, в Европе было как минимум около двух десятков (один из них, француз Ипполит Байяр, даже сымитировал с помощью фотографии собственное самоубийство, а в комментарии к изображению, написанном в форме предсмертной записки, объяснил свой «отчаянный поступок» тем, что правительство, благосклонное к Дагеру, отказало Байяру в какой бы то ни было поддержке). И тут не идет речь о присвоении чужих заслуг: эти люди действительно сумели добиться закрепления фотографического изображения – совершенно разными способами. Тальботу, Дагеру и Ньепсу лишь повезло сделать это раньше остальных и, что даже важнее, отстоять свое право на это первенство.

Но почему столько людей в одночасье и, в чем мы уже успели убедиться, независимо друг от друга взялись за фотографические опыты? Беньямин писал, что *«…в момент, когда пробил час открытия, это почувствовало сразу несколько человек; независимо друг от друга они стремились к одной цели: сохранить изображение»* [3, 66]. Но что это за *час* и почему он *пробил* именно в средине XIX века?

Ответ кроется в характеристиках самой этой эпохи: если мы говорим о фотографии как о медиуме, мы должны упомянуть, как и, главное, почему этот медиум был изобретен, поскольку природа политической и культурной идентичности фотографии зачастую недвусмысленно сводится к природе ее истоков [9, 18]. Ранний период фотографии неслучайно совпал с романтизмом. К экспериментам в этой области людей подтолкнули мысли и переживания самой этой эпохи, считает историк фотографии Джеффри Бэтчен [18].

Сами романтические идеи способствовали творческому поиску и пересмотру ценностных установок. Романтизм как эстетика порождает

новые, не свойственные ранее искусству формы. Именно в это время зарождается эстетика фрагмента. Романтики ценили фрагмент за то, что он, априори открытый, был как бы «вмонтирован» в мир. Фрагментарная форма допускала относительную свободу творца, его отказ от устоявшихся правил и канонов.

Фотография как фрагмент. Фрагмент как романтическая форма

Фрагменты, как известно, бывают двух видов: они могут быть порождением либо обстоятельств, либо авторской стратегии [6, 55]. Говоря о фрагментарности романтического искусства, мы, конечно, имеем в виду стратегию автора, однако сейчас нам важно понять, скорее, почему он к ней прибегает. Романтики использовали фрагмент для того, чтобы показать, что есть нечто, что не поддается фиксации – изображению, описанию – что-то динамичное и бесконечное.

Само романтическое мироощущение – это, по выражению Людвига Уланда, видение «*беспредельного в конечном*». Если классическое искусство настаивало на конечности, то Романтизм, напротив, строится на стремлении к бесконечному, и фрагмент – это как раз та форма, с помощью которой можно воплотить в жизнь идеи и цели романтической эпохи [14, 212].

В отношении же фотографии термин «фрагмент», как правило, не используют, и происходит так, на мой взгляд, именно потому, что фотография фрагментарна *изначально* (чего нельзя сказать о литературе, музыке или живописи). Понятно, что в фотографии очень важны *границы* кадра – но ясно и то, что образ может за них выходить; зритель может *додумать* опущенное [18], равно как и читатель – в ситуации с литературным фрагментом, и слушатель, если мы говорим о фрагменте музыкальном.

С появлением фотографии изменилось и высокое искусство. Говоря простым языком, изобразительному искусству и литературе пришлось подражать фотографии, пытаясь различными путями достичь новизны, которую она привнесла [13, 3]. На полотнах того времени (в частности, импрессионистов) все чаще стал появляться фрагмент реальности, а не ее центр [18].

Фотография сделала искусство более реалистичным: она открыла творцам мир, полный мелочей, на многие из которых, возможно, никто из их предшественников никогда не обращал внимания. Примечательно,

что и литература того времени также характеризуется романтической «поэтикой фрагмента». Более того, сам термин *малая проза* появился именно в XIX веке, *практически одновременно с изобретением фотографии*.

Другой характерной чертой романтических произведений была доступность литературного языка, поскольку романтизм противопоставлял себя просвещению, в том числе и в плане словесности, «*язык романтических произведений, стремясь быть естественным, «простым», доступным для всех читателей, представлял собой нечто противоположное классике с ее благородной, «возвышенной» тематикой*» [17]. Еще одной характерной чертой романтической литературы стало стремление «*к точности, конкретности, достоверности*» [17], что также в некоторой степени отсылает к идее документальности, *фотографичности*. Обе эти тенденции характерны для литературного фрагмента до сих пор, хотя этот жанр оформился именно во времена романтизма.

Важным представляется отметить, что «*реалистическое повествование как жанр западноевропейской литературы* […] *является «после-образом» (after-image) реальных социальных практик и напряжений торгово-купеческой активности становящегося капитализм*а» [5, 107]: предпосылками возникновения формы реалистического повествования стали формальные эффекты денежной экономики, рыночная система и возникновения феномена социальной мобильности, речь о которой пойдет в следующем разделе.

Фотография и феномен мобильности. Изобретение модернистского видения

Идея фрагментарности, фрагмента в то время словно висела воздухе, что уже отчасти объясняет массовое стремление «остановить мгновенье». Однако Тальбот, Ньепс, Дагер, а также Байяр и все те, кому удалось открыть какой-либо из практических методов фотографирования, несмотря на все затраченные ими на это усилия, в сущности, *не изобретали ничего нового*: чувствительность солей серебра к воздействию света немецкие ученые Шульце и Шеле, а также житель Женевы Жан Сенебье и англичанин Уильям Луис обнаружили еще в XVIII веке [1, 15–16].

Еще в 1802 году была опубликована статья Хамфрида Дэйви, в которой он описывает их совместные с Томом Уэджвудом эксперименты. Они занимались тем, что обмакивали лоскутки кожи в раствор соли серебра, прикладывали к ним образцы различных растений и клали их на

свет. На коже появлялось изображение, которое, правда, быстро темнело, пока не исчезало вовсе [18]. Также известно, что сам Уэдвудж научился получать отпечатки предметов, прикладывая их к листку светочувствительной бумаги [1, 16]. То есть об этом эффекте было известно уже давно, однако он не был по-настоящему востребован до тех пор, пока миру не понадобилась сама фотография.

Изобретение фотографии в этом плане сравнимо с изобретением Иоганом Гуттенбергом печатного станка. Известный своей неординарностью канадский социолог Маршалл Маклюэн даже назвал печатную книгу «*продуктом нового применения винодельческого пресса*» [8, 225], поскольку Гуттенберг *ничего не изобрел* в том смысле, что при создании станка он лишь объединил техники, к тому времени уже хорошо известные и применяемые в разных областях, в том числе – в виноделии.

Есть и другие примеры великих изобретений, которые вполне можно назвать продуктами своего времени. В их числе оказалась и железная дорога, которая, как и фотография, была изобретена в эпоху модерна. Появление железной дороги воплотило в жизнь идею о *разрушении прежнего опыта времени и пространства посредством скорости* [11, 15–16], раскрытую в романтической литературе (действие произведений того времени часто разворачивается в необычной для европейца обстановке – на Востоке и в Америке) [17].

Становится понятно, что расстояние, как писал Зигмунт Бауман, это не данность, а социальный продукт, а потому протяженность расстояния зависит именно от скорости, с которой мы его преодолеваем [2, 24]. Развитие в это время транспорта, которое становится возможным с изобретением парового двигателя, порождает сам концепт *мобильности*, один из ключевых для модерна.

Интересно, что именно в это время оформляется феномен массового туризма. Рост промышленных городов способствовал формированию среднего класса, а новые виды транспорта упростили дальние поездки. Один исследователь назвал туризм и фотографию близнецами, «modern twins», в том смысле, что, появившись почти одновременно, всю свою историю они понимались в их взаимосвязи, поскольку фотография является значительной составляющей современной культуры путешествий [12, 241].

Практически с тех самых пор фотография «придает путешествию форму» [16, 128], определяя, где турист должен остановиться, чтобы сделать снимок. Фотокамера при этом может рассматриваться как актор, который не только не зависит от субъекта (фотографа), но и влияет на него.

Среди технических факторов мобильности важную роль играли способы передачи информации, не предполагающие физического перемещения [2, 26], а потому не менее знаковым стало изобретение в эту же эпоху телеграфа. Изобретение в середине XIX века скоростного транспорта, способа мгновенно отправить сообщение и, наконец, фотографии изменили не только мир, но и восприятие его [18].

Сам термин модерн (modernity) в этой ситуации отсылает скорее к изменению характера опыта (change in experience), задаваемого условиями эпохи, нежели к самому временному отрезку. «*Новая конфигурация опыта была сформирована под воздействием многих факторов, которые напрямую зависели от изменений в производстве в ходе индустриальной революции*»[1] – пишет Том Ганнинг [11, 15]. Среди этих факторов стоит назвать и зарождение позитивистского движения, выступающего за научный подход к явлениям жизни, которое также совпало со временем изобретения фотографии.

Фотография как производство «позитивистского видения»

Позитивизм был построен на идее *демистификации*, одной из основополагающих в модерне. Модерн «очищает» мир от всякой магии, мистики, иллюзии; проект демистификации «сжимает» мир до его видимой наружности, до его обозримых качеств. Согласно мысли, сформулированной в эпоху Просвещения и переформулированной позже позитивистами, позитивизм видел мир «урезанным» по критерию обозримости (visibility). Иначе говоря, мы можем знать лишь то, что мы видим [15, 220].

Чтобы «сжать» реальность до набора объективных фактов, позитивизму была необходима соответствующая форма репрезентации, какой и стала фотография. И первое время после своего появления на свет фотография понималась исключительно как форма репрезентации – и исключительно в ее неразрывной (как считалось) связи с позитивизмом. Ни о какой художественной ценности не было и речи.

Основой этой связи можно назвать «*тривиальный реализм*» фотографии, то есть присущие ей свойства, которые позволяют рассуждать о фотографии как о *языке нейтрального наблюдения*. Фотографию интерпретировали в дискурсе ее реалистических качеств, благодаря которым о ней можно рассуждать как о *машине по производству позитивистского*

[1] Перевод. – А.Н.

видения [15, 221]. Даже название первой фотокниги Тальбота, «The Pencil of Nature», отсылает нас к представлениям о фотографии исключительно как о средстве репрезентации мира [15, 223] и, можно предположить, о соответствии в данном случае знака референту.

Конечно, было бы очень дерзким утверждать, что фотография была изобретена по заказу ученых-позитивистов. Но если учитывать тот факт, что Фокс Тальбот, будучи хорошим ботаником, так и не научился хорошо рисовать и, вероятно, в том числе и поэтому стремился к изобретению фотографического метода, вышеприведенная идея уже не кажется столь абсурдной. В то же время совершенно очевидна связь появления фотографии с романтическими идеями, свойственными тому времени.

Пожалуй, правильнее всего будет сказать, что появление фотографии было обусловлено целым комплексом причин, сформировавшихся в эпоху модерна. Ее появление, широкое использование (несмотря на дороговизну), стремительный рост ее популярности – все это неслучайно. Фотография не просто «*родилась под счастливой звездой*» [7, 27], как об этом писал Зигмунд Кракауэр. Это «рождение» было закономерным. В то же время не стоит забывать, что, будучи продуктом модерна, фотография в итоге и сама на эту эпоху существенным образом повлияла.

Литература

1. Бажак, К. 2006. *История фотографии. Возникновение изображения.* М.: АСТ. Астрель.
2. Бауман, З. 2004. *Глобализация. Последствия для человека и общества*. М: Весь Мир.
3. Беньямин, В. 1996. “Краткая история фотографии. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости”. *Избранные эссе*. М.: Медиум, 66–91.
4. Беньямин, В. 1996. “Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости”. *Произведение искусства в эпоху его технической вопроизводимости: Избранные эссе.* М.: Медиум, 15–65.
5. Горных, А.А. 2001. “Повествовательная и визуальная форма: критическая историизация по Фредрику Джеймисону”. *Топос* 4: 106–116.
6. Кобрин, К. 2002. “Рассуждения о фрагменте”. *Гипотезы об истории*. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 51–63.
7. Кракауэр, З. 1974. “Фотография”. *Природа фильма: Реабилитация физической реальности.* М.: Искусство, 24–50.
8. Маклюэн, М. 2003. *Галактика Гуттенберга*. Киев: Ника-центр.
9. Batchen, G. 1997. *Burning with Desire: the Conception of Photography, Cambridge, Mass.*: The MIT Press.

10. Campany, D. 2008. *Photography and Cinema*. London: Reaktion books.
11. Gunning, T. 1995. "Tracing the Individual Body: Photography, Detectives, and Early Cinema". L. Charney, V. Schwartz (eds). *Cinema and the Invention of Modern Life*. Berkeley: University of California Press, 15–45.
12. Larsen, J. 2006. Geographies of Tourist Photography: Choreographies and Performances / Falkheimer J., Jansson A. (eds). *Geographies of Communication. The Spatial Turn in Media Studies*. Gøteborg: Nordicom, 243–261.
13. North, M. 2005. "Mechanical Recording and the Modern Arts". Camera Works. *Photography and the Twentieth-Century Word*. New York: Oxford University Press, 3–33.
14. Rauber, D.F. 1964. *The Fragment as Romantic Form. Modern Language Quarterly* 30: 212–221.
15. Slater, D. 1995. "Photography and Modern Vision: The Spectacle of 'Natural Magic'". Jenks, Chris (ed.) *Visual. Culture*. London: Routledge, 218–237.
16. Urry, J. 2002. *The Tourist Gaze*. *2nd ed*. London: Sage.
17. Шабалина, Т. Романтизм Онлайн Энциклопедия Кругосвет [он – лайн] Онлайн Энциклопедия Кругосвет [Б. д.] [просмотрено 20 апреля 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/ROMANTIZM.html?page=0,0.*
18. Byrne, D. 2007. *The Genius of Photography*. Fixing the Shadows. 60 min.

Валерия Глухова
(ЕГУ, Вильнюс)

SNUFF-MOVIE: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОРНОГРАФИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

The article covers research of the snuff-movie phenomenon, where it is described as a special category of commercial films "documenting" different methods and techniques of violence that are demonstrated in conjunction with porn video. The current film category infrequently hits into the field of researchers' vision because of its marginal cultural status and problematical character as an object of academic interest. Theoretical aspects of the problem of visual violence will be touched with special attention paid to the psychoanalytical examination of "fear", "aversion" and "horror" phenomena analyzing connections between violence, Look and desire and voyeurism.

Тема насилия в визуальных репрезентациях стала актуальной в связи с особенных опытом визуальной культуры XX века. Представляя насилие как «культурную метафору», мы говорим о видах и формах, посредством которых культура воспринимает, оценивает, легитимирует насилие. Различные техники репрезентации, способы представления насилия как *символа* устанавливают особые принципы его рассмотрения как культурной метафоры на различных уровнях интерпретации [5, 362].

Целью нашего исследования является анализ жанра snuff как особой формы репрезентации насилия в визуальных практиках и трансформации жанра из маргинального элемента порнографической продукции в репрезентацию насильственных действий в фильмах ужасов. Объект исследования – коммерчески наиболее успешные фильмы категории snuff (от порнографических короткометражных фильмов до полнометражного кино массового производства). Мы также проследим изменение по-

нимания понятия насилия в визуальной культуре, ставшее возможным, благодаря snuff-movie.

По словам Славоя Жижека, насилие может выражаться в толерантности, то есть толерантность может являть собой насильственный акт [20, 10]. Проецируя это утверждение на кино, мы можем заключить, что отсутствие насилия в кино – это и есть насилие над зрителем. Технологичность визуальных репрезентаций, медиализация и развитие новых медиа придают теме насилия новый контекст, помещая его в пространство культурной индустрии. Данной индустрии присуща репрессивность: «удовольствие, с которым воспринимается учиняемое над экранным персонажем насилие, превращается в насилие над самим зрителем, развлечение – в тяжкую повинность» [8, 6].

Репрезентативность насилия

Кино представляет собой развитую репрезентативную систему, которая структурирует способы зрительского зрения и наслаждения в процессе смотрения. Тема насилия в таком контексте рассматривается уже многими исследователями кино, поэтому важно учесть специфическое поле исследований влияния насилия на зрителя, особенности репрезентации насилия на экране и оправданность этой репрезентации [16, 7].

Всякая попытка сокрытия насилия заранее обречена на провал, поскольку оно все же начинает в какой-то момент проявляться имплицитно. В любом случае вуалирование и прикрытие насильственных действий на экране невозможно осуществить без определенного набора индексов и символов, которые будут отсылать к насилию [1, 90].

За последние пятнадцать лет жанр horror, например, развивался довольно интенсивно как главный источник художественного и эстетического элемента массового сознания. Литературные horror – произведения доступны в любом книжном магазине, супермаркете или иных торговых точках. С развитием новых медиа и Интернета это и вовсе перестало быть проблемой. Подобный жанр проникает также в музыкальную индустрию [13, 54]. Это связано, прежде всего, с тем, что ужасы всегда отсылают к подсознательному, базируются на ночных кошмарах, перверсиях и страхах. Тем не менее репрезентацию ужаса в horror-films принято связывать со сверхъестественными существами, которые и являют собой совокупность этих страхов и перверсий [14, 17].

Привлекательность неизведанного кроется в человеческом подсознании. З.Фрейд проводил анализ слова «жуткое» на лингвистическом

уровне, указывая, что «жуткое» (unheimlich) является противоположностью понятиям «уютное» (heimlich), «родное» (heimisch), «привычное» (vertraut). Из этого следует, что жуткое и неизведанное вызывают испуг именно потому, что они не являются привычными. «Существенное условие для подобного пугающего чувства, – как пишет Фрейд, – заключается в интеллектуальной неуверенности»[10].

Однако кого винить в чрезмерной откровенности насилия и его попытках «залезть зрителю в подсознание» [4]: зрителя или экран? Лотман пишет о том, что экран предстает объектом, к которому предъявляются определенные требования, поскольку он претендует на репрезентативность. Зритель ожидает от экрана, что он будет «отражать жизнь», стремление зрителя сопоставить экран с реальностью спровоцировано самой природой кино. Однако же реальность кино существует отдельно от зрительской подсознательной реальности [6, 2]. Экран превращается в механизм вуайеризма, невольно заставляя зрителя стать наблюдателем собственного наблюдения, взглянуть на взгляд, который зритель сам же и использует.

Взгляд и перверсия

Технологические усовершенствования изменили экономическую карту кино и содействовали развитию альтернативного кино. Однако же и Голливуд, и альтернативное кино предлагают несколько возможных удовольствий, одно из которых – скопофилия. Фильм являет собой герметично запаянный мир, который на первый взгляд «совершенно безразличен к присутствующей аудитории». Насилие носит экспозиционный характер даже в случае, когда «визуальная сцена физического насилия оказывается элиминированной, функционируя в роли нулевого знака» [2, 45].

В 1960 г. появился фильм Майкла Пауэлла «Peeping Tom», который также можно рассматривать как некий феномен зарождения snuff-movie, но, конечно же, в метафорическом смысле. Герой Карла Боэма Марк предстает классическим примером человека, который нашел единственный логичный катарсис детским травмам, сексуальным перверсиям – изощренные убийства. Убийства сами по себе не были объектом желания «подглядывающего Тома», таковым был сам процесс вуайеризма. В фильме убийца снимал своих жертв на камеру 8 mm, притом для Марка важно было зафиксировать знакомство с жертвой и, в особенности, страх, который жертва испытывала за секунды до убийства. В дан-

ном случае мы имеем дело с прототипом snuff-movie в идеологическом смысле (не на визуальном уровне повествования).

Феномен взгляда первостепенен, когда мы анализируем snuff-movie не просто в качестве «мясного» видеоряда, но и как феномен репрезентации насилия. Поскольку в snuff-movie приоритетная важность придается именно *созерцанию* насильственного акта, стоит в этом ключе рассмотреть психологию и двойственность (или даже «тройственность») взгляда в подобных фильмах.

Совпадение взгляда субъекта со взглядом большого Другого определяет извращенность и позволяет нам понять одну из основных черт идеологии «тоталитаризма»: если извращенность «мужской» мистики заключается в том, что взгляд, которым субъект созерцает Бога, есть в то же время взгляд, которым Бог созерцает себя [4]. По Лакану, садист пытается избежать конституирующей его существо трещины, раскола, перенося их на объект (жертву) и идентифицируя себя с объектом, т.е. принимая позицию объекта – инструмента воли-к-наслаждению (volonté-de-jouir) которая, принадлежит не ему, а большому Другому, принимающему форму «Высшего Злого Существа» [16, 10].

Расчленение смыслов

Snuff-movie – это прежде всего короткометражные фильмы, репрезентирующие реальные убийства и издевательства над жертвой. В более современной интерпретации snuff-movie описываются как порнографические короткометражные фильмы или видео с изображением действительных убийств [11, 406]. Первая подобная видеозапись, сделанная «Семьёй» маньяка Чарли Мэнсона, детально описана в книге Эда Сандерса [17, 1]. Кроме того, к одним из первых snuff-видеозаписей можно отнести:

– видео Чарльза Энджи и Леонарда Лэйка (относятся к периоду 1983–1985 гг.) с пытками их жертв (все были женщинами);

– приватное видео серийных маньяков – убийц Поля Бернардо и Карлы Хомолки в начале 1990-х;

– запись пыток двух проституток, которых похитили немецкие маньяки Эрнст Дайтер Корзен и Стэфан Майкл Ман. Одну из женщин они убили, а другой удалось сбежать.

Тем не менее личные видео серийных маньяков, а также членов террористических группировок в медиа контексте едва ли можно связать с термином snuff, поскольку они не созданы для коммерческих целей.

Само слово "snuff" в качестве сленгового выражения упоминалось в 1874 г. в пятом издании Словаря Сленга Д.С. Хоттена: «*Термин, распространенный среди низших сословий Лондона, означающий смерть от болезни или несчастного случая*». Слово произошло от староанглийского "snithan", имеющего значение «резать, расчленять» [15, 211]. Однако же не стоит говорить о том, что концепция фильмов категории snuff (и категоризация такого рода) стала распространяться лишь после книги Эда Сандерса. В целом, происхождение термина snuff не стоит ошибочно связывать с преступлениями Чарльза Мэнсона.

Появление дешевых видеокамер в массовом производстве обусловило новый этап в развитии snuff-фильмов. Любой человек мог с помощью камеры зафиксировать любое действие (в том числе смерть или даже расчленение), претендуя на реалистичность визуального ряда. В результате *запечатления* любых сцен, включая самоубийства, несчастные случаи, катастрофы стали массовой тенденцией. Тем не менее огромное количество любительских видео породило создание фальшивых, постановочных видео [19, 00:32:35].

В фильме Faces of Death (1980) Джона Аллана Шварца отражена одна из основных направленностей популярности любительских видео смертей – казнь на электрическом стуле. Этот фильм причислен Британским Бюро Классификации кинофильмов к категории snuff, однако этот фильм не является маргинальным любительским видео и snuff, исходя из архаичного определения, поскольку имел оглушительный коммерческий успех (при бюджете в $450 тыс. кассовые сборы составили $60 млн). Но можно ли назвать "Faces of Death" snuff-фильмом, ведь в тех убийствах и сценах насилия, которые репрезентируются в нем, нет никакого сексуального или порнографического подтекста? [20, 00:07:44]

Таким образом, действительные snuff-movie, в точном смысле этого термина, имеют отношение не к кинематографу, а скорее, к криминалистике. Snuff – это реальные убийства и расчленения, притом snuff в порнографическом контексте идеологически ближе к первоначальному понятию snuff. Однако же сцены насилия в стилистике snuff начинают интегрироваться в массовое кино.

Порнографическое (как) насилие

Распространение жанра snuff приобретает нарастающую интенсивность, что прежде всего связано с порнографическими фильмами. Snuff как особый жанр порнографических фильмов не только стал популярен,

но и обрел статус культового в такой степени, что теперь нередко встречается определение snuff-movie как «порнографического фильма с элементами пыток и истязаний, заканчивающегося смертью жертвы».

Тем не менее я предлагаю рассматривать snuff-movie не в качестве элемента порноиндустрии, а провести параллель между snuff-фильмами и порнографией с учетом феномена взгляда. Обычно «порнография» понимается как жанр, который «показывает все, что можно показать», ничего не скрывая, регистрируя «все» и представляя его нашему взгляду. Однако именно в порнографическом кино «субстанция наслаждения», воспринятая сторонним взглядом, полностью утрачивается – почему? [2, 44] Порнография по природе своей перверсивна; ее перверсивность – не в том очевидном факте, что «она показывает все до конца, во всех грязных подробностях»; скорее, это следует понимать строго формальным образом. В порнографии зритель априорно вынужден занимать перверсивную позицию. Вместо того чтобы быть на стороне рассматриваемого объекта, взгляд перемещается на нас, зрителей, и поэтому в изображении на экране нет той возвышенно загадочной точки, из которой оно смотрит на нас.

Snuff в контексте новых медиа

Развитие новых медиа связано в первую очередь с развитием технологий, поскольку одним из основных принципов новых медиа является числовая репрезентация, что означает непосредственную зависимость того или иного нового медиума от техники, ведь новые медиа представляют собой алгоритм, созданный как программа на числовой основе. С развитием Интернета кино включилось в процесс медиа конвергенции, то есть любой фильм, независимо от способа производства, возможно транскодировать в новый медиум и сделать доступным для всех пользователей Интернета.

Порнография, а значит и snuff-movie, стала общедоступной, вырвавшись из закрытых прокатных сервисных центров в безграничные просторы Интернет. Именно в этом проявляется «фаллическое» восприятие snuff-movie в «вертикальной» интерпретации – доступ к запретному порождает желание бороться с этим желанием, и, в конце концов, запретное утрачивает свое свойство отчужденности. Если запретное становится общедоступным, то запрет перестает быть запретом [3, 120].

Фильм *Snuff* (1976) Майкла и Роберты Финдли стал хрестоматийным в истории изучения snuff-продукции. Наряду с примитивными

спецэффектами и бутафорно-пугающими сценами, фильм вызвал резонанс сразу после премьеры. Аудитория была убеждена, что ей представляют «настоящий snuff-фильм с реальным убийством». Фильм прежде всего обвинялся в сексизме, в неуважении к женщине, в особенности скандальной была признана сцена с разрезанием женского живота, что трактовалось многими как «совершенное неуважение к репродуктивной способности женщины». Однако же акции зрителей у кинотеатров с транспарантами гарантировали фильму коммерческий успех. Snuff таким образом превратился из маргинального жанра порнографии в скандальный элемент триллеров, который обеспечивал фильмам коммерческий успех. Убийство превратилось в развлечение, а страх – в индустрию. Релиз фильма *Snuff* в 1976 г. стал началом нового жанра, в котором расчленение людей становится развлечением, продуктом.

Прибыльность snuff-видео оценил, конечно, Голливуд. В 1979 г. студия Columbia Pictures выпускает фильм *Hardcore* режиссера Пола Шрейдера. Герой Джорджа Скотта – ярый кальвинист Джейк Ван Дорн ищет пропавшую дочь. В результате расследования, Дорн обнаруживает, что его дочь втянута в порноиндустрию, притом в новый жанр – snuff-фильмы.

Через год андеграунд был ошарашен выходом мэйнстримового фильма Cannibal Holocaust. Фильм был запрещен в шестидесяти странах мира, притом потребовалось три года и два судебных процесса, прежде чем режиссер фильма Руджеро Деодато смог добиться права на прокат. Фильм рассказывает о четырех документалистах, которые отправляются за материалом о каннибалах в южноамериканские джунгли. Фильм снят в стилистике реального видео – нестатичная камера, плохая фокусировка. Одна из самых провокационных и обсуждаемых сцен фильма – это сцена с насаженной на кол девушкой. Питер Джонсон из Британского Бюро Классификации кинофильмов отмечает, что «этот фильм спасло зарождение такого жанра, как снафф, без него «Каннибалов…» никогда бы не пустили в прокат». Проблему видели не столько в том, что Деодато показывал насилие, а в том, что он представлял это реальностью. Кадры деяний каннибалов совпадали с «кадрами», сделанными четырьмя документалистами, поэтому иллюзия документальности была представлена как реальные кадры. Например, та самая знаменитая сцена с насаженной на кол девушкой была поставлена с помощью простейших эффектов: девушка сидела на табурете, опираясь ногами о тупую сторону кола, перед съемкой она широко открывала рот, и туда помещался еще один конец

кола (к слову, также тупой). Все это обильно поливалось бутафорской кровью студийного производства [19, 01:02:44].

Does Snuff – Movie Exit?[1]

Snuff-movie – это трудноразличимая грань между реальностью и экранным насилием. Несмотря на признанное отвращение к snuff-movie, эти фильмы имеют коммерческий успех. Японские snuff-фильмы с конца 1990-х были самыми кассовыми в мире видеопродаж. Но эффект подобной видеопродукции вновь и вновь исследовался, в особенности после случая 1998 года. Японский маньяк Маозаки убил четырех маленьких девочек возрастом от 3 до 5 лет. Маньяк был пойман в июле 1999 года, когда пытался похитить свою пятую жертву. В доме Маозаки были найдены кассеты, на которых он запечатлел то, как пытал, расчленял и убивал своих жертв. На суде он объяснял это вдохновением от сцен из любимых snuff-фильмов. Тем не менее эти фильмы производились Маозаки, очевидно, не для коммерческих целей, а для собственного сексуального удовольствия.

Итак, главный вопрос исследователей snuff-movie заключается в том, существуют ли на самом деле snuff-фильмы? ФБР расследовало происхождение snuff-фильмов более двадцати лет, но ни к чему и не пришло. Марк Розен отмечает, что сомнение в существовании snuff-фильмов впервые высказал Скотт Стайн в статье альманаха Skeptical Inquirer в 1999 году, приписывая snuff к очередной «городской легенде». “Urban legend” – короткая и, на первый взгляд, правдоподобная (хотя обычно не соответствующая действительности) история, опирающаяся на современную техническую и общественную реальность и затрагивающая глубинные проблемы и страхи современного общества. Лектор департамента культурных исследований университета Минессоты Мишель Лекас считает, что существование snuff-видео – это также вопрос существования порнографии. Появление подобных видео, как она считает, является лишь новым этапом зависимости общества от порнографии. Таким образом, отрицание существования snuff-фильмов ведет к абсурдному отрицанию существования порнографии и сексуальности и различных перверсий [12, 1].

[1] “Does snuff-movie exist” («Существуют ли снафф-фильмы?») – одна из передач цикла “Dark side of porn”

Snuff как маркетинговый ход

Категоризация фильма в качестве snuff обеспечивает фильму солидные кассовые сборы, однако достичь того эффекта, который зачастую воздействует на аудиторию в качестве «реального извращенного убийства» режиссерам не удается. Во многом так происходит из-за недостатка художественных средств, которые обеспечивают фильму желанную категорию snuff.

Прежде всего стоит учитывать способы повествования в подобного рода фильмах. Развязка фильма всегда заключается в главном насильственном акте. В ходе развития действия на насилие может не быть указания, индикаторы насилия *расчленяют* весь фильм на синтагмы, которые сводятся воедино в финале. Детализированность насилия вместе с тем является еще одной отличительной чертой snuff. Расчленение репрезентируется поэтапно, особое внимание уделяется эстетике вскрытия тела. Притом сопротивление жертвы, как ни странно, сведено к минимуму, как если бы страх парализовал не только саму жертву, но и зрителя. Крупные планы, соответственно, преобладают в визуальном ряду, перемежевываясь с кадрами «с точки зрения Бога». Звуковое сопровождение в финале также сводится к крикам жертвы, поскольку особенный вес приобретает тишина. Она становится элементом монтажа, отсылая к реалистичности и претендуя на интерпретативность [18, 53].

Тем не менее snuff-movie тесно сосуществует с порнографией, поскольку оба этих жанра предполагают и коммерческую выгоду, и некий запрет. Является ли snuff продукцией, предназначенной сугубо для зрителей категории gorehound? (Gorehound – человек, который получает сексуальное возбуждение, наблюдая за смертью живого существа). Преподаватель департамента культурных исследований университета Миннесоты Джулия Уилсон считает, что snuff-фильмы популярны потому, что «они могут сконцентрировать зрителя на том, что ненормально и что не может быть принято обществом».

Если в истории человечества казни всегда были зрелищем, почему же с развитием технологий репрезентация этих казней на пленке приобретает статус извращения? Возможно, во многом это обусловлено неким статусом экранности, то есть, когда некое событие запечатлено на пленку, оно интерпретируется и категорируется в качестве чего-то особенного.

Возможно, еще одна особенность snuff-movie заключается в том, что зритель, глядя на изображение насилия и зная о том, что оно игровое, в какой-то момент сомневается в *подлинности фальшивки*. Очевидна тем

самым проблема: в какой момент иллюзия предстает как реальность? Нельзя изъять символические фикции, поскольку они регулируют реальность. Таким образом, snuff-movie – это та самая трансцедентальная таблетка, которую искал Славой Жижек в фильме «Киногид извращенца» (анализ эпизода фильма «Матрица» с красной и синей таблетками). Эта «таблетка» позволяет воспринимать не реальность позади иллюзии, но реальность в самой иллюзии [9, 01:34:55].

Расчленение массового сознания

В Международный центр криминальных экспертов при Страсбургском университете каждый год поступают видеозаписи для экспертизы snuff-фильмов. Однако эксперты всегда сталкивались со сложностями при идентификации реалистичности этих видео. Постепенно молодые режиссеры стали использовать snuff, нарочито представляя эти видео документальными записями [10]. Некоторые фильмы стали не просто коммерчески успешными и обрели армию поклонников, но и продвинули жанр snuff на новый уровень. Представление насилия в них с помощью snuff было чересчур гротескным и воспринималось зрителем не как реальность, а скорее, как плод воспаленного сознания режиссера.

В 1977 году вышел фильм «Последний дом на тупиковой улице» Роджера Уоткинса, рассказывающий о вышедшем из тюрьмы Терри, который занимается съемками порнографических фильмов. Однако, чтобы сорвать действительно большой куш, Терри с компанией единомышленников решается снять snuff. Тяжело сказать, почему Уоткинсу не удалось представить фильм как реалистичный snuff-movie. Возможно, так произошло из-за отсутствия сценария или чрезмерного ужаса, наполняющего финал фильма. Тем не менее поверить в реалистичность происходящего зрителям так и не удалось [7, 32].

В середине 80-х в Японии стартовал скандальный сериал «Подопытная свинка» (Guinea Pig) режиссера Хидеши Хино. В 1986 году выходят сразу две части – «Дьявольский эксперимент» и «Цветок плоти и крови». Хино решил продолжить мистификацию о таинственных видеозаписях: в начальных титрах нам рассказывают, как Хидеши получил посылку, в которой лежал 8мм фильм, пачка из 54 фотографий и 19-страничное письмо. В письме неизвестный признавался создателю манги в любви и предлагал ознакомиться с собственным фильмом. В прилагавшихся фотографиях и фильме было изображено детальное расчленение де-

вушки, которая под действием наркотиков не чувствовала боли. В 1988 году Хидеши Хино снял фильм «Русалка в канализации».

Японский андеграундный режиссер Тамакаши Анура выпустил в 1998 году фильм «Смятая кукла из плоти» (Niku daruma). По сюжету три парня и одна девушка снимают любительский порнофильм. После того как девушка отказывается, чтобы ей поставили клизму, ее ударяют битой и она теряет сознание. Ее привязывают к кровати и начинают истязать, отрезают ноги, язык, а в финале потрошат. В процессе истязаний, актер продолжает насиловать девушку.

Самым знаменитым и коммерчески успешным фильмом массового производства является «Snuff 102» аргентинского режиссера Мариано Пералта. Герой фильма, интервьюируемый эксперт, на вопрос: «До каких пор человек готов смотреть на насилие?» ответил в кадре так: «Человек будет смотреть на насилие до финального кадра, и увидеть он хочет в нем то, на что не способен сам, ведь где-то в глубине души в каждом человеке сидит такой же зверь, запертый за семью замками принципами морали и нравственности. Снафф – это наш ребёнок, дамы и господа. И никто, кроме нас самих, не виноват в его уродстве» [7, 4].

Таковы основные изменения представлений о насилии в контексте трансформации маргинального жанра snuff. Репрессивность культурной индустрии, диктующая удовольствие зрителя от созерцания насилия на экране, превратилась в саму репрессивность зрителя, который требует от кино все более изощренных способов репрезентации насилия. Сокрыть и завуалировать насилие на экране оказывается невозможным, поскольку зритель самостоятельно интерпретирует его.

Литература

1. Дениско, П. 2007. *Конструирование насилия: важность визуального компонента / Визуальное (как) насилие, Сборник научных трудов / отв. ред. А.Р. Усманова.* Вильнюс : ЕГУ,
2. Жижек, С. 2004. Порнография, ностальгия, монтаж: триада взгляда. *Все, что вы всегда хотели знать о Лакане, но боялись спросить у Хичкока, под ред. С. Жижека,* М.: Логос.
3. Жижек, С. 2004. Хичкоковское пятно. Оральное, анальное, фаллическая. *Все, что вы всегда хотели знать о Лакане, но боялись спросить у Хичкока.* М.: Логос.
4. Лавкрафт, Г.Ф. "Сверхъестественный ужас в литературе". [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://literature.gothic.ru/hpl/main.shtml*
5. Лауретис, Т. 2000. "Риторика насилия. Рассмотрение репрезентации и гендера". *Антология гендерной теории*. Минск, 362.

6. Лотман, Ю., Цивьян, Ю. 1994. *Диалог с экраном.* Таллинн: «Александра».
7. Першин, Я., Хворостова, А. Snuff. 2010. *Жестокий гуманизм*/Art&Шок, W/
8. Усманова, А. 2007. *Насилие как культурная метафора: вместо введения. Визуальное (как) насилие.* Вильнюс: ЕГУ.
9. Файнс, С. 2006. *Киногид извращенца*, док. фильм.
10. Фрейд, З. "Художник и фантазирование. Жуткое". [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/fr_hud/05.php*
11. André Roy. 2007. Dictionnaire général du cinéma: Du cinématographe à internet : art, technique, industrie. Les Editions Fides, P. 406 (ISBN 2762127874).
12. Callum, F. "Perverts murdered woman for snuff-movie". The Daily Record. (1999-04-13).
13. Caroll, N. The Nature of Horror, CarrollSource: The Journal of Aesthetics and Art Criticism, Vol. 46, No. 1 (Autumn, 1987). P. 51–59. Published by: Blackwell Publishing on behalf of The American Society for Aesthetics.
14. Caroll, N. Nightmare and the Horror Film: The Symbolic Biology of Fantastic BeingsCarrollSource: Film Quarterly, Vol. 34, No. 3 (Spring, 1981). P. 16–25 Published by: University of California Press.
15. Knowles, E. 2011. "snuff-movie". The Oxford Dictionary of Phrase and Fable. 2006. Encyclopedia.com. 10 May.
16. Mulvey, L. 1975." Visual Pleasure and Narrative Cinema". Screen 16 (3), Autumn, 6–18.
17. Sanders, E. 1990. *The Family: The Story of Charles Manson's Dune Buggy Attack Battalion. E.P. Dutton and Co.* Inc., NY.
18. Žižek, S. 2008. *Violence. Six sideways reflections.* NY, Picador.
19. The Dark Side of Porn, Season 2 Episode 4, Channel 4 documentary, first aired 18 April 2006.
20. Snuff Uncut /A Documentary About Killing on Camera**,** Genre: Documentary | Horror, Directed By: Paul von Stoetzel, Starring: Larry C. Brubaker, Todd Cobery and Linda Flanders.

ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ИСКУССТВЕ

Алексей Борисенок
(ЕГУ, Вильнюс)

СТАТУС ИЗОБРАЖЕНИЯ И КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ ЯЗЫК В ПОЗДНЕМ КИНЕМАТОГРАФЕ Ж.-Л. ГОДАРА (“ФИЛЬМ СОЦИАЛИЗМ”)

Transformation of status and nature of image reorganizes cinematographic practices and visual culture in general. This calls for search of new strategies of working with cinematic language, one of the brightest example being “Film Socialisme” by Jean-Luc Godard. In his latest film Godard concentrates on European history, problematizes the term of memory, political economy and language. With the help of very specific methodologies of work with visual material, different modalities of shooting and optics, Godard creates cinematic layers and special relations of images that criticize the work of means of representations.

1

Гипотеза, разрабатываемая в данном тексте, состоит в том, что трансформация статуса и природы изображения реструктурирует кинематографические практики и визуальную культуру в целом, что вынуждает искать новые стратегии работы с кинематографическим языком. Одним из ярких примеров этого служит последний кинофильм Ж.-Л. Годара “Фильм Социализм” (2010).

“Фильм Социализм” проблематизирует отношения изображений путем пресыщения визуальной ткани, разрушением привычной нарративной логики, использованием предельно большого количества визуальных стыков, на границах которых рождаются новые смыслы. Названные аспекты позволяют поставить ряд задач: охарактеризовать трансформацию статуса изображения в контексте современной визуальной

культуры; определить отношения визуальных практик и микрофизики власти, а также особенности циркуляции, конструирования и потребления визуальных репрезентаций. Данная концептуальная рамка позволяет исследовать кинематографический язык Ж.-Л. Годара. К задачам работы также относится анализ, с одной стороны, технических приемов, в особенности, монтажа, с другой, тех смыслов, которые генерирует Годар в "Фильм Социализм". То есть речь идет об анализе "на два фронта": эстетическом (формотворчество и совокупность технических приемов) и политическом (смыслы, идеи, нарративные структуры).

2

Чтобы говорить о специфическом обращении Ж.-Л. Годара с кинематографической тканью, нужно рассмотреть, каким образом происходило формирование кинематографических практик, технических приемов и идеологических позиций, составляющих определенное видение Ж.-Л. Годара. В этом смысле, на мой взгляд, чрезвычайно важно обратиться к периоду его (совместного) творчества в группе Дзиги Вертова (1968–1972) и охарактеризовать конкретный период политического кинематографа, в поле которого Годар продолжает снимать до сих пор.

На мой взгляд, способы работы с изображением, противопоставление себя доминирующему кинематографическому дискурсу, политематичность и политическая ангажированность – это то, что Годар выработал не просто как представитель Новой французской волны, а то, что формировалось в процессе длительной совместной работы в группе Дзиги Вертова. Необходимо учитывать не только кинематографические практики Годара, но и его огромное значение в дискурсивном пространстве кинокритики и кинотеории.

Таким образом, свой анализ я начну с политического периода Годара, точнее, с его работы вместе с Ж.-П. Гореном, когда были сформулированы многие принципы борьбы на двух фронтах. В них, по моему мнению, содержатся ключевые моменты, важные для прочтения остальных фильмов Годара.

События мая 1968 года, изменившие социокультурный ландшафт Европы, коренным образом повлияли на кинематографические практики целого поколения режиссеров: сначала от узких маоистских кругов Парижа, потом до кинематографий угнетенных и подавленных и политического деконструктивистского кино в целом. Жан-Люк Годар в течение 1968–1972 гг. работал вместе с Жан-Полем Гореном: совместно

они разрабатывали концептуальную форму, однако она оставалась достаточно путаной, если судить по различным интервью. Кинематограф этого периода принимает форму "эссе". Под влиянием концепции Бертольта Брехта авторы "конкретно анализируют конкретные ситуации" [2, 5]. Главный вопрос формулируется Годаром как необходимость делать не просто политические фильмы, но "делать политические фильмы политически"[2, 5].

Подход Брехта к культуре, основанный на диалектике, используется и Годаром. Здесь речь идет прежде всего о политизации культурного производства путем коллективной субъективизации людей, что рушит привычные схемы культурного производства/ потребления. Однако Годар продолжает пользоваться одним из главных эстетических методов Брехта вплоть до "Фильм Социализм" – это так называемый метод очуждения. Дмитрий Виленский так пишет о методе Брехта: "Предотвращая любые возможности чувствования, основанные на иллюзии достоверности, эффект очуждения обнажал работу социальных механизмов, и, таким образом, демонстрировал не просто, как и почему люди ведут себя определенным образом в обществе, а призывал анализировать сам механизм производства социальных отношений" [3, 2]. Собственно в ленте "Фильм Социализм" Годар артикулирует подобный разрыв между кинематографом и реальностью уже на уровне названия, добавляя в него слово "фильм".

То, чем характеризуется создание кинокартин в 1968–1972 гг., можно определить в понятиях вскрытия и деконструкции нарративной киноформы. Джулия Лесадж использует термин "деконструированного" кино. Этот термин важен, поскольку он преимущественно характеризует принципы работы с изображением. Можно сказать, что главный вопрос деконструкции у Жака Деррида – это вопрос перевода. В этом смысле Годар постоянно осуществляет акт деконструкции в своих кинематографических практиках: он разбирает различные целостности (культурные, социальные, политические) и затем собирает их как совокупность взаимодействующих элементов. Подобные операции возможны, благодаря техническому приему монтажа, точнее, тому, каким образом Годар использует монтаж.

Практики работы с кинематографической тканью неразрывно связаны с пониманием важности монтажа как технического средства, выстраивающего скелет нарративной структуры. Монтаж занимает у Годара особенное место: он предшествует съемкам. Собственно, монтаж – это не просто техническая операция, но попытка столкнуть два

элемента, в результате чего должен быть сгенерирован новый смысл, а также произведена попытка реконструировать причины репрезентаций. Поэтому так важно "говорить не об изображениях, но об их отношениях" [2, 67]. Подобное отношение к монтажу – не как к производству аттракциона, скрывающего реальную суть вещей и забирающего внимание зрителя, а имеющее, в первую очередь, критическую функцию, крайне похоже на концептуальное осмысление монтажа русским режиссером Дзигой Вертовым.

Имя группы, в которой работают Годар и Горен, оказывается не случайным: во французской кинокритике того времени вновь актуализируется дискуссия о наследии русского революционного кинематографа [см. *Cahiers du Cinema, Volume III: 1969-1972: The Politics of Representations*. Edited by N. Browne – London and New York: Routledge, 1990], в том числе и в практиках Дзиги Вертова. В свою очередь, когда мы говорим о кинематографической ткани Годара, актуализируя его подход к монтажу, мы снимаем еще один уровень непрозрачности, говоря о ритмике и синтаксисе кино. Мы воспроизводим логику автора, вскрывая возможные дополнительные смыслы, задавая не только вопрос «Что значит этот кадр?», но и «Почему эти кадры стоят друг рядом с другом?». Годар в классической оппозиции "кинокулака" С. Эйзенштейна и "киноглаза" Д. Вертова выбирает сторону Вертова. Колин Мак Каб пишет об этом: "Важность Вертова для группы была двоякой: с одной стороны, он продолжал гораздо дольше, чем Эйзенштейн, настаивать, что главной задачей режиссера должно быть текущее состояние классовой борьбы; с другой стороны, его акцент на важности монтажа перед съемочным процессом соотносится с групповой практикой лучше, чем с представлением о монтаже Эйзенштейна" [8, 22].

Монтаж у Годара существует на всех уровнях: он задействован до съемки – как работа-деконструкция автора; на монтажном столе – как техническое упражнение, соизмеряющее масштабы соседних кадров; у зрителя – как операция-декодирование. Нечто схожее существует и в работе Вертова. Жиль Делез пишет о Вертове: "Необходимо сказать, что монтаж уже присутствовал повсеместно в течение двух предшествовавших моментов. Он был задействован до съемки, при выборе материала, то есть частей материи, иногда весьма отдаленных друг от друга, которые необходимо подвергнуть взаимодействию (жизнь как она есть)" [5, 86].

В этом смысле становится понятной методология работы с изображением у Годара, однако подобная форма не является единственно возможной. Показательным, на мой взгляд, будет сравнение подхода к мон-

тажу у Жан-Люка Годара и Жан-Мари Штрауба. Подобное сравнение выгодно тем, что и Годар, и Штрауб снимают политическое кино, цитируя литературные и искусствоведческие тропы и сюжеты. Однако подход к созданию кинематографической ткани радикально различен: Годар пресыщает язык, растворяя остатки нарративной структуры и драматургии, Штрауб вычищает поверхность кадра от дополнительных коннотаций, оставляя минимальное количество монтажных стыков. Однако два приема, лежащих на разных уровнях, позволяют добиться эффекта сопротивления, трения реальности в брехтианском смысле.

Таким образом, мы сделали краткую оценку периода открыто ангажированного кинематографа Ж.-Л. Годара, что необходимо для последующего анализа ленты "Фильм Социализм". На мой взгляд, Годар продолжает использовать кинематографические концепты, разработанные им в прошлом: форма "Фильм Социализм" определенно напоминает "Нашу музыку" (2004) или "Хвалу любви" (2001). Тем не менее в его последней работе есть ряд особенностей, о которых пойдет речь ниже.

3

Подобного рода трансформации связей реальности и визуальных репрезентаций реструктурируют кинематографический язык и практики работы с изображением. Годар в своем последнем фильме выстраивает контр-дискурс современной визуальной культуре, сознательно наращивая на ткани фильма опухоли в виде дополнительных изображений и монтажных стыков. Таким способом наслаивается множество уровней смыслов, вырывающихся за поверхность кадра.

Делез говорит о кинематографе Годара как о кинематографе, "где рефлексия направлена не только на содержание образа, но и на его форму, средства и функции, его фальсификацию и творческую деятельность, на его внутренние отношения между звуковым и оптическим" [5, 301]. Я думаю, что так может быть сформулирована одна из отличительных особенностей в монтажной практике Годара. Работа с визуальной репрезентацией образа доходит до такой степени, что за ней часто начинает растворяться нарративная структура, теряться маршрут чтения фильма.

Все же для того, чтобы предметнее говорить о ленте "Фильм Социализм", нужно попытаться описать ее структурные особенности или хотя бы то, что остается от структуры, то, что прячется за уровнями непрозрачности и проступает после нескольких просмотров или прочтений. Однако описание всего микрокосма смыслов является крайне проблем-

ной процедурой, важным же представляется раскрыть механизмы работы режиссера с изображением и условия генерирования этих смыслов, но не собственно их описание. Нужно говорить о том, как Годар строит повествование, на основе каких структур и каким образом эти структуры размываются.

Ролан Барт упоминает о том, что "кино побуждает к постоянной прожорливости" [1, 23]. По моему мнению, Годар визуализирует данную «прожорливость», доводит ее до предела – кажется, сложно насытить визуальную ткань образами в большей степени. Перед нами предстают кадры совершенно разных типов: от фотографических изображений и цитат из классического кинематографа до передержанных кадров, снятых на мобильный телефон.

В силу политематичного содержания фильма и соответствующего ему перегруженного "невыносимого" монтажа, рождаемый космос смыслов просто вырывается из территории кадра, превращая фильм в антизрелищный. Кроме того, антизрелищным фильм делают и дополнительные сложные звуковые переходы, использование различных языков и изображений, полученных разными способами.

Дополнительной сложностью ленты представляется использование не только визуального образа, но и текста. В начале фильма Годар представляет списки литературы, фильмов и музыки, с которыми он работает в "Фильм Социализм". Таким образом, изначально задается вектор не на "полноценный кинематограф", но на сферу кино-эссеистики. То есть фильм можно читать не только семиотически, но и просто – читать. Не случайной оказывается снятая на камеру лекция А. Бадью о началах геометрии перед пустой аудиторией – своего рода ирония над местом интеллектуала в обществе.

Жан-Мари Штрауб говорит о политическом кинематографе: "Нет политического кино без памяти. Память подразумевает движение вразрез, поперек социал-демократии, реформизма и всего хаоса потому, что единственная вещь, в которой нам сегодня отказывают, — это прошлое <…>". Несмотря на определенные сложности с реконструкцией сюжета, Годар использует исторические шрамы, отметины на теле европейской истории. Все пункты круиза лайнера представляют собой географические места, так или иначе связанные с провалом социалистической политики. Как, например, первая русская революция 1905 года, гражданская война в Испании (1936) и гражданская война в Греции (1948). Таким способом Годар как бы обозначает стирающуюся историческую память, сопоставляя ее с туристическими маршрутами – новым типом освоения

пространства. После кадров из “Броненосца Потемкина” Эйзенштейна следуют кадры документации туристической экскурсии. То есть обозначением хроники и условным прокладыванием маршрута Годар акцентирует этот разрыв, проблему стирания памяти о ближайшей истории, и в этом смысле “Фильм Социализм” – это политический фильм.

Продолжая в том же ключе, можно заметить: язык как домен власти, по-видимому, главная из атакуемых Годаром целей. Отсюда невыносимая перегруженность кинематографического языка – как один из способов отрицания. Фильм без изображения (Г. Дебор) или с крайне замедленным киноязыком (Ж.-М. Штрауб и Д. Йюэ) – как иные возможности говорить о политическом, как время, оставленное для того, чтобы деконструировать означающее.

В фильме чувствуется некоторое напряжение, что, на мой взгляд, связано не только с пульсирующим экраном и отдельными шумами-звуковыми эффектами, но и с определенной трансгрессией, поиском границ как кадра, так и идеи (экономики, политики, кинематографа). Вместе с настойчивым воспроизводством критического дискурса, характерным не только для “Фильм Социализм”, но и для всего позднего кинематографа Годара, может появиться опасность: в силу исключительной негативности программы сработает диалектический эффект. Однако, с другой стороны, я вижу нечто схожее между лентой “Фильм Социализм” и последним проектом испанского художника Сантьяго Сьерра “No Global Tour” [См. http://www.santiago-sierra.com/200919b_1024.php], где критический дискурс доводится до предела, как бы манифестируя невозможность современного искусства генерировать новые смыслы.

Таким образом, Годар в своем последнем фильме концентрирует европейскую историю двадцатого века, проблематизируя понятия памяти, политической экономии и языка. При помощи выработанного методологического аппарата работы с визуальной тканью, различными модальностями съемки и разноуровневыми оптиками, Годар создает кинематографические наслоения и отношения изображений в фильме, критикующих работу средств репрезентации. Многочисленные уровни непрозрачности могут быть сняты: Годар требует от зрителя постоянно повторять акт деконструкции. В этом заключается своеобразная педагогика Годара.

“Фильм Социализм” – это манифестация не революции, а скорее ее отсутствия, поиск пределов капитализма, языка, кинематографа.

Литература

1. Барт, Р. 1997. *Camera Luicida.* Пер. с фр. М. Рыклина. М.: Ad Marginem.
2. *Борьба на два фронта*: Жан-Люк Годар и группа Дзига Вертов (1968–1972). 2010. М.: Свободное марксистское издательство.
3. Виленский, Д. 2006. "Почему Брехт?" *Газета платформы "Что делать?"*, № 11.
4. "Делать фильмы политически". *Газета "Что делать?"* спец. выпуск 04 – 28, 2010.
5. Делез, Ж. 2004. *Кино*. Пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Ad Marginem.
6. Maccabe, C. 2003. *Godard: a portrait of artist at 70*. London: Bloomsbury Publishing Plc.
7. Maccabe, C. 1980. *Godard: images, sounds, politics.* London: BFI.
8. Silverman, K.; Farcki, Harum. 1998. *Speaking about Godard*. London and New York: New York University Press.
9. To Think (Film) Politically: Art and Activism between Representation and Direct Action. Edited by J. Vesić. Zagreb: DeLVe, 2010.

Мария Степанова
(ЕГУ, Вильнюс)

ФОРМЫ БУДДИЗМА В ВИЗУАЛЬНЫХ КОДАХ И ДИСКУРСАХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРОПЫ

The article deals with Buddhism and its place in European visual codes. The aim is to see how Buddhist philosophy is accepted by Europe and its influence on European self-identification. The article shows how European culture, accepting Buddhist phenomenon, reforms it and allows to speak about the reformatted forms of traditional Buddhism in European culture today. Buddhism is one of the main constructive parts of the platform, which builds new European self-identification. Europe is looking for new spirituality, and that is why Eastern philosophy comes west. All these processes are described through the prism of art and visual culture as the most sensitively responsive parts of any culture.

В настоящее время можно говорить о буддизме как о социокультурном феномене не только применительно к Востоку, но и к странам западного мира (Западной Европы и Америки). Несмотря на то что родиной буддизма принято считать северо-восточную часть Индии (территория современного штата Бихар), сегодня в силу своей открытости и гибкости буддизм распространяется в мировых масштабах. Приход буддизма в Европу формирует определенный ландшафт сознания, что, в частности, приводит к тому, что понятие европейскости не мыслится более в традиционном логоцентрическом русле. Сегодня европейская ментальность формируется рядом мыслительных конструктов, которые традиционно не относятся к европейской культуре. Одним из таких конструктов является буддизм, о чем и пойдет речь в данной статье.

Определенные предпосылки для возникновения интереса к восточным культурам и, в частности, буддизму, в Европе появляются в

конце XIX – начале XX вв., и кризисное самоощущение Европы – одна из причин этого интереса. Поиск новой духовности можно заметить у таких европейских философов, как Артур Шопенгауэр (отрицает существование бога [7, т. I, §71], а окончательным избавлением от страданий считает «угасание» личности, что в буддизме имеет название «нирвана» [6, 199–262]), или Фридрих Ницше (ему принадлежит сакраментальное «Бог умер») [4, 21], который утверждает, что буддизм в сто раз реальнее христианства. В европейской философии XIX и XX вв. прослеживаются рассуждения о кризисе христианства, и это не единственная составляющая всей пессимистичной ситуации в Европе этого времени. Еще одна причина – противоречия между традиционными парадигмами, из которых складываются мыслительные и поведенческие каноны европейскости. Так, к примеру, берущая свои корни в античности европейская рациональность выступает за научно-технический прогресс, в то время как христианская мораль манифестирует гуманность и не может позволить европейцу конструировать, к примеру, АЭС. Все это приводит к поиску новой духовности среди других культур. Именно тогда Запад и обращается к буддизму.

Особый интерес представляют формы проявления буддизма как традиционной духовной практики в современном искусстве и визуальной культуре, а также влияние культурных и религиозных форм буддизма на современное культурное пространство Европы (вторая половина XX века). С одной стороны, актуальное искусство реагирует на современность и постепенно отходит от привычных для фигуративного искусства категорий эстетики, с другой стороны, важно обратить внимание на то, каким образом в современном западноевропейском искусстве и иных визуальных дискурсах проявляется столь традиционный способ понимания мира как буддизм. Следует отметить, что это не исключительный случай, привязанный к краткосрочному проекту или отдельному автору, а продолжительный процесс, начавшийся в конце XIX века и развивающийся в различных формах до сегодняшнего дня. Материалом для нашего анализа служат кино, реклама, изобразительное искусство и музыка второй половины XX – начала XXI вв. Таким образом, проанализировав и определив место и роль буддизма в западном обществе, а также его вклад в западную культуру, можно будет акцентировать внимание и на том, какое влияние сама западная культура оказывает на буддизм и формы его адаптации на Западе. Слово «формы» здесь употребляется умышленно, так как речь пойдёт не о традиционном буддизме, который западному мышлению представляется как феномен, непременно связан-

ный с монашеством и аскетизмом, а о формах принятия буддизма западной культурой. Итак, очень важно, с одной стороны, определить, каково влияние буддийской культуры на европейский мир и его пространство визуальной культуры, и, с другой стороны, проследить, как западная культура, адаптируя буддизм, влияет на него, тем самым не позволяя говорить о буддизме в традиционном его понимании. Визуальные коды как концептуальные составляющие современной европейской культуры занимают особое место в данном анализе.

Анализируя визуальный материал, существующий в современном европейском культурном пространстве и отсылающий к буддизму, можно выделить пять основных форм принятия Западом буддизма, которые имеют соответствующие визуальные подтверждения, в том числе и в искусстве. Все формы взаимосвязаны и исторически следуют одна за другой.

Первая представляет наименьший интерес для данного анализа, потому как не имеет ярко выраженного визуального подтверждения. Однако имеет смысл ее упомянуть, потому что это отправная точка для остальных четырех форм. Речь идет об акцентировании буддизма в качестве культурного феномена. В конце XIX века возросший интерес европейцев к буддизму приводит к многочисленным переводам буддийской литературы на европейские языки, а также началу научного изучения буддизма. Александер Чома де Кёрёши (Венгрия), автор первого тибетско-английского словаря, считается основателем европейской буддологии. Щербатской Федор Ипполитович является классиком русской буддологии. Среди других авторов примечательны также Луи де ла Валле-Пуссен, автор «Энциклопедии религии и этики»; Я.И. Шмид (20–30-е годы XIX века), член Петербургской АН, опубликовавший ряд буддологических исследований (на немецком языке), а также первую русскую грамматику тибетского языка. В 1897 г. С.Ф. Ольденбург (1863–1934 гг.) основал серию Bibliotheca Buddhica («Библиотека Буддика»), сыгравшую большую роль в истории не только российской, но и мировой буддологии [7, 134]. Целью серии была прежде всего научная публикация классических буддийских текстов, снабженных серьезным справочным аппаратом, академическими комментариями и предисловиями. Очень скоро серия приобрела широкую международную популярность.

Несколько позже появляется социальный подход к буддизму. Здесь имеется в виду, что буддизм принимается пока не в роли религиозного учения, а некоторые его философские аспекты вычленяются и интер-

претируются применительно к ситуации в Европе. Такое восприятие формируется в 60–70-е гг. XX века и продолжает проявляться и в современной Европе (в частности, в кино). В качестве примера приведем субкультуру хиппи (60–70-е гг. XX в.). Хиппи заимствовали из буддизма концепцию чистого видения окружающей реальности, изначального совершенства каждого существа, любовь и отказ от насилия (пацифизм). В книге Альберта Голдмена «Жизнь Джонна Леннона» рассказывается о том, как Битлз, представители движения хиппи, увлекались медитацией: «Джону очень понравилась Академия медитации, так как здесь он нашел то, о чем давно мечтал: возможность уединиться, ощущение безопасности, отсутствие каких-либо требований и атмосферу, которая способствовала мысленным путешествиям» [2, 150]. Основным визуальным кодом, отсылающим к буддизму в хиппи-культуре, является поза медитации (поза лотоса). Следует также упомянуть об использовании этой и подобных отсылок к буддизму и его философии в рекламе (здесь нас интересует в основном реклама, к примеру, йоги, чая или путешествий в Азию). Реклама широко использует буддийские коннотации, и это мы тоже относим к социальному подходу к буддизму. Кинематограф также использует ряд подобных отсылок; в данном случае речь идет об игровом, а не о документальном кино буддийской тематики. Документализм станет актуален тогда, когда буддизм будет приниматься как религия. Здесь же мы имеем дело с вычленением определенных буддийских кодов из буддийской философии и внедрением их в сюжет фильма. К таким фильмам можно отнести, например, «Константин» (2005), заимствующий тему перерождения; «Пепел и снег» (2003), где в сюжете появляется единство человека и пространства, его окружающего; «Жизнь после жизни» (2009), снова использующий тему перерождения; «Нирвана» (1997), где затрагивается тема состояния наивысшего счастья и используется буддийский термин «нирвана»; «Вход в пустоту» (2009), где акцент делается на важности не тела, но ума.

Почти сразу после начала активного научного изучения буддизма у европейцев появляется интерес и к его эстетической составляющей. Таким образом, можно говорить о третьей форме принятия буддизма Западом – эстетической. Наиболее очевидным свидетельством здесь являются выставки буддийского декоративно-прикладного искусства, которые получают распространение в XX веке. Среди них «Первая буддийская выставка» в Петрограде (1919); Statue exhibition in Munich by Ralph Klamert (2004–2005); «Сокровища Тибета» – путешествующая экспозиция, которая выставляется и сегодня.

Несколько позже ряд элементов буддийской символики начинает использоваться в дизайне интерьеров европейских домов, и здесь, как правило, привлекаются коды, коннотирующие с внутренним спокойствием, равновесием: статуэтки, изображающие будду, цветки лотоса и т.д.

В конце XX – начале XXI века в европейском кинематографе появляются картины, сюжеты которых завязаны на буддизме. Это в первую очередь не документальное кино, а художественное. Эстетика буддизма здесь занимает особенное место, но авторы не ставят своей целью пропаганду буддизма как религии или распространение дхармы. К таким фильмам можно отнести ленты «Маленький Будда» (реж. Бернардо Бертолуччи, 1993); «7 лет в Тибете» (реж. Жан-Жак Анно, 1997); «Кундун» (реж. Мартин Скорсезе, 1997) и др.

В это же время появляется мода на внимание к буддийскому наследию и в творчестве европейских фотографов, что связано с их многочисленными путешествиями в Тибет, Непал, Бутан. В этом ряду следует упомянуть имя Эмиля Сенара, автора трудов о буддийском искусстве, а также Роберта Бира, составившего «Энциклопедию буддийских символов и орнаментов»[1].

В контексте общества потребления актуально говорить о принятии буддизма также и с потребительской точки зрения. Имеется в виду, что и буддийские коды, и символы, и сам буддизм как метафора используются для создания брендов. Например, бренд «Buddha Bar» (впервые в мире был открыт в 1996 году в Париже, концепция и идея принадлежали Раймону Визану) используется для сети бар-ресторанов, а также для названия музыкальной группы. Музыкальная группа «Kula shaker» в оформлении своих визуальных продуктов (сайты, обложки) также использует ряд символических отсылок к буддизму. Все большую популярность приобретают этнические индийские и тибетские магазины с предметами буддийского декоративно-прикладного искусства.

Новым витком в развитии отношений между Европой и буддизмом явилось восприятие буддизма в качестве религиозной практики (70-е годы XX века); до этого момента буддизм воспринимался только в качестве культурного феномена или отдельных концептов. Теперь буддизм появляется в европейской культуре не только как заимствованный культурный феномен, как нечто чуждое, но также и как конструкт, формирующий определенную почву для разрешения кризисного самоощущения Европы конца XX века. Для нас данная форма принятия буддизма представляет особенную важность и интерес, потому что именно здесь

[1] «Энциклопедия буддийских символов и орнаментов». М, «Ориенталия», 2010.

прослеживаются наиболее очевидные проявления буддизма в искусстве. Именно тогда, когда Европа стала смотреть на буддизм как на религию и, более того, стала принимать и признавать его как религию, тогда и появляется наибольший интерес к буддийскому искусству и внедрению его в культурное пространство Европы.

Начало религиозной практики буддизма в Европе традиционно относят к 1976 году, когда Его Святейшество Гьялва Кармапа дал инструкции, которые были частично направлены на расширение распространения буддизма в мире, а также на улучшение условий жизни практикующих буддистов. К ним относятся конструкции центров, которые будут обслуживать всех членов общества, библиотеки, университеты, монашеский скит и пр. Эти инфраструктуры предназначались для сохранения и передачи учения Будды из централизованного места. Например, Линг – монастырь Самье был построен в Шотландии и является одним из крупнейших буддийских храмов в Западной Европе. В 2005 году был открыт самый большой храм в Восточной Европе – это Золотой храм в Калмыкии. Все буддийские храмы были созданы для удовлетворения потребностей растущего числа буддистов, что является явным признаком принятия Европой религии буддизма и ее ценностей и практик [10]. Открывается ряд буддийских монастырей (Испания, Франция, Швейцария, Украина, Россия), происходят инаугурации ступ[2] – архитектурных сооружений, являющихся в буддийской традиции символом Вселенной и просветленного ума, распространяются школы тханкописи[3], тибетского рисунка, буддийской иконографии.

С развитием популярности буддийской религии появляется документальное кино о буддизме, авторами которого выступают практикующие буддисты-европейцы. Среди этих лент «Оле и Хана» (А. Гурьянов, Россия, 2008); «Искусство просветления» (Г. Диккерт, Россия, 2009); «В поисках древнего Тибета» (М. Пшиемска, Ф. Еттер, Т. Шмидт, Польша – Австралия, Германия, 2010); «Путешествие, наполненное глубоким смыслом» (Россия, 2010); «Буддизм в современном мире» (Франк Хун, Германия, 2010).

Так Запад принял не только эстетическую или философскую стороны буддийской культуры, но и религиозную. Это произошло в итоге длительного процесса, который можно отобразить в следующей последовательности: конец XIX века – возникает научный интерес к буддизму,

---

2 от санскр. – вершина, верхушка

3 Тханка – религиозные изображения, нарисованные минеральными красками на тонком холсте (в свитках); от санскр. – рисунок на ткани.

однако это еще не имеет подтверждений в искусстве; середина XX века – появляются визуальные коннотации буддизма в различных видах искусства; конец XX века – буддизм принимается как религия, что приводит к перечисленным выше событиям и проявлениям в западном искусстве.

Искусство, как наиболее ярко и чутко реагирующая на окружающую действительность область культуры, отражает приход буддизма на Запад. Ряд упомянутых нами явлений в культуре и искусстве подтверждают адаптацию и принятие буддизма в Европе. Приход и принятие частью общества традиционной религии и ее ценностей, вероятно, повлекут за собой изменения в западном образе жизни и способе осознания мира и уже сейчас влияют на нашу самоидентификацию. Таким образом, буддизм, по моему мнению, можно считать конструктом, формирующим культурное пространство Европы в настоящее время.

Литература

1. Бир, Р. 2011. *Энциклопедия тибетских символов и орнаментов*. М.: Ориенталия, Самадхи.
2. Голдман, А. 2004. *Жизнь Джона Леннона*. М.: Молодая гвардия.
3. Намкай, Норбу Ринпоче. 2001. *Дзогчен – состояние самосовершенства.* СПб.: Шанг-Шунг.
4. Нидал, О. 2009. *“Каким все является”*. М.: Алмазный путь, 19–22.
5. Ницше, Ф. 1990. *“Антихрист. Проклятие христианству”. Сочинения в 2-х томах,* т. 2. М.: Мысль, 21.
6. Ницше, Ф. 2006. *“По ту сторону добра и зла”*. Спб.: Азбука-классика, 20.
7. Торчинов, Е.А. “Введение в буддологию”. Курс лекций [он-лайн] [просмотрено 20 апреля 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.anthropology.ru/ru/texts/torchin/buddhism.html*
8. Щербатской, Ф.И. 1988. “Концепция буддийской нирваны”. *Избранные труды по буддизму*. М.: Наука, 199–262.
9. Шопенгауэр, А. 1992. *Мир как воля и представление. Собр. соч. в пяти томах,* т. I. М.: Московский Клуб.
10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://ningma.org.ua/*

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Ольга Сурова
(ЕГУ, Вильнюс)

ПАМЯТЬ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ НА ПРИМЕРЕ КОНФЛИКТОВ ПАМЯТИ В ЛИТВЕ И РОССИИ: ПОЧЕМУ НЕВОЗМОЖЕН ДИАЛОГ?

The goal of the article is to evaluate the possibility of dialogue between Lithuanian and Russian remembrance policies. Today political context has a great influence on national memory work about Soviet repressions in both countries. It leads to the development of remembrance policies in a monologic way. Monologic remembrance policy, which is mainly selective in what we should remember about the past, serves the purpose of additional support for the projects of official state identity. Moreover, in both states clashes of memories are identified and described, and they can also be regarded as essential obstacles for dialogue.

В наше время существует достаточно много дискуссий, посвященных распаду СССР, особенно в тех государствах, которые более двадцати лет назад являлись его составляющими. Сегодня отношение к советскому прошлому и интерпретация советского наследия в бывших союзных-республиках не просто отличаются, но в некоторых случаях являются прямо противоположными, даже взаимоисключающими. Согласно немецкому ученому С. Требсту, страны восточноевропейского региона, некогда принадлежавшие к коммунистическому лагерю, сегодня можно условно разделить на несколько групп в зависимости о того, какая культура памяти о коммунистическом прошлом является доминирующей в том или ином государстве [11]. В Литве, как и в других прибалтийских государствах, для общества характерен консенсус относительно мнения, что коммунистический режим был навязан извне, являлся «чуждым», в том числе и этнически. Россия же возглавляет группу государств, где «новая» элита вышла из «старой», переняв у нее ряд авторитарных под-

ходов к управлению, свойственных коммунистическим практикам господства. Между «старыми» и «новыми» элитами существует если не тождество, то согласие.

На первый взгляд, у современных Российской Федерации и Литовской Республики не так много общего. Каждая из стран придерживается определенного вектора в своем экономическом и политическом развитии, преследует различные геополитические цели. Однако до сегодняшнего дня нельзя утверждать, что хотя бы в одном из этих государств память о советском прошлом приняла форму до конца осмысленной национальной травмой и работу памяти в этом смысле можно назвать завершенной. Используя терминологию немецкого историка и антрополога А. Ассман, можно предположить, что память о советских репрессиях в современном литовском и российском государствах является монологичной. Монологичная память (die monologische Erinnerung) направлена исключительно на поддержание существующего проекта государственной идентичности, а потому является избирательной в том, что следует помнить. По мнению исследовательницы, мы сможем говорить о том, что работа с памятью завершена лишь после того, как коллективные памяти о травмирующем прошлом будут трансформированы в диалог. Под диалогом памятей (die dialogische Erinnerung) подразумевается политика памяти, выраженная в совместной практике осмысления общего насильственного прошлого двумя и более нациями. Каждая из наций признает свою роль в травмирующем прошлом другой нации и пытается интегрировать этот факт в собственную память [16]. Почему же, несмотря на общее трагическое прошлое, построение диалога памятей между Россией и Литвой относительно советского прошлого не представляется сегодня возможным?

Прежде всего стоит отметить, что память о советских репрессиях в обоих государствах невозможно рассматривать вне политического контекста. В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века и Литва, и Россия после распада Советского Союза столкнулись не только с рядом политических и экономических проблем, но и с необходимостью конструирования новой идентичности, отличной от советской. Трудности заключались в том, что для обоих государств травмой общенационального масштаба являлась память о советских репрессиях, которая подвергалась забвению на протяжении почти всего периода существования СССР. Именно поэтому в первые годы после провозглашения суверенитета в обеих странах начинается достаточно активная, по сравнению с предыдущими десятилетиями, полемика о трагическом прошлом, ко-

торая инициируется и поддерживается на официальном уровне. В этот период наблюдается становление первых «неформальных» организаций, деятельность которых напрямую связана с работой памяти о репрессиях и их стремлением сделать эту работу общенациональной. «Мемориал»[1] и ЦИГСЖЛ[2] сотрудничают с государственной властью в создании и сохранении «мест памяти» [3] советских репрессий и в выработке нормативно-правовой оценки режима. Однако уже в середине 90-х годов «работа памяти» начинает использоваться для поддержания проектов государственной идентичности в российском и литовском обществах.

Россиянам был предложен проект государственной идентичности, формирующим ядром которого стал патриотизм, являющийся сильным эмоциональным компонентом идентичности. Идеи сильного государства, возглавляемого сильным лидером, идеи державности и сильных позиций Российской Федерации на международной арене окончательно оформились в первый срок президентства В. Путина. Именно в начале 2000-х гг. истоки державности в российском государстве принялись искать в истории, параллельно ее пересматривая и по-новому интерпретируя. Победа в Великой Отечественной войне и подвиг советского солдата в общемировой борьбе против фашизма играли и до сегодняшнего дня играют решающую роль в воспитании патриотических чувств россиян. Празднования «Великой Победы» с каждым годом проводятся со все большим размахом. Подчеркивается ключевая роль Советского Союза и советских людей в победе над фашизмом, демонстрируются исключительно положительные аспекты этой победы. Таким образом государство не только демонстрирует свое отношение к событиям 1941–1945 годов, но и расставляет акценты на том, что именно следует помнить.

В контексте такой политики памяти на авансцену российской реальности выводится фигура И.В. Сталина как мудрого и сильного вождя, сумевшего обеспечить эту победу. С этого момента начинается конфликт

---

1 «Мемориал» – международное историко-просветительское благотворительное и правозащитное общество (Россия).

2 ЦИГСЖЛ – Центр исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы (Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras).

3 Согласно П. Нора, «местами памяти» могут быть не только музеи, коллекции, памятники, кладбища, монументы, протоколы, но и праздники, годовщины, языковые средства, такие символы, как герб, флаг, жест, знак и т.д. Общество уже не отражается в них полностью, динамика жизни ушла из них и они в большинстве своем уже не способны претендовать на воплощение в самих себе общественного единодушия, активной убежденности и страстного участия. Тем не менее в них все еще пульсирует почти безвозвратно утерянный символизм, который поддерживает связь времен.

памятей о сталинской эпохе и фигуре самого Сталина. С одной стороны, конструируется память о сталинской эпохе как периоде жестокого террора, преступного режима. С другой, то время представляется эпохой великих побед и свершений, которые стали возможны благодаря сильной руке вождя и порядку, установленному им. Победа в войне, наращивание экономического и военного потенциала позволили Советскому Союзу стать одной из двух мировых держав наравне с Соединенными Штатами. Образ главного достижения – победы в Великой Отечественной войне – занимает ключевое место в той памяти. Сегодня память о войне подменена памятью о победе, места в которой памяти о терроре нет [12]. Таким образом, постепенно сложилась ситуация, когда широкая полемика о советских репрессиях, ассоциирующихся в России прежде всего со сталинским террором 30–50-х годов, практически исчезла. Это произошло вследствие того что всякая возможность представления альтернативной конструкции памяти о тех событиях пресекается. Любой проект памяти, отличающийся от официального и претендующий на господство в обществе, лишен возможности широкой репрезентации.

В Литве проекты как государственной, так и гражданской идентичности также апеллировали и апеллируют к патриотизму. Особое внимание уделяется проявлениям патриотических настроений в период советской оккупации. После восстановления независимости Литвы в официальном политическом дискурсе началось конструирование нового образа врага. Как правило, главный враг сегодняшнему благополучию и причина прошлых проблем литовцев воплощаются в тяжелом наследии политических, судебных и карательных практик со стороны государственных органов Советского Союза.

Если в России политика памяти о советском прошлом призвана способствовать популяризации в обществе представления о России как о «Великой Державе», то в Литве главная задача политики памяти о советских репрессиях – поддерживать образ нации как пострадавшей от внешнего зла. Именно поэтому победа в Великой Отечественной войне не играет особой роли в процессе создания и поддержания проекта государственной идентичности литовцев. При принятии трактовки советского периода как оккупационного литовцы не причисляют себя к советскому народу, который, согласно российской риторике, одержал победу над немецко-фашистскими захватчиками. Акцент с победы (фактически с итогов войны) смещается на пакт Молотова-Риббентропа (действия довоенного периода), согласно которому Балтийский регион был поделен между Советским Союзом и Германией. В рамках государственного

проекта памяти о советских репрессиях это позволяет еще раз указать на статус литовского народа как жертвы и непричастности литовцев ни к одному из режимов.

Однако не только политический контекст препятствует диалогу памятей о советских репрессиях между Литовской Республикой и Российской Федерацией. Внутри каждого из государств существуют свои собственные конфликты памятей, без разрешения которых выстроить диалог памятей не представляется возможным.

Исходя из оценки проекта официальной российской идентичности, о котором мы упоминали выше, становится очевидным, что два образа сталинской эпохи вступили между собой в конфликт и краеугольным камнем в этом конфликте выступает память о Великой Отечественной войне. Память о Победе, о цене этой победы не может быть антисталинской, поэтому совместить ее с памятью о сталинском терроре практически невозможно. Один из этих образов прошлого должен подвергнуться или серьезным коррективам, или отступить на второй план. Так и произошло с памятью о 30–50-х годах прошлого века: она была оттеснена в массовом сознании на периферию.

Сегодня очевидна неоднозначность и двусмысленность действий власти относительно памяти о сталинских репрессиях. В публичном дискурсе посредством СМИ государственная власть осуждает репрессии. Тем не менее полноценная нормативно-правовая оценка сталинского режима в России так и не была выработана. В конце 80-х – начале 90-х годов XX века началась работа над законодательной оценкой преступлений сталинского режима. В качестве первых результатов этого процесса 18 октября 1991 года был принят Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». Как оказалось позже, на этом формальная правовая оценка репрессий со стороны государства и завершилась. Формулировки закона создают неясности и требуют уточнений: согласно закону, реабилитированными признаются и те, кто был расстрелян в начале 30-х годов, и те, кто приводил приговоры в исполнение в 30-х и сам подвергся расстрелу в конце 40-х годов [10].

Судить о том, что государство препятствует процессу выработки формальной правовой оценки репрессий можно и по изданию в 1993 году (в 1997 г. внесены изменения) закона, в котором говорится, что все имена лиц, сотрудничавших с государственными органами безопасности на негласной основе, являются государственной тайной. Доступ к такого рода документам практически отсутствует. Их рассекречиванием занимается Государственная комиссия по защите государственной

тайны. Показательным является тот факт, что данная комиссия за 2007-й год не рассекретила ни одного документа [5]. Этим самым государство не только не способствует процессу реабилитации пострадавших, но и укрывает потенциальных обвиняемых. Есть память о жертвах, но не о преступлении.

Неоднозначность трактовки фигуры И. Сталина прослеживается в учебниках по истории для старших классов средних образовательных учреждений. С одной стороны, можно назвать достижением уже тот факт, что тема сталинизма в принципе присутствует в учебниках. Однако то место, которое в контексте сталинского режима отводиться террору, вызывает сомнения в нейтральности или стремлению к объективности при трактовке этого периода. Террор показывается как «…исторически детерминированный и безальтернативный инструмент решения государственных задач» [9]. И несмотря на то, что сочувствие к жертвам сталинской политики не исключается, такая трактовка режима просто не допускает возникновения вопроса о преступном характере террора и субъекте этого преступления. Так, например, в учебнике А. Левандовского большие потери Великой Отечественной войны показываются как одно из последствий репрессий [6, 227].

Также стоит отметить, что сегодня российское государство стремится к установлению контроля над процессом воссоздания и восстановления мест памяти о сталинских репрессиях. Официально утвержденные «места памяти» о сталинском терроре можно пересчитать по пальцам. Среди них – принятый в 1991 году Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий». В том же году Верховный Совет РФ официально провозгласил 30 октября Днем памяти жертв политических репрессий. 30 октября 1990 года на Лубянской площади в Москве напротив здания КГБ, благодаря действиям сотрудников «Мемориала», был установлен Соловецкий камень, привезенный с Соловецких островов – памятник всем жертвам политического террора в СССР[4]. На этом государственное содействие созданию, сохранению и восстановлению мест памяти закончилось и не возобновлялось в общегосударственных масштабах вот уже 18 лет.

Если речь идет о конфликте памятей в Литве, то подразумевается феномен «двойного геноцида». Анализируя современную политику памяти в Литве, В. Валентанавичюс концепцию «двойного геноцида» предлагает заменить термином «двойная память», т.е. ситуацией, когда одно-

[4] На Соловецких островах в 1920–1930-х гг. был размещён один из первых советских политических лагерей.

временно с наличием памяти мы можем говорить об ее отсутствии [21]. При детальном изучении вопроса, связанного с политикой памяти о советском и нацистском режимах, становится понятным, что наряду с изобличением виновных и непрекращающейся работой трагической памяти о советских репрессиях, в Литве имеет место забвение Холокоста. Эта память является «некомфортной» для литовского общества, а причины этого «неудобства» следует искать в событиях 40-х годов.

Согласно различным источникам, до Второй Мировой войны в Литве проживало около 240 тысяч еврейского населения. После 1945 года оно сократилось на 90–95%. Если о масштабах уничтожения литовских евреев в официальном политическом дискурсе и вспоминают, то об отношении к этому литовских коллаборационистов, часто являвшихся инициаторами погромов еврейских кварталов и принимавших участие в нацистских казнях обитателей гетто, стремятся забыть.

Подавление исторической памяти о Холокосте происходит, в том числе, и на государственном уровне с применением административных мер. Так, например, пострадавшим от рук нацистов и литовских коллаборационистов евреям и их потомкам не возвращается отобранная во время Второй Мировой войны собственность и не предоставляются компенсации, в то время как для пострадавших от советских репрессий такие меры предусмотрены. Также на государственном уровне даже не рассматривается возможность поиска и наказания виновных за преступления против литовских евреев. Официальная позиция государства по этому вопросу – «оставим историю для историков».

Помимо отсутствия поддержки со стороны государственной власти, на наш взгляд, проблема забвения Холокоста заключается еще и в том, что на сегодняшний день память о массовом уничтожении литовских евреев становится заботой самих евреев. В 1994 году правительство Литвы приняло на себя ответственность за преследование убийц евреев и обязалось делать это последовательно и публично, а в 1995 году состоялся исторический визит А. Бразаускаса в Израиль, где президент от имени всех литовцев принес извинения за участие части своих соотечественников в Холокосте. Но на этом стремления государственной власти сделать память о Холокосте частью национальной истории заканчиваются. Круг «значимых» для литовской национальной памяти фактов геноцида намеренно сужен до геноцида со стороны советского и нацистского оккупационных режимов. В качестве критерия отбора рассматривается виновник геноцида – советская власть или нацисты. В то же время «…понятие геноцид оказывается монополизированным антикоммунисти-

ческой линией памяти, полностью вытесняя антинацистскую на периферию публичной репрезентации» [19]. Это означает, что, даже отождествляя советский и нацистский режимы, в Литве особое значение придается работе памяти о советском прошлом, в то время как память о преступлениях нацистов во время Второй Мировой войны является второстепенной по значимости с точки зрения официальной политики памяти. В результате опоры на концепцию «двойного геноцида», как отмечает Фридлэнд, получается, что оценка массовых убийств и других репрессий в Литве происходит с точки зрения этнической принадлежности [19]. С такой позиции советский политический режим действительно становится более трагическим, ведь от него пострадало гораздо больше именно этнически литовских семей. Что же касается памяти о Холокосте, то эту память фактически некому поддерживать, т.к. численность евреев после войны едва составляла 5% от довоенной, а на сегодняшний день еще больше сократилась.

Среди возможных мотивов забвения Холокоста и изображения советских репрессий более массовыми и жестокими могут быть геополитические интересы. Оценивая ущерб и подсчитывая количество жертв советских репрессий, Литва таким образом показывает западному сообществу, насколько сильно она пострадала от советского геноцида и одновременно с этим сообщает о нежелании России как правопреемнице СССР выплачивать требуемые Литвой компенсации. Последнее может негативным образом сказываться на репутации Российской Федерации. Кроме того, современный проект государственной литовской идентичности рассматривает литовский народ как жертву двух режимов. Признание на государственном уровне причастности и участия литовцев в нацистских карательных операциях против литовских евреев уже привычный и разделяемый большей частью общества статус жертвы ставит под угрозу. Соответственно, исчезает один из нациостроительных факторов, а вместе с тем образ литовского народа как нации с безупречной репутацией.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что диалог памятей между литовским и российским обществом сегодня невозможен ни на уровне государств, ни на уровне обществ. На уровне государств официальная политика памяти о советских репрессиях ставит своей целью не работу памяти о трагическом прошлом в общенациональном масштабе, а поддержание проекта официальной государственной идентичности. Более того, российское государство создает препятствия для репрезентации всякого альтернативного проекта памяти в широком

общественном дискурсе. Монополия государства на трансляцию своего проекта памяти продолжает усиливаться. Вероятно, в России существует тенденция вытеснения памяти о сталинских репрессиях из социальной повседневности, сегодняшней реальности в область прошлого; из категорий анализа истории с целью поиска каузальности в категории исторических абстракций. В Литве официальная политика памяти призвана поддерживать образ литовского народа исключительно как жертвы советского и нацистского оккупационных режимов.

Несмотря на это, в Литве и России существует относительный консенсус в обществах относительно транслируемой официальной политики памяти, нельзя утверждать, что работа памяти окончена, а общенациональная травма больше таковой не является. Диалог памятей, который позволил бы нациям завершить начавшийся в начале 90-х процесс социализации общего горя, сегодня не может быть сконструирован. А это означает, что и далее мы будем наблюдать своеобразную «борьбу» различных проектов памяти за право стать ведущими в России или в Литве, что чревато как политическими, так и социальными конфликтами не только в рамках одного государства, но и на всем постсоветском пространстве.

Литература

1. Березин, К., Саар, А. "Операция Котбус или очищение Прибалтики от евреев". Израильский портал «Союз» [онлайн]. [Просмотрено 17 апреля 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.souz.co.il/israel/categories.html?cat=77.*
2. Данилов, А., Косулин, Л., Брандт, М. 2007. *История России XX – начало XXI века. Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений*. М.: Просвещение.
3. Данилов, А., Филиппов, А., Уткин, А. 2009. *История России. 1900–1945 гг. 11 класс. Учебник.* М.: Просвещение.
4. Дробижева, Т. "Российская идентичность в массовом сознании". Хорошие тексты. Валерий Тишков [онлайн]. [Просмотрено 28 апреля 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc.*
5. "Круглый стол «Как завершить историю СССР»". Информационно-политический интернет-канал Полит.ру [онлайн]. 24.04.2008 [просмотрено 15 апреля 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.polit.ru/analytics/2008/04/24/istpamat.html.*
6. Левандовский, А., Мироненко, С., Щетинов, Ю. 2010. *История России, XX – начало XXI века: Учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений.* М.: Просвещение.

7. Нарочницкая, Н. 2009. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* М.: Вече.
8. Нора, П. 2005 "Проблематика мест памяти". Энциклопедия культур Дежа Вю [онлайн], [просмотрено 10 апреля 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html.*
9. Рогинский, А. 2008. "Чем Сталин жив?". Континент [онлайн]. № 138 [просмотрено 14 мая 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://magazines.russ.ru/continent/2008/138/ro12.html.*
10. Рогинский, А. "Память о сталинизме". Информационно-политический канал «Полит.ру» [онлайн]. 11.12.2008 [просмотрено 8 апреля 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.polit.ru/institutes/2008/12/11/memory.html.*
11. Требст, С. 2004. "«Какой такой ковер?» культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы". Попытка общего описания и категоризации / Ab imperio. The Network of Empire and Nationalism Studies [онлайн]. № 4 [просмотрено 12 апреля 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=portal/toc/42004r&idlang=2.*
12. Ферретти, М. 2005 "Непримиримая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему". Неприкосновенный запас [онлайн], № 2–3 (40–41) [просмотрено 14 апреля 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/fere8.html.*
13. Хальбвакс, М. 2007. *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство.
14. Шор-Чудновская, А. 2009. "Понять постсоветского человека". Неприкосновенный запас [онлайн]. № 6 (68) [просмотрено 15 апреля 2011]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://magazines.russ.ru/nz/2009/6/an16.html.*
15. Assmann, A. "Auf dem Weg zu einer europäischen Gedächtniskultur". In Paul Watzlawick Ehrenrin [online]. [Cited 2011-04-28]. Available from Internet: *http://www.watzlawickehrenring.at/loadfile.php?f=5808.*
16. Assmann, A. 2010. "Europe's Divided Memory". In Clashes in European Memory. Innsbruck: Studienverlag, 270–281.
17. Blaive, M., Gerbel, C., Lindenberger, T. 2010. *Clashes in European Memory*. Innsbruck: Studienverlag.
18. Budryte, D. "Integration or Exclusion?" Historical Memory and State Building in the Baltic States. In 3rd EUstory Conference [online]. [Cited 2011-04-14]. Available from Internet: *http://www.eustory.de/root/img/pool/bilder_fuer_conferences/pdf/Bydryte_paper.pdf.*
19. Freedland, J. "I see why 'double genocide' is a term Lithuanians want. But it appalls me". In Guardian [online]. 14.09.2010 [cited 2011-04-14]. Available from Internet: *http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2010/sep/14/double-genocide-lithuania-holocaust-communism.*
20. Tolz, V. "Forging the Nation: National Identity and Nation Building in Post-Communist Russia". In Europe-Asia Studies [online]. 1998, Sep., Vol. 50, N 6 [cited 2010-04-28]. P. 993–1022. Available from Internet: *http://www.jstor.org/stable/154053.*

21. Valentanavičius, V. “The Double Memory: the Memory and the Absence of It”. In Doppelgedächtnis: Debatten für Europa [online]. [Cited 2011-04-27]. Available from Internet: *http://www.kultur-in-europa.de/resources/Rede_Valentinavicius.pdf.*

Maryna Shcherbyna
(Kyiv Taras Shevchenko National University)

LANGUAGE POLICY IN LATVIA AND IN THE UKRAINE: ONE HERITAGE – DIFFERENT APPROACHES

В статье анализируются различные подходы в постсоветских странах к языковой политике, обусловленные своеобразием их предшествующего историческог развития. Особое внимание уделяется тому, как языковая политика разделяет общества по политическим границам: лингвистическое однозначно стантовится политическим.

It is quite interesting to observe the language situation and its development in Eastern Europe but even more so in the former Soviet Union countries, where language questions were almost neglected because of the more important role of other political issues. A gradual uprising of social activity all around the Soviet Union resulted in local legislations in the late 1980s. Local languages will be trying to find their place and status among other languages giving a start to national controversies and disputes that will either unite or divide societies. However, each country provides a unique example. The language question in this region is one of the most discussed and politicized issues and is very hard to solve. So that is why a deeper examination of the topic will help to find answers taking as an example the comparison of Latvian and Ukrainian experience in this field.

Latvia. Language policy in Latvia is divided into two parts: the first period from 1922 to 1989 and the second from 1991 up to 2002. In 1922, art.4 of the Constitution of Latvia declared the Latvian language the official language of the Republic of Latvia [16]. In 1989, the Latvian Supreme Council adopted the "Law on Languages in the Republic of Latvia". The Law stated that all state institutions were to use the state language in their communication with the public as well as in their daily work. In 1992, the Latvian Supreme Council passed

amendments to the law of 1989; it allowed applications to public officials to be made in English, German, and Russian [11,144]; in relation to minority groups, it stated that they were entitled to use their languages:

"…The status of the Official State language…doesn't affect constitutional rights of the residents of the other nationalities to use their native languages…" [5, 18]

Debates had continued throughout the period regarding the Language legislation and finally on 9 December1999 Saeima adopted the new "State language Law". It states that one of the purposes was to ensure integration of national minorities into society; at the same time their right to use their mother tongues was protected [10, art.1:4]. It states that all languages apart from Latvian and the Liv language, were to be regarded "as a foreign language" [10, art.5]. The law also mentioned the Latgalian written language "…as a historically established variety of the Latvian language" [10, art.3] but at the same time Art. 2:3 considers that the Law "…shall not regulate the use of language in the unofficial communication of the residents of Latvia, internal communication of the national groups…". So the new State Language Law is much more "demanding" than the former one according to Art. 5 [5, 18].

The year 1992 was the year of the creation of the center of the Official Language as well service of the inspection of the Official Language and also the Commission of the certification of the Official Language. The mandate of the center of the Official Language was the following:

– To apply the Law on the Language

– To create the rules concerning the use of the Official language, also in public life

– To organize certification of the knowledge of the Latvian Language

– To organize the work of protecting the Latvian language

– To promote the Latvian Language in the world [6, 93]

Also in January 2002, the Latvian President established the "Commission of the Official Language" to oversee the development of the Latvian language legislation over a period of the three years.

Protests. The summer of 2000 was full of language based events. There were several controversies, such as the call of the Saeima fraction "For human rights in a United Latvia" for non-violent resistance to the new Law on August 22 including the boycott of enterprises that did not serve customers in Russian [5, 19]. These protests were characterized by the Latvian cabinet of Ministers as "irresponsible". The entire problem consisted in the law adopted in December 1999. The demonstrations continued in September with open support from the Russian community and from organizations such as the Union of Ukrainians.

At the same time there were voices within the "Equal Rights Movements" who argued that it was the wrong way to move on and accepted the fact that the Latvian language was the only state language. The main points of concern focused on the new proficiency levels and language inspections. They criticized the fact that Latvian officials, by adoption of the amendments, underlined the exclusive use of the Latvian language and neglected other languages. References were made to the fact that the Livonian language was recognized as a minority and historic language, but Russian was not. Protesters also criticized the Latvinization of names that in the view of the public is a "private" sphere. They demanded that Latvia ratify the Framework Convention for the protection of National Minorities, which was signed in May 1995. [5, 20]

Decisions. The language question was acute, and it is interesting that remarks the HCNM[1] refers to European norms and other objections to the Latvian legislation are based on these norms, such as the Copenhagen Document of 1990: "…The participating States ensure that persons belonging to national minorities, not withstanding the need to learn official language, have adequate opportunities for instruction in their mother tongue as well as for its use before public authorities…" [4, art.34].

Another point of HCNM criticism was the "use of Latvian names" and use of Latvian in the public and private sector. Identification of names was not implemented and the regulations run that names should be recorded "according to the Latvian language grammar and spelling rules" [5, 25]. The regulations allow for personal names in historical or original form, but only in Latin letters. The HCNM has played an important role in facilitating the negotiations between Latvia and the EU. The EU issued a statement on 5 September 2000 in which there were references to the work done by the OSCE[2]-HCNM in the area of language legislation. In the regular progress report (Nov.2000), the EU underlined the need for further work in the field of Latvian language training and the shortage of language teachers [5, 25].

Conclusions. The issue of language will continue to be a feature in Latvian politics, particularly in the areas of education and general politics. The problem is not so much legislation itself, but rather the lack of communication between various authorities and also between individual non-Latvian speakers.

1 *High commissioner on National Minorities* – the post of the OSCE High Commissioner on National Minorities was established in 1992 to identify and seek early resolution of ethnic tensions that might endanger peace, stability or friendly relations between OSCE participating States.

2 *The Organization for Security and Co-operation in Europe* – is the world's largest regional security organization whose 56 participating States from all over the world.

And the last but not least is the private sector. Communication between various ethnic groups has been an issue for some time and needs further attention.

Ukraine. Legal basis for realization of the state language policy in Ukraine is the Constitution, the Law of Ukraine "About languages in the Ukrainian Soviet Socialist Republic", decisions of the Constitutional Court of 14 December, 1999 concerning application of state language by public authorities, local governments and its use in the educational process. The question of development and application of the Ukrainian language had been discussed at parliamentary hearings: "About functioning of the Ukrainian language in Ukraine" which have taken place in March, 2003. The Supreme Rada of Ukraine has approved the decision "About Recommendations of parliamentary hearings", "About functioning of the Ukrainian language in Ukraine", and the Cabinet of Ministers has given the corresponding directive to interested central enforcement authorities, organizations and establishments. The government confirms the program of development and functioning of the Ukrainian language for 2004–2010. Along with the project of Law "About development and application of languages in Ukraine" [15] they formed the legal basis, which defined the tactics and strategy of realization of language policy.

At the initiative of the National board concerning culture and spirituality the concept of the state language policy was confirmed and later approved by the President of Ukraine – a system of basic standard manuals, which are based on complex estimations of the language situation in Ukraine and by which public authorities and local governments should be guided in the practical activities regulating public relations in the language area [1, part I].

The concept should be realized on the basis of the Constitution of Ukraine (– *CU*), which establishes: "Ukrainian is the State language in Ukraine. The state provides all-around development and functioning of Ukrainian language in all spheres of public life on the entire territory of Ukraine" [1, part I]. In the system of state priorities language policy takes priority as a strategic task, next to warranting of language rights, the statement of public consent and political stability, maintenance of unity of the state and strengthening of the Ukrainian statehood. Priority of the state language policy of Ukraine is the statement and development of the Ukrainian language – the defining factor and main sign of identity of the Ukrainian nation, which historically lives on the territory of Ukraine.

The Ukrainian language as a state language has the legal status of obligatory means of dialogue in public spheres in the country and realization of public representation functions at international meetings. The status of the Ukrainian language as a unique state language cannot be changed differently

than in a special order by art. 156 of the CU, that is by acceptance by no less than two thirds of the constitutional structure of the Supreme Rada of the corresponding law which should be confirmed by the referendum appointed by the President of Ukraine. According to Art.10:5 and Art.92:4 of the CU the order of application of languages in Ukraine is defined exclusively by laws of Ukraine. Hence, the status of language cannot be regulated by local authorities/governments [2, art.5].

The National broadcasting company of Ukraine, according to a license given by the National council of Ukraine on television and broadcast questions, is obliged to conduct 85% of broadcasting in Ukrainian. In reality this index is closer to 87–91% [12].

Minorities' question. State financial support was provided for for ethnic and cultural needs with the aim of development and maintenance of the cultural heritage of national minorities, their traditions, customs and ceremonies of the State Committee of national religions. Complex measures were worked out to realize public policy in the field of international relations and development of cultures of national minorities for the period up to 2010, approved by the Cabinet of Ministers on 22 March, 2007. The measures are supported by the State Committee of national religions of Ukraine (*liquidated by Decree 1085/2010*) within the limits of funds available within the framework of "Measures in relation to the recreation of culture of national minorities and sponsorship of newspapers by the languages of national minorities", on realization of which the state budget of 2006 allocated a sum of 2,5 mln hrn, in 2007 – 2,6 mln hrn [13]. The practical support of language needss of national minorities by the State Committee of national religions of Ukraine is carried out within the limits of the budgetary program "Measures on realization of the European charter of regional languages or languages of minorities".

Conclusions. As early as 1991 the Ukraine dealt with the problem of citizenship. Everybody who was already living in the Ukraine, automatically and unreservedly got Ukrainian citizenship, if wanted (so-called «zero variant») without language examination. Thus, Ukraine tried to avoid the emergence of people without citizenship. Ukraine could be an example for other former Soviet republics as she is characterized by language tolerance in private communication: it is possible to ask a question on the street, to get an answer in another language and in most cases nobody will feel offended. The asymmetric Ukrainian-Russian bilingualism, typical for many regions of Ukraine does not result in discrimination of the corresponding minority. Conflicts are mostly provoked by politicians, especially the day before or during electoral campaigns. Praiseworthy are also the attempts of the Ukrainian State to form

a legislative basis but not to leave this question at the discretion of administrative agencies. Ukraine supports educational and cultural establishments in many non-state languages out of the state budget. Finally, the aspiration of Ukraine to adhere to international legal obligations and inculcate corresponding acts and mechanisms, despite still noticeable inheritance of Soviet times, is worthy of respect.

Literature

1. Concept of the State language policy, 2010.
2. Constitution of Ukraine, 1996.
3. Deksnis, Eduards Bruno. Baltic accession to the European Union: Challenge and opportunity // The Baltic States at Historical Crossroads. Riga, 2001. P. 83–113.
4. Document of the Copenhagen meeting of the conference on the human dimension of the CSCE, 1990.
5. Hansson, Ulf. The Latvian Language Legislation and the Involvement of the OSCE-HCNM: The Developments 2000–2002 // The Global Review of Ethnopolitics, Vol. 2 no. 1. September 2002. P. 17–28.
6. Hirsa, Dzintra. Les politiques linguistiques des Pays baltes // Quebec: Office de la langue française. Juillet 1998. P. 91–103.
7. Lepp, Hans. Cultural Diversity in the Baltic Sea Region // The Baltic Sea – a Multi-Cultural Meeting Place. P. 17–21.
8. Penikis, Janis. Research on Baltic Politics: The Renewal of Baltic Independence and Western Scholarship // The Baltic States at Historical Crossroads. Riga, 2001. P. 571–578.
9. Poggeschi, Giovanni. Language policy in Latvia // Noves Sl. Revista de Sociolinguistica, Autumn, 2004. P. 1–10.
10. The State Language Law. Riga, 21 December, 1999.
11. Tsilevich, Boris. Development of the Language Legislation in the Baltic States // Minelres, Latvia International Journal on Multicultural Societies (IJMS) Vol. 3, No. 2, 2001. P. 173–154.
12. http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/popup_article?art_id=7810443
13. http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/popup_article?art_id=951133
14. http://www.president.gov.ua/en/
15. http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=1546-2003-%EF
16. http://www.humanrights.lv/doc/latlik/satver~1.htm

ТУРИЗМ В XXI в.: ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА, НАСЛЕДИЕ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Кацярына Чарняўская
(БДУ, Мінск)

ЭКСКУРСІЙНАЯ СПРАВА БЕЛАРУСІ: СУЧАСНЫ СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ РАЗВІЦЦЯ

The article gives a brief summary of the stages of the tourist business in Belarus, examines its scope at the present stage and gives a forecast for its development. The author stresses the real problems not only of excursion service, but tourism industry on the whole, proves the need to introduce new approaches and forms in the excursion business, highlights original examples of successful Belorusian projects. It can be argued that Belorusian excursion business is not sticky: it is developing adopting another countries' practices. New guided tours are being developed; new methods of excursion with active involvement of tourists (animated programmes) are being implemented. This is undoubtedly a positive tendency. But we should never stop at what has been accomplished!

Экскурсавод – своеасаблівы праваднік. Калі замежнік прыязджае ў краіну, яго ўражанні і ўяўленні пра гісторыю, традыцыі, культурную спадчыну мясцовасці будуць фарміравацца непасрэдна пры сутыкненні з суправаджаючым. З якімі ўражаннямі госць адбудзе на сваю гістарычную радзіму – шмат у чым залежыць ад працы гіда.

Гісторыя беларускага экскурсазнаўства не такая ўжо і кароткая, як адзначаюць некаторыя тэарэтыкі гэтай галіны. Адлік трэба весці яшчэ з XIX ст. з нататак П. Шпілеўскага, які адзначаў, што ў шматлікіх беларускіх гарадах прамышляюць так званыя “жыды-фактары”, якія за пэўную плату стануць суправаджаючымі на ўвесь тэрмін знаходжання ў мясцовасці і распавядуць пра гісторыю, сучаснасць і нават будучыню абранай дэстынацыі. “Жид-фактор в западной России для проезжего то же, что для столичного жителя газета или для археолога архив редкостей. Он расскажет вам про все достопримечательности..., передаст вам все,

что хотите о своем городе и, вдобавок, возьмется исполнить все ваши поручения, как бы они ни были трудны, и действительно исполнит. Но не думайте, чтоб это обошлось вам дорого: ничуть! За полтинник фактор будет бегать целый день" [6, 91]. Кажучы сучаснай мовай, гэта быў "жыдгід". Фактычна, гэта і былі першыя экскурсаводы, дзейнасць якіх была зафіксавана і аплочана па факту спадаром Шпілеўскім.

Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі з'явіліся нават цэнтры турысцкай справы – клубы фабрык і заводаў, а з канца 1920-х гг. пачынаецца масавы турысцкі рух, з'явіліся нават адмысловыя выданні, прысвечаныя турызму: "Экскурсія на завод" (1931), "Турысты – за вывучэнне Грамадзянскай вайны" (1932) і інш. [5, 39]. Наогул у савецкія часы экскурсійная справа Беларусі ператварылася ў яшчэ адзін вельмі добры сродак прапаганды, дзе экскурсавод быў лектарам і інфармацыю прадстаўляў у такім аб'ёме, што ў наведвальнікаў нават і пытанняў узнікнуць не магло.

А што ж мы маем на сёняшні дзень у галіне экскурсійнай справы? Ёсць у нас свае асаблівасці, і абумоўлены яны наступнымі фактарамі:

1) недастаткова актыўнае ўключэнне ў працэс фарміравання экскурсійных маршрутаў элементаў мясцовай культуры, уключаючы рамёствы, нацыянальную кухню, народную творчасць і звычаі, якія выклікаюць цікавасць не толькі ў мясцовых жыхароў, але і ў замежнікаў;

2) турысцкая індустрыя не развіваецца на неабходным узроўні: адсутнічаюць указальнікі, рэкламныя шыльды, неабходная паліграфічная прадукцыя на замежных мовах;

3) большасць гатэляў не адпавядае сучасным запатрабаванням і стандартам;

4) якасць абслугоўвання ў большасці аб'ектаў харчавання не адпавядае аніякім стандартам і больш нагадвае рэаліці-шоу "Back in USSR". У месцах масавага адпачынку функцыянуе вельмі малая колькасць прадпрыемстваў харчавання;

5) не паўсюль арганізаваны прыём міжнародных банкаўскіх картак. У некаторых месцах аб іх існаванні нават не падазраюць;

6) пры стварэнні новых экскурсійных маршрутаў тэматыка экскурсіі выбіраецца, хутчэй за ўсё, зыходзячы з наяўнасці экскурсійных аб'ектаў, з-за гэтага можа адбывацца дубліраванне інфармацыі ў экскурсіях рознай тэматыкі. Таму неабходна ўлічваць асаблівасці развіцця кожнага рэгіёна;

7) санітарныя прыпынкі, тут сітуацыя наогул жудасная: большасць з іх знаходзіцца ў такім стане, што не толькі прыпыняцца, але і праязджаць каля іх не вельмі прыемна.

На вялікі жаль, "дзякуючы" такім фактарам затармožваецца развіццё не толькі экскурсійнай справы, але і наогул сферы турыстычнай.

Што паказваць? ... Часам чуюцца гутаркі кшталту: "А што ў нас можна паглядзець? Ну, Мір, Нясвіж, Полацк, Гродна, Брэсцкая крэпасць-герой ды Хатынь". А між тым гісторыка-культурная спадчына Беларусі прадстаўлена айчыннымі помнікамі матэрыяльнай і духоўнай культуры розных відаў, агульнай колькасцю 15 тысяч [1, 74–76]. У галіне экскурсійнай справы выкарыстоўваецца толькі 20% ад гэтай лічбы [3]. Больш шырокае выкарыстанне культурна-гістарычных аб'ектаў замаруджваецца тым, што шматлікім з іх патрэбна сур'ёзная рэстаўрацыя, адсутнічаюць пад'язныя шляхі і добраўпарадкаванае наваколле. Акрамя таго, значна замаруджвае выкарыстанне помнікаў іх колькасная канцэнтрацыя па тэрыторыі краіны. Сярэдняя шчыльнасць экскурсійных аб'ектаў складае 8,5 аб'ектаў на 1 тыс. км^2.

Канешне, яшчэ вельмі вялікае пытанне, у якім стане зараз знаходзіцца наша спадчына і ці ёсць гэта добра "паказваць руіны". Але ў любым выпадку пляцоўка, на якой можна стварыць новыя экскурсіі рознай тэматыкі, у нас вельмі вялікая.

Як стаць экскурсаводам? ... На сённяшні дзень каб атрымаць пасведчанне экскурсавода, дастаткова прайсці адпаведныя курсы. Навучанне доўжыцца 5 месяцаў, затым іспыт, які складаецца з выпрабавання тэарэтычных ведаў будучага спецыяліста (праз тэст) і практычнай часткі, дзе адбываецца абарона экскурсій (лепей браць ужо створаную, бо сваю ўласную не заўжды прапускаюць). Пры ўмове добрай абароны выпускнік курсаў атрымоўвае пасведчанне дзяржаўнага ўзору. У Мінску такія курсы можна прайсці ў наступных месцах: Нацыянальнае агенцтва па турызму, ЧУП "Мінсктурыст" і ДУА "Інстытут бесперапыннай адукацыі" БДУ. Наогул здаваць гэты іспыт не нашмат цяжэй, чым шматлікія ў нашых ВНУ, іншая справа мець ахвоту да гэтай справы, а таксама мець здольнасць да трох "навукаў": аратарскага майстэрства, акцёрскай справы ды асноў псіхалогіі.

Як прыцягнуць увагу? Узгадаем карціну не так даўно мінуўшых дзён: экскурсавод-лектар, які жадае распавесці курс гісторыі Беларусі цалкам, пры гэтым не ўлічваючы тэматыку экскурсіі. Становіцца відавочным, што праз 30 хвілін не вытрымліваюць самыя стойкія. А калі працягласць экскурсіі 10 гадзін? Прабачце, але лепей ужо наняць "жыдафактара" і пачуць тое, што адпавядае ўласным інтарэсам.

Сучасны экскурсант не мае ахвоты быць слухачом завочнага аддзялення, а ён згодзен быць у большай ступені гледачом, прычым гледачом

актыўным. Экскурсія павінна даваць наведвальніку не толькі інфармацыю, але і пакідаць эмацыйны адбітак. У цікавасцях экскурсавода, каб эмоцыі былі выключна станоўчыя. Тут на дапамогу прыходзяць адносна новыя напрамкі ў экскурсійнай справе, у прыватнасці – анімацыйныя экскурсіі.

Тэрмін "анімацыя" даволі новы для беларускага турызму. У краінах Заходняй Еўропы і Амерыкі з'ява турысцкай анімацыі ўзнікла ў 70-х гадах XX стагоддзя. Новы падыход быў выкліканы шэрагам фактараў, сярод якіх варта ўзгадаць пошук новых формаў абслугоўвання, новыя, больш патрабавальныя запыты турыстаў. У выніку пачалі ўтварацца якасна новыя тэхналогіі ў абслугоўванні, адной з якіх стала экскурсійная анімацыя.

Пад экскурсійнай анімацыяй трэба разумець комплекс мерапрыемстваў па распрацоўцы, арганізацыі і правядзенні разнастайных праграм падчас экскурсіі.

Вылучым наступныя функцыі экскурсійнай анімацыі:

1) інфармацыйна-адукацыйная (накіравана на атрыманне новых ведаў, эфектыўнасць засваення якіх павялічваецца за кошт выкарыстання прынцыпа навочнасці);

2) аднаўленчая (аднаўленне жыццёвых сілаў чалавека шляхам стварэння такіх умоў, каб выклікаць пазітыўныя эмоцыі і магчымасці псіхалагічнай рэлаксацыі);

3) інтэрактыўная (магчымасць актыўнага ўдзелу ў анімацыйнай праграме) [4, 367].

Добра наладжаная анімацыя стварае эфект пагружанасці ў іншую эпоху, а комплекснае мадэляванне гістарычнай прасторы (архітэктура, касцюмы, гукі, ежа і інш.) спрыяе абвастрэнню ўспрыняцця гістарычнай рэчаіснасці.

Наогул анімацыя падчас экскурсіі, прытым з актыўным удзелам наведвальнікаў, – гэта другі і якасна лепшы ўзровень прадстаўлення матэрыяла. Пасля звычайнай класічнай экскурсіі ў памяці застаецца каля 10–20% атрыманага матэрыяла, пасля анімацыйнай – 60–80%.

Акрамя гэтага, павелічэнне часу знаходжання на аб'екце за кошт анімацыі дае магчымасць атрымання дадатковых прыбыткаў, якія ў сваю чаргу можна пусціць на выпраўленне хібаў, пералічаных вышэй. Выкарыстанне анімацыі робіць турыстычны прадукт канкурэнтаздольным.

Звернемся да цікавых інтэрпрэтацый анімаццыйных экскурсій у нашых бліжэйшых суседзяў.

У Расіі даволі цікавым варыянтам анімацыйнай экскурсіі з’яўляецца начны праменад па кроках рамана “Майстар і Маргарыта”. У экскурсію па Маскве арганічна ўводзіцца сустрэча з дзеючымі асобамі нашумелага рамана М. Булгакава, робяцца цікавыя імпрэзы з непасрэдным удзелам экскурсантаў.

Літоўскі анімацыйны праект “Дзень высылкі. Жывы прыклад гісторыі” вельмі цікавы ў сваёй задуме, але быў зроблены настолькі рэалістычна, што нават выклікаў грамадскі пратэст. Падчас экскурсіі турыстаў “хапаюць” гіды ў форме НКУС, затым на савецкім ЗіСе прывозяць у імправізаваны лагер, дзе “зняволеныя” апранаюць шэрыя робы з нумарамі і адпраўляюцца “адпачываць на нары”. У кошт экскурсіі закладзена баланда з хлебам. Шматлікія літоўцы былі незадаволены такой магчымасцю адпачынка і патрабавалі забараніць такія “глупствы”.

Польская анімацыйная праграма для дзяцей “Уладальнікі Сярэднявечча” (Фромборк – Гданьск – Сопот – Мальбрак – Мікалайкі) была створана напрыканцы 1990-х гадоў і да гэтай пары карыстаецца вельмі вялікім попытам не толькі ў палякаў, але і ў прадстаўнікоў суседніх краін. Падчас экскурсіі маладыя турысты дасканала знаёмяцца з культурай рыцарства, атрымоўваюць веды пра сярэднявечны лад жыцця, прымаюць актыўны ўдзел у шматлікіх конкурсах, імпрэзах, гульнях.

Што тычыцца тэрыторыі Беларусі, то гісторыя экскурсійнай анімацыі ў нашай краіне налічвае толькі некалькі год. Першаадкрывальнікамі гэтай справы на нашых землях былі энтузіясты з Ліды: клуб ваенна-гістарычнай рэканструкцыі “Дайнова” і турфірма “Святовит” пры падтрымцы гісторыка-мастацкага музея ў 2006 годзе стварылі першую анімацыйную праграму ў мурах Лідскага замка. Арыгінальны праект “Старадаўніх муроў адраджэнне” складаўся з агляднай экскурсіі па замку, тэатралізаванай дзеі “Вяселле Ягайлы”, рыцарскіх баёў і фаершоу. Праграма карысталася вялікім попытам у турыстаў, у сувязі з чым у 2008 годзе адбылася прэм’ера другога дзейства “Княжы суд” [4, 368]. Гэта быў пачатак. Прайшло пяць год і на сённяшні дзень арганізыцыяй і правядзеннем экскурсій-анімацый займаюцца 4 кампаніі: 3 сталічныя (“Віаполь”, “Гісторыя-Тур”, фонд “Краіна замкаў”) і ўжо ўзгаданы першаадкрывальнік лідскі “Святовит” .

На дадзены момант спецыфіка экскурсійнай анімацыі Беларусі заключаецца ў сціплай арганізацыі праграм, што ў першую чаргу абумоўлена фінансавымі магчымасцямі пастаўшчыкоў анімацыйных паслуг. Распаўсюджаная форма экскурсійнай анімацыі – гэта тэатралі-

заваная дзея, якая суправаджае наведванне архітэктурных помнікаў. Найбольш папулярнымі помнікамі з'яўляюцца замкі перыяду Вялікага Княства Літоўскага (Лідскі, Наваградскі, Мірскі, Нясвіжскі, Гальшанскі, Крэўскі), а таксама некаторыя сядзібы.

Анімацыйныя праграмы складаюцца з наступных кампанентаў:

• паслугі экскурсавода, апранутага ў касцюм адпаведнай эпохі;

• імпрэзы на абраную тэматыку (рыцарскія баі, танцы, спевы, акрабатычныя нумары і г.д.);

• частаванне стравамі нацыянальнй кухні;

• гульні (конкурсы, спаборніцтвы і г.д.);

• майстар-класы (па танцам, стральбе з лука і г.д.).

Для арганізацыі анімацыйнага суправаджэння экскурсій беларускія турфірмы актыўна супрацоўнічаюць з клубамі ваенна-гістарычнай рэканструкцыі, фальклёрнымі калектывамі ды інш.

Далей звернемся да вельмі яскравага і "сакавітага" прыкладу анімацыйнай экскурсіі "Шляхам кантрабандыстаў", створанай турыстычнай кампаніяй "Гісторыя-Тур". Абраўшы дадзеную экскурсію, турысты маюць магчымасць апынуцца ў Заходняй Беларусі 1930-х гадоў. У час, калі частка нашых тэрыторый уваходзіла ў склад Польшчы, жыхары памежных тэрыторый актыўнаараблялі на жыццё кантрабандай. Неафіцыйнай сталіцай кантрабандыстаў лічылася мястэчка Ракаў – гэта і ёсць першы прыпынак экскурсійнага аўтобуса. Гаспадар прыватнага музея, мастак і краязнаўца Фелікс Янушкевіч распавядае аб складанасцях жыцця Ракава ў 1930-х гадах. Экскурсанты даведаюцца, дзе праходзіла дзяржаўная мяжа, убачаць тыя самыя кантрабандныя рэчы. Затым, выязджаючы на Гродзенскую шашу, пачынаецца цэлая імпрэза з пераходам праз мяжу, вышукваннем кантрабандыстаў, падменай пашпартоў і г.д. Экскурсанты прымаюць самы непасрэдны ўдзел у дадзенай дзеі, праходзяць праз шэраг фармальнасцяў на мяжы перад тым, як завітаць у шынок, дзе адбудзецца адмысловае святкаванне. Там жа турысты будуць мець магчымасць навучыцца танчыць "па-старому" пад акардэон, прыняць удзел у фотаздымцы, апрануўшы ўніформу 1930-х гг.

Таксама хацелася б падкрэсліць тую акалічнасць, што прафесійных аніматараў у нас не рыхтуюць і на сённяшні дзень анімацыйныя праекты праводзяць экскурсаводы-энтузіясты, аніматары па прызванні.

Далейшае станоўчае развіццё экскурсійнай справы Беларусі залежыць ад шэрагу фактараў, сярод якіх удасканаленне інфраструктуры, падрыхтоўка прафесійных аніматараў, захаванне і рэстаўрацыя аб'ектаў гісторыка-культурнай спадчыны і інш. Неабходна адзначыць,

што адзін той факт, што ў беларускай экскурсійнай справе з'яўляюцца новыя тэхналогіі абслугоўвання, у прыватнасці экскурсійная анімацыя, з'яўляецца добрым крокам наперад. Пры належнай арганізацыі арыгінальныя анімацыйныя экскурсіі будуць здольныя канкурыраваць з турамі выхаднога дня, прапанаванымі ўкраінскімі, літоўскімі і польскімі фірмамі.

Літаратура

1. Мартыненко, И.Э. 2005. *Правовая охрана историко-культурного наследия: учебное пособие.* Гродно: ГрГУ.
2. Несцярчук, Л.М. 2003. *Ахова гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі: Асноўныя этапы фарміравання, сучасны стан і перспектывы.* Мінск: БелТА.
3. Савіна, Н.У. 2010. "Эфектыўнасць выкарыстання помнікаў гісторыка-культурнай садчыны ў экскурсіях рознай тэматыкі". Веснік БДЭУ. Мінск, № 2
4. Пациенко, С.А. 2009. *Экскурсионная анимация. Опыт и современные технологии в развитии оздоровительной физической культуры, спортивных игр и туризма.* Минск.
5. Савина, Н.В., Горбылева, З.М. 2004. *Экскурсоведение: учебное пособие.* Минск: БГЭУ.
6. Шпилевский, П.М. 1992. *Путешествие по Полесью и белорусскому краю.* Минск.

Татьяна Каминская
(Брестский госуниверситет)

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА

The article looks into ways to develop cultural tourism in Belarus.

В современном мире туризм является одной из крупнейших высокодоходных и наиболее динамичных отраслей экономики. «Доходы от туризма в общем объеме экспорта товаров и услуг занимают второе место в мире после экспорта нефти и нефтепродуктов. На долю туризма приходится 10% мирового валового национального продукта, 11% международных инвестиций» [1, 3]. Поэтому на протяжении многих лет туризм рассматривается как отрасль, стимулирующая местную экономику, повышающая благосостояние и влияющая на качество и уровень жизни населения.

Составной частью любого путешествия является знакомство с территорией временного пребывания, осмотр памятников истории и культуры, природных достопримечательностей. Познавательные элементы обязательно присутствуют при совершении любых туристских путешествий. В настоящее время в Европе с ее богатой историей и культурой традиционно развивается культурно-познавательный туризм. Согласно оценкам Всемирной туристской организации культурно-познавательный туризм охватывает 40% мирового потока туристов, жизненный уровень которых выше среднего и которые постоянно ищут новые направления для путешествий. Эксперты Европейского союза подсчитали, что доля культурно-познавательного туризма в странах Европы в 2001 году составляла 30%, а в 2008 уже 45–50%.

Культурно-познавательный туризм не является новым, но он всегда был и остается актуальным, востребованным в Республике Беларусь видом туристской деятельности. Этому поспособствовали: экономико-географическое положение Беларуси – расположение в центре Европы, на пересечении трансевропейских транспортно-коммуникационных коридоров «Запад – Восток» и «Север – Юг»; исключительно богатый природный и историко-культурный потенциал; сложившиеся туристские традиции.

Культурно-познавательный туризм – это посещение объектов культурного наследия с познавательными и образовательными целями.

Для развития каждого из видов туризма необходимы определенные ресурсы – объекты туристической деятельности. Объектами культурно-познавательного туризма являются материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники, историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности государств и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию [2, 219].

Беларусь – страна с древней, богатой и сложной историей, самобытной культурой. Страна обладает значительным культурно-историческим потенциалом, на ее территории учтено свыше 17,5 тысяч памятников истории и культуры, из числа которых 4662 объекта наследия (2008) включены в Государственный реестр историко-культурных ценностей Республики Беларусь: 1584 – архитектурные памятники и сооружения, имеющие историческую значимость; 1160 – исторические памятники; 59 – памятники искусства; 1859 – археологические памятники [4, 73].

В общей структуре объектов культурного наследия Беларуси наиболее широко представлены объекты археологии (39,2%) и архитектуры (34,1%), объекты истории составляют около 25%, искусства – около 3%. Высокий удельный вес памятников архитектуры отмечается в Минске (84%) и Брестской области (44%), относительно низкий – в Гомельской области (19%). Более высокая доля памятников истории характерна для Гомельской и Брестской областей (32–34%), археологии – для Гродненской, Могилевской и Гомельской областей (48–49%), что отражает региональные особенности историко-культурного развития. На территории Беларуси имеется более 40 населенных пунктов, сохранивших историческую планировочную структуру, градостроительные объекты и природное окружение, которые имеют историко-культурную ценность. В их числе 9 городов (Минск, Гродно, Брест, Витебск, Заславль, Кобрин, Пинск, Полоцк, Мозырь), включенных в Государственный реестр историко-культурных ценностей [3, 25].

Данные свидетельствуют о неравномерности распределения объектов культурного наследия по территории Беларуси. Это определяет актуальность исследования особенностей территориальной организации культурно-познавательного туризма на территории страны, результаты которых могут стать объективной основой для определения направлений совершенствования туристской сферы в данной области. Результаты исследований будут важны для профессиональной среды – работников туристского сервиса и учреждений культуры, предпринимателей. Но особенно важными результаты исследований могли бы стать в деле разработки эффективной политики в сфере туризма и туристского обслуживания со стороны структур власти разного уровня, внимание и влияние которых на рынок туристских услуг, систему их организации должно быть не меньшим, чем на другие социально-экономические сферы.

Литература

1. Бабкин, А.В. 2008. *Специальные виды туризма*. Ростов-на-Дону: Феникс.
2. Кононенко, Б.И. 2003. *Большой толковый словарь по культурологии.* Москва: ООО «Изд-во АСТ».
3. Пирожник, И.И. 2008. *Туристические регионы Беларуси. Под ред. И.И. Пирожника*. Минск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі.
4. Туризм и туристские ресурсы в Республике Беларусь. 2008. Статистический сборник. Минск.

Дарья Трус
(ЕГУ, Вильнюс)

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ТУРИСТСКОЙ ДЕСТИНАЦИИ (на примере города Гродно)

The article considers tourist destination image – a key factor in the travel decision process. Grodno is one of the most attractive cities in Belarus that could become one of its tourism centers. However, the conception of destination image making is new and insufficiently explored in the majority of Eastern Europe countries, including Belarus. The paper consists of three parts. In the first part theoretical aspects of tourist destination image making are considered. The second and the third parts are practical and aim at describing the local context of the issue. What potential does Grodno have as a tourist destination? What are the peculiarities of representation of Grodno as a tourist center? Do local residents, Belarusian tourists and foreign guests have the same perception of Grodno? How do experts appraise the situation concerning tourism in Grodno?

В последнее время все большую актуальность в различных сферах, в том числе и в туризме, приобретают такие понятия, как имидж и бренд. В условиях глобализации в области туризма наблюдается высокая конкуренция между дестинациями, поэтому в контексте рассмотрения туристских центров в качестве набора продуктов и услуг имиджмэйкинг и брендинг могут стать той движущей силой, которая способна катализировать развитие дестинации и активизировать всю туристскую систему в целом. Более того, влияние процессов имиджмэйкинга и брендинга является еще более значительным, когда дело касается дестинаций, находящихся на территории стран, имеющих негативный имидж на международном туристском рынке. Город Гродно расположен на территории страны, которой предстоит преодолеть немало трудностей для того,

чтобы стать государством, способным не только привлекать туристов, но и конкурировать с другими, уже созданными, дестинациями.

Теоретические аспекты формирования имиджа туристской дестинации

Если говорить о понятии «туристская дестинация», то оно может быть определено как любая территория, по направлению к которой перемещаются туристы с намерением ее посещения и которая способна удовлетворять их потребности.

По мере того как туризм становится все более популярным в мире, появляются новые возможности для маркетинга дестинаций. Однако как один из результатов все большего числа доступных для туристов стран и регионов, отмечается все меньшая индивидуальность отдельных территорий и возрастание конкуренции между вновь создаваемыми туристскими центрами. Относительное подобие туристского продукта хорошо известно, поэтому дестинации, предлагающие аналогичные услуги по одинаковым ценам, действительно могут легко заменять друг друга. В связи с этим появляется необходимость создания собственного имиджа: уникальной характеристики, с помощью которой дестинация может дифференцировать себя, отличаться чем-то особенным от конкурентов [2, 87]. Как правило, имидж формируется как эмоционально окрашенный образ той или иной дестинации, сложившийся в массовом сознании туристов. При этом необходимо подчеркнуть, что на имидж могут влиять внешние факторы (например, стереотипы, мнение известных личностей), поэтому не следует рассматривать это понятие только как специально созданный образ [5, 157].

Важными внешними составляющими имиджа являются мнение о дестинации иностранных политиков, журналистов, специалистов в области туризма и просто туристов, независимая информация в зарубежных средствах массовой информации, а также различного рода стереотипы. Сегодня государство перестало быть единственным источником информации, идущей за рубеж. В любом государстве есть лидеры мнений, которые влияют на образ Беларуси. Определенное мнение о стране складывается также у туристов, посетивших данную дестинацию. Влиять на это мнение и, соответственно, на поток информации о дестинации государство может повышая качество национального туристского продукта (например, улучшая туристскую инфраструктуру, уровень обслуживания, ограничивая въездные барьеры).

Неотъемлемыми внутренними элементами имиджа дестинации являются характеристики национального туристского продукта, мнение резидентов о своей стране, а также весь комплекс маркетинговых коммуникаций. Внутренние элементы в большей степени, чем внешние, зависят от туристской политики дестинации, при помощи которой можно достичь оптимального сочетания экономической (привлечение валюты, производство и распределение доходов) и социальной (создание новых рабочих мест, улучшение качества жизни) пользы от развития туризма, а также обеспечить сохранение и возрождение природного и культурного достояния дестинации [6, 70].

Следует также отметить, что имидж туристской дестинации неразрывно связан с общим имиджем территории, включающим социально-экономический, деловой, политический, правовой, инвестиционный и другие аспекты. Кроме того, на имидж дестинации существенно влияют внешние воздействия, в том числе стихийные бедствия, терроризм, социально-экономические потрясения, достижения региона в различных областях (спорте, науке, искусстве, экономике), непредсказуемые события и происшествия (падение метеорита, природные открытия и т.п.), а также коммуникационная стратегия дестинации на целевых рынках, мотивации и предпочтения потенциальных туристов целевых рынков [3, 42].

Таким образом, проведение эффективной государственной политики в области туризма, повышение качества и доступности туристского продукта дестинации (включая улучшение инфраструктуры, уровня сервиса, внедрение новых технологий и снижение въездных барьеров), повышение удовлетворенности населения уровнем и условиями жизни, а также проведение эффективных маркетинговых коммуникаций приводит к повышению осведомленности потребителей о дестинации и созданию сильных и уникальных ассоциаций с ней, что, в свою очередь, делает возможным формирование яркого и прочного имиджа дестинации.

Туристский потенциал и особенности репрезентации города Гродно как туристской дестинации

Основу туристской сферы любого региона составляет туристский потенциал территории – понятие, отражающее прежде всего природные, историко-культурные и инфраструктурные ресурсы региона, а также возможности использования данных ресурсов в целях туризма и отдыха.

Важнейшую часть туристского потенциала города Гродно составляют его историко-культурные ресурсы, к которым относятся объекты архитектуры, градостроительства, истории, археологии, искусства, парковых комплексов, музейных коллекций и книжных собраний. Самой многочисленной группой объектов культурного наследия Гродно (более 2/3 от общего числа) являются памятники архитектуры, наиболее древние из которых относятся к середине XII века (Борисоглебская церковь, руины Верхней и Нижней церквей), а наиболее поздние – к XX веку (здание военной казармы, Свято-Покровский кафедральный собор). Следует подчеркнуть и тот факт, что историко-культурное наследие Гродно охватывает значительное количество ценностей. Согласно классификации ценностей наследия, которую предлагает С.А. Стурейко, к ним относятся ценность аутентичности, эстетическая, историческая, историко-художественная, символическая ценности, а также ценности источника памяти и ландшафтной доминанты [4, 85]. Каждый памятник в Гродно в большей или меньшей степени обладает вышеперечисленными ценностями, что определяет их значимость. Данный факт служит свидетельством высокой конкурентоспособности объектов историко-культурного наследия Гродно.

Природные ресурсы города Гродно не столь разнообразны, как историко-культурные. Их основу составляют лесные массивы, парки и зеленые территории. Так, на территории города расположены парк имени Ж.Э. Жилибера, Коложский парк, лесопарки Пышки и Румлево. Кроме того, на территории города протекает крупная река Неман, представляющая собой ценный водный ресурс.

Что касается инфраструктурных ресурсов, которыми обладает город, то здесь стоит отметить слабую степень развитости предприятий обслуживания туристов, учреждений питания, сектора развлечений, средств размещения, центров туристской информации, информационных бюро и т.д. Кроме того, наблюдается проблема низкого уровня сервиса и несоответствия высоких цен за услуги весьма низкому качеству обслуживания. Таким образом, очевиден тот факт, что инфраструктура центра требует достаточно больших трансформаций.

Если говорить о туристской репрезентации Гродно, которая в данном контексте понимается как теоретическая конструкция социального явления, в которой отражаются объективные характеристики и проявляются социальные стереотипы восприятия [1, 121], то тут также наблюдается ряд проблем, связанных с обеспечением не только физического, но и психологического комфорта туристов – ведь люди эмоционально вос-

принимают и оценивают среду, в которой они находятся. На территории туристских комплексов и зон должна создаваться праздничная, эмоционально насыщенная атмосфера. Должно быть предусмотрено сохранение и подчеркивание индивидуальности облика, создание художественного образа каждого туристского комплекса, зоны, трассы. Если облик туристских территорий формируется застройкой, ландшафтом, то их художественный образ «рождается» из впечатлений, которые остаются у людей. Дома и улицы сами по себе не дают ощущения места. Должны быть знаки – узнаваемые элементы, ассоциирующиеся с данным местом и отличающие его от других.

Использованный с целью комплексной оценки Гродно в качестве туристской дестинации метод SWOT-анализа позволил оценить внутренние сильные и слабые стороны организации туризма в городе, а также возможности и угрозы внешней среды. В результате было выявлено, что организация туризма в городе может быть весьма успешной, так как город обладает довольно большим количеством сильных сторон (разнообразие памятников различного вида и эпох, их историчность и историко-культурную ценность; расположение города на стыке границ Беларуси, Литвы и Польши, недалеко от популярного Августовского канала; положительный имидж Гродно в Беларуси), которые могут благоприятно воздействовать на развитие туризма. Однако не стоит забывать о том, что в туристской сфере города существует ряд проблем, главные из которых состоят в отсутствии четкой туристской стратегии; неразвитости интерпретационных технологий; необходимости оформления белорусских виз для посещения города иностранцами; невысоком уровне сервиса в кафе, ресторанах, гостиницах, их небольшом количестве и высоких ценах в них; недостаточном количестве и низком качестве рекламно-информационной продукции, а также в уничтожении историко-культурного наследия в связи с планом реконструкции города. Кроме этого, основные угрозы развитию туризма в Гродно связаны с политической и экономической ситуацией в стране. Тем не менее, политика государства по развитию сферы туризма и проведение продуманной рекламной кампании могут стать ключевыми направлениями, позволяющими повысить уровень развития туризма в городе.

Анализ восприятия имиджа города Гродно

Неотъемлемой частью имиджа любой туристской дестинации являются мнения отдельных потребителей, их впечатления, связанные с личным опытом, а также мнения горожан о своем городе. Помимо этого важными внешними составляющими имиджа являются мнения о туристском центре журналистов, историков, специалистов в области туризма и других авторитетных личностей. В ходе проведенного анализа восприятия имиджа Гродно как туристской дестинации туристами из Беларуси и из-за рубежа, а также местными жителями и экспертами, подтвердились следующие гипотезы: Гродно является перспективной туристской дестинацией, которая привлекает туристов своим историко-культурным наследием; положительными сторонами города являются его географическое положение, количество и уровень сохранности объектов историко-культурного наследия; основными аспектами, которые отрицательно влияют на развитие Гродно как туристской дестинации, являются недостаточный уровень развития инфраструктуры, количество и качество предлагаемых услуг, высокие цены на них, низкий уровень развития центров туристской информации, а также процесс интерпретации наследия и необходимость оформления виз для иностранных гостей. Негативное влияние оказывают и общий политический имидж страны, а также туристская политика государства. Тем не менее, в силу своего географического положения, исторического прошлого и наличия историко-культурных ресурсов, наиболее перспективными для развития в городе являются экскурсионно-познавательный, ностальгический и приграничный виды туризма.

Заключение

Базируясь на рассмотренных сведениях, можно дать соответствующие рекомендации и рассмотреть перспективы развития туризма в городе Гродно. В частности, если говорить о перспективах развития туризма, то они до сих пор остаются неопределенными и зависят от политико-экономической ситуации в стране (об этом также говорят эксперты в своих интервью). Исходя из информации, полученной в результате проведенного анкетирования, можно заметить, что уже сегодня перспективы очень расплывчатые, поскольку люди не воспринимают Гродно как туристский центр, а, скорее, относятся к нему как к обычному белорусскому городу. Из-за отсутствия выработанной стратегии

по развитию имиджа города его потенциал, ресурсы, образы по-разному воспринимаются и интерпретируются «изнутри» и «снаружи» разными поколениями и слоями населения. Если говорить о предложениях, то главным является разработка определенной стратегии по развитию туризма, налаживание работы туристской сферы с трансформациями в инфраструктуре. Кроме того, проведенное исследование указало на актуальность и широкую проблематику затронутой темы, достаточно перспективной для дальнейшего изучения.

Литература

1. Курсите – Пакуле, Я. 2008. "Репрезентация Эстонии в латышских путеводителях XIX – XXI веков". Путеводитель как семиотический объект: *Сборник статей кафедры русской литературы Тартуского университета, под ред. Киселевой Л.* Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus. 113–129.
2. Морган, Н., Причард, А. 2004. *Реклама в туризме и отдыхе: учеб. пособие для студентов*. Пер. с англ. под ред. Б.Л. Еремина. М.: ЮНИТИ-ДАНА.
3. Себекина, Т.А. 2006. *Формирование комплекса продвижения туристских услуг дестинации (на примере Камчатки)*: Автореф. дис. канд. экон. наук: 08.00.05. М.
4. Стурейко, С. 2010. *Антология архитектурного наследия: взгляд на Беларусь*. Минск: Юнипак.
5. Avraham, E., Ketter, E. 2008. *Media strategies for marketing places in crisis.* Oxford: Butterworth-Heinemann.
6. Moilanen, T., Rainisto, S. 2009. *How to Brand Nations, Cities and Destinations: A Planning Book for Place Branding.* London: Palgrave Macmillan.
7. Urry, J. 1990. *The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Societies*. London, Sage.

Андрей Безрученок
(БГУ, Минск)

АВИАТРАНСПОРТ И ТУРИЗМ XXI-го ВЕКА: ПОЯВЯТСЯ ЛИ В БЕЛАРУСИ БЮДЖЕТНЫЕ АВИАКОМПАНИИ?

Air transport is a fundamental component of socio-economic activity, providing the vital link between the financial generating areas and destinations of business and tourist flows. Special attention is paid to the region of Eastern Europe in the context of the deregulation law and the transformation of the air transport market. The situation in Belarus is considered; scenarios of market development are analyzed. Based on the calculations (the gravity model of interaction between cities is used), the prospects for airlines' market development are outlined. The main aim of this research is to find an answer whether it would be possible to observe the appearance of an original low-cost airline on the Belarusian market. The conclusion is that under current socio-economical conditions this is hardly ever possible.

В настоящее время в связи с процессами глобализации повсеместно наглядно проявляются тенденции к либерализации рынка авиаперевозок. Рано или поздно с возникновением вопроса о том, как эффективно осуществлять либерализацию международного воздушного транспорта, а не о том, целесообразно ли это делать вообще, государства постепенно приступают к процессу пересмотра своей политики в сфере регулирования международного воздушного транспорта, определения пути и темпов необходимых изменений.

В Беларуси, где государство до сих пор обладает монополией на осуществление транспортно-экспедиторской деятельности, такого феномена, как либерализация транспортного законодательства (и последующего появления бюджетных авиакомпаний), не было, и авиационные

тарифы на перевозки пассажиров на всех видах сообщения до сих пор подлежат государственному регулированию. В этом и заключается основной недостаток одной из немногих стран в регионе, куда не приходят бюджетные авиаперевозчики, основным условием присутствия которых является (пусть и относительная) либерализация авиатранспортной системы.

Для анализа моделей возможных сценариев возможной пространственной организации авиаперевозок было проведено исследование, целью которого являлось моделирование территориальной модели организации пассажирских авиаперевозок для Беларуси в контексте региона на примере авиакомпаний Ryanair (Ирландия) и Белавиа (Беларусь). Критерием для выбора Ryanair послужил тот факт, что эта авиакомпания является единственной в Европе, чья сеть авиаперевозок постоянно и динамично расширяется. Ryanair является лидером среди европейских авиакомпаний по количеству перевезенных пассажиров (свыше 70 млн в 2010 году), по пунктуальности (вовремя осуществляется 93% всех рейсов) и по предложениям низких цен (средняя цена билета в 2009 году составляла 32 евро). Пространственная сеть авиаперевозчика охватывает 26 стран (все, кроме Марокко, расположены в Европе), 151 аэропорт и представлена 950-ю маршрутами. Флот Ryanair (202 ВС Boeing 737-800, со средним возрастом в 2,8 лет) осуществляет 1300 самолетовылетов ежедневно [4].

Авиакомпания (РУП) «Белавиа», чья сеть взята для анализа территориальной организации авиаперевозок, является национальным авиаперевозчиком Республики Беларусь и монополистом на рынке авиасообщения страны. Осуществляя полеты в «28 аэропортов 17 стран мира», в 2009 году «Белавиа» перевезла всего 734,6 тыс. пассажиров [5].

Источником данных для исследования являлась информация, размещенная на вебсайтах авиакомпаний (по маршрутам, ценам и интенсивности перевозок) и на авиационных порталах (характеристики аэропортов и аэронавигационное расстояние между ними). Дополнительной методологической базой для рассчетов исследования явились базовая гравитационная модель $I = k*((P1*P2)/d12)$ (используется для анализа интенсивности связей (или так называемого «притяжения») между городами с населением $P1$ и $P2$ на расстоянии $d12$ в самой сети) [1, 67].

Рассмотрено 2 сценария построения сети пространственной организации авиаперевозок для Республики Беларусь. В основе первого (либерального) лежат особенности развития системы по примеру транспортной сети Ryanair в ЦВЕ: в условиях открытого неба, либерализации

транспортного (а также визового – как дополнительной немаловажной опции для Беларуси) законодательства, прихода иностранных инвестиций, территориальной экспансии услуг как на запад, так и на восток, снижение стоимости авиаперевозок, увеличение числа пассажиров, развитие туристской отрасли. Показатели и принципы функционирования территориальной сети Ryanair (равно как и ее влияние на экономики близлежащих к аэропортам территорий) в ЦВЕ послужили основными критериями при ее проектировании в дерегуляционном сценарии для Беларуси. Второй (интеграционный) сценарий анализирует состояние и перспективы развития современной авиатранспортной сети Беларуси в условиях монополии национального авиаперевозчика. Прогнозируемая ситуация в данном сценарии ненамного будет отличаться от реальности, с тем лишь отличием, что рассмотрена перспектива более тесного интегрирования в региональную систему авиасообщения (за неимением выбора – преимущественно в российскую) по принципу hub-to-point.

Расчеты в гравитационной модели как по первому, так и по второму сценарию показали, что наибольшие пассажиропотоки характерны при осуществлении авиасообщения между Минском и Москвой, Санкт-Петербургом, Лондоном, Берлином и Варшавой (т.е. по перспективным туристическим направлениям). При либерализации транспортного законодательства и экспансии «на запад» территориально сеть может быть ориентирована на европейские региональные аэропорты, со значительно более низкими сборами, которые в большинстве случаев расположены в непосредственной близости (до 170 км) от основного пункта назначения (подобная схема позволяет авиаперевозчикам снизить затраты на 4%). Так, при авиасообщении с Санкт-Петербургом во внимание принимается финский приграничный аэропорт Лаппеенранта, с Лондоном – Станстед, с Франкфуртом – Ханн, с Миланом – Бергамо и др.

Для Беларуси внедрение подобной модели может обернуться как преимуществами, так и недостатками. К преимуществам относятся снижение стоимости авиатранспортных услуг, стремительное увеличение пассажиропотока, активизация притока инвестиций в региональные аэропорты (Брест, Гродно) и создание новых рабочих мест, расширение географии авиаперевозок. Это в свою очередь послужит неплохим стимулом для развития как въездного, так и выездного туризма.

Предполагается, что необходимым условием для построения «бюджетной» схемы организации авиасообщения является принятие ряда шагов по либерализации авиатранспортной политики в самой республике, в частности, подписание договора Open Skies, снижение

аэропортовых сборов и отмену ограничивающих паритетных договоренностей между странами на осуществление авиасообщения. Изменения в области проведения визовой политики в сторону снижения стоимости виз (вплоть до их полной отмены) также рассматриваются как необходимая мера для стимулирования мобильности населения. В контексте этого можно вспомнить и стоимость авиаперевозок, спрос на которые напрямую связан с платежным потенциалом белорусов. Далеко не каждый может себе позволить авиаперелет за 224,5 евро, а именно такова средняя стоимость билета а/к «Белавиа» на июнь 2010 года (по результатам исследования, в одну сторону). Средняя же стоимость билета а/к Ryanair в регионе ЦВЕ на этот же срок составила 33,5 евро в одну сторону. Таким образом открывается возможность для мобилизации населения с невысоким платежным потенциалом (что крайне актуально для Беларуси). Авиаперевозки в данном случае должны постепенно трансформироваться по целевой направленности от дорогих бизнес-перелетов к более доступным туристическим перелетам.

Основные проблемы в этом случае могут возникнуть у монополиста «рынка» (после отхода от транспортной деятельности авиаперевозчика «Гомельавиа») транспортных услуг Беларуси – у национальной авиакомпании «Белавиа», которая известна как своими «низкими» тарифами на авиаперевозки, так и своим «прекрасным» сервисом на рейсах. Очевидно, что большая часть здравомыслящих граждан Беларуси сделает выбор в пользу более дешевых авиабилетов, что нанесет удар как по репутации, так и по финансовому состоянию единственного национального авиаперевозчика. И в условиях, приближенных к *честной конкуренции* (классический термин из учебника по экономике, явление, которого, тем не менее, не существует в рельности), менее конкурентоспособный игрок вынужден либо уйти (примеры некоторых прибалтийских авиакомпаний), либо нести убытки и получать дотации от государства (период 2000-х гг. а/к AerLingus). Либо игрок сам вынужден снижать цены и менять бизнес-модель организации авиаперевозок от традиционной к низкотарифной (тот же AerLingus в последнее время) [3].

Философия низкозатратных перевозок заключается в минимизации издержек (до 48%) и достижении максимально эффективного использования парка самолетов и труда персонала. Отсюда – формирование, как правило, парка однотипных воздушных судов (ВС), желательно новых, что позволяет минимизировать расходы на техобслуживание; особенности маршрутной сети – прямые перевозки между не слишком уда-

ленными пунктами (что позволяет на одном ВС выполнять несколько рейсов в день, проводя техническое обслуживание по ночам); экономия на системах бронирования и т. д. [2, 9].

Авиакомпания Southwest Airlines (US) грамотно пронесла свою бизнес-модель через многие годы, доведя свой парк до нынешних 522 ВС, перевезя по итогам 2007 г. 101,9 млн пассажиров (первое место в мировом рейтинге авиакомпаний) и оставаясь прибыльной на протяжении всех лет своего существования, даже в годы кризиса воздушных перевозок, последовавшего вслед за терактами 11 сентября 2001 г. Именно этот кризис стимулировал расцвет европейских «авиакомпаний-без-излишеств», которые начали появляться в начале 90-х гг. XX века и в течение 10 лет вели не слишком заметное существование. Их лидеру, ирландской компании Ryanair, удалось вывести американскую модель на новый уровень, используя ряд сугубо европейских особенностей, главная из которых – высокая плотность мобильного населения. Ryanair первой предложила сенсационные тарифы в несколько (а то и 0 – ноль) евро (без учета аэропортовых сборов). Ее успех породил множество подражателей, далеко не всегда столь же успешных – как минимум 40 европейских авиакомпаний, пытавшихся освоить аналогичную бизнес-модель, либо вовремя от нее отказались, либо вообще разорились. Постепенно в профессиональном сообществе термин «низкозатратные перевозки» стал вытесняться в пользу низкотарифных, поскольку затраты у перевозчика далеко не всегда получаются такими же низкими, как тарифы [3].

В данном случае либерализация позволит отойти от практики регулирования коммерческих прав на уровне авиационных властей, предоставив авиакомпаниям свободный доступ к региональному рынку при условии соблюдения определенных единых нормативно-правовых директив. В основу данного подхода заложена экономическая составляющая, принятая в рамках законодательства: свободная торговля и конкуренция полезны для развития любого отраслевого рынка и соблюдения интересов потребителей.

Второй сценарий (интеграционный) пространственной организации авиаперевозок не предусматривает каких-либо кардинальных изменений в регулировании законодательства в сфере авиатранспортной деятельности Беларуси. По сути, он является анализом существующей в настоящее время (по состоянию на апрель 2010 года) схемы авиасообщения национального авиаперевозчика – а/к «Белавиа» – с учетом перспектив возможной интеграции в еще не сформировавшуюся авиатранспортную сеть Российской Федерации.

При повышении общей экономической эффективности авиатранспорта и его роли в обеспечении перевозок нельзя забывать о стоимости перелета, которая имеет решающее значение при выборе транспортного средства. Поскольку существующие в настоящее время госрегулирование и монополия национального авиаперевозчика не предусматривают «падения цен», то в рамках второго сценария возможна следующая картина: «бедная страна – крайне высокие цены на авиатранспорт» (по аналогии – схожая ситуация в настоящее время сложилась в Молдове). А в той ситуации, когда доля стоимости авиатранспорта варьирует от 55% до 70% от общей стоимости туристического продукта (и это без учета стоимости виз после значительного повышения, выдаваемых в аэропорту Минск-2), о каких-либо коренных переменах в развитии туризма говорить не приходится.

Анализ сложившейся ситуации позволяет сделать вывод, что «рынок» авиатранспортных перевозок Беларуси в настоящее время развивается по последнему сценарию. Общий вывод, таким образом, весьма неутешителен: многолетний опыт либерализации и дерегулирования, накопленный ведущими странами мира, в силу ряда экономических, политических и административных причин едва ли может быть в ближайшей перспективе полностью внедрен на авиарынке Беларуси, который продолжает функционировать в рамках «традиционной» модели регулирования.

Литература

1. Jean-Paul Rodrigue, Claude Comtois, Brian Slack. 2006. “*The Geography of Transport Systems*”. London: Routledge.
2. European Parliament. 2007. “*EP's Committee on Transport and Tourism study paper, The Consequences of The Growing European Low-Cost Airline Sector*” Brussels.
3. S. Brophy, Dominic St. George, (2003) – «How Ryanair Has Exploited The Economic Theory Behind Airline Contestability and Deregulation», – Student Economic Review, Vol. 17, 2003. P. 245–257
4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *www.ryanair.com*
5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *www.belavia.by*

Марина Климовец
(БГЭУ, Минск)

АГРОТУРИЗМ В БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Agritourism as a promising form of tourism allows the provision of domestic and international travel services, development of regional economy and agricultural production, the solution of global environmental and social issues, preservation of cultural heritage and national traditions.
Nowadays agritourism is a fast developing area of tourism in Belarus with overwhelming support from the state. However, this is a relatively new direction for the Belarusian tourism market. There are a number of problems and constraints, which need to be identified, taken into consideration when doing business and solved where possible.

В современной мировой экономике все аспекты политики в области развития взаимозависимы. В настоящее время торговля рассматривается во взаимосвязи с финансами, производство товаров – со сферой услуг, сельское хозяйство – с инновационной производственной деятельностью, экологические проблемы – с хозяйственной деятельностью и т.д. Различные экономические, политические, социальные, экологические, культурные, природные аспекты жизнедеятельности человека тесно переплелись между собой. Следует учитывать и взаимосвязь внутренней экономики с мировой, независимо от уровня развития страны и степени ее интеграции в мировое хозяйство [5, 1].

Международная практика также свидетельствует о том, что сегодня в различных областях мировой экономики появились новые проблемы, одними из которых являются экологические – в сфере международного туризма, субсидирования, дифференциации производства и развития

в сельской местности различных прибыльных видов деятельности – в сфере сельского хозяйства.

Агротуризм – именно та новая сфера деятельности и исследований, где прослеживается взаимодействие направлений как экономического, так и неэкономического характера, как мирового, так и национального уровней, в частности, предоставление внутренних и международных туристических услуг, развитие экономики регионов и сельскохозяйственного производства, решение глобальных экологических и социальных проблем, сохранение культурного наследия и национальных традиций. Отдельные аспекты этих направлений, если рассматривать каждое из них как самостоятельное, достаточно исследованы в отечественной и зарубежной науке [4, 8].

По классификации агротуризм является элементом устойчивого туризма и видом туризма, частично пересекающегося с экотуризмом.

В практике развития туристической отрасли во многих странах экотуризм и агротуризм взаимодополняющие и взаимосвязанные понятия. Более того, в современной международной практике ряд родственных – «щадящих» по воздействию на среду и местное сообщество и близких по мотивации – видов туризма (включая сельский, фермерский, деревенский, спортивный, кулинарный, приключенческий, экстремальный и др.) нередко объединяется в единую сферу эко-агротуризма. Об этом свидетельствует и европейский опыт: уже есть примеры организаций, включивших этот термин в свое название (например, European Centre for Eco Agro Tourism – ECEAT). Взаимосвязь понятий агро- и экотуризма обусловлена и тем, что одна из причин возникновения сельского туризма (начало 70-х гг. XX в.) – экологические проблемы крупных городов.

Можно выделить пять критериев, которым должен соответствовать агротуризм. Агротуризм должен быть:

1) обращенным к природе и основанным на использовании преимущественно природных ресурсов;

2) не наносящим ущерба или минимизирующим ущерб среде обитания, т.е. экологически устойчивым;

3) нацеленным на экологическое образование и просвещение, на формирование отношений равноправного партнерства с природой;

4) заботящимся о сохранении местной социокультурной сферы;

5) экономически эффективным и обеспечивающим устойчивое развитие тех районов, где он осуществляется.

Таким образом, агротуризм – это комплексная область экономики, которую следует рассматривать как

– сферу разнообразных услуг;

– сектор внутреннего и международного туризма;

– вид предпринимательской деятельности в сельской местности [4, 11].

История пансионов, сельских гостиниц, аренды дач уходит в глубь веков и определить точку начала агротуризма не представляется возможным. Однако рассматривать это явление как сектор современной туристической индустрии стало возможным только недавно. Начиная с 1972 г. агротуризм выделяется в мировой практике в отдельную отрасль. Так, сельский туризм в европейских государствах обеспечивает доход, равный внутреннему валовому продукту такой страны, как Венгрия. В настоящий момент в Европе зарегистрировано более 2 млн койко-мест в сельских усадьбах. В последнее время сельский туризм становится популярным и в странах Балтии. Сейчас в Литве порядка 1000 усадеб, предоставляющих услуги сельского туризма, в Латвии же около 500 аналогичных сельских домиков. Не уступает им и Польша.

В Беларуси нет ни моря, ни гор, однако наша страна имеет значительный потенциал для развития самых различных видов туризма. Умеренно континентальный климат и уникальный природный ландшафт привлекают любителей оздоровительного и рекреационного туризма не только своей страны, но и зарубежных государств.

В настоящее время в Беларуси формируется свой национальный туристический продукт – отдых в деревне. Агроэкотуризм – это один из самых динамично развивающихся сегментов туристического рынка страны и прекрасная возможность для жителей крупных городов получить полноценный отдых в экологически чистых уголках Беларуси, а также насладиться ее живописными пейзажами, познакомиться с историко-культурным наследием страны.

Начиная с 2006 года правительство страны обозначило агротуризм как одно из ключевых направлений развития белорусского туризма. «Национальная программа по развитию туризма на 2011–2015 гг.» продлевает действие льготных условий для субъектов агроэкотуризма до 2021 года. Помимо этого тема сельского туризма включена в 10 государственных программ, в каждом райисполкоме созданы рабочие группы по поддержке этого направления.

Число агроусадеб в Беларуси стремительно растет. Так, если в 2006 году существовали лишь 34 агроусадьбы, то к летнему сезону-2010 их уже насчитывалось более 1000. А к 2015 году планируется увеличение числа агроусадеб до 3 тысяч.

Развитие агротуризма направлено на решение как глобальных проблем мировой экономики, так и экономических, социальных, экологических, а также проблем национальной культуры отдельных стран, местных сообществ, и способствует

– приостановке процесса урбанизации и развитию сельской местности;

– решению общемировых экологических проблем, вопросов охраны природы;

– решению социальных вопросов (бедность, занятость населения);

– формированию инфраструктуры в сельской местности;

– диверсификации сельскохозяйственного производства и созданию в сельской местности прибыльных видов производства товаров и услуг;

– расширению органического земледелия;

– возрождению национальной культуры, ремесел и традиций.

Кроме того, агротуризм как сфера, связанная с развитием услуг в сельской местности, существенно меняет систему экономических отношений не только между жителями села, но также между сельскими жителями и туристами [4, 2].

Практически все публикации, посвященные агротуризму, окрашивают перспективы развития белорусского агротуризма в радужные тона. При этом в качестве главного аргумента указывается лучшее состояние естественных ландшафтов Беларуси по сравнению со странами, где агротуризм получил широкое распространение. Здесь Беларусь, как правило, сравнивают со странами Евросоюза. Не преуменьшая значения природно-экологического преимущества страны, следует отметить, что анализу сдерживающих факторов развития агротуризма уделяется недостаточное внимание. Хотя именно сдерживающие факторы могут стать объективным препятствием на пути формирования нового туристического субрынка под названием «агротуризм» [2, 10–11].

В качестве сдерживающих факторов выступают следующие явления:

Во-первых, проведение свободного времени на садово-дачных участках, где горожане имеют возможность отдохнуть вне урбанизированной среды, заняться сельским трудом в свое удовольствие. В последнее время все большая часть населения рассматривает свои дачи не как источник получения дополнительных продуктов питания, а как место отдыха.

Во-вторых, значительная часть населения городов имеет тесные родственные связи с деревней. Многие жители городов имеют родственников старших поколений в сельской местности, у которых зачастую проводят отпуск и каникулы.

В-третьих, в Беларуси виды отдыха вне города (например, организация пикников), широко распространенные среди населения, легко осуществимы туристами самостоятельно [3, 15–17].

На интернациональном уровне к негативным факторам, сдерживающим развитие агротуризма, прежде всего следует отнести:

– отсутствие привлекательного туристического имиджа республики на внешних рынках (проведенный социологический опрос свидетельствует о том, что 20% иностранных граждан, посетивших нашу страну, ничего о ней не знали, а около 35% почерпнули информацию от своих друзей и родственников, здесь побывавших. Зачастую даже та информация, которая публикуется в зарубежных СМИ, не соответствует действительности [1, 237]);

– визовые проблемы (безвизовый туристический обмен налажен Беларусью лишь со странами СНГ (кроме Туркменистана), Македонией, Сербией и Черногорией, Монголией, Вьетнамом, КНДР, Кубой, КНР.

Сюда же необходимо отнести *отсутствие единой универсальной концепции сельского туризма,* что безусловно сдерживает развитие агротуризма в стране.

Таким образом, процесс развития агроэкотуризма в Беларуси имеет ряд сдерживающих факторов: близость значительного числа потенциальных потребителей к деревне (родственные и дружеские связи), распространенность дачного отдыха, отсутствие частной собственности на землю и, как следствие, широкие возможности для самостоятельного отдыха на лоне природы, некоторые социально-географические и природные условия.

Ввиду выявленных факторов, сдерживающих идею развития агротуризма в стране, в белорусском обществе требуется проведение определенных мероприятий в области нормативно-правовых актов, финансирования, налогообложения, маркетинговой политики и т.д. по улучшению условий ведения и создания благоприятных условий для агротуристической деятельности:

1. Агроэкотуризм требует осуществления специальной политики и соответствующих программ в нашей республике, так как его нельзя устойчиво развивать, просто копируя то, что уже сделано в других странах, а тем более нельзя допускать его развития на беспорядочной основе.

2. Государственным органам власти следует упростить визовый режим при въезде в Республику Беларусь иностранных туристов. Изнурительные таможенные формальности сокращают количество потенциальных туристов, желающих отдохнуть в нашей стране.

3. Для развития агроэкотуризма требуются практические и эффективные системы координации между всеми заинтересованными сторонами, включая правительство, частные предприятия, местные органы власти.

4. Следует установить надлежащие юридические и организационные механизмы в целях содействия и эффективной организации местных жителей во всем туристическом процессе, включая определение политики, планирования, управления, налогообложения.

5. Необходимо создавать благоприятные инвестиционные условия (предоставлять кредитные, налоговые и другие льготы) в целях притока отечественного и иностранного капитала.

6. Следует уделить внимание проблеме сертификации белорусских усадеб для того, чтобы гарантировать соответствие их качества международному уровню. Полученный сертификат будет способствовать повышению авторитета в глазах потребителей и иностранных туристов.

7. Дизайн сельских усадеб, в т.ч. гостиниц и других средств размещения, ресторанов, кафе, баров, должен осуществляться таким образом, чтобы не допускать или сводить к минимуму любое негативное воздействие на природную среду. Желательно использовать местные строительные материалы, сохранять старинные архитектурные ансамбли, использовать такие природные источники энергии, которые не загрязняют среду.

8. Аналогичным образом средства транспорта и коммуникаций, используемые в указанных районах, должны иметь низкий уровень загрязнения.

9. Агроэкотуризм должен способствовать охране и улучшению природных территорий.

10. Профессионализм – важное условие развития туристической деятельности в Республике Беларусь и агроэкотуризма в частности. В последнее время возросла потребность в знании иностранных языков высококвалифицированными гидами-экскурсоводами (предпочтение должно отдаваться коренным жителям соответствующего района).

11. Туристы, предпочитающие указанный вид отдыха, нуждаются в подробной специализированной информации как до, так и во время поездки. Предоставление полной и своевременной информации – один из основных элементов профессиональной деятельности в сфере туризма. Причем эта информация может быть представлена в различных формах: брошюрах, буклетах, картах.

12. Следует создавать информационные центры основных регионов республики в области агроэкотуризма. В настоящее время только ОО

«Агро- и экотуризм» и БОО «Отдых в деревне» владеют оперативными данными о предлагаемом отдыхе в сельской усадьбе.

13. В рекламных материалах по агроэкотуризму должна содержаться информация о впечатлениях, включая сведения о рельефе и климате, животном и растительном мире, и, в целом, о посещаемой местности. Сюда должна также включаться правдивая информация о размещении и организации питания, а также рекомендации о том, что можно и что нельзя делать в данном туристском центре.

14. В зарубежных СМИ важно регулярно проводить информационно-ознакомительные мероприятия с целью формирования привлекательного имиджа Беларуси на мировом туристском рынке [4, 55–56].

Национальной программой по развитию туризма предусматриваются также следующие направления развития агроэкотуризма:

– создание туристических деревень с постройками в духе традиционного народного зодчества на основе существующих поселений, расположенных в сельской местности;

– организация сельских туров с проживанием и питанием в деревенских домах;

– создание агротуристических комплексов на базе сельскохозяйственных производственных кооперативов;

– организация активного отдыха на природе с использованием фотоохоты на представителей животного и растительного мира в естественных условиях.

Водный туризм может стать также одним из направлений агротуризма и реализовываться в виде краткосрочных прогулок на пассажирских судах, включенных в комбинированные многодневные туристические маршруты и путешествия граждан Республики Беларусь и иностранных туристов на комфортабельных судах, по водным путям республики.

С учетом географического расположения судоходных рек Беларуси развитие данного вида туризма предусматривается на

– Днепро-Бугском канале и реке Припять от Бреста до Мозыря;

– реках Березина, Днепр, Сож от Борисова до Гомеля.

Возможна организация водных маршрутов на спортивных судах типа «байдарка», малогабаритных (до 6,5 м) весельных лодках по Березинской водной системе, Августовскому, Огинскому и Днепро-Бугскому каналам.

Необходимо создание пунктов проката с групповым и индивидуальным туристическим снаряжением, инвентарем для активного отдыха

(лодками прогулочными, походными, байдарками, каяками, водными велосипедами и иным инвентарем) [6, 60–61].

Таким образом, влияние ряда негативных факторов можно сгладить или нейтрализовать мерами государственного регулирования.

В заключение хотелось бы отметить, что агротуризм на сегодняшний момент является динамично развивающимся направлением туризма в Беларуси с существенной поддержкой со стороны государства. Тем не менее, так как это относительно новое направление для белорусского рынка туризма, существует ряд проблем и сдерживающих факторов, которые необходимо выявлять, учитывать при ведении бизнеса и по мере возможности решать.

Литература

1. Гайдукевич, Л.М. 2007. *Международный туризм в системе взаимодействия стран Центральной и Восточной Европы в конце XX – начале XXI века*. Минск: Четыре четверти.
2. Клицунова, В.А. 2004. "Сельский туризм Беларуси: истоки и перспективы". *Беларусь в мире* 3: 35–44.
3. Клицунова, В.А. 2004. "Туризм с приставкой «агро»". *Беларуская думка* 12: 35–40.
4. Лученок, С.А. 2008. *Агротуризм: мировой опыт и развитие в Республике Беларусь.* Минск: БГЭУ.
5. На пороге XXI века. 2009. *Доклад о мировом развитии 2008/2009 года*. Москва: Весь мир, Всемирный банк.
6. Сергеева, Т.К. 2004. *Экологический туризм: учебник*. Москва: Финансы и статистика.

Сиваева Надежда
(БГУ, Минск)

ПЕРСПЕКТИВЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА «КРАСНОСЕЛЬСКИЕ КРЕМНЕДОБЫВАЮЩИЕ ШАХТЫ»

The research deals with the study of the archaeological memorial Krasnoselsk flint mining shafts in the context of its museumification problem. It allowed to identify criteria for the archaeological memorials' selection for arranging their (museum) exhibition; methods of archaeological memorials' museumification were studied; the degree of the correspondence of memorials' examination to the criteria archaeological memorials have to meet for the arrangement of their (museum) exhibition was determined; the necessity and possibilities for the museumification of the archaeological memorial "Krasnoselsk fint-producing mines" were substantiated The research is of interest to historians, archaeologists and museum officers. It can also be useful to people who are interested in the artefacts history.

Проблема музеефикации археологических объектов предельно актуальна, поскольку любой памятник, как и произведение живописи, выполняет свою социальную функцию при экспонировании. Одно дело, когда картина известного мастера хранится в запаснике музея, без подрамника, в свернутом виде, и совсем другое, когда она, соответствующим образом оформленная, показывается посетителям в хорошо оборудованном музейном помещении. Новый этап понимания и открытия памятника начинается, когда он соответствующим образом демонстрируется, когда зафиксирована форма ценностного к нему отношения. Музеефикация археологических памятников нужна не только широкому

зрителю, заинтересованному туристу, она необходима и ученому. Поэтому высокая ответственность ложится на тех, кто должен найти эффективный способ включения памятника в современную среду.

Археологические памятники составляют огромную часть исторического и культурного наследия многочисленных стран, в том числе и Беларуси. Их открытие дает интереснейшие образцы древней архитектуры, погребальных памятников и других свидетельств развития человечества, а музеефикация – один из наиболее эффективных средств приобщения масс к источникам исторических знаний.

В Беларуси существует уникальный памятник, свидетельство высокого уровня культуры наших предков, их социальной и производственной организации, хорошо известный среди людей науки во всем мире, однако неизвестный многим живущим рядом. Речь идет о неолитических шахтах по добыче кремня, находящихся недалеко от поселка Красносельский Волковысского района Гродненской области.

Несмотря на довольно длительное и детальное изучение кремнедобывающих шахт, оставался открытым вопрос об их музеефикации. Автор исследования предлагает свое решение данной проблемы.

Какие критерии должны предъявляться к музеефикации памятников археологии?

1. Прежде всего, их историческая ценность, как для изучения истории отдельного народа, так и для изучения исторического развития целого государства и всего человеческого общества. Поэтому каждый археологический памятник к тому моменту, когда он будет рекомендован для музея-заповедника, необходимо исследовать. В результате должны быть решены основные научные проблемы, связанные с этим памятником, а именно:

- памятник должен быть датирован, необходимо выяснить время постройки здания, все виды перестройки и ремонта исследуемого памятника, связав их с соответствующими пластами культурного слоя. Отдельные массивы культурного слоя, прилегающие к памятнику, должны быть оставлены нетронутыми, что даст возможность будущим исследователям проверить выводы предшественников, а посетителям – ознакомиться с методом работы по археологическому определению времени постройки памятника;
- произведен исторический анализ памятника на основе раскопочных исследований данного и аналогичных памятников;
- дано визуальное описание памятника, указаны размеры, его характерные особенности;

• необходимо охарактеризовать современное состояние памятника, особенное внимание должно быть уделено его сохранности, технике строительства, материалу, из которого сделаны основные археологические объекты памятника;

• должны быть указаны точное местоположение и пути подъезда к нему, наличие водных, железнодорожных, автодорожных и других путей; определено расстояние памятника от них, а также расположение в его районе крупных населенных пунктов. Сделаны выводы о значении данного памятника как выпавшего звена из культурно-исторической цепи, о месте его в развитии определенной археологической культуры; в истории народа, государства и т.д.

2. Памятник должен иметь хорошую степень сохранности.

3. Памятник должен иметь удобное для посещения расположение.

Красносельские кремнедобывающие шахты отвечают следующим требованиям, предъявляемым к памятнику при принятии решения о его музеефикации:

1. Хорошая историческая исследованность и значимость памятника.

Процесс изучения можно разделить на несколько периодов:

• первый период (70-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв.) характеризовался выявлением отдельных вещественных находок и определенного количества стоянок каменного века.

• С 20-х гг. XX в. практически до второй мировой войны происходило выявление красносельских шахт и преимущественно визуальное изучение без сколько-нибудь серьезных раскопок, а также сбор шахтерских роговых инструментов и кремневых изделий.

• С 1962 г. началось целенаправленное и систематическое исследование шахт в окрестностях поселка Красносельский, а также кремнеобрабатывающих мастерских в полузасыпанных выработках.

• С 1970-х гг. изучением охвачен практически весь комплекс археологических объектов региона [2, 16].

Несмотря на довольно длительное и детальное изучение кремнедобывающих шахт, остался открытым вопрос об их музеефикации. В настоящее время исследования продолжают археологи Института истории НАН Беларуси.

По оценкам специалистов шахтовый комплекс на реке Россь является одним из крупнейших центров массовой кремнедобычи в Европе наряду с подобными памятниками, открытыми в Украине, Польше, Венгрии, Чехословакии, Австрии, Дании, Бельгии, Франции, Англии. Установлено, что в эпоху неолита у нынешнего поселка Красносельский было создано

не менее трех тысяч шахт, большинство из которых были уничтожены на протяжении первой половины XX в. при добыче мела для местного цементного завода [1, 36].

Кремень, который залегает в глубине морены или в толще меловой линзы, содержит влагу, которая делает его более пригодным к обработке. По этой и некоторым другим причинам люди уже не довольствовались поверхностным кремнием, а старались добывать его путем разных земельных разработок.

Кремень в кремневой толще представлен фигурными конкрециями размером в среднем 20–30 см. Однако встречаются экземпляры совсем мелкие, а также крупные – до полуметра поперек. В меле конкреции расположены пластами или цепочками, преимущественно параллельными между собой. Расстояние между пластами и цепочками колеблется от десятков сантиметров до нескольких метров. Меловые глыбы залегают под наклоном, поэтому и пласты или цепочки конкреций наклонены. Иногда под давлением ледника отдельные участки мела сминались, деформировались: там конкреции залегают беспорядочно, россыпью. Иногда пласты имеют вертикальное направление, конкреции не образуют цельного залегания, между кремниями несколько десятков сантиметров [2, 48].

Исследование десятков шахт у поселка Красносельский Н.Н. Гуриной выявило, что выработки образовывали скопления, разные по количеству. Однако на восточном краю линзы, где кремень концентрировался линиями, шахты также образовывали плотные цепочки, иногда даже соединялись, образовывая что-то наподобие глубоких узких траншей. Это обуславливалось расположением кремневых запасов. Устья шахт чаще всего встречаются в тех местах, где размещены чистые и насыщенные материалом прослои и цепочки кремния или места, где он залегает недалеко от поверхности. В местах, насыщенных кремнием, шахты располагались тесно одна рядом с другой, имели ряд подбоев, соединялись штреками, так как месторождение старались эксплуатировать максимально.

Форма шахт зависела от размещения залежей кремня. Выделяют четыре основных их типа: привычные колодцы, колодцы с подбоями и штреками, колодцы с подбоями, штреками и камерами.

Когда прослои или цепочки конкреций залегали горизонтально или с относительно небольшим наклоном или же россыпью – верхняя часть выработок имела вид вертикального колодца диаметром 1,5–1,6 м, редко более 2 метров. Когда же прослои сырья были сильно скошены или залегали вертикально, что встречалось нечасто, выработки в плане имели

вытянутую форму, располагались параллельными цепочками и нередко соединялись узкими штреками или узкими пролазами по ходу залегания кремня. В первом случае основу выработки составлял круглый колодец с вертикальными стенками, от которых в разные стороны отходили подбои, штреки или же колодец переходил в мешковидное расширение в местах кремневой россыпи, а во втором – центральную часть шахты занимала траншееобразное углубление, которое продолжали по ходу залегания сырья штреки. Чтобы это представить, необходимо пояснить, как происходил процесс добычи кремня. Шахта углублялась до кремненосного участка, затем горнодобытчик начинал выбирать конкреции, углубляясь шахтерскими инструментами в стенки по ходу прослоя или скопления конкреций. Таким образом возникали подбои, которые ориентировались по периметру колодца. Иногда подбои соединялись отверстиями с соседними разработками. Если последние были действующими, отверстия расширялись до проходов и подбои превращались в штреки. Длина подбоев очень редко превышала 2 метра, что диктовалось техникой безопасности и целенаправленностью. Мягкая меловая порода при высыхании трескалась и могла засыпать шахтера, кроме того, было неудобно копать в низких горизонтальных выработках, тяжело выгребать из них пересмотренную породу, удаленные от вертикального шахтового колодца участки необходимо было даже освещать. По этой причине легче было не распространяться в выработках вширь, а заложить рядом новые шахты [1, 45].

В целях безопасности между горизонтальными выработками оставляли нетронутые участки – укрепительные столбы. Зная расположение кремневых скоплений и прослоев, древние добытчики иногда углублялись и до более низких залежей сырья, где разрабатывался нижний ярус подбоев. Ярусы горизонтальных выработок эксплуатировались в очередности снизу вверх, т.е. сначала выбирался нижний пласт кремня, затем верхний, из которого меловый друз уже не поднимался на поверхность, а скидывался вниз, заполняя основание колодца и выработки нижнего яруса. Кроме того, отработанным друзом заполнялись также старые выработки, чтобы не загрязнять прилегающую территорию. Ранее уже говорилось о том, что меловые стенки под воздействием дождя и солнца начинают быстро трескаться, замываться, исчезают следы работы. Значит, выработки находились в открытом состоянии очень короткое время.

В каждом скоплении обнаружены выработки без подбоев и штреков. Они неглубокие, несмотря на то, что проникают в меловую породу на несколько метров. Это поисковые шахты, посредством которых горно-

добытчики стремились достичь богатого сырьем пласта или оконтурить месторождение, определить его перспективность.

Особенностью шахт на восточном краю сохраненного мелового участка являлась их вытянутая форма, так как прослои сильно скошены или залегали вертикально. Все шахты, исследованные на содержащей археологический заповедник линзе, имели привычное заполнение: меловой друз, обломки и сколы с кремневых конкреций, уголь, преимущественно поврежденные полуфабрикаты топоров. Некоторые полузасыпанные шахты были превращены в мастерские по обработке кремня [13].

Установлено, что на меловом останце имеются шахтовые выработки глубиной до шести-семи метров, диаметр колодцев достигает в среднем 1,5–2 метров. В исследованных выработках особый интерес представляют системы подбоев, разработанных по ходу залегания кремневых пластов. Они (подбои) имеют форму ниш шириной 60–70 см. Чтобы избежать обвала, между подбоями оставляли выступы породы. Близкие друг от друга выработки соединялись узкими ходами-штреками. Между шахтами встречаются пустые, довольно большие камеры. По мнению исследователей, это помещения, в которых шахтеры отдыхали или прятались во время непогоды. В таких камерах сохранились остатки костров [2, 37].

На сохранившемся участке месторождения мела около сотни шахт остались нетронутыми. В связи с этим существуют реальные перспективы для их открытия, целенаправленного исследования, сохранения и показа широкой аудитории.

2. Доступность для посетителей.

Поселок Красносельский входит в состав Волковысского района Гродненской области. Расстояние до районного центра – 15 км, до Гродно – 75 км. У района удобное географическое положение: он находится в юго-восточной части Гродненской области Республики Беларусь, близок к ряду европейских государств и европейскому региону России с хорошо развитой автомобильной и железнодорожной транспортной сетью, что обусловило формирование на территории района индустриального и агропромышленного капитала. Крупнейшими предприятиями Волковысского района являются открытые акционерные общества «Красносельскстройматериалы», «Волковысский мясокомбинат», «Беллакт», «ВолМет». Продукция этих предприятий широко известна не только в Беларуси, но и за ее пределами.

3. Степень сохранности.

Данный критерий музеефикации памятников археологии вызывает вопросы, так как на данный момент нет возможности открыть памятник

для публики на длительный срок целиком. Решение этого вопроса откладывается до разработки современных способов консервации породы, из которой состоят кремнедобывающие шахты в поселке Красносельский, либо до строительства специального павильона над сохранившимися устьями шахт. Однако автор работы предполагает, что даже в закрытом состоянии комплекс мог бы стать ключевым объектом не только туристических маршрутов по Волковысскому району, но и созданного в поселке Красносельский археологического музея.

Наиболее удачным методом музеефикации памятника археологии «Красносельские кремнедобывающие шахты» является метод «колпака» в комплексе с реконструктивно-археологическим макетированием: музейное экспонирование археологического объекта в так или иначе закрытом помещении, возводимом над раскопанным объектом [3, 237].

Задачи предлагаемого археологического музея:

1. Сохранение памятника археологии «Красносельские кремнедобывающие шахты» посредством включения археологического заповедника в состав музея. Организация охраны памятника на более высоком уровне.

2. Сбор материалов как произведенных, так и запланированных археологических раскопок в поселке Красносельский и близлежащих населенных пунктах; создание на их основе соответствующих музейных коллекций, их научное изучение.

3. Организация научно-исследовательской работы: изучение истории каменного века, научная обработка найденного материала, его культурная интерпретация. Разработка проблем реставрации и консервации памятников археологии. Развитие технологий реконструкции древних способов добычи и обработки камня.

4. Популяризация археологического наследия не только поселка Красносельский, но и других археологических объектов страны посредством создания центра археологических музеев.

5. Организация культурно-образовательной деятельности и организация досуга как на уровне Волковысского района, так и в более широких границах.

Основным источником комплектования фондов предполагаемого музея являются проведенные археологические раскопки, результаты которых находятся в: Национальном музее истории и культуры Беларуси, Гродненском областном историко-археологическом музее, в отделе археологии каменного и бронзового веков Института истории НАН Беларуси, в краеведческих кружках школ поселков Россь и Красносельский.

Материалы с раскопок Н.М. Гуриной хранятся в фондах Института истории материальной культуры (Санкт-Петербург), Государственного археологического музея в Варшаве). Не исключен также вариант пополнения музейных коллекций в процессе будущих археологических раскопок рассматриваемого памятника.

Экспозиция создаваемого музея, построенная по ансамблевому принципу, призвана раскрыть определенные этапы труда, повседневной жизни и общественных отношений неолитического человека на территории Беларуси.

Исходя из профильной направленности рассматриваемого музея и требований к нему со стороны современного общества, можно выделить основные формы его работы с посетителями или культурно-образовательной деятельности:

1. музейные экскурсии, проводимые как сотрудниками музея, так и самими посетителями музея;

2. специальные музейные занятия по изучению истории и материальной культуры каменного и бронзового веков для школьников и студентов исторических факультетов высших учебных заведений. Это направление предусматривает активное взаимодействие данного музея со школой в выполнении как образовательных, так и воспитательных функций;

3. музейные программы как средство проведения досуга, предусмотренные как для взрослых посетителей, так и для молодого поколения: музейные праздники, мастер-классы, клубы.

Литература

1. Гурина, Н.Н. 1976. *Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР.* Ленинград: Институт истории АН СССР.
2. Чарняўскі, М.М., Кудрашоў В.Я., Ліпніцкая В.Л. 1996. *Старажытныя шахцеры на Росі.* Пад рэд. У.Ф. Ісаенкі. Мінск: Акадэмія Навук Беларусі, Інстытут гісторыі.
3. Левко, О.Н. 2006. *Практическая археология*. Могилев: Могилевский государственный университет.
4. Крывальцэвіч, М.М. 1998. "Чалавек у капальні". *Наша Ніва* 11: 4–7.
5. Лысенко, П.Ф. 1987. "Опыт музеефикации археологических памятников в БССР". Методические основы охраны и использования памятников археологии. *Сборник научных трудов.* М., 126–131.
6. Недорович, Н.Д., Беляев, Л.А. 1987. "Из практики объединения «Росреставрация» по консервации и музеефикации памятников археологии". Методические основы охраны и использования памятников археологии. *Сборник научных трудов*. М., 120–126.

7. Чарняўскі, М.М. 1963. “Старажытныя шахты па здабычы крэмню (п. Краснае Сяло Ваўкавыс. раёна”, ВАН БССР. *Сер. грамад. навук* 3: 66–70.
8. Бадер, О.Н. 1978. “Музеефикация археологических памятников”. *Советская археология* 3: 138–153.
9. Булатов, Н.М. 1975. “Принципы организации археологических музеев-заповедников”. Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: сб. науч. тр. *Труды НИИ культуры*. Вып. 3 Т. 28. М., 79–112.
10. Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры: сб. науч. трудов НИИ культуры. М., 1992.
11. Кшеменки. “Древние шахты полосатого кремния”. [Электронный ресурс]. Сайт археологического музея в Кшеменках. 17 декабря 2007. Режим доступа: *http//www.krzemionki.pl.*
12. “След на камнi”. [Электронный ресурс]. Интернет-проект Климович Марии. – п. Красносельский, 2003. Режим доступа: *http//oic.unibel.by.*
13. “Каталог музеев Беларуси”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http//www.museum.by/*
14. “Музей и археология”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http//www.arheomuseum.com/*

Александра Шрубок
(БГУ, Минск)

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ БЕЛАРУСИ: СПОСОБЫ ОХРАНЫ ТРАДИЦИИ ЛЕЧЕБНЫХ ЗАГОВОРОВ

During a long period of time a typical peculiarity of cultural development in Belarus was substitution of authentic national culture by mass culture. The paper looks at the tradition of Belarusian spells as the subject of the intangible heritage. The author analyses modern conditions of the system of protecting cultural heritage and proposes ways of improving the system.

Сегодня в условиях расширяющейся в мире глобализации и происходящих социальных преобразований особую актуальность приобретает проблема сохранения самобытной традиционной культуры и накопленного веками культурного наследия. В Беларуси, как и в большинстве стран мира, на протяжении многих лет характерной особенностью развития культуры являлась подмена аутентичной национальной культуры массовой. Между тем народные традиции и фольклор выступают базисным основанием национального менталитета и самосознания, поэтому проблема изучения и научной фиксации нематериального наследия для нашей страны чрезвычайно актуальна.

В 2003 г. на 32-й Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Конвенция по вопросам охраны нематериального культурного наследия. Согласно ей, под нематериальным культурным наследием понимаются обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, которые признаются сообществами, группами и в некоторых случаях отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Нематериальное культурное наследие передается от поколения

к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории, и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека [6].

В 2004 г. Беларусь ратифицировала данный международный документ, а в 2006 г. в республике был издан и собственный новый закон, регламентирующий охрану историко-культурного наследия. В соответствии с Законом «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» к нематериальным историко-культурным ценностям относятся традиции, обычаи, обряды, фольклор (устное народное творчество), язык и его диалекты, содержание геральдических, топонимических объектов и произведений народного искусства (народного декоративно-прикладного искусства), другие нематериальные проявления творчества человека [1].

Одним из самых самобытных памятников традиционной нематериальной культуры Беларуси является постепенно исчезающая и искажающаяся в современных условиях традиция лечебных заговоров.

Заговоры как уникальный жанр язычества сложился и развивался столетиями, поэтому этот жанр удерживает в себе различные напластования разных времен, образы и представления, которые соотносятся с разными этапами общественного развития. Заговор был одним из наиболее действенных средств в борьбе с вредным воздействием окружающей среды. Он характеризуется как вербальная форма воздействия, направленная от адресанта к адресату.

В структуре традиционной культуры лечебные заговоры выступают не только как элемент народной медицины, но и как одна из форм интерпретации мира. Сам ритуал излечения рассчитан не столько на воздействие знахаря на пациента, сколько на контакт с другим миром. Семантика многих заговоров, несмотря на разное народное разъяснение единого значения, восходит к древним мифологическим представлениям о возможности перехода человека из одного мира в другой и возвращения оттуда в новом качестве. Таким образом, реконструируя эту область духовной культуры, мы делаем более возобновленной общую картину мира, что позволяет более качественно и полно характеризовать другие элементы традиционной культуры [2, 132].

Тематика лечебных заговоров чрезвычайно разнообразна. Заговоры охватывают практически все известные на определенном этапе ситуации, связанные с нарушением нормального течения человеческой

жизни, и направлены на предупреждение или исправление таких ситуаций. В зависимости от уровня знаний и проявления болезни заговоры упоминают общеизвестные заболевания (кровотечение, удар, зубная боль и т.д.) и те, которые сложно соотнести с перечнем заболеваний профессиональной медицины: «сцень», «падвей», «любізнік». Так, современные информаторы при объяснении подвея обязательно связывают эту болезнь с плохим ветром (холодным, «паганым», «чорт знае, адкуль ідзе»), а результат может быть разным: опухнет лицо, покроется «белявками», захваченные подвеем дети не спят, плохо себя чувствуют [3, 18].

Весьма разнообразна и образная система заговоров, но при этом сохраняются основные мировоззренческие представления, а также взаимосвязь составных частей, которые и создают текст заговора. Болезнь как нечто живое существует самостоятельно, она приходит к человеку, и ее необходимо прогнать, для чего имеется множество способов – уговор, угроза, физическое удаление, выгрызание, вымывание, облизывание и т.д. Для заговоров характерен мотив запугивания болезни, защиты не только собственными силами заклинателя, но и при помощи стихий, Бога, святых. Угроза наказанием в адрес персонифицированных болезней и обрисовка наказания составляют функционально обусловленную неотъемлемую часть заговоров [3, 22].

Несмотря на то, что и в настоящее время заговор является достаточно распространенным видом лечения в народной медицине, в связи с процессами модернизации традиционного общества, стремительной урбанизацией, результатами идеологического пресса советского периода эта традиция начала катастрофически терять свою ретранслятивную функцию. Этнографические экспедиции выявили, что успех в фиксации заговоров и знахарских традиций в немалой степени обусловлен тем, что наследники респондентов относятся к подобным знаниям скептически и абсолютно не желают их перенимать. То же касается и сельской молодежи. Так, одна из знахарок Полотчины с горечью заключала: «Яны, маладыя, цяперака ня вераць гэтаму, ніхто ня ходзіць (да знахарак). Малы есьлі забалеіць – уніманія не абрашчаюць» [7, 58].

Сегодня традиция лечебных заговоров все еще продолжает сохраняться и эффективно использоваться в сельской среде. Знахарство, как раньше, так и теперь, занимает центральное место в иерархии народных методов лечения. При этом вопрос о дальнейшей межпоколенной передаче этой традиции остается открытым, поскольку образовался объективный социокультурный разрыв между носителями традиции и их потомками. Являясь неотъемлемой частью аутентичной традиционной

культуры и находясь под угрозой исчезновения как «живой» традиции, традиция лечебных заговоров в настоящее время нуждается в научной фиксации, государственной охране и привлечении общественного внимания.

Под охраной объекта нематериального историко-культурного наследия понимается принятие мер с целью обеспечения его жизнеспособности, включая идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию, повышение его роли, его передачу, главным образом с помощью формального и неформального образования, а также возрождение различных аспектов такого наследия [6].

Ведущая работа по охране нематериального наследия в Беларуси сводится к фиксации и сохранению в архивных и музейных формах, что не соответствует требованиям Конвенции об охране нематериального наследия. Сегодня в Беларуси не разработана общая политика по охране нематериального наследия, кроме того, мало объектов внесено в перечень нематериального наследия страны, что является одновременно и следствием, и причиной того, что не ведется должная работа по сохранению и охране нематериального наследия на государственном уровне.

Несколько последних лет белорусские ученые-фольклористы, специалисты в области традиционной культуры и общественные деятели стремятся реализовать на практике положения Конвенции об охране нематериального культурного наследия. Положения Конвенции предусматривают решение таких первоочередных задач, как разработка методических инструкций и методологических пособий по сбору, эталонной фиксации на современных электронных носителях и активное включение в общеевропейское научное, образовательное и творческое пространство традиционных аутентичных нематериальных ценностей белорусского народа [5, 29].

В Беларуси сохранение фольклорных материалов осуществляется в архивах научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений, фондах Гостелерадио и музеях республики, а также в собраниях государственных учреждений культуры. Центральным научным архивом аутентичных форм традиционной культуры является архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси.

На протяжении 2000-х гг. фольклорные архивы стали проводить работу по переводу старых записей в цифровой формат, организовывать фольклорные экспедиции с использованием современных средств записи – цифровых видеокамер, диктофонов, плееров и флеш-карт. Дан-

ные технические приобретения во многом облегчают работу по дальнейшей обработке зафиксированных материалов, а также способствуют их дальнейшей инсталляции (укоренению) в современном культурном пространстве [5, 29]. Однако необходимо понимать, что возможности только техногенной цивилизации, какие бы значительные они не были, не способны обеспечить адекватное, всеобъемлющее научное постижение культурного наследия. В связи с этим сегодня особенно острым становится вопрос создания продуманной концепции социальных, политических, психологических и культурных условий познавания, трансляции, обеспечения жизненного, бытового функционирования наследия устной традиции.

Согласно Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия (2003 г.) все страны-участники, используя все имеющиеся в их распоряжении средства, должны прилагать усилия, направленные на обеспечение признания, уважения и повышения роли нематериального культурного наследия в обществе посредством программ в области образования, повышение осведомленности и информирования общественности, в частности, молодежи, проведение мероприятий по укреплению потенциала в области охраны нематериального культурного наследия, связанных, в частности, с вопросами управления и научных исследований, информирования общественности об опасностях, угрожающих такому наследию [6].

Определение приоритетных направлений и управление научными исследованиями в области аутентичных форм традиционной культуры в Республике Беларусь осуществляется Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований, Белорусским фондом культуры, Белорусским институтом проблем культуры, соответствующими комиссиями творческих союзов, а также высшими учебными заведениями гуманитарного профиля (исторический и филологический факультеты Белорусского государственного университета, Белорусский университет культуры, Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины и др.).

В Беларуси на национальном уровне, в том числе посредством государственной телерадиокомпании, так или иначе проводится популяризация национального этнографического наследия. Важное место в педагогической деятельности занимают музеи этнографической тематики, например, музей древнебелорусской культуры в д. Строчицы и частный

этнографический музей «Дудутки», Академия наук Беларуси, Ветковский музей народного творчества. Однако в целом роль местных сообществ в охране и сохранении проявлений культурного наследия очень мала, кроме того, не существует специального целевого фонда и на сохранение жизнеспособности взятых под охрану объектов не выделяются необходимые средства.

Для сохранения нематериального культурного наследия государство должно стремиться обеспечить по возможности самое широкое участие сообществ, групп и, в соответствующих случаях, отдельных лиц, которые занимаются созданием, сохранением и передачей такого наследия, а также привлекать их к управлению таким наследием.

По мнению автора, традиция лечебных заговоров может претендовать на включение в Государственный список историко-культурного наследия Республики Беларусь (объект является одним из факторов формирования национального менталитета, ценным свидетельством существования исчезнувшей цивилизации – языческой; объект связан с идеями и убеждениями, которые оказали значительное влияние на ход культурного и духовного развития народа Беларуси; объект содержит в себе не полностью исследованный культурный пласт [1]). Однако деятельность по охране не должна ограничиться этим актом. Включение традиции в Государственный список не может препятствовать ее угасанию, многие процессы, происходящие в белорусской деревне (старение населения, модернизация, высокий престиж городского стиля жизни и т.д.), законодательному регулированию неподвластны. Как одно из средств поддержания жизни заговорной традиции может быть использовано включение ее в музейный контекст. Музей может стать действенным инструментом в реализации одного из направлений государственной культурной политики, а именно сохранении нематериального культурного наследия, помогая общественности понять сущность и важность наследия.

Сегодня мировое музейное сообщество приняло во внимание мнение, что все объекты культурного наследия могут быть музеефицированы, в том числе и нематериальные. Основанием этому послужил тот факт, что в 1990 г. был определен круг нематериальных форм культуры, которые постепенно приобрели статус музейных объектов: духовная культура (фольклор, музыка, танец и т.д.); технологии и производственные процессы (в народном производстве, сельском хозяйстве, ремеслах и т.д.); традиционные действия, обряды, обычаи, традиционные представления и др. [4, 45].

Только через непрерывную актуализацию зафиксированного и хранящегося в фондах материала возможно полноценное, качественное сохранение и трансляция нематериального культурного наследия в музее.

Актуальная задача – поддержка носителей и знатоков традиции, создание системы преемственности фольклорного опыта, его популяризация и пропаганда. Речь идет также о налаживании диалога и системы взаимодействия между традиционной культурой и современным культурным процессом во всех его проявлениях, разновидностях, формах [8, 145].

Вопреки ряду отрицательных факторов исторического плана белорусский этнос смог сохранить себя, специфику своей культуры и самоидентифицироваться именно как белорусский не в малой степени благодаря глубине, силе и жизненности устной народной традиции. В связи с этим задачи охраны и освоения устной народной традиции, в целом, и традиции лечебных заговоров, в частности, должны стать неотъемлемой частью культурной политики Беларуси.

Литература

1. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны: закон Рэспублікі Беларусь, 9 студз. 2006 г., № 98-3: у рэд. Закона Рэспублікі Беларусь ад 28.12.2009 // Консультант Плюс / ООО «ЮрСпектр». Мінск, 2010.
2. Аўсейчык, У.Я. 2009. "Народная медыцына старавераў Падзвіння (на аснове матэрыялаў палявых этнаграфічных даследванняў)". Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых даследванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку): зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20–21 лістап. 2008 г. / пад агульн. Рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача. Наваполацк: ПДУ, 132–136.
3. Замовы / Уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. : Г.А. Барташэвіч; Рэдкал.: А.С. Фядосік (гал. рэд.) і інш. Мінск: Беларуская навука, 2000. (БНТ: Беларус. нар. творчасць / НАН Беларусі. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору).
4. Кананові́ч, С. 2009. "Актуальныя пытанні навуковага вывучэння і фіксацыі нематэрыяльнай культурнай спадчыны". Аўтэнтычны фальклор: праблемы вывучэння, захавання, перайманя / [рэдкалегія: М.А. Мажэйка (старшыня) і інш.]. Мінск: БДУКіМ, 43–45.
5. Марозава, Т. 2010."Праблемы інсталяцыі фальклорнага архіва ў сучасную культурную прастору". Аўтэнтычны фальклор: праблемы вывучэння, захавання, перайманя / [рэдкалегія: М.А. Мажэйка (старшыня), В.В. Калацэй, С.К. Кананові́ч]. Мінск: БДУКіМ, 29–31.
6. Об охране нематериального культурного наследия: Конвенция Организации объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры, 17 окт. 2003 г. // Консультант Плюс / ООО «ЮрСпектр». Мінск, 2010.

7. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1. Народная медыцыны беларусаў Падзвіння. У 2 ч. Ч. 1. / Склад. А.У. Лобач, У.С. Філіпенка. Наваполацк: ПДУ, 2006.
8. Скараходаў, У. 2003. "Працэсы глабалізацыі і яе вынікі для культуры". Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі: Матэрыялы Міжнар. сімпозіума, Мінск, 9–10 ліп. 2002 г.: У 2-х кн. Кн. 1 / Рэдкал.: В. Якавенка (гал. рэд.) і інш. Мінск: «БелСаЭс "Чарнобыль"», 142–146.

КРЕАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ирина Лазутина
(Московская высшая школа социальных и экономических наук)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Politics of history or politics of memory affect areas of science, culture and also the shape of the cities. Images of the past in the area of the city influence conservation of cultural heritage, tourism development and socialization of new generations as well as identity formation of the residents. In the history of each country, there are historical events that a nation can be proud of, but there are other pages of history marked by negative events for the country, e.g., crimes against humanity or a totalitarian regime. In what way can historical events be represented in the space of the city and how can they serve to develop the territory, tourism, and democracy? The material for analysis in the paper are the initiatives shaping collective memory in the EU and Russia.

Сейчас мы предпочитаем отбирать прошлое, тем самым создавая его и превращая в часть живого настоящего.
К. Линч. Образ города

В последние два десятилетия в публичном общественно-политическом дискурсе преобладают дискуссии об исторической политике, политике прошлого, и политике памяти [8, 89]. Концепты «политика прошлого» и «историческая политика» первоначально появились в Западной Германии в связи с понятием «преодоление прошлого», ориентированного на более реалистичную оценку произошедших событий [8, 96]. Политика памяти включает в себя различные общественные практики и нормы, связанные с коллективной памятью, к примеру, регулирование

доступа к архивам, определение стандартов исторического образования, приоритетное финансирование исследований и др. [2, 6]. Государство может влиять на политику памяти также посредством сооружения памятников и музеев, акцентирования внимания на одних сюжетах истории и замалчивании других. Кроме того, «места памяти» могут быть «закрытыми», т.е. фиксирующими строго определенную интерпретацию исторического события или персонажа, а могут быть «открытыми», создающими пространство для диалога и различных трактовок. Одной из стратегий политики памяти является «забывание», которое может быть «вытесняющим», когда общество не касается определенных болезненных событий [2, 6].

Этот процесс пронизывает не только сферы науки, культуры, политики, но и отражается на облике городов, в которых мы живем. Образы прошлого в пространстве города – это сохранение культурного наследия, инструмент для развития туризма и социализации новых поколений, а также средство для формирования идентичности жителей, ведь «*человек не только создает город, но и сам является его продуктом*» [1, 152].

В истории каждой страны есть факты, которыми нация может гордиться, но существуют и другие страницы истории, отмеченные негативными для страны событиями, к примеру, преступлениями против человечества или тоталитарным режимом. Каким образом в пространстве города может быть репрезентировано подобное историческое прошлое и как оно может служить развитию территории, туризма, демократии?

В качестве материала для анализа в статье служат инициативы, затрагивающие публичную проработку прошлого в странах ЕС и России. В работе сделана попытка классифицировать подобные практики на несколько блоков.

Переосмысление исторического прошлого и развитие территории

«Уроки истории» могут являться частью программы развития территории. С одной стороны, это позволяет преодолеть свое прошлое, с другой – использовать «память» для формирования конкурентного преимущества, уникальности места и привлечения к нему внимания, а также развития внутреннего и внешнего туризма.

Один из примеров – культурная программа «Capital of Culture Year» в г. Линц (Австрия), который был объявлен в 2009 г. культурной столицей

Европы. В истории этот город «знаменит» тем, что в нем провел детство и юность Адольф Гитлер, позднее мечтавший превратить Линц в образцовый город Третьего рейха, своего рода культурную столицу [15]. Учитывая, что преодоление «уроков нацистского прошлого» еще живо в Европе, организаторы программы не дистанцировались от негативного наследия территории, скорее всего, они и не могли бы себе этого позволить, так как общее отношение к памяти в Европе – принятие и преодоление. Эта же политика стимулирует и одобряет подобные инициативы «памяти о прошлом», поэтому город не ставил под угрозу успех своей программы.

История Линца «разлита» в городском пространстве, в пригороде находятся лагеря уничтожения (Mauthausen, Gusen, Ebensee, Hartheim). Следы нацистского режима можно найти не только в окрестностях Линца, но и в самом городе, многие объекты уже составляют часть повседневной жизни и являются промышленными зданиями [15]. Официальная миссия программы провозглашала «уроки нацистского прошлого» одним из направлений программы «Линц – культурная столица Европы 2009» и предлагала попытку поиска новых путей переосмысления исторических событий не только в пределах Австрии, но и во всей Европе. И путь этот, как видится авторам, лежит через городское пространство, художественное и эстетическое воплощение. Программа задействовала исторические площадки города для выставок, дискуссий и других мероприятий и объединила усилия не только творческих людей, но и ученых.

«Уроки истории» как бизнес-проект

«… случилось так, что этот период истории оказался потерянным, люди не хотят об этом знать... И мы решили показать, как это было…».

Глен Спикер,
организатор Музея коммунизма в Праге [19]

Не всегда сохранение «памяти» является прерогативой государственной культурной политики, существуют и частные инициативы. Одним из примеров является Грутас парк в Литве. Парк открыт в 2001 году и сейчас представляет собой огромную территорию, стилизованную под советский ГУЛАГ, в котором функционируют музей, картинная галерея,

детский луна-парк, небольшой зоопарк и кафе. Все части «заповедника» повествуют о советском прошлом Литвы. К примеру, в луна-парке установлены советские качели и развлечения, в кафе подают советские лакомства. Музей предлагает не только коллекцию советской символики, но и исторический архив – звуковой, кино, фото, документальный материал [12]. Неоднозначным было восприятие этой инициативы общественностью и властью, предъявлялись обвинения в идеологической пропаганде и просто в бездушности бизнеса.

«Семь раз литовский сейм созывал специальные собрания, чтобы меня закрыть. Потому что одни хотят эти памятники уничтожить, а другие – передать государству и сделать из моей композиции жуткий рассказ о кровавом терроре…[Считают], *Грутас – позор Литвы и Евросоюза…Один раз ко мне пришли пенсионеры из Каунаса с сумками, в которых были спрятаны банки с краской. Походили по дорожкам и ушли, ничего обливать не стали – видят, я не пропагандирую за СССР…»*[9].

Официальный сайт парка достаточно жестко и однозначно определяет позицию организаторов: «экспозиция Грутского парка раскрывает негативное содержание советской идеологии, ее воздействие на систему ценностей. Экспозиция предназначена для того, чтобы население Литвы, прибывающие в страну гости и туристы, а также будущие поколения имели возможность увидеть обнаженную советскую идеологию, на протяжении многих десятилетий подавлявшую и ранившую дух нашего народа» [12]. На самом деле парк представляет собой не только «музей-страшилку» для туристов, развлекательные мероприятия оставляют место и для позитивных переживаний, пусть и со слегка горьковатым привкусом. Конфликт вокруг парка разворачивался отчасти потому, что его идея и само его существование идут вразрез с официальной «политикой памяти» страны, направленной на скорейшее преодоление советского прошлого и присоединение к европейскому пространству.

Еще один пример – музей коммунизма в Праге, посвященный тоталитарному режиму на территории Чехословакии с 1948 по 1989 г. Музей открылся в 2001 году по инициативе американского бизнесмена чешского происхождения Глена Спикера [10]. Чтобы окунуть посетителя в эпоху, создатели работали со светом, звуком и даже попытались воссоздать запахи, присущие Чехословакии тех лет. Экспозиция музея носит название: «Коммунизм – мечта, реальность и ночной кошмар». Один из залов посвящен мечте коммунизма и включает пропагандистские материалы, школьный класс с коммунистическими учебниками. Другая часть музея описывает жестокие реалии и ужасы режима: пустые прилавки

магазинов, комната пыток и т.д. Последняя часть посвящена Бархатной революции 1989. Музей располагает небольшим пространством, все выставки экспонируются только в четырех залах [10]. Нельзя сказать, что официальная «политика памяти» Чехии направлена на игнорирование данного периода в истории. К примеру, в Праге установлен памятник жертвам коммунизма. Тем не менее данный проект также был воспринят неоднозначно. Отклики в СМИ преподносят музей как «заморский» взгляд на чешскую историю, а значит, чужой и чуждый.

«*Посетители музея в основном иностранные туристы, поскольку большинство чехов предпочитают не вспоминать коммунистическое прошлое. Небольшое число пожилых чехов приходят полюбопытствовать, как американский бизнесмен интерпретирует их послевоенное прошлое*» [18].

В отличие от государственных практик, частные инициативы не стремятся объединить многочисленные культурные ресурсы территории, а создают свой «оазис памяти» в городе и предлагают свой взгляд на исторические события.

Прошлое как арт-терапия

Любое историческое событие равно как и территория города воспринимаются через призму судьбы своего рода, а затем уже своей страны. В этом смысле искусству принадлежит психотерапевтическая роль: работа с переживаниями, эмоциями и личным опытом. Примером подобной инициативы, объединяющей городское пространство, искусство и память, является театральная постановка оперы Фиделио на территории бывшего лагеря системы ГУЛАГ, ныне – музея политических репрессий Пермь-36 в Пермском крае (Россия). В спектакле было задействовано около 500 человек, зрители, солисты, и оркестр, все должны были передвигаться по музею по ходу действия, которое разворачивалось на всей территории «Перми-36».

В лагерную атмосферу зрители погружались еще до начала спектакля: во время путешествия из Перми до места действия в автобусах демонстрировался небольшой фильм, рассказывающий об опере «Фиделио» и истории лагеря. У музея автобусы встречали охранники, которые провожали зрителей до территории бывшего лагеря. Во время своего путешествия зрители могли наблюдать сценические инсталляции, которые рассказывали оперную историю и одновременно иллюстрировали жестокий тюремный режим [13].

Рис. 1. Фото премьеры оперы Фиделио, Пермь-36 (на фото зрители и актеры) [13]

Исторические события не могут быть стерты из человеческой памяти, в том числе и преступления против человечества. Возвращение к некоторым страницам прошлого может способствовать предотвращению их повторения в будущем. В этом случае практики работы с памятью направлены на укрепление демократии, прав человека, развитие толерантности. Инициативы, затрагивающие историческую память, могут быть реализованы государственными структурами, некоммерческими организациями, частными лицами. Наиболее масштабные инициативы, охватывающие большую аудиторию, принадлежат наднациональным организациям (таким как ООН, ЮНЕСКО), объединяющим различные страны. К примеру, в 2005 году ООН учреждает собственную просветительскую программу «Холокост и Организация Объединенных Наций» [20] и объявляет 27 января Международным днем памяти жертв Холокоста. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Память о Холокосте» [5] призывает страны-члены разработать также собственные программы мобилизации гражданского общества в целях сохранения памяти и предотвращения будущих актов геноцида. ЮНЕСКО также вносит свой вклад в «политику памяти», поддерживая различные образовательные программы, а в 2009 году включает «Дневник Анны Франк» (дневник еврейской девочки, погибшей в концлагере) в список наследия ЮНЕСКО «Память мира» [16]. Указанные программы стимулируют создание в европейских странах государственных (образовательных, культурных) и негосударственных структур, реализующих проекты в сфере искусства. К примеру, ООН в рамках программы «Холокост и Организация Объединенных Наций» поддерживает творческие инициативы в музыке, кино, издательской деятельности и т.д. [11]. Безусловно, страны в разной степени включаются в такие проекты, не только в силу отличий в истории, но и в силу приверженности определенной европейской этике.

Подобные наднациональные практики работы с историей ставят своей целью решение глобальных проблем, связанных с формированием европейской идентичности, приверженности единым нормам и развитию толерантности. По мнению В.Е. Морозова, «любое политическое «мы» нуждается в общей истории и в той или иной совокупности представлений о внешнем мире. В основе объединения людей вокруг политических целей всегда лежит соотнесение коллективного прошлого, настоящего и будущего с определенной системой ценностей, которые и служат основой политического единства». На его взгляд, ключевым в идентичности Евросоюза был временной аспект: сообщество видело свою миссию в преодолении прошлого, его строительство и расширение происходили под лозунгом «Никогда больше!», относившимся в первую очередь к двум мировым войнам и Холокосту» [4]. Юрген Хабермас ставит под сомнение формирование единой европейской идентичности с помощью инициатив «сверху», утверждая, что приобщение к общим ценностям и нормам может происходить только естественным путем [6]. Так или иначе, нормы поведения задаются и артикулируются не только в политике, но и в культуре.

Таким образом, работа с историей в городском пространстве обретает различные формы, может являться инициативой не только государственной, но и частной. Тем не менее, репрезентация образов прошлого неразрывно связана с официальной политикой памяти, представляющей собой различные общественные практики и нормы, затрагивающие коллективную память. Существующие частные инициативы обогащают общий багаж культуры памяти, а нередко бывают и единственными хранителями воспоминаний о каких-либо исторических событиях. Но подобная творческая работа с прошлым в городском пространстве зависит от уровня развития свободы в обществе и характера политического режима, позволяющих демонстрировать свое видение истории и затрагивать любые исторические события из жизни страны.

Литература

1. Линч, К. 1982. *Образ города*. М: Стройиздат.
2. Миллер, А. 2009. "Россия: власть и история". *Pro et contra* 3–4 (46).
3. Михалева, Г. 2009. "Преодоление тоталитарного прошлого: зарубежный опыт и российские проблемы". Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. № 6.
4. Морозов, В.Е. "Европа: ориентация во времени и пространстве". Фонд исторической перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://

www.perspectivy.info/oykumena/politika/jevropa_orijentacija_vo_vremeni_i_prostranstve_2010-03-06.htm.
5. "Резолюция 60/7 «Память о Холокосте» от 21 ноября 2005 г." [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/487/98/PDF/N0548798.pdf?OpenElement*.
6. Хабермас, Ю. 2008. *Расколотый Запад*. М.: Весь мир.
7. Арендт, Х. 2008. *Банальность зла. Эйхман в Йерусалиме*. М.: Европа.
8. Шеррер, Ю. 2009. "Германия и Франция: проработка прошлого". *Pro et contra* 3–4 (46).

Список источников

9. Интервью Журнала «Патрон» с Малинаускасом. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://tourism.tut.by/cgi-bin/articles.cgi?id=1020.*
10. Музей коммунизма, Прага // Уроки истории. XX век. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://urokiistorii.ru/memory/place/muzei-kommunizma-praga*.
11. Мероприятия программы просветительской деятельности «Холокост и ООН». [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://huwu.org/ru/events/holocaustremembrance/events.shtml#DanielPearlMusicDays*.
12. Сайт Грутас парка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.grutoparkas.lt/istorija-ru.htm.*
13. Сайт проекта «Фиделио». [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://fidelio.perm.ru/ru/about/fidelio/.*
14. Chemins de mémoire. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
15. http://www.cheminsdememoire.gouv.fr/pst_gale/pst_gale.php?idLang=fr.
16. Linz 2009. Capital of Culture Year. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.linz09.at/en/programm.html*.
17. Memory of the World. UNESCO. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://portal.unesco.org/ci/en/ev.phpURL_ID=26874&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html.*
18. Museum of Communism. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.muzeumkomunismu.cz/.*
19. Nick Holdsworth «Prague recalls dark days of communism»/The Telegraph. 12 Jan. 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.telegraph.co.uk/travel/723100/Prague-recalls-dark-days-of-communism.html#*.
20. Radio Praha. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.radio.cz/ru/rubrika/sunducok/muzej-kommunizma-nostalgiya-po-proshlomu-ili-vosstanovlenie-istorii.*
21. The Holocaust and the United Nations Outreach Programme. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.un.org/holocaustremembrance/index.shtml.*
22. Tourisme de. mémoire. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.defense.gouv.fr/memoire/memoire2/tourisme-de-memoire-et-memoire-partagee/tourisme-de-memoire*

Анастасия Сельчёнок
(БГУ, Минск)

МЕХАНИЗМЫ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ МИНСКА КАК ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ПЛОЩАДКИ ДЛЯ КРЕАТИВНЫХ ПРАКТИК

The author describes trends in the creative industries abroad and explains the need for awakening creative initiatives in Minsk. The experience of overcoming the economic and cultural decline of various cities and of awakening the creative potential showed the mechanisms of creative development in urban spaces. The promotion of the city's cultural identity, creating communication platforms and cultural events can make Minsk a center of international cultural and intellectual creativity.

«Любые перемены несут с собой новые возможности. Поэтому реакцией организации на изменения должно быть не выжидание, а повышение активности».

Джэк Уэлч

В современном мире происходит переосмысление понятий «пространство», «город» и «творческая личность». Городские пространства все больше трансформируются с помощью целенаправленных творческих инициатив. Сегодня креативный город понимается как новый метод стратегического планирования, который принимает во внимание способность творчески думать, планировать и действовать.

«Культурное своеобразие каждого города создает фундамент, предоставляет сырье и ресурсы и служит питательной почвой для его развития. А в мире, где города порой выглядят и чувствуют себя похожими друг на друга, культурные различия между ними приобретают особую ценность» [4, 249]. Большая часть корпораций, городов и стран уже заняли собственную нишу. Франция – это высокая мода. Япония – это

кладезь новейших технологий. Каково же место Беларуси на мировой арене и каковы механизмы продвижения образа Минска и пробуждения творческих инициатив для креативных практик в белорусской столице?

В процессе развития креативных городских практик необходима практика творческих индустрий. Идейными отцами творческих индустрий являются Ричард Флорида и Чарльз Лэндри, практикующие специалисты в области архитектуры, экономики и культуры, что позволило им создать междисциплинарную концепцию развития городов и территорий. Творческие индустрии — это сектор экономики и тип социокультурных практик, в основе которых лежит творческая, интеллектуальная составляющая (изобразительные и исполнительские искусства, кино, мода, ремесла, издательское дело, реклама, дизайн, архитектура, интернет и мультимедиа).

Чтобы город в полной мере стал креативным и наполнился творческими идеями, необходимо пробуждение городских инициатив. Действительно, креативные городские практики играют решающую роль для решения социальных, экономических и политических проблем. «Город выступает как коммуникативная площадка множества творческих личностей, свободно и динамично объединяющихся для решения разнообразных задач. Эта общая тенденция характерна не только для культуры, но именно культура выступает лидером процесса, предоставляя всем остальным сферам свой громадный арсенал креативного опыта» [2, 63].

Город – это живой организм, который радуется солнечному теплу в виде нового образа городского пространства, подставляет листья животворному дождю инвестиций в социокультурную сферу, а также открыт ветру инициативных групп, которые берут на себя ответственность за разработку и внедрение проектов по развитию креативных практик.

В Европе имеется опыт преодоления безработицы, привлечения туристического потока в заброшенные города, а также увеличения экономического потенциала с помощью реализации социокультурных проектов. Город книг Хей-он-Уай в Великобритании служит примером эффективного развития и продвижения территории за счет творческих индустрий. До 1961 года Хей-он-Уай был ничем не примечательным городком, который полностью зависел от ухудшавшейся конъюнктуры сельскохозяйственной продукции.

Для дальнейшего развития требовалось грамотное управленческое решение, поэтому Ричард Бут, владелец одного из замков, активно занялся букинистической торговлей. Он закупил множество книг и запол-

нил ими замок, пожарную часть и закрывающийся кинотеатр. Букинистический магазин вскоре получил славу «крупнейшего в мире» и был продан лондонскому бизнесмену. К началу 1970-х за Хеем закрепилась международная репутация книготоргового центра. В результате Ричард Бут повлиял на открытие 42 книжных магазинов, личное участие Бута привело к созданию 220 рабочих мест, ежегодно город посещают 110 тыс. туристов. Ричард Бут стал инициатором международного движения книжных городов.

Таким образом, опыт создания нового имиджа Хей-он-Уай показывает, что продвижение привлекательного образа города, привлечение туристов и предоставление новых рабочих мест возможно с помощью творческих индустрий.

Беларусь в целом и Минск в частности нуждаются в поиске новых путей и способов преодоления существующего состояния в социокультурной сфере. Осмысление перспектив развития Минска должно сопровождаться разработкой стратегий развития городского пространства. Креативные практики в городском пространстве эффективно развиваются с учетом основных характеристик социокультурного проекта: наличие четко сформулированной цели развития города, соответствующей более общей цели государственной политики, инновационность, коммуникативность и адаптивность.

Целеполагание. Создание и продвижение имиджа города Минска должно соответствовать целям государственной политики, при этом следовать собственным целям. Целью городского развития Минска может стать привлечение большего числа инициативных художников и предпринимателей, а также организация коммуникационных площадок и проведение уникальных фестивалей, что не должно идти вразрез с общегосударственной политикой.

Инновационность и уникальность городского развития состоят в создании уникальных для Беларуси коммуникационных площадок для совместного творчества художников, артистов, юных писателей и режиссеров. Для каждого из нас важно найти собственное место, наполненное красотой и тайной. Уникальность, таинственность и непохожесть коммуникационных центров будут пробуждать интерес и новые инициативы.

Коммуникативность. На современном этапе развития учреждения творческих индустрий выходят за пределы своих зданий. Качество производства культурных ценностей улучшается, если механизм их создания становится динамичным, интерактивным и актуальным для посетителей.

Адаптивность к культурно-исторической среде. Новые коммуникационные площадки в городе Минске должны стать частью единой культурно-исторической среды и не противоречить окружающим городским ландшафтам. Невозможно мыслить их существование обособленно от города, в котором они расположены, вдали от горожан, а также вне зависимости от истории, которая создала и сформировала его образ.

На основе вышеперечисленных характеристик проектов возможно сформулировать механизмы создания креативного городского пространства. Во-первых, для создания импульса развития Минска и нового позиционирования города на мировой арене нужен его новый **имидж** как международного центра культурных инноваций. Во-вторых, новый образ Минска может быть выстроен на основе создания и постоянного функционирования сети **коммуникационных площадок** для художников, режиссеров и артистов. В-третьих, для постоянного оживления коммуникативных площадок требуются актуальные **культурные акции и события**, которые позволят пробудить творческие инициативы белорусов, проживающих в регионах, а также привлекать кадровые ресурсы в регионы.

Опишем подробнее все составляющие для развития Минска как потенциальной площадки для креативных городских практик. В Республике Беларусь творческие индустрии развиваются нестабильно и занимают незначительное место в сфере малого бизнеса. То же можно сказать о художественном и рекламном рынках, издательском деле и моде, музыкальной индустрии и кинематографии. Следует отметить, что для реализации креативных практик в сфере культуры необходимы экономические и социальные условия, такие как сниженные процентные ставки для аренды помещений, налаженное производство творческой продукции и содействие компаниям-организаторам культурных акций и событий.

Имидж Минска. Столица Беларуси ассоциируется не только с чистотой улиц. Беларусь содержит в себе мощный культурно-исторический потенциал, являясь страной неразгаданных тайн и загадок. Последние десятилетия вокруг нашей страны образовался информационный вакуум. Однако белорусская земля полна идей и творений великих писателей и художников, композиторов и архитекторов, политических деятелей, и в наших силах преодолеть некоторое отставание в экономическом, социальном и культурном развитии за счет креативных практик.

Предлагаем развивать имидж Беларуси как страны неразгаданных тайн и непознанных культурных глубин. После формирования имиджа Беларуси как замкнутой таинственной страны, наполненной богатым культурным содержанием, но которая не по своей воле была «законсервирована», следует обратиться к созданию коммуникационных площадок. Именно они смогут пробудить творческие инициативы белорусов и развить чувство гордости самобытным краем.

Факт недосказанности и непонятости образа Беларуси для иностранцев можно использовать как необходимый ресурс для развития города среди его жителей и на международной арене. Историко-культурное наследие регионов также связано с национальным менталитетом и включает мифы и легенды региона. Белорусская литература полна мифов и легенд, которые можно использовать как ресурс для создания бренда региона и проведения эффективной региональной культурной политики.

«Использование мифов и легенд при составлении экскурсии может осуществляться в нескольких вариантах. Во-первых, это сочетание изложения исторически достоверных фактов с интерпретацией исторических событий в устном народном творчестве. Во-вторых, информация художественного характера может быть театрализована, т.е. ключевые моменты сюжетов легенд и преданий, связанных с определенным культурно-историческим объектом, разыгрываются в естественных декорациях, тем самым буквально воплощая метод зрительной реконструкции» [1, 263].

Коммуникационные площадки. Креативные площадки желательно располагать на бывших индустриальных предприятиях, которые не востребованы официальными властями, однако могут оказаться ценными для творческой молодежи. «Сегодня одним из ключевых условий конкурентоспособности города является появление креативных зон, пространств, где у людей есть свободная коммуникация. Эти пространства притягивают как магнит одаренных, талантливых людей, а за ними и капитал» [3, 73].

В ходе социокультурной деятельности, направленной на продвижение имиджа Минска, развитие коммуникационных площадок и культурных событий, возможно открытие частных галерей, киностудий, дизайнерских ресторанов и креативных площадок для самовыражения юных художников, фотографов и музыкантов. «В условиях современной экономики креативные центры имеют тенденцию выигрывать. Их отличает не только высокая концентрация представителей креативного класса, но и реальные результаты креативной экономики в виде инновационных разработок и роста высокотехнологического производства. Они также демонстрируют устойчивые признаки жизнеспособности регионов, такие как прирост населения и занятости» [5, 244].

Культурные акции и события. Сейчас в Минске функционируют мастерские художников, Галерея современного искусства «Ў», киноклуб «Лямора». Однако в настоящее время отсутствует актуальная площадка современного искусства для всех и для каждого, которая объединила бы киноискусство, журналистику и скульптуру, провоцировала бы публику постоянными оживленными дискуссиями о современном искусстве и на базе которой проводились бы профессиональные мастер-классы, тренинги и перформансы в сфере современного искусства.

Предлагаемые мероприятия в рамках городского развития Минска на коммуникационных площадках послужат активизации инициатив горожан. Пробуждение творческой инициативы граждан будет способствовать поддержке и развитию исторической памяти. Культурные акции и события, направленные на развитие национального и исторического самосознания, пробудят сознание белорусов как продолжателей европейской традиции независимости и самоуправляемости городов, а также карнавальной культуры.

Беларусь в настоящее время столкнулась с проблемами в сфере социального (социальная нестабильность), экономического и культурного развития (недостаточная реализация творческого потенциала страны и отсутствие рабочих мест для творческой молодежи). Минск находится в стадии формирования нового образа, перехода к новой экономической составляющей, к новым культурным веяниям.

На рынке с новыми возможностями бизнесу проявляться интереснее, так как в сформировавшейся системе все ниши уже заняты. Однако необходима разработка стратегии культурного развития Минска, а также конкретных мер по созданию и развитию креативных практик в белорусской столице.

Таким образом, в качестве основополагающих механизмов создания креативного городского пространства выступают продвижение имиджа города, создание коммуникативных площадок и организация культурных событий. Полет фантазии инициативной группы художников вкупе с грамотным маркетингом образа города будет способствовать разрешению социальных и экономических проблем территории.

Литература

1. Абрамович, П.А., Цыркунова, Г.М. 2007. "Мифы и легенды Беларуси как фактор активизации внутреннего познавательного туризма". Проблемы физической культуры населения, проживающего в условиях неблагоприятных факторов окружающей среды. Гомель: ГУУ, 263–265.
2. Зеленцова, Е. 2009. "Креативная экономика и городское развитие". *Ж. «60-я параллель»*. Сургут, 2 (33): 60–67.
3. Княгинин, В. 2009. "Культурная индустрия в пространстве города". *Ж. «60-я параллель»*. Сургут, 2 (33): 68–77.
4. Лэндри, Ч. 2006. *Креативный город*. М.: Классика-XXI.
5. Флорида, Р. 2005. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. М.: Классика-XXI.

Марина Бойко
(БГУ, Минск)

МЕНТАЛЬНАЯ КАРТА ГОРОДА: ТЕОРИЯ, ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

In the article the essence of concepts «mental map» and «mental map of city» is considered. Aspects of perception of the city structure which underlie a mental map of city are defined: 1) degree of acquaintance with this or that district; 2) routes which people use to reach the given district; 3) highlights in the given district to which they refer to move about; 4) degree of psychological comfort of people in the appropriate area. Experience of the NGO «Educational centre «POST»» in drawing up a mental city map on the example of the central area of Minsk is described.

В последние полтора десятилетия широкую популярность среди психологов, географов, этнографов, историков и политологов приобрели исследования в области «mental mapping». Понятие «ментальная карта» («mental map», «kognitive Landkarte») впервые введено Е.С. Толманом в 1948 г. [8]. Основные работы по этой тематике в 70-е годы были выполнены географом Р.М. Доунзом и психологом Д. Стеа. Они определяют ментальную картографию как «абстрактное понятие, охватывающее те ментальные и духовные способности, которые дают нам возможность собирать, упорядочивать, хранить, вызывать из памяти и перерабатывать информацию об окружающем пространстве». Следовательно, ментальная карта – это «созданное человеком изображение части окружающего пространства… Она отражает мир так, как его себе представляет человек, и может не быть верной. Искажения действительно очень вероятны» [6, 23]. Субъективный фактор в ментальной картографии ведет к тому, что «ментальные карты и ментальная картография … могут ва-

рьироваться в зависимости от того, под каким углом человек смотрит на мир» [6, 23].

Психология познания понимает ментальную карту как субъективное внутреннее представление человека о части окружающего пространства. Историки занялись этой проблемой в духе М. Фуко. Предметом изучения в их работах чаще всего являются дискурсивные практики по формированию различных схем географического пространства и наделению тех или иных его частей определенными характеристиками.

Ментальная карта города – это не географическая карта, а карта того, как городская реальность отражается в сознании людей. Ментальную карту создают для того, чтобы понять структуру города в восприятии его разными категориями жителей. Впервые понятие о ментальной карте города было введено Кевином Линчем [2]. С его точки зрения она, наряду с фактическим городом, содержит много уникальных элементов, которые определяются как сеть **путей, краев, районов, узлов и ориентиров**. Первое, пути-каналы, которыми люди пользуются в своих путешествиях. Примеры путей – дороги, тропинки, тротуары. Второй элемент – края – охватывают все другие линии, не включенные в группу «пути». Примеры краев – стены, набережные. Затем районы – секции города, обычно относительно существенного размера, у которых есть своя идентификационная характеристика. Четвертый элемент, узлы, представляет собой совокупность пунктов или стратегических точек, где есть дополнительный центр или скопление городских особенностей. Примеры узлов – перекрестки или популярный центр города. Наконец, ориентиры – внешние физические объекты, контрольные точки. Ориентиры могут быть магазином, горой, школой или любым другим объектом, который помогает в ориентации в городе. Правильно построенный город имеет хорошо разработанные пути. Примеры хорошо разработанных путей могут включать специальное освещение и наличие ясности в ориентирах (отсутствие запутывающих или неоднозначных поворотов). Точно также края, районы, узлы, ориентиры, заключенные в хорошую форму, увеличивают человеческую способность видеть и помнить образы, и именно эти образы облегчают процесс восприятия города.

С. Милграм определяет ментальную карту как образ города, который живет в сознании человека: улицы, кварталы, площади, имеющие для него важность, связывающие их устойчивые маршруты передвижения и ассоциативные цепочки, эмоциональная нагруженность каждого из элементов городской среды [3]. Согласно Милграму, «люди мыслят в терминах путей, связывающих между собой различные пункты» [3, 116].

А.И. Серавин, анализируя «Хронику Ливонии», пришел к выводу, что в средневековье люди воспринимали географическое пространство одномерно, т.е. господствовала линия (дорога, река), связывающая точки (селения, города). Такое видение пространства проявляется, например, в том, что во время военных походов при поимке пленных не применялось прочесывание какой-либо части вражеской территории, или в том, что племена, жившие в неделе пути от Пскова, Новгорода и Полоцка, не имели представления о том, что камни скрепляются цементом.

Т.Н. Джаксон рассматривает понятие «ментальная карта города» в двух диаметрально противоположных значениях: с одной стороны, как обозначающее существующий в сознании образ города, с другой – как материализацию этого образа, т.е. нарисованную человеком карту-набросок [1]. Оба эти употребления термина относятся к «ментальным картам» отдельно взятых людей, понятным (при их воспроизведении) другим людям по причине наличия у них единого категориального аппарата. Однако, как отмечает Ф.Б. Шенк, «не только индивидуумы создают свою субъективную внутреннюю картину окружающего их пространства» [5, 43]: наряду с «ментальной картой» каждого отдельно взятого человека в обществе на определенном временном срезе существует «ментальная карта», представляющая собой образ пространства, который имеется в сознании значительного числа людей и является частью общей «картины мира». «Группы людей, сообщества и коллективы также создают специфические в историческом и культурном отношении представления о пространственной структуре окружающего мира, который они видят или могут вообразить себе» [5, 43].

Город выступает, скорее, образом, созданным социумом, нежели материальной реальностью. Историческая эпоха в представлении специалистов – это всегда элемент психической структуры. Однако восприятие города, эпохи – это также явление общественное, и в качестве такового требует изучения как в коллективном, так и в индивидуальном аспекте. Не только то, что существует, но и то, что выдвигается на первый план обществом, становится заметным в сознании отдельного человека. Город является коллективным представлением в такой же степени, в какой он представляет собой конгломерат улиц, площадей и зданий. Возможно распознавание основных составляющих этого собирательного образа не только посредством изучения ментальной карты отдельного человека, но и при учете того общего, что свойственно разным людям. Для этой цели может быть осуществлен переход от «клинического» разбора индивидуальных карт к статистическому анализу всех тех карт, которые были

составлены испытуемыми. В ходе своих исследований С. Милграм сделал ряд очень важных открытий для исторической психологии: порядок, в котором испытуемые наносят свои элементы на нарисованные от руки карты, отражает историческую последовательность событий. Пожилые люди обычно держат в голове образ города своей молодости, и им трудно включать в нее новые элементы, пусть даже весьма значительные.

В географии уже ведется бурная дискуссия о конструировании пространства в сознании. Поскольку географические представления о пространстве традиционно отражаются в картах, прежде всего в картографии можно обнаружить интересные исследования на тему создания ментальных карт. Большое значение утверждению, что карты никоим образом не воспроизводят объективную реальность, придается в работах, которые можно отнести к географии постмодернизма. Историк картографии из США Дж. Б. Харли сожалеет, что до сих пор ни географы, ни историки не занимались исчерпывающим образом географическими картами в качестве структур социального знания. Для него географические карты являются сложными семиотическими построениями, которые, как и тексты, требуют интерпретации и которые следует читать как портрет власти. «Карта никогда не является нейтральной» – ключевая идея Дж. Б. Харли [7, 14].

Составление ментальной карты предполагает изучение как минимум 4-х аспектов восприятия городской структуры: 1) степень знакомства с той или иной местностью; 2) пути, по которым люди добираются в данную местность; 3) ориентиры в данной местности, на которые они ссылаются при объяснении пути; 4) степень психологического комфорта людей в момент, когда они находятся в соответствующем районе. Последнее особенно важно, поскольку позволяет выделить зоны психологического дискомфорта жителей города, а также обозначить места, требующие структурного усовершенствования.

В рамках мастерской «Кафе на углу» Недели неформального образования я и мои коллеги из общественного объединения «Образовательный центр «ПОСТ»» составляли ментальную карту города на примере центрального района г. Минска. Участникам мастерской были предложены 6 фрагментов рисованной карты центра Минска. Им необходимо было оценить персональную степень знакомства с данной частью города (знаю хорошо, умеренно, не знаю), а также выразить свое эмоциональное отношение к ней (считаю данный район великолепным, хорошим, не очень хорошим, ужасным). По результатам опроса оказалось, что наиболее знакомыми для данной группы являются районы парка Горького,

Октябрьской площади, Троицкого предместья и вокзала, наименее – Червенского рынка и Института культуры. Наиболее психологически комфортными оказались районы парка Горького и Троицкого предместья, наименее – Института культуры и вокзала. Мнения участников фиксировались на вывешенной карте Минска. Степень знакомства с местностью обозначалась плотностью зарисовки соответствующего места, уровень психологического комфорта – цветом зарисовки (зеленым заштриховывался участок, воспринимающийся как комфортный, красным – как дискомфортный).

Следующим этапом работы стало обозначение выбираемых участниками путей к наиболее знакомым ориентирам в центре города. Предлагалась серия фотографий, иллюстрирующих наиболее узнаваемые объекты, и предлагалось обозначить свой маршрут к ним. Все называемые маршруты отображались на карте города. Проделанная работа позволила создать обобщенную ментальную карту центра Минска, на которой были видны некоторые общие закономерности в восприятии городской структуры. Однако, как отметили участники мастерской, если бы каждый из них выполнял эту работу самостоятельно и создавал собственную ментальную карту, то карты существенно отличались бы. Это связано прежде всего с разным городским опытом участников.

Городской опыт жителей действительно весьма различен. Если попытаться выделить основные параметры, лежащие в основе различий восприятия городской структуры, то к ним можно отнести следующие**: 1) возраст; 2) доступ к транспорту; 3) особенности организации досуга; 4) эмоции, переживаемые в том или ином месте** (страх/комфорт). На разных возрастных этапах люди предпочитают посещать разные места либо в силу жизненной необходимости, либо в силу своих интересов. Молодежь, как правило, собирается в многолюдных местах в центре города, люди пожилого возраста предпочитают чаще бывать недалеко от дома, и это напрямую определяет степень их знакомства с теми или иными частями города. Доступ к транспорту связан со следующими параметрами: доходом, профессией и местом проживания людей. Доход и профессия респондентов определяют наличие личного автомобиля или использование для передвижения по городу общественного транспорта. Место проживания задает наиболее часто используемый вид общественного транспорта и экономичный маршрут передвижения. Не секрет, что ежедневное созерцание за окном одной и той же местности, а также возможность пронаблюдать ее в динамике (в разные поры года, с разными событиями, в которых задействованы другие люди) формирует

определенное отношение к ней и развивает узнаваемость соответствующего места. Особенности отдыха зависят от 1) дохода, 2) профессии и 3) образования жителей. В соответствии с этим они будут посещать разные районы города, где находятся интересующие их объекты культуры, искусства, спортивные учреждения и т.д. Степень страха/комфорта, испытываемого людьми в разных местах, связано со следующими их особенностями: 1) полом; 2) физической формой; 3) возрастом; 4) важными жизненными событиями; 5) опытом насилия. Можно предположить, что женщины более комфортно будут чувствовать себя в хорошо освещенных и максимально безопасных местах. Физическая форма, например, инвалидность или другие особенности физического развития, будут определять особенности передвижения, и степень возможности данного передвижения в той или иной местности сформирует определенное отношение к ней. Ряд мест в городе может вызывать положительные ассоциации только потому, что человек испытал здесь какие-то яркие положительные эмоции (знакомство с дорогим человеком, первое свидание, признание в любви, место проживания любимого человека и т.д.). Как правило, в эти места хочется возвращаться. Однако ассоциации могут быть и отрицательными, в этом случае существует внутренняя необходимость обходить такие места стороной во избежание возникновения в сознании неприятного воспоминания. Пережитый опыт насилия как физического, так и морального характера, также напрямую определяет эмоциональное отношение к месту происшествия. Как правило, люди, чью квартиру обокрали, предпочитают переехать в другой район города, который ими воспринимается как более безопасный в связи с отсутствием там опыта грабежа. Если в ресторане к гостю отнеслись недоброжелательно, то впоследствии не только ресторан, но и место, где он находится, может восприниматься отрицательно.

Кроме всего вышеперечисленного, на особенности восприятия города могут повлиять: слепота или очень плохое зрение; частичная или полная глухота; нарушения опорно-двигательной системы; нарушения психики; злоупотребление алкоголем или наркотиками; отсутствие места для ночлега. Участники мастерской продолжили этот список, указав, что различия в восприятии города также могут задаваться погодой, временем суток, днем недели, общим эмоциональным состоянием человека и т.д.

В рамках развития направления по изучению городской культуры мы предполагаем совместно со всеми заинтересованными лицами составить максимально развернутую и детальную ментальную карту города

Минска, а также определить, как можно сделать город более удобным для детей, пожилых людей, женщин, инвалидов, бедных и безработных, лиц, не имеющих личного транспорта и т.д. Выявление особенностей восприятия Минска с разных сторон (исторической, культурной, социальной, экологической и др.) и разными категориями граждан (дети, молодежь, взрослые люди, пенсионеры) позволит создать путеводители по городу, максимально отвечающие личным интересам приезжих, а также акцентирующие внимание на редко посещаемых, но эмоционально насыщенных уголках нашего города.

Литература

1. Джаксон, Т.Н. 2010. "«Пути» на ментальной карте средневековых скандинавов (путь как способ освоения пространства)". Древнейшие государства Восточной Европы. 2009. М.: Индрик, 112–154.
2. Линч, К. 1982. *Образ города*. М.: Стройиздат.
3. Милграм, С. 2000. *Эксперимент в социальной психологии*. СПб.: Питер.
4. Серавин, А.И. 2002. "Ментальные карты средневековья". Материалы IX международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». *Секция психология. Тезисы к докладу*. М.: МГУ, 176–178.
5. Шенк, Ф.Б. 2001. "Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней". *Новое литературное обозрение* 6 (52): 42–62.
6. Downs, R.M., Stea, D. 1977. *Maps in Minds. Reflections on Cognitive Mapping*. New York.
7. Harley, J.B. 1989. "Deconstructing the Map". *Cartographica* 26: 1–20.
8. Tolman, E.C. 1948. "Cognitive Maps in Rats and Men". *Psychological Review* 55: 189–208.

Анна Савченко
(ЕГУ, Вильнюс)

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОЛЯ МИНСКА (на примере арт-мастерских)

Belarusian art field in general and Minsk in particular is a very problematic phenomenon with specific social dynamics. The same can be said with regard to the places for communication and concentration of the artistic community, especially when it comes to alternatives to the official discourse of art practices. In this context an art studio becomes not just a work space for artists, but a much more complex spatial, social and cultural phenomenon. What routes and places involve formal urban planning, and what forms of socio-spatial resistance are possible in this context? The purpose of the study is to identify the main types and functions of art studios in Minsk and to analyze the social dynamics of the artistic field of the city on their example.

Белорусское художественное поле в целом и Минска в частности является весьма проблемным феноменом со специфической социальной динамикой. Стоит отметить, что одной из причин проблематичного статуса художественного поля города выступает дефицит арт-пространств на официальной карте – на сегодняшний день в Минске существует только несколько «значимых» выставочных пространств государственного формата: Национальный художественный музей и Музей современного искусства, и всего одна независимая галерея современного искусства «Ў». Такую же ситуацию можно констатировать в отношении мест для коммуникации и концентрации самого художественного комьюнити, особенно если речь идет об альтернативных официальному дискурсу художественных практиках.

Арт-мастерская в этом контексте – не просто рабочее пространство для художника, но куда более комплексное пространственное, социальное и культурное явление. Она выступает местом пересечения самых различных функций приватного и публичного пространств, местом, где производится и воспроизводится «материальная база» художественного поля города в повседневных практиках физического и социального взаимодействия агентов с этими пространствами. С одной стороны, многофункциональное использование мастерских является примером ответа на дефицит арт-пространств (галерей, культурных центров, образовательных центров, студий) на официальной карте города. Однако что такой формат пространственной организации может означать для самих художников, арт-среды и города в целом? Какие маршруты и места предполагает официальное городское планирование и какие формы пространственного сопротивления становятся возможными в этом контексте? Интересны здесь как архитектурно-пространственные особенности рассматриваемых мест, комьюнити, организующиеся вокруг них, типологии, способ их организации, так и эффекты администрирования искусства в городском масштабе и масштабе национальных иерархий.

В данном исследовании ставится задача проследить множественность факторов, влияющих на решение, где и как художники работают и каким образом они себя позиционируют в отношении различных пространственных элементов. Пространство при этом концептуализируется как комплексный феномен (продукт политических, экономических, социальных и эстетических факторов), а также учитывается влияние на художников контактов и связей в различных пространственных позициях: взаимоотношения с соседями, образовательными художественными институциями, с государственными институциями (Союз художников), с арт-тусовкой, с международными арт-тенденциями и арт-предпринимателями. В исследовании интересно проследить, что дает социологический анализ повседневных практик в таких интимных и одновременно публичных пространствах, как арт-мастерские для понимания художественных практик и художественного поля в целом.

Социальная динамика арт-поля Минска находится в тесной взаимосвязи с различными формами и уровнями его пространственной организации, что позволяет использовать категории пространственной организации для анализа позиций художественного поля и перспектив его развития и трансформации. В качестве категорий для анализа используются теории «поля культурного производства» Пьера Бурдье, социальных интеракций «art-worlds» Говарда Беккера и социального конструи-

рования масштаба («social construction of scale») Сэлли Марстон. В работе предпринимается попытка среза различных уровней масштабной динамики (международная арт-сфера, национальные арт-институции, городская карта распределения мастерских, локальные отношения художников к пространству вокруг них, мастерская как приватно-публичное пространство) для понимания их взаимодействия в функционировании художественного поля Минска в целом и специфики освоения пространства города агентами данного поля, а именно художниками и арт-группами.

Анализ подобного пересечения различных масштабов и позиций поля, а также различных модусов функционирования пространств арт-мастерских позволяет выделить типологию арт-мастерских, обозначить многообразие их функций, способ жизни индивидов и комьюнити, организованных вокруг этих мест, что в совокупности позволяет в некотором роде проследить невидимые элементы социальной динамики художественного поля Минска и попытаться проанализировать потенциал его трансформации.

В культурном производстве в целом, как и в производстве искусства в частности, задействован целый ряд социальных отношений и институтов. Как пишет Джереми Таннер, произведение искусства и его ценность нельзя рассматривать как выражение уникального индивидуального эстетического видения изолированного творца – ведь даже самые изолированные художники глубоко вовлечены в целый комплекс социальных отношений [10].

В нашем примере мастерских это можно выявить, исходя из тех соображений, что даже «глубокий андеграунд», как их формат существования и творчества, является реакцией на определенную социо-культурную ситуацию и в любом случае сопряжен с конкретной системой социальных отношений; например, использование подсобных помещений – результат взаимодействия с представителями районного управления, а также форма реакции на администрирование искусства в официальных арт-структурах – Союзе художников.

Таннер пишет, что социальные отношения и социальные интересы формируют возможности для инновационных работ, критической оценки и, как следствие, определенных материальных выгод. Таким образом, развитие художественных стилей является не столько воплощением индивидуальной эстетической экспрессии или коммуникации, сколько продуктом социальных интересов, формирующих способы взаимодействия художников с другими участниками «art-worlds», в

терминах Говарда Беккера [4]. Именно поэтому социологи выбирают «art-worlds» в качестве первичного объекта анализа. Под «art-world» в данном случае понимаются все люди и институции, действия которых необходимы для производства событий и объектов, характерных для этого поля [4].

Арт-мастерские Минска могут выступать структурным элементом «art-world», ведь они представляют собой место пересечения множества функций, видов деятельности и непосредственно самих акторов: используются как место жизни и работы, как пространство переговоров с заказчиками и собраний рабочих групп действующих проектов, как пространства неформального художественного образования, экспозиций, как место концентрации локального арт-комьюнити.

Эстетические интересы акторов «art-worlds» всегда сопряжены с развитием и лоббированием интересов материальных и политических. Преимущество социологического подхода в изучении искусства обозначается как возможность отхода от подробных и специфических интерпретаций изображения к схемам условий культурного производства [4]. Искусство здесь представляется типом активности, включающим в себя множество уровней социальных отношений, при исследовании которых необходимо уделять особое внимание динамике различных уровней социальной активности или, другими словами, специфических форм человеческой деятельности. Фокусируясь на одном виде активности, можно проследить множество других аспектов, которые могут быть в нем отражены и находиться в тесной связи всеобщей организации в конкретном месте и времени [12].

Подобную идею посредничества между различными акторами и институциями поля искусства описывает вслед за Бурдье Натали Айниш. По ее мнению, посредничество – это формат взаимодействия как между структурными единицами поля, так и между различными полями, которые не могут быть до конца автономными, как, например, если искусство – это часть художественного поля, то последнее в свою очередь подчинено полю глобального рынка и юридическому полю [7].

Арт-мастерская интересна нам как узловой пункт различных социальных взаимодействий: художника, пространства (жизненного и рабочего), официальных художественных институций и государственных выставочных пространств, органов городского управления, ЖЭС и ЖРЭО, кураторов, галеристов, заказчиков и др. Данная перспектива анализа также позволяет нам рассмотреть и проанализировать материальные основания деятельности минских художников, что, в свою очередь,

деконструирует миф об эстетической автономии творческого процесса и пространства арт-мастерской в том числе.

По мнению Бурдье, социология культурного продукта в качестве своего объекта должна выбирать не индивида или социальную группу, а весь спектр взаимоотношений между художниками, а также всеми другими агентами в производстве произведения или социальной значимости произведения в контексте определенного исторического периода и соответствующих отношений власти [6]. Немаловажно также, что в этой работе Бурдье отмечает, что цель социологии искусства – сделать своим объектом не только социальные условия «производства производителей», но и социальные условия производства самого поля такого производства [6].

Здесь стоит также вспомнить «Исторический генезис чистой эстетики. Эссенциалистский анализ и иллюзия абсолютного» Бурдье [1], где автор предлагает подвергнуть анализу «знаки автономии художественного поля» – комплекс специфических институций, которые обуславливают функционирование экономики культурных товаров. Среди таких условий он выделяет выставочные залы, галереи, музеи, «инстанции посвящения»: академии, салоны, премии, «инстанции воспроизводства производителей и потребителей»: художественные школы и курсы, «специализированные агенты, наделенные требуемыми полем диспозициями»: продавцы, критики, историки искусства. Такие условия, по мнению автора, конструируют ценность и значимость произведения искусства и самого художника в определенном пространственно-временном контексте.

В нашем случае арт-мастерская часто сочетает в себе если не все, то большую часть функций подобных институций в контексте минского художественного поля, а именно: выставочных залов/галерей; «инстанции воспроизводства производителей» и потребителей; места концентрации «специализированных агентов».

По словам информантов, использование арт-мастерской в качестве выставочного пространства – весьма распространенное явление, у которого есть целая традиция, сложившаяся еще в 1980-е годы в пространстве квартир и мастерских, что часто было одним и тем же и где регулярно проводились так называемые квартирные выставки неофициального искусства. Причем это могла быть квартирная выставка или просто выставка работ в мастерских, персональная или нескольких авторов, организованная, например, для приезжих галеристов или даже «для себя»; ведь, как отмечает информант: « *...мы очень много ходили друг к*

другу в гости и показывали, что мы делаем, потому из этого всего уже появлялись какие-то проекты, которые мы собирали и ехали в Польшу, например»[1].

Особенность таких выставок в основном в том, что они подразумевают участие очень небольшого количества людей, не предполагают широкой рекламы и продолжительности более нескольких дней. Тем не менее это подчеркивает роль арт-мастерских в процессах самоорганизации художников в проекты, которые в дальнейшем могли отправляться на внешний рынок. Но такой формат также определяет ситуацию некоторой обособленности и ориентации на узкий круг или определенный сегмент комьюнити. Ведь даже те художники, кто часто ходит друг к другу в гости – это чаще всего те, чьи мастерские располагаются приблизительно в одном и том же районе или в одном и том же жилом комплексе (как, например, Дом художника по улице Сурганова, 44 или Минский художественный комбинат).

Что касается «инстанций воспроизводства агентов», здесь также можно говорить о мастерской как месте получения неформального художественного образования: молодые художники часто работают при мастерских более опытных и именитых художников за неимением возможности арендовать собственную мастерскую, а также в качестве ассистентов. Некоторые мастерские изначально позиционируют себя как образовательные (арт-студия детского и молодежного творчества WOSTRAU Юрия Иванова, детская художественная студия Ришарда Майя).

Довольно интересной в рассказах информантов оказывается тема «специализированных агентов», которые так или иначе повлияли на творческий путь художников. Это галеристы, коллекционеры, другие художники как наставники, фигуры которых в тот или иной момент опыта стали ключевыми по организации дальнейшего опыта: первые выезды за рубеж, покупка или экспозиция работ, помощь в получении арт-мастерской и др.

Большое количество имен как ключевых фигур также отсылают к важности фактора социального капитала, так как имена тех или иных специализированных агентов порой даже служат отправным пунктом в рассказе своей истории, или так или иначе появляются на протяжении рассказа, в некотором роде структурируют пересказываемый опыт художника.

---

[1] [информант 7].

В работе «Искусство как коллективное действие» [4] Говард Беккер использует теорию символического интеракционизма в отношении социологии искусства. Смысл теории в том, что в каждом взаимодействии участники ситуации создают заново социальную структуру в зависимости от того, как они обозначают ситуацию, в которой взаимодействуют. «Art-world» или «арт-мир», как и любой другой социальный мир, характеризуется определенными порядками отношений («negotiated orders»), которые, в свою очередь, производят привилегированный статус художника как социальный конструкт, сопряженный с континуальной системой отношений. Беккер пишет, что любое конкретное произведение искусства отсылает нас к социальной организации – конфигурации различных людей, вовлеченных в производство этого произведения, а также упоминает о ряде актуальных конвенций, которые существуют в «арт-мире», в соответствии с которыми строится сотрудничество между теми, кто участвует в производстве и потреблении определенных произведений. Беккер предлагает рассматривать коллективные действия, как и события, которые они создают, в качестве базового элемента социологического исследования. Таким образом, чтобы проанализировать какую-либо художественную активность, нам необходимо проанализировать ее социальную организацию, а именно, обнаружить сеть акторов, ответственных за реализацию определенного события, проследить возможные связи в этой сети, проанализировать способы использования конвенций в координировании действий агентов, а также то, каким образом существующие конвенции делают координированные действия возможными и ограничивают спектр форм, которые они могли бы принять, и как развитие новых форм и привлечение новых ресурсов делают перемены возможными.

Довольно интересно рассмотреть процесс «присвоения» художественной мастерской или организацию выставки в арт-мастерской как пример такого коллективного действия: пусть это и не создание произведения искусства, но тем не менее налицо жизненно необходимые социальные действия или интеракции в опыте художника на пути к созданию своих произведений. Прежде всего стоит отметить, что в процессе получения того или иного пространства в качестве мастерской участвует целый ряд людей: это сам художник или группа художников, это представители официального администрирования искусства в виде Союза художников или Союза дизайнеров, которые распоряжаются некоторым количеством городских мастерских, а также другие художники, которые ждут в очереди или уже занимают какие-либо пространства,

это районное и городское управление ЖЭС и ЖРЭУ, когда речь идет об адаптированных помещениях нежилого фонда, это также агенты в области коммерческой аренды офисных помещений.

Если говорить о «конвенциональном подходе», то это, скорее, пример с официальными помещениями от Союза художников со своей системой распределения мастерских и внутренних иерархий. Наши информанты рассказывали, что в таком состоянии «очереди за мастерской» художник может просуществовать от нескольких до 10 лет, особенно если речь идет о хороших помещениях; очень многое зависит от статуса художника и его позиций в поле, точнее, от его символического капитала, в терминах Бурдье [5]:

«*И вот я говорил про этот фонд хороших мастерских, особенно мастерских, находящихся в собственности Союза художников, там какая-то своя очередь и свой рейтинг этих мастерских, на них претендовать очень сложно, сколько бы ты не стоял в этой очереди. Там постоянно идет ротация внутри уже этого клуба, кто-то улучшает свои условия, переходя из одной мастерской в другую, кто-то там с кем-то сходится и одну мастерскую меняют на две для каждого, но туда попасть, в это ограниченное число мастерских, ну маловероятно, очень не просто*»[2].

В этом действии также имеет значение экономический капитал, от которого зависит то, на какое помещение в принципе может претендовать художник, будет ли он арендовать помещение один или в паре/группе:

« *...ситуация меняется еще и потому, что в таких теперь уже дорогих мастерских одному человеку работать будет почти невозможно, то есть наверняка это будут, так сказать, какие-то команды, из таких близких по духу людей - художников*»[3].

Также информантами была обозначена ситуация роста стоимости аренды практически вдвое в связи с повышением цен на газ, что означает, что многие художники будут отказываться от помещений, а это значит большее количество мастерских окажется доступно для молодых художников. Таким образом, конвенции Союза художников предполагают определенный формат этого типа действия с привлечением конвенциональных ресурсов: имеющихся помещений, экономической составляющей, статуса агентов.

---

[2] [информант 6].

[3] [информант 7].

Второй же пример, а именно освоение пространств нежилого фонда – это как раз пример внедрения новых форм и привлечения новых ресурсов и акторов в том числе. По рассказам информантов, такого рода деятельность, как обнаружение и дальнейшее присвоение различных пространств нежилого фонда (подвалы, электрощитовые, чердаки, технические этажи, сушилки) было более распространенным явлением раньше, а именно, в 1980-е гг., в наше же время все такие помещения «уже найдены» и находятся в коммерческой аренде чаще всего.

Здесь вовлеченными во взаимодействие были сами художники, работники администрации ЖЭСов и ЖРЭО, а также рядовые электрики, сантехники и пр. Изобретение новой конвенции состоит в данном случае в том, что художник сам находил себе помещение или обращался в выше указанные органы для оформления аренды помещения, потом также соглашался на обслуживание этих же структур в качестве «оплаты» (различные оформительские работы, обучение детей работников и пр.), далее это помещение необходимо было полностью обустраивать, вплоть до построения санузлов, стен, окон, дверей, после чего оно становилось рабочим и часто также жилым пространством.

Для урегулирования уровня оплаты художники и сотрудники ЖЭСов и ЖРЭУ находили различные формы диалога, в основном в форме работы одних на других:

«..мне больше повезло, потому что остальным приходилось очень много работать на эти ЖРЭУ и ЖЭСы, здесь такой своеобразный рэкет, конечно, это ситуация была страшно зависимая, ничего с этим нельзя было поделать, чего не сделаешь ради свободы в искусстве...»[4]

«...последняя смешная новость: для дальнейшего плодотворного сотрудничества с ЖЭСом нужно вести 2 раза в неделю кружки по фото и живописи для детей работников, для нас это несложно, Олег в ответ попросил кабинет – еще, нас почему-то причисляют к работникам ЖЭСа, хотят в подвале сделать баню и нам туда тоже можно будет ходить как работникам, все как в деревне – друзья, соседи, ЖЭС...»[5]

Тем не менее художники обретали свои помещения, тем самым утверждая новые конвенции и в некотором смысле трансформируя ситуацию в поле. Место символического и экономического капитала здесь, конечно, занимал капитал социальный.

Помимо этого органы городского управления также находятся в официальных отношениях с творческими союзами, на счет которых в

[4] [информант 7].

[5] [информант 10].

конечном итоге чаще всего и переписываются новые адаптированные пространства, однако на сегодня фонд таких помещений практически иссяк, и художникам в этом приходится ожидать аукционов помещений.

Здесь также стоит упомянуть аспект физического взаимодействия с пространствами, которые получают художники, так как будь то «союзные» помещения или помещения нежилого фонда, на начальном этапе они чаще всего предстают перед их арендаторами в совершенно непригодном для жизни и работы виде, и, по словам информантов, им приходилось затрачивать большое количество сил и ресурсов на ремонтные работы.

«...потому что, естественно, все это обустройство я делала сама, а сдавали они мне абсолютно непригодным: там были крысы, там были какие-то тряпки, там жили бомжи, только крыс потравить, наверное, месяц требовалось, носить эти крысиные трупы, что меня очень огорчало, потому что я люблю животных»[6]

Итак, можно констатировать очень специфические условия борьбы за рабочие пространства как в официальном, так и в неофициальном контекстах. Что касается применимости концепции коллективного действия и поля, то здесь довольно ярко иллюстрируется ситуация вовлечения самых разных акторов и не только представителей художественного комьюнити, при этом каждый из акторов использует свои профессиональные ресурсы для реализации события – получения мастерской: сантехники и электрики выступают специалистами по поиску помещений, руководство ЖЭС занимается менеджментом и распределением ресурсов, художники используют свои профессиональные навыки для оплаты помещения. Поэтому хотя мастерская, в представлении многих, это некое сакральное пространство креативного процесса, примеры освоения пространств наших информантов очень хорошо иллюстрируют идею материальных оснований художественных практик.

Теория полей и капиталов, в свою очередь, хорошо укладывается в систему диспозиций официального художественного поля, где твой статус и положение на иерархической лестнице определяет возможный репертуар действий и степень доступа к тем или иным пространственным ресурсам, и от индивидуального таланта или стиля здесь, чаще всего, мало что зависит. Таким образом, мы имеем дело с довольно сложными условиями «выживания» и художественной деятельности на уровне элементарной профессиональной необходимости: «...структура пространственного распределения власти, иначе говоря, устойчиво и

[6] [информант 7].

легитимно присвоенные свойства и агенты, наделенные неравными возможностями доступа к благам или их присвоению, как материальному, так и символическому, представляет собой объективированную форму состояния социальной борьбы за то, что можно назвать пространственными прибылями» [2]. Таким образом, если в традиционном взгляде на искусство в поле внимания находится пространство репрезентаций, то есть самих работ как продуктов искусства, то наш пример показывает, чем опосредуется сам процесс производства искусства, когда художники вступают во взаимодействие с пространством как с целым комплексом социальных отношений.

Арт-мастерские можно определить как особенный элемент современного белорусского арт-мира, места пересечения множества социальных интеракций и функций (место встречи с потенциальными клиентами – заказчиками, галеристами, коллекционерами, кураторами, и «тусовочное место» для художников, и жизненное vs рабочее пространство), конструирующие практики художественного производства и коммуникации. Во множестве своих функций организация арт-мастерских выступает примером пространственного противостояния в контексте ограничений и дефицита арт-пространств в городе и в масштабе национального государства в том числе, которые, в свою очередь, обусловливают ситуацию борьбы за рабочие пространства и ресурсы международного уровня как воображаемого «пространства успеха», где статус и положение во внутренней иерархической структуре являются определяющими факторами.

Арт-мастерская как место социопространственной борьбы также выступает особым значимым масштабом в организации художественного поля города, где приватное и интимное пространство художественных практик включается в другие масштабы социальных интеракций и трансформирует личное в публичное, а также является динамичным пространством коммуникации самых разных агентов художественного поля, которое замещает функцию специализированных публичных мест такого формата в городе.

Таким образом, арт-мастерские можно описать как весьма парадоксальные полифункциональные и полимасштабные пространства, которые устанавливают спектр связей с административными структурами и локальной инфраструктурой города; выступают неофициальными местами встреч и концентрации комьюнити, тем самым стимулируют неформальную самоорганизацию и проектную работу, зачастую ориентированную на внешний рынок; ставят под вопрос роль национального

государства в администрировании искусства во взаимоотношении локального и глобального уровней реализации художественного опыта.

Литература

1. Бурдье, П. "Исторический генезис чистой эстетики. Эссенциалистский анализ и иллюзия абсолютного". [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://moodle.ehu.lt/mod/resource/view.php?id=18746*
2. Бурдье, П. "*Физическое и социальное пространство: проникновение и присвоение*". [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Burd/01.php*
3. Шпарага, О. 2008. "Диагноз: от постсоветского авангарда к партизанскому номадизму по-белорусски. Постсоветская публичность: Беларусь, Украина". *Сборник научных трудов под редакцией М. Соколовой, В. Фурса.* Вильнюс: ЕГУ. 158–186.
4. Becker, H.S. 2003. "Art as collective action". *The sociology of art. Reader edited by Jeremy Tanner.* London: Routedge, 85–96.
5. Bourdieu, P. 1993. *The Field of cultural production.* Cambridge: Polity Press.
6. Bourdieu, P. 2003. "But who created the creators". *The sociology of art. Reader edited by Jeremy Tanner.* London: Routedge, 96–195.
7. Heinich, N. 2004." La sociologie de l'art". Paris: La Decouverte. 68–82.
8. Heinich, N. 2006. "La sociologie a l'epreuve de l'art". Geneve: Aux lieu d'etre. 39–81.
9. Marston, S. "*The Social construction of scale*". *Progress in Human Geography 24,2 (2000).* 219–242.
10. Tanner, J. 2003. *Introduction: Sociology and art History*. *The sociology of art. Reader, edited by Jeremy Tanner*. London: Routedge.
11. Williams, R. 2003. "Marxism and the social production of art (From reflection to mediation)". *The sociology of art. Reader edited by Jeremy Tanner*. London: Routedge, 79–85.
12. Williams, R. 1992. "The analysis of culture". *Art in theory 1900–1990. Reader edited by Charles Harrison and Paul Wood.* Oxford. UK: Blackwell Publishers, 712–717.

Дмитрий Заец
(Институт социологии и философии, Варшава)

КРЕАТИВНЫЕ ИМПЛИКАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИК ПУБЛИЧНОГО ИСКУССТВА (на примере харьковской городской среды)

The paper presents the results of reconstruction of the sociocultural context of contemporary public art practices in Kharkiv with a view to alternative, creative use of urban space in order to design and update the identity of the city and the urban identity of its residents. The paper is divided into two parts. The first part is dedicated to theoretical introduction to the social sciences' contemporary issues connected with heuristic potential of such notion as "space", "urban place", "identity", "the public", "creativity" and "public art". The second part deals with concrete urban places of the post-Soviet Kharkiv (Ukraine) and public art projects that reformulate their content and people's imagination about them in a creative way.

Идентичность места и место искусства в его идентификации

Одна из наиболее значительных тенденций последних десятилетий в блоке социогуманитарных наук – это воплощение «пространственного поворота», который выстраивается в диалектике с формированием локальной идентичности города, его отдельных частей или локальной идентичностью регионов. Подтверждение тому – многочисленные работы западных аналитиков в области социологии, урбанистики, теории архитектуры и современного искусства, например, Р. Флориды, Дж. Джекобс, А.М. Янг, Е. Сойя, Д. Харви, М. Девиса и других. Их работы строятся на анализе пространственных ценностей в категориях топографии, морфологии и, главное, *мифологии места*. К этому же кругу вопросов также относится рассмотрение специфических стратегий освоения,

схем обживания этих пространств, которые практически, нередко, воплощаются с помощью средств искусства. Этот «инструмент» выглядит наиболее действенным в силу его тактической ориентации на наиболее важный аспект общественной идентификации – на мифологию места.

Искусство наполняет социальное воображаемое применительно к ценности пространства определенной символикой, которая выступает в роли «акцентов» или «синтаксиса» тела городского текста. Определению роли искусства в деле идентификации городского места и посвящен настоящий социологический очерк.

Произведения городского искусства являются символом, материализованным выражением определенной городской эмоции. Оперируя или генерируя подобные значимые символы, художник вызывает и поддерживает в индивидуальном и коллективном воображении близкие или безличные (рассеянные) по группам воспоминания, эмоции, мифы. Они есть олицетворение некоего понятия (отваги, патриотизма, долга, «другого» и др.), или ссылка к героике или популярности персоны, литературного, кинематографического произведения. Вместе с этим произведения искусства являются частичным отражением этой группы, основанием ее коллективной идентичности. Именно с помощью комплекса символов, оформленных определенными идеями, смыслами, с помощью содержания культурной модели, по мнению К. Гирца, человек ориентируется в окружающей социокультурной среде, в нашем случае в городском ландшафте.

Сумма подобных моделей складывается в механизм, используемый индивидуумами или группами индивидуумов для определения себя, другого, своего места среди других, наконец, своего пространства: двора, района или города. Происходит это за счет того, что К. Гирц называет *движением символов*, социально значимых предметов, которое составляет процесс мышления и воображения как социальные действия. Эмоция, оформленная идеей места, материализуется в общественном пространстве в виде городского искусства или маргинальной практики граффитчика, и отныне существует как часть повседневного опыта и олицетворение места и группы; катализатора социального действия и выразителя социального единства.

Происходит это в основном благодаря продуцированию, наряду с вербальной, визуальной, «памяти-привычки» – центрального концепта и главного открытия П. Коннертона. Память тела, интерезуясь в процессах адаптации и освоения пространства, укореняется в социальное, культурное и пространственно бессознательное человека. Именно этот

аспект не мыслится вне процесса идентификации места. Идентичность как результат этого процесса, хотя и временный, конструируется через повседневные практики бытования в городе: пешие прогулки, маршрутизация туристических экскурсий, специфические виды перформанса, связанные с почитанием памяти, торжества, пикеты или коллективная игра в шахматы. «Перформативная память» как одно из возможных проявлений социальной памяти сохраняет значимые события и практики с помощью повторения – ритмики, которая «оседает» в теле.

Формат национальных масштабов этот социально сконструированный процесс организует согласно интересам определенных кругов (политических, религиозных элит и т.п.) вокруг памятников великим «сыновьям нации». Впрочем, этот процесс организован так же, как и во время «изобретения» национальных традиций, массовое продуцирование которых началось в Европе периода 1870–1914 гг. Их «искусственный» характер раскрыт в работе Э. Хобсбаума.

Произведения городского искусства, проявления маргинальной творческой активности (граффити) или более мейнстримового street-art в таком случае играют роль «меток», или даже «метатекста» («мастер-нарратива») в мифическом опусе публичной жизни в городе.

В Харькове темами публичной манифестации художников служит идентичность города, то есть формирование и оформление в социальном воображении и памяти самообраза города и горожан, и соответствующее декорирование городского пространства с помощью символической игры, эксперимента знакомыми образами выдающихся писателей, сюжетов космической эры Харькова, его индустриального прошлого, и предложения возможных символов, тем, текстов, традиций обновленного собирательного образа города. Этот диалог стихийным образом осуществляется силами молодых харьковских художников, дизайнеров и граффитчиков.

Чувствительность искусства по отношению к социальной памяти объективируется в произведениях публичного искусства, с помощью которых агенты «художественного поля» концентрируют внимание на локальных особенностях истории города, его легендах, известных персонах, так или иначе связанных с Харьковом. Иными словами, произведения публичного искусства встраиваются в процесс формирования «осмысленной» идентичности города – образа, который позволяет данный город идентифицировать в системе других городов (т.е. «внешним образом»). Поэтому своеобразные представления о Харькове, артикулированные художественными произведениями, наполняют и переосмыс-

ливают образ города, на котором, в свою очередь, базируется городская идентичность.

Городское пространство, таким образом, не просто место, которое обеспечивает передвижение, часто бездумное. Это место имеет неповторимый исторический характер, «следы» культурных наслоений и борьбы. Место – не производное от сочетаний и комбинации физических объектов, содержащихся в нем, но конструируемое потоками информации и взаимоотношений (людей друг с другом, людей с объектами и объектов между собой). Место, которое постоянно продуцируется и модифицируется.

Поэтому наша оценка произведений искусства должна быть фундирована социокультурной интерпретацией природы места. Их существование зависит от того, что происходит в его пределах, какой вид интеракций их пронизывает, какой характер явлений осуществляется, какая траектория властных отношений определяется, какие смыслы и значения приписывают произведениям городского, мемориального искусства их авторы, инициаторы, критики, зрители, просто прохожие или те или иные комьюнити, и какие смыслы и значения арт-объекты привносят в повседневную жизнь сообщества и его места.

Креативные импликации публичного искусства

Вернемся к современному публичному искусству Харькова. Выделю основные особенности харьковского публичного искусства и культурной ситуации, в которой эти практики осуществляются в рамках пространственной и гражданской перспектив.

Первое – это наличие в новых харьковских художественных практиках, разворачивающихся в пространстве города, «нарративного элемента публичности» (О. Шпарага), который выражается в стремлении художников, авторов прежде всего настенных работ к индивидуальному самовыражению за пределами частных и полупубличных художественных институций (мастерских, академий, галерей). Важна была манифестация претензий агентов художественного поля на общественное внимание, уважение и часть общественного блага и артикуляция комплекса социальных и культурных проблем города. Не сформирован институциональный элемент, который предусматривал бы открытую и критическую коммуникацию, обсуждение существующих работ в широком кругу заинтересованных лиц: среди художников, арт-критиков, социальных ученых, представителей общественных организаций и рядовых горожан.

Второе – поиск новых «выставочных площадей» привел харьковских художников к выбору таких художественных средств и визуальных образов, которые способны конструировать «мягкие» / «слабые» публичные места. Взаимодействия в этих местах толерантны, но дистанцированы, элементарны и сиюминутны. Эти места инициируют социальность относительно *пассивного характера*.

Третье – художники, за небольшим исключением, заинтересованы в своей «широкой публике», заботятся о восприятии «неподготовленного зрителя» и, работая на «эстетизацию» городской среды, прежде всего предлагают, артикулируют и актуализируют в социальной памяти горожан положительный, привлекательный образ города – городской идентичности харьковчанина и идентичности самого Харькова. В этом случае «новые публичные эстетики» не стремятся спровоцировать, организовать критический дискурс, например, относительно трагических событий военных лет, советского периода или социально-экономического кризиса настоящего времени. Харьковский паблик-арт является аполитичным, он не представляет Харьков в «голубом» или «оранжевом цвете» (ангажированные цвета в политической сфере Украины), но артикулирует идентичность Харькова в обновленном символическом значении коллективного знания о Харькове как культурном, современном, интеллектуальном и экологически безопасном городе. Харьковский public art – это в большей степени художественные и дизайнерские практики, направленные на формирование и оформление социокультурного облика Харькова и актуализацию этого образа в социальной памяти и воображении харьковчан.

Постулируя это, я отвлекаюсь от настроений упадка и комплекса обреченности, присущих современной украинской социальной мысли, и считаю, что с учетом вышесказанного следует подчеркнуть почти стартовое состояние подобных культурных практик. Соответственно относительно малый опыт культивирования этих зачатков демократии нуждается в социологическом внимании (теоретизировании, критике и прогнозировании) и общественном уважении не только со стороны научных кругов, но и широких слоев населения. А уважение это оправдано творческим, интегративным, модернизационным и критическим ресурсами публичного искусства, которые могут и должны быть канализированы и ассимилированы ради совершенствования социальной, культурной и экономической жизни городского сообщества. Но как организовать эти процессы?

Дзига Вертов – классик российского кинематографа – еще в 20-е гг. XX ст., говоря о кино, так определяет искусство: это жизнь, схваченная

врасплох. Практика городской деятельности художника основывается на подобной тактике – тактике неожиданности и удивления. «Мастера» удивления поражают зрителя простыми вещами, одной линией, одной фразой, эпизодом из жизни. Они не только вдохновляют городского жителя, сообщество украшать то место, в котором они живут, но и возбуждают когнитивные и творческие процессы сознания. Между тем разговор о том, что эти процессы пробуждаются благодаря неожиданным или непредсказуемым художественным актам, не означает, во-первых, что данная сфера – искусство – окутана тайной, которая видима только художникам – самым талантливым и проницательным из людей, и, во-вторых, что, как это показала художественная ситуация с public-art в Харькове, творческий процесс необязательно должен быть автономен, неуправляем и хаотичен.

Творчество и новаторство в городском контексте должны превратиться в целостный интегрированный процесс, охватывающий все аспекты городской жизни. Новации в социальной, экономической, политической, культурной сферах и близкой Харькову экологической станут одинаково необходимыми и будут иметь равный вес. По сути, Харькову придется осознать, что его судьба неизбежно связана с тем, как он использует или не использует творческий потенциал горожан. Способность города распознавать, раскрывать, подпитывать, направлять, использовать, поддерживать и, наконец, перерабатывать, ассимилировать этот творческий потенциал определит его судьбу в условиях конкуренции, как минимум, между украинскими городами. Английский писатель Фил Вуд, выражая недовольство распространенным в дискурсе социальных наук понятием «информационного общества» или «постиндустриальной эпохи», развивает идею «творческой эры» и «творческого капитала». Он настаивает, что города сегодня стали хранилищами новой формы богатства, которое будет главным двигателем экономики грядущего века. Это – Творческий Капитал. То, как умножается или растрачивается этот капитал, определяет, ожидает город подъем или упадок.

Сегодня все города встают перед вопросом, как обеспечить адекватную атмосферу, создать необходимые условия, в которых будет возможно развитие их скрытого творческого потенциала. По итогам эмпирического исследования харьковского публичного искусства – катализатора процессов демократизации и модернизации – свой доклад я завершу презентацией предпосылок, стимулов, способных обеспечить переход Харькова к развитию своих творческих возможностей. Смысл представленных предложений базируется на сочетании специфических свойств феноменов «публичности» и «публичного искусства»:

• Создание пространства для творческого эксперимента – появление в городе отдельной площадки или дискуссионного форума, где поощряется новаторское мышление.

• Кооперация и аккумуляция идей – создание в городе атмосферы, поощряющей дебаты и сетевое сотрудничество; авантюризм и состязательность.

• Поиск других смыслов – вовлечение в диалог этнокультурных и других меньшинств, что позволит привнести консультационный взгляд со стороны.

• Организационные возможности и управление – этот фактор в допустимой норме может быть одним из наиболее существенных стимулов, поскольку без эффективной организационной структуры и соответствующих техник город никогда не сможет перевести свои творческие идеи в практические действия и реализованные проекты.

• Осознание возможного – многие города переживали кризис, но немногие из них осознали заложенный в нем конструктивный потенциал. Примерами городов, которые в 1980-е годы ответили на него достойно, служат Глазго и Хаддерсфильд; в 1970-е с ним справились многие города Ирландии и Фландрии.

Несмотря на все описанные выше двусмысленности и сложности харьковского публичного искусства, показателем трансформации отношений искусства и общества, шире – социокультурного пространства, является то, что подобные художественные инициативы вообще стали возможными. Но роль деятелей публичного искусства – «культурных энергодателей» (О. Коваль) – в активации и приумножении творческого капитала города будет положительной только в том случае, когда их культурные практики обеспечат уровень открытой и критической коммуникации. Публичное обсуждение в локальном физическом пространстве публичного произведения способствует аккумуляции в художественном поле средств и навыков интерпретации и аргументации, необходимых для выработки в процессе открытой дискуссии критериев, которые будут служить для оценки и создания произведения.

Иными словами, в художественных проектах, акциях, мероприятиях должен возобладать принцип публичности, лежащий в основе структурирования социокультурного поля публичного искусства, которое кроме собственного развития в харьковском контексте может стать толчком к обновлению и переосмыслению украинской социальной и экономико-политической реальностей вообще.

Мария Кухорева
(ЕГУ, Вильнюс)

КРИТИКА УРБАНИЗМА КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

Urban sites and spaces became the basis for public civic action, which often can be expressed through different art practices. The best examples are when urban spaces provoke intensive debates about history, memory and events connected with them while reflecting on their future. Discussing the case of art projects, which was held in and about the Palace of the Republic in Berlin (former parliament building of the German Democratic Republic), the essay reflects on the role of critique of urbanism as an art practice in the context of relationship between civic society and urban spaces.

Публичные пространства все чаще и чаще становятся «эмоциональными» объектами, которые стимулируют твердое городское мнение. Места, пространства и тот живой интерес, который они пробуждают, стали базисом для публичного гражданского действия, которое часто выражается в художественных практиках. Прежде всего речь идет о случаях, когда места вызывают напряженные дебаты о своей истории, памяти и событиях, связанными с ними.

Нет лучшего тому примера, чем Берлин, город «призраков» [5, 2], где этот факт стал особенно очевидным. Сосредоточение в Берлине мест, которые обременены функциями свидетелей или напоминаний о двух мировых войнах, неудавшейся республике, Холокосте и холодной войне, делает панораму города «уникально политизированной» [5, 3].

Поврежденный во время второй мировой войны городской дворец оказался в центре той части территории города, которую в послевоенный период контролировали советские войска. По указанию Вальтера Ульбрихта, коммунистического лидера ГДР, дворец в 1950–1951 годах

был снесен, с тем, что унести любые ассоциации немецкой столицы не только с национальным социализмом, но также и с прусской милитаристской традицией. На его месте был построен в 1973–1976 годах Дворец Республики. Он представлял собой прямоугольник, меньший, чем бывший дворец и к тому же развернутый на 90 градусов. Само здание понималось как «двойное» публичное место: концептуальный гибрид между общественным досугом и конференц-залом, с одной стороны, и парламентским зданием, с другой. Такое «соединение» было также отражено на поверхности здания, где целью полупрозрачного стеклянного фасада стала артикуляция политической прозрачности. Авторы придали оранжевый оттенок стеклу на фасаде для того, чтобы отразить тепло солнца. Неожиданно такая отражающая оболочка позволила осуществить по крайней мере промежуточную интеграцию здания в кубическую раму барочного и неоклассического окружения через отражение исторической сетки окружающих площадей на поверхности Дворца.

Несмотря на это после воссоединения Германии здание было определено как урбанистическая политическая и эстетическая нелепость. Потеряв и парламентскую, и культурную функцию, и к тому же осужденное за сильные асбестовые загрязнения среды, здание было закрыто, разобрано изнутри и оставлено в таком состоянии на года. В это время решалось его будущее, как и будущее всего окружающего пространства. Главной идеей стало восстановление городского дворца, что, по мнению многих, содействовало бы национальному сплочению, в том числе посредством уничтожения символа антидемократического социалистического государства.

Но дискурсы, возникшие как оппозиция таким нарративам, мобилизировались для поддержания исторической связности и будущего единства. Самый заметный из дискурсов защищал здание эпохи ГДР из-за его исторических и политических функций как свидетеля – в этот раз уже «другого» – немецкого прошлого. С этой точки зрения снос социалистического дворца в том же месте, где был разрушен городской дворец, только повторил бы жест разрушения идентичности. Сторонники такой позиции боролись за сохранение хотя бы части общественного здания и разрешение его трансформаций для дальнейшего использования.

Другие стороны в споре, в основном в первые годы дебатов, видели будущее данного места как пространство, не занятое ни одним, ни другим дворцом. В 1993 и 1996 годах проводились архитектурные конкурсы. В конце концов образ прусского дворца одержал победу и был подтвержден, хотя и с очень небольшим перевесом. Дорогостоящий и продолжи-

тельный снос Дворца Республики, дословно *Rückbau* или «возврат здания в прошлое», начался в 2006 году и только недавно был завершен.

В 2002 году Европейская комиссия основала проект *urban catalyst,* который исследовал стратегии временного использования публичных пространств в Европе. В рамках этого проекта была организована выставка возможных для временного использования 678 тысяч квадратных метров пустого здания. Следуя успеху этой выставки, власти проспонсировали *urban catalyst* и другие учреждения искусства Берлина, которые вскоре соединились под названием Volkspalast (Дворец Народа).

Тогда было дано разрешение на временное использование пустого пространства в культурных целях. Мероприятия, проводившиеся в 2004 и 2005 годах, включали в себя выставки современного искусства, интерактивные инсталляции, концерты и оперу, танцевальные перформансы и клубы. В этот период здание посетило более полумиллиона человек и такое же количество участвовало в дебатах. Одним из последних мероприятий, кроме того, стала международная конференция по современному урбанизму, которая была предназначена для обсуждения сложностей современной архитектуры и городского планирования. При этом нацелена она была в большей степени на связь между публичным пространством и гражданскими правами.

Мероприятия трансформировали дворец, теперь наполненный функциональностью и будущим, в новую арт-платформу для Берлина и объект коммуникации и обсуждения. Временное использование было направлено на трансформацию. Трансформацию, которая могла бы быть интерпретирована словами А. Лефевра как трансформация «репрезентации пространства» (пространства проектировщиков и ученых) в «репрезентативное пространство» (пространство жителей и пользователей) для того, чтобы оно смогло соответствовать возрождению публичных дебатов [6]. Несомненно, как подтверждают последние исследования в области публичных пространств и публичного диалога, наибольшее значение для стимуляции активной общественной сферы имеет общественное чувство владения пространством, будь то пространства политические, гражданские или коммерческие [4].

В этом случае *Volkspalast* попытался побудить общество заново защитить свое право на это урбанистическое место и переосмыслить уже принятый снос Дворца с помощью введения физического контакта с результатами процесса городского планирования и публичными требованиями. Пустое здания буквально стало местом-посредником: вре-

менным пространством, соединяющим прошлое и будущее, зависшим между бездеятельными полюсами дебатов.

Иллюстрацией дискуссионного ядра может служить один из примеров временного использования пространства – инсталляция 2005-го года, выполненная Ларсом Рамбергом, состоящая из трехъярусных высоких скульптурных неоновых букв, светящихся ночью, инсталляция выстраивала слово *Zweifel* (сомнение) на крыше Дворца. Это произведение запомнилось всем жителям Берлина как репрезентация всего процесса. Как объяснял сам автор, она замещала «совокупность политик, представляя новые дебаты». Архитектурный паразит по определению, инсталляция может быть прочитана как комментарий к двум констелляциям, а именно взаимосвязи частных интересов и публичной легитимации, с одной стороны, и устройству политики и политического, с другой. Во-первых, инсталляция взяла на себя паразитирующую позицию по отношению к языку рекламы, использованному в маркетинговых кампаниях. Имитируя логотип, она сознательно вызвала сомнения в потенциальном коммерческом использовании и значении места. Во-вторых, выбранное слово также указывает на условия и рассуждения, важные для демократического принятия решения как такового и обязательную необходимость колебаний при принятии таких решений.

Сейчас на месте бывшего Дворца Республики пустырь, рядом стоит мини-модель, каркас бывшего Прусского Дворца, в котором проводится выставка истории прусского здания с обзорной площадкой.

Таким образом, мы видим, что публичные пространства становятся материалом, вокруг которого размножаются режимы коллективных и индивидуальных собственностей и где генерируется культурная память. В обществе, в котором происходят масштабные и быстрые изменения, возрастает потребность в общественном просвещении такого рода. Одной из самых эффективных в этом случае практик становится такая художественная практика, как критика урбанизма. Артпроекты в пространстве бывшего Дворца Республики повлияли и продолжают влиять не только на решения о городском планировании Берлина, но также заставили граждан задуматься о таких понятиях, как частная собственность, гражданство, легитимация, идентичность и память.

Литература

1. Fraser, N. "Rethinking the public sphere": a contribution to the *critique of actually existing democracy*.
2. Habermas, J. Further reflections on the public sphere.

3. Habermas, J. 1989. *The structural transformation of the public sphere*. Cambridge, Polity Press.
4. Jones, S. 2006. *Talk us into it. Putting conversation at the heart of the public realm*. London, Demos.
5. Ladd. 1997. *The ghosts of Berlin: confronting German history in the urban landscape.* Chicago, IL, University of Chicago Press.
6. Lefebvre, H. 1991. *The production of space*. Oxford, Blackwell.
7. Crang, M., Thrift, N. 2000. *Thinking space.* London, Routledge.
8. Till, K. 2005. *The new Berlin. Memory, politics, place Minneapolis*, MN, University of Minnesota Press.
9. Wever, K. 2001. *Ein Palast und seine Republik. Ort, Architektur*, *Programm.* Berlin, Bauwesen Verlag.

Алексей Седура
(ЕГУ, Вильнюс)

РОЛЬ ВООБРАЖАЕМОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ «РЕСПУБЛИКА УЖУПИС» В ПРОЦЕССЕ ДЖЕНТРИФИКАЦИИ РАЙОНА УЖУПИС В ВИЛЬНЮСЕ

The paper describes the process of gentrification and its peculiarities in Užupis, the centre of Vilnius. This district is known for its creative atmosphere and "Rebublic of Užupis", an informal territorial unit, which was invented by new inhabitants in the 1990s. The author also explains the meaning of the term "gentrification" and reveals the essence of this process in conformity with Nil Smith, Ruth Glass, etc. In conclusion, the author confirms that the process of gentrification in Užupis has not been finalized until now, and the main reasons for this are the presence of artists and the "Republic of Užupis".

Район Ужупис находится в центре Вильнюса и принадлежит частично Старому городу. По-литовски Užupis, по-русски Заречье, а по-белорусски Зарэчча. Три названия характерны для этого места, ведь после Второй мировой войны в этом районе обосновались в основном белорусы, с которыми соседствовали поляки и русские. Район Ужупис отделен от центральной части города рекой Вильнялей (*Vilnelė*), которая, сильно изгибаясь, задает району форму полуострова. Река, холмы и промышленная зона с разных сторон отделяют и превращают это место в своеобразный остров, они четко отграничивают его от общего городского пространства.

Эту древнейшую часть города в разное время населяли различные слои общества: ремесленники, духовенство, военные, а в последние полвека люди с низким достатком, работающие на промышленных предприятиях. Это место было всегда изолировано от общего городского про-

странства и, видимо, это сказывалось на его жителях. Люди, заселившие его в последние полвека, впитавшие дух прошедших поколений, враждебно относились к посторонним и создали атмосферу закрытого пространства. Однако между собой эти люди жили более или менее дружно. В данном районе, наполовину состоящем из домов с закрытыми с трех, четырех сторон дворами, зародился определенный образ и ритм жизни, в котором все находившиеся в этом пространстве жители воспринимали друг друга как неотъемлемый атрибут сосуществования. Эти люди не просто соседствовали, они фактически жили коммуной.

В середине 1970-х годов власти выделили для художников в Ужуписе помещения под художественные мастерские и построили новое жилье. Уже тогда в этом месте начали собираться творческие люди, сюда приходили их друзья, постепенно Ужупис начали называть «районом художников».

После развала СССР и обретения Литвой независимости Ужупис становится еще более маргинальным. На улице Ужупио (Užupio) появляется надпись по-русски «Улица смерти», что со слов старожилов характеризовало это место в то время. Ужупис 90-х имеет дурную славу: тут проживает множество безработных, происходят грабежи, воровство, случаются убийства, в основном на бытовой почве, однако это место притягивает и творческих людей. Несмотря на большое количество асоциальных элементов, все-таки большинство жителей района обычные граждане. Здесь необычная атмосфера и в то же время очень дешевое, совершенно неблагоустроенное жилье: дома, квартиры топятся зимой дровами, водопровода и удобств нет. Бытовые условия не соответствуют общегородским нормам, дома обветшалые и требуют капитального ремонта, дороги разбиты, фабрики остановились, у жителей депрессия. Однако постепенно с середины 90-х район начинает заселяться новыми жителями. Это так называемая первая волна «колонизаторов» Ужуписа, люди, которые вскоре и придумают «Республику Ужупис». Главными причинами их переезда были низкие цены на недвижимость, а также местоположение, необычная визуальная атмосфера района. Также почти все отмечают особый дух этого места.

Первая волна в основном состояла из представителей творческих профессий, которые столкнулись с совершенно иной социально-культурной средой. Им первыми и пришлось налаживать контакт с местными. Постепенно в Ужупис переехало несколько сот человек, преимущественно художников, хотя были скульпторы, поэты, музыканты. Несмотря на их большое количество, аборигенов было значительно больше и особым миролюбием они не отличались, поэтому новоприбывшие

вынуждены были мириться с уже существующими в этом квартале правилами совместного проживания. В итоге новые жители создают некую пространственную модель взаимоотношений, которая в 1997-м году превратилась в воображаемую территориальную единицу «Республику Ужупис». Одной из главных причин возникновения «республики» можно назвать ситуацию, сложившуюся в районе. Подобное объединение стало ответом в культурном противостоянии. Внутреннее желание нескольких сот креативных человек объединиться с целью выживания материализовалось в виде воображаемой автономии. «Статус государственности» этому провозглашению придали некоторые вещественные атрибуты: конституция, флаг, гимн, свой календарь с «государственными» праздниками, президент, кабинет министров и т.д. В отличие от закрытости Ужуписа новая идея базировалась на взаимности, открытости, доверии, а главное, творчестве. Постепенно в ходе многочисленных творческих акций и проектов художникам удалось установить контакт с местным населением и, главное, обезопасить и оздоровить пространство вокруг себя. Многие совместные творческие проекты были направлены непосредственно на благоустройство района, при этом «республиканцы» всячески задействовали простых людей. В итоге неприязнь со стороны последних сменилась заинтересованностью и постепенно были налажены добрососедские взаимоотношения.

В шутливой «Конституции Республики Ужупис» прописаны тезисы, которым эти люди негласно договорились следовать, сосуществуя бок о бок. Эти короткие простые предложения выявляют их общие желания, нацеленные на организацию совместного дружественного пространства. За это авторов называют утопистами, но в ответ сами ужупийцы говорят, что живут по этим правилам уже больше десяти лет.

Довольно быстро Ужупис стал необычным, привлекательным местом. Будучи изначально районом трущоб, буквально за пару лет он превратился в богемное место. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, постоянные акции художников, концерты, представления способствовали популяризации района, а, во-вторых, пиаром этого места занялся сам мэр Вильнюса, ведь в 2000 году им стал житель Ужуписа, молодой активный политик Артурас Зуокас и тогда же к Ужупису проявилось усиленное внимание СМИ. Об этом районе стали много писать, снимать, всячески привлекая к нему внимание. Ужупис стал выгодным местом для капиталовложений, ведь недвижимость, изначально продаваемая за «копейки», вдруг стала резко дорожать. Буквально за 3-4 года стоимость жилья в Ужуписе выросла приблизительно в десять раз.

Постоянное упоминание Ужуписа в СМИ повысило интерес общественности – Ужупис был назван богемным и, несмотря на плохие жилищные условия, сюда в 2001 году устремилась вторая волна поселенцев, которую можно условно разделить на две составляющие. Одна из них являлась в каком-то смысле продолжением первой волны: это люди творческих профессий, креативные обеспеченные молодые семьи, которые поддерживали идеи Республики Ужупис. Причиной переезда сюда они называли уникальную атмосферу района.

Вторая составляющая – это те люди, кто приехал сюда из-за статуса этого места. Это также обеспеченные люди, которым мало интересна атмосфера этого района. Для них прежде всего важен престиж. Такие люди в основном покупали квартиры в кондоминиумах, отдельно стоящих коттеджах или в старых многоквартирных домах, впоследствии ремонтируя и перестраивая такое жилье.

В связи с популяризацией места и активным его заселением в районе появились девелоперы и построили несколько кондоминиумов и коттеджей. Была скуплена вся доступная земля. Все это также явилось причиной искусственного повышения стоимости жилья. Новые жильцы, выкупая квартиры в старых домах, делали капитальный ремонт, реставрируя тем самым жилой фонд Ужуписа, который частично был взят под охрану ЮНЕСКО как часть Старого города. Также в начале 2000-х г. в Ужуписе наконец-то проводят канализацию, центральное отопление, ремонтируют дороги. Район меняется как снаружи, так и изнутри. Первоначально проживавшие здесь люди продают по высоким ценам свое обветшалое жилье и покупают нормальные квартиры в других частях города. На их место приезжают новые жильцы с совершенно другими намерениями и жизненными целями.

Все события, происходящие в Ужуписе, стали частью джентрификации. Этот термин можно перевести как «реконструкция», «восстановление» или «облагораживание района», но во французском языке есть старое слово genterise, а в английском gentelise, что означает «благородные люди». Эти слова имеют общие корни со словом «джентльмен» и «джентрификация» и, вероятно, отражают истинную суть этого явления; к тому же английским словом gentry именуется мелкое дворянство.

Джентрификация появилась на Западе в 1960-е годы в некоторых районах Нью-Йорка, Лондона, Парижа и Торонто. Под этим термином понимается широкий круг явлений, происходящих в городском пространстве, главным образом трансформирующих его. Термин «джентрификация» введен в 1964 году британским социологом Рут Гласс для того,

чтобы обозначить процесс заселения некоторых районов города или окрестностей жителями среднего класса при параллельном вытеснении рабочих и соседей с низким достатком. Данный процесс тесно взаимосвязан с повышением арендной платы и стоимости жилья.

Сейчас процесс джентрификации происходит в крупных городах по всему миру. В наше время, как считает теоретик джентрификации Нил Смит, неолиберальное государство становится агентом капитала, а не его регулятором, как это было раньше, и постепенно переходит к политике воспроизводства капитала, в итоге превращая город из места социального воспроизводства в место, куда инвестируется капитал. Нил Смит утверждает, что джентрификацию следует рассматривать и понимать как широкое явление, мощную тенденцию переделывания городского ландшафта, куда относится и возведение новых зданий в центре города, и коттеджных поселков за городской чертой. В свою очередь, Рут Гласс ограничивает джентрификацию процессом переделывания отдельных городских районов в связи с выселением его прошлых жителей и заселением новых. При этом оба автора подчеркивают, что процесс джентрификации включает в себя сложные экономические и социальные взаимоотношения. В итоге джентрификацию кратко можно охарактеризовать как производство городского пространства для состоятельных жильцов, и данный процесс будет всегда указывать на классовое неравенство и элементы социальной несправедливости – ведь в нем всегда будут принимать участие несколько сторон и не всегда решения, принимаемые одной из сторон, будут удовлетворять интересы другой.

Ужупис, находящийся в удобном месте, возле речки, на холмах, в непосредственной близости от центра Вильнюса, а также частично входящий в границы Старого города, имеющий старинную застройку и обладающий своей уникальной историей, в начале 90-х годов прошлого века стал районом, где начался процесс джентрификации. Этот процесс начался по классическому сценарию, с участием творческого подкласса граждан, когда новые жители исполняют роль трэнд-сеттеров, агентов капитала. Такими агентами в Ужуписе стали художники, которые «оздоровили» ситуацию в районе, привлекли внимание общественности и спровоцировали массовый переезд. В итоге, согласно классическому сценарию джентрификации, Ужупис уже должен был бы полностью поменять свое население, быть застроенным дорогим элитным жильем, но этого не произошло. Сейчас население района представляет собой странную смесь: треть коренных жителей, треть художников вместе с

креативными семьями и треть новых модных жителей. Джентрификация приостановилась, и уже стало понятно, что в ближайшее время она не завершится. Многие местные жители не собираются продавать свое жилье и переезжать. В свою очередь художники, завершив свою миссию, по сценарию, как это происходило в других городах, должны были уже съехать отсюда. И, несмотря на то, что многие уезжают, на их место переезжают новые. Также «республика» получает подпитку за счет прибывающих сюда молодых креативных семей. Стало очевидно, что Республика Ужупис сыграла определенную связующую роль, она не только удерживает людей, но и привлекает новых.

Однако помимо сторонников Республики Ужупис, которые поддерживают в разумных пределах тамошний образ жизни, там уже проживает достаточное количество тех, кому не очень-то нравятся правила дворовой коммуны. Имеет место упорная внутренняя борьба, и кто победит в этом противостоянии – предсказать сложно. Дворовые коммуны Ужуписа уже разрушены, но до конца еще не уничтожены и, главное, они оказывают влияние на образ жизни тех, кто там живет. Этому также способствуют участники Республики Ужупис: будучи первыми приезжими, они были вынуждены жить по тем законам, и частично впитали в себя тот образ жизни, который здесь тогда был.

Из Ужуписа уезжают не только аборигены, но и представители первой и второй волны. Первые потому, что Ужупис для них стал другим, они не согласились с переменами, а вторые потому, что не оправдались их ожидания; как правило, это люди шоу-бизнеса. Для них Ужупис оказался скучным, неподходящим местом. Ведь образ жизни в этом месте за последние десятилетия практически не изменился. Это тихий и спокойный район, здесь нет клубов и баров, только пара кафе и один магазин. Ужупис свои же называют «деревней» или «спальней Старого города» и упорно берегут тишину, не разрешая открывать здесь увеселительные заведения.

Выходит, что воображаемая территориальная единица «Республика Ужупис» исполнила важную социальную роль: фактически поменяла настроение района, решила массу проблем, усилила процесс джентрификации и косвенно частично сохранила образ жизни аборигенов. И продолжает жить в своем ритме, оказывая существенное воздействие на данную территорию. Неизвестно, что будет дальше, но, возможно, Республика Ужупис будет развиваться и получит некоторое признание со стороны официальных властей, если район получит возможность организовать самоуправление.

Если смотреть на джентрификацию как на процесс, подготавливающий территорию района для заселения его новыми состоятельными жителями, тогда Ужупис еще не готов к этому, ведь часть жилого фонда требует серьезного капитального ремонта: сносить старые здания запрещает закон об охране памятников старины, а новых домов не строится. Если рассматривать джентрификацию как процесс замены коренного населения района новыми состоятельными горожанами, то и этого в Ужуписе до сих пор не случилось и в ближайшее время не произойдет: почти треть населения Ужуписа – местные. Многие из них не собираются уезжать, нет никакого механизма, который бы воздействовал на них, кроме экономической выгоды, но для старых жителей это неочевидно. Выходит, что процесс джентрификации так и не завершился в Ужуписе, он приостановлен и есть вероятность, что не будет завершен в ближайшее время.

Республика Ужупис, запустившая процесс джентрификации, в данное время служит идейной составляющей этого процесса – ведь в последнее время переезд в Ужупис новых жителей в значительной степени обусловлен желанием стать частью «республики». И джентрификация, возможно, в скором времени станет процессом, происходящим исключительно в рамках открывающегося второго дыхания Республики Ужупис, но это уже гипотетическое высказывание…

Литература

1. Джери, Д., Джери, Дж. 2001. *Большой толковый социологический словарь*. М.: ВЕЧЕ.
2. Трубина, Е.Г. 2008. *Современная Урбанистика*. *Учеб. пособие.* Екатеринбург: Издательство Уральского униворитета.
3. Флорида, Р. 2005. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. Классика-XXI.
4. Glass, R. 1964. *London: aspects of change*. London: MacGibbon & Kee.
5. Kasperavičiené, A. Ir Surwiłło, J. 1997. *Przechadzki po Wilnie. Zarzecze. Cmentarz Bernardyński.* Wilno: Effekt.
6. Ley, D. 1994. *Gentrification and the politics of the new middle class*. Environment and Planning D: Society and Space.
7. Lietuviškoji tarybinė enciklopedija. Užupis. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. 1983. T. XI: Šternbergo-Vaisius.
8. Smith, N. 1990. *Uneven Development: Nature, Capital and the Production of Space*. Oxford: Basil Blackwell.
9. Smith, N. 1987. "Gentrification and the rent-gap". In Annals of the *Association of American Geographers* 77 (3): 462–465.

10. The Oxford Dictionary of Etymology. C.T.Onions, G.W.S. Friedrichsen, R.W. Burchfield. 1966. eds. P. 394.
11. Venclova, T. 2011. *Vilnius. Asmeninė istorija*. Vilnius: R. Paknio leidykla.
12. Добрянский, Ф. "Старая и новая Вильна". Русские творческие ресурсы Балтии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.russianresources.lt/archive/Vilnius/Dobrianski_3.html*
13. Киркор, А. "Историко-статистические очерки города Вильно". Русские творческие ресурсы Балтии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.russianresources.lt/archive/Vilnius/Kirkor_5.html*
14. Lee, C. "Loft Living". In The Village Voice. [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://www.villagevoice.com/2002-11-12/news/loft-living*
15. Zuokas bows to public pressure. In The Baltic Times. [Электронный ресурс]. Режим *доступа: http://www.baltictimes.com/news/articles/21771/*

Анна Позняк
(ЕГУ, Вильнюс)

КУЛЬТУРНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК МАРГИНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ БЕЛАРУСИ

The main purpose of this research project was to determine why cultural entrepreneurship is a marginal practice of Belarusian cultural economy. The research consisted of 2 major parts. The first one is theorization of the global cultural situation, which becomes the basis for a more concrete analysis of Belarusian cultural industry. The empirical part builds on the research based on interviews with 12 cultural entrepreneurs, working in music promotion, Internet-media and contemporary art. A closer look at their activities and struggles helps to understand the current situation of Belarusian cultural industry and the reasons that hamper the development of private initiatives in the cultural sector.

Развитие культурного предпринимательства тесно связано с возникновением новых характеристик культурных индустрий. Прежде всего это переход от индустриальной к постиндустриальной экономике, развитие сферы услуг и производства нематериальных благ, а также возникновение так называемого креативного класса. Такие теоретики, как Ричард Флорида [5], Дэвид Стоукс, Николас Уилсон [9] и другие, в своих работах уделяют внимание культурному предпринимательству как новой модели организации деятельности в сфере культуры. Эта модель культурного производства характеризуется концентрацией предприятий малого и среднего бизнеса или индивидуального предпринимательства, размыванием демаркационной линии между производством и потреблением, формированием глобального сообщества, в котором потребителей и производителей связывают общие социальные, политические и экономические проблемы.

Несмотря на то, что феномен культурного предпринимательства был описан многими западными теоретиками, специфика предприни-

мательской деятельности в сфере культуры на постсоветском пространстве практически не изучена. В стороне остаются вопросы развития новых сфер занятости, распространения и развития предпринимательской деятельности, а также то, в каких отношениях она находится с официальными структурами, какую позицию занимает в локальном поле культурного производства. Этот вопрос видится принципиально важным, потому как анализ локальных конфигураций способов культурного производства позволяет увидеть, как развивается культурная индустрия определенной страны. Кроме этого, выявление специфики локальных культурных индустрий может позволить обнаружить альтернативные модели производства, распространения и потребления, которые возникают в зависимости от различных факторов.

Отличие белорусской культурной ситуации от постсоветского контекста можно провести по нескольким пунктам. Прежде всего государство занимает прочную позицию в сфере культуры. Так как государственные институты регулируют производство массовой культуры, частные инициативы в сфере культуры сталкиваются с законодательными трудностями при реализации. Это создает специфический локальный феномен, который рассмотрен и проанализирован в данной работе. **Цель** данного исследования – выявить, почему культурное предпринимательство является маргинальной практикой в Беларуси, что именно делает культурное предпринимательство маргинальной практикой.

Культурные предприниматели являются одними из представителей креативного класса. Их можно определять как «владельцев/менеджеров предприятий малого и среднего бизнеса в культурной индустрии» [9, 37]. Эта модель культурного производства возникла благодаря таким технологическим инновациям, как доступность персональных компьютеров, приемлемые цены на необходимое программное обеспечение, появление интернета. Немаловажную роль сыграли также процессы деиндустриализации, коснувшиеся крупных европейских городов, и переход от фордистской к постфордистской модели производства. Характеристиками модели работы культурных предпринимателей являются [8, 24–25]:

- Размывание демаркационной линии между потреблением и производством;
- Стирание различий между работой и свободным временем;
- Комбинирование индивидуалистских ценностей с работой в команде;
- Принадлежность к широкому креативному сообществу.

Чтобы понять особенности белорусского поля культурного производства, можно обратиться к статье Альмиры Усмановой «Беларусь LIVE: образ жизни как жизнь образов». В ней автор описывает такую характерную особенность белорусского общества, как «острый политический раскол, разделяющий официальные политические элиты, с одной стороны, и разноликую культурную и политическую оппозицию, с другой» [4, 12]. На уровне культуры данный раскол проявляется в конфликте между двумя группами. Государственные производители культурных продуктов воспроизводят своей деятельностью существующие властные отношения, укрепляют положение той части белорусской культуры, которая работает по механизму культуры массовой, а также активно поддерживается государством. Данная группа представлена крупными культурными институтами, концертными агентствами, а также медиа. Группу негосударственных производителей можно обозначить как культурных предпринимателей.

Если говорить о функциях двух вышеописанных групп, можно применять концепты стратегии и траектории, используемые Бурдьё в его теории полей. Стратегия понимается им как продукт габитуса, который основывается не на сознательных расчетах, а скорее на бессознательных диспозициях по отношению к практике. Стратегия зависит и от позиции агента в поле, и от «легитимной проблематики» – проблем или вопросов, вокруг которых осуществляются конфронтации. Под траекторией понимается путь, по которому происходят отношения между агентом и полем [6, 17]. Стратегии государства в производстве культуры носят масштабный характер, направлены на воспроизводство и поддержание жизнеспособности существующей идеологической линии, а также статуса «официальной» культуры как доминирующего дискурса. Стратегии культурных предпринимателей ограничены их «неформальным» статусом, а также положением маргинального дискурса и практики. Следовательно, траектория развития государственной культуры структурно защищена, так как поддерживается правящей элитой и правительственными институтами, в то время как развитие культурного предпринимательства нестабильно по ряду причин. Прежде всего это отсутствие законодательной базы, которая обеспечивала бы данную деятельность необходимыми правовыми инструментами. К ним можно отнести отсутствие Закона «О спонсорстве и меценатстве», юридического определения понятий «галерея» и «произведение искусства». Это существенно ограничивает возможности культурных предпринимателей, уменьшает набор возможностей для генерирования дохода и принуждает искать

альтернативные источники заработка (для большинства информантов культурное предпринимательство выступает как второстепенная в прибыльном плане активность, они работают на постоянной работе, а в свободное время занимаются своими проектами). С другой стороны, не все культурные предприниматели желают придавать «официальный» статус своей деятельности, так как боятся ограничений и контроля со стороны государства. Исходя из этого, любой культурный феномен, который имеет место в Беларуси, представляет собой следствие структурной причинности. Его принадлежность к определенному способу производства культурных продуктов определяет дальнейшую траекторию его развития.

Деятельность культурных предпринимателей, сопряженная с рядом сложностей, описанных выше, «артикулирует политический конфликт, основанный на культурном различии, т.е. на несопоставимости с доминирующей культурой» [1, 96]. Возможности культурных агентов, поддерживаемых государственными институтами, гораздо шире возможностей «альтернативного» сектора белорусской культуры. В музыкальной индустрии это выражается невозможностью организации концертов на крупных площадках, так как мероприятия не соберут необходимой аудитории и не принесут прибыли. Для интернет-СМИ регистрация в Государственном комитете печати означает определенный контроль над контентом и необходимость «монетизации» проекта, которая, по словам информантов, не всегда возможна на локальном рынке. Что касается галерейного дела, то деятельность вне Союза художников также означает ограниченность в финансах, поэтому крупные частные проекты реализуются благодаря грантовым поддержкам со стороны различных посольств и международных организаций. Как утверждают информанты, в Беларуси невозможно даже проведение аукциона, так как в законодательстве отсутствуют принципы взаимодействия художника с покупателем предмета искусства. Тот факт, что в Беларуси затруднительно проводить денежные переводы через интернет, исключает возможность получения денег от продажи предметов искусства или музыки за рубежом. По этой причине, как говорят отдельные информанты, получение прибыли от их деятельности происходит в обход официальных источников, нелегально. Ограниченность локальных возможностей для деятельности способствует обращению активности белорусских культурных предпринимателей в более широкий культурный контекст. Это, с одной стороны, создает «гипотетические возможности белорусов вне Беларуси выстроить новую терминологию для мышления о своей стране в евро-

пейском контексте, лишь тогда они смогут разглядеть, каким образом многочисленные диспозиции неравномерного развития, с которыми они сталкиваются, являются ключевым элементом в поиске собственной символической позиции» [1, 110].

Основная часть данного исследования включала проведение интервью с рядом культурных предпринимателей, которые живут и работают в Минске. Срез культурного предпринимательства, который был выбран для анализа, разделен на три блока: галерейное дело (белорусское современное искусство), музыкальное промоутерство, а также интернет-СМИ (3 проекта, которые посвящены современной белорусской культуре). Всего было проведено 12 интервью. То, как долго информанты занимаются культурным предпринимательством, зависит от сферы их деятельности. В среднем они отдают собственным проектам от двух до восьми лет. Большинство информантов начинали свою деятельность в промежутке от 2004 до 2007 года, но были и такие, которые начали работать в 2002 или же в 2009 году. Количество продолжительно работающих культурных предпринимателей достаточно сложно определить, так как информанты в вопросах о конкуренции и взаимодействии отмечают, что многие инициативы появляются и исчезают из-за существующих в Беларуси трудностей для реализации частных инициатив в сфере культуры. При ответе на вопросы о конкуренции и взаимодействии информанты называли от двух до пяти человек, с которыми они активно взаимодействуют или соперничают. Эти люди, как можно понять из реплик информантов, представляют старшее поколение культурных предпринимателей, которое активно работало в Беларуси в 1990-е годы. Это касается как галерейного дела, так и музыкального промоутерства. Если говорить об интернет-СМИ, то рассматриваемый в данном исследовании сегмент видится мне новым для Беларуси форматом (интернет-журналы о «другой» белорусской культуре), поэтому если информанты и упоминают своих партнеров или конкурентов, то ссылаются на других информантов для данного исследования. Опираясь на опыт информантов, можно сделать вывод, что сейчас в Беларуси существует два поколения культурных предпринимателей. Сами информанты отделяют себя от старшего поколения – никому из опрошенных еще нет тридцати лет.

Предпосылки возникновения и формирования поколения культурных предпринимателей заслуживают внимания как предмет отдельного исследования. Тем не менее, исходя из интервью, можно утверждать, что информантов стимулировали личные мотивы и полученное образование (или же конфликт с образовательной системой Беларуси в случае одного

информанта). Так как в интервью информанты достаточно много внимания уделяют роли новых технологий в их деятельности, можно говорить о том, что последние послужили одной из предпосылок к увеличению количества культурных предпринимателей в Минске в период с 2005 по 2009 год. 3 из 12 информантов имеют образование, соотносящееся с их деятельностью, остальные отмечали, что всему учились на практике. По этой причине большинство информантов можно рассматривать как Pro-Ams (Professional Amateurs). Данный термин был введен в 2004 году Ч. Лидбитером и П. Миллером в их книге «PRO-AM – Профессиональный любитель: революция XXI века» [2]. Авторы книги относят истоки данного феномена к движению DIY (Do It Yourself). Профессиональный любитель, в отличие от любителя простого, руководствуется в своей деятельности профессиональными стандартами, освоение которых стало возможным благодаря WEB 2.0, который подразумевает вовлеченность человека в потребление и производство различных культурных продуктов. Увеличение количества любительских креативных практик привело к тому, что любительство стало «необходимым компонентом, императивом деятельности культуриндустрии» [3, 152]. Профессиональных любителей Н. Соколова в своей книге «Популярная культура WEB 2.0: К картографии современного медиаландшафта» описывает как «креативных и с большим потенциалом инновационной деятельности, им помогает их логика обывателей, поскольку они реализуют желания многих себе подобных и в своих действиях исходят из реальных условий» [3, 44]. Именно оформление «горизонтальной» креативности в культурный феномен позволяет говорить о возникновении сообщества культурных предпринимателей в белорусском культурном поле.

В ситуации структурной ограниченности культурные предприниматели вынуждены постоянно прибегать к поиску новых моделей производства и распространения. Это, в свою очередь, производит новые модели потребления культурных продуктов [7]. Необходимость подобных инноваций и их постоянное генерирование вносят разнообразие в культурную индустрию Беларуси. Попытка картографирования существующих диспозиций в локальном поле культурного производства дала возможность объяснить феномены, которые негативно оцениваются некоторыми культурными исследователями. К ним можно отнести структурную неорганизованность сообщества культурных предпринимателей. Прежде всего информанты отмечали, что трудно активно бороться за свое присутствие в поле культуры. По этой причине они вырабатывают альтернативные механизмы развития, которые позволяют им укреплять

свои позиции в глобальном сообществе культурных производителей. Теории, использованные для концептуализирования актуальной ситуации в белорусской культурной индустрии, позволяют положительно смотреть на существующие тенденции в анализируемом сегменте культурного производства, так как они свидетельствуют о растущей активности белорусских культурных предпринимателей и об их включенности в глобальный культурный контекст.

Литература

1. Коуп, Б., Любимов, С. 2008. "Музыка и артикуляция социальных расколов: Buffalo Soldiers между Беларусью и Польшей". Белорусский формат: невидимая реальность. Сб. науч. тр., отв. ред. А.Р. Усманова. Вильнюс: ЕГУ, 87–110.
2. Лидбиттер, Ч., Миллер, П. "*PRO-AM* – Профессиональный любитель: революция XXI века". [Электронный ресурс]. Режим доступа: *http://chelpro.ru/professional-in-books/pro-am*
3. Соколова, Н. 2009. *Популярная культура WEB 2.0: К Картографии Современного Медиаландшафта: монография.* Самара: Издательство «Самарский Университет».
4. Усманова, А. 2008. "Беларусь LIVE: образ жизни как жизнь образов". Белорусский формат: невидимая реальность. *Сб. науч. тр., отв. ред. А.Р. Усманова*. Вильнюс: ЕГУ, 9–28.
5. Флорида, Р. 2007. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. М.: Классика XXI.
6. Bourdieu, P. 1993. *The Field of Cultural Production*. Essays on Art and Literature. UK: Polity Press.
7. Lash, S., Lury, C. 2007. *Global Culture Industry: The Meditation of Things*. Cambridge: Polity Press.
8. Leadbeater, C., Oakley, K. 1999. "The Independents: Britain's New Cultural Entrepreneurs". UK: Demos, 24–25.
9. Stokes, D., Wilson, N. 2002. "Cultural Entrepreneurs and Creating Exchange". Journal of Research in Marketing & Entrepreneurship. Vol. 4. № 2. P. 37–52.

Научное издание

ЕВРОПА-2011:
ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ

Материалы международной научной конференции студентов
13–15 мая 2011 г.
Вильнюс

Сборник научных трудов

В авторской редакции
(ответственность за недостоверность фактов, приведенных в текстах, несут авторы)

Ответственный редактор *Г.Я. Миненков*

Художник *А.Ф. Киселева*

Корректоры *И.И. Лапуцкая*, *Е.А. Лесина*

Технический редактор *О.Э. Малевич*

Взгляды авторов могут не совпадать с мнением редакции

Издательство
«Европейский гуманитарный университет»
г. Вильнюс, Литва
www.ehu.lt
e-mail: publish@ehu.lt

Подписано в печать 04.05.2012.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага SnowBright.
Уч.-изд. л. 25,32. Усл. печ. л. 28,13.
Тираж 100 экз.

Отпечатано «Petro Ofsetas»
Savanorių pr. 174D, LT-03153
Vilnius Lithuania